

ISBN 978-5-905953-47-7

9 785905 953477

Греческие интеллектуалы и гуманистическая культура Италии
конца XIV – начала XVI века

П.А. Рязанов

Греческие интеллектуалы
и гуманистическая культура Италии
конца XIV – начала XVI века

Монография

П.А. Рязанов

Греческие интеллектуалы и
гуманистическая культура Италии
конца XIV – начала XVI века

Монография

Нижний Новгород
2023

УДК 94(450+495)

ББК 63.3(0)4

P99

Рецензенты:

доктор исторических наук *М.В. Бибиков*
доктор исторических наук *Л.В. Софронова*

Рязанов П.А.

P99 Греческие интеллектуалы и гуманистическая культура Италии конца XIV – начала XVI века. – Н.Новгород: Изд-во «Автор», 2023. – 511 с.

ISBN 978-5-905953-47-7

Предлагаемое вниманию читателей исследование посвящено феномену участия греческих ученых в интеллектуальной жизни итальянского Ренессанса с конца XIV до начала XVI в. В работе рассматривается деятельность образованных греков в качестве преподавателей, переводчиков, копиистов, редакторов и печатников, а также анализируется их влияние на гуманистическую мысль эпохи Возрождения. Книга предназначена для специалистов по культуре итальянского Возрождения, преподавателей, аспирантов, студентов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей гуманистического движения.

Pavel A. Riazanov

Greek Intellectuals and Italian Humanist Culture of the Late 14th Century – the Beginning of 16th Century

This study is devoted to the phenomenon of the participation of Greek scientists in the intellectual life of the Italian Renaissance from the end of the XIV to the beginning of the XVI century. The work examines the activities of educated Greeks as teachers, translators, copyists, editors and printers, and also analyzes their influence on the humanistic thought of the Renaissance.

The book is intended for specialists in the culture of the Italian Renaissance, university lecturers, postgraduates, students as well as a wide range of readers interested in the history of the humanist movement.

ISBN 978-5-905953-47-7

© Рязанов П.А., 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	4
Введение	5
Глава I. Греческий “исход” и его предпосылки	57
Глава II. Уроки греческой словесности	114
Глава III. Переводы и переводчики.....	197
Глава IV. Греческая книга в Италии.....	243
Глава V. Греческие ученые в интеллектуальном пространстве итальянского Возрождения	312
Вместо заключения	448
Избранная библиография	463
Summary.....	507

CONTENTS

From the Author	4
Introduction.....	5
Chapter I. The Greek “Exodus” and Its Prerequisites.....	57
Chapter II. Lessons of Greek Literature.....	114
Chapter III. Translations and Translators	197
Chapter IV Greek Book in Italy	243
Chapter V. Greek Scholars in the Intellectual Space of the Italian Renaissance	312
Conclusion	448
Bibliography	463
Summary.....	507

ОТ АВТОРА

Предлагаемая на суд читателя книга была завершена в конце 2019 г. Её заказчиком выступило одно известное столичное издательство, публикующее, среди прочего, исследования по истории Средних веков и Нового времени. По истечении нескольких лет рукопись так и не поступила в печать. Памятуя о том, что всякая книга имеет свою судьбу, автор, наконец, решился издать её самостоятельно, *suis sumptibus et laboribus*. В силу обстоятельств ему пришлось отказаться от части иллюстративного материала, подготовленного для несостоявшегося издания монографии, и выпустить её как есть, в авторской редакции и с минимумом необходимых исправлений. Автор выражает искреннюю благодарность всем тем, кто своим советом, участием и поддержкой сделал возможным появление этой книги на свет, но прежде всего Михаилу Вадимовичу Бибикову, Ирине Серафимовне Ипатовой, Лидии Владимировне Софроновой и, конечно же, своей семье.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важных составляющих итальянского ренессансного гуманизма как универсального интеллектуального движения стало восприятие греческого культурного наследия, большая часть которого на протяжении долгих столетий Средневековья оставалась неизвестной латинскому Западу. В широком смысле пробуждение интереса к этой древней культурной традиции было вызвано особым отношением гуманистов к античной литературе, в первую очередь – к древнеримской. Обращаясь к трудам латинских классиков и признавая их в качестве примеров для совершенствования собственного стиля и духовно-интеллектуального развития, они не могли не обратить внимание на то, что многие римские авторы охотно черпали из греческого источника и сочетали латинскую образованность с греческой. В сочинениях Цицерона можно было обнаружить, что Греция превосходила латинян учением и всяким видом словесности, что именно оттуда в Рим устремился полноводный поток наук и искусств и что благодаря «просвещеннейшему греческому народу» римляне обрели философию и все благородные дисциплины¹. Пытливый ум гуманиста не желал замыкаться в рамках латинской литературной традиции, так как ему, перефразируя слова Эразма, «следовало спешить к самим источникам: греческим и древним»². Постепенно в гуманистической среде стала утверждаться мысль о необходимости соединения греческой словесности с латинской, чтобы, по выражению Филиппа Меланхтона, читающий философов, теологов, историков, ораторов и поэтов «постигал саму вещь, а не тень вещей в отличие от Иксиона, который, желая овладеть Юноной, устремился к облаку»³.

Не менее существенным для понимания процесса греко-византийского культурного влияния на итальянский гуманизм является то, что греческий мир XV в. переживал один из самых драматических периодов в своей истории – от поиска путей спасения государственности до полной утраты независимости под властью иноверцев. Внутренние и внешние потрясения самым серьезным образом сказывались на интеллектуальной жизни греко-византийского Востока. Поиск лучших условий для применения знаний и опасения за собственную безопасность подталкивали многих образованных людей к разрыву с родиной и отъезду на католический Запад или, по крайней мере, на более близкие в этническом и духовном плане территории латинской Романии. Хотя турецкие завоевания стали причиной перемещения значительных масс людей самых разных национальностей, именно в истории греческого «исхода» очень ярко проявилась его культурно-интеллектуальная составляющая: с одной стороны, отток образованных людей из Греции оказывал пагубное влияние на византийское образование, с другой, благодаря ему были созданы благоприятные условия для передачи достижений греческого «гения» западным гуманистам в самое подходящее для этого время.

В историографии оказавшиеся на чужбине ученые греки часто именуется «изгнанниками» или «беженцами». Истоки этой традиции, несомненно, восходят к самим гуманистам. О бегстве в Италию греческих интеллектуалов, «изгнанных из своего отечества османским оружием», писал историк и биограф Паоло Джовио⁴. Флорентийский гуманист Донато Аччайуоли сообщал, что византиец Иоанн Аргиропул, «покинув свое прославленное отечество, оставив детей в руках варваров и лишившись всего имущества, решил бежать к понтифику, ко-

торый, как он надеется, будет единственной защитой его постоянно во всех утратах»⁵. Позднее в ходе беседы с немецким гуманистом Иоганном Рейхлином, известным своими познаниями в греческом языке, Аргиропул со скорбью воскликнул: «С нашим изгнанием Греция перелетела через Альпы» (*Graecia nostro exilio transvolavit Alpes*)⁶. Афинянин Димитрий Халкокондил, уехавший на Апеннины ещё до падения Константинополя и проведший там большую часть жизни, жаловался своему патрону епископу Александрии, что он, нищий чужестранец, был «изгнан с родины свирепыми турками»⁷. Константин Ласкарис, родившийся в византийской столице и ставший очевидцем её падения, по собственному признанию, побывал в турецком плену, прежде чем перебраться в Италию⁸.

Тем не менее, трагический образ несчастных ученых-изгнанников, спасающихся бегством от ярости завоевателей, применим далеко не ко всем греческим эмигрантам. Часть из них приезжала с территорий, которые находились вне османских владений и были сравнительно безопасны. Особое место в этом отношении занимал остров Крит, венецианская колония, тесно связанная с метрополией. Отсюда в Италию прибыли такие известные фигуры, как Георгий Трапезундский, Марк Музурос и Захарий Каллиерги. Среди причин, побуждавших греков к переезду на Запад, помимо общей нестабильности, вызванной турецким нашествием, были и вполне прагматические соображения, связанные с улучшением материального положения, продолжением обучения и, конечно, личными амбициями. При этом спрос на «интеллектуальные услуги» греческих ученых был довольно ограниченным и, чтобы получить выгодное предложение или заказ, следовало заручиться приглашением или ходатайством влиятельных персон, которые и определяли будущее многих эмигрантов.

Интерес к истории греческих штудий появился уже в эпоху кватроченто. Константин Ласкарис (1433/4-1501) посветил этому вопросу часть предисловия своей популярной грамматики, где выделил важные вехи в развитии греческих занятий в Италии и подчеркнул особую роль педагогической деятельности своих соотечественников: «Мануил Хрисолор, человек усердный, когда, покинув родину, прибыл в Италию и первым начал преподавать итальянцам наши науки, то составил изложение грамматики более умеренного объема, с помощью которого обучил во Флоренции немало итальянцев – Леонардо и Карло Аретино, благочестивого Амброджо [Траверсари], Гварино, Филельфо и многих других⁹, которые извлекли такую пользу из эллинской словесности, что не только изучили и преподавали её, но также и многое из нашего перевели на язык римлян. Прошло около восьмидесяти лет с тех пор, как итальянцы, вкусив эллинской словесности, не перестают заниматься греческим больше и усерднее, чем латинским. Ибо после изучения греческой словесности они, исправив полезные книги, восстановили свой язык, потерянный некогда по нерадению. Удивительная Флоренция, словно метрополия, засияла с того времени, как там заседал Собор¹⁰, основав греческие библиотеки и наняв мудрых греческих переписчиков. В подражание ей множество итальянских городов обратилось к греческому языку, когда многие греческие ученые бежали туда вследствие несчастий и там преподавали: Иоанн Аргиропул, мой наставник, – сперва в Падуе, затем, после завоевания отечества, во Флоренции при светлейшем Козимо Медичи, Пьеро и Лоренцо¹¹; превосходный Феодор Газа – во многих городах Италии, в том числе в Риме при мудром кардинале Виссарионе, где составил замечательную грамматику,

разделенную на четыре книги; Франкулий [Сервопул] – в Венеции; Андроник Каллист – во многих местах, а также в Болонье; Димитрий Кастренос – в Ферраре; Халкокондил – в Падуе и Флоренции; и другие, здесь проживающие, – в иных городах. В то время, когда греческую словесность преподавали не только греки, но и итальянцы, она достигла такого расцвета, что было стыдно не знать наши науки, и в итоге их словесность в Италии достигла большего, чем в Греции из-за продолжающихся несчастий её народа. И если бы не мешали тому зависть малознающих и скупость могущественных, всё в нашу эпоху наполнилось бы греческой словесностью, словно во времена тех удивительных древних римлян»¹².

В воспоминаниях гуманистов первым шагом на пути к регулярному преподаванию на Западе греческого языка и литературы было прибытие во Флоренцию византийского ученого и дипломата Мануила Хрисолора в 1397 г. По словам его ученика Леонардо Бруни, флорентийские уроки под руководством прославленного наставника привели к возрождению греческой словесности после семивекового забвения, о чем он написал в «Записках о делах нынешнего времени» (ок. 1440 г.)¹³.

В «Исторических рапсодиях» Маркантонио Сабеллико (1436-1506) Хрисолор представлен как ученый, возвративший итальянцам греческую литературу, которую вследствие суровости времен обходили молчанием в течение пяти веков. Благодаря трудам византийца его ученики достигли первенства в области словесности (*literarum principes*) и прославились как греческим, так и латинским красноречием, «словно вышли на свет из Троянского коня» («*tanquam ex Trojano equo in lucem prodivere*»). «В результате их талантливое соперничества, - пишет Сабеллико, - культ римского языка был восста-

новлен в последующее время чуть ли не в античном состоянии»¹⁴. По всей видимости, Сабеллико использовал книгу Бартоломео Сакки по прозвищу Платина (1421-1481) «О жизни Христа и всех понтификов», в которой говорилось о «безмолвии» греческой словесности в течение пятисот лет; о последующем возрождении греческого и латинского языков под руководством Хрисолора; о выходе его учеников из Троянского коня и положительных последствиях их соперничества¹⁵. Упоминает Сабеллико и об ученом споре Виссариона Никейского с Георгием Трапезундским, в котором последний занял негативную позицию по отношению к платоновской философии, а также об активной переводческой деятельности гуманистов в Италии¹⁶. Монах Джакомо Филиппо деи Форести да Бергамо (1434-1520) в труде «*Supplementum chronicae*» повторяет за Бруни и Сабеллико, что Хрисолор начал преподавать *litteras grecas*, которые «молчали у наших уже семьсот лет, и с этого времени греческая и латинская словесности, как будто ставшие полумертвыми, начали снова оживать»¹⁷. В схожих выражениях историческая роль Хрисолора описана Маттео Пальмиери (1406-1475) в его продолжении хроники Евсевия¹⁸.

Сведения о жизни и деяниях некоторых известных греческих эмигрантов были собраны итальянскими историописателями Бартоломео Фацио (ранее 1410-1457), Веспасиано да Бистиччи (1421-1498), Паоло Кортезе (1465-1510) и Паоло Джовио (1483-1552). Фацио, автор сочинения «О знаменитых людях», повествует о нескольких ученых греках, трудившихся в Италии в его время, причем раздел об ораторах начинается с заметки о Хрисолоре, его старшем современнике¹⁹. В объемном сочинении Бистиччи «Жизнеописания прославленных

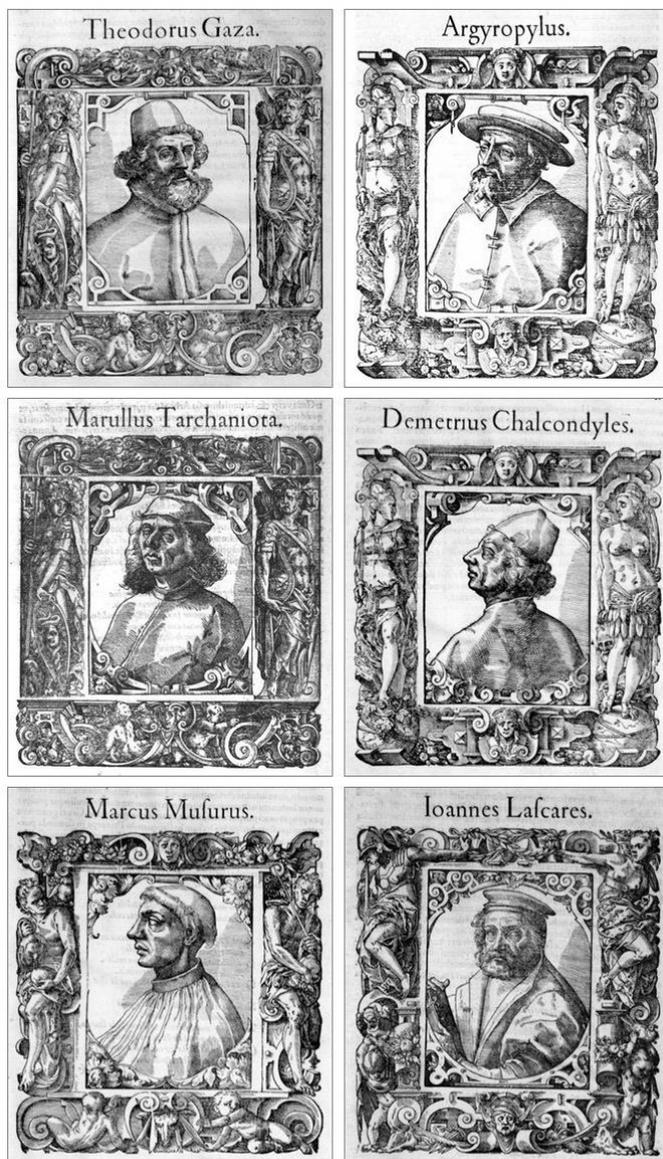

Илл. 1. Портреты греческих ученых из «Элогий» Паоло Джовио: Elogia Virorum literis illustrium. Basil: Petri Pernæ Typographi, 1577. Художник Тобиас Штиммер (Stimmer, 1539-1584).

людей XV в.» включены биографии кардинала Виссариона Никейского и Георгия Трапезундского, который, по словам автора, «был сведущ во всех семи свободных искусствах и находился в числе угонченнейших писателей своей эпохи»²⁰. В диалоге Кортезе «Об ученых людях» даны емкие оценки литературной деятельности видных гуманистов эпохи, включая нескольких греческих эрудитов. Примечательно, что Кортезе начинает рассуждения о возрождении *studia artium* с роли Хрисолора и уже после переходит к фигурам Данте, Петрарки и Боккаччо²¹. В «Элогии ученых мужей», принадлежащих Джовио, вошли краткие, но довольно информативные жизнеописания целого ряда греческих интеллектуалов – от Хрисолора до Марка Музуроса и Иоанна Ласкариса. Помимо общих сведений об ученых занятиях и заслугах того или иного гуманиста, Джовио приводит некоторые детали, касающиеся частной жизни своих героев: эти подробности могут показаться излишне желчными или анекдотичными, но при этом довольно яркими и живыми.

Короткие заметки о византийских эрудитах можно найти и на страницах энциклопедического труда Рафаэля Маффеи Вольтеррано (1451-1522) «Очерки о городских делах» (1506) в разделе о выдающихся деятелях науки и искусства эпохи (*qui reliquis in artibus claruerunt*)²².

Лидерство Флоренции в области греческих штудий нашло отражение в исторических сочинениях Франческо Гвиччардини (1483-1540) и Никколо Макиавелли (1469-1527), которые не без гордости отмечали пребывание в их городе ученых-греков – Иоанна Аргиропула, Димитрия Халкокондила и Иоанна Ласкариса в период правления Козимо и Лоренцо Медичи²³.

Илл. 2. Портреты греческих ученых из «Элогий» Паоло Джовио
Художник Тобиас Штиммер

Немецкий историк Иоганн Карион (1499-1537) пошел гораздо дальше своих итальянских коллег и представил Возрождение как явление, привнесенное на Запад извне византийскими эмигрантами: «Музы, выдворенные из Греции ужасающим насилием варваров, удалились в изгнание, чтобы обрести новое пристанище в Италии и Галлии, куда они были приведены выдающимися мужами: их старанием, заботой, трудом и усердием снова ожили возрожденные из греческих источников науки, которые со времен первого разорения Италии, содеянного готами, лежали погребенные дремучим варварством». В центре внимания Кариона находятся фигуры греческих ученых, которые при таком подходе оказываются единственными «первооткрывателями» гуманизма на Западе²⁴. По мнению профессора М.С. Корелина, для историографии Ренессанса это стало роковой ошибкой, глубоко укоренившейся в последующей исторической литературе²⁵.

Следом за Карионом тезис о византийских беглецах как об инициаторах и пионерах гуманистического движения повторили итальянский иезуит Орацио Торселлини (1545-1599) в «Кратком изложении истории»²⁶, французский католический богослов Дионисий Петавиус (1583-1652) в «Обзрении времен»²⁷ и немецкий профессор Кристоф Келлер (1638-1707) во «Всеобщей истории»²⁸. Отголоски этого представления заметны во всемирно-исторических обзорах Иоганна Маттиаса Шрекка (1733-1808)²⁹, Карла фон Роттека (1775-1840)³⁰, Фридриха Шлоссера (1776-1861)³¹ и Георга Вебера (1808-1888)³²; в работах по истории культуры И.Г. Эйхгорна (1752-1827)³³, Э.М. Арндта (1769-1860)³⁴, Ж. Маттера (1791-1864)³⁵, Ф. Эренфейхтера (1814-1878)³⁶, Ф. фон Гелльвальда (1842-1892)³⁷; в обзрении церковной истории К. Шмидта (1812-

1895)³⁸; в сочинениях по истории философии А.Ф. Буро-Деланда (1689-1757)³⁹, К. Майнерса (1747-1810)⁴⁰, Г.А.Ф. Аста (1778-1841)⁴¹, Я.Ф. Фриза (1773-1843)⁴², Х. фон Зигварта (1789-1844)⁴³, А. Швеглера (1819-1857)⁴⁴, В. Кузена (1792-1867)⁴⁵, К.Е. Дюринга (1833-1921)⁴⁶, А. Фуллье (1838-1912)⁴⁷, в исследовании А. Васта (1847-1921), посвященном кардиналу Виссариону⁴⁸, и др.⁴⁹ Подобные интонации прозвучали и у некоторых авторов XX столетия. Например, в работе Р.Р. Болгара «Классическое наследие и его бенефициары» (1954) был сделан вывод, что Хрисолор лично способствовал формированию будущего эпохи Возрождения и что с него «педагогически начался Ренессанс»⁵⁰.

Такая переоценка роли византийских греков в становлении ренессансного гуманизма вызвала критику в лице исследователя литературы аббата Х. Андреса (1740-1817)⁵¹, философа Г. Риттера (1791-1869)⁵², историков Р.Ф. Рорбахера (1789-1856)⁵³ и Г. Рюккерта (1823-1875)⁵⁴. Так, В. Виндельбанд (1848-1915) в труде «История новой философии» (1878) заметил, что интерес к античной классике появился в Италии ещё до прихода греков: «не было никакой надобности в завоевании Константинополя турками и в находящемся в связи с этим бегстве греческих ученых в Италию; это не было ни началом, ни причиной того возобновления интереса к классической древности, в котором, к тому же, следует видеть только первый внешний момент Возрождения. Ещё задолго до этого, как в литературе, так и в робких попытках искусства, замечаемы приближение к древности, возникшее в силу родственных воззрений и глубокой внутренней потребности»⁵⁵.

Первые шаги в научном осмыслении влияния греческих эрудитов на гуманистическую культуру были сделаны в XVIII в. Ценные сведения библиографического характера опубликовал

немецкий филолог И.А. Фабрициус (1668-1736) в его многотомной «Греческой библиотеке»⁵⁶. Венецианец А. Дзено (1668-1750) написал очерк о Георгии Трапезундском⁵⁷. Однако начало целенаправленному изучению данной темы было положено работами оксфордского профессора Хамфри Ходи (1659-1707) и немецкого ученого К.Ф. Бёрнера (1683-1753). Исследование Х. Ходи стало доступно широкой публике только в 1742 г. после его публикации С. Джеббом⁵⁸. Автор видел заслугу греческих эрудитов в водворении на Западе гуманитарных наук. Он добросовестно собрал и процитировал различные источники, вводя их тем самым в научный оборот. Его работа состоит из биографических очерков, разделенных на две книги: в первой представлены жизнеописания греков, прибывших на Апеннины до падения Константинополя, вторая охватывает биографии греческих ученых, перебравшихся в Италию и другие страны Запада после турецкого завоевания. В 1704 г. вышелopus К.Ф. Бёрнера под названием «О другом переселении греческой словесности из Греции в Италию», дополненный в следующем году работой «О греческих изгнанниках». Уже в конце академической карьеры К.Ф. Бёрнер вновь вернулся к изучению этой проблемы, издав более объемный труд «Об ученых греках, восстановивших в Италии греческую словесность» (1750). Результатом его исследований стала серия хронологически расположенных исторических портретов от Хрисолора до Музуроса⁵⁹.

В «Критической истории философии» И.Я. Брукера (1696-1770) греческие ученые рассматриваются в контексте возрождения на Западе античной философии, прежде всего платонизма и аристотелизма. «Мы обязаны греческим изгнанникам в Италии восстановлением платоновской философии», – пишет он, выделяя Плифона как первого, кто начал этот

процесс и кто познакомил итальянцев с александрийским платонизмом, о котором не знал почти никто из латинян, кроме Иоанна Скотта Эриугены⁶⁰.

Выход фундаментального труда моденского библиотекаря Джироламо Тирабоски (1731-1794) «История итальянской литературы» дал новый импульс критическому изучению возрождения греческой словесности на Западе⁶¹. Признавая немалый вклад греко-византийских эмигрантов в развитие философии и словесных наук, он отмечал, что Италия встретила греков не только благоприятной интеллектуальной средой, уже подготовленной к восприятию их учения, но также щедростью меценатов, почетом и достойными наградами за талант. Это исследование, богатое библиографической информацией, оказало глубокое влияние на последующую историографию Ренессанса и греческих штудий, в частности. Так, английский историк Эдвард Гиббон (1737-1794) почерпнул из сочинений Х. Годи и Дж. Тирабоски бóльшую часть фактического материала о возрождении классической литературы в Италии, использованного им при написании LXVI главы его знаменитой «Истории упадка и разрушения Римской империи»⁶². Для Э. Гиббона греческие эмигранты – прежде всего грамматик. Он указывал на их заслуги в деле сохранения, объяснения и толкования оригинальных текстов и в то же время скептически отзывался об их обыкновении превозносить своих национальных писателей; критиковал за введение испорченного произношения, которое было изгнано из школ здравым смыслом следующего поколения, и полагал, что своими переводами они передавали не дух, а только смысл греческих классиков.

Кроме того, следует также отметить труд М.С.Ф. Шёлля (1766-1833) «История греческой литературы» (1830), в котором фигуры греко-византийских эрудитов рассматриваются

с точки зрения их вклада в процесс перенесения греческой литературы на Запад⁶³, и роман А.-Ф. Вильмена (1790-1870), посвященный Константину Ласкарису и другим византийским изгнанникам XV в. Эти «апостолы» словесности, писал А.-Ф. Вильмен, распространяли свой язык и философию в городах Италии. Шедевры греческой литературы пробудили до сих пор невиданный энтузиазм. Исключительное рвение, которое поначалу привязало умы к созерцанию античного гения, казалось, замедляло формирование национальной самобытности, но она с большей силой проросла в этой богатой культуре. Великие люди XVI в. должны были появиться на свет, а греческие изгнанники, своими трудами подготовившие эту великую эпоху, оставили по себе небольшую славу; их сила была полностью в слове и столь же мимолетна, как и оно⁶⁴. Ставший широко известным исторический роман А.-Ф. Вильмена содержал много фантастических измышлений (например, о том, что среди несчастных греков, высадившихся недалеко от Мессины, оказался Гемист Плифон, или о том, что сам Медичи в компании с Пьетро Бембо ожидал беженцев прямо на морском берегу). Тем не менее, влияние созданного им образа Константина Ласкариса долгое время чувствовалось в статьях биографических словарей⁶⁵.

Первая половина XIX в. также ознаменовалась увеличением интереса к личности Виссариона и его времени: в 40-е годы, помимо небольшой брошюры итальянского епископа Оресте Раджи⁶⁶, вышла монография голландского ученого Яна Конрада Хакке (1814-1873)⁶⁷. В ней был дан краткий обзор эпохи Виссариона, рассмотрены основные этапы его биографии, проанализировано развитие платоновско-аристотелевской контрверсии в Италии и определена роль кардинала в

защите философии Платона. Хакке писал свою работу на основе внимательного анализа исторических источников и критически относился к некоторым доводам предшественников. Так, он отверг датировки трактата «In calumniatorem Platonis», предложенные Х. Ходи, К.Ф. Бёрнером и Дж. Тирабоски, и пришел к выводу, что работа была завершена после 1462 г. В приложении были опубликованы два письма Виссариона – первое к Михаилу Апостолию, второе к дожу Кристофоро Моро и Сенату Венеции о предоставлении кардинальской библиотеки в дар республике св. Марка.

Немецкий историк Георг Фойгт (1827-1891) в книге «Возрождение классической древности или первый век гуманизма» (изд. в 1859) подробно рассмотрел вопрос о плодотворном «пробуждении от сна» греческой литературы в Италии⁶⁸. Он отметил заслуги в этом отношении наиболее выдающихся греков – Хрисолора, Георгия Трапезундского, Феодора Газы, Виссариона и Константина Ласкариса. Это были редкие исключения на фоне толп греческих переселенцев, которые демонстрировали слабое образование, кичливость, ограниченность и неспособность выучиться иным языкам, кроме собственного. В силу дурных свойств национального характера они плохо адаптировались к новым условиям, чем сильно отличались от подвижных и стремящихся к знаниям латинян. Отметив философские беседы Плифона во Флоренции и начатый греческими учеными знаменитый платоново-аристотелевский спор, Фойгт, тем не менее, считал ошибочным приписывать грекам первое знакомство итальянцев с истинным учением Платона (а не с его последователями-неоплатониками).

Якоб Буркхардт (1818-1897) в классическом труде «Культура

тура Возрождения в Италии» (1860) писал, что подъем греческих штудий стал возможен благодаря общению итальянских энтузиастов с природными греками. Упадок исследований в области греческой словесности в 1520-е годы объяснялся вымиранием «колонии» ученых беженцев, относительной пресыщенностью содержанием классической литературы и общей переменой в умонастроениях⁶⁹.

Публикация сочинений греко-византийских авторов XV в., подготовленная французским аббатом Жаком Полем Минем (1800-1875) в заключительных томах «Греческой патрологии», существенно расширила круг доступных источников по теме⁷⁰. Однако интерес книгоиздателя был скорее просветительским, нежели академическим: тексты перепечатывались с более ранних изданий, часто снабжались параллельными латинскими переводами и предварялись предисловиями, которые включали выдержки из ученых работ Л. Алляция, И.А. Фабрициуса, М. Ханке⁷¹, А. Бандини⁷², К.Ф. Бёрнера и Ш. Александра⁷³, а также панегирики в честь Плифона и Виссариона, написанные современниками последних.

Значительный прогресс в области изучения греко-византийского влияния на итальянский гуманизм был связан с выходом исследований греческого историка Константина Сафы (1842-1914) и французского филолога-византиниста Эмиля Леграна (1841-1903). В 1868 г. К. Сафа опубликовал труд под названием «Новоэллинская филология», в котором рассмотрел биографии греческих интеллектуалов от падения Византийской империи до национальной революции 1821 г. с указанием их работ⁷⁴. Четырехтомный опус Э. Леграна «Эллинская библиография или систематическое описание сочинений, обнародованных греками в XV и XVI веках» (1885-1906)⁷⁵ стал ценнейшим источником информации для последующих

исследователей проблемы греко-византийского «исхода», не утратившим своего значения по настоящий день. В издание вошли биографические очерки греческих авторов, подробный аналитический каталог их работ и обширный источниковый материал. Отдельного внимания заслуживает и другое предприятие Э. Леграна – критическое издание греческого эпистолярия Ф. Филельфо (1892)⁷⁶, в которое были включены и письма некоторых ученых-греков.

Повышение интереса к феномену греческого ученого на ренессансном Западе привело к появлению целого ряда исследований и публикации новых источников. Таковы работы Р. Саббадини (1890)⁷⁷ о М. Хрисолоре; Ф. Шульце (1874)⁷⁸ о Гемисте Плифоне; В. фон Гёте (1871)⁷⁹, А. Васта (1878)⁸⁰ и Р. Рохолла (1904)⁸¹ о Виссарионе; Р. Саббадини (1891)⁸², Дж. Зиппеля (1896)⁸³, К. Мюллнера (1899)⁸⁴ и С. Лампроса (1910)⁸⁵ об Аргиропуле; Дж. Каstellани (1896)⁸⁶ и Р. Чесси (1912)⁸⁷ о Георгии Трапезундском; Л. Штейна (1889)⁸⁸ и А. Герке (1903)⁸⁹ о Феодоре Газе; И. Нуаре (1887)⁹⁰, А. Бадини Конфалоньери (1887)⁹¹, Ф. Габотто (1892)⁹² и Э. Мотты (1898)⁹³ о Халкокондиле; В. Лабате (1901)⁹⁴ и Л. Перрони-Гранде (1903)⁹⁵ о К. Ласкарисе; А. Васта (1878)⁹⁶, К.К. Мюллера (1884)⁹⁷, П. де Нолака (1886)⁹⁸, К. Мюллнера (1899)⁹⁹ и Л.-Г. Пелисье (1901)¹⁰⁰ о И. Ласкарисе; И. Нуаре (1899)¹⁰¹ о Михаиле Апостолии; Р. Менге (1868)¹⁰² и Ф. Фоффано (1892)¹⁰³ о Марке Музуросе; А. Фирмена-Дидо (1875)¹⁰⁴ об ученом окружении Альда Мануция в Венеции и др.

В 1905 и 1914 гг. увидело свет двухтомное исследование Р. Саббадини о латинских и греческих кодексах, найденных гуманистами в XIV-XV вв.¹⁰⁵ В 1909 г. немецкие ученые М. Фогель и В. Гардтхаузен опубликовали фундаментальный труд

о греческих переписчиках Средневековья и Возрождения, который более полувека оставался главным пособием для изучения греческих манускриптов¹⁰⁶. Следует упомянуть, что с 1896 по 1923 г. в Риме выходило периодическое издание с символическим названием «Bessarione», посвященное восточным церквям и перспективам церковной унии. На его страницах, в частности, была опубликована статья Дж. Меркати о переписке Хрисолора и Колюччо Салютати (1917)¹⁰⁷.

В межвоенный период вышло исследование Людвига Мёллера (1883-1943) «Кардинал Виссарион как теолог, гуманист и государственный деятель»¹⁰⁸. В первом томе этого объемного труда был дан всесторонний анализ жизни и деятельности Виссариона, во втором – опубликовано его главное философско-полемическое сочинение «In calumniatorem Platonis» на латинском и греческом языках, в третий вошли различные трактаты, речи и письма самого кардинала и представителей его окружения – итальянских гуманистов и греческих ученых. К этому же периоду относятся работы таких специалистов, как Д. Камбуроглу¹⁰⁹, Дж. У. Тейлор¹¹⁰, Х. Уилсон¹¹¹ и Дж. Э. Пауэлл¹¹².

В 1941 г. итальянский профессор Дж. Каммелли опубликовал новаторскую монографию о Мануиле Хрисолоре в серии «Византийские ученые и происхождение гуманизма». За ней последовали исследования, посвященные Иоанну Аргиропулу (1941), Андронику Каллисту (1942) и Димитрию Халкокондилу (1946, 1954)¹¹³. Тем не менее, помимо положительных суждений о значении «греческого элемента» в развитии ренессансной культуры, звучали и скептические оценки. В очерке «Византийское Средневековье», вышедшем в 1941 г., итальянский филолог Дж. Паскуали не только выступил против идущей от Кариона точки зрения на происхождение гуманизма, но и отрицал глубокое влияние на Возрождение греков

и греческой культуры (как античной, так и средневековой), оценивая её как бесплодную и лишенную оригинальности. Роль греческих ученых на Западе понималась им очень узко и сводилась в основном к передаче оригинальных текстов итальянским гуманистам¹¹⁴.

Со второй половине XX в. литература по проблеме греческого культурного влияния на ренессансный гуманизм стала неуклонно расширяться. К изучению данного феномена обращались Р.Й. Лёнерц¹¹⁵, Б. Кнёс¹¹⁶, Г. Хофман¹¹⁷, А. Олерофф¹¹⁸, М. Анастос¹¹⁹, К.М. Сеттон¹²⁰, А. Келлер¹²¹, Фр. Мазэ¹²², Й. Томсон¹²³, Г.М. Хартман¹²⁴, Э. Гарэн¹²⁵, Ч. Вазоли¹²⁶, А. Пертузи¹²⁷, Л. Лабовски¹²⁸, М. Баксендолл¹²⁹, Э. Миони¹³⁰, Дж. Сейгел¹³¹, Ф. Гаэта¹³², Дж. Равеньяни¹³³, В. Браун¹³⁴, П.О. Кристеллер¹³⁵, Р. Уайсс¹³⁶, К.М. Вудхаус¹³⁷ и другие ученые.

Исследование греческой рукописной традиции в эпоху Возрождения продолжили М. Виттек¹³⁸, Х. Патринелис¹³⁹, П. Канар¹⁴⁰, А. Диллер¹⁴¹, Н.Г. Уилсон¹⁴², Д. Харлфингер, Э. Гамильшег и П. Элеутери¹⁴³. Отдельного упоминания заслуживает многотомное описание манускриптов эпохи Возрождения в библиотеках Италии и Европы, осуществленное П.О. Кристеллером¹⁴⁴, а также основанное им и продолжающееся по настоящее время издание аннотированных списков и путеводителей по латинским переводам и комментариям Средневековья и Ренессанса¹⁴⁵.

Тема патриотизма и национальной идентичности византийских эмигрантов рассматривалась в работах Й. Ирмшера¹⁴⁶ и А. Вакалопулоса¹⁴⁷. По мнению последнего, оказавшиеся на чужбине греки остро осознавали свою этническую принадлежность в то время, когда национальное самосознание в Европе ещё только формировалось. Их литературный и политический пыл, а также влияние их ежедневных дискуссий с

иностранцами способствовали постепенному усилению филэллинских настроений на Западе, особенно с начала XVI в. Уроки турецкого порабощения, хотя и болезненные, были наиболее полезны для ученых и в конечном счете всей нации, так как привели к осознанию свободы как высшей ценности¹⁴⁸.

Особый вклад в изучение проблемы греческой эмиграции и византийского культурного влияния на латинский мир внес американский профессор Д. Дж. Джанакопос (1916-2007). В своих работах по истории греческого «исхода» он показывал принципиальное значение греческого культурного наследия и деятельности его распространителей (*disseminators*) для формирования итальянского гуманизма. Его особенно интересовала судьба греческих диаспор и в первую очередь многочисленной венецианской коммуны, тесно связанной с византийским Востоком, а также роль Крита и критских греков в процессе превращения Венеции в один из ведущих центров эллинской учености, через который шло распространение греко-византийской культуры далее на Запад¹⁴⁹.

На сегодняшний день наука располагает все возрастающим числом работ, затрагивающих различные аспекты данной темы – вопросы греко-византийской эмиграции и греческой идентичности в контексте турецкой экспансии¹⁵⁰, преподавание и изучение греческой словесности¹⁵¹, издательскую деятельность¹⁵², проблемы формирования ренессансных книжных коллекций и библиотек¹⁵³, влияние греков на философскую и научную мысль эпохи Возрождения¹⁵⁴ и т.д.¹⁵⁵ Статьи биографического характера об отдельных представителях греческой эмиграции публикуются на страницах «Биографического словаря итальянцев», издаваемого с 1960 г. Институтом Итальянской энциклопедии¹⁵⁶.

В 1992 г. вышла монография Н. Уилсона «От Византии к

Италии: греческие штудии в течение итальянского Возрождения», которая охватывает период примерно в полтора столетия от первых инициатив Петрарки и Боккаччо до смерти Альда Мануция в 1515 г. Главное внимание автора сосредоточено на вопросах работы ренессансных эллинистов с греческими текстами, на исследовании их маргиналий, редакторских правок, правильности прочтения поврежденных фрагментов и точности латинских переводов, то есть того, что способствовало формированию на Западе текстовой критики¹⁵⁷.

Проблема греко-итальянских культурных контактов в период Ренессанса становилась темой международных конференций, по итогам которых были изданы сборники «Византийские ученые и греческие книги в Италии XV в.» (Неаполь, 1992)¹⁵⁸, «Мануил Хрисолор и возвращение греческого языка на Запад» (Неаполь, 2002)¹⁵⁹, «В свете Аполлона: итальянское Возрождение и Греция» (Милан, 2003-2004)¹⁶⁰, «Вклад византийских ученых в западный Ренессанс XIV-XV вв.» (Франкфурт-на-Майне, 2003)¹⁶¹, «Создание и переосмысление Ренессанса: между греческим и латинским языками в Европе XV-XVI вв.» (Берлин; Бостон, 2019)¹⁶². Отметим также коллективные труды «Латинский мир и византийская цивилизация: Музыка, искусство и культура в кодексах 1400-х годов» (Падуя, 2014)¹⁶³ и «Учителя, студенты и школы греческого языка в эпоху Возрождения» (Лейден; Бостон, 2017)¹⁶⁴.

Если говорить о специальных работах, посвященных представителям греческой ученой «общины» Италии, то не будет преувеличением сказать, что наибольшим вниманием исследователей пользуется фигура кардинала Виссариона¹⁶⁵. Посвященная ему библиография насчитывает уже сотни работ, среди которых несколько коллективных исследований¹⁶⁶. В

2013 г. был опубликован сборник статей «Inter graecos latinissimus, inter latinos graecissimus: Виссарион между культурами», в котором рассматриваются различные аспекты его деятельности как политика, ученого, коллекционера, патрона и духовного лица¹⁶⁷. В 2014 г. увидело свет новое критическое издание его сочинения «De natura et arte» на греческом и латинском языках с итальянским переводом¹⁶⁸.

В настоящее время одним из ведущих специалистов, изучающих греческих гуманистов эпохи кватроченто, является американский профессор Дж. Монфазани. Среди принадлежащих ему исследований нужно выделить два масштабных труда, посвященных жизни и творчеству Георгия Трапезундского¹⁶⁹, а также монографии и сборники статей «Византийские ученые в Ренессансной Италии: кардинал Виссарион и другие эмигранты» (1995), «Греки и латиняне в Ренессансной Италии: исследование гуманизма и философии в XV столетии» (2004) и «Греческие ученые между Востоком и Западом в XV в.» (2016)¹⁷⁰. Его коллега профессор Дж. Хэнкинс, специализирующийся на изучении интеллектуальной истории Возрождения, исследовал деятельность греческих ученых в контексте ренессансного платонизма, в частности их переводы и плодотворную полемику, развернувшуюся вокруг философии Платона и Аристотеля¹⁷¹.

Другое направление в историографии греческого «исхода» на Запад имеет лишь косвенное отношение к феномену греко-византийской учености, поскольку связано с изучением эмигрантского сообщества во всем его социальном многообразии. История формирования греческих диаспор в итальянских городах и прежде всего наиболее многочисленной венецианской общины, служившей для греков своеобразным мостом на Запад, рассматривалась в трудах Д. Дж. Джанакоплоса,

Дж.Г. Болла¹⁷², Д. Николя¹⁷³, Дж. Харриса¹⁷⁴, Э. Бёрк¹⁷⁵ и других ученых¹⁷⁶.

Отечественные исследователи обратились к полноценному осмыслению проблемы греко-итальянских интеллектуальных связей лишь в восьмидесятые годы XIX столетия, хотя и ранее наша ученая мысль не была полностью безразлична к теме греческих штудий на ренессансном Западе¹⁷⁷. В начале XIX в. два иностранных профессора, преподававших в Харьковском университете, – немецкий историк Д.Х. фон Роммель (1781-1859)¹⁷⁸ и его французский коллега А.А. Дегуров (А. Жюди Дюгур, 1765-1849)¹⁷⁹ произнесли торжественные речи, в которых, среди прочего, отметили глубокое влияние византийских беженцев на просвещение европейских народов, восстановление наук в Европе и возникновение Возрождения. В их суждениях о греческом участии в Ренессансе ещё заметны «карионовские» интонации. Ближе к середине столетия русские историки стали более критически оценивать участие византийских греков в формировании гуманизма. Во вступительной лекции в новую историю (1848 г.) П.Н. Кудрявцев (1816-1858), в то время адъюнкт на кафедре всеобщей истории Московского университета, объяснял зарождение ренессансной культуры в Италии сугубо местными причинами. Он отдавал должное Мануилу Хрисолору, который возбудил в итальянцах интерес к занятиям классической греческой литературой, хотя и не основал особенной школы, однако, «вопреки сильно распространённому мнению», историк считал ошибочным представление, «что начало этого возрождения древнего мира, в особенности его литературы, совпадает со знаменитою катастрофою, положившею конец существованию Восточной Римской или Византийской империи». Падение Константинополя

дало новый толчок классическим штудиям. «Беглецы греческие не принесли с собой никакой новой науки в Италию, но они умножили собой число знатоков древней литературы, обогатили её новым запасом ученого материала, который привезли с собой в рукописях, и вообще много облегчили средства для филологических занятий»¹⁸⁰.

Учитель Кудрявцева, Т.Н. Грановский (1813-1855), признавая важность влияния византийских изгнанников на подъем греческих штудий в Западной Европе, тем не менее, считал его более вещественным, нежели духовным: «Византийские ученые могли научить европейцев только грамматике, передать им материальную часть языка, привезти рукописи, но в понимании этих памятников не могли быть руководителями. Лучшее доказательство тому – в Византии они были также изучаемы и ничего отсюда не вышло. Но как скоро коснулись они другой, более плодотворной почвы, пошло другое развитие. Они были, так сказать, только разносчиками рукописей, странствующими учителями греческого языка; другой высшей услуги за ними не было»¹⁸¹.

Первым глубоким исследованием участия греков в итальянском гуманистическом движении стала работа А.И. Садова (1850-1930) о Виссарионе Никейском, опубликованная в 1883 г. По его мнению, возрождение классической древности в Италии было вызвано внутренними причинами, однако подъем греческих штудий, наблюдавшийся в эпоху кватроченто, произошел под влиянием греко-византийских переселенцев, а также вследствие путешествий итальянских гуманистов в Грецию. Благодаря этим обстоятельствам, изучение греческой литературы к середине XV в. «шло уже почти параллельно с изучением латинской»¹⁸². В истории европейской культуры, замечает ученый, не было столетия подобного

этому, когда «когда бы запад так сильно нуждался в востоке, так обильно черпал там сокровища эллинского просвещения, так много заимствовал оттуда и знаний, и книг, и самих учителей»¹⁸³. К оценке религиозной деятельности Виссариона А.И. Садов подошел с православных позиций, подчеркивая, что его переход в католицизм объясняется не только личным расчетом, но и внутренним согласием с латинским вероучением. Он подробно остановился на гуманистических занятиях кардинала, его политической активности, его заботах о сохранении греческого культурного наследия, признавая, что присущий Виссариону эгоизм «в значительной степени умерялся требованиями пользы других».

Участие греческого кардинала в устройстве брака Софьи Палеолог и великого князя Московского было рассмотрено в работах Ф.И. Успенского (1887)¹⁸⁴ и П.О. Пирлинга (1887, 1892)¹⁸⁵. Последний упоминает о «сиенском проекте» Анны Нотары, пытавшейся создать небольшую греческую колонию в Тоскане, и о вероятном присутствии Феодора Газы на торжестве по случаю брака.

Первым опытом целостного изучения проблемы стало исследование профессора М.С. Куторги (1809-1886) под названием «Водворение на Западе изучения эллинства с эпохи Возрождения», написанное в 1884 г. и опубликованное в 1891 г.¹⁸⁶ С его точки зрения, греческие учителя, преподававшие в Италии словесность, «не были преобразователями и не произвели эпохи возрождения». Он оценивал их как «посредников», «двигателей», которые дали средства для постижения «неведомой до того времени эллинской образованности». Однако европейцы сами поняли значение этой образованности и «сами её оживили, применив к своему времени и требованиям своего быта»; «они старались её изучить и воспринять выражаемые

ею идеи, а потом своим самобытным трудом и своей гениальностью создали собственную образованность». При этом он полагал, что изучение эллинских писателей под эгидой греческих наставников «сопровождалось возбуждением умственной деятельности, преобразившей науку, искусство и литературу, и создавшей блистательную эпоху Возрождения». Таким образом, М.С. Куторга склонен рассматривать Ренессанс через призму восстановления эллинского знания на Западе, что является очевидным упрощением, поскольку это игнорирует одну из важнейших составляющих гуманистического движения – классическую римскую литературу. Возрождение эллинской образованности, пишет он далее, «произошло по требованию умственного настроения, глубоко проникло во все слои общества и сопровождалось самыми плодотворными последствиями, преобразовав существовавший средневековый быт и дав новое направление всей умственной жизни. Признательные потомки, чувствуя и сознавая это благое приобретение, обозначили словом: Возрождение, и самую эпоху великого события». В некотором противоречии с его словами о греческих ученых как о посредниках в передаче Западу эллинского наследия находится его суждение о том, что труды важнейших из них «сопровождались великолепными последствиями, преобразившими всю западную Европу»¹⁸⁷.

Профессор М.С. Корелин (1855-1899) в своем исследовании «Ранний итальянский гуманизм и его историография» (1892)¹⁸⁸ подверг критике укрепившееся в науке заблуждение о византийских греках как основоположниках Возрождения: их влияние на гуманистическое движение «появилось позже, носило сравнительно узкий характер, и его направление обуславливалось предшествующим развитием гуманизма на местной почве». Их заслуги, в первую очередь, заключались

в чисто формальном обучении языку. Роль «ранних греков» (Варлаама, Пилата и Хрисолора) сводилась им «к простой передаче технических сведений и ни к чему более». Ограничив хронологические рамки исследования периодом раннего гуманизма, М.С. Корелин лишь вскользь упоминает о заслугах византийских ученых более позднего времени, признавая их влияние на популяризацию платоновского учения через спор о сравнительных достоинствах Платона и Аристотеля.

Из досоветских работ следует также назвать очерк А.Н. Веселовского (1838-1906) «Учители Боккаччо» (1891)¹⁸⁹ и двухтомную монографию «Боккаччо, его среда и сверстники» (1893-1894)¹⁹⁰, в которых он рассмотрел личность калабрийского грека Варлаама, «предшественника захожих в Италии византийских ученых XV века». Его роль в судьбе раннего итальянского гуманизма представлялась А.Н. Веселовскому «внешней и случайной»: «будучи средневековым схоластиком, он мог поделиться с своими западными друзьями лишь знанием греческого языка, а его возвеличили – в силу надежд и чаяний, в которых выразилась самостоятельная эволюция гуманизма, и на которые он не мог ответить». Во втором томе монографии о Боккаччо историк обращается к фигуре Леонтия Пилата и его несовершенному прозаическому переводу Гомера. Неприглядная характеристика неуживчивого нрава и дикого облика калабрийского грека формируется на основании свидетельств его патронов: автор сопровождал свое исследование переводами больших фрагментов из писем Петрарки и «Генеалогии языческих богов» Боккаччо. Интересно предположение, что Леонтий был слушателем Варлаама в Фессалонике (Солуни) – это могло бы объяснить, почему Боккаччо местами называет своего протеже фессалони-

кийцем. Опираясь на письмо Петрарки (Fam. XXIV, 12), в котором тот сообщает о первых поклонниках греческой словесности в Италии, но ограничивается лишь упоминаем связанных с ними мест, А.Н. Веселовский постарался идентифицировать этих гуманистов, включив в их число францисканца Тедальдо делла Каза, посещавшего уроки Леонтия Пилата во Флоренции с 1360 по 1362 гг., Дзаноби да Страда в Авиньоне, Пьетро де Мольо в Болонье и некоторых других. Рассказы Леонтия и гомеровские переводы стали последними источниками, использованными Боккаччо при написании «Генеалогии», но, по мнению исследователя, они не изменили самой системы произведения¹⁹¹.

Византинист Ф.И. Успенский (1845-1928) в статье «Философское и богословское движение в XIV в.» (1892)¹⁹², рассматривая вопрос о роли Варлаама в повышении интереса к греческим штудиям в Италии, пришел к выводу, что его влияние простиралось дальше ознакомления ранних гуманистов с элементами греческого языка. Он заключил, «что Варлаамом посеяна была в Италии мысль о важности изучения греческих писателей и что общие сведения по эллинизму, циркулировавшие в XIV веке на Западе, имеют в нем свой главный источник». Это умозаключение встретило возражение М.С. Корелина, указавшего на то, что «интерес к древнегреческой литературе естественно вытекал из увлечения содержанием римских писателей, которые в наиболее интересных для гуманистов вопросах по большей части или переделывали греков или просто их пересказывали»¹⁹³.

Заслуживает внимания и небольшой обзорный очерк А.А. Васильева (1867-1953) «Византия и итальянское Возрождение», завершающий его капитальный труд по истории византий-

ской империи¹⁹⁴. «Великим просветительским делом» переселившихся на Запад греков он считал передачу западной цивилизации памятников греческой литературы, античной, патристической и собственно византийской, что создало исключительно благоприятные условия для знакомства с культурным наследием Эллады. Из других достижений византийской учености он выделял насаждение знаний греческого языка и литературы путем уроков и лекций, а также благодаря деятельности «таких талантов, открывавших Италии новые горизонты, какими были Плифон и Виссарион».

В советское время в рамках изучения данной темы были опубликованы работы З.В. Удальцовой¹⁹⁵ и И.П. Медведева¹⁹⁶ о кардинале Виссарионе, Л.М. Брагиной¹⁹⁷ об Аргиропуле. Получили освещение вопросы, связанные с пребыванием Максима Грека в ренессансной Италии и с его отношением к гуманистическому движению¹⁹⁸. Весомый вклад в изучение греческих переписчиков эпохи Возрождения внес Б.Л. Фонкич, который дополнил собранный западными коллегами материал за счет изучения рукописных фондов отечественных хранилищ¹⁹⁹. История ранней греческой печати получила некоторое освещение в работах И.Н. Лебедевой²⁰⁰ и В.В. Лазурского²⁰¹.

Проблема греческого «исхода» была затронута и в известной монографии И.П. Медведева «Византийский гуманизм XIV-XV вв.»²⁰². Помимо османского завоевания, как внешнего фактора, вызвавшего эмиграцию греческих интеллектуалов, автор выделяет также и фактор внутренний – исихастскую реакцию, которая внесла дух нетерпимости в духовно-интеллектуальную атмосферу поздней Византии. Говоря о последствиях эмиграции в Италию, он отмечает, что «с исходом

Илл. 3. Портрет Гемиста Плифона с надписью «Платон».
Художник Кристофано дель Альтиссимо (ок. 1530-1605).
Флоренция. Галерея Уффици. «Серия Джовиана»

византийских ученых произошла как бы трансплантация византийского гуманизма на Запад»²⁰³, однако влияние греко-византийской культуры на итальянских гуманистов, по его мнению, носило элитарный характер, поскольку почти не проникло «в толщу “купеческо-гуманистической среды”». Вплоть до настоящего времени книга И.П. Медведева остается основным исследованием о Гемисте Плифоне на русском языке. Отметим также и ряд его статей о греко-византийских ученых и греческой культуре на Западе²⁰⁴.

В постсоветский и современный период объем отечественной литературы, как обзорной, так и посвященной отдельным аспектам проблемы греческой учености на ренессансном Западе, заметно возрос. Среди авторов, обращавшихся к изучению данного феномена, назовем М.В. Бибикова²⁰⁵, Ю.А. Шичалина²⁰⁶, С.В. Соловьева²⁰⁷, Т.В. Куш²⁰⁸, Н.В. Ревякину²⁰⁹, Н.В. Синицыну²¹⁰, Ю.В. Иванову²¹¹, К.И. Лобовикову²¹², О.Ф. Кудрявцева²¹³, Т.А. Сенину²¹⁴, П.А. Рязанова²¹⁵, Г.М. Воробьева²¹⁶, М.В. Семиколенных²¹⁷, П.Ф. Ревко-Линардато²¹⁸, Т.А. Матасову²¹⁹ и др.²²⁰

Завершая этот беглый историографический обзор, следует отметить, что современная наука, кажется, преодолела полярные суждения о роли греков в гуманистическом движении, не отрицая идущих от них влияний и не награждая их лаврами «первооткрывателей», хотя в рассуждениях некоторых историков гуманизма порой ощущается веяние той эпистолярной манеры, в которой итальянские ученики писали о своих византийских наставниках. Остается добавить, что литература по интересующей нас теме уже настолько обширна, что сама по себе заслуживает полноценного историографического описания.

¹ *Cic.* Tusc. I. 3; Rep. II. 34; De orat. II. 18; Fin. II. 68 etc.

² *Erasmus Desiderius.* De ratione studii ac legendi interpretandique auctores // Opera omnia *Desiderii Erasmi Roterodami.* Amsterdam, 1969. Ordo I. T. 2. P. 120.

³ *Corpus Reformatorum: Philippi Melanthonis Opera quae supersunt omnia* / Ed. C.G. Bretschneider. Halis Saxonum (Halle), 1843. Vol. XI. Col. 22. *Иксион*, царь фессалийского племени лапифов, будучи приглашенным Зевсом на пир богов, захотел соблазнить его супругу Геру (Юнону), однако тот, узнав о намерениях гостя, подменил её облачным призраком. В другом месте Меланхтон писал, что “греческий язык является учителем и как бы источником не только небесной доктрины, но и остальных искусств, прекрасных и притом столь же необходимых для человеческой жизни, как воздух и огонь” (Ibid. Col. 862).

⁴ *Iovius Paulus Novocomensis* Elogia doctorum virorum ab avorum memoria publicatis ingenii monumentis illustrium. Antverpiae, 1557. P. 68 (далее – *Giovio.* Elogia)

⁵ См. письмо Донато Аччайуоли к Якопо Амманнати от 5 августа 1454 г.: *Cammelli G.* I doti bizantini e le origini dell’Umanesimo. Firenze, 1941. Vol. II: Giovanni Argiropulo. P. 47-48; *Άμτζρος Σ.Π.* Ἀργυροπούλεια. Ἐν Αθήναις, 1910. Σ. 313-314.

⁶ *Declamatio de Capnione Phorcensi* // *Philippi Melanthonis Opera omnia.* Vol. XI. Col. 1005.

⁷ См. латинское письмо Халкокондила от 5 мая 1502 г.: *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV-XV вв. СПб., 1997. С. 309.

⁸ *Legrand E.* Bibliographie hellénique, ou description raisonnée des ouvrages publiés par des grecs aux XVe et XVIe siècles. Paris, 1885. Vol. I. P. LXXI.

⁹ Составленный Константином Ласкарисом “список” учеников Мануила Хрисолора неточен. Во Флоренции его уроки действительно посещал Леонардо Бруни Аретино (1370-1444). Другой уроженец Арещо – Карло Марсуппини (1398-1453) переехал во Флоренцию после 1409 г. и постигал греческий под руководством Гварино (1374-1460). Один из самых талантливых итальянских эллинистов и педагогов того времени Гварино Веронезе обучался греческому языку под наставничеством Мануила и его племянника Иоанна Хрисолоров, но не во Флоренции, а в Константинополе, где находился в период между 1403 и 1408 гг. Учеником Иоанна (а не Мануила) Хрисолора (†1422) был и Франческо Филельфо (1398-1481) во время своего пребывания в византийской столице (с перерывами между 1420 и 1427 гг.). Наконец, Амброджо Траверсари (1386-1439), по его собственному признанию, изучал греческий язык самостоятельно через сравнение латинских и греческих текстов Псалтири, Евангелий, посланий апостола Павла

- и “Деяний святых апостолов” (*Sabbadini R.* Il metodo degli umanisti. Firenze, 1922. P. 19; *Хартман Г.М.* Значение греческой культуры для развития итальянского гуманизма (Пер. с нем. М.С. Вейсман) // ВВ. 1959. Т. 15. С. 108).
- ¹⁰ Имеется в виду Ферраро-Флорентийский собор 1438-1439 гг.
- ¹¹ Правители Флоренции из династии Медичи: Козимо Старший в 1434-1464 гг., Пьеро ди Козимо в 1464-1469 гг. и Лоренцо Великолепный в 1469-1492 гг.
- ¹² *Constantini Lascaris* Prooemium ad libros suos de grammatica // *Patrologiae Cursus Completus. Series graeca* (далее – PG) / Ed. J.P. Migne. Parisiis, 1866. T. 161. Col. 933-936.
- ¹³ *Leonardi Aretini* Rerum suo tempore in Italia gestarum commentarius; *Eiusdem* De rebus Graecis Liber. Lugduni, 1539. P. 14-16; *Leonardo Bruni*. History of the Florentine People. Vol. 3. Memoirs / Ed. J. Hankins. Cambridge, London, 2007. P. 320-323.
- ¹⁴ *Marci Antonii Coccii Sabellici* Rapsodiae historiarum ab Orbe condito Enneadum XI // *Opera omnia*. Basileae, 1560. T. II. P. 839.
- ¹⁵ *Platinae B* Historia de vitis Pontificum Romanorum a D.N. Jesu Christo usque ad Paulum II Venetum papam. Coloniae, 1574. P. 249.
- ¹⁶ *Sabellici* Rapsodiae historiarum. P. 910, 950-951.
- ¹⁷ *Jacobus Philippus de Bergamo*. Supplementum chronicarum ab ipso mundi exordio. Venetia, 1492. Fol. 225. Sub anno 1398.
- ¹⁸ PG. T. 156. Col. 19-20.
- ¹⁹ *Bartholomaei Facii* De viris illustribus liber, nunc primum ex ms. cod. in lucem erutus. Recensuit, praefationem, vitamque auctoris addidit Laurentius Mehus. Florentiae, 1745.
- ²⁰ *Vespasiano da Bisticci*. Vite di uomini illustri del secolo XV / Ed. L. Frati. Bologna, 1892-1893. Vol. II. P. 210.
- ²¹ *Pauli Cortesii* De hominibus doctis dialogus, nunc primum in lucem editus. Florentiae, 1734.
- ²² См. его заметки о Хрисолоре, Виссарионе, Плифоне, Георгии Трапезундском, Феодоре Газе, Андронике Каллисте, Аргиропуле и Николае Софианосе: *Raphaelis Volaterrani* Commentariorum Urbanorum octo et triginta libri. Item Oeconomicus Xenophontis, ab eodem latio donatus. Lugduni, 1552. P. 639-642.
- ²³ *Guicciardini F.* Storie Florentine dal 1378 al 1509 / a cura di R. Palmarocchi. Bari, 1931. P. 76; *Макьявелли Н.* История Флоренции / Под ред. В.И. Рутенбурга. М., 1987. С. 275, 350.
- ²⁴ Карион выделяет Хрисолора, как первого преподавателя греческой словесности в Италии, Георгия Трапезундского, Феодора Газу, Аргиропула, Халкокондила, Георгия Гермониима, Марка Музуроса и Иоанна Ласкариса. Исключением в их ряду оказывается только Григорио да Читта ди Каstellо (Тифернат), преподававший греческий язык в Париже: *Chronicon Carionis*

expositum et auctum multis et veteribus et recentibus historiis / a Philippo Melanthono et Casparo Peucero. Francofurti ad Moenum, 1624. P. 1220-1222.

²⁵ *Корелин М.С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. СПб., 1914. Т. I: Историографический обзор. С. 11 и далее. В России схожее суждение было, в частности, высказано славянофилом И.В. Киреевским в работе “О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России” (Письмо к графу Е.Е. Комаровскому, 1852 г.): “когда со взятием Константинополя свежий, неиспорченный воздух греческой мысли повеял с Востока на Запад, и мыслящий человек на Западе вздохнул легче и свободнее, то все здание схоластики мгновенно разрушилось” (*Киреевский И.В.* Полное собрание сочинений / Под ред. М. Гершензона. М., 1911. Т. I. С. 195).

²⁶ *Horatii Tursellini e societate Iesu* Historiarum ab origine Mundi usque ad annum 1598 Epitomae libri X. Duaci, 1630. P. 358: “Хрисолор вернул в Италию греческую словесность, вследствие чего немного спустя латинский язык, окрепнув, стал совершенствоваться”.

²⁷ *Dionisii Petavii Aurelianensis e societate Jesu* Rationarium temporum in partes duas, libros tredecim tributum. Amstelodami et Lipziae, 1745. P. 496: “В правление Фридриха III словесность сияла по всей Италии, когда образованнейшие из греков, которые бежали туда во время завоевания Греции, поощряли ученые занятия латинян через соперничество с собой”. Среди греческих эмигрантов Петавиус называет Хрисолора, кард. Виссарiona, Феодора Газу, Георгия Трапезундского, Аргиропула и Халкокондила: P. 491, 497.

²⁸ *Christophori Cellarii* Historia universalis breviter ac perspicue exposita in antiquam, et medii aevi ac novam divisa. Ienae, 1716. Pars II: Historia medii aevi. P. 214-215: “В этом [XV] столетии словесность на Востоке приходила в упадок, на Западе же она восставала из продолжительного варварства, когда ученейший грек, чтобы спастись от турок, прибежал в Италию. Кроме Виссарiona, которого мы более всего прославили, в этом ряду были Феодор Газа, Георгий Трапезундский, Иоанн Аргиропул, Михаил Маруллос, Димитрий Халкокондил, Марк Музурос и Иоанн Ласкарис. Оставшиеся в Греции [историки] Лаоник Халкокондил, Дука, внук Михаила Дуки, и Георгий Сфрандзи описали её несчастья. Италия не медлила, соревнуясь с ними в усердии, и одновременно вернула латинскую словесность из окутывавшего её мрака к прежнему сиянию”.

²⁹ Всеобщая история Шреккова, вновь переведенная, переработанная несколько и умноженная Синхронистическими таблицами проф. Н.Е. Черепановым. Владимир, 1801. Ч. 2. С. 230-231: “И так Греки, которые пришли в сии земли [западные государства], доставили туда не только знание своего языка (и сие сделал сперва Емануил Хризолорас), но и возбудили посредством одного вкуса в истинном красноречии, стихотворстве, истории,

в философии и других науках. К чему Георгий Гемистий Плефо, Висарион, Феодор Газа и другие ещё наиболее споспешествовали”.

³⁰ *Rotteck K.* Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntniss bis auf unsere Zeiten. Freiburg, 1833. Bd. VI. S. 262.

³¹ *Шлюссер Ф.* Всемирная история. СПб., М. 1870. Т. III. С. 662: “Главная заслуга ученых, эмигрировавших из Греции в Италию и действовавших в этой стране словом и сочинениями, была бесспорно двух родов. Они содействовали заменению школьной философии практической философией, и греческой простотою умерили плоскость и декламацию римлян, являющиеся в латинских произведениях Петрарки и его современников, и напыщенность, которой не лишены письма Данте и другие риторические сочинения, писанные на латинском языке” (*пер. с нем. под ред. В.А. Зайцева*). Отталкиваясь от работ Х. Ходи, А.Г.Л. Геерена и других исследователей, Ф. Шлюссер полагал, что византийские ученые “содействовали полному изменению школьного преподавания и форм жизни сначала в Италии, потом во всей остальной Европе”, что они явились провозвестниками цивилизации Нового времени и что именно они перенесли на Запад “науку и вообще цивилизацию древних греков, их теоретическую и практическую мудрость, их поэзию, философию и грамматику” (с. 658-663).

³² Согласно *Г. Веберу* (Всеобщая история / Пер. Андреева. М., 1888. Т. IX. С. 592.), распространение платоновской философии в Италии было заслугой Георгия Гемиста Плифона.

³³ *Eichhorn J.G.* Allgemeine Geschichte der Cultur und Literatur des neuern Europa. Göttingen, 1796. Bd. I. S. XXXIX-XLI.

³⁴ *Arndt E.M.* Versuch in vergleichenden Völkergeschichte. Leipzig, 1843. S. 131.

³⁵ *Matter J.* Histoire des doctrines morales et politiques des trois derniers siècles. Paris, 1836. Т. I. P. 30, 38, 44-50.

³⁶ *Ehrenfeuchter F.* Entwicklungsgeschichte der Menschheit, besonders in ethischer Beziehung. Heidelberg, 1845. S. 189.

³⁷ *Hellwald F. von.* Kulturgeschichte in ihrer natürliche Entwicklung bis zur Gegenwart. Augsburg, 1884. Vol. II. S. 413.

³⁸ *Schmidt Ch.* Précis de l'histoire de l'Église d'Occident pendant le Moyen Âge. Paris, 1885. P. 426.

³⁹ *Deslandes.* Histoire critique de la philosophie. Amsterdam, 1756. Т. IV. P. 72-73.

⁴⁰ *Meiners C.* Grundriss der Geschichte der Weltweisheit. Lemgo, 1786. S. 216-217.

⁴¹ *Ast F.* Grundriss der Geschichte der Philosophie. Landshut, 1825. S. 257-258.

⁴² *Fries J.F.* Die Geschichte der Philosophie dargestellt nach den Fortschritten ihrer wissenschaftlichen Entwicklung. Halle, 1840. Bd. II. S. 235.

⁴³ *Sigwart H.C.W.* Geschichte der Philosophie vom allgemeinen wissenschaftlichen und geschichtlichen Standpunkt. Stuttgart und Tübingen, 1844. Bd. I. S. 350, 364-365.

⁴⁴ *Schwegler A.* Geschichte der Philosophie im Umriss. Stuttgart, 1860. S. 104-105.

- ⁴⁵ *Cousin V.* Histoire générale de la philosophie: depuis les temps les plus anciens jusqu'à la fin du XVIIIe siècle. Paris, 1864. P. 249-251.
- ⁴⁶ *Dühring E.* Kritische Geschichte der Philosophie von ihren Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin, 1869. S. 205.
- ⁴⁷ *Fouillée A.* Histoire de la philosophie. Paris, 1887. P. 216.
- ⁴⁸ *Vast H.* Le cardinal Bessarion (1403-1472): étude sur le Chrétienté et la Renaissance vers le milieu du XVe siècle. Paris, 1878. P. 162-163.
- ⁴⁹ См. подробнее: *Корелин М.С.* Ранний итальянский гуманизм. Т. I.
- ⁵⁰ *Bolgar R.R.* The Classical Heritage and Its Beneficiaries. Cambridge, 1954. P. 87, 270.
- ⁵¹ *Andres G.* Dell'origine, progressi e stato attuale d'ogni letteratura. Parma, 1782. Т. I. P. 331 и далее.
- ⁵² *Ritter H.* Geschichte der Philosophie. Hamburg, 1850. Bd. IX. S. 5.
- ⁵³ *Rohrbacher R.F.* Histoire universelle de l'Église Catholique. Paris, 1858. Т. XXII. P. 222.
- ⁵⁴ *Rückert H.* Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. Leipzig, 1859. Bd. II. P. 473.
- ⁵⁵ *Виндельбанд В.* История новой философии в её связи с общей культурой и отдельными науками / Пер. с нем. под ред. А.И. Введенского. СПб., 1902. Т. I. С. 7.
- ⁵⁶ *Fabricius J.A.* Bibliotheca Graeca. Hamburgi, 1705-1728. Vol. I-XIV. См., например, опубликованную в десятом томе диатрибу эллиниста Льва Алляция (1568-1669) о Георгиях, содержащую обзоры писательской деятельности Георгия Гемиста Плифона, Георгия Трапезундского и Георгия Гермониана (1721. Vol. X. P. 721-738, 739-760).
- ⁵⁷ *Zeno A.* Dissertazioni Vossiane. Venezia, 1753. Т. II. P. 2-27.
- ⁵⁸ *Hodius H.* De Graecis illustribus linguae Graecae literarumque humaniorum instauratoribus / Ed. S. Jebb. Londini, 1742.
- ⁵⁹ *Boernerus Ch.Fr.* De altera migratione literarum Graecarum e Graecia in Italiam, s. de Graecis qui saeculo XV ad Imperii Constantinopolitani interitum fatali suas iterum literas in Italiam intulerunt. Leipzig, 1704; *Idem.* Dissertatio altera de exulibus Graeciae iisdemque literarum in Italia instauratoribus. Leipzig, 1705; *Idem.* De hominibus Graecis Graecarum Litterarum in Italia instauratoribus liber. Lipsiae, 1750.
- ⁶⁰ *Brucker J.* Historia Critica Philosophiae a tempore resuscitatarum in Occidente literarum ad nostra tempora. Lipsiae, 1766. Т. IV. P. I. P. 5-6, 39-47, 64-76.
- ⁶¹ *Tiraboschi G.* Storia della letteratura italiana. Modena, 1772-1782. 13 vol.; Modena, 1787-1794. 16 vol. Особ. т. VI (pt. 1-2).
- ⁶² *Gibbon E.* The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. London, 1788. Vol. VI. P. 417-433; *Гиббон Эд.* История упадка и разрушения Римской империи. СПб., 2004. Т. VII. С. 164-174.
- ⁶³ *Schoell M.S.F.* Geschichte der griechischen Litteratur, von der frühesten

mythischen Zeit bis zur Einnahme Constantinopels durch die Türken. Berlin, 1830. Bd. 3. S. 501-532.

⁶⁴ *Villemain A.-F.* Lascaris: ou Les Grecs du quinziesme siècle, suivi d'un Essai historique sur l'état des Grecs, depuis la conquête musulmane jusqu'à nos jours. Paris, 1825. P. 112-113.

⁶⁵ *СМ.: Cohen-Skalli A.* De Byzance à Messine: les *Vitae Siculorum* de Constantin Lascaris, leur genèse et leur tradition // *Revue d'histoire des textes*. 2014. Т. 9. P. 79-116: 81-82. Также: *Centanni M.* Bessarione e Gemisto Pletone: Lettere dall'esilio // *Exil und Heimatferne in der Literatur des Humanismus von Petrarca bis zum Anfang des 16. Jahrhunderts L'esilio e la lontananza dalla patria nella letteratura umanistica dal Petrarca all'inizio del Cinquecento* / Hrsg. von Fr. Furlan, G. Siemoneit und H. Wulfram. 2019. S. 361-383: 361-366.

⁶⁶ *Raggi O.* Commentario sulla vita del cardinal Bessarione. Roma, 1844.

⁶⁷ *Hacke J.C.* Disputatio, qua Bessarionis aetas, vita, merita, scripta exponuntur. Harlemi, 1840.

⁶⁸ *Voigt G.* Die Wiederbelebung des classischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus. Berlin, 1880-1881. Bd. I-II; *Фойгт Г.* Возрождение классической древности или первый век гуманизма / Пер. И.П. Пассадина. М., 1884-1885. Т. I-II.

⁶⁹ *Burckhardt J.* Die Cultur der Renaissance in Italien. Basel, 1860. S. 194-195; *Буркхардт Я.* Культура Возрождения в Италии. М., 1996. С. 126-127.

⁷⁰ PG. 1857-1866. 161 t. Особенно тома 156, 158, 160, 161.

⁷¹ *Мартин Ханке* (Hankius, 1633-1709) – немецкий историк, автор книги “De Byzantinarum rerum scriptoribus graecis liber” (Lipsiae, 1677). См. PG. Т. 156 (о жизни М. Хрисолора).

⁷² *Анджело-Мария Бандини* (1726-1803) – итальянский библиотекарь и ученый. Автор труда “De Bessarionis cardinalis Nicaeni vita, rebus gestis, scriptis commentarius” (Romae, 1777), перепечатанного в PG. Т. 161. Col. III *etc.*

⁷³ *Шарль Александр* (1798-1870) – французский эллинист и филолог. Извлечение из его предисловия к изданию “Законов” Плифона (*Pléthon. Traité des Lois* / par C. Alexandre et A. Pelissier. Paris, 1858) см. в: PG. Т. 160. Col. 793 *etc.*

⁷⁴ *Σάθας Κ.* Νεοελληνική Φιλολογία: Βιογραφία των εν τοις γράμμασι διαλαμπάντων Ελλήνων, από της καταλύσεως της Βυζαντινής Αυτοκρατορίας μέχρι της Ελληνικής εθνεγερσίας (1453-1821). Εν Αθήναις, 1868. В книгу вошли биографические и библиографические очерки о Гемисте Плифоне, Виссарионе, Феодоре Газе, Георгии Трапезундском, Аргиропуле, Константине Ласкарисе, Димитрии Халкокондиле, Георгии Гермониме, Михаиле и Арсении Апостолиях, Андронике Каллисте, Михаиле Маруллосе Тарханиоте, Марке Музуросе, Николае (Леонике) Томее, Иоанне Григоропуле, Иоанне Ласкарисе, Захарии Каллиерги и других эрудитах.

⁷⁵ *Legrand E.* Bibliographie hellénique, ou description raisonnée des ouvrages

publiés par des grecs aux XVe et XVIe siècles. Paris, 1885-1906. T. I-IV.

⁷⁶ Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe / Ed. E. Legrand. Paris, 1892.

⁷⁷ *Sabbadini R.* L'ultimo ventennio della vita di Manuele Crisolora // Giornale ligustico di archeologia, storia e letteratura. 1890. Anno 17. P. 321-336.

⁷⁸ *Schultze F.* Georgios Gemistos Plethon und seine reformatorischen Bestrebungen. Jena, 1874.

⁷⁹ *Goethe W.M. von.* Studien und Forschungen über das Leben und die Zeit des Cardinals Bessarion 1395-1472: Abhandlungen, Regesten und Collectaneen. Jena, 1871.

⁸⁰ *Vast H.* Bessarion. Обзор ранней историографии жизни и деятельности кард. Виссариона см. в работе *А.И. Садова*: Виссарион Никейский. Его деятельность на Ферраро-Флорентийском соборе, богословские сочинения и значение в истории гуманизма. СПб., 1883. С. X-XX.

⁸¹ *Rocholl R.* Bessarion. Studie zur Geschichte der Renaissance. Leipzig, 1904.

⁸² *Sabbadini R.* Briciole umanistiche:Giorgio da Trebisonda // Giornale storico della letteratura italiana. 1891. Vol. 18. P. 230-241; 1904. Vol. 43. P.253-254.

⁸³ *Zippel G.* Per la biografia dell'Argiropulo // Giornale storico della letteratura italiana. 1896. Vol. 28. P. 92-112.

⁸⁴ Вводные лекции Аргиropула к философским сочинениям Аристотеля опубликованы К. Мюллером (*K. Müllner*) в его: *Reden und Briefe Italienischer Humanisten. Ein Beitrag zur Geschichte Pädagogik des Humanismus.* Wien, 1899. S. 3-56.

⁸⁵ *Άάμπρος Σ.Π.* 'Αργυροπούλεια.

⁸⁶ *Castellani G.* Giorgio da Trebisonda, maestro di eloquenza a Vicenza e a Venezia // Nuovo Archivio Veneto. 1896. Vol. 11. P. 123-142.

⁸⁷ *Cessi R.* La contesa fra Giorgio da Trebisonda, Poggio e Aurispa durante il pontificato di Niccolò V // Archivio Storico per la Sicilia Orientale. 1912. Anno IX – Fasc. I. P. 211-232.

⁸⁸ *Stein L.* Der Humanist Theodor Gaza als Philosoph // Archiv für Geschichte der Philosophie. 1889. Bd. II. S. 426-458.

⁸⁹ *Gercke A.* Theodoros Gazes. Greifswald, 1903.

⁹⁰ *Noiret H.* Huit lettres inédites de Démétrius Chalcondyle // Mélanges d'archéologie et d'histoire. 1887. T. VII. P. 472-500.

⁹¹ *Badini Confalonieri A.* Giorgio Merula e Demetrio Calcondila. Torino, 1887.

⁹² *Badini Confalonieri A., Gabotto F.* Notizie biografiche di Demetrio Calcondila // Giornale ligustico di archeologia, storia e letteratura. 1892. Anno 19. P. 241-298; 321-336.

⁹³ *Motta E.* Demetrio Calcocondila, editore. Con altri documenti riguardanti Demetrio Castreno, Costantino Lascaris ed Andronico Callisto // Archivio Storico Lombardo. 1893. Vol. 20. P. 143-166.

⁹⁴ *Labate V.* Per la biografia di Costantino Lascaris: nuovi documenti // Archivio Storico Siciliano. 1901. Anno 26. P. 222-240.

- ⁹⁵ *Perroni-Grande L.* 1) La scuola di greco a Messina prima di Costantino Lascaris. Notizie e documenti da servire per la storia della cultura in Sicilia nel secolo XV. Palermo, 1911. 2) Per la storia di Messina e non per essa soltanto. Appunti d'archivio. Con appendice di documenti su Costantino Lascaris // Archivio storico messinese. 1903. Anno 3. P. 264-272.
- ⁹⁶ *Vast H.* De vita et operibus Jani Lascaris. Parisiis, 1878.
- ⁹⁷ *Müller K.K.* Neue Mitteilungen über Janos Laskaris und die Mediceische Bibliothek // Zentralblatt für Bibliothekswesen. 1884. Jg. 1. S. 333-412.
- ⁹⁸ *Nolhac P. de.* Inventaire des manuscrits grecs de Jean Lascaris // Mélanges d'archéologie et d'histoire. 1886. T. VI. P. 251-274.
- ⁹⁹ *Müllner K.* Eine Rede des Johannes Laskaris // Wiener Studien. 1899. Jg. 21. S. 128-143.
- ¹⁰⁰ *Pelissier L.-G.* Sur les dates de trois lettres inédites de Jean Lasaris ambassadeur de France à Venise (1504-1509) // Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions et belles-lettres. 1901. Première série. T. XI. P. 177-213.
- ¹⁰¹ *Noiret H.* Lettres inédites de Michel Apostolis. Paris, 1889.
- ¹⁰² *Menge R.* De Marci Musuri Cretensis vita studiis ingenio narratio // *Schmidt M.* Hesyehii Alexandrini Lexicon. Ienae, 1868. Vol. V. P. 1-57. Там же опубликованы предисловия к печатным изданиям, письма и песнь в честь Платона, написанные Музуром: p. 58-88.
- ¹⁰³ *Foffano F.* Marco Musuro, professore di greco a Padova ed a Venezia // Nuovo Archivio Veneto. 1892. T. III. P. 453-474.
- ¹⁰⁴ *Firmin-Didot A.* Alde Manuce et l'hellénisme à Venise. Paris, 1875.
- ¹⁰⁵ *Sabbadini R.* Le scoperte dei codici latini e greci ne' secoli XIV e XV. 2 vols. Firenze, 1905-1914.
- ¹⁰⁶ *Vogel M., Gardthausen V.* Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance, Leipzig, 1909.
- ¹⁰⁷ *Mercati G.* Sopra due lettere di Manuele Crisolora a Coluccio Salutati // Bessarione. 1917. Vol. 33. P. 328-334.
- ¹⁰⁸ *Mohler L.* Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann, Bd. 1-3. Paderborn, 1923-1942. См. также ранее опубликованные статьи Л. Мёлера, посвященные Виссариону и Феодору Газе: 1) Bessarions Instruktion für die Kreuzzugspredigt in Venedig (1463) // Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und für Kirchengeschichte. 1927. Bd. 35. S. 337-350; 2) Die Wiederbelebung des Platonstudiums in der Zeit der Renaissance durch Kardinal Bessarion // Vereinskchrift der Görres-Gesellschaft. 1921. Heft 3. S. 41-48; 3) Kardinal Bessarions kritische Untersuchung der Vulgatastellē: Sic eum volo manere, quid ad te? // Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte. 1933. Bd. 41. S. 189-206; 4) Theodoros Gazes. Seine bisher ungedruckten Schriften und Briefe // Byzantinische Zeitschrift. 1942. Bd. 42. S. 50-75.

- ¹⁰⁹ *Kamπούρογλου Δ.* Οί Χαλκοκόνδυλοι. Μονογραφία. Εν Αθήναις, 1926.
- ¹¹⁰ *Taylor J.W.* 1) A Misunderstood Tract by Theodore Gaza // Archiv für Geschichte der Philosophie. 1921. Bd. 33 (3-4). P. 150-155. 2) Bessarion the Mediator // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1924. Vol. 55. P. 120-127; 3) Theodore Gaza's *De fato*. Toronto, 1925.
- ¹¹¹ *Wilson H.S.* George of Trebizond and Early Humanist Rhetoric // Studies in Philology. 1934. Vol. 40. No.3. P. 367-379.
- ¹¹² *Powell J.E.* 1) Michael Apostolios gegen Theodoros Gaza // Byzantinische Zeitschrift. 1938. Bd. 38. S. 71-86; 2) Two letters of Andronicus Callistus to Demetrius Chalcocondyles // Byzantinisches und Neugriechisches Jahrbücher. 1939. Bd. 15. S. 14-20.
- ¹¹³ *Cammelli G.* I dotti bizantini e le origini dell'umanesimo Firenze, 1941: I. Manuele Crisolora; 1941: II. Giovanni Argiropulo; 1954: III. Demetrio Calcondila; *Idem.* Andronic Callisto // La Rinascita. 1942. Anno V. No. 23. P. 104-121; No. 24. P. 174-214; *Idem.* Calcondiliana // Miscellanea Giovanni Mercati. 1946. Pt. III. P. 252-272.
- ¹¹⁴ *Pasquali G.* Medioevo bizantino // Civiltà moderna. 1941. Anno 13. P. 289-320. О критике его подхода к определению греческого влияния на Ренессанс см.: *Гарэн Э.* Проблемы итальянского Возрождения / Пер. с ит. М., 1986. С. 149-151. Заслуги отдельных греческих эрудитов оценивались также неоднозначно. Например, французский историк и искусствовед А. Шастель считал М. Хрисолора “посредственным” (médiocre) ученым: *Chastel A.* Art et humanisme à Florence au temps de Laurent le Magnifique. Paris, 1959. Переизд. 1982. P. 184; *Шастель А.* Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерк об искусстве Ренессанса и неоплатонической гуманизме. М., СПб, 2001. С. 195.
- ¹¹⁵ *Loenertz R.-J.* Pour la biographie du cardinal Bessarion // Orientalia Christiana Periodica. 1944. Vol. 10. P. 116-149.
- ¹¹⁶ *Knös B.* 1) Un ambassadeur de l'hellénisme, Janus Lascaris, et la tradition gréco-byzantine dans l'humanisme français. Uppsala-Paris, 1945; 2) Gémiste Pléthon et son souvenir // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. 1950. No. 9. P. 97-184.
- ¹¹⁷ *Hofmann G.* 1) Acht Briefe des Kardinals Bessarion // Orientalia Christiana Periodica. 1949. Vol. 15. P. 277-290; 2) Zwei bisher unbekannte Briefe des Kardinals Bessarion // Ibid. 1954. Vol. 20. P. 151-152.
- ¹¹⁸ *Oleroff A.* 1) L'humaniste dominicain Jean Conon et le Crétois Jean Grégoropoulos // Scriptorium. 1950. Vol. 4. No. 1. P. 104-107; 2) Démétrius Trivolis, copiste et bibliophile // Scriptorium. 1950. Vol. 4. No. 2. P. 260-263.
- ¹¹⁹ *Anastos M.* Pletho, Strabo and Columbus // Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves. 1953. Vol. 12. P. 1-18.
- ¹²⁰ *Setton K.M.* The Byzantine Background to the Italian Renaissance // Proceedings of the American Philosophical Society. 1956. Vol. 100. No. 1. P. 1-76.

¹²¹ *Keller A.G.* 1) A Byzantine Admirer of “Western” Progress: Cardinal Bessarion // *Cambridge Historical Journal*. 1955. Vol. 11. P. 343-348; 2) Two Byzantine scholars and their reception in Italy // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1957. Vol. 20. No. 3/4. P. 363-70.

¹²² *Masai Fr.* 1) Le problème des influences byzantines sur le platonisme italien de la Renaissance // *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*. 1953. Vol. 12. No. 4. P. 82-90; 2) Pléthon et le Platonisme de Mistra. Paris, 1956.

¹²³ *Thomson J.* Manuel Chrysoloras and the Early Italian Renaissance // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1966. Vol. 7. P. 63-82.

¹²⁴ *Хартман Г.М.* Значение греческой культуры для развития итальянского гуманизма (Пер. с нем. М.С. Вейсман) // *ВВ*. 1959. Т. 15. С. 100-124.

¹²⁵ *Garin E.* 1) Le traduzioni umanistiche di Aristotele nel secolo XV // *Atti e memorie dell'Accademia fiorentina di scienze morali “La Colombaria”*. 1951. Vol. 16. P. 55-104; 2) *Medioevo e Rinascimento*. Bari, 1954; 3) *Ricerche sulle Traduzioni di Platone nella prima metà del sec. XV // Medioevo e Rinascimento: Studi in onore di B. Nardi*. Firenze, 1955. Vol. 1. P. 339-374; 4) *Un trattatello inedito di Giovanni Argiropulo // Studi in onore Ernesto Codignola*. Firenze, 1960. P. 28-35; 4) *La cultura del Rinascimento. Profilo storico*. Bari, 1967; 5) *Portraits from the Quattrocento*. New York, 1972; *et alia*.

¹²⁶ *Vasoli C.* 1) Su una “dialettica” attribuita all'Argiropulo // *Rinascimento*. 1959. Vol. 10. P. 157-164; 2) La “dialettica” di Giorgio Trapezunzio // *Atti e Memorie dell'Accademia Toscana di Scienze e Lettere “La Colombaria”*. 1959-1960. Vol. 24. P. 301-327; 3) *Giovanni Argiropulo. Compendium de regulis et formis ratiocinandi // Rinascimento*. 1964. Vol. 4. P. 285-339.

¹²⁷ *Pertusi A.* 1) Ἐρωτήματα. Per la storia e le fonti delle prime grammatiche greche a stampa // *Italia medievale e umanistica*. 1962. Vol. V. P. 321-351; 2) *Leontio Pilato fra Petrarca e Boccaccio. Le sue versioni omeriche negli autografi di Venezia e la cultura greca del primo Umanesimo*. Venezia-Roma, 1964; 3) *Storiografia umanistica e mondo bizantino*. Palermo, 1967; *et alia*.

¹²⁸ *Labowsky L.* 1) *Bessarion Studies // Mediaeval and Renaissance Studies*. 1961. Vol. 5. P. 108-162; 2) *An Unknown Treatise by Theodorus Gaza // Mediaeval and Renaissance Studies*. 1968. Vol. 6. P. 173-198; 3) *An unnoticed letter from Bessarion to Lorenzo Valla // Medieval Learning and Literature. Essays presented to R.W. Hunt / Ed. J.J.G. Alexander, M.T Gibson*. Oxford, 1976. P. 366-375; 4) *Bessarion's Library and the Biblioteca Marciana: Six Early Inventories*. Roma, 1979.

¹²⁹ *Baxandall M.* Guarino, Pisanello and Manuel Chrysoloras // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1965. Vol. 28. P. 183-204.

¹³⁰ *Mioni E.* 1) *Bessarione bibliofilo e filologo // Rivista di Studi bizantini e neoellenici*. 1968. N.S. 5. P. 61-83; 2) *La biblioteca greca di Marco Musuro // Archivio veneto*. 1971. Ser. V. Vol. 93. P. 5-28; 3) *Bessarione scriba e alcuni suoi collaboratori // Miscellanea Marciana di studi bessarionei*. Padova, 1976. P. 263-318;

- 4) Vita del cardinale Bessarione // *Miscellanea Marciana*. 1991. Vol. 6. P. 13-198.
- ¹³¹ *Seigel J.E.* The Teaching of Argyropulos and the Rhetoric of the First Humanists // *Action and Conviction in Early Modern Europe* / Ed. T.K. Rabb, J.E. Seigel. Princeton, 1969. P. 237-260.
- ¹³² *Gaeta F.* Giorgio di Trebisonda. Le “Leggi” di Platone e la costituzione di Venezia // *Bollettino dell'Isti-tuto storico italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano*. 1970. Vol. 82. P. 479-501.
- ¹³³ *Ravegnani G.* Nota sul pensiero politico di Giorgio da Trebisonda // *Aevum*. 1975. Vol. 49. P.310-329.
- ¹³⁴ *Brown V.* Giovanni Argiropulo on the Agent Intellect // *Essays in Honor of A.Ch. Pegis*. Toronto, 1974. P. 160-175.
- ¹³⁵ *Kristeller P.O.* 1) Italian Humanism and Byzantium // *Idem*. *Renaissance Concepts of Man*. New York, 1972. P. 64-85; 2) Byzantine and Western Platonism in the Fifteenth Century // *Idem*. *Renaissance Thought and Its Sources*. New York, 1979. P. 150-163; *et alia*.
- ¹³⁶ *Weiss R.* Medieval and Humanist Greek. Padova, 1977.
- ¹³⁷ *Woodhouse C.M.* George Gemistos Plethon: The Last of the Hellenes. Oxford, 1986.
- ¹³⁸ *Wittek M.* Pour une étude du scriptorium de Michel Apostoles et consorts // *Scriptorium*. 1953. Vol. 7. No. 2. P. 290-297.
- ¹³⁹ *Πατρινέλης Χ.Γ.* Έλληνες κωδικογράφοι τῶν χρόνων τῆς Ἀναγεννήσεως // *Επετηρίς τοῦ Μεσαιωνικοῦ Ἀρχείου*. 1958-1959. Τ. 8-9. Ἀθήνα, 1961. Σ. 63-125.
- ¹⁴⁰ *Canart P.* Scribes grecs de la Renaissance // *Scriptorium*. 1963. Vol. 17. No. 1. P. 56-82; *Eleuteri P., Canart P.* *Scrittura greca nell'umanesimo italiano*. Milano, 1991.
- ¹⁴¹ *Diller A.* Three Greek scribes working for Bessarion: Trivizias, Callistus, Hermonymus // *Italia Medioevale e Umanistica*. 1967. Vol. 10. 403-410.
- ¹⁴² *Reynolds L.D., Wilson N.G.* *Scribes and Scholars: a Guide to the Transmission of the Greek and Latin Literature*. Oxford, 1974. P. 146-158.
- ¹⁴³ *Gamillscheg E., Harlfinger D., Eleuteri P.* *Repertorium der griechischen Kopisten 800-1600*. Wien, 1981-1997. Bd. 1-3; *Gamillscheg E.* *Manuscripta Graeca. Studien zur Geschichte des griechischen Buches in Mittelalter und Renaissance*. Purkersdorf, 2010; *Harlfinger D.* *Specimina griechischer Kopisten der Renaissance: Griechen des 15. Jahrhunderts*. Berlin, 1974.
- ¹⁴⁴ *Kristeller P.O.* *Iter Italicum: a Finding List of Uncatalogued or Incompletely Catalogued Humanistic Manuscripts of the Renaissance in Italian and other Libraries*. London-Leiden, 1963-1992. Vol. 1-6.
- ¹⁴⁵ *Catalogus Translationum et Commentariorum. Mediaeval and Renaissance Latin Translations and Commentaries: Annotated Lists and Guides* / Ed. P.O. Kristeller, F.E. Cranz, V. Brown, G. Dinkova-Bruun. Washington, 1960-. Vol. I-XI (далее – CTC).
- ¹⁴⁶ *Irmischer J.* 1) Theodoros Gazes als griechischer Patriot // *La parola del passato*. 1961. Vol. 78. P. 161-173; 2) Georgios von Trapezunt als Griechische Patriot // *Actes du XIIe Congrès International d'études Byzantines* (Ochride,

1961). Belgrad. 1964. Vol. 2. P. 353-363; 3) Janus Pannonius und Teodorus Gazes // Acta litteraria Academiae scientiarum Hungariae. 1972. T. XIV. P. 353-357; 4) Bessarion als Griechische Patriot // Miscellanea Marciana di Studi Bessarionei (a coronamento del V centenario della donazione nicena) (Medioevo e Umanesimo, 24). Padova, 1976. P. 175-185.

¹⁴⁷ *Vacalopoulos A.E.* 1) The Exodus of Scholars from Byzantium in the Fifteenth Century // *Cahiers d'Histoire Mondiale*. 1967. Vol. 10. P. 463-480; 2) Origins of the Greek Nation: The Byzantine Period, 1204-1261. New Brunswick, New Jersey, 1970. P. 234-263.

¹⁴⁸ *Vacalopoulos A.E.* Origins of the Greek Nation. P. 256, 263.

¹⁴⁹ *Geanakoplos D.J.* 1) Greek scholars in Venice. Studies in the dissemination of Greek learning from Byzantium to Western Europe. Cambridge, 1962; 2) Byzantine East and Latin West: two Worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance. Studies in Ecclesiastical and Cultural History. Oxford, 1966; 3) Interaction of the "Sibling" Byzantine and Western Cultures in the Middle Ages and Italian Renaissance (330-1600). New Haven; London, 1976; 4) Constantinople and the West: Essays on the Late Byzantine (Palaeologan) and Italian Renaissances and the Byzantine and Roman Churches. Madison, 1989; *et alia*.

¹⁵⁰ *Binner R.* Griechische Emigration und Türkenkrieg. Anmerkungen zu einer Denkschrift von Janus Lascaris aus dem Jahre 1531 // *Südost-Forschungen*. 1971. Bd. 30. S. 37-50; *Signes Codoñer J.* Translatio studiorum: la emigración bizantina a Europa occidental en las décadas finales del Imperio (1353-1453) // *Constantinopla 1453. Mitos y realidades* / Ed. P. Bádenas de la Peña, I. Pérez Martín. Madrid, 2003. P. 187-246; *Wells C.* Sailing from Byzantium; how lost Empire shaped the world. New-York, 2008; О греческой идентичности эмигрантов см.: *Harris J.* 1) Common language and the common good: aspects of identity among Byzantine emigres in Renaissance Italy // *Crossing boundaries: Issues of cultural and individual identity in the Middle Ages and the Renaissance* / Ed. S. McKee. Turnhout, 1999. P. 189-202; 2) Being a Byzantine after Byzantium: Hellenic identity in Renaissance Italy // *Kambos: Cambridge Papers in Modern Greek*. 2000. Vol. 8. P. 25-44; *Lamers H.* Greece Reinvented: Transformations of Byzantine Hellenism in Renaissance Italy. Leiden, 2016; *The Problem of Modern Greek Identity: From the Ecumene to the Nation-State* / Ed. G. Steiris, S. Mitralaxis and G. Arabatzis. Cambridge, 2016: Ch. 8: *Steiris G.* Byzantine Philosophers of the 15th Century on Identity and Otherness. P. 173-200; Ch. 9: *Theodoropoulou A.* Cardinal Bessarion on Hellenic Identity and a Peloponnesian State: A Comparison with the Modern Greek Crisis. P. 201-214. ¹⁵¹ *Berti E.* Alla scuola di Manuele Crisolora: lettura e commento di Luciano // *Rinascimento*. 1987. Ser. 2. Bd. 27. P. 3-73; *Botley P.* Learning Greek in Western Europe, 1396-1529: Grammars, Lexica, and Classroom Texts. Philadelphia, 2010; *Ciccolella F.* Donati Graeci. Learning Greek in the Renaissance. Leiden-Bos-

ton, 2008; *Nuti E.* 1) Longa est via. Forme e contenuti dello studio grammaticale dalla Bisanzio paleologa al tardo Rinascimento veneziano. Alessandria, 2014; 2) Reconsidering Renaissance Greek grammars through the case of Chryssoloras' *Erotemata* // Greek, Roman and Byzantine studies. 2012. Vol. 52. P. 240-268; *Robins R.H.* The Byzantine Grammarians: Their Place in History. Berlin; New York, 1993; *Rollo A.* Gli *Erotemata* tra Crisolora e Guarino. Messina, 2012. См. монографии: о М. Хрисолоре (*Thorn-Wickert L.* Manuel Chryssoloras (ca. 1350-1415): Eine Biographie des byzantinischen Intellektuellen vor dem Hintergrund der hellenistischen Studien in der italienischen Renaissance. Frankfurt am Main, 2006); К. Ласкарисе (*Martínez Manzano T.* Constantino Láscaris, semblanza de un humanista bizantino. Madrid, 1998). См. также: *Cadafaz de Matos M.* Helenismo filosofia e cultura no Renascimento italiano de Giovanni Argyropulus a Constantino e Janus Lascaris // Revista portuguesa de história do livro. 2009. Vol. 12. P. 169-242; *Gastgeber Ch.* Die Brücke in den Westen. Griechisch-byzantinischer Kulturtransfer in der Renaissance // Byzantium as bridge between West and East / Ed. Ch. Gastgeber, F. Daim. Wien, 2015. P. 291-316.

¹⁵² *Barker N.* Aldus Manutius and the development of Greek script and type in the Fifteenth Century. New York, 1992; *Manoussakas M., Staikos K.Sp.* L'activité éditoriale des Grecs pendant la Renaissance: de l'Italie à Genève, XVe-XVIe siècle. Athènes 1989; *Staikos K.Sp.* The printing shop of Nikolaos Vlastos and Zacharias Kallierges. 500 years from the establishment of the first Greek press // La bibliofila. 2000. Vol. 102. P. 11-32.

¹⁵³ *Bianca C.* La formazione della biblioteca latina del Bessarione // Scrittura, biblioteche e stampa a Roma nel Quattrocento. Città del Vaticano, 1980. P. 103-165; *Gentile S.* Lorenzo e Giano Lascaris. Il fondo greco della biblioteca medicea privata // Lorenzo il Magnifico e il suo mondo. Firenze, 1994. P. 177-194; *Mioni E.* La formazione della biblioteca greca di Bessarione // Bessarione e l'Umanesimo. Catalogo della mostra. Napoli, 1994. P. 229-240.

¹⁵⁴ В частности: *Georgios Gemistos Plethon.* The Byzantine and the Latin Renaissance / Ed. J. Matula and P.R. Blum. Olomouc, 2014; *Harris J.* Plato, Byzantium and the Italian Renaissance // History Teaching Review. 2005. Vol. 19. P. 11-16; *Schulz P.* George Gemistos Plethon (ca. 1360–1454), George of Trebizond (1396-1472), and Cardinal Bessarion (1403–1472): The Controversy between Platonists and Aristotelians in the Fifteenth Century // Philosophers of the Renaissance / Ed. P.R. Blum. Washington, 2010. P. 23-32; *Steiris G.* George of Trebizond's Contribution in the Development of Cosmology During the Renaissance // Acta of the IX International Cretological Congress. T. B1. Chanea, 2010. P. 185-202; *Tambrun B.* Pléthon. Le retour de Platon. Paris, 2006.

¹⁵⁵ Например, *Glowotz D.* Byzantinische Gelehrte in Italien zur Zeit des Renaissance-Humanismus. Musikauffassung, Vermittlung antiker Musiktheorie, Exil und Integration. Schneverdingen, 2006.

¹⁵⁶ Dizionario biografico degli italiani. Roma, 1960– (далее DBI). См., например, статьи Л. Лабовски о Виссарионе (Vol. 9. P. 686-696); А. Петруччи о Димитрии Халкокондиле (Vol. 16. P. 542-547); П. Шрейнера о Василии Халкокондиле (Vol. 16. P. 541-542); Э. Миони о Захарии Каллиерги (Vol. 16. P. 750-753); К. Бьянки о Феодоре Газе (Vol. 52. P. 737-746); П. Вити о Георгии Трапезундском (Vol. 55. P. 373-382); М. Черезы о Иоанне Ласкарисе (Vol. 63. P. 785-791), П. Пеллегрини о Марке Музуроце (Vol. 77. P. 576-583) и др.

¹⁵⁷ *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy: Greek Studies in the Italian Renaissance. London, 1992.

¹⁵⁸ *Dotti bizantini e libri greci nell'Italia del secolo XV. Atti del convegno internazionale, Trento 22-23 ottobre 1990 / a cura di M. Cortesi e E.V. Maltese.* Napoli, 1992.

¹⁵⁹ *Manuele Crisolora e il ritorno del greco in Occidente. Atti del Convegno internazionale. Napoli 26-29 giugno 1997 / a cura di R. Maisano e A. Rollo.* Napoli, 2002.

¹⁶⁰ *In the light of Apollo: Italian Renaissance and Greece / Ed. G. Mina.* 2 vols. Milano, 2003-2004.

¹⁶¹ *Der Beitrag der Byzantinischen Gelehrten zur Abendländischen Renaissance des 14. und 15. Jahrhunderts [Internationales Symposium vom 30.Mai bis 2.Juni 2003 in Nürnberg] / Hrsg. von E. Konstantinou.* Frankfurt am Main, 2006.

¹⁶² *Making and Rethinking Renaissance: between Greek and Latin in 15th-16th century Europe / Ed. G. Abbamonte, St. Harrison.* Berlin, Boston, 2019.

¹⁶³ *Mondo Latino e Civiltà Bizantina: Musica, arte e cultura nei codici del'400 / a cura di A. Lovato e D. Princivalli.* Padova, 2014 (в особенности ст. Д. Гловотца (Daniel Glowotz): *Die Rolle der gelehrten Exilbyzantiner in der Musikkultur der italienischen.* P. 153-168).

¹⁶⁴ *Teachers, Students, and Schools of Greek in the Renaissance / Ed. F. Ciccolella, L. Silvano.* Leiden; Boston, 2017.

¹⁶⁵ См. посвященный Виссариону раздел в кн.: *Исихазм: аннотированная библиография / Под ред. С.С. Хоружего.* М., 2004. С. 477-490.

¹⁶⁶ *Il Cardinale Bessarione nel V centenario della morte (1472-1972). Conferenze di studio (Roma, 7-18 novembre 1972).* Roma, 1974; *Miscellanea Marciana di studi bessarionesi (a coronamento del V centenario della donazione nicena) / a cura di R. Avesani.* Padova, 1976; *Bessarione e l'umanesimo: catalogo della Mostra / a cura di G. Fiaccadori.* Napoli, 1994. См. также монографию К. Бьянки: *Bianca C. Da Bisanzio a Roma. Studi sul cardinale Bessarione.* Roma, 1999.

¹⁶⁷ *"Inter graecos latinissimus, inter latinus graecissimus": Bessarion zwischen den Kulturen / Hrsg. von C. Kaiser, C. Märkl, T. Ricklin.* Berlin, 2013.

¹⁶⁸ *Bessarione. La natura delibera. La natura e l'arte, a cura di P.D. Accendere e I. Privitera, prefazione di J. Monfasani.* Milano, 2014.

- ¹⁶⁹ *Monfasani J.* George of Trebizond: A Biography and a Study of his Rhetoric and Logic. Leiden, 1976; *Collectanea Trapezuntiana: texts, documents and bibliographies of George of Trebizond* / Ed. J. Monfasani. New-York, 1984.
- ¹⁷⁰ *Monfasani J.* 1) *Byzantine Scholars in Renaissance Italy: Cardinal Bessarion and Other Emigrés.* Aldershot, 1995; 2) *Greeks and Latins in Renaissance Italy: studies on humanism and philosophy in the 15th century.* Aldershot, 2004; 3) *Greek Scholars Between East and West in the Fifteenth Century.* Farnham, 2016; *et alia.*
- ¹⁷¹ *Hankins J.* 1) *Plato in Italian Renaissance.* Leiden, 1990. Vol. 1-2; 2) *Humanism and Platonism in the Italian Renaissance.* Roma, 2003-2004. Vol. 1-2. См. также: *Idem.* *Greek studies in Italy: from Petrarch to Bruni // Petrarca e il mondo greco.* Firenze, 2007. P. 329-340; *Idem.* *George of Trebizond, Renaissance Libertarian? // Essays in Renaissance Thought and Letters. In Honor of J. Monfasani* / Ed. A. Frazier and P. Nold. Leiden-Boston, 2015. P. 87-106.
- ¹⁷² *Ball J.G.* 1) *Poverty, Charity and the Greek Community // Studi Veneziani.* 1982. Vol. 6. P. 129-145; 2) *The Greek community in Venice, 1470-1620.* Ph.D. thesis, University of London. 1985.
- ¹⁷³ *Nicol D.M.* *Byzantium and Venice: a Study in Diplomatic and Cultural Relations.* Cambridge, 1988.
- ¹⁷⁴ *Harris J.* *Greek Emigres in the West, 1400 – 1520.* Camberley, 1995; *Idem.* *Bessarion on Shipbuilding: A Re-interpretation // Byzantinoslavica.* 1994. T.55, № 2. P. 291-303.
- ¹⁷⁵ *Burke E.C.* *The Greeks of Venice, 1498–1600: Immigration, Settlement, and Integration.* Turnhout, 2016. Также: *Eadem.* 1) *Surviving exile: Byzantine families and the Serenissima 1453-1600 // Wanted: Byzantium. The Desire for a Lost Empire* / Ed. I. Nilsson, P. Stephenson. Uppsala 2014. P. 109-132; 2) “To Live Under the Protection of Your Serenity”: *Immigration and Identity in Early Modern Venice // Studi Veneziani.* 2013. Vol. 67. P. 123-155; 3) “Your Humble and Devoted Servants”: *Greco-Venetian Views of the Serenissima // Street Noises, Civic Spaces and Urban Identities in Italian Renaissance Cities* / Ed. F.W. Kent. Clayton, Victoria, 2000. P. 10-16.
- ¹⁷⁶ См., например: *I greci a Venezia: atti del convegno internazionale di studio; Venezia, 5-7 novembre 1998* / a cura di M.F. Tiepolo, E. Tonetti. Venezia, 2002.
- ¹⁷⁷ Здесь уместно привести любопытное свидетельство Ф.-Х. Вебера, ганноверского резидента при дворе Петра I. Одна речь, произнесенная царем в Петербурге на борту спущенного на воду корабля, впечатлила дипломата настолько, что он пересказал её содержание: “Историки, - говорил государь, - полагают колыбель всех знаний в Греции, откуда (по прератности времен) они были изгнаны, перешли в Италию, а потом распространились было и по всем Европейским землям; но невежеством наших предков были приостановлены и не проникли далее Польши; а Поляки, равно как и все Немцы, пребывали в таком же непроходимом мраке неве-

жества, в каком мы пребываем доселе, и только непомерными трудами правителей своих, открыли глаза и усвоили себе прежние Греческие искусства, науки и образ жизни. <...> Указанное выше передвижение наук я приравниваю к обращению крови в человеческом теле, и сдается мне, что со временем они оставят теперешнее свое местопребывание в Англии, Франции и Германии, продержатся несколько веков у нас и за тем снова возвратятся в истинное отечество свое – в Грецию...”: Записки Вебера / пер. с нем. П. Басова // Русский архив. 1872. № 6. Стб. 1057-1168: 1074-1075.

¹⁷⁸ “Наконец по истечении средних веков, когда Турки взяли Константинополь убегающие и изгнанные Греки, искусные во всех изящных науках с толиким доброжелательством приняты были Правителями Италии, земли тогда в самом цветущем состоянии находившейся, что Греческие и Римские умооткрытия чрез долгое время в целой Европе или погребенные в монастырях, или вовсе неизвестные, с сего времени быв восстановлены, открыли изящнейший путь всем прекрасным наукам, и отверзли славнейшие и прозрачнейшие источники, из коих не токмо писания мужей мудрых и деяния героев, но и все, что древность редкого и так сказать божественных внушений исполненного ни заключает, почерпать и заимствовать можем”: *Christophorus Rommel. De eruditionis verae ac perfectae vi et praestantia / О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения // Речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Харьковского университета, бывшем 30 августа 1811 года. Харьков, 1811. С. 48-58: 49 [рус. перевод]; с. 39-47: 40 [лат. текст].*

¹⁷⁹ “Между тем Греческая Империя разрушена завоевателями, коим ни наука управлять, ни вкус к просвещению были не известны. Любители знаний оставляют покоренное отечество свое, увлекают вместе с собою отличных в каждом роде художников и приходят в Италию искать той тишины и спокойствия, кои необходимо нужны для занятий ума. Вскоре потом воздвигают новые училища, в которых начинают обучать древним языкам, и один муж, происшедший от крови императоров [по всей видимости, автор имеет ввиду Иоанна Ласкариса], поставляет себе за честь преподавать в оных публичные наставления. Страсть к изучению образцовых Греческих и Латинских творений, соделалась господствующею во всей Италии, и перешла оттуда в Германию и Францию. Чтение Платона и других великих учителей древности, скоро потрясает философию Аристотелеву. Таким то образом падение Константинополя способствовало к возрождению любомудрия, наук и художеств в Европе. <...> Изобретение книгопечатания случилось в одно время с выходом ученых Греков из Константинополя, кои употребили все старание к преподаванию познаний в Древней Словесности: и в сем веке ничем более не занимались, как токмо отыскиванием рукописей Греческих и Латинских, обнаружива-

- нием оных, изъяснением и наконец введением в общественное употребление правил истинного Красноречия, находимого в сих произведениях творческого ума и вкуса”: *Antoine Dégouff*. De la renaissance des lettres et de la prépondérance qu’elles ont donnée à l’Europe sur les autres parties de la terre / О возрождении наук и перевесе, который они дали Европе пред прочими частями света // Речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Харьковского университета, бывшем 17 января 1812 года. Харьков, 1812. С. 39-52: 43-44, 49 [рус. перевод]; с. 26-38: 31, 36 [фр. текст].
- ¹⁸⁰ *Кудрявцев П.Н.* Лекции. Сочинения. Избранное / Сост. С.А. Асиновская; отв. ред. В.А. Дунаевский. М., 1991. С. 12-13.
- ¹⁸¹ Лекции Т.Н. Грановского по истории позднего средневековья (записи слушателей с авторской правкой) / Отв. ред. С.Д. Сказкин. М., 1971. С. 109. Лекция 13 (15 ноября 1849 г.).
- ¹⁸² *Садов А.И.* Виссарион Никейский. Его деятельность на Ферраро-Флорентийском соборе, богословские сочинения и значение в истории гуманизма. С. 183-185.
- ¹⁸³ *Садов А.И.* Виссарион Никейский. Речь, произнесенная 23-го октября 1883 года в зале заседания СПб. Духовной академии приват-доцентом А. Садовым СПб., 1883.
- ¹⁸⁴ *Успенский Ф.И.* Брак царя Ивана Васильевича III с Софьей Палеолог // Исторический вестник. 1887. Т. XXX. С. 680-693.
- ¹⁸⁵ *Пирлинг П.О.* 1) Le mariage d’un Tsar au Vatican – Ivan III et Zoé Paléologue // *Revue des questions historiques*. 1887. Т. 41. Р. 353-396; 2) Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане, Иван III и София Палеолог. СПб., 1892; французский вариант: La Russie et l’Orient: Mariage d’un tsar au Vatican – Ivan III et Sophie Paléologue Paris, 1891. См. *его же*: Россия и папский престол. Кн. 1: Русские и Флорентийский собор. М., 1912.
- ¹⁸⁶ *Куторга М.С.* Водворение на Западе изучения эллинства с эпохи Возрождения // ЖМНП. 1891. Ч. 275. Май. С. 81-120; Июнь. С. 216-251. Первая часть этого изыскания охватывает греческие штудии в Италии, вторая – за её пределами.
- ¹⁸⁷ *Куторга М.С.* Указ. соч. Ч. 275. Май. С. 82, 95-96, 99; Июнь. С. 244-245. Автор усматривает роль греков в передаче “просвещенному миру” именно эллинской (т.е. древнегреческой), а не византийской культуры и преподавании именно древнегреческого (аттического), а не современного им языка. По его мнению, византийцы, заботливо сохранив наследие древних эллинских республик, “ни в науках, ни в литературе не произвели ничего, созданного своим личным творчеством” (с. 245).
- ¹⁸⁸ *Корелин М.С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. М., 1892. Вып. I-II; СПб., 1914. Т. I-IV.
- ¹⁸⁹ *Веселовский А.Н.* Учители Боккаччо // Вестник Европы. 1891. Т. VI. Кн. 11. С. 167-184.

- ¹⁹⁰ *Веселовский А.Н.* Боккаччо, его среда и сверстники. СПб., 1893. Т. I. С. 80-99.
- ¹⁹¹ Там же. СПб., 1894. Т. II. С. 350-375.
- ¹⁹² *Успенский Ф.И.* Философское и богословское движение в XIV в. // ЖМНП. 1892. Ч. 279. Январь. С. 1-64. Также: *Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891. С. 298-309.
- ¹⁹³ *Корелин М.С.* Ранний итальянский гуманизм. М., 1892. Вып. II. С. 998-999, сн. 5.
- ¹⁹⁴ *Васильев А.А.* История Византии. Падение империи: эпоха Палеологов (1261-1453). Л., 1925. Совр. изд.: История Византийской империи: от начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998. С. 436-446.
- ¹⁹⁵ *Удальцова З.В.* 1) Борьба партий в Византии XV в. и деятельность Виссариона Никейского // ВВ. 1949. Т. 2 (27). С. 294-307; 2) Борьба Византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии // ВВ. 1950. Т. 3. С. 106-132; 3) Философские труды Виссариона Никейского и его гуманистическая деятельность в Италии // ВВ. 1973. Т. 35. С. 75-87; 4) Жизнь и деятельность Виссариона Никейского // ВВ. 1976. Т. 37. С. 74-97.
- ¹⁹⁶ *Медведев И.П.* 1) Болонская грамота Виссариона Никейского в архиве ЛОИИ СССР АН СССР // ВВ. 1986. Т. 47. С. 134-144; 2) Уникальный архивный документ за подписью Виссариона Никейского // ВВ. 1986. Т. 46. С. 157-163.
- ¹⁹⁷ *Брагина Л.М.* 1) Аргиропуло (из истории философии итальянского Возрождения) // Средние века. Т. 1968. Т. 31. С. 237-255; 2) Гуманизм // История Италии. М., 1970. Т. I. С. 390-425; 3) Проблемы разума и знания в творчестве Джованни Аргиропуло // *Её же.* Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983. С. 179-191; 3) Проблема познания в философии Иоанна Аргиропула // Море и берега. К 60-летию С.П.Карпова от коллег и учеников. М., 2009. С.139-147; 4) Спор Иоанна Аргиропула с Георгием Трапезундским о сущности Бога // *Historia Animata.* Сборник статей. М., 2004. Ч. 3. С. 126-133.
- ¹⁹⁸ *Иванов А.И.* 1) Максим Грек и итальянское Возрождение. К постановке вопроса // ВВ. 1972. Т. 33. С. 140-157; 1973. Т. 34. С. 112-121; Т. 35. С. 119-136; 2) О пребывании Максима Грека в доминиканском монастыре св. Марка во Флоренции // Богословские труды. 1973. Сб. 11. С. 112-119; 3) Максим Грек и Савонарола // Богословские труды. 1974. Сб. 12. С. 184-208; *Клибанов А.И.* К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека // ВВ. Т. 14. С. 148-174; *Синицына Н.В.* Максим Грек и Савонарола (О первом рукописном собрании сочинений Максима Грека) // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 149-156. Из дореволюционных исследований см., напр.: *Гудзий Н.К.* Максим

Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения // Киевские университетские известия. 1911. № 7. С. 1-19; *Иконников В.С.* Максим Грек и его время. Историческое исследование. Киев, 1915. Гл. IV.

¹⁹⁹ *Фонкич Б.Л.* Греческие писцы эпохи Возрождения. I-III // ВВ. 1965. Т. 26. С. 266-271; 1968. Т. 28. С. 283-285; 1981. Т. 42. С. 124-128; *Его же.* О рукописной основе текста Альдовского издания трагедий Софокла // ВВ. 1964. Т. 24. С. 109-120; *Его же.* Исследования по греческой палеографии и кодикологии: IV-XIX вв. М., 2014. С. 427 и далее.

²⁰⁰ *Лебедева И.Н.* Греческая рукописная и печатная книга XV – XVI вв. и её влияние на книжность других народов // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 105-114.

²⁰¹ *Лазурский В.В.* Альд и альдины. М., 1977.

²⁰² *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV – XV вв. Л, 1976; СПб, 1997. См. *его же*: 1) Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973; 2) Ренессансные тенденции поздневизантийской культуры // Культура Византии XIII – первой половины XV в. М., 1991. С. 224-241.

²⁰³ Для характеристики процесса “переноса” достижений греческой культуры на итальянскую почву и их усвоения итальянским гуманизмом современные исследователи также используют такие термины, как “рецепция”, “ассимиляция”, “трансляция” и “трансмиссия”.

²⁰⁴ *Медведев И.П.* 1) Греческая культура конца XV – первой половины XVII в. как составная часть европейской культуры // История Европы. М., 1993. С. 586-591; 2) Константинополь в сравнении с Римом: взгляд Мануила Хрисолоры // ВВ. 2005. Т. 64 (89). С. 316-334; *Медведев И.П., Гаврилов А.К.* Речь Виссариона Никейского на Мантуанском Соборе о падении Константинополя // ВВ. 2004. Т. 63 (88). С. 292-317.

²⁰⁵ См. в энциклопедическом справочнике: Исторический лексикон: история в лицах и событиях. XIV-XVI века / Под ред. Ю.С. Осипова и др. В 2-х кн. М., 2006. Кн. II: *М.В. Бибииков.* 1) Флорентийская уния. С. 224-225; 2) “Византия после Византии”. С. 225-226.

²⁰⁶ *Шичалин Ю.А.* Виссарион. Письма VI-VIII (PG CLXI Migne). Вступительная статья, перевод // Ренессанс: образ и место Возрождения в истории культуры. М., 1987. С. 69-79.

²⁰⁷ *Соловьев С.В.* 1) Мануил Хризолор и гуманистический идеал образованности (конец XIV – первая половина XV в.) // Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII веков. Иваново, 1995. С. 34-42; 2) Слава Рима глазами византийца: переложение античных мотивов в литературе, живописи и архитектуре XV в. // Искусство христианского мира. 2001. Вып. 5. С. 126-134; 3) Мануил Хризолор: из ромеев в римляне // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения.* 2009. № 2. С. 146-165.

²⁰⁸ Куц Т.В. 1) Византийские ученые в Италии. К вопросу об интеллектуальных связях Византии и Запада // АДСВ. 1997. Вып. 28. С. 116-128; 2) Византийский ученый Мануил Хрисолора в письмах своих современников // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 308-318; 3) У истоков studia graecorum на Западе: византийский вклад // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008. С. 484-490; 4) На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013; 5) Становление studia graecorum в Италии: Мануил Хрисолора // Прошлое, настоящее и будущее итальянистики в странах Балтии и России в честь А.Д. Роловой / Отв. ред. М.А. Юсим. М., 2016. С. 181-198.

²⁰⁹ Ревякина Н.В. “О сладчайший язык, о язык языков и мать наук...” (Об изучении греческого языка в Италии XV в.) // *Laurea Loraе*: сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой. СПб., 2011. С. 155-163. Роль византийских греков в гуманистическом движении отчасти затронута и в других работах автора, напр.: *Итальянский гуманист и педагог Витторино да Фельтре в свидетельствах учеников и современников*. М., 2007.

²¹⁰ Синицына Н.В. 1) Новые данные об итальянском периоде жизни преп. Максима Грека // *Вестник церковной истории*. 2006. № 1. С. 193-199; 2) *Максим Грек*. М., 2008. Гл. 2: Италия.

²¹¹ Иванова Ю.В. Греки в Италии // *История литературы Италии* / Отв. ред. М.Л. Андреев. М., 2007. Т. 2. Кн. 1 С. 66-99.

²¹² Лобовикова К.И. 1) Христианство, иудаизм и ислам в трактате Георгия Трапезундского “О вечной славе самодержца и его мировом владычестве” // АДСВ. 2003. Вып. 34. С.399-414; 2) Проблема турецкого завоевания и ислама глазами Георгия Трапезундского. Дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005; 3) Георгий Трапезундский и Мехмед II Завоеватель // ВВ. 2005. Т. 64 (89). С. 141-155; 4) *Георгий Трапезундский*. Об истинности христианской веры / Сост., пер. с древнегреч., комм. К.И. Лобовиковой; общ. и науч. ред. Д.А. Поспелова. Самарканд, 2009.

²¹³ О связи Плифона и Аргиропула с флорентийскими гуманистами см. в кн.: *Кудрявцев О.Ф.* Флорентийская Платоновская Академия: очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М., 2008.

²¹⁴ *Георгий Гемист Плифон*. О том, чем различаются Аристотель и Платон (Часть 1) / Пер. с греч. Татьяны Сениной (монахини Кассии), коммент. О. Ноговицина и Т. Сениной (монахини Кассии) // *ESSE*. Философские и теологические исследования. 2019. Т. 4 (1). С. 327-350; *Сенина Т.* (монахиня Кассия). Трактат Георгия Гемиста Плифона “О том, чем различаются Аристотель и Платон”: история написания и значение для Запада и Византии // *Ibid*. 2019. Т. 4 (2). С. 338-350.

²¹⁵ *Рязанов П.А.* 1) Византийские переводчики и учителя греческой словесности в ренессансной Италии конца XIV-XV в. // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2007. Вып. XVII. С. 490-505; 2) Византийский ученый

Феодор Газа и его речь о пользе изучения греческой словесности // СВ. 2012. Вып. 73 (3-4). С. 198-231; 3) Речи Димитрия Халкокондила о значении греческой словесности (из истории греческих штудий в ренессансной Италии) // СВ. 2014. Вып. 75 (1-2). С. 216-235; 4) Греческие штудии и миланский гуманизм XV – первой четверти XVI в. // СВ. 2017. Вып. 78 (1-2). С. 209-232 и др.; *Рязанов П.А., Софронова Л.В.* Византийский ученый Димитрий Халкокондил в культурном пространстве ренессансной Флоренции // Интеллигенция и мир. 2015. №3. С. 83-96.

²¹⁶ *Воробьев Г.М.* 1) Неологизмы Феодора Газы из его латинского перевода “De animalibus” Аристотеля в современной зоологической номенклатуре // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2015. Т. XIX. С. 158-168; 2) Рукописи из библиотеки Феодора Газы и источники его перевода “De animalibus” Аристотеля // Вспомогательные исторические дисциплины. 2015. Вып. 33. С. 287-300; 3) Кодикологические замечания о двух аристотелевских рукописях Димитрия Халкокондила // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2016. Т. XX (1). С. 182-193; 4) Биологические трактаты Аристотеля в латинском переводе Феодора Газы как памятник гуманистической филологии. Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2017.

²¹⁷ *Семиколенных М.В.* Учение Платона об ораторском искусстве в изложении Виссарiona Никейского // Платоновские исследования. 2015. Т. 1. № 2. С. 172-184; *Она же.* Чем опасен Платон христианину? Критика платоновской философии в “Comparatio Aristotelis et Platonis” Георгия Трапезундского // Универсум Платоновской мысли: Платон и современность материалы XXIV научной конференции. 2016. С. 423-433.

²¹⁸ *Ревко-Линардато П.Ф.* Влияние византийских гуманистов на культуру итальянского Возрождения // Ценности и смыслы. 2015. №1 (35). С. 5-18.

²¹⁹ *Матасова Т.А.* Софья Палеолог. М., 2016. Гл. 1,2; *Матасова Т.А., Воробьев Г.М.* Новый документ по истории связей греческого мира и России последней четверти XV в. // ВВ. 2016. Т. 100 (75). С. 294-308.

²²⁰ См. статьи, опубликованные в “Православной энциклопедии”: о М. Апостолии (*А.В. Занемонец*. Т. 3. С. 99-100); И. Аргиропуле (*И.Н. Попов*. Т. 23. С. 666-667); Виссарione (*П.И. Жаворонков, Т.В. Куц, А.Г. Крысов*. Т. 8. С. 542-544); Ф. Газе (*П.И. Жаворонков*. Т. 10. С. 267); Г. Гермониме (*К.И. Лобовикова*. Т. 18. С. 632-633); Георгии Трапезундском (*К.И. Лобовикова*. Т. 11. С. 82-84); А. Каллисте (*Л.В. Луховицкий*. Т. 29. С. 554-555) и др. Также: *Алиева О.В.* К вопросу о гуманистической рецепции Василия Великого: латинские переводы “Внемли себе” в XV-XVI вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2015. № 4(60). С. 9-23.

ГЛАВА I.

Греческий «исход» и его предпосылки

По мнению Леонардо Бруни, до прибытия Хрисолора «в Италии уже семьсот лет никто не владел греческой словесностью»¹. По всей видимости, Бруни связывал начало этого семивекового забвения с прекращением существования Равеннского экзархата, павшего в середине VIII в. Это представление, нашедшее сторонников среди многих гуманистов, встретило возражение ещё Х. Ходи, который считал очевидным, что греческая словесность полностью угасла (*penitus defloruisse*) в Италии задолго до конца VII в.² Впрочем, в другом месте он заметил, что знание древнего языка сохранялось в Калабрии, где во многих церквях велись греческие богослужения, но в остальных областях едва можно было обнаружить одного или двух его почитателей³.

Действительно, в течение Средних веков значительный пласт греческой литературы оставался неизвестным латинскому Западу, однако это забвение нельзя назвать полным. С развитием схоластики и по мере учащений контактов с исламским и византийским мирами западные ученые стали проявлять интерес к научному знанию античности, философии и богословским трудам Восточных Отцов Церкви, что привело к появлению в XII и первой половине XIII вв. многочисленных латинских переводов с греческого и арабского языков⁴. Одним из наиболее талантливых переводчиков-грецистов был Бургундио Пизанский, латинские версии которого оказали глубокое влияние на западную теологию, в частности на Петра Ломбардского и Фому Аквинского. В числе его переводов – богословские сочинения Иоанна Хризостома и Иоанна Дамаскина, философский трактат Немезия Эмесского «О природе человека», медицинские труды Галена и «Афоризмы» Гиппократов, фрагменты «Геопоники» о виноделии, а также греческие

цитаты из «Дигест»⁵. Его современник Лев Тосканский (Leo Tuscus), состоявший при дворе Мануила I Комнина, перевел на латынь литургию Иоанна Хризостома и книгу о толковании снов «*Achmetis oneirocriticon*»⁶. Пасхалий Римлянин, также находившийся на службе императора Мануила I, оставил латинские версии диалога против иудеев Анастасия Синаита, «Жития Пресвятой Богородицы» монаха Епифания и сборника магико-медицинских знаний под названием «Кираниды»⁷.

Ориентация на научные и математические тексты отличала переводчиков сицилийской школы, которые выполнили латинские версии работ Прокла, Евклида и Герона Александрийского. Тем не менее, именно здесь, в Сицилийском королевстве, были сделаны первые переводы платоновских диалогов «Федон» и «Менон», принадлежащие архидиакону Катании Генриху Аристиппу. До их появления единственным сочинением Платона, более или менее известным на Западе, оставался «Тимей», переведенный Калкидием⁸. Аристиппу также принадлежит перевод четвертой книги «Метеорологии» Аристотеля. Кроме того, в предисловии к «Менону» он сообщает, что король Вильгельм I заказал ему латинскую версию Григория Богослова, а великий эмир королевства Майо и архиепископ Палермо поручили перевести Диогена Лаэртского⁹.

Именно XII столетие, по выражению П.О. Кристеллера, видело начало той интеллектуальной революции, которая должна была принести плоды в течение следующих двух веков. Среди множества философских и научных текстов, впервые переведенных на латынь с греческого и арабского языков, самими важными были сочинения Аристотеля и его комментаторов. Когда в XIII в. университеты ввели преподавание философских дисциплин, особенно логики и натуральной философии, аристотелевские сочинения были закономерно приняты в качестве основных учебников¹⁰. В первой половине XII в. клирик и канонист Яков Венецианец перевел с греческого языка «Топику», «Физику», «Метафизику», «О душе», «О софистических опровержениях», обе «Аналитики» и часть

«Малых сочинений о природе». Его версия «Второй Аналитики» была очень востребована на Западе, сохранившись в 275 манускриптах¹¹. Греческие штудии в Британии XIII в. были связаны с деятельностью Роберта Гроссетеста (†1253), епископа Линкольна, который, как было отмечено Роджером Бэконом (†1292), пригласил к себе греков [сицилийцев Николая и Роберта] и собрал книги по греческой грамматике из Греции и других стран¹². Ему принадлежат латинские переводы корпуса псевдо-Дионисия Ареопагита, произведений Аристотеля – «О небе» с комментарием Симпликия и «Никомаховой этики» с комментариями Евстафия, Аспасия, Михаила Эфесского, двух псевдо-аристотелевских сочинений («*De lineis indivisibilibus*» и «*De virtute*»), трудов св. Иоанна Дамаскина, апокрифа «Заветы XII патриархов» и др. Примечательной чертой его буквальных версий является передача греческого слова несколькими латинскими синонимами с использованием союза *seu*¹³.

Среди средневековых переводчиков аристотелевских текстов первое место занимает фламандский доминиканец Вильгельм из Мёрбеке (ум. ок. 1286), который длительное время жил на греческом Востоке. Он выполнил переводы, а также пересмотрел и исправил прежние версии большей части сочинений Аристотеля, включая «Политику», «Категории», «Об истолковании», «Риторику», «Поэтику», биологические работы и некоторые труды его комментаторов – Александра Афродисийского, Фемистия, Симпликия, Иоанна Филопона и Аммония. Он продолжил знакомство западных ученых с платонизмом через переводы сочинений Прокла, причем три небольших трактата последнего – «О десяти сомнениях относительно промысла», «О промысле и судьбе», «О сущности зла» – сохранились только в латинских версиях Вильгельма. Ему принадлежат переводы шести трактатов Архимеда, «О зеркалах» Герона Александрийского, «О пищевых продуктах» Галена, «Прогностики» Псевдо-Гиппократата и других ра-

бот. Переведенные им с греческого языка сочинения получили широкую известность на Западе и оказали благотворное влияние на средневековых мыслителей, в частности на Фому Аквинского. Подобно другим схоластическим переводчикам, Вильгельм из Мёрбеке старался придерживаться буквы оригинального текста и в случае невозможности найти подходящий латинский эквивалент для греческого термина прибегал к транслитерации¹⁴. Позднее этот метод, лишенный претензий на стилистическое изящество, подвергся атакам гуманистов, несмотря на то, что сами они зачастую обращались к старым схоластическим версиям. Пример такого выпада можно найти в речи Феодора Газы, произнесенной в Феррарском университете по случаю начала преподавания там греческой словесности. По его словам, тот, кто прочитает сочинения Стагирита в оригинале, поймет, что «варварский переводчик [по всей видимости, Вильгельм из Мёрбеке], который был несведущ в греческом, равно как и в латинском языке, не перевел Аристотеля, но скорее превратно его истолковал и запутал»¹⁵.

После смерти Гийома из Мёрбеке переводческая активность заметно снизилась. В последующие десятилетия с греческого переводились в основном медицинские работы. Большой интерес к переводу Галена проявили падуанский ученый Пьетро д'Абано, проведенный некоторое время в Константинополе, и его младший современник, врач Никколо ди Реджо, происходивший из калабрийских греков¹⁶. Во второй половине XIV в. вкусы образованной аудитории стали постепенно меняться. Внимание переводчиков более не замыкалось на научных и философско-теологических сочинениях. По инициативе магистра ордена госпитальеров Хуана Фернандеса де Эредии на арагонский язык были переведены Плутарховы «Жизнеописания» и речи из «Истории» Фукидида¹⁷. В 1373 г. католический архиепископ Фив Симон Атуmano подготовил по поручению кардинала Пьетро Корсини латинскую версию сочинения Плутарха «О подавлении гнева» («De cohibenda

ira»)¹⁸. Канцлер Флорентийской республики Колуччо Салютати, получивший копию от Корсини, выразил благодарность переводчику, «человеку весьма уважаемому», за возможность познакомиться с Плутархом, несмотря на недовольство неясностью этого перевода и грубостью стиля¹⁹.

Возвращаясь к словам Бруни о семисотлетнем забвении греческой словесности, надо учесть, что византийское влияние ощущалось в южной Италии (Калабрии, Апулии и Сицилии) на протяжении всего Средневековья. Греческое население этих областей, почти полностью романизированное в римскую эпоху, увеличилось в течение византийского господства и сохранялось при норманнах²⁰. Однако постепенная латинизация и ассимиляция привели к тому, что разговорный язык использовался лишь в отдельных греческих анклавах. Если в XIII в. Роджер Бэкон заметил, что в Италии «во многих местах клир и народ – чистые греки»²¹, то через два с половиной столетия Антонио Галатео (†1517), итальянский ученый греческого происхождения, с сожалением отмечал, что греки, живущие в апулийском городке Галлиполи, уже не говорят на родном языке:

«Мне кажется, что я нахожусь или в том городе, который придумал Платон, или в Лакедемонне. Я чувствую здесь нечто грекоподобное (*grecanico*). Я узнаю, точнее ощущаю некоторые грекоподобные обряды, хотя теперь, когда я постарел и когда приближается к своему концу Греция, этот город, как и другие города Италии, утратил греческий язык, который использовался здесь во времена моего детства. И все же обычаи он утратил не полностью»²².

Монашеские общины южной Италии являлись островками греческого мира на латинском Западе. Одним из самых влиятельных монастырей Апулии была обитель св. Николая около Отранто, поддерживавшая тесные контакты с Константинополем. Монастырь располагал богатейшей библиотекой, в которой, помимо книг богословского содержания, имелись сочинения Аристотеля и Аристофана²³. В 1480 г. эта обитель

была разорена турками, но часть её рукописного достояния была сохранена благодаря работе скриптория монаха Серджи Стисо и кардиналу Виссариону, который использовал греческую коллекцию монастыря для пополнения собственной. Вот, что пишет об этом месте Антонио Галатео:

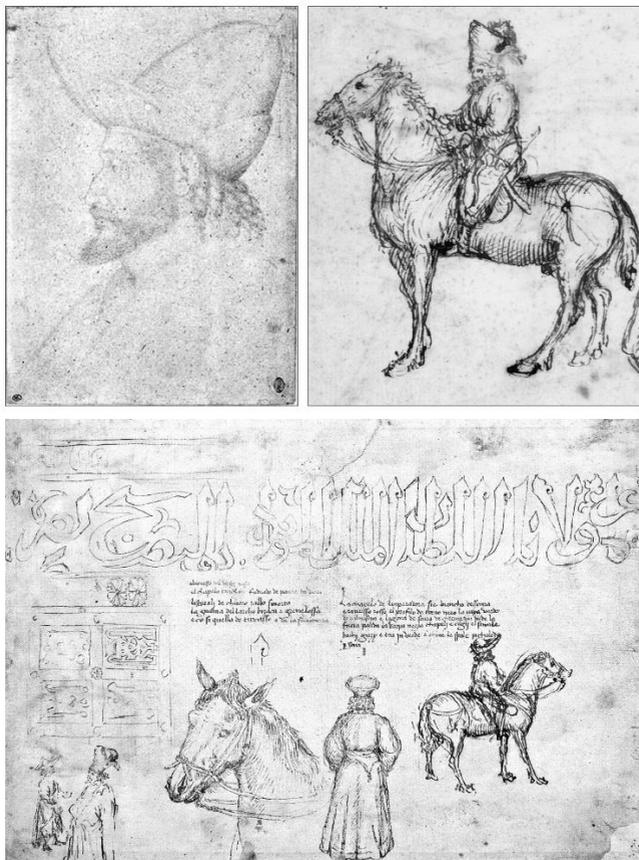
«За портом на расстоянии полутора миль от Отранто есть монастырь, посвященный св. Николаю. Там проживала масса монахов ордена св. Василия Великого: достойные всяческого уважения, все обученные греческой словесности и в большинстве своем латинской, они производили великолепное впечатление. Любой, кто хотел заняться греческой словесностью получал от них без какой-либо оплаты значительную часть пищи, наставника и жилье. Таким образом там поддерживалась греческая культура, которая день ото дня приходит в упадок. Во времена наших прадедов, когда существовал константинопольский двор, был философ Николай Отрантский²⁴, многие книги которого о логике и философии имелись в этой обители до того, как туда переправились турки. <...> Нисколько не жалея средств, он собрал в этом монастыре библиотеку из книг всякого рода, которые смог найти во всей Греции: большая их часть погибла в силу нерадения латинян и пренебрежения к греческой словесности. Немалая часть была увезена в Рим к кардиналу Виссариону и оттуда в Венецию; оставшуюся часть во время войны уничтожили турки, опустошившие монастырь»²⁵.

Примечательно, что первые наставники гуманистов в греческой словесности происходили именно с итальянского юга. Тем не менее, горячее стремление Петрарки и Боккаччо к литературе древних эллинов не пробуждало в них особой симпатии к их отдаленным потомкам. Нелестными были и характеристики Леонтия Пилата. По описанию Боккаччо, это был «человек неотесанного вида, безобразный наружностью, с длинной бородой и черными волосами, постоянно погруженный в раздумья, по характеру грубый и недостаточно воспи-

танный»²⁶. Что касается Петрарки, то к Византийской империи и современным ему грекам он относился с национальным и религиозным предубеждением, презрительно именуя их «гречишками» (Graeculi)²⁷. Испытывая раздражение из-за византийского высокомерия и претензий на имперское величие, он доходил до неприкрытой враждебности, надеясь на возвращение Константинополя под латинское правление. В письме папе Урбану V Петрарка писал:

«Конечно, между нами и нашими врагами, удерживающими ныне Иерусалим, простирается широкое море. <...> Но между нами и этими гречишками нет никаких препятствий, кроме нашей лени и нашей вялости. Для двух итальянских народов, желающих [с ними воевать], это не составит никакого труда: ибо в них очень много ненависти, но сил они совсем не имеют. И если ты решишь проявить благосклонность к этому делу, то я ручаюсь, что, вскоре, действуя не только совместно, но и порознь, вы или ниспровергните эту неспособную к войне империю, или склоните под иго Матери-Церкви»²⁸.

Пренебрежение к грекам высказывали и другие представители гуманизма. Так, Лапо да Кастильонкьо откровенно потешался над обликом греческих делегатов Ферраро-Флорентийского собора в диалоге «О преимуществах Римской Курии» (1438)²⁹: «Я никогда не смотрю без смеха на людей такого рода. Ибо я вижу одних с длинными до груди бородами, густыми шевелюрами, кудрявыми, косматыми и неопрятными волосами, какими, как мы узнали, по законам Ликурга становились спартиаты, чтобы, вступая с противником в рукопашный бой, быть более страшными; других – с почти остриженными бородами и наполовину бритыми головами; третьих – с нарисованными бровями. Из них часть носит колпаки, которые к тому же непохожи друг на друга, часть стоячие митры с птичьими перьями наверху или с какими-то золотыми лентами, а также туники с длинными рукавами,

Илл. 4. Серия зарисовок Антонио Пизанелло (ок. 1438 г.),
 выполненных во время Собора в Ферраре. Музей Лувра.
 Вверху слева – ms. 2478, слева и внизу – МІ. 1062

По мнению Майкла Викарса, почти все мужские фигуры, как конные, так и пешие, представляют собой изображения Иоанна VIII Палеолога в разных одеждах и головных уборах. Эскизы отражают работу художника над композицией знаменитой медали, посвященной византийскому василевсу: *Vickers M. Some Preparatory Drawings for Pisanello's Medallion of John VIII Palaeologus // The Art Bulletin. 1978. Vol. 60 (3). P. 417-424.*

Илл. 5. Эскизы Пизанелло (Феррара).

Сверху – Музей Лувра, МП. 1062, verso. Снизу – Чикагский институт искусств: Надпись над центральной фигурой “chaloige” напоминает греч. καλόγερος, монах. Это единственная персона на эскизах Пизанелло, которую нельзя соотнести с Иоанном VIII Палеологом.

как поэт говорит о фригийцах: «И у туник их рукава, и митры имеют ленты»³⁰. Их царь одет и украшен так же, как и они. Кроме того, он облачен в пурпур и в качестве головного убора несет тиару в стиле персидских царей, которую, как и у персов, никому не было позволено носить, за исключением царей: на её вершине – огромный сверкающий драгоценный камень в золотой оправе. Я молчу обо всех прочих, совершенно несхожих между собой наружностью, нарядами, телосложением, фигурами и всем остальным. У многих такой забавный вид, что не найдется ни одного настолько сурового и печального человека, который удержался бы от смеха, глядя на них».

Илл. 6. Пизанелло. Бронзовая медаль с изображением Иоанна VIII Палеолога. Государственный музей Берлина, Монетный кабинет.

Разгром Константинополя, учиненный в ходе IV крестового похода, и последующий раздел имперских земель между его участниками оставил глубокий след на взаимоотношениях греческого и латинского мира. Отношение византийцев к латинянам было полным неприязни и недоверия. В ответ на враждебность и унижение со стороны «франков» обострилось «византийское» чувство национальной гордости и исключительности, которое «из пассивного, самодовольного умонастроения превратилось в активную, навязчивую идею»³¹. Отголоски этого живучего представления слышатся в оскорбительном выражении «ты стал франком» (ἑφράνκεψες), которое употребляется в современной Греции по отношению к перешедшему в католицизм. Бежавший на Крит Михаил Апостольский жаловался в письме к своему покровителю кардиналу Виссариону, что с того времени, как он выразил приверженность римской церкви, местные греки отвернулись от него и всякий раз, когда он находился в Кандии, провожали его словами: «Смотри! Теперь дьявол заполучил и этого. Вот грешник! Вот нечестивец!»³² По словам Димитрия Кидониса, «имя латинянина в это время вызывало у наших только представление о парусах, веслах, купцах, ремесленниках и трактирщиках. Считая себя монопольными в области мудрости, горящиеся Платоном и его учеником, наши соотечественники подводили латинян под категорию варваров, оставляя за ними искусство войны и всякие подлые ремесла»³³.

Однако в политическом и экономическом плане поздне-византийский мир уже не мог дистанцироваться от Запада. Создание обширной сети торговых факторий в Средиземном и Черном морях в значительной степени облегчило итальянским купцам проникновение на греческие рынки. Глубоко внедрившись в систему византийского товарообмена венецианские и генуэзские торговцы добились от империи исключительных фискальных привилегий. Это привело к включению Византии в обширный средиземноморский мир, «чей центр находился

в Италии и чьим двигателем была политика великих итальянских морских республик»³⁴.

Внеся свою лепту в углубление внутреннего кризиса империи, венецианцы и генуэзцы в то же время удовлетворяли необходимость её населения в товарах и в денежных средствах, а также занимали важное место в обеспечении столичных жителей продовольствием³⁵. В свою очередь, греческое купечество, кооперируясь с итальянцами, стало активно вовлекаться в торгово-экономическую систему Средиземноморья. Это сотрудничество, конечно, не было равноправным, и греки вступали в большой бизнес лишь на правах младших партнеров итальянских купцов. Они инвестировали деньги в совместную торговлю, становились совладельцами судов, товаров и капиталов³⁶. Они перенимали от итальянцев новые методы коммерческой деятельности и знакомились с особенностями западного навигационного искусства³⁷. В XV в. византийский путешественник Ласкарис Канан, следуя по маршрутам западных мореходов, посетил крупные порты Балтийского моря, а также останавливался в Англии и Исландии³⁸.

В последние сто лет византийской истории часть греческой элиты изменила свое отношение к западному миру, перейдя на позиции латинофильства. В немалой степени распространению прозападных настроений сопутствовало бедственное положение империи, связанное с устрашающим продвижением турок на Балканы. После утраты Византией владений во Фракии Константинополь напоминал Кидонису голову, отделенную от тела³⁹. Не располагая силами для самостоятельного отражения турецкой угрозы, византийская дипломатия стала активнее действовать на западном направлении⁴⁰. Вершиной этих дипломатических усилий были личные поездки византийских императоров на Запад – сначала Иоанна V, затем Мануила II и, наконец, Иоанна VIII Палеологов. Великое путешествие по Европе, предпринятое Мануилом II в 1399-1403 гг., ознаменовало новый этап во взаимоотношениях За-

пада и Востока. Хотя императору не удалось побудить европейских монархов на организацию очередного крестового похода, у этой миссии был и положительный итог, так как его визит способствовал стимуляции культурных обменов между греками и латинянами⁴¹.

В переговорах о предоставлении военной помощи византийская дипломатия ориентировалась на Святой Престол, в котором видела силу, способную объединить католических государей Запада. Димитрий Кидонис, видный представитель раннего византийского латинофильства, писал, что Римская Церковь «первенствует над всеми народами вплоть до Гадиры, вершит власть над Галлией, Испанией и Германией на севере, которые, как говорят, числом превосходят всех остальных христиан, вместе взятых. Она распространяется на запад до океана и дает законы людям больших островов»⁴². Наиболее интенсивными контакты Запада и Востока становятся во время работы Ферраро-Флорентийского собора 1438-1439 гг., где очень активно проявила себя пролатинская «партия», или по выражению Сильвестра Сиропула «стремящиеся к латинству» (οἱ τοῦ λατινισμοῦ ἐφιέμενοι)⁴³, во главе с Виссарионом Никейским и Исидором Киевским. Во взаимоотношениях Рима и Константинополя вопрос о спасении империи рассматривался через призму объединения церквей. Политическая целесообразность и позиция самого василевса, который часто напоминал греческим делегатам «о благе родины», вынудили греков пойти на уступки латинянам при подписании унии, однако, в конечном счете, провозглашенный во Флоренции союз не оправдал чаяний латинофилов и не предотвратил падение империи⁴⁴.

Помимо внешних факторов, порождавших поверхностный и, в значительной мере, прагматический интерес к западной цивилизации, были и более глубокие внутренние причины, относящиеся к сфере духовных исканий, которые привели некоторых греческих ученых к основательному изучению запад-

ной литературы. Показателем этого интеллектуального поворота стало появление в последние два столетия византийской истории переводов сочинений классических римских авторов, латинских Отцов Церкви и схоластов, хотя надо признать, что переводческая деятельность греков не отличалась таким же размахом как на Западе⁴⁵.

Заслуги первого крупного переводчика, познакомившего византийского читателя с произведениями римской классики, принадлежат Максиму Плануду, православному монаху, богослову и грамматiku второй половины XIII – начала XIV в. Освоив латынь на достаточно высоком уровне, что было исключительным достижением в то время, Плануд перевел на греческий: сочинения Овидия – «Метаморфозы» и «Героиды», а также избранные произведения из его любовной поэзии; «Сон Сципиона» Цицерона с комментарием Макробия; «Утешение философией» Боэция, включающее жизнеописание автора; анонимный богословский трактат VII в. «О двенадцати злоупотреблениях века» («De duodecim abusivis saeculi»); сочинение св. Августина «О Троице» (его копия была в коллекции Кидониса); позднеантичный сборник рифмованных назидательных изречений, известный как «Disticha» или «Двустихия Катона» («Dicta Catonis»), который широко использовался на Западе в качестве упражнений в чтении и стихосложении, и, возможно, «Сатиры» Ювенала. Ему также приписывались анонимные переводы «Записок о галльской войне» Цезаря и элементарной латинской грамматики «Janua» или «Πύλη» (редакция *a*), которая использовалась греками для изучения латыни. По мнению Ф. Чикколеллы, греческая версия «Πύλη» могла появиться в XV веке в зоне повышенных греко-латинских языковых и культурных контактов (Венеция-Крит)⁴⁶.

Илл. 7. Фрагмент фрески на южной стене Капеллы Волхвов (Флоренция). Предположительно, изображение императора Иоанна VIII Палеолога. Художник Беноццо Гоццоли (ок. 1420-1497).

Современник Плануда, Мануил Холобол, перевел два логических трактата Боэция – «О топических различиях» («De topicis differentiis») и «О гипотетических силлогизмах» («De hypotheticis syllogismis»). В предисловии к переводу первого из них Холобол представил Боэция как философа, соединившего в своих трудах и комментариях две традиции – греческую (Аристотель, Фемистий, Евдем) и римскую (Цицерон). Он также выразил надежду, что в ближайшее время переведет на греческий кое-что из двух сочинений Боэция: фрагмент трактата «О делении» («Περὶ τῆς καθόλου διαίρέσεως») и упомянутую работу «О гипотетических силлогизмах», перевод которой действительно последовал⁴⁷.

Поворот византийцев к латинской схоластической литературе связан с именем Димитрия Кидониса (1324-1398). Как месадзон императора Иоанна VI Кантакузина, он решил освоить латинский язык, поскольку общение с иностранцами было частью его служебных обязанностей. Учитель Кидониса, доминиканский монах из Перы, познакомил его с трудами Фомы Аквинского. Латинское богословие оказало глубокое влияние на личность ученого и, в конечном счете, привело его к разрыву с православием⁴⁸. Кидонис стал проводником томизма среди греков. Его версия «Суммы против язычников» произвела впечатление на императора, вслед за которым некоторые сановники заказали копии этого перевода⁴⁹. Затем на греческом языке появился другой труд Фомы Аквинского – «Сумма теологии», причем авторские парафразы Аристотеля были согласованы Кидонисом с греческим оригиналом. В одном из писем Максиму Хрисовергу он вспоминал, что начало его работы над переводом Фомы осложнялось не только слабым знанием языка, но и отсутствием других рукописей для лучшего понимания и исправления текста⁵⁰.

В дальнейшем Кидонис перевел трактат Фомы Аквинского «Об обоснованиях веры против сарацинов, греков и армян» («De rationibus fidei contra Saracenos, Graecos, et Armenos»)⁵¹, «Монологи» («Soliloquia») Августина, а также изречения,

извлеченные из его трудов Проспером Аквитанским («*Liber sententiarum ex operibus S. Augustini delibatarum*»), трактат Ансельма Кентерберийского «Об исхождении св. Духа» и другие работы латинских авторов. В их числе нужно упомянуть сочинение доминиканца Рикольдо Пеннини да Монтекроче (†1320) против мусульман («*Contra legem Sarracenorum*»): частичный русский перевод греческой версии Кидониса был сделан в начале XVI в. под названием «Сказание о сарацинской вере» и позднее включен митрополитом Макарием в «Великие Четьи-Минеи»⁵².

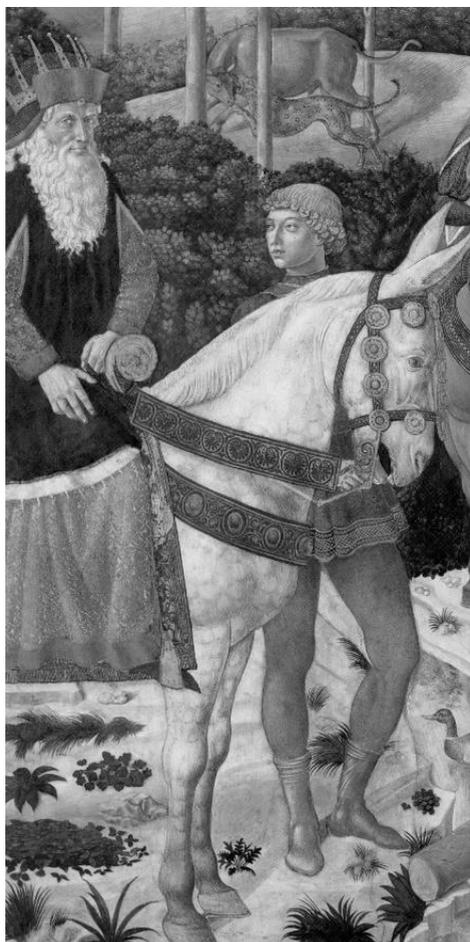
Младший брат Димитрия, Прохор Кидонис, помогал ему в работе над «Суммой теологии», переведя 82 главы третьей части и дополнения. Ему также принадлежат греческие версии восьми писем св. Августина и некоторых из его сочинений («О свободе воли», «О блаженной жизни», «Об истинной религии», «Энхиридион», а также «О десяти казнях египетских» псевдо-Августина), трактата Боэция «О топических различиях» (кн. 1-2), нескольких работ Фомы Аквинского, включая предисловие к комментарию на «Метафизику» Аристотеля, «О вечности мира», «Вопрос о духовных созданиях», «О потенции», предисловия св. Иеронима к Библии и фрагментов комментариев на «Сентенции» («*In quatuor libros Sententiarum commentaria*») томиста Гервея Наталиса⁵³.

Ученик Димитрия Кидониса, Мануил Калека (†1410), следуя примеру своего наставника, также обратился к латинскому богословию и перевел на греческий трактат Боэция «О Троице», сочинение Ансельма Кентерберийского «Почему Бог стал человеком?» («*Cur Deus homo?*») и несколько литургических текстов, в том числе амброзианскую мессу «*In nativitate Domini*» и «Проповедь на праздник Тела Христова» («*Sermo de festo Corporis Christi*») Фомы Аквинского⁵⁴.

В XV в. переводами с латинского языка занимались Геннадий Схоларий, ставший первым константинопольским патриархом при турках, и византийский эмигрант Феодор Газа.

Схоларий, который питал интерес к западной теологии, перевел на греческий некоторые работы Фомы Аквинского, включая его комментарии на сочинение Аристотеля «О душе», трактаты «De ente et essentia» и «De fallaciis», а также пособие по логике «Summulae logicales» Петра Испанского, «Книгу шести начал» («Liber sex principiorum»), приписываемую Гильберту Порретанскому, и комментарий на логические трактаты Порфирия и Аристотеля из корпуса «Ars vetus»⁵⁵. Феодору Газе принадлежат греческие переводы сочинения Цицерона «О старости» («De senectute»), двух трактатов врача Микеле Савонаролы – «О ваннах» («De balneis») и «Зерцало физиогномики» («Speculum physiognomiae»), а также послания папы Николая V императору Константину XI Палеологу, касающегося провозглашения церковной унии⁵⁶.

Преобладание работ духовно-религиозной направленности среди переведенных на греческий сочинений является показателем интеллектуальных предпочтений тех образованных византийцев, которые обратились к латинской литературе. Классические римские авторы (за исключением нескольких) оставались почти неизвестны византийскому читателю. С одной стороны, это объясняется отсутствием на греческом Востоке соответствующих текстов, тем более что сами западные интеллектуалы, современные Максиму Плануду и Димитрию Кидонису, ещё только приступили к возвращению литературного богатства римской античности и восстановлению правильной латыни. Другим вероятным объяснением слабого знакомства греков с римской классикой представляется отсутствие заметного интереса к латинским сочинениям дохристианского периода, что, весьма вероятно, являлось следствием укоренившегося в сознании византийцев представления о собственной культурной исключительности и самодостаточности греко-византийской литературной традиции. Отголосок этого

Илл. 8. Фрагмент фрески на западной стене Капеллы Волхвов.

Сильвия Ронкей отождествила старого волхва в красных одеждах с константинопольским патриархом Иосифом II, вступающим во Флоренцию: *Ronchey S. Tommaso Paleologo al Concilio di Firenze // La stella e la porpora. Il corteo di Benozzo e l'enigma del Virgilio Riccardiano / a cura di G. Lazzi e G. Wolf. Firenze 2009. P. 139.*

представления можно услышать даже в предисловии Мануила Холобола к его переводу христианского философа Бозэция. Обращаясь к друзьям, он писал, что привил его сочинение от дикой маслины латинского языка к плодоносной маслине греческой речи, вечноцветущей и изобильной. Он сделал так не потому, что в этом есть какая-то необходимость для греческой диалектики («как не нуждается великое сияние в свете лампы»), но потому, чтобы византийцы, имеющие уже достаточно в этой области, имели бы ещё и сверх того в полном избытке и чтобы риторически изящные сочинения, созданные итальянцами, не были бы совершенно скрыты от его соотечественников, которых Холобол именуется «детьми Авсонии»⁵⁷.

Илл. 9. Фрагмент фрески на восточной стене Капеллы Волхвов.

Согласно гипотезе С. Ронкей, в нижнем ряду слева направо: Плифон, Бонеццо Гоццони (автопортрет художника в красном головном уборе с надписью: *opus Venotii*), Феодор Газа, за последним – Исидор Киевский с бородой и в кардинальской шапке, над головой Плифона и чуть левее – Иоанн Аргиропул в белом тюрбане: *Roncney S. Tommaso Paleologo. P. 142-143.*

Иначе обстояло дело с изучением схоластической литературы (преимущественно, томистской), интерес к которой появился во время исихастских споров в качестве альтернативы мистическому богословию Григория Паламы. Схоластика оказала определяющее влияние на воззрения той небольшой, но достаточно заметной части позднепалеологовской элиты, которая относилась к «латинофронам» (Λατινόφρονες), т.е. «латиномыслящим» византийцам. В их число входили Димитрий и Прохор Кидонисы, Мануил Калека, Максим и Андрей Хрисоверги, Мануил Хрисолор и Виссарион Никейский. Греческое латиномыслие стало одним из потоков того гуманистического течения, которое отметило поздневизантийскую культуру и противостояло по своим идеалам и настроениям исихастскому течению⁵⁸. Утверждение учения Григория Паламы и осуждение его оппонентов на церковных соборах 1341, 1347, 1351 и 1368 гг. ознаменовали идеологический поворот в интеллектуальной жизни Византии. По мнению И.П. Медведева, исихастская реакция, наряду с турецкой угрозой, послужила причиной массового исхода греческих ученых на Запад: «именно гуманистически мыслящие деятели византийской культуры образовали ядро византийской эмиграции за рубежом; интеллектуальный климат возрожденческой Европы, особенно Италии, оказался для них гораздо более пригодным, нежели нетерпимая идеологическая атмосфера в «исихастской» Византии»⁵⁹. Не отрицая справедливости этой точки зрения, мы склонны полагать, что причиной отъезда византийских ученых на Запад в течение XV в. была не столько исихастская реакция, сколько их сочувственное отношение к вероучению римской церкви и, что не менее важно, готовность принять это вероучение. Для многих из них переход в католицизм или униатство был закономерным следствием их латинофильских убеждений и симпатий и поэтому столь же закономерной стала их эмиграция в западном направлении, которую лишь ускорило турецкое завоевание. Среди известных эмигрантов XV в., сме-

нивших свою конфессиональную принадлежность, были митрополиты Виссарион Никейский и Исидор Киевский, ставшие кардиналами римской церкви, патриарх Константинопольский Григорий III Мамма, ученые Иоанн Аргиропул, Георгий Трапезундский, Феодор Газа, Михаил Апостолий, Франкулий Сервопул и другие.

Илл. 10. Иоанн VIII Палеолог в образе Константина Великого. Фрагмент фрески кисти Пьеро делла Франческа (ок. 1412-1492) «Победа Константина над Максенцием». Ареццо. Базилика Сан-Франческо.

Особая роль во взаимоотношениях и взаимовлияниях латинского и греческого миров принадлежала Латинской Романии, представлявшей собой совокупность «западных» государств и владений, образовавшихся на прежних византийских территориях в XII-XV вв. Здесь достаточно рано стали стираться языковые барьеры между иноземными завоевателями и местным населением; складывались условия для взаимного обогащения и проникновения различных культурных традиций, что, впрочем, не всегда приводило к их оригинальному и плодотворному соединению. Кроме того, Латинская Романия занимала важное место в судьбах греческой эмиграции, так как именно сюда устремлялись основные потоки беженцев из захваченных османами областей. В большей мере это относится к венецианским колониям и особенно к Криту, который сыграл выдающуюся роль в сохранении и распространении греческого наследия в эпоху итальянского Возрождения⁶⁰.

Восприимчивость западной (прежде всего итальянской) культуры к византийским влияниям находилась в естественной зависимости от уровня духовного и интеллектуального развития латинского мира. Нагляднее всего они проявились в живописи и архитектуре. Одним из последствий крестового похода 1204 г. стало увеличение вывоза на Запад культурных объектов византийского происхождения, большая часть которых оседала в Италии⁶¹. Показательно, что XIII в. стал временем широкого проникновения византийских влияний в итальянское искусство, что было связано с импортом произведений греческих мастеров и притоком художников-греков, которые открывали свои мастерские преимущественно в портовых городах. Как следствие в Италии эпохи дученто сложилась «греческая манера», впитавшая достижения византийской иконографии и вместе с тем сохранившая органическую связь с традициями итальянского искусства. К концу XIII в. византизм утратил актуальность для развития итальянской живописи⁶², тем не менее спрос на произведения греческих иконописцев сохранялся в Италии и в последующих столетиях. Взгляд

западного человека на византийские артефакты к этому времени успел претерпеть определенные изменения: утрачивая характер трофеев, они превращались в показатель роскоши, свидетельство интеллекта и изящного вкуса их владельца, являясь, однако, отражением лишь малой части той «антикомании», которая с XV в. стала распространяться по Италии, а затем и Западной Европе⁶³. Изменилось и отношение к греческим рукописным книгам. Вплоть до конца XIV в. количество ввозимых в Италию манускриптов было невелико, а их художественное оформление ценилось намного выше, чем содержание, поскольку очень немногие на латинском Западе могли читать и понимать их по-гречески. Но к XV столетию вместе с возрастанием интереса к греческому культурному наследию положение стало быстро изменяться, и к моменту захвата Константинополя турками в Италии уже существовал значительный спрос на византийскую книгу⁶⁴.

По мере развития гуманизма итальянская образованная элита, проникшаяся идеями нового интеллектуального движения, стала менять свое отношение к византийской цивилизации, рассматривая её как хранительницу античной культурной традиции. Уже Петрарка, Боккаччо и Салютати сделали первые шаги по введению греческой словесности в круг дисциплин *studia humanitatis*. Понимание того, что без серьезной лингвистической и филологической подготовки в области греческого языка значительный пласт культурного наследия древних останется вне поля зрения итальянских гуманистов, привело к постановке новых образовательных и научных задач. «Я потому сострадаю латинянам, - писал Боккаччо в «Генеалогии языческих богов», - что они совершенно презрели занятия греческим языком, из-за чего мы сегодня уже не помним даже его букв. Хотя латинской словесности и достаточно своей литературы, которую изучает весь западный мир, она бы, несомненно, ещё более воссияла, если бы её изучали вместе с греческой. Тем более что древние латиняне позаимствовали у греков далеко не всё: многого мы не знаем, а это могло бы

обогащать наши знания»⁶⁵.

Показателем этой растущей тяги к греческой мудрости стали образовательные поездки отдельных итальянских гуманистов в Грецию. Первое упоминание о таком путешествии можно найти в трех письмах византийского ученого Димитрия Кидониса, который хлопотал о молодом миланце по имени Павел (Паоло). Он прибыл в Константинополь в 1386 г., желая получить классическое образование. По словам Кидониса, молодой человек более ценил Демосфена, нежели Цицерона, предпочитал Гомера Вергилию и Гесиода Лукану, имел представление о философии Платона и Аристотеля, а также был знаком с произведениями греческих Отцов Церкви – Василия Великого, Григория Назианзина и Иоанна Хризостома. Однако, проучившись несколько лет в византийской столице, Павел сделал выбор в пользу предпринимательской деятельности и уехал в Каффу⁶⁶. В 1395 г. в Константинополь прибыл Якопо д'Анджело, который пробыл там чуть меньше года, изучая греческий, покупая книги и общаясь с местными латинофилами – Мануилом Хрисолором и Мануилом Калеккой. С 1403 по 1408 гг. в столичном доме Хрисолоров гостил Гварино Веронезе, который позднее описал свои впечатления от созерцания красот Константинополя в письме своему учителю:

«Мне кажется, что я не только слышу тебя, но и осматриваю, ведомый тобою, сам град Византий, приятный мне своим видом и воспитавший меня с величайшей добротой. Когда ты говоришь о нем, я и сам вспоминаю всё не менее ярко, чем ты в своем рассказе: порядок построек и зданий, великолепнейшие храмы, дворцы, ристалища, акведуки, колонны, статуи, портовую пристань, окаймляющую город, твои кипарисы и некогда служивший мне прибежищем в моих занятиях висячий сад. Ах, что за Босфор Фракийский, эта граница Азии и Европы! И что за широкая Пропонтида, рядом с которыми раскинулся или, вернее, над которыми господствует царственный город!»⁶⁷

Илл. 11. Портрет Мануила Хрисолора, приписываемый флорентийскому художнику Паоло Уччелло (1397-1475). Музей Лувра. Inv. 9849. Bis, recto.

Несомненно, что одними из первых по-гречески заговорили венецианцы и генуэзцы, чье пребывание на византийском Востоке было почти целиком подчинено торговым и административным нуждам⁶⁸. Вместе с тем, язык осваивался ими в его народной, разговорной форме, далекой от тех канонов, которых придерживались византийские интеллектуалы. Венеция достаточно поздно вступила в период классических штудий. По словам Петрарки, этот город был всегда «более склонен к торговле, чем к музам»⁶⁹. Тем не менее, влияние со стороны ведущих гуманистических центров, таких как Флоренция и Рим, а также длительные связи Венеции с Востоком способствовали тому, что к концу XV в. греческая словесность водворилась и на лагунах. Не последнюю роль в этом процессе сыграло и местное греческое сообщество.

Большая часть эмигрантов пребывала в Венецию из её собственных колоний или владений венецианских семейств: с островов Архипелага, Корфу, из Монемиасии, но более всего с Крита. В экономическом и социальном плане этот остров был давно включен в инфраструктуру венецианской колониальной империи и составлял важнейший узел в системе торговых коммуникаций Венеции. После падения Константинополя (1453) и Мореи (1460) остров испытал наплыв греческих беженцев, среди которых было немало образованных людей. Это привело к подъему культурной и интеллектуальной жизни на Крите, а также превращению острова в крупный центр греческой литературы и художественного искусства. Усилиями византийского беженца Михаила Апостолия и кардинала Виссариона в Кандии возникла крупная каллиграфическая мастерская⁷⁰.

В то же время перенаселенность острова, переизбыток рабочих рук и отсутствие на Крите возможностей для продолжения образования вынуждали многих греков отправляться в Венецию. Сообщение между колонией и метрополией было достаточно частым. В письме от 1501 г., адресованном Иоанну

Григорупулу, его отец Георгий сообщает, что регулярно получает известия от сына, работавшего в печатном доме Альда Мануция. Он также уведомляет его, что следующей весной в Венецию, вероятно, приедет племянник Иоанна – Георгий, в то время как брат Иоанна должен прибыть к отцу с острова Карпатос⁷¹.

Во второй половине XV в. греческая община Венеции значительно возросла. Вскоре греки стали преобладать над другими этническими меньшинствами, поселившимися в городе – армянами, албанцами, евреями и славянами. По приблизительным подсчетам грекоязычное население в 1478 г. колебалось между 4.000 и 5.000 человек, в то время как вся популяция метрополии превышала 110.000 жителей⁷². Подавляющее большинство местных греков составляли представители непривилегированных слоев (*popolo*): ремесленники, мелкие лавочники, чернорабочие, матросы и гребцы на галях. Известно, что между 1400 и 1455 гг. в венецианском Арсенале трудилась династия греческих корабелов. Один из них – Георгий Палопанос (*Giorgio il Greco*) удостоился чести стать единственным главой (*proto*, от греч. πρῶτος) корабельных плотников благодаря прямому вмешательству Сената в 1442 г.⁷³ Венецианские печатные мастерские, в особенности издательский дом Альда Мануция, предлагали образованным членам сообщества работу редакторов и наборщиков греческих текстов. Для более состоятельных открывалась возможность самостоятельного участия в венецианской торговле, хотя во второй половине XV в. число таких коммерсантов было очень невелико. Это прежде всего Матфей Спандунес и его сын Федор, которые успешно вступили в венецианский крупный бизнес, используя родственные связи в Фессалонике и Стамбуле, а также Яков Нотара, принимавший участие в незначительных торговых операциях⁷⁴.

Надо сказать, что среди греческих аристократов Венеции не было ни одной семьи, которая сделала свое имя и состояние

уже после переселения. Их благородное происхождение, богатства и прежние деловые связи обеспечили им соответствующее положение внутри венецианского сообщества⁷⁵. Первоначально ядро греческого нобилитета Венеции составили Нотары, Спандунесы и Палеолого. Упомянутый выше Яков Нотара и его сестра Анна переселились в Венецию в первые десятилетия после захвата Константинополя. Имя их отца, великого дуки Луки Нотары, было хорошо известно венецианцам и генуэзцам, с которыми его связывали не только политические, но и торгово-финансовые отношения. Примечательно, что в 1454 г. генуэзские посланники к турецкому султану получили инструкцию выяснить местонахождение сына и двух дочерей Луки Нотары, которые оказались «в великой беде и неволе», а также оказать им посильную помощь⁷⁶. После казни отца Яков Нотара действительно оказался пленником султана, был отправлен в его сераль, но потом бежал и добрался до Италии⁷⁷. Судьба Анны доподлинно неизвестна. Есть предположение, что она была отослана отцом в Энос под защиту его правителя Паламеда Гаттилузио, который доводился деверем её старшей сестре Елене⁷⁸, и таким образом смогла избежать турецкого плена. Около 1457 г. Анна впервые приехала в Венецию, как следует из её прошения к Совету десяти⁷⁹, а в 1459 г. судилась в Генуе с банком св. Георгия по поводу вложенный её семьи⁸⁰. В анонимной «Константинопольской хронике» XVI в. сообщается о том, что младший сын Луки Нотары, ошибочно названный Исааком, совершил побег из сарая в Адрианополе, и, достигнув Рима, встретил свою сестру, «которая была отправлена туда её отцом до завоевания с огромным богатством»⁸¹. Если воссоединение Анны и Якова действительно состоялось в Риме, то было бы заманчиво причислить обоих к римскому окружению кардинала Виссариона, однако сведения, приведенные в хронике, не вполне надежны.

Из письма кардинала Якопо Амманнати-Пикколомини коммуне Сиены от 2 мая 1472 г. известно, что в 1459 г. Яков Нотара присутствовал на соборе в Мантуе, где был радушно

принят папой Пием II, который оценил его происхождение и добродетели. О тяжелой судьбе юноши Амманнати узнал благодаря кардиналу Виссариону: о том, как тот, пережив казнь отца и братьев, попал к султану, но, несмотря на явленную тем благосклонность, предпочел бежать к христианам, чтобы здесь испытывать нужду во всем⁸². Есть вероятность, что Яков приехал в Мантую вместе с посланниками деспота Морей Фомы Палеолога и уже там встретился с Виссарионом⁸³. Главной темой собора было обсуждение крестового похода против турок, поборниками которого выступали папа Пий II и кардинал Виссарион. Фигура Якова как очевидца и жертвы турецкой жестокости не могла не привлечь внимание идеологов этой пропагандистской кампании, тем более что его отец, который был «первым из всех греков по знатности, разумности, храбрости и знанию военного дела», вместе с двумя юными сыновьями «принял смерть от меча за веру Христову от врага христиан»⁸⁴.

Упомянутое письмо, адресованное коммуне Сиены, проливает свет на другой примечательный эпизод биографий Якова и его сестры, связанный с планом создания греческой колонии в Тоскане. По всей видимости, этот проект получил одобрение и поддержку Виссариона, который в ноябре 1471 г. уведомил сиенскую Консисторию о желании неких греческих семей поселиться на территории республики⁸⁵. По просьбе Якова Нотары Амманнати ходатайствовал перед местными властями о предоставлении молодому человеку сиенского гражданства⁸⁶, которое, среди прочего, давало бы ему право на покупку земли. 22 июля 1472 г. Анна Нотара заключила соглашение с правительством Сиены⁸⁷ (скорректированное в июле 1474 г.)⁸⁸ о предоставлении полуразрушенного замка Монтауто и его окрестностей в болотистой местности Маремма для поселения ста семей греческих колонистов. В соглашении определялись территория общины, права и привилегии её жителей, обязательства перед сиенскими властями, включая военную помощь и платежи в пользу Собора. Госпожа Анна и её люди могли назначить должностных лиц из числа греков для

отправления правосудия согласно светскому и каноническому праву Византии, в том числе Юстинианову законодательству (*Iustinianas leges*). Более того, в документе указывалось, что колонисты вправе принимать и собственные законы (*seu per hos dominos seu per dictos habitatores edendas*):

«Да будет позволено названной госпоже Анне, её будущим преемникам и упомянутым ранее людям иметь и назначать по своему желанию греческого официала (или официалов), который заведовал бы гражданскими и уголовными делами и охраной замка и осуществлял бы правосудие по отношению к кому бы то ни было в соответствии с Юстиниановыми законами: церковными применительно к делам духовным и государственным – к бранным; и в соответствии с их обычаями и обыкновениями, а также реформациями, которые были приняты императорами и церковью греков или которые эти господа или названные выше жители сочтут необходимым принять, если только они не направлены против великолепной коммуны Сиены, против её граждан или других подданных»⁸⁹.

Помимо самой Анны, в переговорах с Сиеной участвовали её брат Яков, Франкулий Сервопул из Константинополя, в прошлом посланник деспота Димитрия Палеолога к папе Каллисту III⁹⁰, названный в письме Анны Нотары «*nobilis miles ac familiaris noster*»⁹¹, и священник из Кандии Иоанн Плусиаденос, который, вероятно, должен был стать духовным лидером колонии⁹². Скорее всего, сиенские власти соглашались на уступку части своих владений в расчете на хозяйственное возрождение неплодородного приморского региона. Но для Анны Нотары и её компаньонов это было достаточно неординарное и рискованное предприятие, так как речь шла об основании небольшого поселения на аграрной периферии, удаленной от основных центров греческого мира. Одно из возможных объяснений «сиенского проекта» следует искать в стремлении греческих эмигрантов обеспечить себе определенную степень религиозной и политической свободы, которой не было у православных подданных Венеции. Несомненно, что реальная

оценка перспектив создания колонии умерила пыл его инициаторов, и переговоры с сиенским правительством, в конечном счете, закончились ничем. Другая причина их прекращения, вероятно, связана с венецианской привилегией от 18 июня 1475 г., которая была предоставлена Анне Нотаре спустя год после её последнего известного письма к коммуне Сиены – 15 июня 1474 г. Этим документом гарантировалось право на совершение греческих богослужений в её доме, дополнительно подтвержденное в 1480 и 1487 гг.⁹³

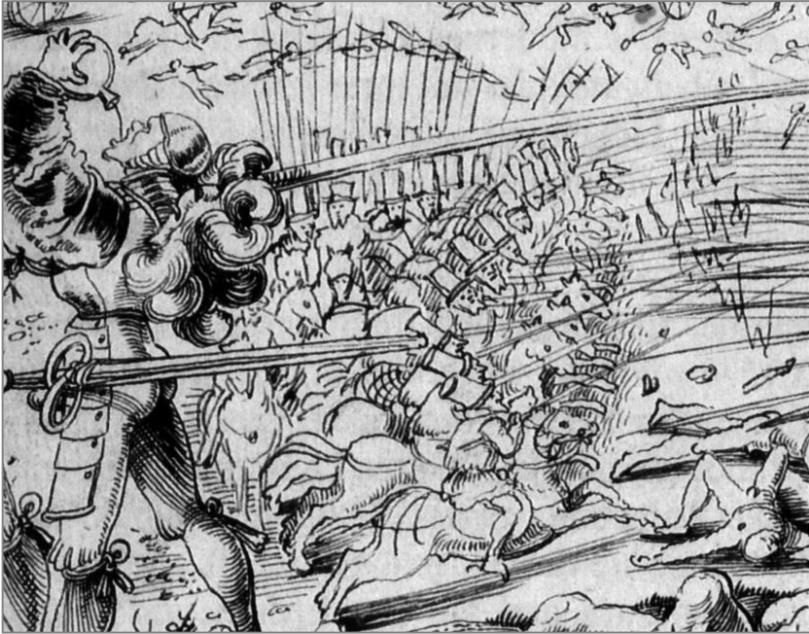
Таким образом, местом постоянного жительства Анны Нотары осталась Венеция. Это, в целом, соответствовало её финансовым интересам и позволяло поддерживать связи с бывшей родиной. В греческое окружение Анны Нотары входили Франкулий Сервопул, который, согласно свидетельству Константина Ласкариса, давал в Венеции уроки греческого языка, благородный критянин Николай Властос, бывший её управляющим, печатник Захарий Каллиерги и племянница Евдокия Кантакузина, представительница выдающегося византийского дома. Мужем Евдокии был упомянутый выше Матфей Спандунес (†1511), известный венецианский военачальник (*capo*), получивший от императора Фридриха III титул графа и рыцаря Священной Римской империи в 1454 г.⁹⁴ Анна Нотара надолго пережила своего брата Якова⁹⁵ и скончалась 8 июля 1507 г.⁹⁶ Она никогда не была замужем, хотя в сиенских документах именовалась «невестой» (*sponsa*) бывшего императора греков Константина XI⁹⁷. Причиной ошибки, возможно, стала вторая часть её фамилии – «Палеологина», право на которую она получила от матери, принадлежавшей к роду Палеологов.

Столкновения с турецкими армиями вынуждало венецианское правительство заниматься укреплением сухопутных сил. С этой целью были созданы подразделения легких всадников (*stratioti, estradioti*, от греч. στρατιώτης), которые набирались из числа греков и албанцев, большей частью из окрестностей

Навплиона и Монемвасии⁹⁸. В хронике Доменико Малипьеро первые упоминания об использовании стратиотов для защиты венецианских владений в Пелопоннесе относятся к 1470 и 1472 гг.⁹⁹ Если верить свидетельству далматинского аристократа Кариолано Чиппико, к этому времени их отряды содержались венецианцами во всех городах Морей¹⁰⁰. Готовясь к военному столкновению с армией французского короля Карла VIII, Венеция усилила свои сухопутные силы сотнями легких кавалеристов. Марино Санудо, наблюдая высадку стратиотов, прибывших из Корона на остров Лидо в апреле 1495 г., описал их как стремительных всадников, промышленляющих разбоем в Морее и ретивых в бою против турок¹⁰¹. Через два месяца эти воины вступили в сражение с французами при Форново. Филипп де Коммин дал следующую характеристику необычному и отважному противнику:

«Стратиоты напоминают мусульманских конников, и одеты они и вооружены, как турки, но на голове не носят уборов из полотна, называемых тюрбанами; люди они суровые и круглый год спят на открытом воздухе, как и их лошади. Они все греки, приходящие из тех мест, которыми владеют венецианцы: одни из Наполи-ди-Романия в Морее, а другие из Албании, изпод Дураццо. У них хорошие турецкие лошади. Венецианцы доверяют им и постоянно держат их на службе. Я видел их всех, когда они высадились в Венеции и им был устроен смотр на острове, где расположено аббатство Сан-Николо; их было почти полторы тысячи. Люди они храбрые и сражаться с ними нелегко»¹⁰².

Венецианское правительство награждало командиров кавалерии титулами, землями, назначало пенсии их вдовам и выделяло приданое для осиротевших дочерей. Командные должности часто переходили «по наследству». Одному из самых известных стратиотов Феодору Палеологу (Палеолого) передали подразделение его отца Паоло; младший брат Феодора – Дзордзи (или Георгий, погиб в 1497 г.) возглавил отряд

Илл. 12. Атака стратиотов в битве при Мариньяно 14 сентября 1515 г.
Фрагмент эскиза швейцарского гравера Урса Графа
«Поле сражения» (1521).

в силу того, что сам был сыном *саро*. После 1525 г. Феодор Палеолог стал членом венецианского дипломатического корпуса. Он пользовался уважением дожа и советников, а также удостоился высшей чести – рыцарства св. Марка¹⁰³. Одно время на венецианской службе состояли ренессансный поэт Михаил Маруллос Тарханиот (ок. 1453-1500)¹⁰⁴ и легендарный *саро* Крокодилос Кладас (1425-1490), возведенный за заслуги перед республикой в рыцарское достоинство¹⁰⁵.

По мере роста греческой общины венецианские власти становились более толерантными в вопросах веры. До подписания Флорентийской унии 1439 г. греки Венеции не имели ни своей церкви, ни кладбища, а православным священникам

запрещалось служить литургию даже в частных домах под угрозой высылки из города¹⁰⁶. Наплыв беженцев с Востока привел к увеличению греческой общины. Выразителем её интересов стал кардинал Исидор, который в 1456 г. обратился к властям с прошением о предоставлении грекам отдельного места для совершения богослужений. Несмотря на положительный ответ Совета десяти, церковь так и не была построена. В 1470 г., когда с осадой Негропонта возникла необходимость в военных силах, власти разрешили совершать богослужение на греческом языке в приделе церкви Сан Бьяджо в районе Кастелло под тем условием, что никакой униатский священник не станет служить литургию в другом месте¹⁰⁷. Исключение было сделано только для Евдокии Кантакузины и Анны Нотары. Поскольку им не подобало ходить вместе с остальным греческим народом к св. Власию (Сан Бьяджо), Совет разрешил, чтобы литургии в их домах совершали греческие священники по греческому обряду. Остальным грекам, не принадлежащим к членам их семей, посещать эти богослужения запрещалось¹⁰⁸.

Наконец, в 1498 г. греческая община Венеции была признана властями официально в качестве братства (*Scuola di San Niccolò dei Greci*), которое стало своего рода административным центром сообщества. В прошении, поданном Совету десяти от имени всей общины (*Università*), указывалось, что греки доказали свою преданность республике на земле и на море, в особенности при завоевании Далмации, где ими были укомплектованы экипажи большинства галей¹⁰⁹. В декабре 1514 г. членом православного братства стал известный критский ученый Марк Музурос¹¹⁰, что не помешало ему летом следующего года получить от папы Льва X синекуру в виде епископства Иерапетры на Крите и архиепископства Монеувасийского¹¹¹. Эта гибкость в вопросах веры была характерной чертой многих образованных эмигрантов того времени.

Илл. 13. Конные стратиоты в шляпах с высокими тульями.
Фрагмент гравюры Йорга Бреу Старшего
«Вступление императора Карла V в Аугсбург» (1530).

В 1511 г. делегация *capi dei stratioti* подала петицию Совету десяти о разрешении покупки земли под строительство греческой церкви. В ней указывалось, что текущая ситуация не является нормальной: Сан Бьяджо уже не вмещает всех верующих, число которых увеличилось после падения Негропонта (1470), Корона и Модона (1500); в церкви творится беспорядок хуже, чем в Вавилоне, из-за смешения людей, языков, голосов и литургических служб – и греческих, и латинских, так что сам Бог не понимает молитвы. С горечью отмечалось, что из-за отсутствия отдельного кладбища благородных хоронят вместе с простолюдинами: даже это было бы терпимо, если бы по прошествии нескольких дней после погребения останки

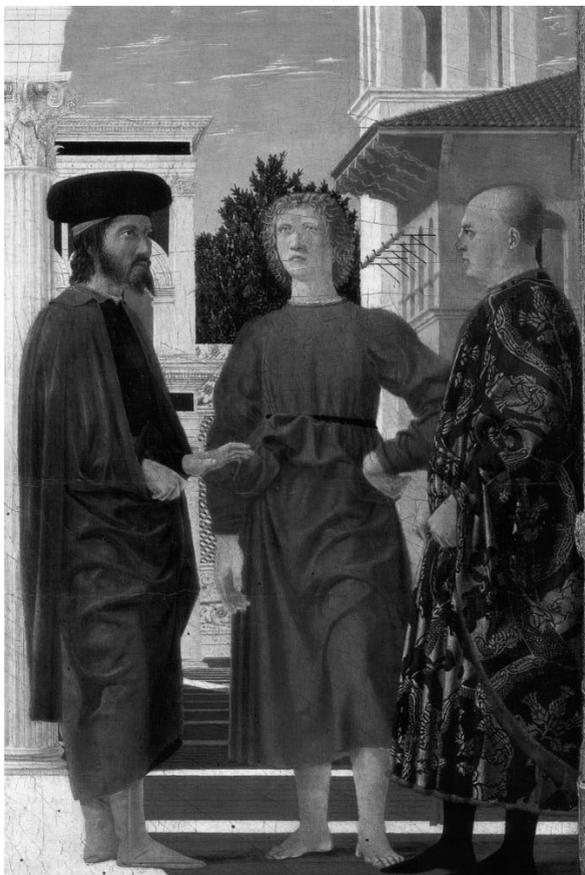
не выкапывались и не выбрасывались в воду, чтобы освободить место для новых покойников, ибо церковь Сан Бьяджо бедна, а похороны приносят доход её священнику. Подчеркивая свою верность правительству и указывая на то, что армяне и евреи уже имеют свои церкви и синагоги в Венеции и её владениях, *sarī* просили разрешить им построить за собственный счет храм св. Георгия, покровителя воинов¹¹². Тем не менее, положительный ответ был получен только два года спустя. Работы по возведению San Giorgio dei Greci растянулись на продолжительный срок: с момента закладки первого камня в 1539 г. до окончания строительства здания церкви в 1573 г. и возведения колокольни в 1592 г.¹¹³

В отличие от Венеции, напомилавшей, по словам кардинала Виссариона, «почти другую Византию», её главный торговый конкурент – Генуя так и не стала центром притяжения для греческих эмигрантов. Генуэзские источники XIV-XV вв. сообщают в основном о рабах и матросах греческого происхождения, причем освобожденные невольники даже сформировали здесь собственное товарищество – *consortia libertinorum seu Grecorum*¹¹⁴. В последние десятилетия XV в. немногочисленная греческая диаспора начала складываться в Неаполе. Первоначально её ядром стали наемники-стратиоты, приглашенные на службу королями Арагонской династии, однако с полным основанием говорить о возникновении местной греческой общины можно только после 1534 г., когда с падением Корона произошел наплыв переселенцев из Пелопоннеса¹¹⁵.

В Риме византийские ученые и некоторые знатные эмигранты группировались в основном вокруг Виссариона¹¹⁶. В конце жизни он даже попытался создать в Лации нечто вроде греческого поселения, когда поручил некоему Николаю Кокле привести из Далмации сто пятьдесят колонистов обою пола¹¹⁷. Под опекой кардинала находились и дети покойного деспота Морей Фомы Палеолога (†1465) – Софья, Андрей и Мануил. В письме Виссариона от 9 августа 1465 г., адресованном наставнику молодых принцев, он сообщает о воле папы выделять

на их содержание ежемесячное пособие в 300 дукатов, которые прежде выдавались их отцу. Из них 200 дукатов должны были идти на покрытие текущих расходов самих принцев (αὐθεντοποῦλων) – питание, оплату шести или семи слуг, покупку и содержание, по меньшей мере, четырех лошадей, красивые одежды, а также непредвиденные нужды. Оставшиеся 100 дукатов предназначались для поддержания их небольшого двора. Виссарион предупреждал, чтобы принцы не расходовали средства на приживальщиков, напомнив, что деспот Фома по приезду в Италию вызывал у латинян удивление и порицание из-за своей большой свиты, которая содержалась им за чужой счет.

Забота о делах принцев возлагалась, в первую очередь, на самого наставника (бывшего также их экономом) и врача Критопула. Виссарион считал необходимым, чтобы в штате был медик, учитель-грек, учитель-латинянин, переводчик, а также один или два католических священника, которые бы непрерывно служили литургии на латинском, так как, по его мнению, молодым людям следовало жить по латинскому обычаю, как хотел их отец. Здесь Виссарион вспоминает о неподобающем поведении его подопечных, которое имело место в пути, когда принцы покинули церковь во время молитвы за папу. Кардинал предостерегает, что если они бегут из церкви, то следует бежать и с Запада (ἀπὸ τῆν Φραγκίαν). По словам Виссариона, их отец хотел, чтобы дети полностью усвоили обычаи франков, чтобы посещали церковь и одевались, как латиняне, выражали почтение понтифику, кардиналам и другим прелатам, преклонив колени, с непокрытой головой. Кроме того, каждому из принцев следовало заучить краткую торжественную речь для приветственного обращения к папе. Позднее тексты этих προσφώνηματα для Андрея и Мануила были написаны учителем греческого Иоанном Герметианом¹¹⁸.

*Илл 14. Фрагмент картины «Бичевание Христа»
кисти Пьеро делла Франческа Урбино
Национальная галерея Марке (Палаццо Дукале).*

Согласно интерпретации Сильвии Ронкей, слева направо изображены: кардинал Виссарион, молодой Фома Палеолог и феррарский маркиз Никколо III д'Эсте: *Ronchey S. L'enigma di Piero. L'ultimo bizantino e le crociata fantasma nella rivelazione di un grande quadro. Milano 2006.*

Виссарион ничего не говорит наставнику об учебном плане, за исключением одной дисциплины – словесности. Его внимание сосредоточено в основном на воспитании хороших манер, ибо «благородство без добродетели ничто». Принцы должны были следовать правилам приличия, принятым у латинян: отвечать на приветствия, кланяться и обнажать головы, ходить с достоинством, соблюдать застольный этикет и умеренность в еде, говорить рассудительно и спокойно, не допуская хвастовства: «Пусть думают не о том, что они потомки императора, а о том, что они изгнаны из страны, что они сироты, чужеземцы, нищие, что для жизни им необходимы чужие милости и что, если в них нет добродетели, если они неблагоразумны и нескромны, если не имеют почтения ко всем, то и другие не захотят их почитать, но все от них отвернутся»¹¹⁹.

В окружение принцев входили врач Критопул, Иоанн Герметиан и, по всей видимости, несколько представителей известных византийских фамилий – Михаил Аристокбул, Мануил Палеолог, Георгий Пагуменос, Стаматис Бранас, Фома Раллис и Димитрий Рауль Кавакис, который представлял братьев Софьи Палеолог на её свадьбе в Москве¹²⁰. Известно, что Герметиан и Кавакис учились в Мистре у Гемиста Плифона, знаменитую «школу» которого посещал их будущий покровитель Виссарион. Летом 1466 г. у принцев ненадолго останавливался верный слуга их отца, историк и политический деятель Георгий Сфрандзи¹²¹, а в 1475 г. ко двору Андрея Палеолога собирался приехать Димитрий Халкокондил¹²².

Предметом особых забот Виссариона было решение вопроса о замужестве Софьи Палеолог с великим князем Московским¹²³, третьим по счету кандидатом на её руку после безрезультатных переговоров с кипрским королем Яковом II и маркизом Мантуанским. Великолепная родословная принцессы, очевидно, имела для русского монарха куда большее значение, чем её скромное приданое, частью которого была и вся принадлежащая туркам Морея¹²⁴. Хотя Иван III не пытался и не мог претендовать на территории бывшей империи,

в Риме рассчитывали, что этот брак подстегнет появление у государя новых амбиций и, в конечном счете, вовлечет Россию в антитурецкую политику. Можно полагать, что для кардинала Виссариона организация брачного союза была одним из средств достижения главной цели его жизни – предотвращения османской угрозы и освобождения Греции.

После смерти Виссариона в ноябре 1472 г. финансовое положение Андрея и Мануила Палеологов стало ухудшаться: их пенсия урезалась, что вынуждало братьев искать милости у других государей. Андрей Палеолог, который не оставлял идеи вернуть себе Морею, по выражению Константина Ласкариса, «скитался, как собиратель милостыни»¹²⁵, совершая поездки в Неаполитанское королевство, Россию (дважды), Англию и Францию. В 1483 г. номинальный «василевс и самодержец ромеев» пожаловал испанского аристократа Педро Фернандеса Манрике, графа Осорно, потомственным правом носить оружие и инсигнии византийских императоров, а также возводить в графское и рыцарское достоинства¹²⁶. По существу это был акт продажи привилегий, оформленный в виде императорского хрисовула. Гуманист Джакопо Герарди да Вольтерра (1434-1516) в своем «Дневнике» объяснял материальные затруднения Андрея его порочной расточительностью: «Старший из братьев, когда слишком погрузился в продажную любовь и наслаждения, истратил все средства, которые ему ежемесячно выделялись из папской казны». После возвращения Андрея из первой поездки в Россию в 1481 г. Герарди увидел его в Риме оборванным в окружении грязных домочадцев (*familia sordida et pannis obsitum*), отметив, что «тот, кто в предыдущие годы постоянно облачался в пурпур и шелк, теперь едва прикрывает члены дешевой одеждой»¹²⁷. Его младший брат Мануил пытался найти место при дворах герцогов Милана и Бургундии, но, не добившись приемлемых для себя условий, оставил Рим весной 1476 г. и уехал в Стамбул к султану Мехмеду II¹²⁸.

Вопреки укоренившемуся представлению об Андрее как о

титолованном прожигателе чужих денег, торгующем своими эфемерными правами¹²⁹, британский византинист Дж. Харрис предложил иное объяснение его поведения. По мнению ученого, Андреем двигали не только эгоистические мотивы, но и необходимость поддерживать зависящих от него *familiares*. Кроме того, он не оставлял надежду на возвращение отцовских владений в Пелопоннесе и, следуя по тому же пути, что и его порфиринозные предки, пытался найти могущественного союзника на Западе¹³⁰. При этом он понимал, что его собственные ресурсы, по сути, ограничивались громким титулом, кроме которого он ничего не мог предложить. Поэтому, когда Андрей узнал о планах французского короля Карла VIII провести военную кампанию против турок, он уступил ему свои права на престолы Константинополя, Трапезунда и Сербии в обмен на Морейский деспотат. Соответствующий акт был заключен в Риме в 1494 г. между Андреем Палеологом и представителем короля кардиналом Раймундом Перро. В случае королевской ратификации дарения деспоту назначалась пенсия в размере 4300 дукатов в год, оплачивался личный отряд численностью в сто копьеносцев и гарантировалась помощь в обеспечении ежегодной папской выплаты в 1800 дукатов, установленной для деспота при папе Сиксте IV¹³¹. Вероятно, что этот акт так и не был утвержден Карлом VIII, поскольку незадолго до своей смерти в 1502 г. Андрей передал права на византийскую корону испанским католическим королям Фердинанду и Изабелле, которые дали ему щедрое вознаграждение¹³².

Перед греческими эмигрантами стояла не только проблема адаптации к новым условиям жизни, но и задача сохранения собственной национальной идентичности, осознания себя греками по происхождению, языку, культуре и религии¹³³. Самым болезненным вопросом был религиозный, так как для большинства переселенцев путь на Запад означал отступление от одного из важнейших столпов византийской

цивилизации – православной веры. Католические власти допускали использование греческого обряда в богослужении, но при этом настаивали на соблюдении флорентийской унии. В большинстве случаев принятие греками латинской догматики было связано не с глубокой убежденностью в её истинности, а с необходимостью подчиниться обстоятельствам, о чем свидетельствует бегство детей Фомы Палеолога с униатского богослужения. Даже кардинал Виссарион, который призвал их во всем следовать латинским традициям, не отказался от ношения длинной бороды и почитал иконы, написанные в византийском стиле.

Для греческих интеллектуалов, перешедших в латинство или униатство, быть греком уже не означало быть православным. При этом они, как кажется, предпочитали не осуждать приверженность своих соотечественников отцовской вере и не относились к ним как к схизматикам. Куда важнее было то, что все они принадлежат христианскому миру, переживающему время утрат и испытаний. В своих призывах, направленных на пропаганду крестового похода, греческие эмигранты проводили мысль, что задача христиан Запада состоит в том, чтобы избавить христиан Востока от общего врага. Папа Пий II в преддверии Мантуанского собора отправил в Бургундию и Англию Франкулия Сервопула, который во время приема в Вестминстере в марте 1459 г. говорил о трех вещах: «во-первых, о вере, во-вторых, о мире между христианами и, в-третьих о том, чтобы все общим согласием помогли этой вере и оттеснили неверных»¹³⁴. Наиболее активную деятельность в этом направлении развернул Виссарион, пытавшийся склонить к участию в коалиции итальянские государства, а также германского императора и французского короля¹³⁵. В письме к венецианскому дожу Франческо Фоскари от 13 июля 1453 г. Виссарион так описал последствия захвата Константинополя:

«Град, который совсем недавно процветал с таким императором, со столькими известнейшими мужами, столькими

славнейшими и древнейшими семьями, с таким изобилием вещей, глава всей Греции, блеск и красота Востока, школа лучших искусств, вместилище всех благ, захвачен, разорен, опустошен, разграблен ужаснейшими варварами и страшнейшими врагами христианской веры, свирепейшими дикими зверями. Общественное достояние растрачено, частные средства уничтожены, храмы лишены золота, серебра, драгоценных камней, реликвий святых и другого ценнейшего убранства. Мужчины были зарезаны, как скот, женщины угнаны, девушки схвачены, дети вырваны из объятий родителей. Если кто и уцелел после такого бедствия, то был захвачен в плен ради выкупа, или подвергнут всяческим истязаниям, или обращен в позорнейшее рабство. Церкви и храмы, посвященные святым, осквернены бранью, насилием, кровью и всякой мерзостью»¹³⁶.

К идее крестового похода обращались и далекие от политики греческие эрудиты. Тема священной войны против «нечестивых варваров» прозвучала в речи Димитрия Халкокондила о греческой словесности, произнесенной в 1463 г. в Падуанском университете. Он призвал венецианцев прийти на помощь порабощенной и умоляющей о спасении Греции ради пользы всего христианства. Чтобы оправдать грядущие жертвы, Халкокондил привел довольно примечательный довод. Он представил турецкую кампанию как своеобразную оплату долга перед Византией, которая во времена Юстиниана I потратила огромные силы и средства на освобождение Италии от господства остготов. Причем Халкокондил ждал от латинян не только избавления родины от турок, но и возрождения её государственного состояния. Он говорил о вечной благодарности её будущим спасителям, и особенно венецианцам, которых она встретит так же, как праведники – Христа, сошедшего за ними в преисподнюю¹³⁷.

В понимании греческих ученых-эмигрантов быть греком значило чувствовать причастность к древней литературной и образовательной традиции их родины. Эта важная составляющая византийского самосознания была обозначена Гемистом

Плифоном в записке императору Мануилу II Палеологу: «мы – народ эллинов, о чем свидетельствует язык и отцовское воспитание»¹³⁸. Греческие эмигранты испытывали гордость за культурное наследие предков и тревогу за то, что эта богатая традиция могла исчезнуть под властью иноверцев. В своей интеллектуальной деятельности, они руководствовались не только прагматическими соображениями, но и благородным стремлением спасти часть литературного богатства греко-византийской цивилизации, без которого, по словам Виссариона, будущие поколения не отличались бы от варваров и рабов¹³⁹.

---

¹ *Leonardi Aretini Rerum suo tempore in Italia gestarum commentarius*. P. 15.

² *Hodius H. De Graecis illustribus*. Lib. I. P. 54.

³ *Ibid.* P. 2.

⁴ *Berschlin W. Traduzioni dal greco in latino (secoli IV-XIV) // I Greci: storia, cultura, arte, società. Vol.3: Greci oltre la Grecia*. Turin, 2001. P. 1023-1033. *Haskins C.H. Studies in the History of Medieval Science*. Cambridge, 1924. Ch. 9-11; *Mavroudi M. Translations from Greek into Latin and Arabic during the Middle Ages: Searching for the Classical Tradition // Speculum*. 2015. Vol. 90. No.1. P. 28-59.

⁵ *d'Alverny M.-Th. Translations and Translators // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century / Ed. R. Benson, G. Constable, Lanham C. Toronto, Buffalo, London, 1999*. P. 430-431, 437; *Haskins C.H. Studies in the History of Medieval Science*. P. 145-146, 206-208.

⁶ *Camozzi Pistoja A. The Oneirocriticon of Achmet in the West. A Contribution towards an Edition of Leo Tuscus' Translation // Studi medievali*. 2014. Vol. 55. P. 719-758; *Haskins C.H. Studies in the History of Medieval Science*. P. 215-218.

⁷ *Haskins C.H. Studies in the History of Medieval Science*. P. 218-221; *Mavroudi M. Occult Science and Society in Byzantium: Considerations for Future Research // Magdalino P., Mavroudi M. The Occult Science in Byzantium*. Geneva, 2006. P. 84-85.

⁸ *Corpus Platonicum Medii Aevi, Plato Latinus. Vol. IV: Timaeus a Calcidio translatus commentarioque instructus / Ed. J.H. Waszink*. London, 1962.

⁹ *Plato Latinus. Vol. I: Meno interprete Henrico Aristippo / Ed. V. Kordeuter, L. Labowsky*. London, 1940; *Plato Latinus. Vol. II: Phaedo interprete Henrico Aristippo / Ed. L. Minio-Paluello*. London, 1950; *Plato's Meno / Ed. R.S. Bluck*.

Cambridge, 1961. P. 140-145; *Haskins C.H.* Studies in the History of Medieval Science. P. 165-169.

¹⁰ *Kristeller P.O.* Renaissance Thought. P. 152-153.

¹¹ *Bloch D.* James of Venice and *Posterior Analytics* // *Cahiers de l'Institut du Moyen Âge Grec et Latin*. 2008. Vol. 78. P.37-50; *Haskins C.H.* Studies in the History of Medieval Science. P. 227-228; *Minio-Paluello L.* Iacobus Veneticus Grecus: Canonist and Translator of Aristotle // *Traditio*. 1952. Vol. 8. P. 265-304.

¹² *Bacon R.* Opera quaedam hactenus inedita / Ed J.S. Brewer. London, 1859. Vol. I. P. 91.

¹³ О переводах Р. Гроссетеста см., в частности: *Mercken H.P.F.* Robert Grosseteste's Method of Translating: A Medieval Word Processing Programme? // *Tradition et traduction: les textes philosophiques et scientifiques grecs au moyen age latin. Hommage a Fernand Bossier* / Ed. R. Beyers, J. Brams et al. Louvain, 1999. P. 323-370; *Thomson S.H.* The Writings of Robert Grosseteste, Bishop of Lincoln 1235-1253. Cambridge, 1940. P. 42-71.

¹⁴ *Fryde E.* Translation from Greek into Latin, chiefly in the second half of the thirteenth century // *Idem.* The Early Palaeologan Renaissance (1261 – c. 1360). Leiden, 2000. P. 103-143; *Grabmann M.* Guglielmo di Moerbeke, il traduttore delle opere di Aristotele. Roma, 1946; *Pattin A.* Pour la biographie de Guillaume de Moerbeke // *Angelicum*. 1989. Vol. 66. P. 390-402; *Verbeke G.* Guillaume de Moerbeke et sa méthode de traduction // *Medioevo e Rinascimento*. Firenze, 1955. Vol. 2. P. 781-800.

¹⁵ *Mohler L.* Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. Bd. 3. S. 257.

¹⁶ *Chandelier J.* Niccolò da Reggio // *DBI*. 2013. Vol. 78. P. 423-425; *Fryde E.* Translation from Greek into Latin. P. 132-133; *Garcia Novo E.* Pietro d'Abano y su traducción del tratado de Galeno *De inaequali intemperie* // *Φίλου σκιά*. Vol. 2007. P. 223-234; *Thorndike L.* Translations of Works of Galen from the Greek by Peter of Abano // *Isis*. 1942. Vol. 33. No. 6. P. 649-653; *Ventura I.* Pietro d'Abano // *DBI*. 2015. Vol. 83.

¹⁷ *Cerezo Magán M.* Juan Fernandez de Heredia y Plutarco. *Las Vidas Paralelas* // *Scriptura* (Translatio & Compilatio en la Baja Edad Media). 2016. N. 23-25. P. 121-153; *Iglesias Zoido J.C.* El *Tucidides* de Juan Fernández de Heredia (s. XIV): problemas planteados por la selección de los discursos // *Anuario de Estudios Filológicos*. 2005. Vol. 28. P. 131-147.

¹⁸ *Fedalto G.* Simone Atumano, ein kaum bekannter Humanist // *Der Beitrag der Byzantinischen Gelehrten zur abendländischen Renaissance des 14. und 15. Jahrhunderts*. P. 57-68; *Weiss R.* Lo studio di Plutarco nel Trecento // *La parola del passato*. 1953. Fasc. Vol. 32. P. 321-342. Другим начинанием Атуmano стала трехязычная Библия (*Biblia Triglotta*), которую он посвятил папе Урбану VI: *Berschlin W.* Greek letters and the Latin Middle Ages: from

Jerome to Nicholas of Cusa. Washington, 1988. P. 265-268; *Setton K.M.* The Papacy and the Levant (1204-1571): The fifteenth century. Philadelphia, 1976. Vol. I. P. 471.

¹⁹ *Epistolario di Coluccio Salutati / a cura di F. Novati.* Roma, 1893. Vol. II. P. 480-483.

²⁰ *Loud G.A.* The Latin Church in Norman Italy. Cambridge, 2007. P. 494 etc. О греческом языке в средневековой Италии см.: *Dillon J.B.* Greek language and literature // *Medieval Italy: An Encyclopedia / Ed. Ch. Kleinhenz.* New York-London, 2004. Vol. I. P. 444-448.

²¹ *Bacon R.* Opera quaedam hactenus inedita. Vol. I. P. 434.

²² *Antonii Galatei Liciensis Descriptio urbis Callipolis // Idem. Liber de Situ Iapygiae.* Basileae, 1558. P. 142. Также: *Vakalopoulos A.E.* The Greek nation, 1453-1669: the cultural and economic background of modern Greek society. New Brunswick, 1976. P. 48.

²³ *Arnesano D.* San Nicola di Casole e la cultura greca in terra d'Otranto nel Quattrocento // *La conquista turca di Otranto (1480) tra storia e mito.* Galatina 2008. Vol. 1. P. 107-140. Также: *Протасов Н.Д.* Греческое монашество в южной Италии и его церковное искусство. Сергиев Посад, 1915.

²⁴ *Николай* (Нектарий) Отрантский (†1235) – греко-итальянский монах, богослов и переводчик, игумен монастыря св. Николая в Казоле.

²⁵ *Antonii Galatei Liciensis Liber de Situ Iapygiae.* P. 45-46.

²⁶ *Voccaccio G.* Genealogia Deorum Gentilium. Basileae, 1532. XV, 6. P. 390.

²⁷ См.: *Bisaha N.* Creating East and West: Renaissance Humanists and the Ottoman Turks. Philadelphia, 2004. P. 118-122.

²⁸ *Petrarchae F.* Opera quae extant omnia. Basileae, 1554. Vol. II. P. 912. Ср. письмо Петрарки к генуэзцам: “Живых, косных и самостоятельно ни на что великое не дерзающих гречишек (Graeculos) не только не жалею, но даже радуюсь [генуэзским победам над ними] и желаю, чтобы позорная их империя, седалище заблуждений, была опрокинута вашими руками, если случится так, что Христос изберет вас отомстить за свои обиды, возложив на вас совершение кары, недобро затянутой всем католическим народом” (*Петрарка Ф.* Письма / Пер. в лат., комм. В.В. Библихина. СПб., 2004. С. 560).

²⁹ Renaissance humanism and the Papal Curia: Lapo da Castiglionchio the Younger's *De curiae commodis* / Ed. Ch.S. Celenza. Ann Arbor, 1999. P. 170-171.

³⁰ *Вергилий.* Энеида. IX. 616.

³¹ *Nicol D.M.* The Byzantine View of Western Europe // *Greek, Roman and Byzantine Studies.* 1962. Vol. 7. P. 315-339.

³² Письмо 1467 г.: *Noiret H.* Huit lettres inédites de Démétrius Chalcondyle. P. 89; *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. P. 95.

³³ Цит. по: *Медведев И.П.* Ренессансные тенденции. С. 236.

³⁴ *Laiou A.E.* Italy and the Italians in the Political Geography of the Byzantines (14th Century) // *DOP.* 1995. T. 49. P. 98.

³⁵ См., напр.: *Шутиков М.М.* Константинополь и венецианская торговля в первой половине XV в. по данным книги счетов Джакомо Бадоера // ВВ. 1969. Т. 30. С. 48-62; *Его же.* Торговля продовольствием в Константинополе и его окрестностях в первой половине XV в. (по данным книги счетов Джакомо Бадоера) // АДСВ. 1972. Вып. 8. С. 120-127.

³⁶ *Kazhdan A.* The Italian and Late Byzantine City // DOP. 1995. Т. 49. P. 1-22; *Laiou-Thomadakis A.E.* Byzantine Economy in Mediterranean Trade // DOP. 1980-1981. Т. 34-35. P. 177-222; *Matschke K.-P.* Commerce, Trade, Markets, and Money: Thirteenth-Fifteenth Centuries // The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. A.E. Laiou. Washington, 2002. Vol. 2. P. 771-806; *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и южное Причерноморье в XIII – XV вв.: проблемы торговли М., 1990; *Хвостова К.В.* Некоторые вопросы внутренней торговли и торговой политики в Византии XIV – XV вв. // ВВ. 1989. Т. 50. С. 36-46; *Ченцова В.Г.* Купец и торговля в Византии XIV в. (по данным “Истории” Иоанна Кантакузина) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. СПб.; М., 1991. С. 98-109.

³⁷ Об итальянских влияниях на греческие портуланы см.: *Бородин О.Р.* Развитие географии в поздней Византии // Культура Византии. С. 387-389; *Чудиновских Э.И.* Греческие портуланы как источник по истории торговых путей Центрального и Восточного Средиземноморья XV – XVI // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 61-80.

³⁸ О возможных целях и времени этого путешествия см.: *Harris J.* When did Laskaris Kananos travel in the Baltic lands? // Byzantion. 2010. Vol. 80. P. 173-187. Также: *Васильев А.А.* Ласкаръ Канан, византийский путешественник XV в. по Северной Европе и в Исландию. Харьков, 1914.

³⁹ *Demetrius Cydones.* Correspondance / Publ. par R.-J. Loenertz. (Studi e Testi). Città del Vaticano, 1956-1960. Vol. 2. P. 394.

⁴⁰ *Oikonomides N.* Byzantine diplomacy, A.D. 1204-1453: means and ends // Byzantine Diplomacy: Papers from Twenty-Fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Cambridge, March 1990 / Ed. J. Shepard, S. Franklin. Aldershot, 1995. P. 73-88; *Медведев И.П.* К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи // ВВ. 1972. Т. 33. С. 129-139; *Паукин Н.Г.* Византия в европейской политике первой половины XV в. (1402-1438). Екатеринбург, 2007.

⁴¹ Подробнее о “великом посольстве” Мануила II см.: *Васильев А.А.* Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399–1403 гг.) // ЖМНП. 1912. Т. 39. Май. С. 41-78; Июнь. С. 260-304; *Рязанов П.А., Лошкарева М.Е.* Греко-английские отношения в контексте антиосманской политики в XV в. // СВ. 2021. Вып. 82 (1). С. 199-221; 201-214; *Andreeva M.A.* Zur Reise Manuels II. Palaiologos nach Westeuropa // Byzantinische Zeitschrift. 1934. Bd. 34. S. 37-47; *Nicol D.M.* A

Byzantine Emperor in England: Manuel II's visit to London in 1400-1401 // University of Birmingham Historical Journal. 1971. Vol. 12, No. 2. P. 204-225.

⁴² Цит. по: *Поляковская М.А.* Димитрий Кидонис и Запад (60-е гг. XIV в.) // АДСВ. 1979. Вып. 16. С. 46.

⁴³ *Laurent V.* Les "Mémoires" du grand ecclésiarque de l'Église de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le Concile de Florence (1438-1439). Paris, 1971. P. 440, 444.

⁴⁴ Реакция константинопольской паствы на заключение унии была негативной (*Syropoulos.* Les "Mémoires". P. 546, 548, 554, 556). Несколько иначе обстояли дела в Морее, где прихожане и низшее духовенство приняли четырех епископов, сочувствовавших объединению с католической церковью: *Ломизе Е.М.* Морейский деспотат и Флорентийская уния // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 110-120.

⁴⁵ См. статьи в сборнике: *Never the Twain Shall Meet? Latins and Greeks learning from each other in Byzantium* / Ed. D. Searby. Berlin-Boston, 2018: *Tinnefeld Fr.* Translations from Latin to Greek (p. 9-19); *Balcoyiannopoulou I.* New Evidence on the Manuscript Tradition and on the Latin and Greek Background to George Scholarius' In "De Interpretations" (p. 93-113); *Blanchet M.-H.* The Two Byzantine Translations of Thomas Aquinas' *De Rationibus Fidei* (p. 115-128); *Demetracopoulos J.A.* Scholarios' *On Almsgiving*, or How to Convert a Scholastic "Quaestio" into a Sermon (p. 129-177); *Konstantinou-Rizos M.* Prochoros Cydones' Translation of Thomas Aquinas' *Quaestiones disputatae de potentia* and *Quaestio disputata de spiritualibus creaturis* (p. 259-274) и др. Также: *Nikitas D.Z.* Traduzioni greche di opere latine // I Greci: storia, cultura, arte, società. Turin, 2001. Vol.3: Greci oltre la Grecia. P. 1035-1051.

⁴⁶ *Ciccolella F.* Donati Graeci. P. 237-258; *Fisher E.A.* Planoudes, Holobolos, and the Motivation for Translation // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 2002/3. Vol. 43. P. 77-104; *Fryde E.* The Early Palaeologan Renaissance. P. 226, 257-263; *Michalopoulos A.N.* Ovid in Greek: Maximus Planudes' translation of the double Heroides // *Classica et Mediaevalia*. 2003. Vol. 54. P. 359-374; *Wilson N.G.* Scholars of Byzantium. P. 230-241.

⁴⁷ *Fisher E.A.* Planoudes, Holobolos, and the Motivation for Translation. Греч. текст предисловия к переводу трактата "О топических различиях": p. 89-91; англ. перевод: p. 84-88. О намерении Холобола перевести кое-что из трактата "О делении" см.: p. 90, § 8 (вопреки Э. Фишер, которая полагает, что в данном месте речь идет о работе "De topicis differentiis" (p. 87, not. 33).

⁴⁸ *Kianka F.* Demetrios Kydones and Italy // *DOP*. 1995. Т. 49. P. 102-103. *Idem.* Demetrius Cydones and Thomas Aquinas // *Byzantion*. 1982. Vol. 52. P. 264-286.

⁴⁹ *Mercati G.* Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Caleca e Teodoro Meliteniota ed altri appunti per la storia della teologia e della letteratura bizantina del secolo XIV. (Studi e Testi). Città del Vaticano, 1931. P. 363.

⁵⁰ *Demetrius Cydones.* Correspondance. Vol. II. P. 267-268.

⁵¹ Существует и другой греческий перевод трактата “De rationibus fidei”, выполненный неким Атумисом (Ατουμης), личность которого пока установить не удалось: *Blanchet M.-H.* The Two Byzantine Translations of Thomas Aquinas’ *De Rationibus Fidei*. P. 115-128.

⁵² *Demetracopoulos J.A.* Demetrius Cydones’ Translation of Bernardus Guidonis’ List of Thomas Aquinas’ Writings and the Historical Roots of Byzantine Thomism // 1308: Eine Topographie historischer Gleichzeitigkeit / Hrsg. von A. Speer, D. Wirmer. Berlin; New York, 2010. P. 829-881; *Fryde E.* The Early Palaeologan Renaissance. P. 382-385; *Glycofrydi-Leontsini A.* Demetrius Cydones as a Translator of Latin Texts // *Porphyrogenita. Essays on the History and the Literature of Byzantium and the Latin East in Honour of J. Chrysostomides* / Ed. Ch. Dendrinis, J. Harris, E. Harvalia-Crook, J. Herrin. Aldershot, 2003. P. 175-185; *Kianka F.* The Apology of Demetrius Cydones: A Fourteenth-Century Autobiographical Source // *Byzantine Studies*. 1980. Vol. 7. P. 57-71; *Дунаев А.Г.* Кидонис Димитрий // *Православная энциклопедия*. М., 2013. Т. 32. С. 640-656; *Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов: три очерка. Екатеринбург, 1992. С. 80-82; *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV – XVIII вв. Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 325.

⁵³ *Prochoros Kydones.* Übersetzung von acht Briefen des Hl. Augustinus / Hrsg. von H. Hunger. Wien, 1984; *Prochoros Kydones.* Übersetzungen von S. Augustinus *De libero arbitrio* I 1–90 und Ps.-Augustinus *De decem plagis Aegyptiorum* / Hrsg. v. H. Hunger. Wien, 1990; *Lössl J.* Palamite Soteriology in Augustinian Dress? Observations on Prochoros Kydones’ Writings and Translations of Works of Augustine // *Journal for Late Antique Religion and Culture*. 2008. Vol. 2. P. 33–43; *Дунаев А.Г.* Кидонис Прохор // *Православная энциклопедия*. Т. 32. С. 657-663.

⁵⁴ *Beck H.-G.* Geschichte der orthodoxen Kirche im byzantinischen Reich. Gottingen, 1980. D. 260; *Cuomo A.M.* La terza messa ambrosiana di natale tradotta in greco e commentata da Manuele Caleca // *Ricerche Storiche sulla Chiesa Ambrosiana*. 2010. Vol. 27. P. 9-99; *Demetracopoulos J.A.* Manuel Calecas’ Translation of Boethius’ *De Trinitate*. Introduction, New Critical Edition, Index Latinograecitatis // *Synthesis Philosophica*. 2005. Vol. 39 (1). P. 85-118; *Nikitas D.Z.* Traduzioni greche di opere latine // *I Greci*. Vol. 3. P. 1048.

⁵⁵ Переводы Г. Схолария опубликованы в изд.: *Oeuvres complètes de Georges Scholarios* / publiées pour la première fois par L. Petit, X.A. Siderides, M. Jugie. Paris, 1928-1936. Vol. I-VIII. См. также: *Barbour H.* The Byzantine Thomism of Gennadios Scholarios and his Translation of the Commentary of Armandus de Bellovisu on the “De Ente et Essentia” of Thomas Aquinas. Città del Vaticano, 1993; *Ebbesen S., Pinborg J.* Gennadios and western scholasticism: Radulphus Brito’s *Ars vetus* in Greek translation // *Classica et mediaevalia*. 1981-1982. Vol. 33. P. 263-319; *Plested M.* Orthodox Readings of Aquinas. Oxford, 2012. P.

127-136.

⁵⁶ *Theodorus Gaza*. M. Tullii Ciceronis liber *De senectute* in Graecum translatus / Ed. I. Salanitro. Leipzig, 1987. Греч. перевод послания Николая V см. в: PG. Т. 160. Col. 1201-1212. Также: *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. XXXIV; XLVII; *Salanitro G.* La duplice redazione della versione greca di Teodoro Gaza del *De senectute* ciceroniano // *Rendiconti dell'Istituto Lombardo*. 1975. Vol. 100. P. 284-296; *Воробьев Г.М.* Биологические трактаты Аристотеля. С. 77-87.

⁵⁷ См. предисловие к переводу “О топических различиях”: *Fisher E.A.* Planoudes, Holobolos, and the Motivation for Translation. P. 89-90.

⁵⁸ Обширная библиография исихазма представлена в книге: Исихазм: аннотированная библиография / Под ред. С.С. Хоружего. М., 2004. Из работ, посвященных полемике с паламитами, на русском языке см., в частности: *Байер Х.Ф.* Участие Ирины-Евлогии Хумнены в исихастском противоборстве XIV в. // *АДСВ*. 2000. Вып. 31. С. 297-322; *Красиков С.В.* Спор между Варлаамом Калабрийским и Григорием Паламой о соотношении науки и веры // *АДСВ*. 2001. Вып. 32. С. 228-238; *Ломизе Е.М.* Варлаамизм и византийское латиноумислие. Просопографические наблюдения // *Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики*. СПб., 1999. С. 262-269; *Макаров Д.И.* О полемике с антипаламитами в “Пяти словах о Свете Фаворском” Феофана Никейского // *АДСВ*. 2006. Вып. 37. С. 329-341; *Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов: три очерка. С. 88-96; 137-143.

⁵⁹ *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV-XV вв. СПб., 1997. С. 55.

⁶⁰ Комплексным отечественным исследованием феномена Латинской Романии является работа *С.П. Карнова*: *Латинская Романия*. СПб., 2000. О венецианской Романии см. также: *Соколов Н.П.* Образование венецианской колониальной империи. Саратов, 1963; *Thiriet F.* La Romanie Vénitienne au Moyen Age. Le developpement et l'exploitation du domaine colonial venitien (XIIe – XVe siècles). Paris, 1959.

⁶¹ *Cutler A.* From Loot to Scholarship: Changing Modes in the Italian Response to Byzantine Artifacts, ca. 1200 – 1750 // *DOP*. 1995. Vol. 49. P. 240-242.

⁶² *Лазарев В.Н.* “Маньера грека” и проблема критской школы живописи // *Его же*. Византийская живопись. М., 1971. С. 378-380.

⁶³ *Cutler A.* From Loot to Scholarship. P. 237-267.

⁶⁴ *Nelson R.S.* The Italian Appreciation and Appropriation of Illuminated Byzantine Manuscripts, ca. 1200 – 1450 // *DOP*. 1995. Vol. 49. P. 209-235.

⁶⁵ Цит. по: *Бранка В.* Боккаччо средневековый / Пер. с ит. Н. Елиной и др. М., 1983. С. 315-316. *Vossaccio G.* Genealogia Deorum Gentilium. XV, 7. P. 392: “Ast ego in hoc latinitati compatiar, quae si omnino Graeca abiecit studia, ut etiam non noscamus characteres literarum. Nam, etsi sibi suis sufficiat licteris, et in eas omnis occiduus versus sit orbis, sociatae Graecis lucidiores

procul dubio apparent, nec preterea omnia secum a Graecia veteres traxere latini: multa supersunt, et profecto nobis incognita quibus possemus, scientes effici meliores”.

⁶⁶ *Demetrius Cydones*. Correspondance. Vol. II. P. 304-305. Ep. 360, 435, 439. О путешествии Павла из Милана см.: *Kianka F.* Demetrios Kydones and Italy. P. 109, not. 30; *Кущ Т.В.* На закате империи. С. 363-375.

⁶⁷ *Epistolario di Guarino Veronese / raccolto, ordinato, illustrato da R. Sabbadini*. Venezia, 1915. Vol. 1. P. 20-21. Ep. 7: Мануилу Хрисолору, 1411 г.

⁶⁸ Давние торговые и политические связи с греческим Востоком поддерживались купечеством и нобилитетом Амальфи, однако в XII-XIII вв. город утратил свои лидирующие позиции в Средиземноморской транзитной торговле: *Рязанов П.А.* Амалфи в Средние века: расцвет и угасание средиземноморского торгового центра // *Средние века*. 2013. Вып. 74 (1-2). С. 251-285.

⁶⁹ *Петрарка Ф.* Письма. С. 198.

⁷⁰ *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. P. 41-52; *Idem.* Byzantine East and Latin West. P. 139-164; *Wittek M.* Pour une étude du scriptorium de Michel Apostoles. P. 290-297.

⁷¹ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. II. P. 273-274. Также: *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. P. 55.

⁷² *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. P. 60-61, not. 22; *Idem.* Interaction of the “Sibling” Byzantine and Western Cultures. P. 178; *Nicol D.M.* Byzantium and Venice. P. 416.

⁷³ *Harris J.* Bessarion on Shipbuilding. P. 295-299; *Lane F.Ch.* Venetian Ships and Shipbuilders of the Renaissance. Baltimore-London, 1992. P. 56-59; *Makris G.* Ships // *The Economic History of Byzantium*. P. 99.

⁷⁴ *Matschke K.-P.* The Notaras Family and Its Italian Connection // *DOP*. 1995. T. 49. P. 59-72; *Idem.* Some Merchant Families in Constantinople Before, During and After the Fall of the City 1453 // *Balkan Studies*. 1997. Vol. 38/2. P. 232, 234-237.

⁷⁵ *Burke E.C.* Our daughters and our future: Elite Greco-Venetian marriages 1520-1610 // *Marriage in Premodern Europe: Italy and Beyond / Ed. J. Murray*. Toronto, 2012. P. 169-199.

⁷⁶ *Belgrano L.T.* Prima serie di documenti riguardanti la colonia di Pera // *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. 1877. Vol. XIII. P. 269.

⁷⁷ *Ganchou Th.* Le rachat des Notaras après la chute de Constantinople ou les relations “étrangères” de l’élite byzantine au XVe siècle // *Migrations et Diasporas Méditerranéennes (X-XVI Siècles) / Ed. M. Balard; A. Ducellier*. Paris, 2002. P. 197-199; *Matschke K.-P.* The Notaras Family. P. 68, 71; *Philippides M., Hanak W.H.* The Siege and the Fall of Constantinople in 1453: Historiography, Topography, and Military Studies. Burlington, 2011. P. 43, 616-617, not. 28. В турецком плену оказались две дочери Луки Нотары – Мария и

Феодора, которые были выкуплены в 1456 г. (*Ganchou Th. Le rachat des Notaras. P. 149-229*).

⁷⁸ *Burke E.C. Surviving exile. P. 116; Ganchou Th. Hélène Notara Gatelioussaina d'Ainos et le Sankt Peterburg Bibl.Publ.gr. 243 // Revue des etudes byzantines. 1998. T. 56. P. 141-148; Idem. Le rachat des Notaras. P. 156-158.*

⁷⁹ От 26 мая 1487 г.: “Umiliter et reverenter expono io Anna Paleologina fiola fu del qu. Megaduca Constantinopoli, fidelissimo servidor de questo vostro glorioso stado. Cum sit che za *anni trenta vel circa* sia stata et habitata in questa alma città...” (*Sathas C.N. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge. Paris, 1890. T. IX. P. XXXIX-XL*).

⁸⁰ *Ganchou Th. Le rachat des Notaras. P. 153, not. 17; 157, not. 33.*

⁸¹ *Ecthesis Chronica and Chronicon Athenarum / Ed. S.P. Lambros. London, 1902. P. 17. См. также: Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. I. P. CXXVI-CXXVII; Ganchou Th. Le rachat des Notaras. P. 152, not. 13; 156, not. 29.*

⁸² *Iacopo Ammannati Piccolomini. Lettere / a cura di P. Cherubini. Roma, 1997. Vol. III. P. 1544.*

⁸³ *Clarke P., Giuffrida E. Aggiornamenti su Anna Notara e sulla sua famiglia a Venezia // Thesaurismata. 2014. Vol. 44. P. 120-122.*

⁸⁴ *Ammannati. Lettere. P. 1544.*

⁸⁵ *Cecchini G. Anna Notara Paleologa – una principessa greca in Italia e la politica senese di ripopolamento della Maremma // Bollettino Senese di Storia Patria. 1938. An. 9. P. 5. О причастности Виссариона к организации греческой коммуны во владениях Сиены см.: Clarke P., Giuffrida E. Aggiornamenti su Anna Notara. P. 110; Nicol D.M. The Byzantine Lady. P. 99-100; Harris J. Cardinal Bessarion and the Ideal State // Der Beitrag der Byzantinischen Gelehrten zur Abendländischen Renaissance des 14. und 15. Jahrhunderts / hrsg. v. E. Konstantinou. Frankfurt am Main, 2006. P. 95; Ronchey S. Un'Aristocratica Bizantina in fuga: Anna Notaras Paleologina // Donne a Venezia / a cura di S. Winter. Roma, 2004. P. 30-34.*

⁸⁶ *Ammannati. Lettere. P. 1545.*

⁸⁷ *Sathas C.N. Documents inédits. T. IX. P. XXXIV-XXXVII.*

⁸⁸ *Cecchini G. Anna Notara Paleologa. P. 34-41. Doc. 13.*

⁸⁹ *Ibid. P. 38.*

⁹⁰ См. письмо папы к Франческо Сфорца, герцогу Милана, от 23 февраля 1456 г.: *Λόγτρος Σ.Π. Παλαιολόγεια και Πελοποννησιακά. Εν Αθήναις, 1930. T. IV. Σ. 205-206.*

⁹¹ Письмо к Сиенской республике от 15 июня 1474 г.: *Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe / Ed. E. Legrand. Paris, 1892. P. 341. О Сервопуле см. там же: р. X.*

⁹² См. о нем: *Manoussacas M. Recherches sur la vie de Jean Plousiadénos (Joseph de Méthone) (1429?-1500) // Revue des Etudes Byzantines. 1959. T. 17. P. 28-51.*

- ⁹³ *Sathas C.N.* Documents inédits. T. IX. P. XXXVIII-XL.
- ⁹⁴ *Burke E.C.* Surviving exile. P. 113-114; *Theodore Spandounes.* On the Origins of the Ottoman Emperors / Ed. and transl. D.M. Nicol. Cambridge, 1997. P. IX.
- ⁹⁵ Яков Нотара скончался в конце 1485 г.: *Clarke P., Giuffrida E.* Aggiornamenti su Anna Notara. P. 112. Текст его завещания от 31 октября 1485 г. см. там же: p. 149.
- ⁹⁶ I Diarii di Marino Sanuto / per cura di R. Fulin. Venezia, 1882. T. VII. Col. 115. Марино Санудо сообщает, что Анна умерла в возрасте более ста лет, что является сильным преувеличением.
- ⁹⁷ *Cecchini G.* Anna Notara Paleologa. P. 27, 28, 34, 35; *Sathas C.N.* Documents inédits. T. IX. P. XXXIV.
- ⁹⁸ *Burke E.C.* “To Live Under the Protection of Your Serenity”. P. 144-149; *Geanakoplos D.J.* Constantinople and the West. P. 119-123; *Nicol D.M.* Byzantium and Venice. P. 417.
- ⁹⁹ Annali Veneti dall'anno 1457 al 1500 del senatore *Domenico Malipiero*, ordinati et abbreviati del senatore Francesco Longo // Archivio storico italiano. Firenze, 1843. T. VII (1). P. 65, 72-73. По описанию Д. Малипьеро (1472): “Эти люди воинственны и более способны к внезапным набегам, чем к упорядоченным военным действиям. Они носят шлемы на голове, мечи на боку, копьё в руке; некоторые надевают панцири. У них прилегающая одежда из бумажной ткани, называемая казакином. Их лошади чрезвычайно быстры и способны к длительным пробегам. Эти войска по всей Морее употребляются против турок. Стратиготы из Навплии и окрестностей – самые лучшие”: *Скржинская Е. Ч.* Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000. С. 162, сн. 2.
- ¹⁰⁰ *Cippico C.* Guerre de' Veneziani nell'Asia libri tre. Venezia, 1796. P. X. Anno 1472.
- ¹⁰¹ *Sanuto M.* La spedizione di Carlo VIII in Italia / per cura R. Fulin. Venezia, 1883. Col. 313.
- ¹⁰² *Филипп де Коммин.* Мемуары / пер., ст., прим. Ю.П. Малинина. М., 1986. С. 326. И Коммин, и Санудо отмечают практику венецианцев платить по дукату за голову противника.
- ¹⁰³ *Burke E.C.* Greco-Venetian Views of the Serenissima. P. 10-16.; *Eadem.* Surviving exile. P. 121-123.
- ¹⁰⁴ *Giovio.* Elogia. P. 61. См. о нем: *Coppini D.* Marullo Tarcaniota, Michele // DBI. 2008. Vol. 71. P. 397-406; *Kidwell C.* Marullus. Soldier poet of the Renaissance. London, 1989.
- ¹⁰⁵ *Wright D.G.* The Kladas Affair and Diplomatic Relations (1480-1485) // Studi Veneziani. 2013. Vol. 67. P. 157-182.
- ¹⁰⁶ *Nicol D.M.* The Byzantine Lady: Ten Portraits, 1250-1500. Cambridge, 1994. P. 101-102.
- ¹⁰⁷ Venice: A Documentary History 1450-1630 / Ed. D. Chambers and B. Pullan, Oxford, 1992. P. 333.

¹⁰⁸ *Sathas C.N.* Documents inédits. T. IX. P. XXXVIII-XXXIX.

¹⁰⁹ Venice: A Documentary History. P. 333-334.

¹¹⁰ *Manoussacas M.* La comunità greca di Venezia e gli arcivescovi di Filadelfia // La Chiesa greca in Italia dall'VIII al XVI secolo. Atti del Convegno storico interecclesiale (Bari 30 aprile – 4 maggio 1969). Padova, 1972-1973, Vol. I. P. 53.

¹¹¹ О возведении Музуроца в епископский и архиепископский сан см.: *Eubel C.* Hierarchia Catholica Medii et Recientoris Aevi. Münster. 1928. Vol. III. P. 248; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. CXIX, not. 3, Vol. II. P. 399-404; *Sanuto Marino.* Diarii. Venezia, 1888. T. XXII. Col. 340. Также письмо грека Николая Секундиноса Музуроцу от 22 апреля 1517 г.: *Opus Epistolarum Des. Erasmi Roterodami / Ed. P.S. Allen, H.M. Allen.* Oxford, 1910. T. II. P. 547. Ep. 574.

¹¹² Venice: A Documentary History. P. 334-336.

¹¹³ О давлении, которому подвергались греческие прихожане со стороны венецианского патриархата в XVI в. см.: *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. P. 64-67.

¹¹⁴ *Otten-Froux C.* Deux consuls des Grecs à Gênes à la fin du 14e siècle // Revue des études byzantines. 1992. T. 50. P. 241-242.

¹¹⁵ *Hassiotis I.K.* Sull'organizzazioni, incorporazione sociale e ideologia politica dei Greci a Napoli (dal XV alla metà del XIX sec.) // Επιστημονική Επετηρίδα της Φιλοσοφικής Σχολής του Αριστοτελείου Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης. 1981. T. 20. Σ. 417-419. Неаполь был одним из первых итальянских городов, где грекам разрешили построить православную церковь – во имя св. Апостолов на средства Фомы Ассана Палеолога в 1518 г.

¹¹⁶ Впрочем, положение греков в Риме было очень ненадежным. Из 83 лиц, входивших в “фамилию” Виссариона (согласно списку от 1 января 1472 г.) только семь были византийцами: “Iacobus Seba de Cipro, clericus nicosiensis; Dimitrius Gelayti, presbiter malvasiensis diocesis; Alexius Keladenus, clericus spartanus; Georgius Bonagraoutis, clericus agenensis; Georgius de Nigrinis, clericus pergamensis diocesis; Franciscus de Nigrinis, clericus pergamensis diocesis” (*Bianca C.* Byzantines at Rome in the Fifteenth Century // Essays in Renaissance Thought and Letters: In Honor of John Monfasani / Ed. A. Frazier, P. Nold. Leiden, Boston, 2015. P. 3-11: 8).

¹¹⁷ Об этом поручении известно только из папской охранной грамоты, выданной Николаю Кокле в апреле 1472 г. по просьбе Виссариона: *Harris J.* Cardinal Bessarion and the Ideal State. P. 95-96.

¹¹⁸ Опубликованы Сп. Лампросом: *Λάμπρος Σ.Π.* Παλαιολόγεια. T. IV. Σ. 274-275; 281-282.

¹¹⁹ Текст письма, отправленного Виссарионом из Рима в Анкону, приводится в хронике Псевдо-Сфрандзи: *Sphrantzes Georgios.* Memorii. In annexa *Pseudo-Phrantzes: Macarie Melissenos.* Cronica / Ed. V. Grecu. Bucuresti, 1966. P. 556-562; *Λάμπρος Σ.Π.* Παλαιολόγεια. T. IV. Σ. 284-291; PG. T. 156. Col. 991-997.

¹²⁰ *Harris J.A.* Worthless Prince? Andreas Palaeologus in Rome – 1464-1502 // *Orientalia Christiana Periodica*. 1995. Vol. 61. № 2. P. 546, not. 45, 46; *Idem.* Greek Emigres in the West, 1400-1520. Camberley, 1995. P. 114-115. Вместе с Софьей Палеолог в Москву приехали её “бояре” – братья Дмитрий и Юрий Траханиоты (Димитрий и Георгий Траханиоты). С Андреем Палеологом был связан Петр Росос (Росо), о котором он просил похлопотать Мануила Траханиота в письме от 7 ноября 1475 г.: *Матасова Т.А., Воробьев Г.М.* Новый документ по истории связей греческого мира и России последней четверти XV в. // ВВ. 2016. Т. 100 (75). С. 294-308.

¹²¹ Из хроники Сфрандзи о его путешествии по Италии в 1466 г.: “А я, вынуждаемый бедностью, выехал 18 апреля и 17 мая прибыл в Анкону. А 1 июня я снова выехал и отправился по дороге в Витербо, так как мы узнали, что там на горячих источниках находится кардинал [Виссарион]. Через 9 дней мы добрались до Рима и провели 36 дней в доме моих господ деспота кир Андрея и автендопула кир Мануила Палеологов. В эти дни я поклонился могилам блаженных апостолов Петра и Павла и многих других святых, похороненных там” (Пер. *Е.Д. Джасацпаняна*: Георгий Сфрандзи. Хроника // Кавказ и Византия. 1987. Вып. 5. С. 235).

¹²² Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe / Ed. E. Legrand. Paris, 1892. P. 184-185.

¹²³ “Res est nostrae curae et sollicitudinis” в письме Виссариона к приорам Сиены от 10 мая 1472 г.: *Mohler L.* Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. Bd. III: Aus Bessarions Gelehrtenkreis. S. 564; *Λάμπρος Σ.Π.* Παλαιολόγεια. Т. IV. Σ. 312; *Пирлинг П.О.* Россия и Восток. С. 44-45, 214-214.

¹²⁴ *Пирлинг П.О.* Россия и Восток. С. 75, 222, 224; *Скржинская Е.Ч.* Русь, Италия и Византия в Средневековье. С. 202-205.

¹²⁵ PG. Т. 161. Col. 964.

¹²⁶ *Λάμπρος Σ.Π.* Παλαιολόγεια. Т. IV. Σ. 297-298; *Регель В.* Хрисовулл императора Андрея Палеолога 13 апреля 1483 г. // ВВ. 1894. Т. I. С. 151-158.

¹²⁷ *Jacopo Gherardi da Volterra.* Il Diario Romano / a cura di E. Carusi. Città di Castello, 1904 [Rerum Italicarum Scriptores]. P. 81.

¹²⁸ *Λάμπρος Σ.Π.* Παλαιολόγεια. Т. IV. Σ. 308-310; *Harris J.A.* Worthless Prince? P. 539-540.

¹²⁹ См., напр.: *Setton K.M.* The Papacy and the Levant (1204-1571): The fifteenth century. Philadelphia, 1997. Vol. II. P. 462: “Andreas had contrived to make the always sorry spectacle of a monarch in exile even more pathetic. He married a Roman prostitute named Caterina, and lived on a papal pension, with the occasional sale of honorific titles and other privileges to those whose gullibility and social pride brought them, money in hand, to his doorstep”.

¹³⁰ *Harris J.A.* Worthless Prince? P. 537-554.

¹³¹ Латинский текст акта в: *Foncemagne E.L. de.* Eclaircissements historiques.

Sur quelques circonstances du voyage de Charles VIII en Italie, et particulièrement sur la cession que lui fit André Paléologue, du droit qu'il avoit à l'empire de Constantinople // Mémoires de littérature tirés des registres de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. 1751. Т. XVII. Р. 572-577. Пер. на русский: *Васильев А.А.* Передача Андреем Палеологом своих прав на Византию французскому королю Карлу VIII // Н.И. Карееву ученики и товарищи по научной работе. К 40-летию профессорской деятельности Н.И. Кареева. 1873-1913. СПб., 1914. С. 273-278.

¹³² *Пирлинг П.О.* Россия и Восток. С. 171-172; *Регель В.* Хрисовулл Андрея Палеолога. С. 154-155.

¹³³ См. *Harris J.* Common language and the common good. P. 189-202.

¹³⁴ Letters and Papers Illustrative of the Wars of the English in France during the Reign of Henry the Sixth, King of England / Ed. J. Stevenson. London, 1861. Vol. I. P. 368 [Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores]; *Harris J.* Greek Emigres in the West. P. 106-108.

¹³⁵ Из отечественных исследований: *Медведев И.П.* Уникальный архивный документ за подписью Виссариона Никейского // ВВ. 1986. Т. 46. С. 157-163; *Медведев И.П., Гаврилов А.К.* Речь Виссариона Никейского на Мантуанском Соборе о падении Константинополя // ВВ. 2004. Т. 63 (88). С. 292-317; *Садов А.И.* Виссарион Никейский. Его деятельность на Ферраро-Флорентийском соборе, богословские сочинения и значение в истории гуманизма. С. 274-282; *Удальцова З.В.* Жизнь и деятельность Виссариона Никейского. С. 85-88.

¹³⁶ *Mohler L.* Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 475-476; *Vast H.* Le cardinal Bessarion. P. 454-455. App. III.

¹³⁷ *Geanakoplos D.J.* Interaction of the "Sibling" Byzantine and Western Cultures. P. 300-301.

¹³⁸ PG. Т. 160. Col. 821.

¹³⁹ *Mohler L.* Kardinal Bessarion. Bd. 3. P. 478-479.

Глава II.

Уроки греческой словесности

В одном из писем афинский митрополит Михаил Хониат, рассказывая о разорении крестоносцами собранной им библиотеки, писал, что «скорее ослы прочувствуют звучание лиры и жуки аромат благовония, чем они [италийские варвары] гармонию и красоту слова»¹. Примечательно, что полтора столетия спустя именно итальянские гуманисты обратились к изучению греческой словесности, которое происходило на фоне их борьбы за чистоту классической латыни и вписывалось в общий контекст широкой гуманистической программы возрождения античного культурного наследия.

Как известно, в течение Средних веков на Западе не велось систематического преподавания греческой словесности. В 1312 г. на Вьеннском соборе было постановлено ввести при Римской курии, а также в университетах Парижа, Оксфорда, Болоньи и Саламанки обучение еврейскому, арабскому, халдейскому и греческому языкам с целью подготовки проповедников для обращения неверных. В каждом из этих мест предполагалось содержать по два специалиста на каждый из языков, причем не только для их преподавания, но и для перевода книг на латынь (*et libros de linguis ipsis in latinum fideliter transferentes*)². Тем не менее, это амбициозное начинание так и не нашло заметного практического воплощения³.

Роджер Бэкон обозначил в качестве одной из проблем изучения языка отсутствие на средневековом Западе квалифицированных грамматистов⁴: «Не наберется и четырех латинян, - писал он, - которые знали бы еврейскую, греческую или арабскую грамматику, да и они мне хорошо знакомы, потому что я усердно искал их и по ту, и по эту стороны моря, и много над этим потрудился. Безусловно, среди латинян найдется немало людей, умеющих говорить по-гречески, по-арабски и по-еврейски, но крайне невелико число тех, которые знают

систему самой грамматики, и при этом они не представляют, как ей учить: я действительно познакомился с очень многими из них. И как простонародье говорит на языке, который усвоит [из обихода], и не знает его грамматической системы, так обстоит и с ними. Мы видели многих простых людей, которые прекрасно говорили по-латыни, но ничего не знали о правилах грамматики. Это же равным образом относится почти ко всем евреям и грекам, а не только к латинянам, которые знают греческий и еврейский языки»⁵.

Сам Бэкон попытался исправить этот недостаток, написав собственное руководство по греческой грамматике с обширным латинским комментарием⁶. Автор утверждал, что грамматика во всех языках в сущности одна и та же, хотя в ней и могут быть случайные изменения, и что латинская грамматика определенным образом происходит от греческой. Поэтому их сравнение друг с другом необходимо для понимания не только греческой грамматики, но и латинской, ради чего и был написан этот трактат⁷. Бэкон принимал за основу произношение современных ему византийских греков, хотя знал об особенностях транслитерации греческих слов из Присциана и других латинских авторов (в частности, о том, что буква «эта» (η) передавалась ими как «ē»), в то время как византийцы произносили её как «i»). В качестве упражнений в чтении монах-францисканец выбрал тексты шести молитв: они давались по-гречески с подстрочной транслитерацией и латинским переводом. Интересно, что приведенный им текст «Символа веры» не содержал католическое «Filioque» ни в латинском, ни в греческом варианте.

Бэкон считал возможным сократить число склонений существительных до трех, в то время как известные ему греческие правила (κανονες) выделяли пятьдесят шесть склонений в зависимости от рода и окончаний номинатива⁸. Это свидетельствует о знакомстве Бэкона с системой склонений позднеантичного грамматика Феодосия Александрийского⁹, кото-

рая представляла большие сложности для латинянина. Поэтому в качестве основного признака для определения склонения Бэкон довольно разумно предложил использовать окончание генитива по аналогии с латынью. Информация о греческом глаголе, в целом, не выходит за пределы общего представления о его грамматических категориях. Руководство завершается парадигмой спряжения единственного глагола $\tau\acute{\upsilon}\lambda\tau\omega$. Как полагает Ф. Чикколелла, в распоряжении Бэкона была копия греческой грамматики в популярной вопросно-ответной форме, т.н. « Ερωτήματα »¹⁰, фрагмент которой Бэкон цитировал на языке оригинала: «К какой части речи относится $\tau\acute{\upsilon}\lambda\tau\omega$? К глаголу. К какому наклонению? Изъявительному. К какому залогу? Действительному» и т.д.

Хотя составленная Бэконом «грамматика» и не получила широкого распространения, её появление свидетельствует о постепенном повышении внимания к греческой словесности. С практической точки зрения это сочинение в большей степени напоминает трактат о греческом языке, написанный преимущественно на латыни, нежели удобное и систематизированное учебное пособие. Тем не менее, это был первый созданный на средневековом Западе грамматический учебник, который специально писался для изучения греческого языка в качестве иностранного. Нехватка учебной литературы по грамматике была серьезным препятствием на пути греческий штудий. В качестве альтернативы могли использоваться двуязычные рукописи – сохранившиеся с античности *Hermeneumata*: учебные сборники, содержавшие греко-латинскую лексику в алфавитном и тематическом порядках, диалоги и некоторые простые упражнения для чтения на обоих языках; лексиконы (псевдо-Филоксена, Кирилла), духовные тексты, молитвенники и Псалтирь¹¹.

В отличие от церковных кругов, чей интерес к греческому языку был связан прежде всего с миссионерской деятельностью и потребностями схоластического богословия, ранние итальянские гуманисты приступали к его изучению с иными

задачами. Первые инициативы исходили от Петрарки и Боккаччо. Их знакомство с греческой словесностью состоялось благодаря двум калабрийским грекам – Варлааму из Семинары и Леонтию Пилату.

Варлаам (ок. 1290-1348), василианский монах и богослов, деятельный участник паламитских споров¹², завязал дружеские отношения с Петраркой в Авиньоне. Первый раз он приехал туда с дипломатической миссией от императора Андроника III Палеолога в 1339 г., однако его присутствие при папском дворе ограничилось несколькими месяцами. Второй раз Варлаам прибыл в Авиньон в 1342 г. и оставался там до своего назначения епископом Джераче в Калабрии (2 октября), которое состоялось благодаря вмешательству Петрарки. Последний был высокого мнения об учености Варлаама. В письме византийцу Николаю Сигеросу, написанном уже после кончины калабрийца, Петрарка жаловался, что потерял учителя (*magistrum*), под руководством которого начал с большой надеждой постигать греческую науку. В то же время, писал Петрарка, Варлаам признавался, что, давая ему ежедневные уроки, получал от общения с ним не меньшую, а нередко и огромную выгоду. Петрарка с сожалением отмечал, что греческое красноречие Варлаама было настолько же богато, насколько бедно латинское: обладая живым умом, он с трудом выражал свои мысли. Однако Варлаам гораздо лучше владел латынью, чем Петрарка греческой речью, к изучению которой он тогда впервые приступил. «И так по очереди, - вспоминал Петрарка, - то я под его руководством несмело проникал в его пределы, то он следом за мной часто блуждал по нашим, хотя и более твердым шагом»¹³. В произведении «О своем собственном и многих других невежестве» Петрарка писал, что, приступив к изучению греческой словесности под началом Варлаама, он, вероятно, преуспел бы в ней, если бы смерть не лишила его учителя, которого он считал «современным образцом греческой философии»¹⁴. В диалоге «О презрении к миру» гуманист признавался своему собеседнику Августину, что усердно

занимался Платоном с пылкой надеждой и большим желанием, однако новизна чужого языка и поспешное удаление наставника (*praesceptoris*) вынудили его отказаться от намерений¹⁵.

Как видно, в своих занятиях с Варлаамом Петрарка не продвинулся дальше первооснов греческого языка. В упомянутом письме Сигеросу он благодарил адресата за то, что тот, помня о своем обещании, прислал ему греческую рукопись Гомера, хотя Петрарка и сокрушался, что был не в силах её прочесть¹⁶. Он писал о владеющей им жажде учения и выражал надежду проникнуть в теснины иноземного языка под водительством самого Сигероса, если тот одарит его своим присутствием. Ему было приятно, что в его собственной библиотеке уже хранятся греческие рукописи царя философов Платона и царя поэтов Гомера, но, не желая останавливаться на достигнутом, он просил Сигероса прислать ему Гесиода и Еврипида. Эта просьба свидетельствует скорее о пристрастии Петрарки к коллекционированию редких книг, нежели о далеко идущих планах по овладению греческой словесностью. Впрочем, вполне вероятно, что при выборе авторов из коллекции Сигероса Петрарка руководствовался своим прежним опытом знакомства с греческим языком под началом Варлаама, так как изучение текстов Гомера, Гесиода и Еврипида входило в программу «*ἐγκύκλιος παιδεία*», всестороннего (общего) «грамматического» образования в Византии. В качестве учебного пособия Петрарка использовал краткое стихотворное руководство по изучению трех священных языков «*Liber Triglossos*», написанное фламандским доминиканцем XIII в. Герардом из Юи, в котором рассматривались восемь частей речи, система греческих склонений и предлоги¹⁷.

При всем интересе Петрарки к греческой классике, он ревниво отстаивал превосходство латинской: «Итак, после Платона и Аристотеля о том, что имеет отношение ко всякой области философии, отважились писать Варрон и Цицерон. После Демосфена тот же Цицерон – о том, что касается красноречия; после Гомера [Вергилий] Марон решился писать

поэтически; и каждый или достиг, или превзошел того, за которым следовал. После Геродота и Фукидида Тит Ливий и Саллюстий Крисп написали истории и оставили тех очень далеко позади себя; после Ликурга и Солона, а также Законов XII таблиц наши юристы из столь немногих зерен гражданских законов, так скупно посеянных в борозды греческого гения, собрали настолько превосходный урожай в житницу римской республики, что легко показали себя победителями в этой области. После греческих математиков не побоялся писать наш Северин [Боэций]; после их четырех богословов столько же наших написали так, что по общему согласию превзошли их <...> Одним словом, мы многократно побеждали греков и талантом, и стилем и неоднократно были им равны, или точнее, если доверяем Цицерону, мы всегда побеждали там, где прилагали все силы» (Sen. XII, 2)¹⁸.

Другой итальянский литератор – Паоло Перуджино (†1348) познакомился с Варлаамом в Неаполе при дворе короля Роберта I Анжуйского. Благодаря сообщению Боккаччо в «Генеалогии языческих богов» (XV, 6) известно, что между королевским библиотекарем и ученым греком завязались дружеские отношения. Паоло, говорит Боккаччо, «написал огромную книгу, озаглавленную «Collectiones», в которой, помимо многих других сведений, относящихся к разным предметам, было собрано все, что можно найти о языческих богах не только у латинян, но и у греков, как я считаю, с помощью Варлаама»¹⁹.

Что касается Боккаччо, то доподлинно неизвестно – знали ли он Варлаама лично или получил сведения о нем из «вторых рук», в частности, от Паоло Перуджино. Например, он писал, как будто с уверенностью очевидца, что «Варлаам был монахом ордена Василия Кесарийского, калабрийским человеком, телосложением крохотный, но по знаниям великий и настолько искушенный в греческой словесности, что пользовался привилегиями греческих императоров и принцепсов, а также ученых людей, свидетельствующими о том, что не

только в нынешние времена, но и в течение многих столетий у греков не было мужа, наделенного столь выдающимися и обширными познаниями. Ему ли я не поверю особенно – в том, что касается Греции? Я не видел ни одного его труда, хотя слышал, что он написал их несколько: у меня были некоторые из его писаний, не соединенных в книгу и без какого-либо заглавия, которые показывали, что, если в латинской словесности он и не обнаружил достаточной образованности, то все же многое видел и с большой проницательностью постигал»²⁰.

В «Генеалогии языческих богов» Боккаччо неоднократно ссылался на Варлаама (*dicit Barlaam, ut ait Barlaam*) как на источник сведений по греческой мифологии. Впрочем, в изложении отдельных сюжетов этот источник (или его интерпретатор) был не всегда точен. Так, в одном месте Боккаччо писал, что Антигон, как говорит, Варлаам, был старшим братом Демофонта, сына Тесея, и после бегства отца от афинян уже почти возмужавшим к тому времени человеком был принят афинянами и стал царем под именем Менесфей²¹. По заключению М.С. Корелина, в истории гуманизма Варлаам «имел значение весьма несовершенного учебника греческого языка, по которому трудно было чему-нибудь научиться, и справочного лексикона, заключавшего в себе весьма неточные сведения»²².

Продолжение греческих уроков ранних итальянских гуманистов было связано с деятельностью Леонтия Пилата (ок. 1310-1366). Он называл себя учеником Варлаама²³, у которого, вероятнее всего, обучался в Джераче. Его калабрийское происхождение несомненно, хотя он выдавал себя за фессалийского грека и убедил в этом Боккаччо. «Наш Леонтий, - писал Петрарка, - действительно калабриец, но, как хочет он сам, – фессалиец, как будто благороднее быть греком, нежели итальянцем»²⁴. По мнению А. Пертузи, свое образование Леонтий Пилат продолжил на Крите, где провел около десяти лет²⁵. Основанием для этой гипотезы послужило метафорическое выражение Петрарки (*Sen. V, 3*), который упомянул, что до

встречи с ним тот много лет охранял критский лабиринт²⁶.

Знакомство поэта с Леонтием Пилатом произошло зимой 1358-1359 гг. в Падуе. По его просьбе Пилат перевел первые пять песен «Илиады». В ходе встречи Петрарки и Боккаччо, состоявшейся в Милане весной 1359 г., было решено поручить Пилату полный перевод Гомера на латынь. Хотя его внешность, неуживчивый характер и грубые привычки производили на гуманистов неприятное впечатление (Петрарка даже именовал его «большим животным» (*magna bellua*)²⁷, их привлекали знания калабрийского уроженца. Отмечая недостаточную обученность Пилата латинской словесности, Боккаччо считал его «неисчерпаемым архивом греческих историй и сказаний», к которому он обращался при составлении «Генеалогии языческих богов»²⁸. Боккаччо встретил Пилата, когда тот находился на пути из Венеции в Авиньон, и уговорил его уехать с ним во Флоренцию.

Боккаччо с гордостью отмечал свои заслуги в организации первых публичных занятий по греческой словесности под началом Пилата: «Разве не я пустил его в собственный дом и долго принимал в качестве гостя, и позаботился, приложив к тому великие усилия, чтобы он был принят в число докторов флорентийского студиума с назначением ему оплаты за государственный счет? Ведь это действительно был я! Более того, разве не я первым за свои средства призвал книги Гомера и некоторых других греков обратно в Этрурию [Тоскану], из которой они ушли много веков назад, чтобы не вернуться? И привел не только в Этрурию, но и на родину [Флоренцию]. Я сам первым из латинян у себя дома (*in privato*) услышал от Леонтия «Илиаду». Сверх того, я сам постарался, чтобы книги Гомера читались публично. И пусть я недостаточно полно их усвоил, я, тем не менее, усвоил их, насколько смог, и несомненно, если бы этот странствующий человек остался бы у нас подольше, усвоил бы более полно»²⁹.

В другом месте Боккаччо писал: «Я не видел ни одного его

сочинения, и, разумеется, что приобретенные от него сведения, которые я здесь излагаю, я узнал из его живой речи: ибо в течение почти трех лет, пока он жил у меня в исключительно дружеской обстановке, я слушал его, читающего Гомера. Однако для его нескончаемых рассказов не хватило бы и более острой памяти (а мой дух был тогда угнетен и другой заботой), если бы я не доверил услышанное бумаге»³⁰.

Таким образом, благодаря деятельному участию Боккаччо Пилат занял первую в Италии кафедру греческой словесности с жалованием сто флоринов в год³¹. Его избрание на эту должность подтверждается и официальными документами Камеры коммуны³². Кроме того, гуманист Доменико Сильвестри в сочинении «De insulis», цитируя в латинской транслитерации греческий стих о семи городах, претендовавших с древности на родину Гомера, сообщает, что учил его, «когда грек Леонтий во Флоренции преподавал греческую словесность»³³.

На греческих занятиях Пилата разбирались поэмы Гомера и, вероятно, трагедия Еврипида «Гекуба». Эти произведения калабриец переводил на латынь по заказу Боккаччо. По мнению Антонио Ролло, Пилат использовал на своих уроках параллельные тексты на греческом и латинском языках, и за счет сравнения оригинала с подстрочным переводом пытался сформировать у учащихся представление о грамматических структурах. Такая методика преподавания была скорее направлена на перевод и комментирование текстов, нежели на систематическое изложение грамматических норм³⁴. Как уже было отмечено выше, изучение упомянутых авторов входило в программу византийской школы.

Публичные занятия под руководством Пилата продолжались предположительно с осени 1360 г. (начало учебного года) до 1362 г., когда он оставил Флоренцию и отправился в Венецию в гости к Петрарке. Этот непродолжительный период преподавания греческого языка не привел к появлению в Италии местных эллинистов, однако он стал памятным событием в истории флорентийского университета и, когда на горизонте

появилась подходящая кандидатура для занятия кафедры греческой словесности, флорентийцы не преминули воспользоваться такой возможностью и в итоге получили в учителя известного византийского ученого Мануила Хрисолора. Усилия Петрарки и Боккаччо были отмечены некоторыми гуманистами в качестве первой вехи на пути возвращения в Италию греческих занятий. По словам Джанноццо Манетти (1396-1459), «эти первые всходы греческой словесности, взращенные двумя столь выдающимися поэтами, словно стали неким рассадником, который, развиваясь постепенно, день за днем на более богатых почвах, настолько разросся, что, утопая в цвету в настоящее время, уже принес богатейшие плоды»³⁵.

Тем не менее, в историографии начинания двух итальянских гуманистов и их калабрийских протеже обычно рассматриваются в качестве пролога к последующему распространению греческих штудий в Италии, а первая глава традиционно начинается с флорентийских уроков Хрисолора³⁶. Византийский ученый прибыл в Венецию в 1394-1395 гг. с дипломатической миссией от императора Мануила II Палеолога. Флорентийские гуманисты, включая канцлера республики Колюччо Салютати, незамедлительно вступили в переговоры с Хрисолором и убедили его занять должность преподавателя греческой грамматики и литературы. По условиям договора с синьорией он был свободен от власти официалов университета и мог давать уроки у себя дома (*in domo sua*). Флорентийские граждане получали право обучаться у него безвозмездно, так как жалование учителю выплачивала казна, однако он мог беспрепятственно принимать от них дополнительное вознаграждение, а также требовать и получать плату с иностранцев. Назначенное ему годовое жалование в 100 флоринов вскоре было увеличено до 150, а к 14 марта 1397 г. достигло уже 250 флоринов³⁷.

Как видно из письма Колюччо Салютати к Хрисолору от 28 марта 1396 г., местные гуманисты уже вполне осознавали,

что сочетание латинской учености с греческой являет собой вершину образованности и обеспечивает превосходство в науках, как убеждал их пример римских предков. Приступив к поискам опытного учителя, власти синьории желали, чтобы флорентийская молодежь могла пить из обоих источников и смешивать греческое с латинским (*posse de utroque fonte bibere, latinisque greca miscere*)³⁸. В свою очередь согласие Хрисолора с флорентийскими предложениями, по всей видимости, имело и политическую подоплеку³⁹. Получив право преподавать в собственном доме, он тем самым обеспечил себе возможность воздействовать *in privato* на влиятельных граждан республики в качестве своего рода посла-резидента. Примечательно, что флорентийский период также был отмечен некими поездками Хрисолора в другие края, о чем упоминали власти синьории в договоре от 14 марта 1397 г.⁴⁰ Дипломатические обязанности, несомненно, были для него делом первостепенной важности, поэтому, когда Мануил II устремился в свое путешествие по Европе, Хрисолор оставил флорентийскую аудиторию до истечения предусмотренного договором пятилетнего срока и в марте 1400 г. отправился в Милан, чтобы встретиться с императором. В некоторых научных работах Хрисолора рассматривают как представителя поздневизантийской эмиграции⁴¹. Такое представление не соответствует характеру его миссии в Италии. Поездка Хрисолора во Флоренцию, по всей видимости, была согласована с императором. Это давало прекрасную возможность Мануилу II держать своего представителя в Италии на долговременной основе и под вполне благовидным предлогом. Показательно, что дальнейшее пребывание Хрисолора на Западе в основном было связано с дипломатическими задачами и завершилось с его смертью весной 1415 г. на Соборе в Констанце: он прибыл туда в составе папской свиты и должен был официально представлять своего императора⁴².

Хрисолор достиг Флоренции не позднее 2 февраля 1397 г. и окончательно покинул её 10 марта 1400 г. Таким образом,

продолжительность его преподавательской деятельности в городе на Арно вполне сопоставима со временем учительства Леонтия Пилата, однако по своим последствиям их уроки отличались разительно. За сравнительно короткий период Хрисолор смог вдохновить плеяду итальянских эллинистов, которые обратились к изучению греческой словесности ради неё самой. При этом надо отметить, что почва для более основательных греческих занятий уже была подготовлена самим развитием местного гуманизма, и к моменту приезда Хрисолора в Италию флорентийцы уже поставили задачу найти себе подходящего наставника. Впоследствии Леонардо Бруни, один из наиболее талантливых учеников Хрисолора, написал следующие строки о мотивах сделанного им выбора в пользу греческого языка:

«Прошло уже семьсот лет, как греческая словесность вышла из употребления у наших людей. Вернул же нам греческое учение византиец Хрисолор, знатный человек у себя на родине и искуснейший в греческой словесности. В то время как его отечество было осаждено турками, он сначала отправился по морю в Венецию, а затем, когда о нем пошла молва, его с радушием пригласили во Флоренцию, уговорив и назначив жалование за счет казны, куда он прибыл, чтобы излагать молодежи богатство своих знаний.

В то время я предавался изучению гражданского права, не оставаясь, впрочем, несведущим в других областях знания. Ибо по природе я пылал любовью к наукам и прилагал немало труда к диалектике и риторике. Таким образом, с приездом Хрисолора я, конечно, оказался в двойственном положении: хотя я считал постыдным оставить изучение права, но полагал, что упустить такой случай изучить греческую словесность было бы своего рода преступлением. И я чаще говорил себе в юношеском порыве: «Неужели, когда у тебя есть возможность созерцать Гомера, Платона, Демосфена и других поэтов, философов и ораторов, о которых известно столько удивительного, беседовать с ними и проникнуться их удивительным учением, неужели ты оставишь и бросишь это? Неужели упустишь эту возможность, предоставленную тебе по Божьей воле? Уже семьсот лет никто в Италии не владел греческой словесностью, хотя мы и признаем, что от неё происходят все науки. Какую же пользу для знания, какое приумножение славы и какое изобилие наслаждений ты получишь благодаря постижению этого языка? Докторов гражданского права везде предостаточно, и у тебя всегда

будет возможность его изучить. А этот доктор греческой словесности – один единственный, и, если он скроется из вида, ты больше не найдешь, у кого учиться”. Наконец, убежденный этими доводами, я вверил себя Хрисолору с таким рвением к учебе, что даже ночью во время сна обдумывал то, что усвоил днем.

У меня было много сокурсников, но более всего преуспели два представителя флорентийской знати – Роберто Росси и Палла Строцци, сын Нофри. Кроме того, ту же дисциплину изучал и Якопо д’Анджело, который особенно способствовал приглашению Хрисолора. Потом к нам также присоединился Пьер Паоло Верджерио из Каподистрии (Justinopolitanus), который, хотя и процветал в Падуанском студийуме, направился, следуя за славой Хрисолора, слушать его во Флоренцию. Из них Роберто, Верджерио и Якопо д’Анджело были намного старше меня по возрасту, а Палла – почти ровесник. Более чем за два года я прошел под началом этого учителя поистине достойное и превосходное обучение. Наконец, когда в Италию прибыл константинопольский император и призвал к себе Хрисолора, тот удалился из Флоренции и отправился в Милан к своему императору»⁴³.

Следуя университетской традиции, Хрисолор должен был открыть свои занятия вступительным словом о греческой словесности. Хотя эта речь и не сохранилась, некоторое представление о её содержании дает его письмо, адресованное Салютати⁴⁴. Прежде всего, оно позволяет судить о том, какие аргументы мог привести византийский учитель в обоснование полезности греческого языка и литературы для латинского образования. Весьма вероятно, что он отметил красоту эллинской речи; провел параллели между греческими и латинскими авторами, не обойдя вниманием Гомера и Вергилия, Демосфена и Цицерона. В письме к Салютати Хрисолор доказывал, что чужим языком можно не только овладеть, как своим собственным, но и принести ему великую пользу. Ничто не препятствовало освоить латынь Августину, родившемуся в Африке, Лукану и Сенеке, происходившим из Испании, Иерониму – из Истрии, а также Присциану [уроженцу Кесарии Мавританской], который сам обучал латинскому языку. То же самое, по его мнению, относилось и к тем, кто прославил себя в греческом, не будучи эллином по происхождению: к

Аристотелю, бывшему родом из Македонии, Геродоту и Дионисию – из Галикарнаса, Элию Аристиду [выходцу из Мизии], Птолемену – из Египта, Либанию и Лукиану – из Сирии. Разве был греческий язык родным для Гомера и Гесиода? Однако что от него останется, заключает Хрисолор, если исключить всех этих мужей? Благодаря своим познаниям в греческом они добились первенства среди эллинов и сами, по общему признанию, считались греками, как показывают примеры Аристотеля, Диогена Синопского, Демокрита из Фракии, Аристиппа из Кирены, Анаксимена и Анаксимандра. Хотя Хрисолор недостаточно обоснованно отказывает некоторым из названных им авторов в греческом происхождении, он тем самым показывает, что греческий язык (так же как и латинский) гораздо больше и шире, чем язык одного народа. Далее он закономерно обращается к влиянию греческой культуры на древних римлян – к их образовательным поездкам в Афины и Элладу, к тому, что они не считали зазорным брать в наставники своим детям ученых греческих рабов и не сомневались в пользе эллинской науки для воспитания латинской молодежи. Кто из великих римлян, вопрошал Хрисолор, не знал греческого языка? Были и такие, которые написали на нем исторические работы, за что заслужили порицание Цицерона: почитая греческую словесность, он, тем не менее, советовал заботиться о латинском воспитании, ибо заниматься другим языком следовало, не пренебрегая своим собственным. По всей видимости, основным тезисом торжественной речи Хрисолора, опирающимся на поучительные примеры древних, была мысль о том, что гармоничное сочетание латинских занятий с греческими должно послужить формированию гармонично образованной личности.

К сожалению, отзывы учеников о византийском учителе, почти всегда восторженные и благодарные, мало что сообщают о приемах его педагогической работы. Очевидно, что Хрисолор использовал богатый опыт обучения грамматике, накоп-

ленный византийской школой, с теми необходимыми изменениями, которые ему пришлось сделать, занимаясь с иноязычными учениками. Вполне вероятно, что он полагался на метод схедаграфии или вводил его элементы⁴⁵. Суть этого метода состояла в следующем: учитель читал текст размером от короткого предложения до крупного фрагмента и комментировал его, разъясняя грамматические формы, этимологию и произношение. Учащиеся отвечали на вопросы дидакалы и выполняли письменные упражнения, называемые «схедами» (от *σχέδη*, очерк, писчий лист). Рекомендации Хрисолора для организации как аудиторной, так и внеклассной работы были восприняты Гварино и позднее изложены им в письме к Леонелло д'Эсте. Для лучшего запоминания и понимания текста ученику следовало сначала громко его декламировать и при необходимости повторить, затем кратко воспроизвести, передавая смысл, а не буквальное содержание. «Если среди прочитанного ты натолкнешься на что-нибудь красиво сказанное, или разумно и любезно произнесенное, или остроумно отвеченное из того, что относится к обустройству и украшению жизни, то я посоветую, чтобы ты выучил это наизусть. И чтобы это более крепко засело в памяти и более прочно сохранялось, недостаточно будет произнести это однократно, но по обычаю пифагорейцев то, что ты будешь учить днем, надлежит вспоминать и вечером; и, выбрав какой-нибудь день месяца, освежить в памяти все приобретенные знания». Другой совет касался ведения тетради (*codicillus*) для записи слов или фрагментов текста⁴⁶. По всей видимости, методика Хрисолора предусматривала не только разъяснение грамматики, синтаксиса и пополнение словарного запаса учеников, но также изложение содержания сочинений, фрагменты которых предлагались им для изучения, сведений об их авторах, а также сопутствующей исторической и культурологической информации. Это не только соответствовало духу византийского общего образования, но и отвечало запросам самих гуманистов,

тем более, что по должности в его обязанности входило преподавание как грамматики, так и литературы.

Предпочтения аудитории должны были учитываться и при выборе авторов, которых разбирал Хрисолор. В числе особенно востребованных были Гомер и Плутарх. В упомянутом письме к Салютати Хрисолор поощрял интерес адресата к Плутарху и подчеркивал ценность сравнительных жизнеописаний, где содержались свидетельства о том великом соучастии (κοινωνία), которое прежде отмечало все отношения между народами эллинов и италийцев⁴⁷. Много лет спустя Баттиста Гварини писал своему отцу Гварино Веронезе, ученику Хрисолора и переводчику плутарховых жизнеописаний: «Кто знал бы деяния римских принцепсов, описанных Плутархом, если бы не пришло благодеяние Мануила?»⁴⁸ В письме от 25 марта 1396 г. Салютати просил Якопо д'Анджело, находившегося в Константинополе, не только уговорить Хрисолора принять предложение синьории, но и позаботиться о приобретении необходимой литературы: «Привези столько книг, сколько сможешь. Сделай так, чтобы не упустить ни одного историка, которого можно отыскать, ни одного поэта или того, кто обсуждал поэтические произведения. Сделай также, чтобы мы имели правила стихосложения. Я бы хотел, чтобы ты привез с собой все платоновские сочинения и как можно больше словарей, от наличия которых зависит трудность постижения языка. Для меня же купи Плутарха и все, что сможешь, из имеющего к Плутарху отношение. Купи и Гомера, написанного прописными буквами (grossis litteris) на пергамене, и, если найдешь какое сочинение по мифологии, то приобрети и его»⁴⁹.

Изучение языка происходило с опорой на составленный Хрисолором учебник под названием «Ἐρωτήματα» или «Вопросы». Изначальный, авторских вариант грамматики до нас не дошел, однако её различные редакции сохранились более чем в ста рукописях и многочисленных печатных изданиях. Вследствие этого следует говорить не столько об «Ἐρωτήματα» как о самостоятельном произведении византийского ученого,

а как о целой грамматической традиции эпохи Возрождения⁵⁰. Достоверно неизвестно, когда и где Хрисолор написал свой учебник, был ли он завершен до его приезда во Флоренцию и редактировался ли им в процессе работы с итальянскими учениками. Выбранная Хрисолором форма подачи материала в виде вопросов и ответов была не нова: этой же модели следовали византийские грамматики Максима Плануда, Мануила Мосхопула и Мануила Калеки. Так, в альдовском издании 1512 г. читаем: «Что такое слово? Наименьший семантический элемент синтаксически построенного предложения». «Что такое предложение? Сочетание слов, выражающее законченную мысль. Сколько существует частей речи? Восемь: существительное, глагол, причастие, артикль, местоимение, предлог, наречие и союз» и т.д.⁵¹

Удачным нововведением Хрисолора, свидетельствующим о его попытках приблизить греческую грамматику к латинским моделям, было использование латинской системы склонений, основанной на окончании генитива единственного числа. Это позволило ему сократить количество типов склонения существительного с пятидесяти шести до десяти основных⁵². В то же время учебник Хрисолора, полностью написанный на греческом и лишенный текстов для чтения, за исключением отдельных предложений, не был предназначен для самостоятельного освоения языка. Он напоминал скорее грамматический справочник, обращение к которому предполагало сопровождение опытного педагога.

Последующая история греческих ренессансных грамматик, берущая начало от «*Ἐρωτήματα*» Хрисолора, заслуживает отдельного внимания, поэтому будет уместным кратко осветить основные моменты, связанные с этой богатой традицией. В начальный период греческих штудий гуманисты испытывали потребность в более простых и при этом более подробных грамматических пособиях, что привело к появлению ряда адаптаций. По мнению Эрики Нути, среди редакций учеб-

ника Хрисолора, циркулировавших в первой половине и середине кватроченто, преобладали сокращенные версии, которые были рассчитаны на элементарный и средний уровень обучения языку, то есть чтение и понимание классических авторов без погружения в тонкости стиля⁵³. Наибольшей популярностью пользовался компендиум Гварино, единственного из учеников Хрисолора, который активно преподавал греческий в Италии. В предисловии к первому греко-латинскому изданию «Ερωτήματα», основанному на версии Гварино (1471, Венеция, печатник Адам из Аммергау), анонимный редактор писал, что Хрисолор «сочинил этот небольшой труд (opusculum) скорее для пользы латинян, чем для нужд греков: составленный в более объемном варианте он был затем уменьшен Гварино»⁵⁴. С другой стороны, есть основания полагать, что, помимо краткой редакции, Гварино подготовил и расширенную – упоминание об этом содержится в одном из писем Пьера Кандидо Дечембрио к брату Анджело⁵⁵. Поскольку главной задачей для начинающих изучение греческого языка было освоение навыков чтения и перевода, то сокращению, по-видимому, подверглись разделы, посвященные просодии и орфографии, в то время как раздел о слитных глаголах был увеличен⁵⁶. Современники, как учителя, так и ученики, по достоинству оценили компендиум Гварино – Константин Ласкарис, Димитрий Халкокондил и, возможно, Феодор Газа руководствовались им в начальный период своей педагогической карьеры на Западе, до того как создали собственные учебники.

Константин Ласкарис в предисловии к своей грамматике отмечал, что объемные грамматические руководства, составленные византийцами, отпугивали и греков, и латинян: даже «труд Мосхопула “Ερωτήματα Γραμματικῆς”, хотя и считался в его время кратким по сравнению с трудами других грамматиков, позднее казался всем учащимся длинным, тягостным и неудобным»⁵⁷. Поэтому с Хрисолора на Западе началось создание и использование грамматических компендиумов (эпитом), что, по его мнению, способствовало успеху греческих штудий:

«Это благо было насаждено через различные эпитомы, узость которых восполнили или живой голос, или усердие слушающих: ибо учились многие – молодые и старые, но обучение это не могло происходить с помощью Мосхопула в то время, когда я сам прибыл с Крита в Милан в правление Сфорцы, которым и был нанят. Не найдя ни одной подходящей эпитомы, я составил на основании попавших ко мне трудов древних грамматиков эпитомы из многих, чтобы угодить многочисленным и образованным ученикам. <...> И я всегда обучал с помощью эпитом в Милане, Неаполе и Мессине в Сицилии, принося пользу многим грекам и латинянам. Было разумно начинать [обучение] с эпитом, и не следует ни игнорировать их, ни поносить, как делают некоторые глупые люди. Ибо с их помощью обучаются богатые и бедные, дети, юноши, взрослые и старики как греки, так и латиняне. Лучше им быть малообразованными, чем необразованными, так как от малых начал можно подняться к большим. Если ученые мужи в Греции поступали таким образом, то обучали поистине многих одаренных людей. Теперь же не решаясь использовать длинные сочинения и пренебрегая эпитомами, они остаются совершенно несведущими в словесности. Поэтому я советую всем любящим словесность, какого бы возраста они ни были, начать с доступных им эпитом ученого наставника и познакомиться с грамматикой, с помощью которой приятно слушать и читать»⁵⁸.

Итак Ласкарис выразил позицию, которую, как кажется, разделяли и другие его коллеги: компендиумы более всего подходили для обучения латинян основам греческого языка. Тем не менее, в эпилоге к третьей книге грамматики «Об имени и глаголе» Ласкарис заметил, что «учащимся не следует довольствоваться одними только эпитомами, которые напоминают наброски», но после их изучения полагается читать *erotemata* греческих грамматистов – как античных (Дионисия Фракийского, Аполлония Дискола, Элия Геродиана, Аркадия, Феодосия Александрийского), так и византийских (Георгия

Хировоска, Мосхопула, Феодора Продрома, Геннадия Схолярия, а также тех, кто обучал греческому в Италии – Хрисолора, Феодора Газы и других дидаскалов, написавших эпитомы для итальянских учеников). В целях более основательного изучения языка Ласкарис рекомендовал читать различные тематические трактаты. В его перечне – работы Трифона, Плутарха, Гефестиона, Гарпократиона, Юлия Полидевка, Аполлония Дискола, Геродиана, Аркадия, Хировоска, Михаила Синкелла, Иоанна Глики, Максима Плануда, Мосхопула, Фомы Магистра, Димитрия Триклиния, анонимные византийские лексиконы – «Суда», большой и малый «Этимологиконы» (Ἐτυμολογικὸν μέγα καὶ μικρόν) и четвертая книга грамматики, которую «прекрасно и замечательно составил мудрый Феодор» на основании трудов предшественников⁵⁹.

Учебник Газы «Γραμματικὴ Εἰσαγωγή» или «Введение в грамматику» (*лат.* *Introductio grammatica; Introductiva grammatica*), предположительно, был вторым по времени появления грамматическим руководством, написанным византийцем для итальянских студентов. Материал излагался не в форме вопросов и ответов, а в виде кратких разделов: об ударениях, об артикле, об имени, о склонении и т.д. Первые три книги знакомили с орфографией, фонологией и морфологией. В них рассматривались традиционные восемь частей речи, их разряды и грамматические категории. Системы склонения и спряжения подверглись упрощению. Четвертая книга была посвящена синтаксису и стала первым, наиболее полным его изложением в XV в. Необходимую информацию Газа черпал главным образом у Аполлония Дискола, Михаила Синкелла и Максима Плануда⁶⁰. Весьма вероятно, что грамматика была составлена им в Ферраре (1446-1449), так как в этот период он наиболее интенсивно занимался преподавательской деятельностью. В последующие сто лет она широко изучалась, переписывалась и компилировалась на Западе⁶¹. Первым в числе

ΘΕΟΔΩΡΟΥ ΓΡΑΜΜΑΤΙΚΗΣ ΕΙΣΑΓΩΓΗΣ
ΤΩΝ ΕΙΣ ΤΕΣΣΑΡΑ ΤΟ ΠΡΩΤΟΝ.

ΩΝ Τεσσάρων καὶ εἰκοσιθραμμάτωρ,
φωνήν τε μὲν ἰπα· α· ε· η· ι· ο· ω· υ
Σύμφωνα δὲ τὰ λοιπὰ, ἰπακαίδικα.
Τῶν ἤφωνήντων μακρὰ μ· ὦ· βρα
χέα δὲ· ε· ο· δίχρονα ἤ· α· ἰ· υ· Ἐξ
ἧν δὲ φθογγοὶ κυρίως μὲν· αἰ· αῦ· εἰ· ὦ
οἰ· οῦ· καταχρηστικῶς ἤ· ἄ· ἦ· ᾠ· ἤ

Τῶν συμφώνων, τὰ μὲν ἡμίφωνα οἶον· ζ· ξ· ψ· λ·
μ· ν· ρ· σ· ὧν διπλα μὲν· ζ· ξ· ψ· Ἄμπροσθεν ἢ
ὑγρά· λ· μ· ν· ρ· Τὰ ἡμίφωνα οἶον· β· γ· δ· κ· π·
τ· θ· φ· χ· ὧν ψιλὰ μὲν· κ· π· τ· διασεία δὲ· θ· φ
χ· μίση δὲ· β· γ· δ· Ἐκ δὲ τῶν εἰρημόρων τῶνδε θραμμά
των, αἰ συλλαβαί· ὀθεραὶ λίξις, εἰξ ὧν ὀλίγησ, Τῶν ἡλίξων μί
ρη μὲν ὄνομα, ῥῆμα, μέτρον, ἄρθρον, ἄρτων μίση, πρόθεσις, ἰτις
σημασιώσημος.

ΠΕΡΙ ΠΡΟΣΩΔΙΩΝ.

Προσώδια ἢ ὀξεία· βαρεῖα· περιπατωμὲν ἢ διασεια· ψι
λή· ἀπέρροφοι· ὑφέν· διασηλή· Πέρι ἄρθρων.

Ἄρθρον ἢ τὸ μὲν τοῦ προπεκτικόν οἶον ὁ γὰρ δὲ ὑπεπεκτικόν,
οἶον ὅς, ἢ τὸ μὲν ἀρροτικόν οἶον ὁ γὰρ ἡθηλυκόμ, οἶον ἢ, τὸ ἢ δὲ τε
ρον οἶον τὸ· ἔχθ δὲ καὶ ἀριθμὸν, καὶ πῶσις ἢ πόμεμα, ἀριθμὸν
μὲν ἐνικοῦ δὲ γόμ, πλὴν τεκόν, πῶσις δὲ, ἐλθεῖν γόμ, δὲ
τεκὸν αἰτιατικῆς· Κλίσις δὲ τῶν μὲν προπεκτικῶν ῥιούτη,
ἡδύθεια ὁ· ἢ ἐπικὴ τῶν δὲ τεκνῶν ἢ αἰτιατικῆς γῶν· ἡδύθεια,
ἢ αἰτιατικῆς τῶν ἢ γενικῆς καὶ λατικῆς τῶν· ἢ δύθεια οἶ· ἢ γε
νικῆς ἢ δὲ τεκνῶν ῥιού· ἢ αἰτιατικῆς τῶν ἢ ἐνικῆς ἢ ἐν-

Илл. 15. Первое издание грамматики Феодора Газы.
Венеция: типография Альда Мануция, 25 декабря 1495 г.

её многочисленных изданий стал выпуск 1495 г., осуществленный печатным домом Альда Мануция⁶².

Высокую оценку этой грамматике дал Эразм Роттердамский. В письме к Андреа Аммонии от 16 октября 1511 г. он рассказывал, что до сих пор объяснял греческий по «*Ἑρωτήματα*» Хрисолора небольшой группе кембриджских студентов, но надеялся, что его аудитория возрастет, когда он перейдет к учебнику Газы⁶³. «Среди греческих грамматиков, - писал Эразм в трактате «О способе обучения», - любой отдаст первое место Феодору Газе; второе, по моему мнению, с полным правом присваивает себе Константин Ласкарис»⁶⁴. Эразму принадлежит латинский перевод двух из четырех книг грамматики Газы: первая отпечатана в 1516 г. в Лувене у Дирка Мартенса и спустя несколько месяцев в Базеле у Иоганна Фробена, вторая – в 1518 г. в Лувене (изд. Д. Мартенс)⁶⁵. Идея выполнить этот перевод, очевидно, была подсказана его кембриджским опытом: ученики при освоении греческой грамматики, по сути, сталкивались с двойной проблемой, так как понимание и без того сложного материала затруднялось его изложением на языке, который им только предстояло изучить.

В письме, предваряющем лувенское издание первой книги, Эразм критиковал некоторых грамматиков за то, что они, похваляясь своей образованностью, вставляют в самое начало труда какой-нибудь запутанный материал, который нужно было рассмотреть позднее. Тем самым они только отталкивают неопытного ученика, в то время как его «следовало привлечь и заманить удобной краткостью, ясностью, порядком, простотой и другими приманками подобного рода. Единственный же из всех Газа, муж везде себе подобный, выдающийся специалист в любой области, действует в интересах ученика одинаково рассудительно и надежно, стремясь не к тому, чтобы тотчас показать себя ученым человеком, но к тому, чтобы сделать ученым читателя. В первой книге – о Боже бессмерный! – с какой краткостью, с каким необыкновенным порядком, с какой простотой он охватил существо грамматики, как будто

перед нами был начертан некий её образ!»⁶⁶ Свою заслугу Эразм видел в том, что сделал книгу более удобной для изучения – он перевел её на латынь, разделил на титулы и добавил для ясности небольшие заметки, «чтобы отныне для её понимания требовалось как можно меньше усилий», а также исправил явные искажения, которые были внесены полуграмотными людьми⁶⁷.

Принадлежащее Константину Ласкарису «Краткое изложение восьми частей речи» (Ελιτομή τῶν ὀκτῶ τοῦ λόγου μερῶν; *Compendium octo orationis partium*) стало первой книгой, изданной в Италии на греческом языке (Милан, 1476: печатник Д. Парравичино)⁶⁸. Её латинский перевод, выполненный Джованни Кростоне, был напечатан в Милане ок. 1480 г. (изд. Бонаккорсо). «Эпитома» представляла собой элементарное введение в грамматику: она была написана Ласкарисом в миланский период (1458-1465) его жизни и преподнесена им дочери герцога Франческо I Сфорцы – Ипполите, чьим воспитанием он тогда занимался⁶⁹. «Эпитома» вошла в первую книгу его грамматики, работу над которой Ласкарис продолжал в Неаполе и Мессине. Вторую книгу, посвященную синтаксису глагола, он завершил в 1468 г. На этом уровне основы грамматики применялись на практике при помощи упражнений, которые были направлены на то, чтобы научить учеников греческой речи, прежде чем они перейдут к чтению поэзии. Нововведением Ласкариса в традиционное изложение глагольного синтаксиса была его классификация видов глаголов, основанная на взаимодействии между пятью залогами (действительным, страдательным, нейтральным, медиальным и отложительным) и падежами, которыми управляют глаголы. Тогда же в 1468 г. была составлена и третья книга, нацеленная на углубление практических знаний, но предназначенная для учащихся с хорошим уровнем владения языком. Ласкарис включил в неё трактат «О глаголе» и трактат «Об имени», написанный им в 1463 г.⁷⁰ Как сообщалось в указателе, это была «об-

ширная и очень полезная книга для практической грамматики»⁷¹. Кроме грамматических вопросов, в ней также освещались особенности метрики и поэзии. Объяснения Ласкариса обильно иллюстрировались фрагментами из произведений классических поэтов; чаще других цитировался Гомер. Наконец, ученикам предлагалось рассмотреть язык с точки зрения теории через изучение поэтических текстов, чтобы с их помощью постичь благозвучие, гармонию и литературные достоинства эллинского красноречия⁷².

Грамматика Ласкариса, наряду с учебниками Хрисолора и Газы, входила в число наиболее популярных пособий по греческому языку, на что указывают её многочисленные издания конца XV – середины XVI вв.⁷³ Чаще всего её печатали венецианские типографии, начиная с Альда Мануция, который издал как «Эпитому» (1495), так и полную версию его труда в трех книгах (1500). Учебник Ласкариса оказал влияние на последующие греческие грамматики. В частности, он использовался при составлении двух элементарных грамматических руководств первой половине чинквеченто – поэтом Франческо Бернардино Бовио, преподававшим классические языки в Ферраре, и греком Иоанном Сагомаласом из Навплиона, который учил греческому в Венеции между 1530 и 1540 годами⁷⁴. Он также стал моделью для грамматики разговорного греческого языка («Γραμματικὴ τῆς κοινῆς τῶν Ἑλλήνων γλώσσης») Николая Софианоса, ученого грека, проживавшего в Италии в первой половине XVI в.⁷⁵ Необычное свидетельство успешности труда Ласкариса содержится в «Утопии» Томаса Мора. Её герой, путешественник Рафаил Гитлодей, познакомивший утопийцев с античной литературой, рассказывает, что в числе греческих книг, доставленных им на остров, была грамматика Ласкариса, другую же, составленную Феодором [Газой], он с собой не привез⁷⁶.

Ещё одним грамматическим руководством кватроченто, написанным в Италии византийским эмигрантом, был учебник Димитрия Халкокондила (1423-1511) «Ἐρωτήματα συνολτικὰ

τῶν ὀκτὼ τοῦ λόγου μερῶν», впервые изданный в Милане в 1493 г. Халкокондил постарался сделать добротную грамматику в форме вопроса и ответа, разбил материал на краткие и ясные главы с использованием стандартных, но хорошо запоминающихся примеров. По оценке Джовио, «он опубликовал полезную работу о началах грамматики, ибо книга Феодора [Газы], хотя и была выдающимся трудом о том же искусстве, но как написанная для подготовленных и ученых людей, казалась более тяжелой»⁷⁷. Учебник Халкокондила был востребован в ученой среде и неоднократно переиздавался, однако не достиг такой же популярности, как работы Хрисолора, Газы и Ласкариса⁷⁸.

Кроме того, в число грамматических книг, по которым учились и учили в эпоху Возрождения, входили руководства Мануила Мосхопула (вторая половина XIII – ок. 1316) и Мануила Калеки (†1410)⁷⁹; многочисленные анонимные *egrotata*, дошедшие до нас в рукописях, а также т.н. «*Donati Graeci*» или «*Πύλα*», которые представляли собой греческие переводы средневековой латинской грамматики «*Janua*»⁸⁰. В течение кватроченто наметились основные направления в развитии греческих грамматик: это и стремление к более удобному и понятному элементарному руководству, и постепенная «латинизация» учебников, и заинтересованность более опытной аудитории в создании всесторонних грамматических комплексов, в том числе за счет пояснений и дополнительных материалов. Показательно, что в упомянутое издание 1512 г., кроме «*Ἐρωτήματα*» Хрисолора, были включены извлечения из грамматических сочинений Халкокондила (об образовании времен), Газы (IV книга о синтаксисе), Элия Геродиана (об энклитиках), алфавитный список неправильных глаголов, составленный неизвестным автором, а также изречения различных поэтов в форме одностихий. Первой греческой грамматикой, написанной западным ученым, стали «Греческие грамматические наставления» («*Institutiones Graecae grammaticae*») Урбано Больцанио (1442-1524), опубликованные в Венеции

Альдом Мануцием (1498)⁸¹. Затем были изданы учебники Филиппа Меланхтона (1497-1560) (*Institutiones Graecae grammaticae*: Тюбинген, 1518), Иоганна Эколампация (1482-1531) (*Graecae litteraturae dragmata*: Базель, 1518), Адриана Амероция (†1560) (*Compendium Graecae grammatices*: Лувен, 1520), Якоба Цепорина (†1525) (*Compendium Graecae grammaticae*: Базель, 1522), Николая Кленара (†1542) (*Institutiones in linguam Graecam*: Лувен, 1530), Георгия Макропедия (1487-1558) (*Graecarum institutionum rudimenta*: Хертогенбос, 1530), Франциско де Вергары (†1545) (*De omnibus Graecae linguae grammaticae partibus*: Алькала, 1537), Петра Рамуса (1515-1572) (*Grammatica Graeca*: Париж, 1560); Михаила Неандра (1525-1595) (*Graecae linguae Egotemata*: Базель, 1561) и др. Следует также упомянуть грамматику Альда Мануция (*Grammaticae Institutiones Graecae*: Венеция, 1515), изданную под редакцией Марка Музуроса: она была полностью написана на греческом языке и не получила значительного распространения.

Возвращаясь к Мануилу Хрисолору, нужно отметить, что за непродолжительный период его деятельности во Флоренции была создана основа для последующих занятий греческой словесностью. Его ученики приобрели представление о том, как должен строиться процесс обучения, в какой последовательности следует осваивать материал и каким образом работать с источником. По крайней мере, пятеро гуманистов из круга флорентийских «воспитанников» Хрисолора (Леонардо Бруни, Роберто Росси, Палла Строцци, Пьер Паоло Верджерио и Якопо д'Анджело) продолжили заниматься греческой словесностью и после отъезда учителя из Флоренции. Это достаточно серьезный показатель для того времени, при том что общее число гуманистически настроенных интеллектуалов в начале кватроченто было невелико. Тем не менее, многие из тех, кто начинал с Хрисолором, оставшись без наставника, забросили занятия: «одних напугал труд учения, других оно привело в отчаяние, так как дело требовало бóльшей заботы и более длительного времени»⁸². Перемещение ученого в Милан

диктовалось соображениями дипломатического характера, так как политическая и материальная поддержка Висконти была очень желательна для византийского императора, искавшего на Западе союзников в борьбе с османами. Это подтверждается герцогским актом от 20 февраля 1402 г., в котором Джан-Галеаццо Висконти призывает представителей светских и духовных властей в его владениях оказать Мануилу II денежную помощь. Посредником закономерно выступает Хрисолор, названный в документе уполномоченным представителем и посланником императора, а также придворным герцога Висконти⁸³. В Павии, где тогда располагался герцогский двор, ученый давал уроки греческой словесности. Итоги этих занятий были скромнее флорентийских. Из его «ломбардских» учеников в греческих штудиях проявил себя только Уберто Дечембрио (†1427), высокопоставленный чиновник, вместе с которым Хрисолор к 1402 г. подготовил для Висконти латинскую версию «Государства» Платона. В начале 1403 г. Хрисолор покинул Ломбардию и, присоединившись к своему государю, вернулся в Константинополь. Последующие поездки ученого по западным странам были связаны в первую очередь с дипломатическими задачами. Известно, что в период нахождения Хрисолора в Риме (1411-1413) его учениками были апостольские секретари Ченчо де Рустичи и Бартоломео Арагацци⁸⁴. После смерти их наставника (1415) Ченчо де Рустичи, который достиг больших успехов в изучении греческого языка, помогал своему коллеге в дальнейших занятиях. По его совету (*ipso hortante et suadente*) Арагацци переписал небольшие труды (*opuscula*) Платона, включая диалоги «Протагор», «Лисий» (*de amicitia*) и «Лакет» (*de fortitudine*), а также трактат Хрисолора «Сравнение древнего и нового Рима» (*eius viri de laudibus utriusque Rome*)⁸⁵. Это произведение византийского ученого было написано по-гречески для императора Мануила II Палеолога, но читалось и в Италии. На основании впечатлений от прогулок по Вечному городу Хрисолор взялся за сочинение этого историко-архитектурного очерка, посвященного

сопоставлению двух центров империи – Рима и Константинополя, в котором подчеркивал общность и сходство культурного наследия двух могущественнейших и разумнейших народов древности⁸⁶.

Как уже отмечалось выше, ученики Хрисолора Якопо д'Анджело и Гварино Веронезе были одними из первых гуманистов, обучавшихся греческой словесности непосредственно в Константинополе. С одной стороны, они были нацелены на чтение, понимание и перевод классических авторов, чему их обучали Мануил и (в случае с Гварино) Иоанн Хрисолоры, с другой, они оказывались в гуще народной среды, чей общепотребительный язык был далек от высокого идеала античности. По наблюдениям Гварино, высказанным в его письме-трактате «О различиях в латинском языке», речь византийских крестьян и женщин была ближе к древним языковым нормам в силу того, что они реже соприкасались с иноязычными влияниями. В Италии подобные влияния, связанные с вторжением варваров, привели к порче, загрязнению и вырождению латыни. «Я бы утверждал, - пишет Гварино, - что греческий язык, тоже книжный [как древнееврейский и латынь], осваивался не через изучение грамматических правил, а из обиходной речи, ибо, как я заметил, крестьяне и женщины (которые тем легче сохраняют древний язык неиспорченным, чем более ограничен их круг общения) говорят так, что кажется, будто читаешь или слушаешь Демосфена, Исократы, Ксенофонта или Платона. Когда в молодые годы я проживал в Константинополе под началом знаменитого философа Мануила Хрисолора и его племянника Иоанна, моих самых любимых учителей, и после усвоения первооснов поднялся в своем обучении на более высокую ступень, я начал подмечать, как говорят некоторые дети и женщины. Меня услаждали и вместе с тем удивляли плавность их речи и приятное звучание голосов, их придыхания в словах, соблюдение правил ударения, склонения, спряжения, соединение двух или трех имен в одно, хотя и новое, но, на удивление, благозвучное: на столько была

способна эта воспринятая в обиходе от родителей и земляков форма речи, далекая от нормы»⁸⁷.

Другим известным итальянским учеником Иоанна Хрисолоора был Франческо Филельфо, который жил в Константинополе между 1420 и 1427 гг. На основании своего общения с образованными греками он пришел к заключению, что византийская аристократия в отличие от простонародья смогла сохранить чистую аттическую речь: «Мы следуем за теми греками и подражаем тем из них, которые, не исказив свой язык, до сих пор разговаривают между собой так же, как комедиограф Аристофан, трагик Еврипид, как все ораторы, историографы и сами философы – Платон и Аристотель. А речь людей пера ещё более искусна и безукоризненна. Книги же Платона и Аристотеля, которые в прошлом веке или немного ранее были переведены с греческого на латынь, в большинстве мест совершенно непонятны и бессмысленны, так как представляют собой переложение, выполненное теми, кто осваивал просторечный язык (*linguam vulgarem*), искаженный народом, а также испорченный множеством иноземцев и купцов, которые ежедневно стекались в Константинополь. Оказавшись в городе и смешавшись с греческим населением, они испортили и засорили превосходную речь. Однако придворные мужи сохраняли достоинство и изящество древнего языка. В особенности же это относится к благородным женщинам, ибо, не имея никаких дел с иноземцами, они оберегали естественную чистоту и нетронутость речи древних греков. Но отчего я сказал об иноземцах? Ведь эти женщины не имели возможности общаться и со своими согражданами, так как выезжали из дома только по ночам да и то редко – верхом, с прикрытыми лицами, сопровождаемые домочадцами и близкими они направлялись или в храм, чтобы посетить какое-нибудь оживленное богослужение, или на встречу с ближайшими родственниками»⁸⁸. Для Филельфо, как и для многих других гуманистов, одним из главных достоинств языка была его исконная чистота. Нарушение этой чистоты рассматривалось

как результат языковой порчи, которая вслед за Цицероном⁸⁹ объяснялась влиянием чужеземных наречий. Как следствие, представление о совершенстве аттического языка закономерно приводило к выводу о неполноценности койне⁹⁰.

В Константинополе Филельфо имел возможность изучать греческий язык, находясь в непосредственном общении с представителями той интеллектуальной среды, которая в письменной и устной речи ориентировалась на языковые нормы древности. После смерти Иоанна Хрисолора гуманист вместе с будущим кардиналом Виссарионом учился у ритора Хрисококка. Впрочем, он не уточнял, кто именно из трех Хрисококков – Георгий, Мануил или Михаил – был его наставником⁹¹. Возможно, что Филельфо посещал высшее учебное заведение, известное как «Μουσείον τοῦ Ξενῶνος» или «Καθολικόν Μουσείον», которое располагалось в гостевых палатах (Ксеноне) недалеко от монастыря Иоанна Продрома⁹². Незадолго до падения Константинополя «Мусейон» возглавил Иоанн Аргиропул. В письме Георгию Трапезундскому он сообщал, что на его занятиях по физике и логике Аристотеля присутствовали многие итальянские ученые⁹³.

В Италию Филельфо вернулся с коллекцией греческих манускриптов и молодой женой Феодорой Хрисолориной, дочерью его покойного учителя. Гуманист имел все основания гордиться этим союзом, так как благодаря ему он вошел в родство с Иоанном Хрисолором, «коим латиняне восхищаются не меньше, чем греки», и его женой Манфрединой Дориа, представительницей генуэзского аристократического семейства⁹⁴. Уровень владения греческим языком, который показывал Филельфо, – довольно редкое явление для ранних итальянских гуманистов. Его знаменитый греческий эпистолярый, изданный Эмилем Лепраном, состоит из 110 писем, большей частью написанных в Милане, а также стихов и эпиграмм. Ссылки на греческих авторов, которыми изобилуют его письма, могут использоваться как доказательство его исключительной начи-

танности, однако, по мнению Н.Г. Уилсона, многие из них носят показной характер. Нет уверенности и в том, что он прочитывал каждый приобретенный им текст⁹⁵.

Несомненно, что даже для состоятельных итальянцев образовательные поездки в Грецию были очень обременительны с финансовой точки зрения. Наименее затратным способом было получение должности секретаря венецианского баило в Константинополе. Так сделали Гварино, Филельфо, а также Кристофоро Гаратоне, состоявший при баило Пьетро Контарини с 1423 г., и Пьетро Перлеоне, который находился при баило Джорджо Дзордзи, по крайней мере, с ноября 1439 г. В письме от 13 апреля 1441 г. Филельфо просил Иоанна Аргиропула принять себе в ученики его подопечного – молодого Перлеоне, остающегося в Константинополе ради изучения греческого языка⁹⁶.

В 1435 г. в византийскую столицу с теми же целями прибыла компания из трех аретинцев – Джованни Тортелли († 1466), его брата Лоренцо и клирика Томмазо д'Ареццо. Осваивать греческий язык Джованни Тортелли начал ещё в Италии: он обучался в Мантуе в школе Витторино да Фельтре, затем во Флоренции посещал греческие курсы Филельфо и Карло Марсуппини. В течение пребывания в Константинополе (1435–1437) Тортелли учился у Иоанна Евгеника, от которого получил рукопись Фукидида⁹⁷, и, возможно, у Геннадия Схолария. Глубокие познания в области греческой словесности Тортелли продемонстрировал в сочинении «De orthographia», которое стало плодом его многолетней работы. В первом, теоретическом, разделе он коснулся проблемы передачи греческих звуков посредством латинских, во втором, словарном – поместил многочисленные статьи о словах греческого происхождения с объяснением орфографии и толкованием их значений⁹⁸. В статье «Софокл» Тортелли сообщал, что «изучил этого первого из греческих поэтов под руководством славнейшего грека Исидора, ныне именуемого кардиналом Русским

Илл. 16. Иоанн Аргирупул преподает в школе Ксенона.
Бодлианская библиотека. Varossianus 87, fol. 35.

святой Римской Церкви»⁹⁹. Из рабочей тетради Тортелли (Basileensis F-VIII-3) видно, что в Константинополе в соответствии с византийским учебным планом он разбирал Софокла («Аякс», «Электра») и Аристофана («Плутос», «Облака») ¹⁰⁰.

Ещё один соотечественник Тортелли – Ринуччо Аретино (†1457) в молодом возрасте отправился на Восток для изучения греческого языка: он был на Крите, по крайней мере, с 1415 г., где встретил путешественника Кристофоро Буондельмонти и медика Пьетро Томази. Его учителем греческого стал Иоанн Симеонахис, протопапа Кандии. Затем Ринуччо отправился в Константинополь, как следует из его посвящения Мануилу II Палеологу латинского перевода платоновского «Критона» ¹⁰¹. Оттуда в 1423 г. он выехал в Италию вместе с Джованни Ауриспой. В области греческих штудий Ринуччо прежде всего снискал славу как переводчик классических текстов. После переезда в Рим в 1424 г. он в течение некоторого времени преподавал греческий Поджо Браччолини и Лоренцо Валле ¹⁰².

Сицилиец Джованни Ауриспа (1376-1459) совершил первое путешествие на Восток в 1413-1414 гг. с остановкой на острове Хиос, где изучал греческий язык и собирал рукописи (в том числе, кодекс Софокла и Еврипида). Лоренцо Валла оставил свидетельство о том, что Ауриспа, приехавший в Рим в 1420 г., обучал его основам греческого ¹⁰³. В 1421 г. правитель Мантуи Джан-Франческо Гонзага отправил Ауриспу с дипломатической миссией к Мануилу II Палеологу. В Константинополе (1421-1423) он поступил на службу к Иоанну VIII Палеологу и вместе с ним отправился в Италию с огромным багажом из 238 манускриптов ¹⁰⁴. Его карьера преподавателя греческой словесности была вполне заурядной. В 1424-1425 гг. он учил языку в Болонье, где его сменил некий Феодор из Кандии (Theodorus de Candia) ¹⁰⁵, а в 1425-1427 гг. – во Флорентийском университете. Тем не менее, в начале февраля 1426 г. он написал Гварино: «со всех сторон тут разгорается соперни-

чество и совершаются недостойные поступки; нет мне покоя; все наполнено завистниками и глупцами»¹⁰⁶. После переезда в Феррару в конце 1427 – начале 1428 г. Ауриспа более не возвращался к публичному преподаванию греческого языка. Благодаря протекции Гварино он получил место наставника одного из сыновей феррарского маркиза Никколо III д'Эсте – Мелиадуче¹⁰⁷.

Антонио Кассарино (†1447), уроженец сицилийского городка Ното, который был и родиной Ауриспы, учился в Константинополе между 1434 и 1438 гг. Как полагает Джанвито Реста, его наставником мог быть Иоанн Евгеник, обучавший в тот же период Джованни Тортелли. Среди греческих авторов Кассарино более всего почитал Плутарха и Платона, переводами которых он начал заниматься ещё в Византии¹⁰⁸. В 1439 г. в Константинополь приехал Лилио Либелли (Тифернат) (1417/1418-1486), происходивший из Читта́ ди Каstellо. По всей видимости, он отправился на Восток в качестве помощника апостольского нунция Кристофоро Гаратоне. Там он углубил свои познания в греческом под руководством Виссариона Никейского и приступил к работе над своими первыми переводами. В Италию Либелли вернулся или с Виссарионом в конце 1440 г., или с Гаратоне в конце 1441 г.¹⁰⁹ Наконец, Чириако д'Анкона (1391-1452) во время своих знаменитых путешествий по Греции преследовал не только археологические, но и образовательные цели. Так, его биограф Франческо Скаламонтти сообщал, что во время деловой поездки на Кипр в 1428 г. он остановился в Константинополе, где изучил основы греческого языка¹¹⁰. Свидетельством достигнутых им успехов является трактат о римском календаре, написанный Чириако по-гречески в Мистре и преподнесенный деспоту Константину Палеологу. Из текста следует, что автор завершил работу в воскресенье 4 февраля. Издатель трактата Джорджо Каstellани предположил, что пребывание Чириако в Мистре относится к 1448 г.¹¹¹

Обучение итальянских гуманистов в Греции – явление характерное для первых четырех десятилетий XV в. Этот период предшествовал началу интенсивной эмиграции греко-византийских ученых на Запад, в то время как в самой Италии преподавание греческого, за редким исключением, велось sporadически и непостоянно. Среди итальянских учителей наиболее заметной фигурой был Гварино Веронезе. Он обучал языку во Флоренции (1410-1414) как частным порядком, так и в университете; затем – в Венеции (1415-1416), где под его началом греческий осваивал Витторино да Фельтре; далее – в Падуе (1416); в Вероне (1419-1429) и, наконец, в Ферраре (1429-1460), куда он прибыл для воспитания сына маркиза Никколо III д'Эсте – Леонелло, и где впоследствии открыл собственную школу¹¹².

Греческая классика изучалась на языке оригинала и в мантуанской школе Витторино да Фельтре (1378-1446), известной как «Радостный дом» (Ca' Zoiosa). Она существовала при поддержке маркиза Джан-Франческо Гонзага, который в 1423 г. пригласил гуманиста в качестве наставника для своих детей. Занятия по греческому вел сам Витторино, и хотя Ауриспа считал его знания в этой области посредственными («*litteras graecas mediocriter eruditus*»)¹¹³, есть основания полагать, что со временем он существенно улучшил уровень владения языком. Его воспитанник и биограф Франческо да Кастильоне (†1484) вспоминал: «в один год в течение всей зимы после обеда он читал книгу Евклида без предварительной подготовки или предшествующего изучения кому-то из своих учеников, не испытывая никакого затруднения»¹¹⁴. По мнению М. Кортези, этим учеником был Якопо Кассиано (ок. 1400-1456), который в дальнейшем перевел по заказу папы Николая V сочинения Архимеда¹¹⁵. Со школой сотрудничали и уроженцы греко-византийского Востока – Петр Критянин и Гирард из Патр. Они занимались копированием греческих манускриптов, но могли оказывать и консультативную по-

мощь. В 1431 г. в Мантуе рядом с Витторино находился Георгий Трапезундский¹¹⁶, а в 1443 г. туда прибыл Феодор Газа (ок. 1410 – ок. 1475), который эмигрировал в Италию в 1440 г. Витторино обучал Газу латинскому языку, а тот, в свою очередь, помогал ему с греческим¹¹⁷. Под влиянием Витторино ученый взялся за перевод наставлений псевдо-Дионисия Галикарнасского, касавшихся написания речей по случаю свадьбы и рождения детей. Эта работа, завершенная к 1444 г., показала, что Газа достиг высокого уровня владения латынью. В своем предисловии переводчик сообщал, что он постарался передать стиль и содержание оригинала, несмотря на то, что он грек и чужеземец (*hospes*) по отношению к латинской словесности¹¹⁸. В 1446 г. после смерти Витторино Газа занял должность преподавателя греческого языка и литературы в Феррарском университете. От Франческо да Кастильоне мы знаем, что греки, приезжавшие в «Радостный дом», вовлекались Витторино в педагогическую деятельность: «у него всегда дома были какие-нибудь люди из Греции, иногда трое или четверо, которые отчасти нас обучали греческой словесности, отчасти сами учили латинскую; некоторых он также использовал в качестве переписчиков»¹¹⁹. Школа Витторино располагала большим количеством греческих кодексов. Часть из них была скопирована непосредственно в Мантуе. Амброджо Траверсари, посетивший школу в 1433 г., свидетельствовал: среди учеников Витторино «достаточно тех, которые приложили столько сил к изучению греческой словесности, что начали переводить на латынь. Один из них [Онйибене Бонизоли да Лониго, ок. 1412-1474] переложил [плутархово] жизнеописание Камилла, басни Эзопа и некоторые сочинения Иоанна Златоуста»¹²⁰. О внимании к Плутарху, которое проявляли в школе Витторино, говорит и перевод жизнеописаний Агесилая, выполненный Карло Гонзага (†1456). Из греческих авторов читали также Гомера, Гесиода, Феокрита, Пиндара, Аристофана, Еврипида, Софокла, Эсхила, Исократы, Демосфена, Платона и Аристотеля¹²¹.

В Венеции молодые аристократы (Бенедетто Бурса, Бернардо Джустиниани, Франческо Контарини, Никколо Барбо) изучали греческий в частной школе Георгия Трапезундского, которая существовала между 1433 и 1437 гг., хотя основу её учебной программы составляло латинское красноречие¹²². Георгий, как кажется, был следующим после Мануила Хрисолора греко-византийским ученым, который приехал в Италию и преподавал гуманистам греческую словесность. В 1443 г. власти Венеции учредили небольшую школу на площади св. Марка (*Scuola di San Marco, Gymnasium literarium*) «для венецианских мальчиков и юношей двенадцати лет или чуть старше с назначением каждому стипендии в десять дукатов в год, чтобы они учились грамматике, риторике и другим дисциплинам, полезным для Канцелярии, а также хорошему письму»¹²³. В программу школы, кроме латыни, входил и греческий язык. В 1504 г. Сенат принял решение избрать «честного и достойного человека» специально для преподавания греческих авторов в доступной для учеников форме, чтобы приобщить их к *studia humanitatis*. Этим учителем с 1504 по 1506 гг. был греческий ученый Николай Леоник Томей¹²⁴.

Старейшую в Италии кафедру греческой словесности около трех лет занимал Ауриспа (1425-1427), затем в 1429 г. на ней утвердился Филельфо: в 1431 г. он был вынужден уступить её Марсуппини, но уже к концу года, несмотря на успехи своего конкурента¹²⁵, вернул себе должность преподавателя. Веспасиано да Бистиччи сообщал, что занятия Филельфо во флорентийском университете собирали до двухсот и более учеников, в том числе всех отпрысков «лучших людей». Кроме того, он давал уроки и в собственном доме¹²⁶. В 40-е годы у студийума появляется возможность вновь приглашать греческих ученых. С октября 1440 г. Георгий Трапезундский преподавал на факультете искусств риторiku, а осенью следующего начал читать лекции о поэзии, причем 7 марта 1442 г. правительство синьории установило ему годовое жа-

лованье в сто флоринов в год¹²⁷. Согласно Веспасиано да Бистиччи, он вел занятия и публично, и частным образом, в своем доме, по нескольким предметам: и по греческому, и по латыни, и по логике, и по философии. «В то время во Флоренции не было человека более полезного для преподавания, чем он, и это наряду с его образованием и красноречием, ибо он был красноречивейшим»¹²⁸. Тем не менее, весной 1443 г. Георгий Трапезундский уехал из города вместе с папской канцелярией и обосновался в Риме. В 1447 г. управители университета пытались переманить к себе Феодора Газу, который преподавал греческий в Ферраре, но тот был вынужден отказаться¹²⁹.

В октябре 1456 г. правление утвердило на должность профессора Иоанна Аргиропула (ок. 1415-1487). Флорентийский период в его карьере был наиболее длительным и плодотворным. Он жил здесь до своего переезда в Рим в 1471 г., то есть около пятнадцати лет; затем в 1477 г. вновь вернулся во Флоренцию, где преподавал до весны 1481 г. В студии Аргиропул разбирал в основном сочинения Аристотеля, читая лекции по-латински, но также касался и греческой словесности. Согласно документу от 21 октября 1466 г., Аргиропул в течение последних девяти лет вел публичные занятия в университете по моральной и натуральной философии и поэзии как на греческом, так и на латыни. Его заслуги перед синьорией были высоко оценены властями. Тем же документом ему предоставлялось гражданство и право приобретать недвижимость на общую сумму в 1500 флоринов в городе или его округе¹³⁰. В 1458 г. назначенное Аргиропулу жалованье составляло 400 флоринов в год и сохранялось за ним в дальнейшем¹³¹.

В 1471-1475 гг. во Флоренции преподавал Андроник Каллист, прибывший на смену Аргиропулу. В элегии его ученика Бартоломео делла Фонте (1446-1513) сообщается, что Каллист разбирал поэмы Гомера, сочинения Аристотеля и Демосфена¹³². Другой его ученик Анджелио Полициано (1454-1494)

в одном из стихотворений просил Лоренцо де'Медичи «сохранить Андроника», который, вероятно, помышлял о переезде. Среди заслуг учителя он упоминал о выполненном для Лоренцо переводе трактата Аристотеля «О возникновении и уничтожении» и о его занятиях по «Илиаде»: «О каких он для тебя рождает и вскармливает поэтов, пока громогласно воспевает на арголидский манер троянскую войну!»¹³³ После отъезда Каллиста в Милан студиум принял Димитрия Халкокондила, который с 1475 г. преподавал поэзию и риторику, а с 1481 г. (вместо окончательно покинувшего Флоренцию Аргиропула) философию и греческую словесность.

Наконец, в 1492 г. кафедрой греческой словесности, освободившуюся после переезда Халкокондила в Милан, занял Иоанн Ласкарис. В первый год он преподавал Софокла и Фукидида, следующий открыл речь в защиту греческих штудий. Он доказывал, что латынь – это греческий язык, испорченный соседством с варварами, и что истоки Рима лежат в сердце Гречии: «Если почти у всех народов установлено в качестве закона воздавать великие благодеяния в отношении тех, кем ты был воспитан, то я утверждал бы, что человек латинского происхождения не найдет себе других воспитателей, если пренебрежет греками, в особенности потому, что греческий и латинский народы можно считать одним и тем же – только первый более древний, а происходящий от него латинский более молодой. Казалось бы, греки дали хорошую пищу для духа и тела всем людям, не говоря о своих латинских собратях: только за это всем следует проявлять к ним благосклонность»¹³⁴. Величие Рима в разных областях Ласкарис связывал с успешным подражанием греческим образцам, убеждая слушателей в греческом культурном превосходстве. Тезис об эллинском наследии римского народа, заимствованный им у Дионисия Галикарнасского, придавал оригинальности его суждениям, однако следует признать, что отрицание

*Илл. 17. Портрет Иоанна Ласкариса.
Художник Кристофано дель Альтиссимо.
Флоренция. Галерея Уффици. «Серия Джовиана».*

самобытности и «самоценности» латинской культуры – не самая удачная стратегия¹³⁵. Флорентийская аудитория Ласкариса, несомненно, не была настолько «эллиноцентрична», а поборники греческих штудий в большинстве своем доказывали необходимость соединения латинской и греческой образованности для достижения гуманистического идеала. В конце речи Ласкарис обозначил, что в текущем году он будет разбирать Демосфена и «Греческую Антологию»¹³⁶.

Итак во второй половине XV в. флорентийский студиум удерживал за собой лидерство по числу преподававших в его стенах греческих ученых, которые почти непрерывно сменяли друг друга в течение сорока лет. Тем не менее, некоторые из итальянских университетов уже создавали ему конкуренцию. Ферраро-Флорентийский собор 1438-1439 гг. открыл византийским интеллектуалам дорогу на Запад, и вскоре итальянские гуманисты получили возможность учиться греческой словесности под руководством греческих наставников. В 1446 г. после смерти Витторино да Фельтре Феодор Газа занял кафедру греческой словесности в Феррарском университете, а в течение следующего академического года (1448-1449) был его ректором. К числу его учеников принадлежали Базинио Базини, Лудовико Карбоне, Франческо Гриффолини, Лианоро Лианори и Ян Панноний. Газа разбирал со студентами Пиндара («Олимпийские оды»), Демосфена (речь «О венке»), Ксенофонта («Анабасис» и «Киропедия»), Платона («Горгий»), Гомера («Илиада» и «Одиссея»), Аристофана, Эхина и Софокла¹³⁷.

Свои занятия в Ферраре он открыл вступительной лекцией о пользе изучения греческой словесности «*Oratio de litteris Graecis*», которая, по всей видимости, является наиболее ранней из сохранившихся университетских речей, посвященных этому предмету¹³⁸. По его мнению, сложность греческого языка не должна отпугивать тех, кто хочет достичь высот в латинской словесности и наилучшим образом подготовить себя к служению родине и согражданам. Газа исходил из того, что римляне являются предками итальянцев, а значит их пример

должен быть очень поучителен для его аудитории. Римские граждане охотно заимствовали достижения греческого гения и совершали образовательные поездки в Афины, как некогда эллины отправлялись за знаниями в Египет. Среди наиболее значительных фигур он выделил Цицерона, Лукулла, Цезаря и Марка Брута, которые успешно сочетали латинское красноречие с греческим. Кроме того, в Италии греческий язык долго сохранялся в многочисленных колониях эллинов, отчего большая её часть и получила название «Великой Греции». Развивая тему греческих влияний, Газа приводит и легенду, зафиксированную у Тита Ливия и Плутарха, о том, что римский царь Нума Помпилий был учеником Пифагора.

Идея органической близости письменной культуры римлян и эллинов проходит красной нитью через всю речь Феодора Газы. По его мысли, корни латинской словесности следует искать в греческой, без соединения с которой первая не может считаться совершенной. Связь между ними стала настолько прочной, что безразличие к одной обернулось пренебрежением к другой. Поэтому падение интереса к латинской словесности на Западе после крушения империи стало закономерной причиной забвения греческого языка. На это, в частности, опирается и его довод о сходстве языков римлян и греков, из чего следует, что латиняне должны осваивать греческую словесность легче, чем скифы и другие варвары. В силу той же взаимной обусловленности гуманистическая борьба за возрождение правильной латыни привела к возобновлению в Италии греческих штудий. Газа специально отметил особые заслуги на этом поприще его друга Витторино да Фельтре, Джованни Ауриспы и Гварино Веронезе, а также князя Леонелло д'Эсте, стараниями которого был восстановлен Феррарский студийум.

«Представление» аудитории греческих авторов (Демосфена, Платона, Гомера, Аристотеля и Ксенофонта) в необычной последовательности, по мнению Дж. Монфазани, свидетельствует о том порядке, в котором Газа собирался разбирать

*Илл. 18. Портрет Феодора Газы.
Художник Кристофано дель Альтиссимо.
Флоренция. Галерея Уффици. «Серия Джовиана».*

их сочинения¹³⁹. К Аристотелю ученый питал особый интерес, что подтверждает его последующая переводческая деятельность. В своей речи он отметил недостатки прежних схоластических версий, затруднявших понимание трудов Стагирита, и призвал читать его в оригинале.

Занятия греческой словесностью Газа советовал начинать в юном возрасте, который более всего подходит для изучения иностранных языков. Если же кто-то не в состоянии освоить сразу два языка, то ему следует предпочесть греческий латыни. Эта мысль, очень популярная среди римской аристократии, была высказана Квинтилианом в его «Наставлениях оратору»: «Я предпочитаю, чтобы ребенок сначала приступил к греческому языку, поскольку латинский, который используют многие, он усвоит и без нашего желания. Так как прежде науки пришли к нам на греческом, то с него и надлежит начинать»¹⁴⁰.

Традиция торжественных речей *de litteris Graecis* была продолжена Димитрием Халкокондиллом, который в 1463 и 1464 гг. произнес две вводные лекции к курсам греческой словесности в Падуанском университете¹⁴¹. Его аргументация напоминает доводы Газы, что объясняется использованием ими общих источников, хотя знакомство Халкокондила с содержанием феррарской речи вполне допустимо: обоим греков связывали дружеские отношения, которые установились после того, как в 1450 г. Халкокондил прибыл в Рим, где Газа стал его наставником и покровителем. В основе аргументов Халкокондила лежит нравоучительная сентенция, которая, в частности, содержится у ритора Афтония: «Исократ говорил детям, что корень учения горек, а плоды – сладки».

Халкокондил постулировал, что греки создали и усовершенствовали практически все науки и искусства, сами названия которых были даны на греческом языке. Но они не смогли бы достичь вершины учености, если бы не овладели в совер-

шенстве собственной словесностью, ибо в ней заложены, рассмотрены и тщательно истолкованы основы и начала всех наук – не только грамматики, поэтики, ораторского искусства, но также истории, логики, математики, медицины, астрологии, естественной философии и, наконец, богословия. Когда же римляне перенесли свободные искусства на латинскую почву, то превзошли остальные народы во всяком виде знания и в военном деле. Круг дисциплин, которые приводит Халкокондил, в целом соответствовал не только предметам, преподаваемым в Падуанском университете (грамматика, риторика и диалектика (логика), математика, медицина, астрология, философия натуральная и философия моральная)¹⁴², но и византийской системе общего образования, за исключением медицины.

Также как и его предшественники (Хрисолор и Газа) Халкокондил призывает итальянцев идти по стопам римлян, приводя в пример Цицерона, Брута, Фаворина и цитируя назидательные стихи Горация¹⁴³. По его мнению, через изучение греческой грамматики приходит полное понимание латинской, так как она не только тесно связана с греческой, но и, кажется, происходит от неё. Римская поэзия и проза восходят к тому же эллинскому корню, о чем свидетельствуют созданные римлянами поэтические произведения, исторические труды и речи.

Студент Халкокондила немец Хартман Шедель (1440-1514), переписавший обе его речи, сообщает, что сначала учитель преподавал им публично греческий язык по «*Ἐρωθίματα*» (у Шеделя – «*Erothimata*»), что отражает особенности византийского произношения), а затем изложил им Гесиода¹⁴⁴. Халкокондил был одним из первых, кто привлек внимание западных студентов к Гесиоду, в то время очень слабо известному латинянам. Еще раньше греческий фрагмент из поэмы «Труды и дни» (который мы также встречаем у Халкокондила) привел в упомянутой выше речи Феодор Газа, хотя неясно, разбирал ли он на своих занятиях в Ферраре поэзию Гесиода, как это сделал его бывший ученик в Падуе. Практическая польза

от изучения греческой словесности, по мнению Халкокондила, состояла в том, что она не только помогала проникнуть в тонкости латинского языка, но и способствовала стилистическому украшению речи (*ornamentum orationis*).

Изучение греческой словесности было необходимо и для более точного понимания философских текстов, в особенности аристотелевских. Халкокондил низко оценивал качество средневековых переводов Стагирита, советуя тем, кто тяготеет к «собственному источнику философии» (аверроизму или томизму), овладеть греческим, чтобы обращаться к первоисточнику напрямую.

Халкокондил выделил три причины, по которым люди уstraняются от изучения греческой словесности – это праздность и лень; большие расстояния и опасности пути, а также сложность самого предмета. В первом случае пренебрежение к греческим штудиям – лишь следствие общего невежества и равнодушия к собственной словесности, как и вообще к свободным искусствам. Такое невежество, замечает Халкокондил, прощительно варварам, однако не извиняет образованных людей. Говоря о второй причине, он призывает следовать примеру древних римлян и греков, которые не боялись опасностей и дальних путешествий ради совершенствования знаний, а римляне даже отправляли детей учиться в Афины. Но протяженность пути теперь не может считаться оправданием, так как латиняне получили возможность изучать греческую словесность у себя дома. И, наконец, в третьем случае Халкокондил объявляет, что этот предмет не настолько труден, как кажется, и что любой желающий в скором времени может добиться больших успехов в изучении греческой словесности. Ведь последняя так тесно связана с латинской, что «тот, кто знает одну, очень легко постигает другую». В свою очередь сам преподаватель обещал «открыть более короткий и лучший путь её постижения».

Речи о пользе и похвале греческой словесности держали Андроник Контотлакас¹⁴⁵, Антонио Кортези Урчео (Кодро)

(1446-1500)¹⁴⁶, Иоанн Ласкарис (1445-1534)¹⁴⁷, Сципион Фортегверри (Картеромах) (1466-1515)¹⁴⁸, Пьетро Бембо (1470-1547)¹⁴⁹, Дени Ламбен (†1572)¹⁵⁰. Представление о том, что без греческой словесности невозможно хорошее знание латыни постепенно закреплялась в сознании гуманистов XV-XVI вв.¹⁵¹ Эразм заявлял, что без греческой словесности занятия свободными искусствами увечно и слепо (*manum ac saesum*)¹⁵², и радовался тому, что в его эпоху она снова повсюду дает ростки. «И поскольку пренебрежение ею привело к полной гибели (*πανολεθρία*) всех хороших дисциплин и всех искусных авторов, то я надеюсь, что с её возрождением и они вновь расцветут»¹⁵³.

Некоторые из защитников греческой словесности в своих суждениях были ещё острее и полемичнее. Например, англичанин Ричард Пэйс (ок. 1482-1536) в трактате «О пользе, которая приобретается учением» писал: «У римлян же все то, что считалось своим, в искусстве речи или в истории, было взято у греков, как бы в долг. Ибо Цицерон стал настолько великим в ораторском искусстве под влиянием Демосфена и Сократа (как это признает Квинтилиан), а в философии – благодаря Платону и Аристотелю, которых он часто называл ученейшими из греков: первого – божественным, а второго – мудрейшим. Но философия у римлян была настолько несовершенной, что нет ничего более глупого для образованных людей, чем сравнивать римских философов с греческими. И тут я не исключая даже самого Цицерона (да простит он мне эти слова)»¹⁵⁴.

По сравнению с другими греческими эмигрантами педагогическая карьера Димитрия Халкокондила была одной из самых продолжительных. До приезда в Падую он давал частные уроки греческого языка и философии (по всей видимости, платоновской) в Перудже (ок. 1452-1455)¹⁵⁵. С 1463 г. Халкокондил при поддержке Виссариона занял кафедру греческой словесности в Падуанском университете. Здесь он обучал своего соотечественника Иоанна Ласкариса, немца Хартмана Шеделя, падуанцев Андреа Бренту и Августо Бальдо (Вальдо), а также

Гварино (Варино) Фаворино из Камерино, будущего составителя крупного греко-латинского лексикона (изд. Захарий Каллиерги: Рим, 1523), и венецианца Джованни Лоренци, вместе с которым в 1466 г. Димитрий пересмотрел и исправил рукопись «Антологии» Максима Плануда (*Anthologia Planudea*)¹⁵⁶. С 1475 по 1491 г. Халкокондил проживал преимущественно во Флоренции, где вращался в кругу местных гуманистов, вел в университете курсы по греческой словесности и моральной философии, получая при этом стабильно высокое жалованье. В число его учеников входили талантливый и амбициозный Анджело Полициано, который в дальнейшем стал его конкурентом в студиуме¹⁵⁷, Джованни Пико делла Мирандола, Джованни де'Медичи (будущий папа Лев X), Николай Леоник Томей, Бернардо Нерли, немец Иоганн Рейхлин, англичане Томас Линакр и Уильям Гроцин, который стал одним из первых преподавателей греческого в Оксфорде¹⁵⁸. Халкокондил также давал уроки греческого дочери канцлера синьории Бартоломео Скалы – Алессандре. Она запомнилась гуманистам исполнением роли Электры в одноименной трагедии Софокла, поставленной на вилле её отца. Полициано услышал в её декламации природное и врожденное аттическое изящество¹⁵⁹.

В 1491 г. Халкокондил переехал в Милан по приглашению Лодовико Сфорцы и 6 ноября держал речь о похвале словесности, которая произвела благоприятное впечатление на аудиторию, состоявшую из придворных и ученых мужей¹⁶⁰. Последующая жизнь ученого вплоть до его кончины в 1511 г. была почти безраздельно связана с миланским гуманизмом¹⁶¹. Он вел два различных курса: один – публичный в придворной «академии», другой – частный для избранных и более взрослых учеников. Среди знатных персон его занятия посещали Джан-Джорджо Триссино, Бальдассаре Кастильоне, Лилио Грегорио Джиральди, Бенедетто Джовио (старший брат историка Паоло Джовио), Джованни Мария Каттанео, Чиприано Сениле д'Анкона, Стефано Негро ди Казальмаджоре, а также Иоганн Рейхлин, который последовал за учителем из Флоренции.

*Илл. 19. Портрет Димитрия Халкокондила.
Художник Кристофано дель Альтиссимо.
Флоренция. Галерея Уффици. «Серия Джовиана».*

При выборе сочинений и авторов, по которым читались лекции, Халкокондил был вынужден учитывать пожелания влиятельных студентов. В одном из писем Чиприано Сениле к Триссино сообщалось, что учитель уступил просьбам некоего Фабио и выбрал в качестве темы публичных занятий гомеровские «Гимны». Исходившее от Триссино предложение разобрать «Илиаду» было, очевидно, отвергнуто Халкокондилом, также как и компромиссный план Сениле рассмотреть Орфея и Аполлония. Впрочем на частных уроках он пообещал во всем руководствоваться мнением Триссино¹⁶². Несомненно, что Гомер входил в число излюбленных авторов Халкокондила. Педагогическая деятельность его сыновей – Теофила и Василия была также связана с древним поэтом. Согласно Джовио, Теофил какое-то время преподавал Гомера в Павии, но трагически погиб незадолго до смерти отца¹⁶³. Василий Халкокондил (1490-1516) благодаря протекции его учителя Иоанна Ласкариса и папы Льва X (оба бывшие ученики Димитрия) с 1514 г. получил место преподавателя в двух римских учебных заведениях – в Сапиенце (*Studium Urbis*) с внушительным жалованием в 300 флоринов и греческой гимназии (*Gymnasium Mediceum*). В Риме он читал лекции по «Одиссее», как следует из его записей, содержащих аннотации на эту поэму по-гречески и по-латински (*Ambrog. D120 sup*). Проанализировав их содержание, Луиджи Сильвано пришел к выводу, что Василий делал акцент на повествовании, избегая лексикографических отступлений, грамматических деталей и текстуального анализа¹⁶⁴. Другим достижением рано умершего гуманиста стал латинский перевод двух книг «Римской истории» Аппиана, который он посвятил Льву X¹⁶⁵.

Во второй половине XV – начале XVI в. греческая словесность преподавалась уже во многих местах Италии и за её пределами¹⁶⁶. Византийские ученые сыграли немалую роль в расширении географии греческих штудий, поэтому далее мы кратко остановимся на биографиях некоторых из них.

Андроник Каллист (нач. XV в. – между 1476 и 1487), родом из Константинополя, предположительно, был тем «*gresco dottissimo*», который, по свидетельству Веспасиано да Бистиччи, преподавал греческих авторов в падуанском доме Паллы Строцци между 1441 и 1444 гг. Его коллегой был Иоанн Аргиропул, разбиравший с Паллой труды Аристотеля по натуральной философии¹⁶⁷. Около 1453-1455 гг. Каллист находился в Болонье, куда, по всей видимости, устремился ради знакомства с Виссарионом и благодаря протекции Михаила Апостолия вошел в его окружение¹⁶⁸. Кардинал прибыл в город в качестве папского легата и в течение пяти лет (1450-1455) приводил в порядок местные дела. Одним из его мероприятий было возрождение пришедшего в упадок Болонского университета. Он позаботился о перестройке здания, пересмотрел устав, приглашал профессоров и поддерживал необеспеченных студентов¹⁶⁹. В 1458-1459 учебном году Каллист уже преподавал в Болонском университете греческую словесность, сменив ученика Феодора Газы – Лианоро Лианори. Затем в течение трех лет (1459-1462) он проживал в Падуе, но после смерти Паллы Строцци вновь избрал местом жительства Болонью. Каллист был принят в университет, где в течение четырех учебных лет (1462-1466) вел занятия сначала по греческой словесности, а затем и по моральной философии¹⁷⁰. На основании двух писем Каллиста к Димитрию Халкокондиду, в которых он обсуждал свою учебную программу¹⁷¹, Н.Г. Уилсон предположил, что преподаватель мог разделить студентов на три класса в зависимости от их уровня: с одними он изучал азы греческого по грамматике Газы, с более подготовленными проходил письма псевдо-Фалариса, а с опытными учениками разбирал поэзию Пиндара. В качестве преподавателя моральной философии он читал на латыни лекции по «Политике» и «Экономике» Аристотеля. Кроме того, им были рассмотрены «Идиллии» Феокрита, который был ещё слабо известен на Западе¹⁷². В 1466 г. Каллист переехал

в Рим, где вошел в ученое окружение Виссариона и по его поручению занимался копированием рукописей. Через пять лет он занял должность преподавателя во Флоренции (1471-1475), однако неудовлетворенность материальным положением побудила его переехать в Милан, где ему пришлось продать большую часть своей библиотеки¹⁷³. Оттуда он направился во Францию и не позднее марта 1476 г. достиг Лондона, как следует из его письма к Георгию Палеологу Дисипату, советнику Людовика XI¹⁷⁴. В недатированном письме к Хуану Пардо Константин Ласкарис сообщает, что Каллист, лишенный друзей, умер на Британских островах. Его упоминание о бедственном положении Аргиропула, «ежедневно распродающего в Риме свои книги», означает, что письмо было написано не позднее (или ненамного позднее) смерти последнего 26 июня 1487 г.

Константин Ласкарис (1433/1434-1501), учившийся в Константинополе у Аргиропула, пережил турецкую осаду византийской столицы в 1453 г. и последующее пленение. На пути в Италию он сделал, по крайней мере, три остановки – город Феры (Велестино) в Фессалии, Родос и Крит. С 1458 по 1465 гг. Ласкарис преподавал греческий в Милане. В течение пяти лет он давал частные уроки местным аристократам, пока в 1463 г. большая группа гуманистов во главе с Пьером Кандидо Де-чембрио не добилаась от герцога его утверждения на должность преподавателя греческой словесности (*publicus graecorum*). Это назначение означало поражение Филельфо, который ходатайствовал за другого грека – Димитрия Кастреноса¹⁷⁵. Н.Г. Уилсон полагает, что на занятиях он разбирал с учениками позднеантичную поэму «Орфическая Аргонавтика», к которой написал краткое введение¹⁷⁶. В июне 1465 г. Ласкарис проживал в Неаполе, где по воле короля Фердинанда I Арагонского был назначен профессором риторики. Здесь его учеником стал испанский поэт и философ Хуан Пардо. Через год по не вполне понятным причинам Ласкарис оставил

Неаполь и в 1466 г. приехал в Мессину, чтобы оттуда вернуться в Грецию. Однако по настоянию влиятельных граждан и, в частности, гуманиста Лудовико Саккано он остался в Мессине¹⁷⁷, где жил вплоть до своей смерти в 1501 г. (за исключением двух поездок в Неаполь в 1477-1478 гг. и в 1481 г.). Мессина являлась последним центром Сицилии, где сохранялось преподавание греческого. Ещё в 1404 г. по инициативе мессинского Сената в василианском монастыре Сан Сальваторе была учреждена кафедра греческой словесности. С 1464 г. там преподавал Андроник Галесиот. После его кончины в 1467 г. кардинал Виссарион, в то время архимандрит монастыря Сан Сальваторе, назначил Ласкариса на кафедру, которая субсидировалась восемнадцатью василианскими обителями. Он занимал её с 1468 г. и, по меньшей мере, до 1481 г., обучая греческому и латыни. Преодолев трудности первых лет жизни в Мессине, связанные с поздними выплатами монахов-василиан и отсутствием у них интереса к его занятиям, Ласкарис постепенно интегрировался в местную среду. Он установил хорошие отношения с наместниками Сицилии Якобо Хименесом Муриэлем и Фернандо де Акуньей, а также с рядом влиятельных церковных деятелей острова. Среди учившихся у Ласкариса в Мессине гуманистов известны Урбано Больцанио, Франческо Фараоне, Франческо Джаннелли, Антонио Мауролико, Николо Валла, Лучио Маринео, Бернардино Риччо, Кристоаль Эскобар, Джорджо Валла из Пьяченцы, ранее учившийся у Ласкариса в Милане и продолжавший с ним общение в течение всей жизни, а также венецианские патриции Пьетро Бембо и Анджело Габриэли, которые посещали занятия византийского наставника во время своего пребывания в Мессине в 1492-1494 гг.¹⁷⁸

Обращаясь к судьбе школы, созданной в 1404 г. при монастыре Сан Сальваторе, следует отметить, что в 1421 г. её попытался восстановить король Альфонсо V Арагонский, однако настоящее возрождение школы началось с 1461 г., когда

она была снова открыта папой Пием II по просьбе Сената Мессины с назначением годового жалования учителю в 80 золотых¹⁷⁹. С 1464 по 1467 г. кафедрю занимал упомянутый выше византиец Андроник Галесиот¹⁸⁰. Он был братом Георгия Галесиота, великого скевофилакса и друга патриарха Геннадия II Схолария. Андроник покинул Константинополь и отправился в Италию, где, возможно, вошел в окружение кардинала Исидора¹⁸¹. Утверждение Галесиота на кафедре греческой словесности не могло состояться без протекции Виссариона. Помимо преподавательской работы, он занимался копированием рукописей. Кодекс *Matritensis* BN 4854, переписанный им ещё до приезда в Мессину, содержит грамматику Георгия Куртесия (будущего патриарха Геннадия II Схолария), на которую, по наблюдению Феликса Пинеро, Галесиот, вероятно, опирался при проведении уроков по греческому языку¹⁸². Другие переписанные Андроником тексты также могли использоваться им на занятиях – это «Илиада» Гомера (*Matritensis* BN 4560, ff. 1-171v) и «Труды и дни» Гесиода (BN 4642, ff. 1-53v)¹⁸³.

Димитрий Кастренос (ум. после 1491), происходивший из Константинополя, вступил в переписку с Филельфо и был приглашен им в Милан уже в первом ответном письме от 21 января 1458 г. Хотя ранее они не были знакомы, Филельфо предложил Кастреносу свою дружбу и обещал похлопотать за него перед герцогом¹⁸⁴. 1 марта 1458 г. он вновь повторил свое приглашение и просил его поторопиться с приездом или передать ему письмо через Лудовико Казеллу, доверенное лицо феррарского правителя Борсо д'Эсте, с изложением своих намерений¹⁸⁵. На этом основании можно предположить, что перед приездом в Милан Кастренос находился в Ферраре, где, согласно Константину Ласкарису, обучал греческой словесности¹⁸⁶. В Милане Кастренос, по всей видимости, преподавал частным порядком, но в результате ходатайства Филельфо Франческо I Сфорца назначил его вести публичные занятия по греческой словесности. В герцогском указе от 9 октября

1462 г. упоминалось, что Кастренос принадлежал к знатной семье и приобрел широкие познания как в греческом, так и в латыни¹⁸⁷. Преподавание Кастреноса в придворной «академии» было недолгим. 24 июля 1463 г. противники Филельфо добились от герцога назначения на эту должность Константина Ласкариса¹⁸⁸. Вполне возможно, что Сфорца сумел найти некий компромиссный вариант, так как Кастренос оставался в Милане, по крайней мере, до 1466 г. и, судя по имеющимся источникам, оставил город уже после смерти герцога. В письме к Виссариону от 1 декабря 1466 г. Филельфо рекомендовал ему своего византийского друга, который ранее уже написал кардиналу и ждал от него ответа¹⁸⁹. 1 января 1469 г. Филельфо обратился к юрисконсульту Франческо Аккольти, чтобы устроить Кастреноса преподавателем греческой словесности в Сиене¹⁹⁰, но в письме от 1 мая 1469 г. сообщил византийцу, что из Сиены новостей нет, так как его друг ещё не ответил¹⁹¹. В марте 1469 г. Кастренос находился в Пизе, где остановился у Бонаккорсо, будущего миланского издателя¹⁹². В мае он был уже в Урбино при дворе герцога Федерико да Монтефельтро и оставался там, по крайней мере, до октября 1470 г.¹⁹³ Из писем Филельфо следует, что в этот период Кастренос вполне довольствовался своим положением: он был приближен к герцогу, поддерживал общение с его племянником Оттавиано Убальдини делла Карда и «проводил время в окружении граций и муз». В марте 1473 г. Кастренос находился в Милане, как следует из его письма, отправленного в Рим некоему греку, в котором он сокрушался по поводу кончины Виссариона¹⁹⁴. О его дальнейшей судьбе известно немного. В упомянутом письме к Хуану Пардо Константин Ласкарис сообщает, что «Димитрий был вынужден вернуться на родину, где служит варварам»¹⁹⁵. Из этого следует, что отъезд Кастреноса из Италии состоялся не позднее 1487 г. Последнее упоминание о нем принадлежит Иоанну Ласкарису, который встретил ученого в Константинополе в 1491 г.¹⁹⁶ Надо сказать, что на фоне успехов

других греческих интеллектуалов карьера Кастреноса выглядит вполне заурядно, тем не менее он смог привлечь на себя внимание нескольких видных представителей итальянского гуманизма и был отмечен среди тех византийцев, которые насаждали на Западе греческую словесность¹⁹⁷.

Благодаря краткому свидетельству Константина Ласкариса известно, что в Венеции некоторое время учил византийский аристократ Франкулий Сервопул (*Franculius Servopulus*)¹⁹⁸, который в официальных документах именуется благородным человеком из Константинополя (*miles Constantinopolitanus, nobilis Constantinopolitanus*). В 40-е годы XV в. Сервопул был нотариусом-переводчиком канцелярии венецианского баило в столице империи: он знал латинский язык и, по всей видимости, имел деловые связи в Венеции¹⁹⁹. Ему удалось сделать карьеру при двух последних императорах, как известно из письма деспота Димитрия Палеолога к французскому королю Карлу VII от 12 декабря 1455 г.: «Рассудилось мне отправить послом к Вашему высочеству знатного мужа нашего Франкулия Сервопула, подателя сего послания, некогда секретаря (*Cancellarius*) моих братьев императоров (т.е. Иоанна VIII и Константина XI) и вселенского судьи ромеев (*Romeogum Judex generalis*)²⁰⁰. Отсюда следует, что ранее он занимал высокие должности в византийском государственном аппарате – генерального секретаря императора (*καθολικός секретάριος του βασιλέως*) и вселенского судьи в Константинополе (*καθολικός κριτής των Ρωμαίων*)²⁰¹. После падения столицы он перебрался в Морею ко двору Димитрия Палеолога, который отправил его с дипломатической миссией на Запад. В письме к Франческо Сфорца от 23 февраля 1456 г. папа Каллист III сообщал о приезде «возлюбленного сына» Франкулия Сервопула²⁰². Понтифик задержал его в Риме на несколько месяцев, чтобы тот увидел все приготовления к походу против турок и смог утешить этим своего господина. Папа характеризовал посла

как католика, человека знатного, честного, благоразумного, почитаемого им за исключительные достоинства и ученость, высокообразованного в области греческой и латинской словесности. Поскольку Сервопул собирался ехать в Милан, Каллист III просил Франческо оказать ему содействие²⁰³. Далее его путь лежал во Францию, где он должен был вести переговоры с королем относительно турецкой угрозы. В 1459 г. в виду предстоящего Мантуанского собора, созываемого с целью организации крестового похода, Сервопул был направлен папой Пием II в Англию. В марте он был принят королем Генрихом VI в Вестминстере, где держал речь об объединении христиан против неверных²⁰⁴. В 1472-1474 гг., как представитель Анны Нотары, Сервопул принимал участие в переговорах с властями Сиены о предоставлении земли для греческой колонии. К этому времени он, кажется, обосновался в Венеции, где и давал уроки местным аристократам.

Иоанн (Ян) Ласкарис (ок. 1445-1535), родившийся в Константинополе, происходил из того же благородного рода, что и правители Никейской империи. Время его приезда в Италию точно не установлено, но известно, что он был учеником Дмитрия Халкокондила в Падуе. Позднее Ласкарис перебрался во Флоренцию под покровительство Лоренцо де Медичи. По поручению последнего он совершил два путешествия на Восток в 1490 и 1491-1492 гг. с официальной целью разыскания греческих манускриптов и неофициальной сбора информации о турках. После возвращения Ласкарис занял кафедру греческой словесности и занимался изданием греческой классики. С 1495 г. он находился на службе у французских королей и использовал свое положение при дворе для пропаганды идеи крестовых походов против османов. В Париже и Блуа Ласкарис вошел в круг местных интеллектуалов – Гийома Бюде и Клода де Сейсселя. В 1504-1509 гг. он сочетал свои обязанности посла Франции в Венеции с учеными занятиями

и активно сотрудничал с «Новой академией» Альда Мануция. С 1510 г. Ласкарис ездил в Милан, во Францию и в Рим по различным делам и дипломатическим поручениям. В 1513 г. папа Лев X вернулся к проекту учреждения греческой гимназии (*Gymnasium Medicicum, Gymnasium Caballini Montis*), которую его отец Лоренцо Великолепный предполагал открыть во Флоренции незадолго до своей смерти. С этой целью Лев X поручил Марку Музуросу привести в Рим десять-двенадцать талантливых мальчиков-греков²⁰⁵. Фактическим главой школы стал Ласкарис. Учебное заведение располагалось на холме Квиринал (*monte Cavallo*) и существовало в течение нескольких лет примерно с 1514 г. Первоначально начинанию сопутствовал успех. Греческой словесности в гимназии учили Ласкарис, Музурос и, по всей видимости, Василий Халкокондил, латинской – Бенедетто Лампридио да Кремона²⁰⁶. В доме апостольского секретаря Анджело Колоччи работала типография, ориентированная на печать греческих текстов. В число учеников гимназии входили греки Матфей Деварис, Христофор Кондолеон, Николай Софианос и Константин Раллис, французские гуманисты Лазар де Бёф и Кристоф де Лонгёй. После кончины Музуроса в 1517 г. и отъезда Ласкариса из Рима во Францию в 1518 г. школу в течение непродолжительного времени возглавлял Арсений Апостолий. Последние упоминания о её деятельности относятся к 1519 г.²⁰⁷ Надо полагать, что со смертью Льва X 1 декабря 1521 г. финансирование учебного заведения прекратилось и оно было окончательно закрыто²⁰⁸.

Позднее Ласкарис оказался связан ещё с двумя проектами греческих коллегий. Король Франциск I поручил ему создать школу для молодых греков в Милане, для чего ассигновал десять тысяч ливров на необходимые расходы и ещё две тысячи ливров в год на содержание двенадцати студентов и двух преподавателей: одного для греческого, другого для латыни. Весной 1520 г. Ласкарис арендовал в Милане помещение, после чего отбыл в Венецию для поиска учеников. На должность преподавателя греческого языка Ласкарис пригласил своего

Илл. 20. Фрагмент рисунка гобелена Сикстинской капеллы «Проповедь св. Павла в Афинах» (1515) работы Рафаэля Санти (1483-1520). Лондон. Музей Виктории и Альберта.

Согласно идентификации Джона Шермана, левее фигуры апостола Павла изображены Иоанн Ласкарис (высокий мужчина с темной бородой в красной накидке и со сложенными на посохе руками) и папа Лев X (полный невысокий человек с выбритым лицом в алом камауро и зеленой накидке): *Shearman J. Raphael's Cartoons in the Collection of Her Majesty the Queen, and the Tapestries for the Sistine Chapel. London, 1972. P. 61.*

родственника Антония Эпарха, уроженца Корфу. Впрочем, замыслу не удалось осуществиться. Когда в 1521 г. французы были изгнаны из Милана, Франциск I приостановил финансирование Ласкариса и в итоге миланская коллегия прекратила свое формальное существование к 1522 г.²⁰⁹ Несколько лет спустя король вновь вернулся к идее организации подобного учебного заведения, но уже в Париже и для французских студентов. Реализация замысла была поручена Ласкарису, но по неизвестным причинам так и не состоялась²¹⁰.

Непродолжительное время ещё одна греческая коллегия существовала во Флоренции под покровительством Льва X. В предисловии к печатному выпуску комедий Аристофана (февраль 1525 г.) Антонио Франкини сообщает о помощи, которую оказал Арсений Критянин (Апостолий) в подготовке издания, «пока во Флоренции он наставлял тех юношей, которых великий понтифик Лев призвал из центральной Греции, чтобы возродить греческий язык»²¹¹. В письме к Апостолию от сентября 1521 г. Антоний Эпарх отметил, что школа, которой руководил Арсений, была создана во Флоренции Иоанном Ласкарисом²¹². История этой коллегии, по всей видимости, была ещё более короткой чем римской. Лишившись поддержки при новом папе, она в скором времени закрылась²¹³.

Марк Музурос (1470/1475-1517), происходивший из Кандии на Крите, предположительно, учился у Аристобула (Арсения) Апостолия вместе с Иоанном Григоропулом. Весной 1492 г. состоялось его знакомство с Иоанном Ласкарисом, который, возвращаясь с греческого Востока, посетил Крит. Вместе с Ласкарисом он приехал во Флоренцию, где, кажется, посещал его занятия²¹⁴ и копировал манускрипты²¹⁵. В 1495-1499 гг. Музурос находился в Венеции. К этому времени относится начало его плодотворного сотрудничества с типографией Альда Мануция в качестве редактора и корректора греческих изданий. Более двух лет (1500-1502) Музурос выполнял обязанности наставника Альберто Пио, правителя

Карпи, сменив в этой должности самого Альда. Он ежедневно давал уроки по греческим авторам, а свободное время посвящал ученым занятиям, включая чтение книг из богатой княжеской библиотеки, которой заведовал²¹⁶. В 1503 г. власти Венеции поручили Музуросу цензурирование греческих книг, отпечатанных на венецианских территориях, а 22 июля временно передали ему кафедру греческой словесности в Падуанском университете, чтобы заменить Лоренцо Камерти, направленного с дипломатической миссией в Португалию. После смерти последнего в 1505 г. Музурос занял должность уже на постоянной основе. Назначенное ему годовое жалование было довольно скромным – 100 флоринов в начале преподавания и 140 флоринов с 1508 г. Занятия по греческой грамматике Музурос проводил утром, а во второй половине дня разбирал с учениками греческих поэтов. Интересная информация содержится в одном из писем Эразма: «В Падуе, - писал гуманист, - я не видел ни одной знаменитости (здесь я упоминаю только покойных), за исключением Раффаэле Реджо (Regius), человека очень почтенного возраста, но молодого и свежего в старости. Как я полагаю, ему тогда было не менее семидесяти лет, но даже суровая зима не помешала ему приходиться в семь часов утра на лекции Марка Музуроса, который преподавал публично в течение всего года, прервавшись от силы дня на четыре. Молодые люди не могли вынести зимнего холода, но ни смущение, ни зима не изгоняли этого старика из аудитории»²¹⁷. Что касается самого Эразма, то он лично познакомился с греческим ученым во время своего визита в Падуу. В том же письме содержится любопытное описание одной из его встреч с Музуросом: «Однажды я собирался отобедать у него дома, и там был его старенький отец, который знал только греческий и ничего более. Когда настало время умыться перед трапезой руки и, как обычно, один уступал другому, я, чтобы закончить эту бесполезную трату времени, схватил руку его отца и сказал: “ἡμεῖς δύο γέροντες” (“мы два старика”). Очень развеселившись (в то я все-таки время был ненамного старше

Музуро́са), старик вымыл со мной руки. Музуро́с же, обняв Захария [Каллиерги], молодого и весьма ученого человека, произнес: “καὶ ἡμεῖς δύο νέοι” (“и мы два юноши”). Эпистолярный Эразм не дает оснований полагать, что гуманист посещал занятия греческого профессора, однако, как свидетельствовал Беат Ренан, он не раз интересовался мнением Музуро́са и Картеромаха относительно непонятных мест в греческих рукописях²¹⁸.

В Падуе Музуро́с читал и комментировал прежде всего произведения классической литературы, в том числе «Греческую Антологию», и, вероятно, сочинения Отцов Церкви (Василия Великого, Григория Богослова), но не углублялся в изложение философии. По словам Альда, всего за нескольких лет обучения у Музуро́са многие становились искусными в греческом языке²¹⁹. Среди его знаменитых учеников – итальянцы Ладзаро Бонамико и Джироламо Алеандро (в дальнейшем известные эллинисты), Маффео Леони, Филиппо Пандольфини, Андреа Наваджеро, Никколо Либурнио, Джироламо Борджа, Гаспаро Контарини, француз Жермен де Бри и немецкий доминиканец Иоганн Куно, который позднее преподавал греческий в Базеле. Кроме того, в Падуе Куно слушал лекции Иоанна Григоропула по «Облакам» Аристофана²²⁰. Поскольку Григоропул не значится в списках преподавателей университета, А. Олерофф предположил, что он временно заменял Музуро́са, своего друга и соотечественника²²¹. Следует также отметить, что, наряду с преподаванием в студийуме, Музуро́с продолжал сотрудничество с Альдом.

Весной 1509 г. в результате продвижения войск Камбрейской лиги вглубь венецианских территорий Падуя стала небезопасным местом для ученых занятий. К июню Музуро́с перебрался в Венецию, причем в 1510 г. власти республики возложили на него обязанности переводчика официальных документов. В начале 1512 г. он был назначен на должность профессора греческой словесности в школе св. Марка. Со-

гласно постановлению Сената от 23 января 1512 г., ему назначалось содержание в 150 дукатов. Музурос должен был арендовать дом недалеко от площади св. Марка, читать публичные лекции в предназначенных для этого общественных местах молодым юношам из Канцелярии, повторять с ними пройденный материал и экзаменовать²²². Хотя преподавание языка в первую очередь преследовало цель профессиональной подготовки должностных лиц, Музурос, очевидно, смотрел на свой предмет гораздо шире: он разбирал с учениками Плутарха и комментарии Евстафия Солунского на «Одиссею» Гомера. О его ученых заслугах Альд написал следующие строки: «В настоящее время Венеция поистине может называться вторыми Афинами из-за греческой словесности, изучающие которую отовсюду стекаются к Марку Музуросу, образованнейшему человеку этой эпохи»²²³. В этот период его наиболее известными учениками были венецианские эллинисты Пьетро Альчонио и Витторе Фаусто, чех Сигизмунд Гелений и венгр Ян Вертеши. В 1513 г. Музурос возобновил работу с Альдом, который вернулся в Венецию после трехлетнего отсутствия. Наконец, к 1516 г. греческий ученый перебрался в Рим, чтобы вести занятия в гимназии Льва Х. При этом он, как кажется, не отказывался от места учителя в школе св. Марка. Новое назначение на эту должность состоялось только год спустя после смерти Музуроса, когда власти Венеции поддержали кандидатуру Витторе Фаусто²²⁴. Эразм высоко оценивал образованность Музуроса: «грек по происхождению, а именно критянин, он был на диво ученым человеком в области латинского языка – уровень едва ли достигнутый кем-либо из греков, кроме Феодора Газы и живущего ныне Иоанна Ласкариса. Наконец, он не только питал огромное влечение ко всей философии, но и был рожден для высоких дел, если бы тому не помешала смерть»²²⁵.

Следует сказать, что знание греческого языка не выходило за пределы элитарной культуры и было достоянием сравнительно небольшого круга ученых и гуманистов. Характерная

черта преподавания греческой словесности на Западе состояла в том, что обучение языку шло с использованием латыни, уверенное владение которой было необходимо как учителю, так и его ученику. С критикой этого метода выступил Михаил Апостолий (1420/1422-1478) в речи «Увещание из Гортины в италийский Рим»²²⁶. После захвата Константинополя и освобождения из турецкого плена, Апостолий осел на венецианском Крите и в качестве агента Виссариона занимался поиском и копированием манускриптов. На острове он нашел учеников, в числе которых были критские греки Эммануил Адрамиттенос и Лаоник (последний сыграл заметную роль в развитии ранней греческой печати), а также его сын Аристокбул Апостолий²²⁷. Стремление Михаила обеспечить себе место преподавателя греческой словесности за пределами Крита побудило его обратиться к «итальянцам и западным людям» с предложением своих услуг. Прежде всего он заметил: «если бы вы захотели обучать ваших детей нашему языку точно так же, как учите их вашему [латинскому] – сперва букве и слогу, потом слову, речи и её идее в соответствии с достигнутым уровнем и на основе грамотного подхода, но не посредством эпидейктических речей и декламаций, то стали бы столь же искусными в греческом языке, как в вашем собственном».

Апостолий считал неверным тот подход к обучению, которого придерживались приехавшие на Запад греки, поскольку они преподавали обе словесности на латинском языке, в то время как «естественный способ обучения латинской словесности – это латынь, а эллинской – греческий». Прежний метод, пишет он далее, показал свою неэффективность. Сколько времени прошло с тех пор, как латиняне стали изучать греческий язык, но среди них нет, не было и не будет ни одного знающего правила грамматики и этимологии или умеющего составлять речь без ошибок или хорошо излагать и объяснять другим то, чему сам был научен. И все из-за того, что латиняне не обучаются греческому по-гречески²²⁸.

Излишнюю категоричность Апостолия, с которой он говорит о достижениях своих коллег, можно объяснить стоящей перед ним целью – обрести на Западе собственных учеников и открыть школу (μουσεῖον) в Италии. Подвергнув критике один метод обучения, он должен был предложить другой, и, надо отметить, что его идеи выглядят достаточно передовыми и оригинальными для XV века. Метод Апостолия предполагал обучение детей в возрасте пяти-десяти лет путем «погружения» в язык. Использование латыни допускалось им на начальном этапе для объяснения алфавита и основ грамматики, но по мере усвоения материала она должна была уступить место греческому. Ученикам следовало проводить с учителем весь день за исключением времени обеда, а также иметь при себе рекомендованные им книги. Он обещал, что не будет возвышаться над классом на высоком учительском кресле, но сядет на одном уровне с детьми и не станет повышать на них голос – именно так он делал в Константинополе и на Крите и тем привлек к себе гораздо больше учеников из числа греков и латинян, чем другие учителя.

Тем не менее, подход, предложенный Апостолием, остался вне поле зрения гуманистов и не оказал влияния на методiku преподавания греческого языка на Западе. Основная проблема заключалась в том, что его идею было сложно воплотить на практике. Программа Апостолия предусматривала обучение мальчиков не только письменной, но и устной речи. По сути, он хотел создать в Италии византийскую школу и привить своим ученикам ту языковую культуру, которая ориентировалась на классические нормы и модели. В то же время сами гуманисты не рассматривали аттический язык как средство коммуникации, и выдающиеся исключения, такие как Филельфо или Лианоро Лианори, которые переписывались по-гречески с другими итальянскими эллинистами, лишь подтверждают правило. В греческом языке видели не альтернативу латыни, а ключ к пониманию произведений высокой классики и сочинений Отцов Церкви. В этом отношении показательны

слова Баттисты Гварини: «Разумеется, я не забыл, что Квинтилиан предлагает начинать обучение с греческого языка, что кажется мне более трудным по следующей причине: этот язык для нас неродной, поэтому, если некое начало не будет сперва заложено в детях на латыни, то я не знаю, каким образом им удастся его изучить. Как следствие, я убеждаю себя, что Квинтилиан предложил это потому, что в его время все владели латинским языком и не было надобности прилагать такие усилия к его изучению»²²⁹.

---

¹ *Μιχαήλ Ακομινάτου του Χωνιάτου Τα Σωζόμενα* / Ed. Σ.Π. Λάμπρος. Εν Αθήναις, 1880. Τ. Π. Σ. 296.

² *Corpus Iuris Canonici* / Ed. E. Friedberg. Graz, 1959. Pars II. Col. 1179.

³ *Weiss R.* England and the decree of the Council of Vienne on the teaching of Greek, Arabic, Hebrew and Syriac // *Medieval and Humanist Greek*. Padova, 1977. P. 68-79. Также: *Hankins J.* Humanism and Platonism. Vol. 1. P. 277.

⁴ Одним из немногих грамматистов XIII в., знавших латынь и способных преподавать греческий язык на Западе, был Николай Грек из Сицилии. Он принадлежал к ученому окружению английского богослова и философа Роберта Гроссетеста, по приглашению которого приехал в Оксфорд (1237). Николай помогал своему патрону в работе над переводом апокрифа “Заветы XII патриархов”, а после его смерти перевел псевдо-аристотелевскую работу “De mundo” (около 1270): *Berschin W.* Greek letters and the Latin Middle Ages: from Jerome to Nicholas of Cusa. Washington, 1988. P. 252.

⁵ *Bacon R.* Opera quaedam hactenus inedita. Vol. I. P. 33-34. Также: *Ciccollella F.* The Greek Donatus and the Study of Greek in the Renaissance // *International Journal of the Classical Tradition*. 2005. Vol. 12. No. 1. P. 2.

⁶ *The Greek Grammar of Roger Bacon and a Fragment of his Hebrew Grammar* / Ed. E. Nolan, S.A. Hirsch. Cambridge, 1902. Греческая грамматика Джона Бейзинстокского (John of Basingstoke, †1252), архидиакона Лестера, не сохранилась. Упоминание о ней содержится в “Великой хронике” (*Chronica maiora*) Матвея Парижского: “Вышеупомянутый магистр Иоанн перевел с греческого на латынь некую книгу, в которой искусно и сжато заключается вся сущность грамматики. Тот же мастер назвал её Donatus Graecorum”. Хронист рассказывает, что Джон Бейзинстокский учился в Афинах, где узнал от ученых греков о неких неизвестных латинянам книгах. Среди

них он обнаружил “Заветы XII патриархов”, о чем потом поведал Гроссетесту. Последний отправил за этим текстом в Грецию и, получив апокриф, перевел с греческого на латынь. В Афинах учительницей Джона Бейзингхемского была 19-летняя Константина, дочь местного архиепископа [Михаила Хониата], “наделенная добродетелями, которая познала всю сложность тривия и квадривия”. По словам Матвея Парижского, эта девушка, “предсказывая эпидемии, грозы, затмение и, что более удивительно, землетрясение, безошибочно защитила всех своих учеников”: *Matthew Paris. Chronica Majora* / Ed. H.R. Luard. Cambridge, 2012. Vol. V. P. 284-287. Также: *Ciccolella F. Donati Graeci*. P. 152-153.

⁷ *The Greek Grammar of Roger Bacon*. P. 27.

⁸ *Ibid.* P. 146-147.

⁹ *The Greek Grammar of Roger Bacon*. P. LXI-LXII, LXXIV, 174; *Ciccolella F. Donati Graeci*. P. 96.

¹⁰ *Ciccolella F. Donati Graeci*. P. 95-96. Также: *The Greek Grammar of Roger Bacon*. P. LXII-LXIII.

¹¹ *Ciccolella F. Donati Graeci*. P. 87 not. 38, 129, 254; *Korhonen K. On the Composition of the Hermeneumata Language Manuals* // *Arctos*. 1996. Vol. 30. P. 101-119; *Карначёв А.Е. Двухязычные памятники средневековой греко-латинской образованности в собраниях Петербурга и Москвы. Дисс... канд. ист. наук. СПб, 2017. Амброджо Траверсари писал Франческо Копполе, что изучал греческий самостоятельно с помощью Псалтири, Евангелий, посланий апостола Павла и “Деяний святых апостолов”, сопоставляя греческие тексты с латинскими: *Sabbadini R. Il metodo degli umanisti*. Firenze, 1922. P. 19.*

¹² См. раздел о Варлааме в кн.: *Исихазм: аннотированная библиография*. С. 357-362.

¹³ Письмо от 10 января 1354 г. (Fam. XVIII, 2): *Petrarchae F. Opera quae extant omnia*. 1554. P. 1102-1103. Русский перевод см: Петрарка Ф. Письма / Пер. в лат., комм. В.В. Библихина. СПб., 2004. С. 219-223; также: *Успенский Ф.И. Философское и богословское движение в XIV в. С. 56-57.*

¹⁴ *Pétrarque. Le Traite “De sui ipsius et multorum ignorantia”* / Ed. L.M. Capelli. Paris, 1906. P. 76.

¹⁵ *Petrarchae F. Opera quae extant omnia*. P. 390.

¹⁶ Петрарка познакомился с Николаем Сигеросом, послом и “великим переводчиком” (*magnus interpres*) императора Иоанна VI Кантакузина, в Вероне в январе 1348 г. и в конце 1353 или начале 1354 г. получил от него заветный кодекс Гомера (*Ambr. I 98 inf*): в то время он проживал в Милане при дворе Висконти: *Pertusi A. Leontio Pilato*. P. 3-8.

¹⁷ *Berschin W. Greek letters and the Latin Middle Ages*. P. 255, 268; *Weiss R. Per la storia degli studi greci del Petrarca: il “Triglossos”* // *Medieval and Humanist Greek*. P. 137-149.

¹⁸ Письмо Петрарки к Джованни Донди от 17 ноября 1370 г.: *Petrarchae F.*

- Opera quae extant omnia. P. 1009-1010; *Berté M., Rizzo S.* Le Senili mediche // Petrarca e la medicina: atti del convegno di Capo d'Orlando, 27-28 gennaio 2003 / a cura di M. Berté, V. Fera e T. Pesenti, Messina, 2006. P. 360-361. О восприятии греческого наследия Петраркой и Боккаччо см., в частности: *Lumtus D.* Boccaccio's Hellenism and the Foundations of Modernity // *Mediaevalia*. 2012. Vol. 33. P. 101-167; Petrarca e il mondo greco: Atti del Convegno Internazionale di Studi, Reggio Calabria, 26-30 Novembre 2001 / a cura di M. Feo, V. Fera, P. Megna, A. Rollo. Firenze, 2007 [=Quaderni petrarcheschi. Vol. XII-XIII].
- ¹⁹ *Boccaccio G.* Genealogia deorum gentilium / a cura di V. Romano. Bari, 1951. Vol. II. P. 761-762. Упомянутый Боккаччо труд Перуджино был утерян.
- ²⁰ *Boccaccio G.* Genealogia. Vol. II. P. 761.
- ²¹ *Ibid.* P. 523-524.
- ²² *Корелин М.С.* Ранний итальянский гуманизм. М., 1892. Вып. II. С. 998.
- ²³ *Boccaccio G.* Genealogia. Vol. II. P. 762: "Leontium Pylatum, Thessalonicensem virum et, ut ipse asserit, predicti Barlae auditorem, persepe deduco".
- ²⁴ Sen. III, 6; *Petrarchae F.* Opera quae extant omnia. P. 857. Также: Sen. V, 3: "De Leontio autem seu Leone olim nostro, qui Thesalus dici mavult quam Italicus..."
- ²⁵ *Pertusi A.* Leontio Pilato. P. 30-31.
- ²⁶ *Petrarchae F.* Opera quae extant omnia. P. 886.
- ²⁷ *Ibid.* P. 857, 886. Sen. III, 6; V, 3; VI, 1.
- ²⁸ В ряде мест Боккаччо отмечает, что сведения, которые он получил от Л. Пилата, тот узнал от своего наставника Варлаама: "Leontius vero dicebat se a Barlaam habuisse..." (*Boccaccio G.* Genealogia. Vol. II. P. 203); "Dicebat enim Leontius a Barlaam, Calabro preceptore suo, et ab aliis eruditis viris in talibus audisse sepius" (*Ibid.* P. 704).
- ²⁹ *Ibid.* P. 766.
- ³⁰ *Ibid.* P. 762.
- ³¹ *Ricci P.G.* La prima cattedra di greco in Firenze // *Rinascimento*. 1952. Vol. 3. P. 159-165.
- ³² "Magistro Leonpilato de Tesalia eletto ad docendam grammaticam grecam et licteras grecas": *Brucker G.A.* Florence and its University, 1348-1434 // *Action and Conviction in Early Modern Europe* / Ed. T.K. Rabb, J.E. Seigel. Princeton, 1969. P. 220-236: 231, not. 48; *Rollo A.* Leonzio lettore dell'Ecuba nella Firenze di Boccaccio. Firenze, 2007. [Quaderni Petrarcheschi XII-XIII (2002-2003) // Petrarca e il mondo greco. Vol. 2] P. 21.
- ³³ *Montesdeoca Medina J.M.* Los Islarios de la epoca del Humanismo: el *De insulis* de Domenico Silvestri. Edicion y traduccion. La Laguna, 2004. P. 510; *Rollo A.* Leonzio lettore dell'Ecuba. P. 26.
- ³⁴ *Rollo A.* Leonzio lettore dell'Ecuba; *Idem.* Maestri di greco nell'Umanesimo: libri e metodi // *Italia medioevale e umanistica*. 2016. Vol. 57. P. 165. См. также: *Falzone P.* Pilato, Leonzio // *DBI*. 2005. Vol. 64. P. 630-635.

³⁵ *Giannozzo Manetti*. Biographical Writings / Ed. St.U. Baldassarri, R. Bagemihl. Cambridge, London, 2003. P. 92.

³⁶ В числе учителей-греков, которые до приезда Хрисолора во Флоренцию эпизодически обучали греческому на Западе, следует назвать Симона Атуmano. Его учениками в Риме (1381-1383) были папский секретарь, флорентинец Франческо Бруни и голландский ученый Радульф де Риво (†1403): *Fedalto G.* Simone Atumano monaco di studio, arcivescovo latino di Tebe, secolo XIV. Brescia, 1968. P. 105; *Setton K.M.* The Papacy and the Levant (1204-1571): The fifteenth century. Philadelphia, 1976. Vol. I. P. 470-471.

³⁷ Ход переговоров с Хрисолором и обстоятельства его приглашения в *studium* известны достаточно хорошо. Официальные документы: *Garin E.* Il pensiero pedagogico dell' Umanesimo. Firenze, 1958. P. 112-117. На русском см.: *Соловьев С.В.* Материалы о приглашении Мануила Хрисолора во Флоренцию для преподавания греческого языка // Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII веков / Под ред. Н.В. Ревякиной и др. Иваново, 1995. С. 136-141; *Хартман Г.М.* Значение греческой культуры. С. 104-105. Также: *Пиуизова С.Н.* Флорентийский университет и развитие гуманизма в XIV – XV вв. // СВ. 1993. Вып. 56 (1-2). С. 159-161.

³⁸ *Garin E.* Il pensiero pedagogico. P. 112-113. Перевод: *Соловьев С.В.* Материалы. С. 137-138.

³⁹ *Thomson J.* Manuel Chrysoloras and the Early Italian Renaissance. P. 76-80.

⁴⁰ *Garin E.* Il pensiero pedagogico. P. 115.

⁴¹ См., напр.: *Hankins J.* Plato in Italian Renaissance. Vol. 1. P. 5; *Idem.* and Platonism in the Italian Renaissance. Vol. 1. P. 279; *Mack Ch.R.* Looking at the Renaissance: Essays Toward a Contextual Appreciation. Ann Arbor, 2005. P. 76; *Sandys J.E.* A history of classical scholarship, from the sixth century B.C. to the end of the middle ages. Cambridge, 1903. Vol. I. P. 137. Ср. также: *Куц Т.В.* У истоков studia graecorum на Западе: византийский вклад. С. 485; *Медведев И.П.* Константинополь в сравнении с Римом: взгляд Мануила Хрисолоры. С. 316.

⁴² *Пашкин Н.Г.* Византия в европейской политике первой половины XV в. С. 60.

⁴³ *Leonardi Aretini* Rerum suo tempore in Italia gestarum commentarius. P. 14-16; *Leonardo Bruni.* History of the Florentine People. Vol. 3. Memoirs. P. 320-322. Флорентийское окружение Хрисолора составляли и другие гуманисты: не всегда уловима та грань, которая отделяла его друзей от учеников – в их числе сам Колюччо Салютати, Никколо Никколи и, возможно, Антонио Корбинелли.

⁴⁴ *Epistolario di Coluccio Salutati* / a cura di F. Novati. Roma, 1911. Vol. IV (2). P. 333-344.

⁴⁵ О методе см.: *Ciccolella F.* Donati Graeci: Learning Greek in the Renaissance. Leiden-Boston, 2008. P. 113-118; *Geanakoplos D.J.* Constantinople and the

West. P. 77; *Robins R.H.* The Byzantine Grammarians: Their Place in History. Berlin-New York, 1993: *Ch. 7: Epimerismoι and Schedographia*: teachings methods. P. 125-148 (там же приведены примеры отдельных *sched*: p. 130 sq.); *Гранстрем Е.Э.* Почему митрополита Климента Смолятича называли “философом” // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. 1970. Т. 25. С. 21-24. О крайностях схедеографии писала Анна Комнина: Алексиада XV, 7.

⁴⁶ Письмо от 1434 г.: Ep. di Guarino. Vol. II. P. 269-270. О педагогических приемах Хрисолора см. также: *Bolgar R.R.* The Classical Heritage and Its Beneficiaries. P. 87-88, 270; *Sabbadini R.* La scuola e gli studi di Guarino Guarini Veronese (con 44 documenti). Catania, 1896. P. 34-35; *Thomson J.* Manuel Chrysoloras and the Early Italian Renaissance. P. 67; *Хартман Г.М.* Значение греческой культуры. С. 111-112. О возможном использовании Хрисолором *экфрасиса* в качестве метода обучения языку: *Соловьев С.В.* Мануил Хризолор и гуманистический идеал образованности. С. 39-42. Также: *Baxandall M.* Giotto and the Orators: Humanist Observers of Painting in Italy and the Discovery of Pictorial Composition, 1350-1450. Oxford, 1971. *Ch.*: Manuel Chrysoloras, Guarino, and the description of Pisanello.

⁴⁷ Ep. di Salutati. Vol. IV (2). P. 341, 342-343.

⁴⁸ Письмо от 15 октября 1452 г.: Ep. di Guarino. Vol. II. P. 588.

⁴⁹ Письмо от 25 марта 1396 г.: Ep. di Salutati. Vol. III. P. 131-132.

⁵⁰ О рукописной традиции “*Ἐρωτήματα*” Хрисолора см.: *Nuti E.* Reconsidering Renaissance Greek Grammars. P. 240-268; *Rollo A.* Gli *Erotemata* tra Crisolora e Guarino. Messina, 2012. Первое издание грамматики вышло в 1496 г. во Флоренции (печатник Lorenzo de’Alora) и на тот момент считалось оригинальной редакцией византийского учителя. В более раннем венецианском издании 1471 г. (печатник Adam de Ambergau) преобладал латинский текст.

⁵¹ *Erotemata Chrysolorae. De anomalis verbis. <...> Sententiae monostichi ex variis poetis.* Venetiis: in aedibus Aldi, 1512. P. 4-6.

⁵² См.: *Ciccolella F.* Donati Graeci. P. 111; 118-121; *Pertusi A.* Ἐρωτήματα. Per la storia e le fonti delle prime grammatiche greche a stampa. P. 333, 344; *Robins R.H.* The Byzantine Grammarians. P. 237 sq.; *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 9-10.

⁵³ *Nuti E.* Reconsidering Renaissance Greek Grammars. P. 251, 262-263.

⁵⁴ Ep. di Guarino. Vol. III. P. 76-77.

⁵⁵ Ibid. P. 77: “Scio Guarinum eiusque sequaces amplioribus uti regulis”.

⁵⁶ *Nuti E.* Reconsidering Renaissance Greek Grammars. P. 258-259, not. 43.

⁵⁷ PG. T. 161. Col. 933A.

⁵⁸ Ibid. Col. 936.

⁵⁹ *Proctor R.* Printing of Greek in the XVth Century. Oxford, 1900. P. 207-208; PG. T. 161. Col. 937-940. Также: *Nousia F.* The Transmission and Reception of Manuel Moschopoulos’ *Schedography* in the West // Teachers, Students, and

Schools of Greek in the Renaissance / Ed. *F. Ciccolella, L. Silvano*. Leiden; Boston, 2017. P. 5-6.

⁶⁰ *Ciccolella F.* Donati Graeci. P. 122-124; *Donnet D.* Théodore de Gaza et Apollonius Dyscole: sur un problème de sources // *L'antiquité classique*. 1979. T. 48, fasc. 2. P. 619-629; *Idem.* Théodore de Gaza. Introduction à la Grammaire. Livre IV: à la recherche des sources byzantines // *Byzantion*. 1979. Vol. 49. P. 133-155; *Robins R.H.* The Byzantine Grammarians. P. 253-261.

⁶¹ *Botley P.* Learning Greek in Western Europe, 1396–1529: Grammars, Lexica, and Classroom Texts. Philadelphia, 2010. P. 18-25.

⁶² Колофоны изданий и посвятительные письма к некоторым из них см. по указателю в: *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. III. P. 500, 503-515.

⁶³ *Opus Epistolarum Des. Erasmi Roterodami* / Ed. P.S. Allen, H.M. Allen. Oxford, 1906. T. I. (Далее – *Erasmus. Opus Epistolarum*). P. 473. Ср. 233.

⁶⁴ *Erasmus Desiderius.* Opera omnia. Ordo I. T. 2. P. 114. Также: p. 148.

⁶⁵ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. III. P. 220-224; 239.

⁶⁶ *Erasmus.* *Opus Epistolarum*. T. II. P. 264-265. Ср. 428. Примечательно, что голландский гуманист Алард (Alardus) из Амстердама (†1544), входивший в ученый круг Эразма, позднее использовал те же выражения для восхваления греческого риторика Афтония Антиохийского, чьи “*Progyrnasmata*” были переведены на латынь Рудольфом Агриколой. См. его письмо к Петру Наннию в предисловии к изданию работ Агриколы: *Rodolphi Agricolae Phrisii Lucubrationes aliquot lectu dignissimae...* Coloniae, 1539. Sig. A2.

⁶⁷ *Erasmus.* *Opus Epistolarum*. T. II. P. 265. См. также: *Rummel E.* Erasmus as a Translator of the Classics. Toronto, Buffalo, London, 1985. P. 127-128.

⁶⁸ *Lascharis Constantinus.* Compendium octo orationis partium et aliorum quorundam necessariorum <...> Mediolani: impressum per Magistrum Dionysium Paravisinum, 1476. Текст издания почти полностью греческий, за исключением латинского предисловия Димитрия Дамиласа – опубликовано отдельно в: *Prefaces to the First Editions of the Greek and Roman Classics and of the Sacred Scriptures* / Ed. B. Botfield. London, 1861. P. 163-165.

⁶⁹ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. 1. P. LXXII; PG. T. 161. Col. 932B.

⁷⁰ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. 1. P. LXXXIV-LXXXV; PG. T. 161. Col. 940A; *Proctor R.* Printing of Greek. P. 208.

⁷¹ PG. T. 161. Col. 940C.

⁷² О грамматике Ласкариса см. в особенности: *Martinez Manzano T.* Constantino Láscaris, semblanza de un humanista bizantino. Madrid, 1998. P. 133-163; *Nuti E.* Longa est via: Forme e contenuti dello studio grammaticale dalla Bisanzio paleologa al tardo Rinascimento veneziano. Alessandria, 2017. P. 100-129; 250-266; Также: *Ciccolella F.* Donati Graeci. P. 122-124; *Nuti E.* Franciscus Bovius Ferrarensis and Joannes Sagomalas Naupliensis: Teaching Elementary Greek in the Mid-Sixteenth Century // *Teachers, Students, and Schools of Greek*

in the Renaissance. P. 355, not. 38; *Robins R.H.* The Byzantine Grammarians. P. 247-252.

⁷³ См.: *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. III-IV.

⁷⁴ *Nuti E.* Franciscus Bovius Ferrarensis and Joannes Sagomalas Naupliensis. P. 343-370.

⁷⁵ См.: *Ηλιοδμή Γ.Ν.* Η Γραμματική του Κωνσταντίνου Λασκάρεως πρότυπο της Γραμματικής του Νικολάου Σοφριανού // Ελληνικά. 1989. Τ. XL. Σ. 413-417; *Κατσούδα Γ.* Η σχέση της Γραμματικής του Νικολάου Σοφριανού με τις Γραμματικές του Κωνσταντίνου Λασκάρεως και του Διονυσίου Θράκα // Ελληνικά. 2002. Τ. 52 (1). Σ. 129-137. Грамматика Н. Софрианоса, написанная не позднее 1550 г. была впервые опубликована Э. Леграном в 1870 г.: *Grammaire de la langue grecque vulgaire par Nikolaos Sophianos / Ed. E. Legrand.* Paris, 1870.

⁷⁶ *More Th.* Utopia. Latin Text and English Translation / Ed. G.M. Logan, R.M. Adams, C.H. Miller. Cambridge, 1995. P. 180: “Ex his qui scripsere grammaticam, Lascarem habent tantum, Theodorum enim non advexi mecum...”

⁷⁷ *Giovio.* Elogia. P. 64-65.

⁷⁸ *Botley P.* Learning Greek in Western Europe. P. 34-36; *Ciccolella F.* Donati Graeci. P. 124.

⁷⁹ *Ciccolella F.* Donati Graeci. P. 110, 113, 119, 133, 124, 220; 227, 258 not. 84. О грамматике и сходах Мосхопула на Западе см.: *Nousia F.* The Transmission and Reception. P. 1-25; *Ippolito P.* Una grammatica greca fortunata: gli “Erotemata” di Manuele Moscopulo // *Rendiconti della Accademia di archeologia, lettere e belle arti di Napoli.* N.s. 1981. Vol. 56. P. 199-227. *Воробьев Г.М.* К истории грамматики Мануила Мосхопула из библиотеки Франческо Барбаро в собрании Санкт-Петербургского института истории РАН // *Вспомогательные исторические дисциплины.* 2013. Т. 32. С. 177-198. О грамматике М. Калеки: *Bernardinello S.* La Grammatica di Manuele Caleca // *Rivista di Studi Bizantini e Neellenici.* 1971-1972. N.s. 8-9 (XVIII-XIX). P. 203-218.

⁸⁰ Из четырех редакций греческих *Донатов* (a-d) тип *a*, вероятно, изначально представлял подстрочный перевод “Janua”: он создавался не для латинян, изучающих греческий язык, а для греков, обучающихся латыни. Типы *b*, *c* и *d* сохраняют структуру и общий план латинских “Janua”: они задумывались как учебники для изложения латинянам элементарной греческой морфологии, причем наиболее успешной попыткой, по мнению Ф. Чикколеллы, был тип *b*. Тем не менее, грубые и дефективные “Πύλαι” не могли сравниться в успехе с известными грамматиками XV в. и не удостоились печати в течение Ренессанса: *Ciccolella F.* Donati Graeci. P. 151-225. Также: *Sabbadini R.* La scuola e gli studi di Guarino Guarini Veronese. P. 42-44; *Карначѳев А.Е.* Двухязычные памятники средневековой греко-латинской образованности. С. 74-82.

⁸¹ *Rollo A.* La grammatica greca di Urbano Bolzanio // *Umanisti bellunesi fra Quattro e Cinquecento.* Atti del Convegno di Belluno, 5 novembre 1999 / a cura

di P. Pellegrini. Firenze, 2001. P. 177-209.

⁸² *Bernardi I.* Pierpaolo Vergerio il Seniore ed Emanuele Crisolora // Archivio storico italiano. Ser. III. 1876. T. XXIII. P. 178.

⁸³ Documenti diplomatici tratti dagli archivi milanesi / a cura di L. Osio. Milano, 1864. Vol. I. P. 369-371.

⁸⁴ *Cammelli G.* Manuele Crisolora. P. 155-157.

⁸⁵ Письмо Арагацци к Амброджо Траверсари от 20 января 1417 г.: *Rollo A.* Crisolora, Cencio de' Rustici e una lettera anepigrafa in un codice di Bartolomeo Aragazzi // *Interpres*. 1998. Vol. 17. P. 258.

⁸⁶ PG. T. 156. Col. 24-53. Перевод: *Медведев И.П.* Константинополь в сравнении с Римом: взгляд Мануила Хрисолоры // *ВВ*. 2005. Т. 64 (89). С. 316-334. См. также: *Куц Т.В.* На закате империи. С. 223-233; *Соловьев С.В.* Мануил Хризолор: из ромеев в римляне. С. 152-155.

⁸⁷ Ep. di Guarino. Vol. II. P. 509.

⁸⁸ *Francisci Philelphi* Epistolarum familiarium libri XXXVII. Venetiis, 1502. Fol. 62v.

⁸⁹ “Тогда почти все, кто не жил вдали от Рима и чью речь не испортило какое-нибудь местное варварское наречие, говорили правильно. Но, конечно, с течением времени речь становилась хуже как в Риме, так и в Греции. Ибо как в Афины, так и в наш город стекались из разных мест люди, говорящие неправильно. Оттого и почувствовалась необходимость очистить язык и пережечь его на огне неизменных правил, а не следовать искаженным обычаям общего употребления”: *Марк Туллий Цицерон*. Брут, или о знаменитых ораторах // *Его же*. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М.Л. Гаспарова. Москва, 1972. Пер. И.П. Стрельниковой. С. 258.

⁹⁰ Тезис о «языковой чистоте» неоднократно поднимался гуманистами при сравнении латинского языка с народным: *Степанова Л.Г.* Итальянская лингвистическая мысль. С. 232-235 и далее.

⁹¹ Так, в письме к Виссариону от 1448 г. Филельфо пишет: “Te autem pater reverendissime, maiorem in modum miror qui me cum ab usque Constantinopoli noris, vel in publico discendi ludo, ubi post obitum mei soceri Chrysolorae fuimus, apud Chrysococem condiscipuli, mores arbitreris cum aetate mutasse” (*Fr. Philelphi* Epistolarum familiarium. Fol. 41r). Также см. письмо к Виссариону от 31 октября 1464: Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfo / Ed. E. Legrand. Paris, 1892. P. 112. О проблеме идентификации: *Ganchou Th.* Les ultimaes voluntates de Manuel et Iôannès Chrysolôras et le séjour de Francesco Filelfo à Constantinople // *Bizantinistica*. 2005. Vol. VII. P. 253-256.

⁹² *Malamut E.* Le monastère Saint-Jean-Prodrome de Pétra de Constantinople // Le sacré et son inscription dans l'espace à Byzance et en Occident: études comparées / Ed. par M. Kaplan. Paris, 2001 (Byzantina Sorbonensia. Vol. 18). P. 227-229; *Staikos K.* The History of the Library in Western Civilization. New Castle, Del., 2007. Vol. III. P. 428.

⁹³ Λόμπρος Σ.Π. Ἀργυροπούλεια. Σ. 74. Также: Брагина Л.М. Аргиропуло. С. 237-238.

⁹⁴ См. письмо к Марко Липомано от 12 окт. 1427: *Fr. Philelphi Epistolarum familiarium*. Fol. 1r.

⁹⁵ *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 51-52.

⁹⁶ Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 50-51; *Ganchou Th.* Les ultimae voluntates de Manuel et Iōannēs Chrysolōras. P. 252.

⁹⁷ Рукопись Фукидида сохранилась в собрании базельской библиотеки (E III 4). Владельческая запись Тортелли гласит: “Liber Iohannis Arretini datus sibi dono a magistro suo papa Iohanne Eugenio in Constantinopoli, die IIIa mensis iulii, anno Domini MCCCCXXXV: secundo scilicet mense quo studiorum causa ad eam civitatem applicui, una cum fidelissimo socio Thomasio compatriota et fratre meo Laurentino” // Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 140; *Kris-teller P.O.* Iter Italicum. Vol. 5. Col. 64b.

⁹⁸ *Cortesi M.* Il “Vocabularium” Greco di Giovanni Tortelli // Italia medioevale e umanistica. 1979. Vol. 22. P. 449-483; *Tomè P.* Greek Studies in Giovanni Tortelli’s *Orthographia*: A World in Transition // Teachers, Students, and Schools of Greek in the Renaissance. P. 79-119; *Степанова Л.Г.* Итальянская лингвистическая мысль. С. 194-196.

⁹⁹ Sophocles: “Hunc primum ex poetis graecis didici a viro clarissimo Isidoro graeco iam nunc sanctae Romanae ecclesiae cardinali Tussiensi [=Russiensi] cognominato” (*Ioannis Tortelli Aretini Orthographia*. Venetiis, 1493). *Исидор* (†1463), митрополит Киевский с 1436 г. и кардинал католической церкви с 1439 г., деятельный сторонник унии. Контакты и занятия Тортелли с Исидором вполне могли происходить и во время Ферраро-Флорентийского собора 1438-1439 гг., в котором они оба принимали участие.

¹⁰⁰ *Cesare Zeno de.* Le traduzioni latine del Pluto di Aristofane nel XV secolo: Rinuccio di Arezzo, Leonardo Bruni e Pietro da Montagnana. Tesi di Dottorato in Filologia Latina (Università degli Studi di Parma). 2005. P. 114-125; *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 37.

¹⁰¹ “Ex his itaque studiis quibus iam diu multis vigiliis insudavi et maxime in ea civitate quae abs te imperante iusta et recta cum moderatione regitur et gubernatur, tuae Maiestati dedicavi primitias, scilicet dialogum Platonis qui inscribitur Crito, quem nuper latinum feci tuoque in nomine ascripsi”: *Lockwood D.P.* De Rinucio Aretino graecarum litterarum interprete // Harvard Studies in classical philology. 1913. Vol. XXIV. P. 105.

¹⁰² *Lockwood D.P.* De Rinucio Aretino. P. 51-109; *Radif L.* Rinuccio d’Arezzo // DBI. 2016. Vol. 87. P. 627-628. О его переводах Платона: *Hankins J.* Plato in Italian Renaissance. Vol. 1. P. 85-89.

¹⁰³ По словам Лоренцо Валлы: “Cum aliorum tum praecipue Aurispae et Leonardi Aretini, quorum alter [*Aurispa*] graece legendo, alter [*Leonardus*] latine scribendo ingenium excitavit meum” (*Sabbadini R.* Carteggio di Giovanni Aurispa.

Roma, 1931. P. 159).

¹⁰⁴ *Schreiner P.* Giovanni Aurispa in Konstantinopel. Schicksale griechischer Handschriften im 15. Jahrhundert // Studien zum 15. Jahrhundert. Festschrift für Erich Meuthen. Munich, 1994. Bd. II. S. 623-633.

¹⁰⁵ *Grendler P.F.* The Universities of the Italian Renaissance. Baltimore-London, 2004. P. 209-210.

¹⁰⁶ *Sabbadini R.* Carteggio. P. 41.

¹⁰⁷ Об Ауриспе см. также: *Bigi E.* Aurispa, Giovanni // DBI. 1962. Vol. 4. P. 593-595; *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 25-29.

¹⁰⁸ *Resta G.* Cassarino, Antonio // DBI. 1978. Vol. 21. P. 442-446.

¹⁰⁹ *Jaitner-Hahner U.* Lilio Libelli // DBI. 2005. Vol. 65. P. 19-25.

¹¹⁰ “Inde vero Bizantium venit, ubi navigium ad Cyprum Syriamve navigaturum expectans, primum Graeca litterarum principia modico ex tempore cognovit”: *Scalamonti Francesco.* Vita Viri Clarissimi Et Famosissimi Kyriaci Anconitani / Ed. and tr. Ch. Mitchell and E.W. Bodnar (Transactions of the American Philological Society. Vol. 86. Pt. 4). Philadelphia, 1996. P. 52 (§ 62).

¹¹¹ *Castellani G.* Un traité inédit en grec de Cyriaque d'Ancone // Revue des Études Grecques. 1896. T. 9 (34). P. 225-230. Рукопись, содержащая трактат Чириако, позднее попала в коллекцию Виссариона: Marc. gr. Z. 517 (886).

¹¹² О Гварино и его школе см., в частности: *Ciccolella F.* Donati Graeci. P. 139-140; *Sabbadini R.* La scuola e gli studi di Guarino Guarini Veronese; *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 42-47; *Ревякина Н.В.* Гуманистическое воспитание в Италии XIV–XV веков. М.-Берлин, 2015. С. 199-215.

¹¹³ См. письмо Ауриспы к А. Траверсари от 27 авг. 1424 г.: *Sabbadini R.* Carteggio. P. 14.

¹¹⁴ *Francisci Castilionensis Vita Victorini Feltrensis* / Hrsg. von Dr. Karl Müllner // Jahresbericht des k.k. Staatsgymnasiums. Wien, 1905. P. 10.

¹¹⁵ *Cortesi M.* Greek at the School of Vittorino da Feltre // Teachers, Students, and Schools of Greek in the Renaissance. P. 59-60.

¹¹⁶ Филельфо в письме от 28 июля 1431 г. просил Георгия Трапезундского по возможности отослать ему из Мантуи копию “Метафизику” и передавал привет Витторино: Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 21-22.

¹¹⁷ *Geanakoplos D.J.* Constantinople and the West. P.71-72; *Woodward W.H.* Vittorino da Feltre and other humanist educators. New York, 1996. P. 53-54.

¹¹⁸ *Chirii consulti Fortunatiani Rhetoricorum libri tres <...> Dionysii Haly-carnasei Praecepta de oratione nuptiali, De oratione natalitia, Praecepta de epithalamiis, Oratio nuptialis per Theodorum Gazen e graeco in latinum traducta <...> Venetiis: Johannes Tacuinus, de Tridino, ca 1499. P. 113.*

¹¹⁹ *Francisci Castilionensis Vita Victorini Feltrensis.* P. 14.

¹²⁰ *Traversarii Ambrosii.* Latinae epistulae / Ed. P. Canneti. Florentiae, 1759. T. II. Col. 418.

¹²¹ О греческом компоненте образования в школе Витторино см.: *Cortesi M.*

Greek at the School of Vittorino da Feltre. P. 54-78. Также: *Ciccolella F. Donati Graeci*. P. 141-142; *Wilson N.G. From Byzantium to Italy*. P. 34-41.

¹²² *Monfasani J. George of Trebizond*. P. 22-24. Познания Георгия Трапезундского в латинском языке были очень высоки. В Венеции он составил справочник по латинской грамматике в вопросно-ответной форме на основе учебника Присциана – “*Compendium de partibus orationis ex Prisciano*”. Это пособие широко использовалось в итальянских школах XV в., многократно переписывалось и издавалось (*Ibid.* P. 27-28, 231. Также: *Collectanea Trapezuntiana*. P. 478-480).

¹²³ Пост. от 16 апр. 1443 г. цит. в: *Campana L. Vettor Fausto (1490-1546), Professor of Greek at the School of Saint Mark // Teachers, Students, and Schools of Greek in the Renaissance*. P. 333, not. 116.

¹²⁴ *Foffano F. Marco Musuro, professore di greco a Padova ed a Venezia // Nuovo Archivio Veneto*. 1892. Т. III. P. 471. Doc. I. Также: *Campana L. Vettor Fausto*. P. 334. Лилия Кампана (P. 313, 316-317) полагает, что учителем греческой словесности с 1503 по 1509 гг. в школе св. Марка был Джероламо Мазерио (*Maserio*) из Форли. Действительно, автор посвячительного письма (Паоло Рамузио, *Rhamnusus*) к изданию речей Витторе Фаусто сообщает, что последний учился у Мазерио греческой словесности (*Victoris Fausti Veneti Orationes quinque eius amicorum cura quam fieri potuit diligenter impressae. Venetiis, 1551. Fol. 2b-3a*), но при этом неясно о каких занятиях идет речь – публичных или частных: сам Фаусто жил в доме своего учителя, где копировал греческие тексты. Согласно дневнику Марино Санудо, Мазерио публично преподавал в Scuola di San Marco с 1503 г. (*Marino Sanuto. I diarii / per cura di F. Stefani. Venezia, 1881. Т. V. Col. 438, 599*), однако с учетом того, что в 1504-1505 гг. занятия по греческим авторам там вел Николай Леоник Томей (не путать с Никколо Леоничено!), можно предполагать, что Мазерио обучал латинской словесности.

¹²⁵ См.: *Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri del secolo XV / a cura di L. Frati. Bologna, 1892-1893. Vol. II. P. 235*. Также: *Пушцова С.Н. Флорентийский университет и развитие гуманизма*. С. 162-163.

¹²⁶ *Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri. Vol. II. P. 286-287*.

¹²⁷ *Monfasani J. George of Trebizond*. P. 39-44.

¹²⁸ *Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri. Vol. II. P. 211*.

¹²⁹ *Geanakoplos D.J. Constantinople and the West. P. 77; Пушцова С.Н. Флорентийский университет и развитие гуманизма*. С. 163.

¹³⁰ *Δόμπρος Σ.Π. Ἀργυροπούλεα*. Σ. 333-338.

¹³¹ Док. от 5 октября 1458 г.: *Ibid.* Σ. 331.

¹³² *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. I. P. LII, not. 6*.

¹³³ *Ibid.* P. LIII.

¹³⁴ *Müllner K. Eine Rede des Johannes Laskaris // Wiener Studien*. 1899. Jg. 21. S. 130.

¹³⁵ См. подробнее: *Lamers H.* Greece Reinvented: Transformations of Byzantine Hellenism in Renaissance Italy. Leiden, 2016. P. 167-195.

¹³⁶ *Müllner K.* Eine Rede des Johannes Laskaris. S. 143.

¹³⁷ О сохранившихся студенческих конспектах лекций, прочитанных в Ферраре Ф. Газой, см.: *Monfasani J.* L'insegnamento di Teodoro Gaza a Ferrara // *Alla corte degli Estensi: Filosofia, arte e cultura a Ferrara nei secoli XV e XVI* / a cura di M. Bertozzi. Ferrara, 1994. P. 5-17; *Tisconi Fr.* *Le Olimpiche* di Pindaro nella scuola di Gaza a Ferrara. Messina, 2009; *Idem.* Pindarus // *СТС*. Vol. 10. P. 33-35. Также: *Bianca C.* Gaza, Teodoro // *DBI*. 1999. Vol. 52. P. 737-746; *Воробьев Г.М.* Биологические трактаты Аристотеля. С. 89, 98-99.

¹³⁸ Опубликована Л. Мёлером: *Mohler L.* Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. Bd. 3. Paderborn, 1942. S. 253-259.

¹³⁹ *Monfasani J.* L'insegnamento di Teodoro Gaza a Ferrara. P. 9-10.

¹⁴⁰ *Quintilianus.* Institutio oratoria. I, 1, 12. О речи "de litteris Graecis" см.: *Рязанов П.А.* Византийский ученый Феодор Газа и его речь о пользе изучения греческой словесности. С. 218-221. Также см. рассуждения *Г.М. Воробьева* (Биологические трактаты Аристотеля. С. 24-33) о восприятии Газой национальной идентичности современных итальянцев и византийцев в контексте их греко-римского прошлого.

¹⁴¹ *Geanakoplos D.J.* Interaction of the "Sibling" Byzantine and Western Cultures in the Middle Ages and Italian Renaissance (330-1600). New Haven; London, 1976. P. 296-304. О падуанских речах Д. Халкокондила см.: *Geanakoplos D.J.* Interaction. P. 241-250; *Рязанов П.А.* Речи Димитрия Халкокондила о значении греческой словесности (из истории греческих штудий в ренессансной Италии) // *СВ*. 2014. Вып. 75 (1-2). С. 216-235.

¹⁴² *Bottaro F.* Studium Paduanum e Ducale Dominium nel lungo Quattrocento [Tesi di dottorato]. Padova, 2010; *Grendler P.F.* The Universities of the Italian Renaissance. P. 21-31.

¹⁴³ *Q. Horatius Flaccus.* De arte poetica, 268-269: "Vos exemplaria Graeca nocturna versate manu, versate diurna"; 323-324: "Graii ingenium, Graiis dedit ore rotundo musa loqui".

¹⁴⁴ *Geanakoplos D.J.* Interaction. P.296.

¹⁴⁵ Греческий эмигрант Андроник Контовлакас некоторое время провел в Риме при кардинале Виссарионе, позднее с 1473 по 1477 г. учил греческому в Базельском университете, где его учеником был И. Рейхлин. Речь А. Контовлакаса "Oratio in laudem litterarum Graecarum" (ок. 1458) опубликована В. Шмитом: *Schmitt W.O.* Eine unbekannte Rede zum Lob der griechischen Sprache und Literatur. Zur literarischen Biographie des Humanisten Andronikos Kontoblakes // *Philologus*. 1971. Т. 115. S. 264-277.

¹⁴⁶ Русский перевод речи А. Урчео, произнесенной им в Болонском университете ок. 1496 г., выполнен *Н.В. Ревякиной* (*Антонио Урчео Кодро*. Вступительная речь к курсу лекций по греческому языку // Традиции образования

и воспитания в Европе XI-XVII веков. С. 144-158) по изданию: *Il pensiero pedagogico del Rinascimento / A cura di F. Battaglia*. Firenze, 1960. P. 634-642. Также см.: *Ревякина Н.В.* “О сладчайший язык, о язык языков и матерь наук” (Об изучении греческого языка в Италии XV в.) // *Laurea Lorae*. Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой. СПб, 2011. С. 155-163.

¹⁴⁷ *Müllner K.* Eine Rede des Johannes Laskaris. S. 128-143.

¹⁴⁸ “Речь о похвале греческой словесности” (*Scipionis Carteromachi Pistoriensis Oratio de laudibus litterarum Graecarum*. Venetiis, 1504) была опубликована Альдом Мануцием.

¹⁴⁹ *Bembo Pietro*. Oratio pro litteris Graecis / a cura di N.G. Wilson. Messina, 2003.

¹⁵⁰ *Lambini D.* De utilitate linguae graecae et recta Graecorum Latine interpretandorum ratione oratio, habita anno MDLXXI. Lutetiae: apud Ioannem Benventum, 1572. О речи Д. Ламбена см. *Quillien A.* Les Orationes de Denis Lambin. La defense du grec dans l'Oratio de utilitate linguae Graecae et recta Graecorum Latine interpretandorum ratione (22 octobre 1571) // *Camenaes*. 2007. N. 1.

¹⁵¹ См., в частности: *Ciccolella F.* Donati Graeci. P. 130 sq.; *Рязанов П.А.* Речи Димитрия Халкокондила. С. 222, сн. 10.

¹⁵² *Erasmus*. Opus Epistolarum. Т. II. P. 107. Ep. 337.

¹⁵³ *Ibid.* P. 265. Ep. 428.

¹⁵⁴ *Pace R.* De fructu qui ex doctrina percipitur (The benefit of a liberal education) / Ed and trans. Fr. Manley, R.S. Sylverter. New York, 1967. P. 128. Также: *Nelson E.* The Greek Tradition in Republican Thought. Cambridge, 2006. P. 26, not. 28.

¹⁵⁵ Джованни Антонио Кампано, учившийся у него в Перудже, сообщает об интересе Халкокондила к Платону: *Jo. Antonii Campani* Epistolae et poemata. Lipsiae, 1707. P. 71, 74.

¹⁵⁶ *Cammelli G.* Calcondila. P. 32-33; *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. P. 233. Также в статье Армандо Петруччи о жизни и деятельности Халкокондила: *Petrucci A.* Calcondila, Demetrio // *DBI*. 1973. Vol. 16. P. 542-547.

¹⁵⁷ См. у Джовнио: *Elogia*. P. 64, 82.

¹⁵⁸ Греческий язык также преподавался в Оксфорде итальянцем Корнелио Вителли с 1490 г. (см. о нем: *Weiss R.* Cornelio Vitelli in France and England // *Journal of the Warburg Institut*. 1939. Vol. 2. No. 3. P. 219-226). Об изучении греческого в Англии во второй половине XV – начале XVI в. см., в частности: *Adams M.* Teaching Classics in English Schools, 1500-1840. Newcastle upon Tyne, 2015. P. 53 sq.; *Weiss R.* Humanism in England During the Fifteenth Century. Oxford, 1957. P. 141-175; *Софронова Л.В.* Джон Колет: Опыт реставрации образа христианского мыслителя ренессансной эпохи. Н.Новгород, 2009. С. 108-116, 340-343.

¹⁵⁹ *Pesenti G.* Lettere inedite del Poliziano // *Athenaeum*. 1915. Vol. 3. P. 39-40. О флорентийском периоде жизни Д. Халкокондила см. в нашей статье: *Рязанов П.А., Софронова Л.В.* Византийский ученый Димитрий Халкокондил

в культурном пространстве ренессансной Флоренции // Интеллигенция и мир. 2015. №3. С. 83-96.

¹⁶⁰ См. письмо герцогского секретаря Бартоломео Калько к Лодовико Сфорце: *Badini Confalonieri A., Gabotto F.* Notizie biografiche di Demetrio Calcondila // *Giornale ligustico, archeologia, storia e letteratura* / Ed. L.T. Belgrano e A. Neri. Genova, 1892. Vol. XIX. P. 321-322; *Cammelli G.* Calcondila. P. 107-111; *Malguzzi Valeri F.* La corte di Lodovico il Moro. Le arti industriali, la letteratura, la musica. Milano, 1923. P. 109-110.

¹⁶¹ См. *Рязанов П.А.* Греческие штудии и миланский гуманизм XV – первой четверти XVI в. // СВ. 2017. Вып 78 (1-2). С. 219-228.

¹⁶² Письмо от 2 апреля 1507 г.: *Morsolin B.* Giangiorgio Trissino. Firenze, 1894. P. 22, not. 1.

¹⁶³ *Giovio.* Elogia. P. 65. Также см. трактат *Пьеро Валериано* (1477-1558) “О злополучии ученых”: *Valeriano Pierio.* De litteratorum infelicitate // *Pierio Valeriano on the Ill Fortune of the Learned Men: a Renaissance Humanist and his World* / Ed. J.H. Gaisser. Michigan, 1999. P. 172.

¹⁶⁴ *Silvano L.* Teaching Greek in Renaissance Rome: Basil Chalcondyles and His Courses on the *Odyssey* // *Teachers, Students, and Schools of Greek in the Renaissance.* P. 250-309.

¹⁶⁵ О Василии Халкокондиле см. также: *Cammelli G.* Calcondila. P. 127-130; *Pontani F.* Omero, Appiano e l'ombra di un padre. Giovanni Basilio Romolo Calcondila // *Bollettino della Badia greca di Grottaferrata.* 2002-2003. Vol. 56-57. P. 263-284; *Schreiner P.* Calcondila, Basilio // *DBI.* 1973. Vol. 16. P. 541-542; *Рязанов П.А.* Греческие штудии. С. 227.

¹⁶⁶ Во второй половине XV в. некоторые греческие ученые отправились за пределы Италии, где нашли работу в качестве учителей и переписчиков: Георгий Германион в Париже, Иоанн Сервопул в Рединге (Англия), Андроник Контволакис в Базеле.

¹⁶⁷ *Vespasiano da Bisticci.* Vite di uomini illustri del secolo XV. Bologna, 1893. Vol. III. P. 28; *Perosa A.* Inediti di Andronico Callisto // *Studi di filologia umanistica.* Vol III: Umanesimo Italiano / a cura di P. Viti. Roma, 2000. P. 90-91, 95-96.

¹⁶⁸ *Mohler L.* Kardinal Bessarion. Bd. 3. Paderborn, 1942. S. 483. Ep. 34.

¹⁶⁹ О деятельности Виссариона в Болонье см: *Медведев И.П.* Болонская грамота Виссариона Никейского в архиве ЛОИИ СССР АН СССР // *ВВ.* 1986. Т. 47. С. 134-144; *Mohler L.* Kardinal Bessarion. Bd. 2. P. 258-269; *Nassalli Rocca E.* Il cardinale Bessarione legato pontificio in Bologna (1450-1455): Saggio sulla costituzione nello Stato Pontificio e sulla legislazione e la vita giuridica del'400 // *Atti e memorie della R. Deputazione di Storia patria per le provincie di Romagna.* Ser. IV. 1930. Vol. 20. P. 17-80.

¹⁷⁰ *Perosa A.* Inediti di Andronico Callisto. P. 94. В письме от 31 октября 1464 г.

Филельфо писал, что в молодые годы он не поехал бы учиться в Константинополь, если бы в Италии ему тогда был представлен византиец Андроник: *Keyser J.De.* Francesco Filelfo and Francesco Sforza: critical edition of Filelfo's *Sphortias, De Genuensium deditone, Oratio parentalis*, and his polemical exchange with Galeotto Marzio. Hildesheim; Zürich; New York, 2015. P. 316.

¹⁷¹ *Powell J.E.* Two letters of Andronicus Callistus to Demetrius Chalcocondyles // *Byzantinisches und Neugriechisches Jahrbücher*. 1939. Bd. 15. S. 14-20.

¹⁷² *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 116-117.

¹⁷³ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. LIV-LV; *Motta E.* Demetrio Calcocondila, editore. Con altri documenti riguardanti Demetrio Castreno, Costantino Lascaris ed Andronico Callisto // *Archivio Storico Lombardo*. 1898. Vol. 20. P. 154.

¹⁷⁴ PG. T. 161. Col. 1017-1020.

¹⁷⁵ *Motta E.* Demetrio Calcocondila, editore. P. 145-149, 161-163. Также: *Рязанов П.А.* Греческие штудии. С. 216-218.

¹⁷⁶ *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 121-122.

¹⁷⁷ См. предисловие К. Ласкариса к его словарю сицилийских писателей в: *Memorie per servire alla storia letteraria di Sicilia*. Palermo, 1756. T. I. Pt. IV. P. 5-6.

¹⁷⁸ О карьере К. Ласкариса см. в первую очередь: *Martínez Manzano T.* Constantino Láscaris, semblanza de un humanista bizantino. Madrid, 1998. Также: *Ceresa M.* Lascaris, Costantino // *DBI*. 2004. Vol. 63. P. 781-785; *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 120-123.

¹⁷⁹ *Piñero F.* Andronico Galesiotes: un copista griego en la Mesina del siglo XV // *Erytheia*. 1989. Vol. 10 (2). P. 310-311. Также: *Martínez Manzano T.* Constantino Láscaris. P. 17; *Pirro R.* Sicilia sacra disquisitionibus et nototiis illustrata. Panormi (Palermo), 1733. T. II. P. 986.

¹⁸⁰ *Piñero F.* Andronico Galesiotes. P. 311-312.

¹⁸¹ *Philippides M., Hanak W.K.* Cardinal Isidore (c.1390-1462): A Late Byzantine Scholar, Warlord, and Prelate. New York, 2018. P. 296-297, 319 not. 50.

¹⁸² *Piñero F.* Andronico Galesiotes. P. 313-314.

¹⁸³ О рукописях Галесиота см.: *Cariou M.* Constantin Lascaris et les Halieutiques d'Oppien de Cilicie: du brouillon a l'édition // *Revue d'histoire des textes*. 2015. Vol. 10. P. 25-48; *Piñero F.* Andronico Galesiotes. P. 312-315. Также: *Martínez Manzano T.* Constantino Láscaris. P. 18; *Vogel M., Gardthausen V.* Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance, Leipzig, 1909. S. 30. В базе греческих кодексов "Pinakes / Πίνακες": pinakes.irht.cnrs.fr его почерк идентифицирован в семи манускриптах.

¹⁸⁴ Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 99 (Ep. 52).

¹⁸⁵ *Ibid.* P. 101 (Ep. 54).

¹⁸⁶ См. предисловие к грамматике К. Ласкариса: PG. T. 161. Col. 933D.

¹⁸⁷ *Motta E.* Demetrio Calcocondila, editore. P. 161-162. Doc. I.

¹⁸⁸ Ibid. P. 162-163. Doc. II.

¹⁸⁹ Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 128-129 (Ep. 75).

¹⁹⁰ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. CLXIII.

¹⁹¹ Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 141 (Ep. 81).

¹⁹² Ibid. P. 137-138 (Ep. 79), 139 (Ep. 80), 139-140, not. 8.

¹⁹³ Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 140-141 (Ep. 81); 156-157 (Ep. 88); *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. CLXIV. Письмо Кастреноса к Филельфо (Урбино, 22 июля 1469 или 1470 г.) опубликовано А. Каппелли: *Cappelli A.* Una lettera greca di Demetrio Castreno a Francesco Filelfo // Archivio storico lombardo. 1894. S. III. Vol. 2. P. 160-65.

¹⁹⁴ Письмо датировано 29 марта (1473): *Riemann.* Une Lettre d'un Grec du quinzième siècle // Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France 1879. Vol. 13. P. 121-125.

¹⁹⁵ PG. T. 161. Col. 958A. Кастренос был не единственным греческим ученым, который вернулся на родину из Италии. Малоизвестной, но довольно примечательной фигурой является Гармоний Афинянин, преподаватель греческой словесности, копиист и библиофил. Некоторые из принадлежавших ему манускриптов он получил от своего покровителя Феодора Газы. Его деятельность на Западе была связана в основном с Флоренцией и Римом. В 1482 г. (или ранее) Гармоний поступил на службу к Баязиду II, приняв турецкое имя Мурад Рим (и, возможно, ислам). В 1487 г. уже в качестве эмиссара султана он вернулся в Рим, где и был убит: *Papanicolaou M.* Ἀρμόνιος ὁ Ἀθηναῖος. Bibliofilo e copista, maestro di greco e diplomatico // Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata. 1998. Vol. 52. P. 283-301. Также: *Monfasani J.* Lauro Quirini and His Greek Manuscripts: Some Notes of His Culture // *Et Amicorum: Essays on Renaissance Humanism and Philosophy* / Ed. A. Ossa-Richardson, M. Meserve. Leiden, Boston, 2017. P. 43, 44; *Vogel M., Gardthausen V.* Die griechischen Schreiber. S. 45.

¹⁹⁶ Письмо И. Ласкариса к Д. Халкокондилу: *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. II. P. 322.

¹⁹⁷ О Кастреносе см. также: *Hausmann F.R.* Demetrio Calcondila – Demetrio Castreno – Pietro Demetrio – Demetrio Guazzelli? // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance.* 1970. T. 32. P. 607-611; *Λάμπρος Σ.Π.* Δημητρίου Καστρηνού ἀνέκδοτος ἐπιστολὴ πρὸς Σοφιανόν // *Νέος Ἐλληνομνήμων.* 1916. T. 13. Σ. 408-413.

¹⁹⁸ PG. T. 161. Col. 933-936.

¹⁹⁹ *Ganchou Th.* Géorgios Scholarios, “secrétaire” du patriarche unioniste Grégorios Mammias? Le mystère résolu // *Le Patriarcat oecuménique de Constantinople aux XIVe-XVIe siècles : rupture et continuité.* Paris, 2007 (Dossiers byzantins 7). P. 172, not. 123; *Idem.* Giacomo Badoer et kyr Théodóros Batatzès, “chomerchier di pesi” à Constantinople (flor. 1401-1449) // *Revue des Études Byzantines* 2003. Vol. 61. P. 59, not. 32. Имя Франкулия Сервопула (ser Franguli Servopulo) фигурирует в документе из канцелярии венецианского

баило в Константинополе от 10 мая 1443 г. (сохранился в копии от 3 августа 1453 г.). Сервопул выступал одним из кредиторов критянина Габриэля Катакалона, который был должен ему 60 иперпиров *vel circa*. В отличие от других кредиторов, писавших на венецианском диалекте, он оставил запись на латыни: “Ego Frangulus Servopulo sum contentus de suprascriptis pactis”: *Roccatagliata A. Notai genovesi in oltremare. Atti rogati a Pera (1453) // Atti della Società Ligure di Storia Patria. 1999. N.S. T. XXXIX (CXIII). Fasc. I. P. 138, 139.*

²⁰⁰ *Λάμπρος Σ.Π.* ΠΠ. Т. IV. Σ. 196-197.

²⁰¹ См., в частности: *Lemerle P. Documents et problèmes nouveaux concernant les Juges généraux // Δελτίον της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας. 1964. Τ. 4. Σ. 43-44.* Также: *Zakythēnos D.A. Le despotat grec de Morée: Vie et institutions. Athènes, 1953. Vol. II. P. 130-131.*

²⁰² *Λάμπρος Σ.Π.* ΠΠ. Т. IV. Σ. 205.

²⁰³ *Ibid.* Σ. 206.

²⁰⁴ *Harris J. Greek Emigres in the West, 1400 – 1520. Camberley, 1995. P. 107.*

²⁰⁵ Письмо Льва X к Музуросу от 6 авг. 1513 г.: *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. II. P. 321.*

²⁰⁶ См. Джовио: *Elogia. P. 220.*

²⁰⁷ *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. I. P. CXVIII-CXIX; CL-CLI, 159-171.*

²⁰⁸ О гимназии см., в частности: *Κολιτσουνάκης Ι.Ε. Ματθαίος Δεβαρής και το εν Ρώμη Ελληνικόν Γυμνάσιον // Αθηνα. 1914. Τ. 26. Σ 81-102; Pagliaroli S. Giano Lascari e il Ginnasio greco // Studi Medievali e Umanistici. 2004. Vol. 2. P. 215-293.* Также: *Ciccolella F. Donati Graeci. P. 142-143, not. 225.*

²⁰⁹ *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. II. P. 335-336, 360-361; Lefranc A. Histoire du Collège de France. Paris, 1893. P. 71-84; Pagliaroli S. Giano Lascari e il Ginnasio greco. P. 273-278.*

²¹⁰ *Ceresa M. Lascaris, Giano // DBI. 2004. Vol. 63. P. 790.*

²¹¹ *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. II. P. 156.*

²¹² *Ibid.* P. 361.

²¹³ *Geanakoplos D.J. Greek scholars in Venice. P. 186-187.*

²¹⁴ О наставничестве Ласкариса Музурос в поэтической манере сообщает в своей “Оде Платону”: *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 108.*

²¹⁵ Во Флоренции им, в частности, были переписаны *Vat. gr. 1336* и *Laug. Plut. 57.52.*

²¹⁶ См. письма Музуроса к И. Григорову (1500): *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. II. P.314-319;* а также послание Альда Музуросу, предваряющее издание Стация (1502): *Ibid. P. 396.*

²¹⁷ *Erasmus. Opus Epistolarum. T. V. P. 244-245. Ep. 1347.*

²¹⁸ *Ibid. Vol. I. P. 61.*

²¹⁹ См. посвятельное письмо Альда к Музуросу во втором томе *editio*

princeps “Rhetores antiqui Graeci”: Prefaces to the First Editions of the Greek and Roman Classics and of the Sacred Scriptures / Ed. B. Botfield. London, 1861. P. 277.

²²⁰ *Erasmus*. Opus Epistolarum. T. I. P. 63; *Oleroff A.* L'humaniste dominicain Jean Conon et le Crétois Jean Grégoropoulos // *Scriptorium*. 1950. Vol. 4. No. 1. P. 104-107.

²²¹ *Oleroff A.* Conon et Grégoropoulos. P. 106-107.

²²² *Foffano F.* Marco Musuro. P. 473-474. Doc. V.

²²³ См. посвяtitельное письмо Альда к венецианскому патрицию Франческо Фазеоло в первом томе “Rhetores antiqui Graeci” (1513): *Botfield*. Prefaces. P. 298.

²²⁴ Основные этапы биографии Музуроса освещены в статье П. Пеллегрини, снабженной обширной библиографией: *Pellegrini P.* Musuro, Marco // *DBI*. 2012. Vol. 77. P. 576-583. Также: *Cataldi Palau A.* La vita di Marco Musuro alla luce di documenti e manoscritti // *Italia Medioevale e Umanistica*. 2004. Vol. 45. P. 295-369; *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. P. 111-166. Ch. 5. Marcus Musurus: Cretan Editor with the Aldine Press and Professor at Padua University; *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 148-156. О Витторе Фаусто см.: *Campana L.* Vettor Fausto. P. 311-341; *Piovan Fr.* Fausto, Vittore // *DBI*. 1995. Vol. 45. P. 398-401.

²²⁵ *Erasmus*. Opus Epistolarum. T. V. P. 244.

²²⁶ Публикации речи: *Noiret H.* Lettres inédites de Michel Apostolis. Paris, 1889. P. 148-153; *Pontani A.* Sullo studio del greco in Occidente nel sec. XV: l'esempio di Michele Apostolis // *Italia ed Europa nella linguistica del Rinascimento: confronti e relazioni*, Atti del Convegno Internazionale (Ferrara, Palazzo Paradiso, 20-24 marzo 1991) / a cura di M. Tavoni et al. Ferrara, 1996. Vol. 1. P. 152-165. О методе Апостолия см.: *Ciccolella F.* Donati Graeci. P. 146-149; *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. P. 101-107 (также частичный английский перевод речи).

²²⁷ О Михаиле Апостолии см.: *Γεωργακόπουλος Δ.Κ.* Ο βίος και το έργο του λόγιου κωδικογράφου Μιχαήλ Αποστόλη (1420/22-1478): συμβολή μελέτη τής γραμματείας και τής παιδείας τον τέλους τής Βυζαντινής Αυτοκρατορίας. Ιωάννινα, 2009; *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. P. 73-110.

²²⁸ О методике преподавании греческого в гуманистической школе см., в частности: *Ciccolella F.* Donati Graeci. P. 130-139.

²²⁹ *Guarini Battista.* La didattica del greco e del latino: De ordine docendi ac studendi e altri scritti / a cura di L. Piacente. Bari, 2002. P. 44.

ГЛАВА III.

Переводы и переводчики

Когда Димитрий Халкокондил призывал падуанскую аудиторию изучать греческую словесность, он упрекнул средневековых переводчиков в том, что они скверно и нелепо перевели на латынь труды Аристотеля¹. Схоластические переводы стали традиционным объектом критики со стороны гуманистов, которые упрекали предшественников в варварстве, в плохом понимании текстов и, разумеется, в неправильной латыни. Начатая гуманистами XV в. реформа латинского языка² не могла не затронуть область перевода, целью которого становится не только точная передача смысла, но и языковая красота. Стремление передать на хорошей латыни стилистические особенности оригинального греческого текста, даже философского содержания, были безусловным новшеством, привнесенным эпохой Возрождения. Более того, в это время расширяется само поле переводческой деятельности, поскольку гуманисты впервые заинтересовались греческой литературой в узком смысле этого слова, то есть историей, ораторским искусством и поэзией³. Эта тенденция стала заметна уже в XIV в., когда грек Симон Атуmano перевел сочинение Плутарха «О подавлении гнева», а Леонтий Пилат – поэмы Гомера, трагедию Еврипида «Гекуба» и псевдоаристотелевский трактат «О чудесных слухах» (*De mirabilibus auscultationibus*).

Надо сказать, что Леонтий не владел латынью на таком уровне, чтобы подражать языку и стилю Гомера. Его перевод поэм, выполненный по инициативе Петрарки и Боккаччо, был только дословным переложением оригинала. После того, как Петрарка познакомился с первым частичным переводом «Илиады», он написал Боккаччо письмо, в котором процитировал слова св. Иеронима: «если кому-то кажется, что красота языка не исчезает при переводе, то пусть переложит на латынь Гомера дословно. Скажу более того: пусть переведет его на свой

язык прозой и тогда увидит смешной порядок слов, а красно-речивейшего поэта – косноязычным»⁴. Тем не менее, латинские версии поэм Гомера, как показал А. Пертузи, были настолько точны, насколько это было возможно во времена Боккаччо и Петрарки⁵. Первые пять строк латинской версии «Одиссеи» показывают, что переводчик следовал за греческим текстом слово в слово:

Ἄνδρα μοι ἔννεπε, Μοῦσα, πολύτροπον, ὃς μάλα πολλὰ
πλάγχθη, ἐπεὶ Τροίης ἱερὸν πτολίεθρον ἔπερσεν:
πολλῶν δ' ἀνθρώπων ἴδεν ἄστεα καὶ νόον ἔγνω,
πολλὰ δ' ὃ γ' ἐν πόντῳ πάθεν ἄλγεα ὄν κατὰ θυμόν,
ἀρνύμενος ἥν τε ψυχὴν καὶ νόστον ἐταίρων.

Virum michi pande, Musa, multimodum, qui valde multum
erravit, ex quo Troiae sacrum civitatem depredatus fuit:
multorum hominum vidit urbes, et intellectum novit,
multas autem hic in ponto passus fuit angustias proprio in animo,
redimens propriam animam et reditum sociorum⁶.

(пер. Леонтия Пилата)

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
Долго скитался с тех пор, как разрушил священную Троию,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много духом страдал на морях, о спасеньи заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну товарищей верных⁷.

(пер. В.В. Вересаева)

До появления версий Леонтия Пилата троянский цикл был известен на Западе благодаря краткому латинскому пересказу «Илиады» I в н.э. (*Ilias Latina* или *Homerus Latinus*) в 1070 гексаметрах, а также двум античным мистификациям, приписываемым очевидцам Троянской войны – Дарету Фригийскому («История разрушения Трои», *De excidio Troiae historia*) и Диктису Критскому («Дневник Троянской войны», *Ephemeris belli Troiani*). Таким образом, благодаря латинским переводам

Леонтия западный читатель впервые с начала Средних веков мог познакомиться с содержанием творений Гомера. Грубость перевода Пилата вызывала неудовольствие Петрарки и Салютати, однако, несмотря на заинтересованность аудитории в новых версиях поэм, работа ранних гуманистов по стилистическому улучшению латинского Гомера имела скромные результаты⁸. Первую попытку предпринял Пьер Кандидо Дечембрио, который ок. 1440 г. перевел несколько песен «Илиады» (I-IV, X), опираясь на работу Пилата⁹.

Появление новой концепции гуманистического перевода традиционно связывают с Мануилом Хрисолором. Ченчо де Рустичи, учившийся у него в Риме, сообщал, что учитель выделял три способа перевода – дословный (*conversio ad verbum*); основанный на смысле (*conversio ad sententiam*) и свободный, парафразирующий (*immutatio*). Лучшим из них являлся смысловой: «Мануил, человек без всякого сомнения превосходный, говорил, что менее всего пригоден дословный перевод на латинский, ибо он не только абсурден, но подчас совершенно переворачивает смысл греческого оригинала. Он утверждал, что нужно переводить по смыслу (*ad sententiam transferre*), но таким образом, чтобы занимающиеся переводческой деятельностью взяли себе за правило никоим образом не изменять особого значения греческого [текста]. Ибо если кто-нибудь ради того, чтобы говорить более красиво и понятно для своих соотечественников, в чем-нибудь изменит это значение, то он выполнит работу не переводчика, а комментатора»¹⁰.

В силу ограниченности познаний в латыни Хрисолор в основном стимулировал переводческую работу своих учеников. Например, выполненная им латинская версия «Государства» Платона была отдана на стилистическую «доработку» Уберто Дечембрио. Надо отметить, что именно с момента приезда Хрисолора начинается интенсивная и плодотворная деятельность итальянских гуманистов по переводу на латинский язык греческого литературного наследия – не только классических авторов, но и Отцов Церкви. Показательно, что

одной из ранних работ Леонардо Бруни был перевод гомилии св. Василия Великого «К юношам, о том как пользоваться языческими сочинениями» (*Ad adolescentes*). Это неизвестное западному читателю произведение имело важное значение в контексте оправдания гуманистической увлеченности античными авторами эпохи политеизма. В нем св. Василий объяснял молодежи важность изучения светской греческой литературы, лучшие образцы которой являются источником нравственных добродетелей для христиан и подготавливают их к изучению Священного Писания. В предисловии переводчик подверг критике противников *studia humanitatis*, обвинив их в косности ума и нетерпимости¹¹. Латинский перевод Бруни был невероятно популярен, сохранившись более чем в трех сотнях списков¹².

Вместе с появлением первых гуманистических версий на Западе начинается настоящая дискуссия о переводе. Её истоки можно найти ещё у античных авторов, например, в заметке Цицерона «О наилучшем роде ораторов» (*De optimo genere oratorum*), которая предваряла его перевод речи Эсхина «Против Ктесифонта» и ответной речи Демосфена «О венке». Цицерон, защищавший выбранный им метод свободного перевода, писал, что он переложил их на латынь не как толмач (*interpres*), но как оратор. Он воспроизводил сами мысли, их форму и содержание с помощью тех слов, которые согласовывались с особенностями латинского языка, поэтому у него не было необходимости переводить речи дословно (*verbum pro verbo reddere*)¹³. Первым сочинением на эту тему стало письмо св. Иеронима Стридонского к Паммахию «О наилучшем способе перевода» (*De optimo genere interpretandi*)¹⁴, хорошо известное итальянским гуманистам. Иероним выступал против дословности, которая заглушает смысл текста: «Я не только признаю, но прямо и открыто заявляю, что в переводах греческих текстов, за исключением Священного Писания, где и порядок слов является тайной (*mysterium*), я перевожу не от слова к слову, но от значения к значению (*non verbum e verbo*,

sed sensum exprimere de sensu). И в этом деле я имею учителем Цицерона, который переложил «Протагора» Платона, «Экономику» Ксенофонта и две прекраснейшие речи Эсхина и Демосфена друг против друга»¹⁵. Слова Иеронима в целом совпадали с мнением Хрисолора, который полагал, что переводчик должен верно передавать смысл и стиль греческого текста, но при этом стараться избегать излишней вольности.

Леонардо Бруни обобщил свой собственный опыт в трактате «О правильном переводе» (*De interpretatione recta*, 1420)¹⁶. Гуманист считал, что тому, кто собирается переводить, следует детально изучить оба языка, чтобы правильно воспроизвести смысл и стилистические нюансы оригинального текста, включая его ритмичность и риторические украшения. Он должен понимать значение фразеологизмов и избегать употребления нетипичных для языка перевода слов и выражений. К недостаткам переводчика Бруни относил плохое понимание оригинального текста, неточный или неправильный подбор латинских эквивалентов для греческих слов и выражений и несоблюдение стилистических особенностей и ритмичности, присущих оригиналу. «Наивысшая ценность перевода, - резюмирует Бруни, - заключается в том, чтобы максимально сохранить стиль исходного текста так, чтобы слова, с одной стороны, не потеряли смысла, а с другой – не лишились своего блеска и красоты»¹⁷. В письме к архиепископу Франческо Пиккольпассо Бруни писал, что «всякий перевод является правильным, если соответствует греческому, и неправильным, если не соответствует. Поэтому цель всякого перевода есть сопоставление одного языка с другим»¹⁸.

Отношение Бруни к переводу философских текстов было иным, нежели у его средневековых предшественников. Он видел в сочинениях Аристотеля и Платона не только источник древней мудрости, но и образцы изящной словесности и ораторских украшений, достоинства которых не должны были умаляться при переложении на латынь¹⁹. Появлению более

утонченных переводов способствовала и новая аристократическая мода читать ради развлечения²⁰. Бруни и другие переводчики эпохи Возрождения считали, что последовательное следование методу *ad verbum* неэффективно, так как семантически латинский и греческий язык были неравны. Например, слово αἰσθητά могло переводиться словосочетанием *ea quae sensibus percipiuntur*, а λόγος – как *verbum, sententia, dispositio, ratio* причем в пределах одного и того же текста²¹.

Схоластические версии вызывали у Бруни явное неприятие. В предисловии к переводу «Никомаховой этики» он писал, что предыдущие её версии выполнили скорее варвары, нежели латиняне. По его мнению, автор прежнего перевода, принадлежавший к доминиканскому ордену²², не имел достаточных познаний ни в греческом, ни в латинском, поскольку он во многих местах плохо понял греческий текст и на латинский перевел его до того по-детски и неучено, что следует решительно пристыдить такую беспечную и грубую невежественность²³. Кроме того, ему недоставало литературного мастерства, чтобы передать на латыни утонченный стиль оригинала. «Что мне сказать об изменении речи? Нет ничего более запутанного и более испорченного. Ведь о том, что Аристотель был предан красноречию и соединил речевое искусство с мудростью, свидетельствует сам Цицерон во многих местах и подтверждают его книги, написанные блестяще с великой страстью к красноречию»²⁴. Бруни с раздражением отмечал, что доминиканский переводчик не использовал богатство латыни (*coriam linguae nostrae*), а просто транслитерировал греческие термины, такие как *eutrapelia* (остроумие) и *eutrapelos* (остроумный) вместо латинских эквивалентов: *urbanitas* и *urbanus, festivitas* и *festivus, comitas* и *comis, jocunditas* и *jocundus* соответственно; также *bomolochia* (шутовство) и *bomolochos* (шут) вместо *scurrilitas* и *scurra; agrichia* (грубость, неотесанность) и *agrichos* (грубость, неотесанный) вместо *rusticitas* и *rusticus*. В итоге получались неудобные для

понимания и некрасивые по звучанию фразы, наподобие такой: «По отношению к удовольствию в играх: держащийся середины – это *эутрапелос*, а его склонность – *эутрапелия*, переизбыток же – *это бомолохия* и тот, кто его имеет – *бомолохос*, тот же, в ком недостаток, – *агрихос*, а свойство – *агрихия*». Высказанные Бруни суждения о средневековом переводчике вызвали упреки за резкость и несдержанность. Это побудило его сесть за написание трактата «О правильном переводе», где он подверг ошибки своего предшественника ещё более пристальному рассмотрению²⁵.

Впрочем, латинская версия «Никомаховой этики», подготовленная Бруни, также не избежала критики, в первую очередь со стороны Алонсо де Картахена (ок. 1384-1456), епископа Бургосского, апостольского нунция и члена королевского совета Хуана II Кастильского. Алонсо написал трактат, положивший начало полемике с Бруни, под названием «*Declamationes super translationem Ethicorum*»²⁶, в котором доказывал, что версии философских работ должны отличаться терминологической точностью и ясностью и что строгость перевода предпочтительнее риторической красоты. «В философии, - писал Алонсо, - слова не следует отпускать на волю без узды (*sine freno*), иначе из-за ненадлежащего словоупотребления ошибка присоединится к самому содержанию»²⁷. Он считал несправедливым обвинение средневекового переводчика в транслитерации греческих слов, поскольку она способствовала обогащению латыни, причем последняя, кажется, не рассматривалась им как «застывший» и не способный к развитию язык: «почти во всех науках и искусствах, а также в обиходной и официальной речи мы пользуемся многими греческими словами. Некоторые из них настолько вошли в постоянное употребление, что считаются не только греческими, но и латинскими. Мало того, они усваиваются языком как ученых, так и неученых людей в качестве общеизвестных и привычных терминов... Разве латинского происхождения слова

«грамматика», «логика», «риторика», «философия» и «геология», которые уже используют в речи все простолюдины? Разве не очевидно, что они были и остаются греческими, но уже вошедшими в наш речевой обиход?»²⁸ Такой подход был неприемлем для многих гуманистов, которые считали, что при переводе текста необходимо использовать богатство латинского языка. Даже такие, казалось бы, укоренившиеся в латыни слова, как ἀριστοκρατία и δημοκρατία, Бруни вслед за Цицероном переводил словосочетаниями *optimorum potestas* и *popularis potestas*²⁹.

Несмотря на то, что сторонники нового метода перевода часто критиковали и принижали достижения своих средневековых предшественников, на практике они демонстрировали большую гибкость, особенно в том, что касалось работы с философскими текстами. Одним из способов перевода был просмотр прежних дословных версий, сопровождавшийся их стилистическим улучшением. Использование работ предшественников позволяло выполнять собственные переводы быстрее и безопаснее, чем оригинальные, но часто сопровождалось сохранением выбора и порядка слов из прежних версий. Брайан Копенхейвер показал это на примере небольшого фрагмента «Никомаховой этики», восемь латинских переводов которого (два средневековых и шесть гуманистических) имели значительное сходство (около трех четвертых текста с учетом стилистических и второстепенных изменений). Для большей наглядности приведем некоторые из них³⁰:

«πᾶσα τέχνη καὶ πᾶσα μέθοδος, ὁμοίως δὲ πρᾶξις τε καὶ προαίρεσις, ἀγαθοῦ τινὸς ἐφίεσθαι δοκεῖ: διὸ καλῶς ἀλεφῆναντο τὰγαθόν, οὗ πάντ' ἐφίεται».

(Eth. Nic. I.1. 1094a).

«Всякое искусство и всякое учение, а равным образом поступок и сознательный выбор, как принято считать, стремятся

к определенному благу. Поэтому удачно определяли благо как то, к чему все стремятся»

(Пер. Н.В. Брагинской)³¹.

«Omnis ars et omnis doctrina, similiter autem et actus et electio bonum quoddam appetere videtur; ideo bene enunciaverunt bonum, quod omnia appetunt».

(Роберт Гроссетест; 1246-1247)

«Omnis ars omnisque doctrina, similiter autem et actus et electio bonum quoddam appetere videtur; quapropter bene ostenderunt summum bonum, quod omnia appetunt».

(Леонардо Бруни; 1416-1417)

«Omnis ars omnisque doctrina, similiter autem et actu et electio bonum quoddam appetere videtur; quo circa bene enunciaverunt ipsum bonum, quod omnia appetunt».

(Джанноццо Манетти, до 1457)

«Omnis ars omnisque doctrina, atque actus itidem et electio bonum quoddam appetere videtur; quapropter bene veteres bonum ipsum id esse dixerunt, quod omnia appetunt».

(Иоанн Аргиропул, ок. 1460)

Гуманисты могли руководствоваться и более ранними версиями своих коллег, как в случае с «Географией» Страбона. Папа Николай V разделил работу по переводу сочинения между Гварино Веронезе и Григорием Тифернатом (Григорियो да Читта ди Каstellо). Гварино поручалось перевести первые десять книг, посвященных описанию Европы, Тифернату – следующие семь об Азии и Африке. Оба гуманиста завершили работу над своими частями уже после смерти папы, однако Гварино

решил перевести труд полностью и в июле 1458 г. презентовал собственную версию «Географии» новому покровителю Джакомо Антонио Марчелло. Э. Миони, сравнивший оба варианта перевода XI-XVII книг, пришел к выводу, что Гварино во многом имитировал версию Тиферната. В итоге Джованни Андреа Бусси, издатель первой латинской «Географии» (Рим, 1469), принял к печати перевод Гварино для I-X книг и Тиферната для XI-XVII³².

Следует сказать, что метод перевода *ad verbum* продолжил существование и в XV в., но с определенными новациями, которые отвечали гуманистическому стремлению к элегантному стилю и языковой правильности. Например, Георгий Трапезундский считал, что при переводе богословских и научных текстов нужно по возможности передавать оригинал слово в слово. Впрочем, такой подход можно рассматривать и как частный вид точного перевода.

В отношении священных текстов переводчики, в целом, исходили из двух важных критериев – максимальной точности и передачи смысла там, где было невозможно буквальное воспроизведение. Как писал Виссарион, «тому, кто переводит что-либо с одного языка на другой, нужно изучить сам язык, с которого он переводит, и отражать не только истинный смысл текста, но также и передавать его слово в слово (*verba de verbis exprimere*), особенно в Священном Писании, где должно не только оберегать сами слова, но и сохранять порядок слов насколько это возможно. Ибо в Священном Писании даже сам порядок слов является тайной, как сообщает в послании к Паммахию Иероним. Менять же в нем что-либо опасно. И все же если соблюсти такую точность не позволяют особенности языка, на который делается перевод, тогда допускается с помощью перефразирования верно выразить тот же смысл»³³.

Точный перевод более подходил для теологических и богословских сочинений, свободный – для исторических, поэтических и риторических текстов, однако выбор техники всегда

зависел от конкретного переводчика. Джанноццо Манетти (1396-1459), наряду с дословным (*ad verbum*) и смысловым (*ad sensum*) переводами, выделял ещё третий вид, когда «одно иногда опускается ради красоты, иное добавляется по усмотрению и желанию переводчика». Перевод *ad verbum*, в его понимании, – строго буквальный, который «не только смешотворен и глуп, но порой и ложен»; перевод *ad sensum* – это правильный перевод, совмещающий литеральную точность со смысловым переводом идиоматических оборотов. Он полагал, что «между переводами [сочинений] поэтов, ораторов, историков, с одной стороны; философов и теологов – с другой, должно быть явное отличие, причем не малое, а, большое и весьма существенное». Таким образом, Манетти считал третий вид перевода подходящим только для литературных произведений³⁴. Мы также видим, что предложенная им концепция трех видов переводов является своего рода вариацией двух указанных техник – точной и свободной. Несколько иначе на выбор способа перевода смотрел Пьер Кандидо Дечембрио (1399-1477). Он также выделил три возможных метода – дословный для Священного Писания; свободный для поэтических и риторических текстов и некий промежуточный для исторических и философских сочинений. Его друг, гуманист Антонио да Ро пересказал суждение Дечембрио о том, что некоторые из современных эллинистов при переводе исторических трудов «не только сделали пропуски, или добавления, или изменения в текстах, но и наполнили их ложью, которая не совместима с историей как учительницей истины. Таким образом они их не перевели, а перевернули»³⁵.

По мнению П.О. Кристеллера, в течение XV-XVI вв. гуманисты перевели на латынь практически всех классических греческих авторов, доступных в то время. В этих переводах впервые были представлены все произведения греческой поэзии, ораторского искусства и истории, значительная часть сочинений по математике, географии, медицине и ботанике, греческой святоотеческой литературы, большинство источников

античного платонизма, стоицизма, эпикуреизма и скептицизма, а сочинения Аристотеля стали изучаться не только по средневековым латинским версиям и комментариям, но также и по греческим текстам, по новым гуманистическим переводам и по греческим комментаторам³⁶.

Большинство греко-византийских переводчиков первых волн эмиграции были связаны с гуманистическим кружком Виссариона, которого Лоренцо Валла наградил остроумным эпитетом «inter Graecos latinissimus, inter Latinos graecissimus»³⁷. Благодаря поддержке кардинала и римских пап, в особенности Николая V и Пия II, Рим стал лидировать в области перевода греческих текстов. Резиденция Виссариона на Квиринале была местом общения итальянских эллинистов и их византийских коллег. Кардинал не только заказывал и финансировал переводы, но и работал над ними сам. Его первым опытом стала гомилия св. Василия Великого на Рождество Христово, латинскую версию которой он адресовал папе Евгению V. Ему также принадлежат переводы гомилии «На слова: *внемли себе*» (*Homilia in illud: Attende tibi*) св. Василия, «Воспоминаний о Сократе» Ксенофонта и «Метафизики» Аристотеля вместе с одноименным сочинением Теофраста. Работая над переводом Аристотеля, Виссарион руководствовался ранней латинской версией Вильгельма из Мёрбеке, как видно на следующем примере:

«πάντες ἄνθρωποι τοῦ εἰδέναι ὀρέγονται φύσει. σημεῖον δ' ἡ τῶν αἰσθήσεων ἀγάπησις: καὶ γὰρ χωρὶς τῆς χρείας ἀγαπῶνται δι' αὐτάς, καὶ μάλιστα τῶν ἄλλων ἢ διὰ τῶν ὁμιάτων. οὐ γὰρ μόνον ἵνα πράττωμεν ἀλλὰ καὶ μὴ ἐν μέλλοντες πράττειν τὸ ὄραν αἰρούμεθα ἀντὶ πάντων ὡς εἶπεῖν τῶν ἄλλων» (Met. I.1. 980a).

«Все люди от природы стремятся к знанию. Доказательство тому – влечение к чувственным восприятиям: ведь независимо от того, есть от них польза или нет, их ценят ради них самих, и больше всех зрительные восприятия, ибо видение, можно

сказать, мы предпочитаем всем остальным восприятиям, не только ради того, чтобы действовать, но и тогда, когда мы не собираемся что-либо делать»

(Пер. А.В. Кубицкого, пересм. М.И. Иткиным)³⁸.

«Omnes homines natura scire desiderant. Signum autem est sensuum dilectio; preter enim et utilitatem propter se ipsos diliguntur, et maxime aliorum qui est per oculos. Non enim solum ut agamus sed et nichil agere debentes ipsum videre pre omnibus ut dicam aliis eligimus» (Вильгельм из Мёрбеке, ок. 1260)³⁹

«Omnes homines natura scire desiderant. Signum autem est sensuum dilectio. Nam et absque usu propter se ipsos amantur. Prae ceteris autem, qui per oculos fit: non enim ut agamus solum, verum etiam nil acturi, ipsum videre prae omnibus aliis, ut ita dicam, eligimus» (Виссарион, ок. 1450)⁴⁰.

В 1470 г. Виссарион, исходя из политических соображений, выполнил перевод первой «Олинфской» речи Демосфена. В ней афинский оратор призывал сограждан помочь фракийскому городу Олинфу, которому угрожал Филипп Македонский. В комментарии к переводу Виссарион провел историческую параллель между итальянцами и афинянами: «как тогда Филипп угрожал Греции, так и ныне турок Италии». Совет Виссариона был созвучен с призывами Демосфена – все народы Италии и христианского мира должны сплотиться против жестокого врага веры и помнить слова оратора: не следует просить не только Бога, но и друга о защите сонного или праздного⁴¹.

Интерес представляет и небольшое изыскание Виссариона, посвященное правильности перевода фрагмента Евангелия от Иоанна (21:22) в латинском тексте «Вульгаты»: Sic volo eum manere donec veniam, quid ad te? В греческом тексте Иисус обращается к Петру со словами: Ἐὰν αὐτὸν θέλω μένειν ἕως ἔρχομαι, τί πρὸς σέ («если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что

Илл. 21. Кардинал Виссарион (в центре).
Фрагмент барельефа в память о папе Пие II. Скульптор Паоло
Романо. Рим. Сант'Андреа делла Валле. *Ronchey S. Volti di*
Bessarione. P. 545. Fig. 1.

тебе *до того?*»). Виссарион доказывал, что правильным переводом было бы «*si volo eum...*», поскольку *si* соответствует греческому ἔάν (*если*), в то время как *sic* сходно по значению с греческим οὕτως (*так*). Появление *sic* в тексте «Вульгаты» он объяснял не ошибкой переводчика (св. Иероним перевел правильно), а невнимательностью переписчика, так как написание *sic* и *si* отличается одной буквой. В подтверждение Виссарион указал на несколько описок, обнаруженных им в «Вульгате». Он также привел мнение Августина о том, что в случае сомнений в латинских переводах книг Нового Завета нужно прибегать к греческим кодексам⁴², и отметил, что Ориген, Златоуст, Кирилл и другие ученые греки читали в указанном месте ἔάν⁴³. Мнение Виссариона учел Лоренцо Валла, как следует из его комментария к XXI главе Евангелия от Иоанна в «Collatio Novi Testamenti»⁴⁴.

Трактат Виссариона был написан в ответ на сочинение Георгия Трапезундского, посвященное тому же вопросу. Георгий доказывал корректность перевода «ἔάν θέλω» как «*sic volo*», указывая на то, что *sic* с глаголом в изъявительном наклонении означает утверждение. Для выражения условности евангелист поставил бы глагол в сослагательное, а не изъявительное (θέλω) наклонение. Поэтому правильное прочтение библейского текста: «*таким образом* Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе *до того?*»⁴⁵ Рассуждая как богослов, Виссарион полагал, что ответ Иисуса на вопрос Петра о судьбе Иоанна не следовало понимать как утверждение, так как в действительности Иоанн умер. Согласно же интерпретация Георгия, слова Христа означали, что его ученик не умрет до Второго пришествия, когда встанет на защиту Церкви от Антихриста. В 1464 г. Георгий в продолжение полемики с Виссарионом написал второй трактат о «*Sic volo eum manere...*», посвященный папе Павлу II, в котором изложил свои эсхатологические представления⁴⁶.

Отношения Георгия Трапезундского (1395-1472/1473) с

Виссарионом складывались непросто⁴⁷. Из-за сложного характера он нажил немало недоброжелателей, в том числе среди греческих эмигрантов. Георгий родился на Крите в семье, происходившей из Трапезунда, учился у Иоанна Симеонахиса, затем в 1412 или 1416 г. переехал в Венецию, где ненадолго остановился в доме венецианского гуманиста Франческо Барбаро. Из Венеции он отправился в Падую. Здесь Георгий брал уроки латинского у Витторино да Фельтре, и, со своей стороны, помогал ему в понимании греческих текстов платоновского «Горгия» и работ Гермогена Тарсийского по риторике. Его успехи в латыни были настолько высоки, что он стал преподавать латинскую словесность в Виченце (ок. 1423-1426), а затем вместе с греческим языком в собственной школе в Венеции (1433-1437). Его следующим пунктом стала Болонья (1437-1438), где он поступил на службу к папе Евгению IV. Оттуда он направился к Герардо Гамбакорте, сеньору Баньо ди Романья, и в течение двух лет был наставником его сына Пьетро. Во Флоренции (1440-1443) он читал лекции по риторике и поэзии. К этому периоду относится начало его взаимоотношений с Виссарионом, который поручил ему перевод труда Василия Великого «Против Евномия». К началу 1442 г. Георгий не только выполнил основной заказ, но и перевел другое сочинение св. Василия – «О Святом Духе»⁴⁸. Это был его первый серьезный опыт переводческой деятельности. В предисловии он затронул важный вопрос, касающийся специфики работы с богословскими текстами: «Я вижу, что те, которые пытаются переводить чего не понимают, – подобно детям, всего лишь ищут значения слов, но сильно удаляются от самой сути. Хотя тот, кто плохо переводит слова, плохо поймет и суть. Кроме того, следует оказывать полное почтение богословам, переводя их труды как можно ближе к греческому оригиналу. Ибо расширение, изменение, добавление или сокращение чего-либо, что в большинстве случаев необходимо переводчику, в высшей степени чуждо богословию, почти опасно для него, и этого следует более всего избегать тому,

кто хотел бы перевести настоящую книгу св. Василия»⁴⁹.

В 1443 г. Георгий переехал в Рим вместе с папой Евгением V. До начала следующего десятилетия его положение в папской курии было достаточно надежным, а Виссарион выступал одним из его покровителей. Георгий активно занимался переводами с греческого. В эти годы он подготовил латинские версии работ Аристотеля («Физика», «О возникновении и уничтожении», «О душе», «О небе», «О мире», «Риторика») и Григория Нисского⁵⁰ («О жизни Моисея»), а также речи Демосфена «О венке» («De corona»), которая уже была известна на Западе в переводах Леонардо Бруни и Лоренцо Валлы. По словам самого Георгия, он не только полностью сохранил смысл и силу аргументов Демосфена, что является обязанностью любого переводчика, но и точно следовал клаузулам, ритму и самой структуре произведения, благодаря чему смог передать сам характер Демосфеновой речи⁵¹. При переводе богословских и философских сочинений Георгий придерживался иного подхода. В предисловии к латинской версии «Физики», адресованном его другу Антонио да Паго, он сообщал, что попытался перевести её слово в слово (*verbum verbo*), насколько это позволяет латынь⁵².

Свое отношение к выбору техники перевода он изложил в предисловии к речи «О венке», посвященном королю Альфонсо Арагонскому: «Разумеется, есть не один метод перевода, но в силу разных оснований существуют и разные, отличающиеся друг от друга методы. Тому, кто переводит на другой язык нечто трудное, сложное для чувства и интеллекта и по большей части двусмысленное даже у самих авторов, надлежит держаться скорее слова, чем смысла, чтобы, следуя за тем смыслом, который он сам схватывает, не упустить из вида другие лучшие и более глубокие смыслы <...> В том, что этот способ подходит для перевода Священного Писания и сочинений Аристотеля, усомнится только совершенно несведущий. Тому, кто переводит какого-либо историка, можно и не заботиться о словах, но, когда он полностью поймет смысл,

пусть переводит его на латынь более широко или сжато, лишь бы пользовался такой же манерой изложения, как у историка. Но тот, кто желает переложить на латинский речь какого-нибудь греческого оратора, должен знать, что ему нужно следовать не только за его словами и смыслом, но и, насколько возможно, выразить по-латински ораторский стиль и разнообразие речи, что имеет куда большее значение»⁵³.

Понтификат Николая V (1447-1455) был золотым временем для переводческой деятельности. По сообщению Веспасиано да Бистиччи, Лоренцо Валла получил *grandissimo premio* за латинские версии Фукидида и Геродота, а Никколо Перотти – 500 папских дукатов за «Историю» Полибия⁵⁴. Услуги Гварино по переводу первых десяти книг «Географии» Страбона были оценены в 1000 флоринов⁵⁵. Апостольский секретарь Поджо Браччолини перевел «Киропедию» Ксенофонта и первые пять книг «Исторической библиотеки» Диодора, Григорий Тифернат – «Никомахову этику» и «Евдемову этику» Аристотеля, «Метафизику» Теофраста, «О природе души и мира» псевдо-Тимея и часть «Географии» Страбона.

По поручению Николая V Георгий выполнил переводы нескольких важных произведений, принадлежащих христианским авторам – «Беседы на Евангелие от Матфея» Иоанна Златоуста, «Толкование на Евангелие от Иоанна» Кирилла, «Евангельское приготовление» (*De praeparatione evangelica*) Евсевия, «Похвальное слово Афанасию Великому» и «Надгробное слово Василию Великому» Григория Богослова. Кроме того, он перевел «Законы» и «Послезаконие» (*Epinomis*) Платона; «Альмагест» Птолемея, биологические трактаты Аристотеля («История животных», «О частях животных», «О возникновении животных»), объединенные под общим названием «*De animalibus*», и псевдоаристотелевские «Проблемы» (*Problemata*). Он также оказал консультативную помощь Поджо Браччолини во время его работы над версиями Ксенофонта и Диодора⁵⁶. Наряду с переводческой деятельностью, Георгий исполнял обязанности апостольского секретаря и некоторое

*Илл. 22. Портрет Георгия Трапезундского.
Фрагмент миниатюры иллюминированного
манускрипта из Ватиканской апостольской библиотеки
Vat. Lat. 385, fol. 121r.*

Титульный лист посвящения Георгия Трапезундского папе Николаю V латинского перевода «Бесед на Евангелие от Матфея» Иоанна Златоуста. Представляется очевидным, что на миниатюре в окружении кардиналов изображен сам переводчик, преподносящий свой труд понтифику. Мы видим прижизненный портрет Георгия Трапезундского, созданный в 1448 г., который отличается от более известного изображения, выполненного Тобиасом Штиммером (см. илл. 1).

время с успехом преподавал в римском *Studium Urbis*⁵⁷.

Тем не менее, не все переводы Георгия произвели благоприятное впечатление на понтифика. Николай V поручил Андреа Контрарио подготовить новую версию «*De praeparatione evangelica*». Комментарий Георгия на «Альмагест» подвергся критике со стороны Якопо Кассиано. Наконец, уже после отъезда Георгия из Рима Феодор Газа презентовал собственные переводы «Проблем» и «*De animalibus*», что привело к серьезному ухудшению отношений между двумя греческими учеными. В ответ Георгий написал против Газы инвективу об искажении «Проблем» Аристотеля (*In perversionem Problematum Aristotelis*)⁵⁸.

Надо заметить, что оценка переводов Георгия была отнюдь не беспристрастной, так как в папской курии он приобрел достаточно недоброжелателей, включая самого Виссариона. Поводом для его удаления из Рима стал очень некрасивый инцидент, произошедший в папской канцелярии в мае 1452 г. Нелестные слова, сказанные Георгием в отношении Поджо и случайно подслушанные последним, спровоцировали драку двух апостольских секретарей, причем Георгий, защищаясь, схватился за меч и обратил оппонента в бегство. Его письмо к Поджо весьма красноречиво свидетельствует о характерах обоих *litterati*:

«Когда я сидел на виду у многих сбежавшихся людей, ты, протянув правую руку, засунул мне в рот указательный палец и с помощью большого держал за мягкие ткани лица. Другую же руку ты направлял к моим глазам, чтобы выдавить их двумя пальцами, пока я уклонялся от них и крутил головой в разные стороны. Ты знаешь, что это правда. Свидетельница тому – твоя совесть, также как и моя <...> О бедный я, несчастный! Насколько осторожно я тогда действовал и насколько безответственно меня за это осудили. Я по праву мог откусить твой палец, засунутый мне в рот, – я этого не сделал. Мне пришлось на ум, когда я сидел, а ты стоял, сжать твои тестикулы и тебя повалить – и этого не сделал. Я попросил у окружающих меч,

чтобы им нагнать на тебя страху. И в этом я не обманулся. Ты немедленно сбежал оттуда, как флорентийская женщина. А посему: что я сделал плохого, если попросил меч, чтобы тебя прогнать?»⁵⁹

После истории с мечом Георгий на несколько дней был заключен в замок Сант-Анджело⁶⁰. Конфликт с Поджо, а также предвзятое отношение к его переводческой работе вынудили Георгия переехать в Неаполь (1452-1455) под покровительство Альфонсо Арагонского. Он посвятил королю свои переводы «Риторики» Аристотеля, «Книги сокровищ о святой и единосущной Троице» (*Thesaurus de sancta et consubstantiali Trinitate*) Кирилла Александрийского и «Ста изречений» (*Centiloquium*) псевдо-Птолемея. В понтификат Каллиста III Георгий вернулся в Рим (1455-1460), где завершил обширный труд под названием «Сопоставление философии Аристотеля и Платона». В 1460 г. он принял приглашение от венецианских властей занять должность преподавателя красноречия и предметов гуманистического цикла с годовым жалованьем в 150 дукатов, однако уже в мае 1462 г. снова отбыл в Рим. Здесь по просьбе Николая Кузанского он перевел платоновский диалог «Парменид»⁶¹. Последние десять лет его жизни прошли преимущественно в папской столице. Отсюда Георгий совершил путешествие в Константинополь (1465-1466), по возвращении из которого провел четыре месяца в тюрьме. Основанием для заточения стали его трактат «О вечной славе самодержца и его мировом владычестве» и письма к Мехмеду II⁶², в которых он выражал восхищение султаном. Джовио нарисовал печальный образ Георгия на закате жизни: впавший в детство и потерявший память старик в поношенном плаще и в колпаке одиноко блуждал по Риму, опираясь на узловатый посох⁶³.

Соперник Георгия Трапезундского Феодор Газа прибыл в Рим в 1450 г. и вскоре вошел в кружок Виссариона⁶⁴. В середине следующего года он посвятил Николаю V перевод двух трактатов Теофраста «История растений» и «О причинах

растений», объединенных под названием «De plantis». Работа осложнялась тем, что в его распоряжении оказалась только одна рукопись, исправление которой стоило ему многих трудов. В посвящении он признал, что ему пришлось пропустить то, что «едва можно было понять надлежащим образом»⁶⁵.

В 1454 г. Газа выполнил первую редакцию перевода псевдоаристотелевских «Проблем» и преподнес его Николаю V вместе с латинской версией одноименной работы псевдо-Александра Афродисийского (*Problemata*), подготовленной им годом ранее⁶⁶. Новый перевод «Проблем» псевдо-Аристотеля вызвал негодование Георгия Трапезундского. В трактате «*In perversionem Problematum Aristotelis*» (1456) он осудил Газу за серьезное вмешательство в текст и за выбранный им метод перевода *ad sententiam*, неприменимый, по его мнению, к философским сочинениям. Добросовестным переводчикам, полагал Георгий, следует придерживаться того правила, что более сложные и тяжелые тексты нужно передавать почти дословно, а исторические и легкие можно излагать более широко или более сжато по своему усмотрению⁶⁷. В дальнейшем Газа учел некоторые замечания Георгия во второй, пересмотренной версии «*Problemata*», которая была напечатана в Риме в 1475 г. В предисловии к этому изданию венецианский врач Никколо Гупалатино сообщил, что Газа добивался восстановления текста на основе сличения имевшихся в его распоряжении греческих кодексов: «Я сам, писавший под его диктовку, свидетель тому, сколько сил израсходовал ученейший старец, в течение года исправлявший многочисленные ошибки переписчиков. Несомненно, искажены были все греческие кодексы. Но он всегда рассуждал с великой точностью, которая подобает превосходному переводчику, полагаясь, с одной стороны, на замечательные познания в области родного для него греческого языка и утонченной латыни, а, с другой, на глубокое понимание перипатетиков. Он сделал с «Проблемами» то, что обычно делал в других переводах: из многих поврежденных и искаженных текстов воссоздал невредимый и

превосходный»⁶⁸.

Редакторские правки, внесенные Газой, коснулись самой структуры и содержания текста. Кроме того, он использовал непривычную латинскую терминологию для перевода специальной греческой лексики. Например, Газа переводил *psellotes* (речевой дефект, заключающийся в пропуске звука или слога) как *balbuties* (заикание, запинание), в то время как Бартоломео из Мессины в XIII в., а вслед за ним и Георгий Трапезундский предлагали более удачный эквивалент – *blesitas* или *blaesitas*⁶⁹. Оригинальный подход Газы в итоге создал неудобства для врачей, главных читателей «Проблем». Ученые комментаторы XVI-XVII вв. критиковали Газу за философскую и научную неграмотность (Лудовико Сеттала), за невысокое уважение к греческому тексту и за ненужные исправления и конъектуры (Джулио Гуаставини)⁷⁰. Тем не менее, его латинская версия была очень востребована в течение XV-XVI вв., выдержав 48 изданий⁷¹.

Над переводом «De animalibus» Газа трудился довольно долго. Он начал его после окончания работы над «Проблемами» псевдо-Аристотеля, но к 1458 г., как следует из письма Газы к Виссариону, имел только черновой вариант⁷². Завершить работу полностью ему удалось только в понтификат Сикста IV⁷³. Стиль перевода Газы более свободный и изысканный, чем у Георгия Трапезундского. Однако он заботился не только о внешней красоте текста, но и о том, чтобы сделать его более понятным и доступным, для чего прибегал к перефразированию и интерполяциям⁷⁴. Газа исходил из того, что предыдущие переводчики не знали ни языка, ни аристотелевского учения, поэтому они исказили авторский текст и использовали неправильную терминологию: «или по-гречески сказали то, что латиняне хотели услышать по-латински, или невпопад назвали одни вещи именами других, или сами нелепо выдумали новые»⁷⁵. Исходя из этого, он стремился полностью порвать с грецизмами и найти зоологическим тер-

минам латинские эквиваленты. Так, если Вильгельм из Мёрбеке и Георгий Трапезундский переводили *θεωρία* и *μέθοδος* как *theoria* и *methodus*, то Газа использовал для этого выражения *contemplandi genus* и *docendi via* соответственно. Как установил Г.М. Воробьев, большинство неологизмов в переводе Газы было образовано путем калькирования греческих зоонимов, причем больше половины новообразованных им слов (23 из 42) использовались в биологической номенклатуре XVIII-XIX вв. Основными источниками Газы для заимствования латинских названий животных являлись античные авторы, в первую очередь Плиний. Примечательно, что Газа воспользовался одиннадцатью неологизмами Георгия Трапезундского, четыре из которых попали в номенклатуру Нового времени через посредство газовского перевода, так как латинская версия Георгия не получила распространения. Другими способами передачи зоонимов, выделенными Г.М. Воробьевым, были заимствования с изменением значений, перифразы и транслитерации⁷⁶.

Редакционное вмешательство Газы в текст «*De animalibus*» оказалось не менее радикальным, чем в предыдущих случаях, поскольку книги серьезно пострадали «или по вине переписчиков, или из-за случая, о котором мы читаем у географа Страбона»⁷⁷. Здесь Газа ссылается на известное предание, связанное с судьбой библиотеки Стагирита. Кодексы, сменившие несколько владельцев, долгое время пролежали спрятанными в погребке, что привело к их частичному разрушению. Затем их выкупил Аппеликонт из Теоса. Он попытался восстановить рукописи, но, будучи скорее библиофилом, а не филологом, наполнил их многочисленными ошибками (Strab. XIII, 54). Решительные изменения в тексте, которые делал Газа, были далеко не всегда оправданы, как например, включение в перевод «*Historia animalium*» фраз и слов из «Естественной истории» Плиния Старшего. В связи с этим слова Георгия Трапезундского об искажении Аристотеля могут показаться справедливыми, если оставить в стороне мотивы,

которыми руководствовался Газа. С точки зрения последнего, было бессмысленно переводить «Problemata» и «De animalibus» в их актуальном состоянии, так как их тексты подверглись двойной порче – естественному разрушению и обработке Аппеликонта. Цель Газы состояла в том, чтобы восстановить первоначальный текст, даже если приходилось полагаться на интуицию. Он часто был первым, кто распознавал искажение или лагуну и предлагал затем свое решение⁷⁸.

Кроме того, Газа изменил саму структуру текста: он исключил десятую книгу «Истории животных», как более позднюю вставку; изменил порядок текста в восьмой; поставил девятую книгу на место седьмой. В последнем случае он, очевидно, руководствовался тем соображением, что в пятой и шестой книгах рассматривается вопрос воспроизводства животных, а в девятой – людей, поэтому такое перемещение казалось логичным. Современные ученые склонны сомневаться в правильности этой перестановки, тем не менее, порядок, предложенный Газой, оказал влияние на последующих издателей Аристотеля⁷⁹.

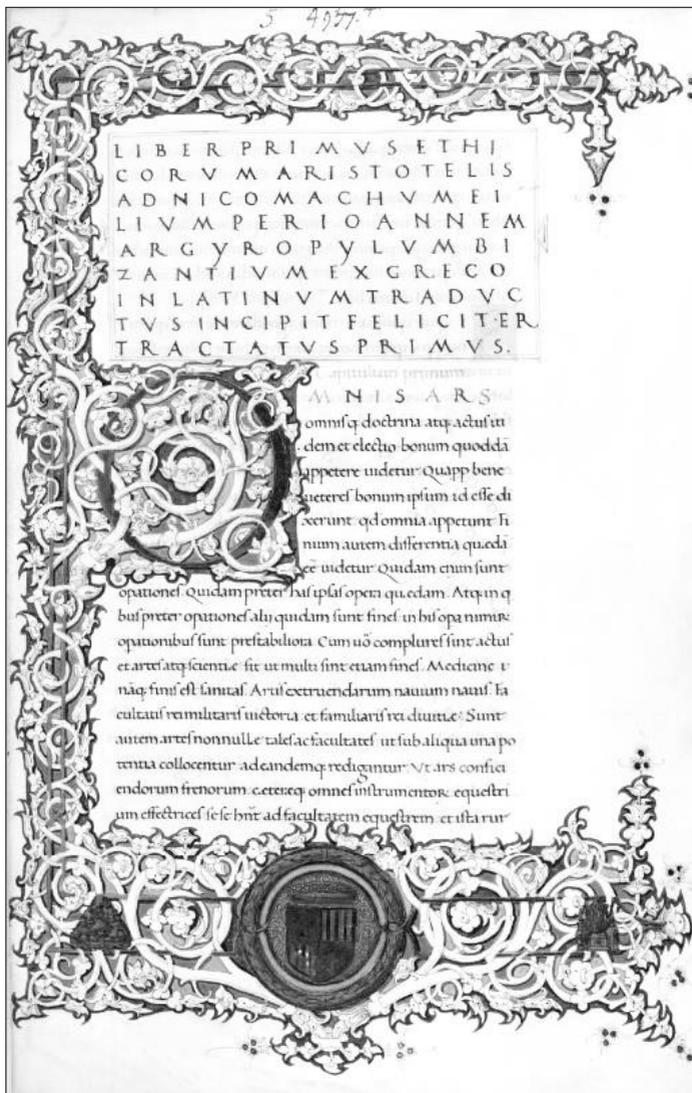
Версии Газы долгое время считались каноническими. Критические замечания гуманистов поначалу были исключением, как например выпад Полициано в 90 главе его первой «Miscellaneorum centuria» (1489). Обратившись к «Проблемам» Аристотеля, он верно подметил, что Газа неправильно понял искаженный фрагмент рукописи, который следовало читать «на горе Эте», так как тот касался гибели Геракла (Probl. 30:1:953a 17-19)⁸⁰. Далее он почти обвинил Газу в плагиате, утверждая, что в своей версии «De animalibus» тот «едва ли не шел по следам» прекрасного перевода Георгия, хотя сам написал в предисловии, что ни от кого не получал помощи и даже не соревновался с другими интерпретаторами⁸¹. Конечно, Полициано был прав, утверждая, что латинские версии Аристотеля принесли Газе гораздо больше славы, чем его сопернику. Перевод «De animalibus» Георгия Трапезундского так и не был

издан, тогда как версия Газы печаталась многократно, выдержав к концу XVI в. свыше сорока изданий либо полностью, либо отдельными трактатами.

После смерти Николая V Газа поселился в Неаполе (1455-1462). В связи с интересом короля Альфонсо Арагонского к военной науке он перевел «Тактику» Элиана⁸² и «Стратегикон» Маврикия, версия которого, по-видимому, была утрачена. О ней мы знаем из предисловия к другому переводу Газы – гомилиям Иоанна Златоуста «О непостижимом» (*De incomprehensibili Dei natura*)⁸³. Он также подготовил латинскую версию писем псевдо-Брута⁸⁴. В период пребывания Газы в Риме (ок. 1467-1474) он перевел моралию Плутарха «О беседах философа с властителями» (*Maxime cum principibus philosopho esse disserendum*)⁸⁵ и, возможно, гиппократовы «Афоризмы»⁸⁶. Кроме того, Газа оказал консультативную помощь, по крайней мере, двум итальянским эллинистам – Бартоломео Фацио при переводе трактата Арриана «Анабасис Александра» (*De rebus gestis Alexandri Magni*, ок. 1454-1456)⁸⁷ и в 1468 г. Франческо Филельфо в работе над латинской версией «Киропедии»⁸⁸. Следует также упомянуть, что в письме, относящемся к 1472-1474 гг., он советовал Кристофоро Персоне перевести «Contra Celsum» Оригена⁸⁹.

Наряду с Георгием Трапезундским и Феодором Газой переводами Аристотеля активно занимался Иоанн Аргиропул. Он родился в знатной семье в Константинополе и в молодые годы посвятил себя изучению философии. Предполагается, что первый раз он посетил Италию в составе византийской делегации, отправившейся на знаменитый церковный собор. Спустя два года Аргиропул вновь приехал на Апеннины, но уже с образовательными задачами. В 1441-1444 гг. он учился на факультете искусств Падуанского университета. По возвращении на родину Аргиропул несколько лет преподавал в Константинополе, где его учениками были Константин Ласкарис и Михаил Апостолий. После падения византийской сто-

лицы ученый бежал в Италию и спустя несколько лет, благодаря участию влиятельных покровителей, занял место профессора во Флорентийском университете. Его дальнейшая жизнь прошла между Флоренцией (1456-1471 и 1477-1481) и Римом (1471-1477 и 1481-1487), где он занимался преподаванием и переводом. Сфера его ученых интересов была связана прежде всего с аристотелевской философией. О внимании Аргиропула к учению Стагирита можно судить по его лекциям, прочитанным во флорентийском университете⁹⁰, и переводам сочинений Аристотеля – обеих «Аналитик», «О душе», «Никомаховой этики», «Об истолковании», «Физики», «Метафизики» (кн. I-XII), «Категорий», «О небе», псевдоаристотелевского трактата «О мире» (*De mundo*) и «Введения к *Категориям* Аристотеля» (*Isagoge*) Порфирия. Ему также принадлежит латинская версия «Бесед на Шестоднев» (*Hexaemeron*) св. Василия Великого⁹¹. Для Аргиропула были характерны более свободная манера перевода философских текстов и внимательность к стилистическим нюансам. В предисловии к латинской версии «Об истолковании» он писал: «я решил сделать более утонченный латинский перевод некоторых книг Аристотеля, ибо это, несомненно, покажется очень приятным ему самому, будь он к этому восприимчив, если он, наконец, увидит себя у латинян таким, каким хотел появиться у своих соотечественников»⁹². Впрочем, из-за стремления к стилистическому изяществу могла пострадать и точность перевода. Лефевр д'Этапль, сравнив с оригиналом латинские версии «Метафизики» Аристотеля, пришел к заключению, что Аргиропул больше напоминает пересказчика (*paraphrastes*), в то время как Виссарион «лучше играет роль переводчика»⁹³. Аргиропул действительно советовал передавать авторские сентенции правильно, но излагать их более пространно, раскрывая смысл во многих словах⁹⁴. При этом он отмечал, что его заботит и понимание содержания текста (*res*), и красота языка (*elegantia linguae*)⁹⁵.

Илл. 23. «Никомахова этика» Аристотеля в переводе Иоанна Аргиропула. Париж. Национальная библиотека Франции. Lat. 6309, fol. 5r.

В число известных переводчиков эпохи Возрождения входили и другие греческие эмигранты, работавшие в Италии и за её пределами в XV – начале XVI в.

Димитрий Халкокондил, питавший интерес к медицине, подготовил латинские версии двух трактатов Галена, опубликованные после смерти переводчика – «De oculis» (Лион, 1512) и «De anatomicis aggregationibus» (Болонья, 1529)⁹⁶. Не изданным остался его перевод извлечения из «Римской истории» Диона Кассия, которое было составлено византийским литератором XI в. Иоанном Ксифилином. Халкокондил закончил его к 1504 г. и посвятил архиепископу Парижа Этьену де Понше⁹⁷. Он также консультировал Марсилио Фичино, когда тот готовил к печати свой перевод собрания сочинений Платона (*Platonis Opera omnia*, Флоренция, 1484). Об этом Фичино упомянул в своем предисловии к читателю⁹⁸.

Константин Ласкарис переводил преимущественно религиозные тексты. Ему приписываются латинские версии «Послания Девы Марии к мессинцам», «Деяний апостолов Петра и Павла», «Жития св. Агаты», «Гимнов Деве Марии» патриарха Сергия Константинопольского и некоторых других⁹⁹. Заслуживают упоминания и его обратные переводы с латыни на греческий двух плутарховых моралий – «Собрание параллельных греческих и римских историй» (*Parallela minora*) и «О доблестях женщин» (*De mulierum virtutibus*). Для первого он использовал версию Аламанно Ринуччини (1464-1465), для второго – Гварино Веронезе (1424). Делая перевод с перевода, Ласкарис, скорее всего, руководствовался задачами, связанными с его преподавательской деятельностью в Мессине¹⁰⁰.

Николай Секундинос (*Sagundinus*, Σεκουνδίνος, 1402-1464), родившийся на острове Эвбея, был официальным переводчиком на Ферраро-Флорентийском соборе¹⁰¹. В течение многих лет он состоял на службе у венецианского правительства и выполнял различные административные и дипломатические

поручения, включая поездки ко дворам короля Альфонсо Арагонского и султана Мехмеда II. Как переводчик, Секундинос питал интерес прежде всего к античной литературе. Он подготовил латинскую версию «Стратегикона» Онасандра, посвященную Альфонсо Арагонскому, перевел три речи Демосфена («О венке», «О делах в Херсонесе» и первую «Олинфскую»), «Анабасис Александра» Арриана, извлечение из Платона (*Sententia pulcherrima Socratis verbis celebrata Platonis*), трактат Плутарха «Наставление о государственных делах» и короткое поздневизантийское сочинение – пророчество от имени Дельфийского оракула о судьбе укреплений на Коринфском перешейке (*Oraculum super Corinthiaco isthmo*)¹⁰²

Андроник Каллист занимался переводами в основном с дидактическими целями. Во Флоренции он подготовил латинскую версию трактата «О возникновении и уничтожении» Аристотеля, а также перевел *verbum ad verbum* «Аргонавтику» Аполлония Родосского, которая впервые была переложена на латынь ещё Публием Теренцием Варроном в I в. до н.э.¹⁰³ Версия «Аргонавтики», по всей видимости, предназначалась для разбора с учениками в классе, так же как и другой перевод Каллиста – переложение на латынь «Олимпийских од» Пиндара, известное благодаря его флорентийскому ученику Бартоломео делла Фонте, который переписал и переработал текст учителя¹⁰⁴.

В 1523 г. Иоанн Ласкарис опубликовал в Париже свой перевод извлечения из VI книги (19-42) «Всеобщей истории» Полибия о римском войске и устройстве лагерей (*De militia Romanorum et castrorum metatione*), который выдержал пять переизданий в течение XVI в.¹⁰⁵ Сохранилась и его латинская версия «Платоновских вопросов» (*Quaestiones platonicae*) Плутарха¹⁰⁶. Два других перевода Ласкариса были утеряны. Это латинские версии «Анабасиса» Ксенофонта и трех книг (18-

20) «Исторической библиотеки» Диодора. Ласкарис выполнил их в начале XVI в. по просьбе Клода де Сейсселя, а тот в свою очередь перевел их с латыни на французский язык¹⁰⁷. Следует также упомянуть о переводе двух книг «Римской истории» Аппиана, сделанном учеником Ласкариса Василием Халкокондилом¹⁰⁸.

Марку Музуросу принадлежит латинская версия первых четырех книг комментария Александра Афродисийского на «Топику» Аристотеля (Vat. lat. 4564), над которой он работал в Капри по настоянию князя Альберто Пио¹⁰⁹, а также перевод комментария Иоанна Филопона на трактат Аристотеля «О возникновении и уничтожении» (*De generatione et corruptione*), который был сделан им в Падуе в 1505 г. и сохранился в кодексе Ватиканской библиотеки (Vat. lat. 3067)¹¹⁰. По убедительной просьбе Иоанна Ласкариса, страдавшего от подагры, он перевел небольшое анонимное сочинение об этой болезни (*De podagra*). Латинская версия была издана в Риме в 1517 г. с посвящением кардиналу Скарамуцце Тривульцио¹¹¹. Долгое время Музуросу приписывали перевод поэмы Мусея Грамматика «Геро и Леандр»¹¹², который был издан Альдом Мануцием вместе с греческим оригиналом ок. 1497 г. Как теперь установлено, его автором был сам Альд¹¹³.

Несколько переводов с греческого были выполнены Афанасием Халкеопулосом († 1497), уроженцем Константинополя. После Ферраро-Флорентийского собора он переехал в Рим, где стал доверенным лицом кардинала Виссариона. Благодаря протекции последнего Халкеопулос сделал успешную церковную карьеру и в 1461 г. по воле папы Пия II стал епископом Джераче. Халкеопулосу принадлежат латинские переводы четырех гомилий Василия Великого («На слова: *внемли себе*», «На начало книги Притчей») и две гомилии «О посте»; «Бесед о молитве господней» Григория Нисского; писем псевдо-Кратета; псевдопифагорейского послания Лисида к Гиппарху

и диалога Лукиана «О пляске»¹¹⁴.

Во второй половине XV в. над переводами с греческого работал Иоанн Софианос. Подробности его жизни почти неизвестны. Он покинул родину после турецкого завоевания Константинополя и нашел покровителей в Риме, для которых переводил и переписывал рукописи. Епископ Арраса Жан Жюффруа заказал ему копию «Илиады» и «Одиссеи» на греческом и латинском языках. Виссарион обладал манускриптом, содержащим три перевода Софианоса – сочинение Герона Византийского об осаде городов и военных машинах (*Poliortetica*), собрание философских изречений (*Apophthegmata*) и «Погребальную речь» Демосфена о погибших при Херонее. Перевод трактата Гемиста Плифона «О судьбе» (*De fato*) был сделан Софианосом для кардинала Николая Кузанского. Также известно о существовании латинских версий сочинения «О добродетелях и пороках» (*De virtutibus et vitiis*) псевдо-Аристотеля и плифоновского трактата «О добродетелях» (*De virtutibus*). Они были выполнены греческим ученым для неизвестных заказчиков¹¹⁵.

К числу переводчиков, работавших за пределами Италии, относится Георгий Германин, происходивший из Мистры, столицы византийской Мореи. Время его переезда на Апеннины неизвестно. Первым документом, зафиксировавшим нахождение Георгия в Италии, была охранная грамота, выданная ему Сикстом IV в 1473 г., в которой папа предоставил ему полномочия на ведение переговоров¹¹⁶. Георгий совершил поездку в Англию, чтобы решить вопрос об освобождении архиепископа Йорка Джорджа Невилла, обвиненного в измене. Там он установил дружеские отношения с Джоном Шервудом, которому несколько лет спустя посвятил собственный перевод трактата «*De virtutibus*» псевдо-Аристотеля¹¹⁷. Миссия по освобождению Невилла завершилась успешно, но

вскоре самого Гермони́ма обвинили в шпионаже некие итальянские торговцы, и, несмотря на дипломатический иммунитет, он провел три месяца в английской тюрьме¹¹⁸.

В 1476 г. Гермони́м приехал в Париж, где прожил более тридцати лет, по всей видимости, до самой смерти (между 1508 и 1516 гг.)¹¹⁹. Он занимался преподаванием греческой словесности и копировал манускрипты, в том числе для своих учеников. Как переписчик Гермони́м был очень активен. В течение жизни он сделал более ста копий литературных и теологических произведений. Ученики высказывали разные мнения о качестве его преподавания. Благоприятные отзывы о нем оставили Михаэль Хуммельберг и Лефевр д'Этабль, в то время как Гийом Бюде, Эразм и Беат Ренан были менее благосклонны к его талантам¹²⁰. Беат, студент Гермони́ма в 1503 г., отмечал, что тот был проворен в выманивании денег, а в обучении слаб¹²¹. Эразм, посещавший его уроки в 1500-1501 гг., описал своего наставника, как «явного грека, или, лучше сказать, дважды грека, всегда “голодного” и обучающего за непомерную плату»¹²². «В Париже, - писал он, - только один Георгий Гермони́м заикался (*balbutiebat*) по-гречески, но был таким, что не мог учить, если бы и хотел, и не хотел, если бы и мог»¹²³. По мнению Марии Калатзи, эти нелюбимые характеристики ученый получил уже в преклонном возрасте, когда у него было меньше сил на преподавание и больше финансовых затруднений¹²⁴. В то же время, Гермони́м сыграл заметную роль в развитии греческих штудий к северу от Альп, чему способствовала и его активная переводческая деятельность. Среди переведенных им произведений – трактат «О добродетелях» (*De virtutibus*) псевдо-Аристотеля; «Изречения семи мудрецов» (*Septem sapientium apophthegmata*) Деметрия Фалерского; «Наставления семи мудрецов» (*Septem sapientium praecepta*) Сосиада; собрание гномических сентенций св. Отцов и греческих авторов (*Sententiae gnomicae ex SS. Patribus et auctoribus graecis excerptae*); фиктивные письма Фемистокла к Хрисиппу и Платона к Аксиоху; сочинение «О

единственном пути к человеческому спасению» (*De via salutis*) патриарха Геннадия II Схолярия и анонимная «Жизнь Магомета» (*Vita Machometi*)¹²⁵.

Интенсивная работа по переводу греческого литературного, философского и научного наследия, происходившая в XV в., существенным образом повлияла на формирование латинской научной терминологии, которая затем вошла в национальные языки, где приобрела универсальный характер. Среди примеров – широко известные неологизмы, такие как «скептицизм» (термин, введенный в оборот Амброджи Траверсари в его переводе Диогена Лаэртского), «атеизм», «космология», «онтология», «психология»¹²⁶. Сопоставление латыни и древнегреческого способствовало расширению лингвистического кругозора гуманистов, под влиянием которых, в конечном счете, угас интерес к модистскому учению об универсальной грамматике, лежащей в основе всех языков¹²⁷.

Кроме того, они обратили внимание на сходство грамматической структуры и словарного состава классических языков, хотя и не сделали далекоидущих выводов. Попытки объяснить это сходство предпринимались ещё в античности. Например, у Дионисия Галикарнасского можно почерпнуть, что римляне «не употребляют ни чисто варварской речи, ни полностью эллинской, но говорят на какой-то смешанной из обеих, основная часть которой – эолийская, испытывая от смешения многих народов только то неудобство, что они не все звуки произносят правильно. В отношении же всего остального есть признаки их эллинского происхождения»¹²⁸. Эта мысль была воспринята и развита Иоанном Ласкарисом во флорентийской речи о греческой словесности (1493): «Латинский язык, - убеждал он аудиторию, - это греческий. Древние римляне, несомненно, пользовались греческим, но из-за соседства варваров не столь чистым. Об этом могут свидетельствовать надписи и эпиграммы, запечатленные в бронзе и

мраморе греческими словами и буквами, но бóльшим свидетельством является сам язык»¹²⁹.

В качестве доказательства Ласкарис сопоставил 53 латинских и греческих слова. В ряде случаев он тонко подметил их общее происхождение, как например: μῦς и mus (*мышь*); πατήρ и pater (отец); θήρ/φήρ и ferus (*дикий зверь*); φόρ и fur (*вор*); ἔρπω и serpo (*ползать*); νέμος (пастбище) и nemus (роща); ἐμός и meus (*мой*); ὄνυξ и unguis (ноготь) и проч. Однако многие из его примеров представляли собой сопоставления греческих слов с их заимствованиями в латыни: так он сообщал, что λύρα трансформировалась в lyra; παλαίστρα в palaestra; Μοῦσα в Musa; φιλοσοφία в philosophia и т.д. Дорийский диалект использовался Ласкарисом для демонстрации таких соответствий, как νύμφα и nuptia; φάμα и fama; κόμα и coma; μάλα и mala. Этимологию латинских слов он объяснял изменением гласных (ποχ из νύξ; chorea из χορεία); перестановкой букв (Iac из γάλα; forma из μορφή); слиянием слов и другими способами¹³⁰. Следует отметить, что очевидный эллиноцентризм византийского ученого и представление о латыни как о деформированном ответвлении греческого не позволили ему посмотреть на проблему языковой близости более широким взглядом. Из содержания его речи логически вытекало, что латынь, объявленная Ласкарисом греческим языком, все же не могла быть равноценна ему в силу утраты ею изначальной чистоты. Такой подход был неприемлем для большинства итальянских гуманистов, поскольку он принижал достоинства и достижения их «отеческого языка», ради которого они и обратились к изучению греческой словесности¹³¹. В то же время этимологические построения Ласкариса, направленные на подтверждение родственных связей между двумя древними языками, несомненно, стали значительным «событием» в истории европейской лингвистической мысли эпохи гуманизма.

¹ *Geanakoplos D.J.* Interaction of the “Sibling” Byzantine and Western Cultures. P. 299; *Рязанов П.А.* Речи Димитрия Халкокондила. С. 220.

² *Kristeller P.O.* Humanism // *The Cambridge History of Renaissance Philosophy* / Ed. Ch.B. Schmitt. Cambridge, 1988. P. 121-122; *Степанова Л.Г.* Итальянская лингвистическая мысль. С. 151sq.

³ О гуманистическом переводе см., в частности: *Botley P.* Latin Translation in the Renaissance. The Theory and Practice of Leonardo Bruni, Gianozzo Manetti, Erasmus. Cambridge, 2004; *Copenhaver B.P.* Translation, Terminology and Style in Philosophical Discourse // *The Cambridge History of Renaissance Philosophy* / Ed. Ch.B. Schmitt. Cambridge, 1988. P. 77-110; *Cortesi M.* La tecnica del tradurre presso gli umanisti // *The classical tradition in the Middle Ages and the Renaissance* / Ed. C. Leonardi, B. Munk Olsen. Spoleto 1995. P. 143-168; *Garin E.* Le traduzioni umanistiche di Aristotele nel secolo XV // *Atti e memorie dell'Accademia fiorentina di scienze morali “La Colombaria”*. 1951. Vol. 16. P. 55-104; *den Haan A.* Giannozzo Manetti's New Testament Translation Theory and Practice in Fifteenth-Century Italy. Leiden-Boston, 2016; *Norton G.P.* Humanist Foundations of Translation Theory (1400-1450): A Study in the Dynamics of Word // *Canadian Review of Comparative Literature: Revue Canadienne de Littérature Comparée*. 1981. Vol. 8 (2). P. 173-203; *Pade M.* Niccolò Perotti and the *Ars Traducendi* // *Sol et homo. Mensch und Natur in der Renaissance* / Hrsg. von S. Ebbesmeyer, H. Pirner-Pareschi, T. Ricklin. München, 2008. S. 79-100.

⁴ Письмо от августа 1360 г.: *Francisci Petrarchae* Epistolae De rebus familiaribus et variae / studio et cura I. Fracassetti. Florentiae, 1863. Vol. III. P. 370. Ер. XXV. Цитата из трактата св. Иеронима “О наилучшем способе перевода” (см. ниже).

⁵ *Pertusi A.* Leontio Pilato fra Petrarca e Boccaccio. Le sue versioni omeriche negli autografi di Venezia e la cultura greca del primo Umanesimo. Venezia-Roma, 1964.

⁶ *Ibid.* P. 441.

⁷ *Гомер.* Одиссея / Пер. В. Вересаева. Под ред. И.И. Толстого. М., 1953. С. 3.

⁸ О последующих переводах Гомера см.: *Sowerby R.* Early Humanist Failure with Homer // *International Journal of the Classical Tradition*. 1997. Vol. 4. P. 37-63; 165-194. Также: *Idem.* The Homeric *Versio Latina* // *Illinois Classical Studies*. 1996. Vol. 21. P. 161-202.

⁹ *Fabiano C.* Pier Candido Decembrio traduttore d'Omero // *Aevum*. 1949. Vol. 23. P. 36-51.

¹⁰ См. предисловие Ченчо де Рустичи к переводу речи Элия Аристида о Дионисе (ок. 1416): *Bertalot L.* Studien zum italienischen und deutschen Humanismus. Roma, 1975. Vol. II. P. 133.

¹¹ *Schucan L.* Das Nachleben von Basilius Magnus “Ad adolescents”. Ein Beitrag

zur Geschichte des christlichen Humanismus. Geneve, 1973. P. 67-72; *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 14-16. Перевод Бруни издан в: *Basilio di Cesarea*. Discorso ai giovani. Oratio ad adolescentes, con versione latina di Leonardo Bruni / a cura di M. Naldini. Firenze, 1984. Также: *Алиева О.В.* К вопросу о гуманистической рецепции Василия Великого: латинские переводы “Внемли себе” в XV-XVI вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского Государственного Университета. Серия I: Богословие. Философия. 2015. Вып. 4 (60). С. 11-12.

¹² *Schucan L.* Das Nachleben von Basilius Magnus. P. 235-242.

¹³ *Cicero*. De optimo genere oratorum. V. 14. Русский перевод: *Марк Туллий Цицерон*. Полное собрание речей в русском переводе / Под ред. Ф.Ф. Зелинского. СПб, 1901. Т. 1. С. LXII.

¹⁴ *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* (далее – PL) / Ed. J.P. Migne. Parisiis, 1845. Т. 22. Col. 568-579. Ep. LVII. Русский перевод: *Иероним Стридонский*, блаженный. Письмо LVII к Паммахию о наилучшем способе перевода / Пер. с лат., вступление Н.Л. Холмогоровой // Альфа и Омега. 1995. № 4 (7). С. 173-186.

¹⁵ PL. Col. 571.

¹⁶ Текст трактата: *Pérez Gonsalez M.* Leonardo Bruni y su tratado “De interpretatione recta” / Cuadernos de filología clásica. Estudios latinos. 1995. Vol. 8. P. 204-232. Русский перевод: *Шаблага И.Ю.* Трактат Леонардо Бруни “О правильном переводе” // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 1. С. 27-65 (пер.: 43-65; лат. текст: с. 30-43).

¹⁷ *Шаблага И.Ю.* Трактат Леонардо Бруни. С. 48. “Haec est enim optima interpretandi ratio, si figura primae orationis quam optime conservetur, ut neque sensibus verba neque verbis ipsis nitor ornatusque deficiat”: *Pérez Gonsalez M.* Leonardo Bruni. P. 212.

¹⁸ *Bruni Leonardo Aretino*. Humanistisch-Philosophische Schriften. Mit einer Chronologie seiner Werke und Briefe / Ed. Hans Baron. Leipzig-Berlin, 1928. S. 83.

¹⁹ См., напр.: *Pérez Gonsalez M.* Leonardo Bruni. P. 207-210, 214 sq; *Шаблага И.Ю.* Трактат Леонардо Бруни. С. 45, 47-48, 51 и далее.

²⁰ *Hankins J.* Plato in Italian Renaissance. Leiden, 1990. Vol. 1. P. 43-44.

²¹ *Copenhaver B.P.* Translation, Terminology and Style in Philosophical Discourse. P. 88.

²² Бруни не называет имени переводчика. Вероятно, что “vetus translatio” принадлежала доминиканцу Вилгельму из Мёрбеке, пересмотревшему более раннюю версию Роберта Гроссетеста.

²³ *Birkenmayer A.* Der Streit des Alonso von Cartagena mit Leonardo Bruni Aretino // *Ibid.* Vermischte Untersuchungen zur Geschichte der Mittelalterlichen Philosophie: Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Text und Untersuchungen. Münster, 1922. S. 157-158; *Bruni*. Humanistisch-Philosophische Schriften. S. 76-77.

- ²⁴ *Birkenmayer A.* Der Streit. P. 158; *Bruni.* Humanistisch-Philosophische Schriften. S. 77.
- ²⁵ *Pérez Gonzalez M.* Leonardo Bruni. P. 220-232; *Шабазга И.Ю.* Трактат Леонардо Бруни “О правильном переводе”. С. 55-65.
- ²⁶ *Birkenmayer A.* Der Streit. P. 162-186. О полемике между Бруни и Алонсо де Картахена см., в частности: *Morras M.* El debate entre Leonardo Bruni y Alonso de Cartagena: las razones de una polémica // *Quaderns. Revista de traducció.* 2002. Vol. 7. P. 33-57; *Vasoli C.* Il dibattito tra Leonardo Bruni e Pedro García de Cartagena: Due culture a confronto // *Miscellanea umanistico-catalana.* Barcelona, 1991. P. 3-28.
- ²⁷ *Birkenmayer A.* Der Streit. P. 169.
- ²⁸ *Ibid.* P. 167-168.
- ²⁹ *Hankins J.* Plato in Italian Renaissance. Leiden. Vol. 1. P. 122.
- ³⁰ *Copenhaver B.P.* Translation, Terminology and Style in Philosophical Discourse. P. 88-90.
- ³¹ *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах. М., 1983. Т. 4. С. 54.
- ³² *Mioni E.* I manoscritti di Strabone della Biblioteca Marciana di Venezia // *Bisanzio e l'Italia: Raccolta di studi in memoria di Agostino Pertusi.* Milano, 1982. P. 272-273. О переводе Страбона см. также: *Diller A.* The Textual Tradition of Strabo's Geography: with appendix: the manuscripts of Eustathius' commentary on Dionisius Periegetes. Amsterdam, 1975. P. 116, 126-134.
- ³³ Из трактата Виссарiona “In illud: sic eum volo manere”: PG. Т. 161. Col. 626.
- ³⁴ Выдержки из “Apologeticus” Дж. Манетти в кн.: *den Haan A.* Giannozzo Manetti's New Testament Translation Theory and Practice in Fifteenth-Century Italy. Leiden-Boston, 2016. P. 128-130.
- ³⁵ *Hankins J.* Plato in Italian Renaissance. Vol. 1. P. 121, not. 28.
- ³⁶ *Kristeller P.O.* Humanism // *The Cambridge History of Renaissance Philosophy.* P. 120.
- ³⁷ См. предисловие Валлы к переводу Фукидида, посвященного Николаю V: СТС. Vol. III. P. 122.
- ³⁸ *Аристотель.* Сочинения. М., 1971. Т. 1. С. 65.
- ³⁹ *Aristoteles Latinus XXV 3.2.* Metaphysica Lib. I-XIV. Recensio et translatio Guillelmi de Moerbeka / Ed. G. Vuillemin-Diem. Leiden-N.Y.-Koln, 1995. P. 11.
- ⁴⁰ *Aristoteles latine interpretibus variis / Ed Academia Regia Borussica.* Berolini, 1831. S. 503.
- ⁴¹ PG. Т. 161. Col. 669-676.
- ⁴² *Aurelius Augustinus.* De Doctrina Christiana Libri Quatuor. Lib. II. Cap. XV.22 // PL. Т. 34. Col. 46.
- ⁴³ Текст трактата в: PG. Т. 161. Col. 623-640. Также: *Geanakoplos D.J.* Constantinople and the West. P. 21, 46-47; *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 61-62; *Садов А.И.* Виссарion Никейский. (монография). С. 248-252.

- ⁴⁴ *Laurentii Vallae Opera*. Basileae, 1540. Col. 846b; *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 71, 75.
- ⁴⁵ *Monfasani J.* George of Trebizond. P. 90-97.
- ⁴⁶ PG. T. 161. Col. 867-882. Об эсхатологии Георгия: *Monfasani J.* George of Trebizond. P. 97sq.
- ⁴⁷ Основные этапы жизни и деятельности Георгия освещены в монографии Дж. Монфазани (Leiden, 1976) и Паоло Вити в ст. “Giorgio da Trebisonda” (DBI. 2001. Vol. 55. P. P. 373-382).
- ⁴⁸ *Abenstein C.* Die Basilius-Übersetzung des Georg von Trapezunt in ihrem historischen Kontext. Berlin-Boston, 2014; *Monfasani J.* George of Trebizond. P. 47-49.
- ⁴⁹ *Abenstein C.* Die Basilius-Übersetzung des Georg von Trapezunt. S. 133, not. 540.
- ⁵⁰ Единственное упоминание о существовании перевода Георгия речь Григория Нисского “Похвальное слово брату св. Василию Великому” исходит от Льва Алляция (Diatriba de Georgiis // PG. Vol. 161. Col. 751-752): *Brown Wicher H.* Gregorius Nyssenus // СТС. Vol. V. P. 192.
- ⁵¹ *Monfasani J.* Collectanea Trapezuntiana. P. 95.
- ⁵² *Ibid.* P. 191.
- ⁵³ *Monfasani J.* Collectanea Trapezuntiana. P. 94. Также: *Abenstein C.* Die Basilius-Übersetzung des Georg von Trapezunt. S. 133, not. 543.
- ⁵⁴ *Vespasiano da Bisticci.* Vite di uomini illustri. Vol. I. P. 52.
- ⁵⁵ *Sabbadini R.* La scuola e gli studi di Guarino Guarini Veronese. P. 126.
- ⁵⁶ Георгий сообщает об этом в своем письме к Поджо от 1 января 1453 г.: “Nunc autem econtra si conscientiam tuam scrutaberis aut si ab universa Cancellaria apostolica quesieris maxima invenies beneficia in te a Georgio profecta fuisse. Quis enim eorum qui cum locum petere hunc solebant, ignorat et Xenophontem et Diodorum te magnis meis ex Graeco in latinum laboribus vertisse? Unde tibi et pecunia accessit et honor sempiternus. Quibus pro maximis beneficiis quid retulisti, edidisti epistolam que ad manus meas pervenit, ubi scribis parum me consultum hominem esse et leviter et absque ulla ratione moveri” (*Walser E.* Poggius Florentinus: Leben und Werke. Hildesheim-N. York, 1974. S. 501).
- ⁵⁷ *Monfasani J.* George of Trebizond. P. 79-83.
- ⁵⁸ Текст трактата: *Mohler L.* Kardinal Bessarion. Bd. III. S. 274-342.
- ⁵⁹ *Walser E.* Poggius Florentinus. S. 503.
- ⁶⁰ Подробнее о конфликте см.: *Alexander K.R.* Honor, Reputation, and Conflict: George of Trebizond and Humanist Acts of Self-Presentation. PhD diss., University of Kentucky. 2013. Согласно Никколо Перотти, Георгий Трапезундский трижды побывал в заточении в течение пятнадцати лет: “первый раз его загнала в тюрьму запальчивость, второй – похоть, третий – государственная измена” (*Mohler L.* Kardinal Bessarion. Bd. III. S. 365.38-39). Впервые он попал в заключение из-за драки с Поджо в 1452 г. Неодобра-

желатели греческого ученого – Джаммарио Филельфо и Домицио Кальдерини – также упоминают о скандале, случившемся в Венеции в начале 60-х гг., в который были вовлечены Георгий и некая девушка. Однако ни тот, ни другой ничего не говорят о тюремном заключении, лишь Кальдерини вскользь сообщает о судебном разбирательстве (*Monfasani J. George of Trebizond*. P. 147-148). Наконец, в 1466-1467 гг. Георгий был заточен в замок Сант-Анджело по подозрению в измене, так как папе Павлу II стали известны адресованные Мехмеду II письма и трактат “О вечной славе самодержца” (*Monfasani J. George of Trebizond*. P. 188 sq., 357-358; *Лобовикова К.И.* Христианство, иудаизм и ислам в трактате Георгия Трапезундского “О вечной славе самодержца и его мировом владычестве” // АДСВ. 2003. Вып. 34. С.399-414; *Её же.* Проблема турецкого завоевания и ислама глазами Георгия Трапезундского. Дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005).

⁶¹ О выполненных Георгием переводах Законов” и “Парменида” Платона см.: *Hankins J. Plato in Italian Renaissance*. Vol. 1. P. 180-192; Vol. 2. P. 429-435. App. 11.

⁶² Текст трактата: *Monfasani J. Collectanea Trapezuntiana*. P. 492-527. О его взглядах на ислам и турецкое завоевание: *Monfasani J. George of Trebizond*. P. 131-136; *Лобовикова К.И.* Христианство, иудаизм и ислам.

⁶³ *Giovio*. Elogia. P. 56.

⁶⁴ Первым опытом Газы в качестве переводчика было сочинение “Praecepta de oratione nuptiali, natalicia, epithalamia” псевдо-Дионисия Галикарнасского (Мантуя, 1444): *Santoro R. La prima traduzione latina di Teodoro Gaza // Studi umanistici*. 1992. Vol. 3. P. 165-184. К периоду пребывания Газы в Ферраре (1446-1449) относится дословный перевод “Олимпийских од” Пиндара, который был выполнен с сугубо дидактическими целями и сохранился в конспекте его ученика Лудовико Карбоне: *Tissoni F. Pindarus // STC*. Vol. 10. P. 33-35.

⁶⁵ *Theophrasti Eresii quae supersunt opera et excerpta librorum / Ed. H.F. Link, J.G. Schneider*. Lipsiae, 1818. Tom. II: Praefatio Theod. Gazae. P. 8. О переводе “De plantis”: *Schmitt Ch. Theophrastus // STC*. Vol. II. P. 266-268; 273-274.

⁶⁶ О переводе псевдо-Александра Афродисийского: *Cranz F.E. Alexander Aphrodisiensis // STC*. Vol. 1. P. 127-129; Vol. II. P. 419-420.

⁶⁷ *Mohler L. Kardinal Bessarion*. Bd. III. S. 326-327.

⁶⁸ *Beullens P., Gotthelf A. Theodore Gaza's Translation of De Animalibus // Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 2007. Vol. 47. P. 473, not. 12.

⁶⁹ *Wollock J.L. The Noblest Animate Motion: Speech, Physiology and Medicine in Pre-Cartesian linguistic thought*. Amsterdam-Philadelphia, 1997. P. 79-84.

⁷⁰ *Ventura I. Translating, Commenting, Re-Translating: Some Considerations on Latin Translations of the Pseudo-Aristotelian Problemata and Their Readers // Science translated: Latin and Vernacular translations on scientific treatises in Medieval Europe / Ed. M. Goyens, P. De Leemans, A. Smets*. Leuven, 2008. P. 149.

- ⁷¹ О переводе “Проблем” в эпоху Ренессанса: *Monfasani J.* The Pseudo-Aristotelian *Problemata* and Aristotle’s *De Animalibus* in the Renaissance // *Natural Particulars. Nature and the Disciplines in Renaissance Europe* / Ed. A. Grafton and N. Siraisi. Cambridge-London, 1999. P. 205-247; *Воробьев Г.М.* Биологические трактаты Аристотеля. С. 90-94; *Ventura I.* Translating. P. 123-154.
- ⁷² *Labowsky L.* An Unknown Treatise by Theodorus Gaza // *Mediaeval and Renaissance Studies*. 1968. Vol. 6. P. 193-197.
- ⁷³ *Beullens P., Gotthelf A.* Theodore Gaza’s Translation of *De Animalibus*. P. 483-488; *Monfasani J.* The Pseudo-Aristotelian *Problemata*. P. 87.
- ⁷⁴ О стиле и языке перевода Газы см.: *Perfetti S.* “Cultius atque integrius”. Teodoro Gaza, traduttore umanistico del *De partibus animalium* // *Rinascimento*. Ser. II. 1995. Vol. 35. P. 253-286; *Idem.* Aristotle’s zoology and its Renaissance commentators (1521-1601). Leuven, 2000. Ch.: A Postponed Occasion: Theodore Gaza’s 15th Century Preface. P. 21-25.
- ⁷⁵ *Aristoteles.* Libri de animalibus interprete Theodoro Gaza. Venetiis: Johannes de Colonia & Johannes Manthen, 1476: Praefatio Theod. Gazae. Fol. 2v.
- ⁷⁶ *Воробьев Г.М.* Биологические трактаты Аристотеля.
- ⁷⁷ *Aristoteles.* Libri de animalibus interprete Theodoro Gaza. Fol. 3r.
- ⁷⁸ *Monfasani J.* The Pseudo-Aristotelian *Problemata*. P. 207-211.
- ⁷⁹ *Beullens P., Gotthelf A.* Theodore Gaza’s Translation of *De Animalibus*. P. 471-477; *Воробьев Г.М.* Биологические трактаты Аристотеля. С. 118-123.
- ⁸⁰ *Monfasani J.* Angelo Poliziano, Aldo Manuzio, Theodore Gaza, George of Trebizond, and Chapter 90 of the *Miscellaneorum Centuria Prima* (With an Edition and Translation) // *Interactions of Renaissance Humanism* / Ed. A. Mazocco. Leiden-Boston, 2006. P. 254: 23-26.
- ⁸¹ *Ibid.* P. 256: 55-63. Под вопросом остается принадлежность Ласкарису перевода “Халдейских оракулов”. Другой возможный переводчик – Джованни Джоконда да Верона: *Klutstein I.* Oracula Chaldaica. Addenda et Corrigenda // *СТС*. Vol. VII. P. 327.
- ⁸² *Fiaschi S.* Aelianus Tacticus // *СТС*. Vol. X. P. 144-150.
- ⁸³ Предисловие к гомилиям: *Mohler L.* Kardinal Bessarion. Bd. III. S 270-273. О переводе Маврикия: *Ibid.* S. 273; также: *Fiaschi S.* Aelianus Tacticus. P. 146.
- ⁸⁴ О переводе псевдо-Брута: *Bianca C.* Tradurre nel Quattrocento: le “Epistolaе” dello pseudo Bruto // *Il Cannocchiale*. 1994. Vol. 1-2. P. 54.
- ⁸⁵ *Bevegni C.* Teodoro Gaza traduttore del *Maxime cum principibus philosopho esse disserendum* di Plutarco: primi appunti di un’edizione critica con particolare riguardo alla lettera dedicatoria ad Andrea Bussi // *Mosaico. Studi in onore di Alberto Albini* / a cura di S. Feraboli. Genova, 1993. P. 33-42; *Bianca C.* Gaza, Teodoro // *DBI*. 1999. Vol. 52. P. 743.
- ⁸⁶ *Fortuna S.* The prefaces to the medical translations of the first humanists // *Traditio*. 2007. Vol. 62. P. 325-326, 330-332; *Воробьев Г.М.* Биологические трактаты Аристотеля. С. 96.

⁸⁷ *Stadter Ph.A.* Arrianus // CTC. Vol. III. P. 7-11; *Viti P.* Facio, Bartolomeo // DBI. 1994. Vol. 44. P. 118. Также: *Geanakoplos D.J.* Constantinople and the West. P. 84.

⁸⁸ *Leone P.L.* M. Appunti su Teodoro Gaza // Quaderni catanesi di cultura classica e medievale. 1989. Vol. 1 (n. s.). P. 60-63.

⁸⁹ Письмо Газы к Персоне приводится у А. Дзено: *Zeno A.* Dissertazioni Vossiane. Venezia, 1752. Т. I. P. 139-140. Также: *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. XXXVIII.

⁹⁰ Вводные лекции Аргиропула см. в: *Müllner K.* Reden und Briefe Italienischer Humanisten. Ein Beitrag zur Geschichte Pädagogik des Humanismus. Wien, 1899. S. 3-56.

⁹¹ О переводах Аргиропула см., в частности: *Cammelli G.* I dotti bizantini. Vol. II: Giovanni Argiropulo. P. 183-184; *Garin E.* Le traduzioni umanistiche P. 82-87; *Seigel J.E.* The Teaching of Argyropulos and the Rhetoric of the First Humanists // Action and Conviction in Early Modern Europe / Ed. T.K. Rabb, J.E. Seigel. Princeton, 1969. P. 256-259. Также: *Matula J.* John Argyropoulos and his Importance for the Latin West // Acta Universitatis Palackianae Olomucensis, Facultas Philosophica, Philosophica. 2006. Vol. VII. P. 50-53. В 1958 г. была защищена диссертация о латинском переводе “О мире” Аргиропула: *Muscarella G.F.* A Latin Translation of the Pseudo-Aristotle *De Mundo* by Argyropoulos: text and analysis. PhD Dissertation, University of Pennsylvania, 1958.

⁹² *Seigel J.E.* The Teaching of Argyropulos. App. P. 256.

⁹³ “Sed revertamur ad Bessarionis interpretationem. Hanc charissime Fortunate [i.e. Robertus Fortunatus] sic cum graeco contuli, et ad intelligentiam sicubi in devium flectebatur iter revocavi: ut hos libros nunc vel facile absque commentariis legi posse haud dubitem. Cui adieci Argyropolum qui magis sapit paraphrasten: Bessario vero potius partes interpretis agit, intelligent haec: qui latina graecis contulerint”: *Praefatio* Лефевра д’Этапля к Р. Фортунатусу в: *Aristotelis castigatissime recognitum opus metaphysicum a Clarissimo principe Bessarione Cardinale Niceno latinitate foeliciter donatum/ xiiii libris distinctum: cum adiecto in xii primos libros Argyropyli Byzantii interpretamento/ rarum proculdubio et hactenus desideratum opus...* Parisiis, 1515.

⁹⁴ См. предисловие к переводу “Физики”: *Garin E.* Le traduzioni umanistiche. P. 84. Также: *Copenhaver B.P.* Translation, Terminology and Style in Philosophical Discourse. P. 91, not. 44.

⁹⁵ *Praefatio* к переводу трактата “О душе”: *Λόμπρος Σ.Π.* Ἀργυροπούλεια. Σ. 200.

⁹⁶ *Fortuna S.* I Procedimenti anatomici di Galeno e la traduzione latina di Demetrio Calcondila // *Medicina nei Secoli.* 1999. Vol. 11. P. 9-28. Также: *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. CI.

⁹⁷ *Cammelli G.* Calcondila. P. 132; *Petrucchi A.* Calcondila. P. 546.

⁹⁸ Supplementum ficinianum: Marsilii Ficini florentini philosophi platonici

Opuscula inedita et dispersa / Ed. P.O. Kristeller. Florentiae, 1973. Vol. II. P. 105. Также: *Hankins J.* Plato in Italian Renaissance. Vol. 1. P. 311, not. 123.

⁹⁹ *Martínez Manzano T.* Constantino Láscaris. P. 198. Также: *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. LXXXVI-LXXXVII; PG. 161. Col. 911-914; 929-932.

¹⁰⁰ *Martínez Manzano T.* Constantino Láscaris. P. 197-198; *Eadem.* Las traducciones al griego clásico de Constantino Láscaris // Hieronymus Complutensis. Revista del Instituto universitario de lenguas modernas y traductores. 1995. Vol. II. P. 9-27.

¹⁰¹ См., например, в дневнике Сильвестра Сиропула: *Lauren V.* Les “Mémoires”. P. 262, 326, 492, 538; *Сильвестр Сиропул.* Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438-1439) в 12 частях / Пер. с греч., комм. диакона А. Занемонца. СПб., 2010. С. 123, 167, 282, 313.

¹⁰² *Caselli C.* Sagundino, Niccolò // DBI. 2017. Vol. 89; *Hankins J.* Plato in Italian Renaissance. Vol. 2. P. 798; *Monfasani J.* George of Trebizond. P. 61-63; *Idem.* The Greek and Renaissance Humanism. App. III // Humanism in Fifteenth-Century Europe / Ed. D. Rundle. Oxford, 2012. P. 77; *Stok F.* Niccolò Sagundino traduttore dell' *Oraculum de isthmo* // Studi Umanistici Piceni. 2008. Vol. 28. P. 227-237.

¹⁰³ *Bigi E.* Callisto, Andronico // DBI. 1961. Vol. 3. P. 162-163; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. LVII; *Rashed M.* La “translatio callistiana” du *De generatione et corruptione* d'Aristote. Edition princeps // Lire Aristote au Moyen Âge et à la Renaissance: réception du traité “Sur la génération et la corruption” / Ed. J. Ducos et V. Giacomotto-Charra. Paris, 2011. P. 201-248; *Resta G.* Andronico Callisto, Bartolomeo Fonzio e la prima traduzione umanistica di Apollonio Rodio // Studi in onore di Anthos Ardizzoni / a cura E. Livrea e G.A. Privitera. Roma 1978. P. 1057-1131.

¹⁰⁴ *Tissoni F.* Pindarus. P. 35-37. См. также: *Martínez Manzano T.* Traducciones humanísticas de la escuela de Andrónico Calisto en Bolonia // Studi Medievali e Umanistici. 2009. Vol. 7. P. 101-131.

¹⁰⁵ *Ceresa M.* Lascaris, Giano. P. 785-791; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. III. P. 367-368. Переиздана с изменениями в Венеции (1529): *Legrand E.* Op. cit. Vol. I. 204-205.

¹⁰⁶ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. CLXI.

¹⁰⁷ *Marsh D.* Xenophon // CTC. Vol. VII. P. 103; *Monfasani J.* Diodorus Siculus // CTC. Vol. XV. P. 136-137. Также: *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. CLVIII-CLIX.

¹⁰⁸ *Silvano L.* Teaching Greek in Renaissance Rome. P. 252, not. 5.

¹⁰⁹ *Cranz F.E.* Alexander Aphrodisiensis // CTC. Vol. 1. P. 101-102.

¹¹⁰ *Ferreri L.* Musuro “trasmettitore di testi”. Qualche considerazione // Sborník Národního Muzea v Praze. 2012. P. 13b; *Kristeller P.O.* Iter Italicum: a Finding List of Uncatalogued or Incompletely Catalogued Humanistic Manuscripts of the Renaissance in Italian and other Libraries. London-Leiden, 1998. Vol. II.

P. 316b; *Mercati G.* Codici latini Pico Grimani Pio: e di altra biblioteca ignota del secolo XVI esistenti nell'Ottoboniana e i codici greci Pio di Modena con una digressione per la storia dei codici di S. Pietro in Vaticano. Città del Vaticano, 1938. P. 57, not. 3, 74.

¹¹¹ Посвятельное письмо опубликовано Э. Леграном: *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. II. P. 397-398. Также: *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. P. 161-162.

¹¹² *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. P. 120, not 41.

¹¹³ *Eleuteri P.* Musaeus // СТС. Vol. X. P. 208.

¹¹⁴ О жизни и переводах А. Халкеопулоса: *Алиева О.В.* К вопросу о гуманистической рецепции Василия Великого. С. 15; *Brown Wicher H.* Gregorius Nysseus. P. 144-145; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. III. P. 21-24, 36, 58, 132; *Manoussacas M.* Calceopulo, Attanasio // DBI. 1973. Vol. 16. P. 515-517; *Monfasani J.* Some Quattrocento Translators of St. Basil the Great: Gaspare Zacchi, Episcopus Anonymus, Pietro Balbi, Athanasius Chalkeopoulos, and Cardinal Besarion // ΦΙΛΑΝΑΓΝΩΣΤΗΣ. Studii non oredi Marino Zorzi / Ed. C. Maltezos, P. Schreiner, M. Losacco. Venice, 2008. P. 253, 263; *Idem.* The Greek and Renaissance Humanism. App. III. P. 72.

¹¹⁵ *Kristeller P.O.* A Latin Translation of Gemistos Plethon's *De Fato* by Johannes Sophianos dedicated to Nicholas of Cusa // *Idem.* Studies in Renaissance Thought and Letters. Rome, 1993. Vol. 3. P. 21-38.

¹¹⁶ Текст документа см. в: *Kalatzi M.* Georgios Hermonymos; a Greek Scribe and Teacher in Paris // *Patrons, Authors and Workshops: Books and Book Production in Paris around 1400* / Ed. G. Croenen and P. Ainsworth. Louvain, 2006. P. 355, not. 3.

¹¹⁷ *Weiss R.* Humanism in England During the Fifteenth Century. Oxford, 1941. P. 146-147, 152.

¹¹⁸ PG. T. 161. Col. 1017-1020.

¹¹⁹ *Kalatzi M.* Georgios Hermonymos. P. 365.

¹²⁰ *Ibid.* P. 361-363.

¹²¹ Briefwechsel des Beatus Rhenanus / Hrsg. A. Horawitz und K. Hartfelder. Leipzig, 1886. S. 405.

¹²² *Erasmus.* Opus Epistolarum. T. I. P. 353. Ep. 149.

¹²³ *Ibid.* P. 7. Ep. 1.

¹²⁴ *Kalatzi M.* Georgios Hermonymos. P. 363.

¹²⁵ *Kalatzi M.* Georgios Hermonymos. P. 365, not. 49; *Kristeller P.O.* *Iter Italicum.* Vol. III. P. 212b.

¹²⁶ *Copenhaver B.P.* Translation, Terminology and Style in Philosophical Discourse. P. 109.

¹²⁷ *Перельмутер И.А.* Грамматическое учение модистов // История лингвистических учений. Позднее средневековье / Отв. ред. А.В. Десницкая. СПб. 1991. С. 7-66; *Степанова Л.Г.* Итальянская лингвистическая мысль. С.

166, 204-206. Ср. высказывание испанского гуманиста Хуана Луиса Вивеса (1492-1540): “Они [модисты] пыгались установить, почему это имя принадлежит мужскому роду, другое – женскому роду, а третье – среднему роду, почему этот глагол активный, а тот отложительный, как будто бы одно и то же имя не принадлежит мужскому роду в греческом языке и женскому роду – в латинском, как будто бы один и тот же глагол не является активным в греческом языке и отложительным в латинском, как будто бы слова одного и того же значения не имеют разных форм в одном и том же языке” (цит. по: *Перельмутер И.А.* Указ. соч. С. 62).

¹²⁸ *Дионисий Галикарнасский.* Римские древности / Отв. ред. И.Л. Маяк. М., 2005. Т. I. С. 84. Кн. I., гл. XC. Пер. И.Л. Маяк. Греч. текст: *Dionysius of Halicarnassus.* The Roman Antiquities. London, 1960. Vol. I. P. 308. I.90.1 [The Loeb Classical Library]. Об “эолийской теории” происхождения латинского языка и её возможном влиянии на Варрона: *Stevens B.* Aeolism: Latin as a Dialect of Greek // The Classical Journal. 2006-2007. Vol. 102. No. 2. P. 115-144.

¹²⁹ *Müllner K.* Eine Rede des Johannes Laskaris. S. 135.

¹³⁰ *Ibid.* S. 135-136. Также: *Lamers H.* Greece Reinvented. P. 178-179.

¹³¹ Ср. слова Лоренцо Валлы: “мне представляется, что наши соотечественники превзошли всех остальных мощью не только своей державы, но и своего языка... Никто из них не обогатил и не развил свой язык так, как сделали это мы, которые... превратили язык Рима... за короткое время в знаменитый, я бы сказал, царящий над остальными... Так пусть же теперь явятся сюда греки и станут кичиться множеством своих языков. Наш единственный, да к тому же и нищий, как они утверждают, сделал больше, чем их пять богатейших, если верить им, языков. Для множества народов существует один латинский язык, подобно единому закону, а у одной Греции, к ее стыду, не один, а множество языков, подобно партиям в государстве. Чужеземцы благодаря языку понимают нас, греки не могут договориться между собой; где уж тут надеяться научить других своей речи” (Пер. *Н.А. Федорова*): Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.). М., 1985. С. 121, 122. [В отличие от Валлы Альд Мануций связывал литературное богатство греческого языка как раз с наличием диалектов: аттического, ионийского, эолийского, дорийского, беотийского, критского, кипрского, македонского, фессалийского, регийского, сицилийского, тарентийского, халкидского, аргосского, лаконского, сиракузского, памфилийского, афинского, которые использовали греческие поэты. “Благодаря этим языкам, а также разным фигурам речи греческие поэты обладают удивительной свободой. Они прибавляют, отрывают, переименовывают, что только ни делают! Одним словом, пользуются словами, как воском”. Альд проводил параллель с языковой ситуацией в современной ему Италии: “Мы подражаем этому разнообразию и богатству языков языком народным: ибо язык римлян не тот же, что у неаполитанцев, калабрийцев, сицилийцев.

Иначе говорят флорентийцы, иначе генуэзцы. Венецианцы сильно отличаются от миланцев по языку и произношению. Иная речь у брешанцев, иная у бергамцев. Что по-латински *caput* (голова), то жители Рима повсеместно называют *capo*. Венецианцы же, отбрасывая букву *p*, говорят усеченно *cao*, а те, что живут по течению реки По, делая соединение из *ao*, произносят *co*. Равным образом: *senato*, *senao*, *seno*. Примеры того же рода бесчисленны. Так греки вообще говорят τοῦ κέρατος (р.п. слова τό κέρας, рог), ионийцы же, отбрасывая τ, – κέραος, а дорийцы путем слияния – κέρως”. А что сказать по поводу того, что каждый крупный город имеет собственный язык, и даже в одном и том же городе в большинстве случаев говорят по-разному? О если бы мы имели такое изобилие диалектов в латыни, то намного превзошли бы греков!”: Prefaces to the First Editions of the Greek and Roman Classics and of the Sacred Scriptures / Ed. B. Botfield. London, 1861. P. 206-207].

ГЛАВА IV. Греческая книга в Италии

В Средние века количество греческих манускриптов на Западе было невелико. В основном они хранились и переписывались в православных монашеских общинах юга Италии и Сицилии. С конца XIV в. по мере расширения греческих штудий в Италии ситуация стала быстро изменяться. Потребность в греческих кодексах ощущалась переводчиками, преподавателями, увлеченными библиофилами и редакторами ранней итальянской печати. Ещё Салютати, готовясь к прибытию Хрисолора, поставил перед Якопо д'Анджело задачу приобретения греческих книг в Константинополе. Сам Мануил взял на Апеннины часть личной библиотеки. С ней связана целая серия рукописей, которые либо находились в распоряжении византийского ученого, либо были переписаны его учениками.

В число текстов, которыми обладал или пользовался Хрисолор, входили «Одиссея» Гомера (Vindob. Phil. gr. 56), сочинения Демосфена (Malat. D. XXVII.1), Лукиана (Vat. gr. 87), Элия Аристида (Ambr. A 175 sup.), Платона (Par. gr. 1811 и Vat. gr. 226), Аристотеля (Par. gr. 2032 и Guelf. Gud. gr. 24), Диона Хризостома (Vat. Urb. gr. 124), собрание астрономических работ (Vat. gr. 191), «Ономастикон» Юлия Поллукса, выдержки из «Лексикона» Гарпократиона и «Медицинского сборника» Орибасия (Heid. Pal. gr. 375), «Начала» Евклида (Par. gr. 2345) и, предположительно, «География» (Vat. Urb. gr. 82) Птолемея. К числу рукописей, прямо или косвенно связанных с Хрисолором, относятся: Brit. Lib. Harl. 5674 и Vat. gr. 30 (поэмы Гомера); Ambr. B 97 sup. (Софокл и Еврипид), Vat. gr. 138 и Barb. gr. 182 (Плутарх); Vat. gr. 81, Vat. gr. 113 и Marc. gr. Z 441 (878) (Либаний); Vat. gr. 1324 (Лукиан); Vat. gr. 1335 (Ксенофонт); Vat. gr. 2208 (Аристотель); Brit. Lib. Add. 22733 (Симеон Метафраст); Ferrara, BC Ariostea, cl II 178 («Альма-

гест» Птолемея); Laur. 28.13 (научные сочинения разных авторов) и др. Известны два латинских кодекса, принадлежавших Хрисолору, – Vat.Chis. N. VI. 179 («О нахождении» Цицерона и «Риторика для Геренния» псевдо-Цицерона) и Vat. lat. 947 («Логика» Оккама). Его учениками были скопированы манускрипты: Bodmer 136, Vat. Urb. gr. 32 и 33 (диалоги Платона, вероятный переписчик – Леонардо Бруни); Near. Bibl. Naz. III AA 4 (Лукиан); Vat. gr. 1368 (Демосфен, письма Мануила Хрисолора); Laur. Plut. 28.9 и 28.38 («География» Птолемея) и др.¹ Когда Филельфо искал безукоризненную копию для перевода некоторых платоновских работ, он узнал, что такая была выполнена Роберто Росси и хранилась у Поджо².

После кончины византийского ученого его книги нашли дорогу в библиотеки ряда гуманистов, прежде всего его учеников и друзей. По завещанию Хрисолора, хранителем тех кодексов, которые он оставил во Флоренции, был Палла Строцци, получивший, тем самым, замечательную возможность для пополнения собственной коллекции (например, Vat. Urb. gr. 124). Четвертую их часть учитель завещал Ченчо де Рустичи³. Леонардо Бруни и Роберто Росси получили в дар от Мануила рукопись с речами Демосфена⁴. Если верить словам Филельфо, какое-то количество книг досталось Никколо Никколи: «Мой родственник Мануил Хрисолор... отдал на хранение Козимо [Медичи] четыре тысячи золотых и все те греческие кодексы, которыми ныне владеет Никколо Никколи или по милости Козимо, или в результате тайного приобретения <...> Он завещал все свое наследство сыну сестры, моему тестю Иоанну Хрисолору, известнейшему и образованнейшему человеку, и доверил эти деньги и книги Козимо Медичи. Мой тесть Иоанн требует их возвращения, а Козимо смеется. Этот грязнейший ростовщик потешался над его требованиями, абсолютно лживо утверждая, что ни рассудок, ни душевное состояние Мануила, когда он составлял завещание, не были в полном порядке»⁵. Таким образом, уроки Хрисолора дали импульс формированию первых гуманистических коллекций греческих текстов.

В одном письме от 1400-1401 гг. Пьер Паоло Верджерио сообщал, что, находясь у себя на родине в Каподистрии, он читал по-гречески Плутарха, Фукидида, «Горгия» Платона, а также «Одиссею» Гомера при помощи перевода Леонтия Пилата. «Одиссею» Верджерио получил от Палла Строцци, «Горгия» от Якопо д'Анджело, а Платона и Фукидида от венецианского патриция Пьетро Миани (или Эмилиани, 1362-1433)⁶.

Крупные собрания греческих рукописей принадлежали Палле Строцци и Гварино Веронезе. В богатой коллекции Паллы⁷ было много сочинений христианских авторов – Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Григория Нисского, Кирилла Александрийского, Синезия Киренского, Феодорита Кирского и Елифания Кипрского. О его интересе к истории свидетельствуют труды Геродота, Ксенофонта, Полибия, Дионисия Галикарнасского Плутарха и Иосифа Флавия. Он располагал кодексами Платона и Аристотеля, риторов Элия Аристида, Гермогена и Афтония, ораторов Демосфена, Исократы и Диона Хризостома. Среди рукописей, приобретенных им у Мануила Хрисолора, были «Космография» Птолемея и четыре Евангелия⁸. Кодекс, содержащий «Риторику» Гермогена (Vat. Ottob. gr. 22), переписал для него критский каллиграф Иоанн Росос⁹. Вместе с Иоанном Аргиропулом Палла скопировал Симпликия (Pap. gr. 1908), причем колофон данной рукописи был выполнен в Падуе Андроником Каллистом¹⁰.

Палла также обладал кодексами, переписанными Иоанном Скутариотом, греком из Фессалии, которые содержали сочинения Лисия и Птолемея. Согласно колофонам скопированных Скутариотом рукописей, он работал каллиграфом более полувека (1442 по 1494) в основном во Флоренции. Там им были переписаны кодексы Vat. Pal. gr. 159 (Порфирий, Аристотель) в 1442 г., Laur. Plut. 32.18 (Гомер, Антипатр Сидонский) в 1452 г., Laur. Plut. 28.37 (Арат, Теон Александрийский) в 1464 г., Vindob. Suppl. gr. 20 (Платон, Лукиан) в 1468 г., Laur. Plut. 81.06 (Эсхил, Аристотель) в 1494 г. и многие другие (всего из-под

его руки вышло более ста манускриптов). В числе их обладателей – папа Николай V, венгерский король Матвей Корвин, Козимо и Лоренцо де'Медичи, Веспасиано да Бистиччи, Федерико да Монтефельтро, Джанноццо Манетти, Марсилио Фичино, Паоло Тосканелли, Полициано, Филельфо, Иоанн Ласкарис и Андроник Каллист¹¹.

Гварино начал формировать свою библиотеку во время пребывания в Греции. Среди его ранних приобретений – кодекс, содержащий три комедии Аристофана и грамматику Хрисолора (Vat. Pal. gr. 116), купленный им в Константинополе 1 марта 1406 г., а также ныне потерянная рукопись лексикона «Суда», которую он нашел на Родосе¹². В дальнейшем его коллекция существенно разрослась¹³. Гварино был обладателем, по крайней мере, четырех рукописей с сочинениями Ксенофонта, включая кодекс Laur. Conv. soppr. 112 (*Экономика, Киропедия, Анабасис, Гиерон*), переписанный и отправленный ему в 1410 г. Исидором, будущим митрополитом Киевским. Известно о наличии у него двух манускриптов Плутарха (Laur. Conv. soppr. 112 и Ambr. C 126 inf.), двух Аристофана (Vat. Pal. gr. 116 и Vodl. Holkham gr. 88), двух Гесиода (Vat. gr. 1507 и Par. gr. 2772, в котором также содержатся некоторые письма Либания и географическая поэма Дионисия Периегета), одной рукописи Лукиана (Guelf. Aug. 2° 86.7), одного кодекса с речами и письмами Эхина, письмами Исократы и Сократа, а также трактатом Дионисия Галикарнасского «О риторике Лисии» (Guelf. Helmst. 806) и других¹⁴. Гварино не только покупал кодексы, но, по всей видимости, и прибегал к услугам греческих копиистов. Так, кодекс Ксенофонта (Guelf. Aug. 8° 56.22), находившийся в его владении, был выполнен Герардом из Патр (возможно, эллинизированным латинянином). Когда молодой Георгий Трапезундский впервые приехал с Крита в Венецию, он остановился в доме Франческо Барбаро, где тогда преподавал Гварино, и в обмен на уроки латыни переписывал для него греческие тексты¹⁵.

Школа Витторино да Фельтре в Мантуе также располагала

большим собранием греческих книг¹⁶. В него входили Геродот, Ксенофонт, Плутарх, Дионисий Галикарнасский, Гесиод, Феокрит, Ликофрон, Арат, Эсхин, Еврипид, Аристофан, Исократ, Элий Аристид, Аристотель, Максим Тирский, Синезий Киренский. Амброджо Траверсари сообщал, что наткнулся у Витторино на рукопись малоизвестных греческих сочинений по теории музыкального искусства Клавдия Птолемея, Аристида Квинтилиана и старца Вакхия¹⁷. Этот кодекс идентифицирован как Marc. gr. VI 10 (1300)¹⁸. Он содержит «Гармонику» Клавдия Птолемея с комментарием Порфирия не неё, две одноименные работы «О музыке» псевдо-Плутарха и Аристида Квинтилиана, сочинение анонимного автора (*Anonymus Beller-mannianus*), «Введение в искусство музыки» старца Вакхия, «О музыкальном искусстве» псевдо-Дионисия и гимны поэта Месомеда Критского. Траверсари писал, что видел среди греческих кодексов Гварино труд св. Августина «О троице» (очевидно, в греческом переводе Максима Плануда); басни Эзопа; «Законы», «Государство» и письма Платона; Хризостома¹⁹; четыре работы Юлиана Отступника; «Жизнь Гомера» псевдо-Геродота; книгу некоего Иоанна консула о разных вопросах; многие сочинения Аристотеля (однако все они уже были в коллекции Траверсари); Геродота; Фукидида; Арриана; многих поэтов; «Параллельные жизнеописания» Плутарха; грамматику без указания авторства и другие рукописи²⁰.

Витторино одним из первых гуманистов организовал при своей школе своего рода скрипторий для копирования греческих книг. Из работавших с ним профессиональных переписчиков известны Петр Критянин из Ретимнона и Герард из Патр. Петр скопировал для Гварино сочинения Ксенофонта (Laur. Plut. 55.21) и лексикон «Суда» (Laur. Plut. 55.1). Из других кодексов, которые могли быть переписаны им для того же заказчика, можно назвать Guelf. Aug. 4° 10.02 («Аргонавтика» Аполлония Родосского), Laur. Asc. 60 («Труды и дни» Гесиода), Par. gr. 3020 (три сочинения Юлиана Отступника, «Жизнь Гомера» псевдо-Геродота), Ambr. A 59 sup. (басни Эзопа) и

Bodl. Canon gr. 14 (грамматика Мосхопула). Его коллега Герард из Патр до прибытия в Мантую сотрудничал с Франческо Барбаро, Лоренцо Валлой и Гварино. В Мантуе он скопировал «Параллельные жизнеописания» Плутарха (Laur. Plut. 69.1), как следует из колофона рукописи. В других случаях можно предполагать прямую или косвенную связь копий Герарда со школой Витторино – это касается Гомера (Par. gr. 2687; Perugia, BC Augusta E 48; Bodl. Holkham gr. 116), Исократа (Bodl. Canon gr. 87), Геродота (Ambr. A. 253 inf.), Ксенофонта (Perugia, BC Augusta B 34), грамматики Мосхопула вместе с тремя трактатами Элия Геродиана (Vindob. Phil. gr. 263) и нескольких кодексов с работами Аристотеля (среди них Vat. gr. 2183; Par. gr. 2024 и Brit. Lib. Add. 14080)²¹.

До 1453 г. главными «поставщиками» греческих рукописей на Запад были константинопольские скриптории и библиотеки. Итальянские эллинисты приобретали манускрипты в ходе личных поездок или через агентов и доверенных лиц. В письме Джан-Франческо Гонзага к Гварино от 21 июля 1444 г. маркиз сообщал, что уже долго пытается заполучить сочинения Иосифа Флавия на греческом языке – «Иудейские древности», «Иудейскую войну», трактат «О древности еврейского народа», посвященный Эпафродиту, и некоторые другие. Поэтому он написал своему другу Доминико Гримальди, который должен был ехать в Константинополь, и попросил его приложить старания к розыску этих книг²².

Среди всех итальянских путешественников, побывавших на греческом Востоке в XV в. самая большая коллекция манускриптов была собрана Джованни Ауриспой. Во время первого путешествия (1413-1414) наиболее значительными его приобретениями, сделанными на Хиосе, стали рукопись трагедий Софокла и Еврипида, кодекс, содержащий «Илиаду» с комментарием на неё Аристарха²³, и кодекс Фукидида. Из второго (1421-1423) он привез 238 греческих манускриптов: коллекция включала поэтические произведения – гомеровские по-

эмы и гимны, «Гимны» Каллимаха, «Орфическую аргонавтику», сочинения Эсхила, Софокла, Аристофана, Пиндара, Фокилида, исторические работы – Диодора Сицилийского, Арриана («Анабасис Александра»), Диона Кассия, Прокопия («Война с готами»), сочинения Лукиана, Диогена Лаэртского («О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»), Плутарха («Параллельные жизнеописания» и «Моралии»), Ксенофонта (в том числе трактат «О верховой езде»), Страбона («География»), речи и письма Эсхина, письма Исократы и Сократа, все сочинения Платона, Плотина и Прокла, многие работы Ямвлиха, Аристотеля (среди которых – «Евдемова этика», три книги «Риторики», «О предсказании во сне», псевдоаристотелевские «Риторика к Александру», «О чудесных слухах» и «Механические проблемы») и Теофраста, грамматику Аполлония Дискола, «Математическое собрание» Паппа Александрийского и другие работы, а из христианских авторов – двести писем Григория Богослова и некоторые речи Иоанна Златоуста²⁴. Не вполне понятно, каким образом Ауриспа покрыл расходы на приобретение такого впечатляющего собрания манускриптов. По подсчетам П. Шрайнера, при гипотетической (и довольно низкой) цене в 5 иперпиров за одну рукопись стоимость всей коллекции составила бы около 1200 – целое состояние, даже с учетом инфляции в XV в. Для сравнения, небольшой одноэтажный дом с садом в 1363 г. стоил 45 иперпиров, а очень богатое приданое в 1387 г. достигало 1700 номисм²⁵.

Чириако д'Анкона, совершивший несколько путешествий на Восток, помимо археологических древностей Греции, интересовался ещё и рукописями. Во время своей третьей поездки по восточному средиземноморью (1428-1431) он приобрел на Хиосе прекраснейший греческий кодекс «Нового Завета» стоимостью двадцать золотых²⁶, в Никосии – четыре рукописи, содержавшие некоторые трагедии Еврипида, «Илиаду», «Одиссею» и грамматику Феодосия Александрийского²⁷.

В Адрианополе зимой 1429-1430 гг. Чириако услышал «Илиаду» Гомера и «Труды и дни» Гесиода в изложении греческого грамматика Льва Болеса и с его помощью купил некоторые кодексы из захваченной Фессалоники, прежде всего, «Географию» Птолемея²⁸. Затем уже в самой Фессалонике он приобрел большую часть книг греческих христианских и языческих авторов²⁹.

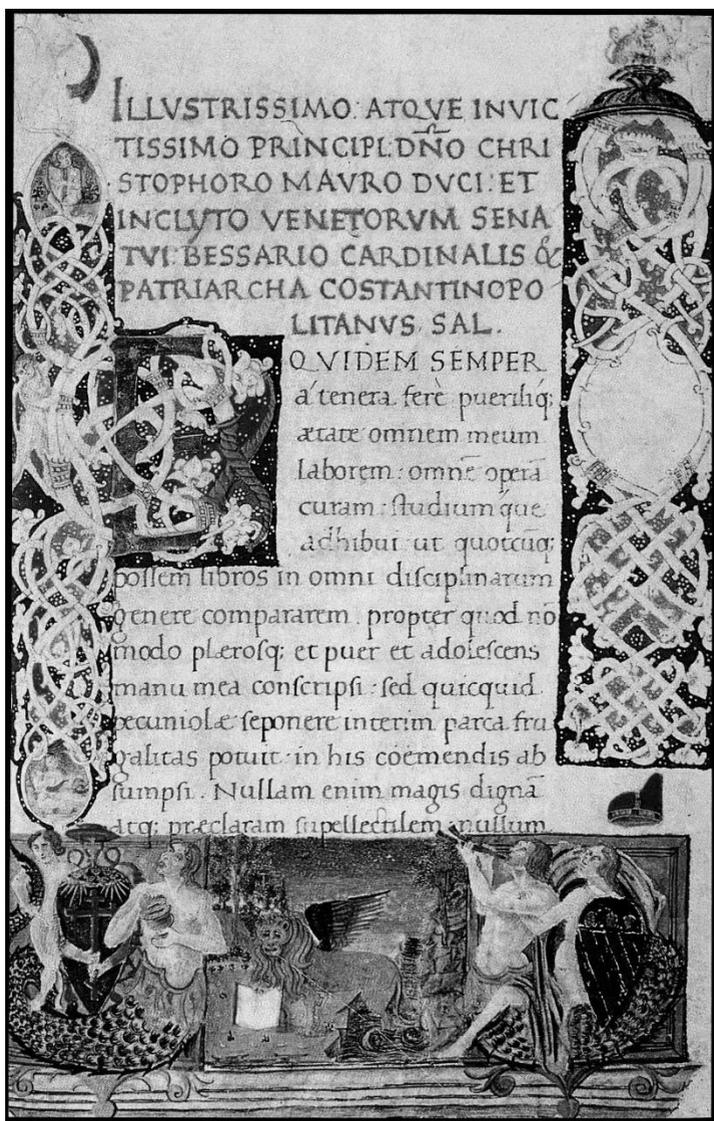
Крупная греческая библиотека была собрана в Константинополе Франческо Филельфо. В письме к Траверсари он привел длинный список рукописей, отправленных им домой: «Я сообщаю тебе названия тех моих книг, которые были отведены ко мне в Италию, некоторые же другие я ожидаю в Венеции с первыми кораблями из Константинополя. Это Плотин, Элий Аристид, Дионисий Галикарнасский, *География* Страбона, Гермоген, *Риторика* Аристотеля, *De numeribus et characteribus* Дионисия Галикарнасского, Фукидид, *Моралии* Плутарха, комментарии Прокла на диалоги Платона, Филон Александрийский, Геродот, Дион Хризостом, Аполлоний Пергский, *Этика* Аристотеля, его же – *Большая этика*, *Евдемова этика*, *Экономика* и *Политика*, некоторые небольшие работы Теофраста, *Илиада* и *Одиссея* Гомера, *Жизнь Аполлония Тианского* Филострата, речи Либания и некоторые сочинения Лукиана, Пиндар, Арат, семь трагедий Еврипида, Феокрит, Гесиод, лексикон *Суда*, письма Фалариса, Гиппократ, Платона и многих из древних философов, Демосфен, речи и письма Эсхина, большая часть трудов Ксенофонта, одна речь Лисия, *Аргонавтика* и гимны Орфея, Каллимах, труды Аристотеля – *История животных*, *Физика* и *Метафизика*, *О душе*, *О частях животных* и некоторые другие, Полибий, некоторые беседы Златоуста, поэма *Деяния Диониса* и многие другие поэты»³⁰. Большим достоянием Филельфо была рукопись «Илиады», которую скопировал для него Феодор Газа (Theodorus Gazes exscripsit mihi) и которая досталась ему по такой дорогой цене (magna cum impensa atque sumptu), что он не усту-

пил бы её никому даже за несметные и удивительные сокровища Крѣза³¹. В Константинополе Филельфо прибег к услугам копииста, диакона Георгия Хрисококка, переписавшего для него «Географию» Страбона (Scog. T. II. 7), «Пир», «Экономику» и «Киропедию» Ксенофонта (Laur. 55.19), кодекс, содержащий сочинения Аристотеля («Риторика»), псевдо-Аристотеля («Риторика к Александру»), Дионисия Галикарнасского («О соединении слов», «О Фукидиде. Второе письмо к Аммею») и Теофраста («Этические характеры») (Laur. 60.18), а также часть кодекса Vat. gr. 1334 с трудами Ксенофонта («Гиппарх», «О верховой езде», «Гиерон» и «Лакедемонская политика») – другая его часть («О страстях» псевдо-Андроника Родосского и некоторые сочинения Синезия Киренского) принадлежит руке Феодора Газы. Все четыре манускрипта, переписанные Хрисококком по заказу Филельфо, были выполнены на пергамене и роскошно оформлены³². Кодекс, содержащий «Никомахову этику» Аристотеля (Vat. gr. 1689), в ноябре 1422 г. скопировал для гуманиста диакон Георгий Докейанос (Δοκεϊανὸς)³³. По всей видимости, Филельфо получил часть библиотеки своего учителя Иоанна Хрисолора, в том числе, в качестве приданого за его дочь Феодору Хрисолорину. Ещё до брака с Феодорой он купил у жены Иоанна Манфредины Дориа рукопись поэм Гесиода (Laur. 32.16)³⁴. Известно также, что во исполнение последней воли учителя Филельфо передал Палле Строцци кодекс «Параллельных жизнеописаний» Плутарха (Vat. Urb. gr. 96), ранее принадлежавший Иоанну Хрисолору³⁵.

Византийские писцы первой половины XV в. Георгий Хрисококк, Георгий Байофорос, Лев Атрапис и Стефан из Медеи работали в скриптории столичного монастыря св. Иоанна Протрома (Предтечи), связанного со знаменитой школой в Ксеноне (Καθολικὸν Μουσείον)³⁶. Из этого скриптория происходили многие манускрипты, вывезенные на Запад. Прежде всего это касается текстов нерелигиозного содержания. Например,

Георгий Хрисококк, помимо четырех манускриптов, переписанных по заказу Филельфо, скопировал три рукописи для Ауриспы – коллекцию писем и других сочинений различных авторов (Pap. gr. 3047), «Географию» Страбона (ГИМ 506) и кодекс, включающий речи и письма Эсхина, письма Исократы и Сократа, а также трактат «О риторике Лисии» Дионисия Галикарнасского (Helmstadiensis 806 / Guelferbitanus 902)³⁷. Другим итальянским заказчиком константинопольского писца был Кристофоро Гаратоне (†1448), для которого Хрисококк переписал четыре кодекса: «Параллельные жизнеописания» Плутарха (Vat. gr. 1007), «Историческую библиотеку» Диодора Сицилийского (Laur. 70.34), сочинения Либания (Vat. gr. 84) и «Киропедию» Ксенофонта в Vat.Chis. R. VI. 41 (gr. 33)³⁸. За два последних манускрипта, выполненных на бумаге, было уплачено восемь дукатов и четыре дуката соответственно, при среднем курсе три иперпира за один дукат³⁹. В коллекцию Гаратоне входили и кодексы, скопированные для него Львом Атраписом, священником, преподавателем риторики, а позднее номофилаксом (1445-1447) в Константинополе, и Георгием Байофоросом, очень плодовитым переписчиком того времени⁴⁰. В монастыре переписывалось много грамматических учебников (в особенности Мануила Мосхопула), как для византийцев, так и для приезжих латинян. Среди рукописей грамматики Мосхопула преобладали палимпсесты. Например, Байофорос многократно копировал Мосхопула, для чего использовал монастырские рукописи X-XI вв., с которых были соскоблены комментарии Симпликия и Аммония, сочинения Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Плутарха и жития святых⁴¹.

Падение Константинополя было воспринято гуманистами не только как религиозная и политическая катастрофа, но и как культурная трагедия. Эней Сильвий Пикколомини писал о второй смерти Гомера и второй гибели Платона. «Где нам теперь искать философов или поэтов? Иссяк источник муз!»⁴² Лауро Квирини упоминал свидетельство Исидора Киевского об уничтожении 120 тысяч книг и заключал, что греческий

Илл. 24. Письмо Виссариона к дожу Кристофоро Моро и венецианскому Сенату о передаче кардинальской библиотеки в дар республике (31 мая 1468). Венеция. Национальная библиотека св. Марка. Lat. XIV, 14 (4235), fol. 1r.

язык и греческая словесность, которые с таким трудом и усердием приумножались и совершенствовались в течение долгого времени, отныне погибли⁴³. Для кардинала Виссариона и его единомышленников спасение греческой литературы было связано с проблемой сохранения греками их культурно-национальной идентичности. Располагая значительными средствами, он приступил к созданию одной из крупнейших на Западе библиотек греческих текстов. Её формирование происходило по трём направлениям – организация работы греческих переписчиков, поиск книг на греческом Востоке и пополнение коллекции за счет монастырских библиотек василианского ордена, протектором которого являлся сам кардинал.

До Виссариона библиофилы почти не обращали внимание на книжные полки василианских общин. Один известный случай связан с приездом в аббатство Гроттаферрата, расположенное недалеко от Рима, Франческо Барбаро и Леонардо Бруни. В письме к Гварино от 1426 г. Барбаро сообщал, что нашел в монастыре много греческих и латинских книг: «справа от храма есть комнатка, посвященная книгам и отцу Либеру⁴⁴ (et libris et Libero patri), где находятся винные сосуды, а также греческие книги, выделяющиеся и количеством, и качеством: все они по содержанию богословские и написаны настолько изящно, что им следовало храниться скорее в библиотеке Варрона или Птолемея, чем в этой кладовке»⁴⁵.

Много рукописей Виссарион вывез из монастыря св. Николая Казольского около Отранто⁴⁶. По свидетельству Константина Ласкариса, кардинал обнаружил там поэму Квинта Смирнского «После Гомера»⁴⁷. Оттуда происходила и другая его известная находка – поэма Коллуфа «Похищение Елены»⁴⁸. Основную часть греческих книг в монастыре св. Николая составляли христианские тексты, но были и светские авторы. Из его скриптория в XV в. вышли кодексы *Par. gr.* 1685 (роман «История Александра Великого» псевдо-Калисфена и басни Эзопа, переписчик иером. Нектарий), *Par. gr.* 2970 (пародийная поэма «Батрахомиомахия», переписчик иером. Нектарий),

Vindob. Phil. gr. 204 (две комедии Аристофана, переписчик Александр из Отранто, 1458 г.), Par. gr. 2850 («Сивиллины оракулы»), переписчик Димитрий Леонтарис, 1474 г.), Par. gr. 1639 («Киропедия» и «Анабасис» Ксенофонта, «Этические характеры» Теофраста, переписчик Димитрий Леонтарис, 1474-1475 гг.) и др. В 1480 г. обитель была разорена турками, но некоторым братьям, кажется, удалось спастись. Иеромонах Иоаким перебрался в монастырь Сан Сальваторе в Мессине, где в 1485 г. скопировал Vat. Ottob. gr. 178 (Аристотель, Афтоний, Исократ) по просьбе Константина Ласкариса, затем последовали Vat. Ottob. gr. 308 («Одиссея» Гомера), Madrid 4558 («Опсовой охоте» Опшиана), Par. gr. 2547 («О синтаксисе» Аполлония Дискола) и Madrid 4649 (трагедия «Христос страждущий» св. Григория Богослова)⁴⁹.

Виссарион обеспечил работой целый ряд греческих переписчиков. Над копиями аристотелевского корпуса (Marc. gr. Z 206, 207, 213 и 215) трудились Харитоним Гермониом, Димитрий Триволис, Афанасий Халкеопулос и иеромонах Григорий⁵⁰. Критский священник Иоанн Росос (Ρῶσος, †1498), переписавший в течение жизни свыше ста манускриптов, скопировал для Виссариона труды Платона (Marc. gr. Z 184), Аристотеля (Marc. gr. Z 200), Дионисия Галикарнасского (Marc. gr. Z 373) и некоторые духовные тексты (Marc. gr. Z 495). Следует также упомянуть другую работу Рососа – «Географию» Птолемея (Marc. gr. Z 388), прекрасно оформленный и снабженный картами манускрипт. Этот кодекс был написан во Флоренции ок. 1453 г. и иллюминирован в Болонье, возможно, известным миниатюристом Франческо ди Антонио дель Кьерико⁵¹. Кодексы, содержащие работы Галена, Росос переписывал как единолично (Marc. gr. Z 287), так и вместе с другим критским копиистом Георгием Александру (Marc. gr. Z 281 и 285). Результатом совместной работы Рососа и двух его коллег – Косьмы Трапезундского и Георгия Тривизия стал кодекс сочинений по риторике Marc. gr. Z 429. Вместе с Андроником

Илл. 25. Рукопись сочинений Платона из коллекции Виссариона. Переписчик Иоанн Росос. Marc. gr. Z. 184 (326), fol. 14r.

Каллистом Росос скопировал кодекс, содержащий «Одиссею» и трактат «О жизни Гомера» псевдо-Плутарха (Marc. gr. Z 611). Из копий, сделанных Каллистом по заказу Виссариона, можно назвать кодекс Диодора Сицилийского (Marc. gr. Z 374). В числе других греческих переписчиков, сотрудничавших с кардиналом, были Георгий Цангаропул и Димитрий Ксантопул⁵².

Поиск рукописей на греческих территориях Виссарион поручил Михаилу Апостолию. В 1461 г. впервые после падения Константинополя тот посетил свой родной город с целью поиска манускриптов и переписал там кодекс Фукидида (Vat. Urb. gr. 91)⁵³. Второе путешествие в Константинополь Апостолий совершил в 1463-1464 гг. В одном из писем к Виссариону от 1467 г. он назвал себя открывателем книг (βιβλιοφάνης). Ему приходилось иметь дело с дурными владельцами рукописей и прибегать к хитрости, чтобы заполучить необходимые патроны кодексы. Он также уведомлял Виссариона, что переписывает для него три работы Галена и одну Артемидора⁵⁴. В другом письме Апостолий сообщал кардиналу, что отправил ему список книг, которыми располагает киприот Баднос. Поскольку судоходство между Кипром и Критом было не очень оживленным, он опасался, что по прошествии времени рукописи могут достаться другим покупателям, а у него самого нет средств, чтобы лично отправиться на Кипр. Книгу комментариев Прокла на геометрию (к первой книге «Начал» Евклида) можно было бы получить от его ученика, сицилийца Фомы Фикарноса, проживавшего в Модоне. Феодор из Монемвасии, дядя жены Апостолия, сообщил ему о находке рукописи, содержащей все сочинения Гиппократов. Их названия были перечислены в письме Феодора, которое Апостолий переправил Виссариону. Другой обладатель крупной библиотеки, содержащей интересовавшие кардинала сочинения Плутарха, Прокла и Галена, – некий Николай, названный Апостолием «сребролюбом и книжным могильщиком» (βιβλιοτάφος), не спешил знакомить его со всей коллекцией. Он показал ему наименее интересные рукописи и дал переписать только их заголовки

и несколько книг, а за самую возможность скопировать всю коллекцию запросил двести золотых. Раздраженный Апостол охарактеризовал его как маленького человечка, схожего с обезьяной, хитрого плута и хамелеона⁵⁵.

Благодаря финансовой поддержке кардинала Михаил организовал на Крите нечто вроде «товарищества» по переписыванию книг. Известно более ста манускриптов, скопированных им полностью или частично для Виссариона и других заказчиков. Содержание кодексов показывает, что наиболее востребованными были как светские тексты, так и античные авторы. Ряд кодексов Апостолий написал совместно с другими копиистами: своими учениками – Михаилом Лигизосом и Эммануилом Адрамиттеносом; коллегами – Георгием Александру, Косьмой Трапезундским, Михаилом Сулиардосом, Фомой Битсиманосом, Иоанном Плусиаденосом, Эммануилом Захаридом, анонимным писцом (Anonymus Harvardianus), чей почерк был идентифицирован Филиппом Хоффманном в кодексе *Perus. gr. 51*, и, наконец, сыном Михаила Апостолия – Аристубулом (Арсением). Мы видим, что захват Константинополя и последних византийских территорий привел к переселению многих образованных греков на Крит. Вместе с растущим спросом на греческую книгу это способствовало превращению острова в главного поставщика греческих манускриптов на Запад в течение второй половины XV-XVI вв.⁵⁶

Решая вопрос о судьбе своей библиотеки, Виссарион первоначально хотел передать её бенедиктинскому монастырю *San Giorgio Maggiore*, но в 1468 г. изменил свое решение в пользу республики св. Марка. Обращаясь к дожу Кристофоро Моро и Сенату, он писал: «когда я перебирал в уме многие города Италии, только ваш достославный и великий град полностью удовлетворил меня. Во-первых, я не нашел более безопасного места, чем это государство, которое находится под справедливым руководством, хранится законами и управляется в единстве и мудрости, где живут доблесть, умеренность, достоинство, верность, где власть, с одной стороны, великая и

могучая, с другой, справедливая и благоразумная; где люди свободные в суждениях, не разнужданные, не подверженные ошибкам разумно держат кормило власти, где благие предпочитают дурным, и где, забыв о частной выгоде, в единодушном согласии и с абсолютным бескорыстием заботятся о всем теле государства... Я понял, что не смог бы выбрать более удобное и более подходящее место в особенности для наших людей. Ибо именно в ваш город преимущественно стекаются все народы практически со всего света, но главным образом греки, которые, прибывая морем из своих областей, сперва высаживаются в Венеции. Они связаны с вами неразрывной связью, ибо, когда они приплывают к вашему городу, им кажется, что они попадают словно в другую Византию. А посему, где можно более достойно разместить этот наш дар, как не у тех людей, которым я обязан и перед которыми в долгу за их многочисленные благодеяния по отношению ко мне, и как не в этом городе, который я избрал для себя вместо родины, поработенной Греции, и в который я был вами приглашен и где с большим почетом был принят»⁵⁷. Согласно инвентарю, приложенному к акту дарения, Виссарион передавал 482 греческих манускрипта и 264 латинских. Другие книги кардинала, включая инкунабулы, были отправлены в Венецию уже после его кончины – в итоге общее количество экземпляров, переданных им *ad communem hominum utilitatem*, превысило тысячу⁵⁸. Этим дарением Виссарион заложил основу знаменитой венецианской *Марчаны*, однако собственное здание библиотека получила только во второй половине XVI в.

Собиранием греческих манускриптов целенаправленно занимались и флорентийские правители. Козимо Медичи направлял и финансировал деятельность агентов, искавших книги для его библиотеки. Один из них, монах Леонардо да Пистойя, сделал очень важную находку в Македонии, которая оказала заметное влияние на итальянский гуманизм. Марсилио Фичино сообщает в предисловии (*argumentum*) к пере-

воду трактатов Гермеса (Меркурия) Трисмегиста (Трижды-величайшего), выполненному в 1463 г.: «Из многих меркуриевых книг две являются особенно божественными: одна – о Воле Божьей, другая – о Силе и Мудрости Бога. Первая озаглавлена “Асклепий”, вторая – “Поймандр”. Первую перевел на латынь платоник Апулей, вторая вплоть до этого времени сохранилась у греков и привезенная недавно из Македонии в Италию старанием ученого и честного монаха Леонарда Пистойского прибыла к нам. Я же, побуждаемый твоими увещаниями, счастливый Козимо, решил перевести её и посчитал справедливым посвятить этот небольшой труд тебе»⁵⁹. Рукопись, привезенная для Козимо, – это кодекс Laur. Plut. 71.33. Он содержит четырнадцать (из восемнадцати) трактатов «Герметического свода» (*Corpus Hermeticum*), первый из которых носит название «Поймандр» (т.е. «Пастырь мужей»). Фичино распространил это заглавие на весь свод. Примечательно, что Козимо поручил ему «перевести сначала Меркурия Трижды-величайшего, а потом Платона»⁶⁰. Это объясняется тем, что в сочинениях Отцов Церкви (прежде всего Лактанция и Августина) Гермес был представлен как один из величайших языческих пророков, более древний, чем Платон и другие греческие мудрецы. Перевод Фичино, получивший широкую известность в Италии, имел большое значение для формирования ренессансного герметизма. Гермес Трисмегист стал воспринимался гуманистами как «древний богослов» (*priscus theologus*), языческий пророк христианства, а «Герметический свод» как божественное откровение. Эти представления в известной мере позволяли реабилитировать языческую мудрость и магию⁶¹. Кроме кодекса Laur. Plut. 71.33, в Италии были и другие манускрипты, содержащие «Герметический свод». В 1458 г. Виссарион купил во Флоренции рукопись Marc. gr. Z 242 (993), выполненную в XIV в. и содержащую более полный набор герметических текстов, а также заказал Иоанну Рососу скопировать Marc. gr. Z 263 (1025)⁶².

Ближе к концу XV в. Лоренцо де Медичи отправил на греческий Восток Иоанна Ласкариса, поручив ему поиск и покупку манускриптов⁶³. Первое путешествие было совершено в 1490 г. Ласкарис посетил Корфу, Фессалонику и Фере в Западной Фракии. Во время второй поездки (1491-1492) он сначала отправился на юг Италии, где познакомился с библиотеками священника Георгия в Корильяно, некоего аббата из Монтесардо и монаха Серджо Стисо, вокруг которого группировались образованные люди Саленто⁶⁴. Затем он пересек по суше Акарнанию, Фессалию и достиг Константинополя, где встретился с Димитрием Кастреносом и приобрел некоторые кодексы, о чем сообщил в письме Димитрию Халкокондилу⁶⁵. Он также начал переговоры с итальянским врачом Никколо да Сиена о покупке его книг, находившихся в Кандии на Крите. Цена этих рукописей была определена сторонами примерно в 950 дукатов. Однако по прибытии в Кандию Ласкарис увидел, что количество книг не соответствовало обещанному, и в итоге приобрел у Никколо сорок четыре манускрипта за 405 дукатов, причем 50 из них выделялись на транспортные расходы. Заинтересовавшие его рукописи, содержали сочинения греческих поэтов, риториков, философов, богословов и некоторые научные работы⁶⁶. Между посещением Константинополя и Крита Ласкарис совершил поездку по монастырским библиотекам Афона⁶⁷. Во Флоренцию он привез двести манускриптов, многие из которых были ранее неизвестны на Западе. Таким образом, как собиратель рукописей Иоанн Ласкарис уступил только Ауриспе.

Большинство греческих ученых-эмигрантов трудилось в качестве переписчиков и располагало личными библиотеками⁶⁸. Вместе с их итальянскими коллегами они внесли ценный вклад в дело распространения греческих текстов на Западе. Кроме того, они быстро включились в деятельность ренессансных типографий в качестве редакторов и корректоров ранней греческой печати.

В трактате о шифрах (*De componendis cyfris*, ок. 1466) Леон Баттиста Альберти упомянул о беседе, которая состоялась между ним и апостольским секретарем Леонардо Дати по поводу революционного изобретения, пришедшего из Германии: «Когда я был у Дати в садах великого понтифика в Ватикане и по нашему обыкновению мы беседовали друг с другом о вещах, которые относятся к *studia litterarum*, случилось, что мы стали сильно восхвалять немецкого изобретателя, который в это время с помощью какого-то давления делал оттиски таким образом, что в течение ста дней усилиями не более чем трех человек воспроизводилось больше двухсот книг на основе одного образца! Единственным нажатием воспроизводится целая страница исходной книги»⁶⁹.

Итальянское книгопечатание быстро откликнулось на растущий интерес к греческим штудиям. Первый печатный пресс был установлен в 1465 г. в монастыре Субиако недалеко от Рима двумя партнерами Конрадом Швайнхаймом и Арнольдом Паннарцем. Немецкие печатники быстро определили литературные пристрастия итальянской читающей публики. Они начали с изготовления новых шрифтов, соответствующих эстетическим вкусам гуманистов. Печатники предпочли более округленные, «романские» формы литер строгим, готическим моделям, которые были характерны для изданий Гуттенберга. Перечень авторов, опубликованных печатниками, в основном соответствовал программе гуманистического образования, изложенной в трактате Леонардо Бруни «*De studiis et literis*»⁷⁰. После переезда Швайнхайма и Паннарца в Рим они нашли покровителя в лице Виссариона. В 1468 г. главным редактором издательства стал его друг Джованни Андреа Бусси, епископ Алерии. Кроме латинских авторов, печатники опубликовали и некоторых греческих в переводе на латынь. Бусси привлек к сотрудничеству Феодора Газу. По его просьбе Газа вместе с Андроником Каллистом и Лампунино Бираго подготовил к изданию латинский перевод «Географии» Страбона (1469)⁷¹. Другое детище типографии, относящееся к тому же

году, – «Аттические ночи» Авла Геллия – также не обошлось без редакционного вмешательства Газы, что явствует из посвящения этого выпуска папе Павлу II⁷². Печать «Естественной истории» Плиния Старшего (1470) стала их последним совместным предприятием⁷³. Газа включил в издание этого труда извлечение из платоновского «Горгия»⁷⁴. Среди трудов греческих авторов, изданных без участия Газы, следует назвать «Всемирную историю» Полибия и «Этику» Аристотеля.

Ранние издания греческих авторов в их латинских (и итальянских) переводах подготовили почву для появления в Италии последней четверти XV в. греческой печатной книги. Считается, что первой книгой, полностью напечатанной на греческом языке, была грамматика Константина Ласкариса, изданная в 1476 г. в Милане критянином Димитрием Дамиласом (Demetrius Damilas) и типографом Диониджи Парравичино⁷⁵. После успешного выпуска грамматики Дамилас переехал во Флоренцию и был рекомендован Филельфо Димитрию Халкокондилу⁷⁶, который впервые пробовал свои силы в качестве редактора греческой печатной книги. Сам Халкокондил характеризовал Дамиласа как превосходного каллиграфа, а в 1488 г. ходатайствовал перед Джованни Лоренци о предоставлении его брату, Антонию Дамиласу, места протопсалта на Крите⁷⁷. Результатом совместной работы стало первое греческое издание Гомера, которое было выпущено в двух томах 9 декабря 1488 г., согласно его колофону. Бернардо Нерли в посвящении к Пьеро Медичи указал, что финансирование предприятия он осуществлял вместе со своим братом Нери Нерли при поддержке Джованни Аччайуоли. В колофоне были отмечены труд и мастерство (πόνος καὶ δεξιότης) Дамиласа, который отвечал за техническую сторону работы, прежде всего за дизайн и изготовление литер. Халкокондил, будучи редактором издания, включил в него свидетельства Геродота и Плутарха о жизни Гомера, речь Диона Хризостома, «Илиаду», «Одиссею», «Гомеровы гимны» и «Батрахомиома-

хию», которая уже была издана на греческом языке критянином Лаоником (Венеция, 1486). Халкокондил сделал несколько правок в тексте поэм, сравнив их с комментарием Евстафия Солунского (XII в.); в остальном его работа сводилась к подбору рукописей для печати⁷⁸.

После переезда в Милан Халкокондил вернулся к книгоиздательской деятельности и в 1493 г. отредактировал первое греческое издание речей Исократ. Публикация содержала двадцать одну речь без каких-либо комментариев, их текст основывался на позднейшей рукописи. Расходы взяли на себя три герцогских секретаря, чьи имена приведены в колофоне. Технической стороной дела занимались печатники Генрих Немец (Scinzenzeler) и итальянец Себастьяно де' Понтремоли. Издание стало коммерческой неудачей, поскольку часть тиража, возможно по причине его большого объема, долгое время оставалась нераспроданной. В 1535 г. оставшиеся экземпляры были пущены в продажу в Венеции с новым титульным листом и колофоном на греческом и латинском языках, чтобы создать иллюзию нового издания⁷⁹. Несмотря на осложнения Халкокондил решился на более трудную задачу – публикацию византийского лексикона X в., известного как «Свида» (или «Суда»). Этот обширный лексико-этимологический словарь с элементами энциклопедии включает значительное количество материалов из разных областей знания, однако самые ценные сведения содержатся в статьях биографического и историко-литературного характера. Халкокондил привлек к работе двоих печатников – Джованни Биссоли (Bissolus) и Бенедетто Дольчибелли дель Манджо (Mangius), приехавших в 1499 г. из Венеции. Так образовалось их товарищество, в которое непродолжительное время входил миланский книго-торговец Алессандро Мануччано. Вскоре ему на смену пришли преподаватель грамматики Антонио Мотта и наваррец

Илл. 27. Фрагмент фрески работы Доменико Гирландайо (1448-1494) «Благовещение Захарии» (Флоренция. Капелла Торнабуони). Слева направо изображены: Марсилио Фичино, Кристофоро Ландино, Анджело Полициано и Димитрий Халкокондил. «Серия Джовиана».

Джованни Мариа Каттанео, оба ученики Халкокондила. Окончательное соглашение между ними было нотариально завершено 13 апреля 1499 г.: Мотта и Каттанео разделили с учителем расходы по изданию лексикона, рукопись которого, как оговаривалось, была приобретена Халкокондилем за 25 золотых⁸⁰. В греческом предисловии редактор уверял, что добросовестно сравнил многочисленные копии, выявив и исправив немало ошибок из всех списков лексикона, но в тоже время

честно признал, что некоторые места не поддавались адекватному исправлению. Кроме того, Халкокондил дополнил оригинальный текст «Свиды» многими словами, заимствованными им из других, не названных источников⁸¹. Как теперь установлено, эти включения черпались им из более позднего византийского лексикона, ходившего под именем Иоанна Зонары, а также у Павла Эгинского, известного медика VII в.⁸² «Свида» была выпущена 15 ноября 1499 г. огромным тиражом в 800 экземпляров. Мотта предпослал тексту лексикона две латинские эпиграммы⁸³. Каттанео – предисловие на латинском, а Халкокондил – на греческом языках. Книга была напечатана изящным шрифтом, специально изготовленным печатниками Биссоли и Манджо: «per quos typis in melius reformatis, additis etiam plerisque», как сообщает Каттанео. Объем издания превысил тысячу страниц, но, несмотря на масштабы типографского и редакторского труда, срок выполнения работы составил не более шестнадцати месяцев.

«Эта книга, - писал Халкокондил, - полезна по многим причинам: она могла бы принести большую пользу вместе с удовольствием не только пытливым и ученым юношам, но и людям любых возрастов. <...> Она включает не только подробнейшее объяснение поэтических, риторических и просто известных по изречениям слов и выражений, коих данная книга предлагает немало, но также многочисленные и разнообразные сведения, в том числе и те, которые не всякий смог бы с легкостью найти в другом месте»⁸⁴. В прилагаемом рекламном диалоге между любознательным читателем и продавцом книг издатели определили цену в три золотых монеты за экземпляр⁸⁵.

К сожалению, выпуск «Свиды» состоялся в очень неблагоприятное время. В 1499 г. французский король Людовик XII вторгся в пределы герцогства и к началу сентября захватил Милан. Лодовико Сфорца смог вернуть столицу лишь в феврале следующего года, поэтому к моменту поступления книги в продажу город находился во власти французов. Халкокондил

доверил сбыт продукции миланским книготорговцам Джованни Анджело Сцинценцелеру и Джованни да Романо, однако те пытались продать книги, руководствуясь только собственной выгодой. Халкокондил, вложивший в дело значительные средства, был вынужден обратиться с прошением к герцогу Сфорце в марте 1500 г., т.е. незадолго до того, как тот потерпел окончательное поражение и попал в плен к французам⁸⁶.

Нужно добавить, что греческая печать в Милане была также представлена продукцией типографии пизанца Бонаккорсо (Bonus Accursius da Pisa, ок. 1480). Его самым главным достижением следует считать первоиздание басен Эзопа. Этот выпуск подходил для начинающих изучение греческого языка, поскольку Бонаккорсо сопроводил оригинальный текст басен и жизнеописания поэта, приписываемого Максиму Плануду, латинским переводом Ринуччо Аретино⁸⁷. С типографом сотрудничал эллинист Джованни Крастоне, который выполнил переводы для двух его греко-латинских изданий – грамматики Константина Ласкариса (1480) и греко-латинской Псалтири (20 сентября 1481). Бонаккорсо также опубликовал составленные Крастоне греко-латинский лексикон (до 1478)⁸⁸ и латино-греческий словарь (Vocabulista). Кроме того, типография напечатала трактат Сассоло да Прато «De accentibus ac diphtongis et formatione praeteritorum graecorum» и отдельным томом «Идиллии» (1-18) Феокрита и «Труды и дни» Гесиода⁸⁹.

Иоанн Ласкарис также принял участие в издании нескольких работ на греческом, которые вышли из флорентийской типографии Лоренцо д'Алопы (имя этого мастера стало известно в 1484 г. благодаря выпуску сочинений Платона в переводе Фичино)⁹⁰. Первой работой Ласкариса в качестве редактора стало издание греческих эпиграмм, известное как «Антологии Плануды» (*Antologia Planudea*), вышедшее 11 августа 1494 г. В своем посвящении Пьеро де Медичи он написал о своем радикальном нововведении в греческую печать. Ласкарис пояснил, что греческие литеры, используемые современными типографами, непривлекательны и неудобны для

набора. Поэтому он разыскал уже давно вышедшие из употребления древние формы букв (*priscas litterarum figuras*) и для печати обучил этой технике словолитчиков (*excusores*) и наборщиков. При подготовке антологии к изданию он отказался от строчного шрифта и использовал заглавные литеры, которые широко использовались в древности. Ранние образцы такого письма Ласкарис находил в древних надписях, сделанных на мраморе и монетах времен Филиппа II Македонского и Александра Великого. По мнению Ласкариса, искажение древнейшего написания букв произошло по вине переписчиков, которые не стремились к более простым формам, но были озабочены скоростью работы. Установить первоначальный вид письма было трудной задачей. Ласкарис не соглашался с теми, кто считал, что различия в написании букв были изначально присущи греческому письму, и связывали это с разделением языка на диалекты⁹¹. Впрочем, в последующих изданиях Ласкарис частично вернулся к традиционной практике книгопечатания. Для основного текста им по-прежнему использовались заглавные литеры, а комментарии печатались на полях уже строчными буквами. Тем не менее, при всей оригинальности греческого редактора его пуризм не встретил поддержки у других печатников и остался отличительной чертой его флорентийских изданий. После выпуска «Антологии» Ласкарис подготовил к печати в 1494 г. – «Гимны» Каллимаха; четыре трагедии Еврипида; собрание этически ценных одностиший (гном) различных поэтов – «Γνώμαί μὲν ὁβόστῃσι», опубликованное вместе с написанной гекзаметром поэмой Мусея «Геро и Леандр»; ок. 1495 г. – диалог «Πίναξ» («Картина»), приписываемый Кебесу, ученику Сократа, опубликованный вместе с гомилией Василия Великого «К юношам», сочинением Плутарха «О воспитании детей» и трактатом Ксенофонта «Гиерон»; в 1496 г. – «Аргонавтику» Аполлония Родосского,

ΑΡΧΙΟΥ. ΕΙΣ ΤΟΥΣ ΤΕΣΣΑΡΑΣ
ΑΓΩΝΑΣ.

ΕΣΣΑΡΕΣ ΕΙΣΙΝ ΑΓΩΝΕΣ ΑΝΕΛΛΑΔΑ. ΤΕΣ-
ΣΑΡΕΣ ΪΡΟΙ.

ΟΙ ΔΥΟ ΜΕΝ, ΟΝΗΤΩΝ. ΟΙ ΔΥΟ Δ' ΑΘΛΑ-
ΝΑΤΩΝ.

ΖΗΝΟΣ. ΑΗΤΟΪΔΑΟ. ΓΑΛΛΑΪΜΟΝΟΣ. ΑΡΧΕΜΟΡΟΙΟ.

ΆΘΛΑ ΔΕ ΤΩΝ, ΚΟΤΙΝΟΣ. ΜΗΛΑ. ΣΕΛΙΝΑ. ΡΙΤΥΣ.

ΔΙΟΥΤΙΜΟΥ. ΕΙΣ ΗΡΑΚΛΗΝ. ΚΑΙ ΑΝΤΑΙΟΝ.

Τ' ΑΝ ΗΒΑΝ ΕΣ ΛΕΟΛΑ ΡΑΛΑΣ ΗΣΚΗΣ ΚΡΑΤΑΙΔΣ

ΑΔΕ ΡΟΣΕΙΔΩΝΟΣ ΚΑΙ ΔΙΟΣ Α ΓΕΝΕΑ.

ΚΪΤΑΙ ΔΕ ΞΗΝ ΑΓΩΝ ΟΥ ΧΑΛΚΕΟΥ ΑΝΤΙ ΛΕΒΗΤΟΣ.

ΑΛΛ' ΟΣΤΙΣ ΖΩΑΝ ΟΪΣΕΤΑΙ Η ΘΑΝΑΤΟΝ.

ΑΝΤΑΙΟΥ ΤΟ ΠΤΩΜΑ. ΠΡΕΠΕΙ Δ' ΗΡΑΚΛΕΑ ΝΙΚΑΝ

ΤΟΝ ΔΙΟΣ. ΑΡΓΕΪΩΝ Α ΠΑΛΑ ΟΥ ΛΙΒΥΩΝ.

ΑΝΤΙΠΑΤΡΟΥ. ΕΙΣ ΑΡΙΑΝ.

Ο ΣΤΑΔΙΕΥΣ ΑΡΙΝΣ Ο ΜΕΝΕΚΛΕΟΣ, ΟΥ ΚΑΤΕΛΕΓΧΕΣ

ΡΕΡΣΕΑ ΣΟΝ ΚΤΪΣΤΗΝ, ΤΑΡΣΕ ΚΙΛΙΣΣΑ ΠΟΛΙ.

ΤΟΙΟΙ ΓΑΡ ΠΑΙΔΟΣ ΠΗΝΟΙ ΡΟΔΕΣ, ΟΥΔ' ΑΝ ΕΚΕΙΝΩ

ΟΥΔ' ΑΥΤΟΣ ΡΕΡΣΕΥΣ ΝΩΤΟΝ ΕΔΕΙΞΕ ΘΕΩΝ.

Η ΓΑΡ ΕΪΣ ΠΛΗΓΩΝ, Η ΤΕΡΜΑΤΟΣ ΕΪΔΕ ΤΙΣ ΑΚΡΟΥ

ΗΪΘΕΟΝ. ΜΕΣΣΩΙ Δ' ΟΥΠΟΤΕΝΙ ΣΤΑΔΙΩ.

ΛΕΟΝΤΟΣ ΦΙΛΟΣΟΦΟΥ ΕΙΣ ΤΟ ΜΟΝΗΜΕΡΙΟΝ.

ΤΟΣΟΤΑ ΠΙΕΡΙΑΩΝ ΜΕΔΕΩΝ. ΕΚΑΤΗΒΟΛΕ ΦΟΙΒΕ.

ΕΪΠΕ ΚΑΣΙΓΝΗΤΗ ΚΡΑΤΕΡΟΥΣ ΪΝΑ ΘΗ ΓΑΣ ΕΓΕΪΡΗ.

ΟΪΣΧΟΝ ΕΡΪΤΑΥΣΑΙ ΜΕΡΟΠΩΝ ΔΕΜΑΣ. ΟΪΣΧΟΝ ΑΪΥΣΑΙ

ΛΑΩΝ ΤΕΡΠΟΜΕΝΩΝ ΪΕΡΟΝ ΣΤΟΜΑ. ΜΗ ΔΕΝΟΗΣΩ ΔΙΪ

ΖΗΝΟΣ ΜΕΙΛΙΧΪΟΙΟ ΔΑΧΩΝ ΘΡΩΝΟΝ ΑΝΕΡΟΣ ΟΪΤΩΝ.

Илл. 28. Греческая антология (Anthologia Graeca Planudea).
Издание Иоанна Ласкариса. Флоренция: типограф Лоренцо
д'Алопа, 11 августа 1494 г. Fol. 2r.

«Диалоги» Лукиана и грамматику Хрисолора. За исключением последней, все флорентийские издания были *editiones principes*⁹². Таким образом, благодаря усилиям двух ученых-эмигрантов Флоренция конца XV в. стала важным центром ранней греческой печати⁹³.

Ласкарис вернулся к издательской деятельности в Риме в 1517 г., что было связано с его преподаванием в течение 1516-1518 гг. в греческой гимназии Льва X. Он подготовил к публикации античные схолии к «Илиаде» Гомера (1517), «Гомеровские вопросы» Порфирия (1518) и комментарии на семь трагедий Софокла (1518), сопроводив их своими эпиграммами. Все они вышли из типографии, организованной при самой гимназии (*Romae in gymnasio Mediceo ad Caballinum Montem*)⁹⁴. В ней же были изданы две книги, подготовленные к печати Арсением Апостолием, - сборник «Редкий дар» (ΓΕΡΑΣ ΣΠΑΝΙΟΝ) и собрание апофтегм⁹⁵. Кроме того, типография выпустила издание трех речей Исократ⁹⁶.

Первой греческой книгой, вышедшей в Венеции, была знаменитая грамматика Хрисолора, изданная Перегрино Паскуале в сотрудничестве с Диониджи Бертокко (*Dionysius Bertochus*) в 1484 г. Греческий текст этой грамматики сопровождался латинским переводом⁹⁷. В 1486 г. в Венеции были напечатаны ещё две греческие книги – это «Батрахомиомахия», поэма о войне мышей и лягушек, пародирующая гомеровский эпос, и Псалтирь, по всей видимости, изданная для нужд местной греческой общины. Их издатели – критские греки Лаоник и Александр. Лаоник, протоиерей из Кании, учился у Михаила Апостолия и состоял с ним в переписке. Александр был сыном критского униатского священнослужителя и переписчика Георгия Александру⁹⁸.

Наивысший расцвет греческой печати в Венеции связан с деятельностью Альда Пия Мануция (†1515)⁹⁹. Будущий книгоиздатель родился между 1449 и 1452 гг. в деревне Бассиано в Лацио. Гуманистическое образование он получил в Риме,

где посещал занятия Гаспаре да Верона и Домицио Кальдерини. перебравшись в Феррару, Альд стал учеником Баттисты Гварино, под началом которого приобрел первые познания в области греческой словесности. К 1480 г. он переехал в Карпи, получив должность наставника князей Альберто III и Леонелло Пио. Во время визита в Мирандолу, состоявшемся в 1482 г., Альд познакомился с критским ученым Эммануилом Адрамиттеносом, гостившим у Джованни Пико и, возможно, обучавшим его греческому языку¹⁰⁰. В 1489 или 1490 г. Альд прибыл в Венецию, где постепенно приступил к организации собственного печатного дома как издательского и научного центра. Его первым начинанием в этой области стала публикация грамматики Константина Ласкариса, состоявшаяся между 1494 и 1495 гг. Надо полагать, что Альд нашел венецианский книжный рынок достаточно перспективным. Спрос на греческую книгу здесь был выше, чем в других итальянских центрах книгопечатания. Метрополия имела тесные и оживленные связи со своими колониями на востоке, её греческая община возмужала, а богатый патрициат проникался интересом к наследию греко-византийской цивилизации. Возможно, что Альд рассчитывал воспользоваться книгами из бывшей библиотеки Виссариона, однако сам издатель не оставил свидетельств, указывающих на получение им каких-либо рукописей из этого собрания.

В ноябре 1495 г. Альд приступил к печати пятитомного собрания сочинений Аристотеля, которое, по-видимому, было рассчитано на потребности Падуанского университета. Его заключительный том увидел свет в 1498 г. В эти годы типография Альда располагалась рядом с церковью св. Августина. В его распоряжении было от четырех до шести печатных станков и около пятнадцати работников¹⁰¹. Греческие и латинские шрифты создал для Альда пуансонист Франческо Гриффо. В качестве образцов им были выбраны минускульные формы скорописи современных ему каллиграфов. Как

было отмечено выше, примерно в то же время Иоанн Ласкарис разработал во Флоренции другой греческий шрифт, тяготевавший к древним маюскульным формам. В первые годы работы типографии Альда доступ к рукописям был существенно затруднен. Ситуация стала изменяться по мере того, как продукция издательства получала признание. В предисловии к «Thesaurus cornucopiae et horti Adonidis» (1496) Альд вспоминал, что «многие из книжных могильщиков (ἐκ τῶν βιβλιοτάφων) уже освобождают книги из темниц и предлагают на продажу»¹⁰². Иногда в его распоряжении была лишь одна копия, как, например, в случае с Теофрастом и «Евдемовой этикой» Аристотеля. В предисловии к Феокриту он писал, что книги были до того испорчены, что потребовались бы усилия Эдипа по разгадыванию загадок, и даже тот, кто их составил, не смог бы их исправить, если бы снова ожил¹⁰³. В первые годы типография Альда издала на греческом Мусея (1495, 1497), Феодора Продрома (1495), Феокрита (февраль 1496), собрание греческих грамматических трактатов (Thesaurus cornucopiae, август 1496), Афиней (1496-1497), Часослов (1497), Псалтирь (1498), Диоскорида (8 июля 1499), сборник работ древних авторов по астрономии и астрологии (Scriptores astronomici veteres, 17 октября 1499: частично на греческом), Нонна Панополитанского (1501), Стефана Византийского (18 марта 1502), Юлия Поллукса (11 апреля 1502), Фукидида (14 мая 1502) и др.¹⁰⁴

Подготовка к изданию греческих текстов подталкивала к поиску опытных эллинистов, которые могли бы сотрудничать с издательством Альда. Сформировавшаяся вокруг него группа ученых-филологов получила название «Новая академия». Впервые фраза «ex Neacademeia nostra» появилась в предисловии к *editio princeps* трагедий Софокла (август 1502). «В эти зимние холода, - писал Альд Иоанну Ласкарису, - мы сидели полукругом у огня вместе с нашими новоакадемиками (Neacademicis)»¹⁰⁵. Отсюда следует, что «академия Альда» собиралось, по крайней мере, уже зимой 1501-1502 гг. В письме Иоанну Григоропулу, датированном 22 августа (без

указания года)¹⁰⁶, Захарий Каллиерги приветствовал Сципиона Фортегверри (Картеромаха) и «всех членов “Новой Академии”, в особенности самого предводителя и главу (ἀρχηγέτην καὶ κορυφαῖον)»¹⁰⁷. До нас дошел ироничный устав этого сообщества, написанный на греческом и озаглавленный «Закон Новой Академии» (ΝΕΑΚΑΔΗΜΙΑΣ ΝΟΜΟΣ). Членам «Академии» предписывалось общаться между собой только по-гречески. Тот, кто намеренно, по неосторожности или забывчивости нарушал этот «закон», должен был немедленно заплатить мелкую серебряную монету. Если штраф не выплачивался сразу, его размер увеличивался в зависимости от времени просрочки. Отказ от штрафа означал исключение недостойного из «сообщества эллинистов». При этом погрешность против правил языка не рассматривались как нарушение. Деньги должны были храниться в кошельке или ящике и расходоваться на совместные трапезы. Гостю «Академии» надлежало подчиняться её «закону» под угрозой изгнания, не знающему язык – изучать его и привыкать говорить по-гречески. Помимо трех «пританов», составивших текст устава – Альда Римлянина, «предводителя Академии», Сципиона Картеромаха из «филы чтецов» и Иоанна Критянина (Григоропула) «из филы корректоров», за «Закон» проголосовали «все члены Академии»: священник Баттиста (Джованни Баттиста Чипелли), «из филы церковнослужителей», Павел Венецианец (Паоло Каналь), «из филы благородных», Иероним из Лукки (Джироламо Меноккио), «врач из филы врачей» и веронец Франческо Розетто из «филы преподавателей»¹⁰⁸. Имя Марка Музуроса в уставе не значилось: он приехал в Венецию зимой 1501-1502 гг., как следует из упомянутого предисловия к Софоклу. Если принять во внимание, что Григоропул работал с Альдом с 1500 г., то время составления «Закона» относится к 1500-1501 гг.

Илл. 29. Гравюры Йоста Аммана из книги «Подлинное описание всех состояний на земле» (Франкфурт-на-Майне, 1568)

На гравюрах последовательно изображены стадии книжного производства. В верхнем ряду – изготовление пергамента и бумаги; в среднем – литье литер, печать и создание эскизов для гравюр; в нижнем – гравировка, иллюминирование, изготовление переплетов.

Музурос был наиболее известным греческим ученым в окружении Альда. Начало его сотрудничества с печатником относится к 1495 г., о чем свидетельствуют две греческие эпиграммы Музуроса, включенные в альдовское издание Мусея¹⁰⁹. В том же году он переписал в Венеции кодекс Escorial. Ф.П.6 (203), содержащий комментарий Александра Афродисийского на трактат Аристотеля «О софистических опровержениях». С конца 1495 г. по август 1497 г. Музурос ездил в Кандию¹¹⁰. В декабре 1497 г. его греческая эпиграмма была помещена в альдовское издание греко-латинского словаря Джованни Кростоне, наряду с эпиграммой Картеромаха¹¹¹. Первое достоверное свидетельство редакторской работы Музуроса мы находим в *editio princeps* Аристофана (15 июля 1498). В предисловии он предлагал «филэллинам» немного отдохнуть от чтения трудов Аристотеля (издание которых было завершено месяц назад), чтобы обратиться к сочинениям афинского комедиографа. Музурос рассказал о сложностях работы с текстом, о собирании и упорядочивании схолий, а также исправлении пробных оттисков. Он благодарил венецианских сенаторов и аристократов за возрастающий интерес к греческому языку и отмечал, что государственное устройство Венеции, как видно из комедий Аристофана, подобно афинскому¹¹². Следующей работой Музуроса стало редактирование двухтомника «Писем различных философов, ораторов и риториков» (*Epistolae diversorum philosophorum, oratorum et rhetorum*, март-апрель 1499), принадлежащих тридцати пяти греческим авторам. Хронологически собрание объединяло письма, начиная с эпохи классики (Платон, Исократ) и заканчивая периодом поздней античности (св. Василий Великий, Юлиан Отступник) и ранней Византии (Прокопий Газский, Феофилакт Симокатта). Редактор кратко упоминает о том, что рукописи Алкифрона были в таком плачевном состоянии, что он не решился внести в текст конъектуры¹¹³. Летом 1499 г. Музурос переехал в Феррару, а затем направился в Карпи ко двору князя Альберто

Пио, где находился уже в марте 1500 г. В течение краткого визита в Венецию (зима 1501-1502) он, вероятно, принял долю участия в подготовке к печати Стация (август 1502). Для понимания текста поэм издание предварял словарь греческих слов и выражений с их переводом и латинской транслитерацией «*Orthographia dictionum graecarum apud Statium*». В посвятельном письме к Музуросу, возвратившемуся к тому времени в Капри, Альд сообщал, что публикует этот словарь под его (Музуроса) именем, поскольку он «был его соучастником в таком большом труде, когда случайно оказался в нашей Академии, уехав от нашего Альберто, правителя Карпи» (*tanti laboris particeps mecum fueris, cum forte in Academia nostra esses, profectus ab Alberto nostro Carporum Principe*)¹¹⁴. В течение этого непродолжительного пребывания в Венеции Музурос (по всей видимости, совместно с Григоропулом) готовил к печати текст Софокла, изданного почти одновременно со Стацием (август 1502). Как установил Б.Л. Фонкич, одной из рукописей, положенных в основу издания, был кодекс РНБ греч. 731, содержащий три трагедии – «Эант», «Электра» и «Царь Эдип»¹¹⁵. Также следует отметить, что в Карпи Музурос мог воспользоваться кодексом Modena. Bibl. Estense univ. α Q 5.20 (Puntoni 87), который был написан Андроником Каллистом и пополнил библиотеку Альберто Пио после кончины предыдущего владельца Джорджо Валлы (1500). Рукопись содержала схолии Димитрия Триклиния к Софоклу¹¹⁶.

В период пребывания Музуроса в Карпи (1500-1502) и Падуе (с 1503) место редактора греческих альдин занял уже упомянутый Иоанн Григоропул (ок. 1475 – не ранее 1508). Родившийся в Кандии в семье униатского священника Георгия Григоропула он изучал древнегреческий язык и литературу под началом Аристубула Апостолия, который был ненамного старше его. Там же на Крите он освоил латынь и начал зарабатывать переписыванием рукописей. В 1494 г. Иоанн переехал в Венецию, где существовал спрос на греческие манускрипты. Первое время он жил и работал переписчиком в

доминиканском монастыре св. Петра и Павла (San Zanipolo), настоятель которого Джоаккино Торриано (1416-1500) обладал богатой коллекцией греческих книг¹¹⁷. Из письма Георгия Григоропула от 16 февраля 1497 г. следует, что его сын Иоанн был знаком и, по всей видимости, общался с известными критянами, находившимися в то время в Венеции – епископом Модона Иоанном Плусиаденосом, копиистом Иоанном Рососом и епископом Александром¹¹⁸. В другом письме к сыну от 29 августа 1498 г. он просит его сообщить, занимается ли тот в Венеции копированием рукописей или печатью¹¹⁹. Это первое упоминание об участии Иоанна в издательском деле, однако отец не сообщает никаких подробностей. Благодаря сохранившемуся предисловию Иоанна Григоропула к греческому изданию писем Фалариса, Аполлония Тианского и Брута известно, что в это время он сотрудничал с венецианской типографией Джованни Биссоли и его компаньонов Бенедетто Дольчибелли дель Манджо, Габриеле Браччо да Бразикелла и Бартоломео Пелузио да Каподистрия (первые двое были печатниками, последние – редакторами). Этот факт довольно примечателен, поскольку предисловие Григоропула не вошло в упомянутое издание, вышедшее 18 июня 1498 г.¹²⁰ Надо сказать, что письма Фалариса воспринимались гуманистами как подлинное творение античного тирана (хотя критические соображения относительно авторства высказывал Полициано), и если судить по количеству изданий их латинского перевода, эпистолярный являлся своего рода бестселлером ренессансной эпохи. Подложность писем была доказана в конце XVII в. английским филологом Р. Бенгли¹²¹. В латинском предисловии к изданию 1498 г. Бартоломео Пелузио сделал явный намек на Альда, когда написал, что нерадение книготорговцев и печатников о литературе изо дня в день распространяется все шире¹²². Тем не менее, как установил Роберт Проктор, использовавшийся партнерами греческий шрифт представлял собой явную имитацию альдовского¹²³. Несмотря

на десятилетнюю привилегию, полученную ими от венецианских властей в марте 1498 г., Альд быстро вытеснил конкурентов с венецианского рынка. После издания басен Эзопа, вышедшего в том же году, товарищество прекратило существование, а Биссоли и Манджо переехали в Милан, где стали работать с Халкокондиллом. Более того, Альд включил эпиголюрии Фалариса, Брута и Аполлония Тианского в собрание писем различных философов «*Epistolae diversorum philosophorum*», вышедшее в 1499 г. Что касается предисловия Григоропула, то, вполне вероятно, что оно не было включено в *editio princeps* по воле самого автора, не желавшего портить отношения с Альдом¹²⁴.

Григоропул работал корректором при подготовке к печати византийского лексикона «*Etymologicum Magnum*» (Ἐτυμολογικὸν Μέγα), выпущенного венецианской типографией Захария Каллиерги 8 июля 1499 г. Согласно колофону, издание было осуществлено за счет Николая Властоса, увещеваниями госпожи Анны, дочери великого дуки Луки Нотары, и благодаря труду и мастерству Захария Каллиерги¹²⁵. В предисловии, написанном Марком Музуром, преподававшим в то время в Падуе, сообщалось, что около шести лет ушло на предварительную работу¹²⁶. Её итогом стал собственный оригинальный шрифт¹²⁷. Орнаменты и начальные буквы были отпечатаны красной краской. По своему оформлению издание напоминало роскошный византийский манускрипт. На последних страницах были помещены гербы партнеров – крест и растительный орнамент, в который вписано имя ΝΙΚΟΛΑΟΣ ΒΛΑΣΤΟΣ, и двуглавый орел с латинскими инициалами Каллиерги на щите (ΖΚ). Благодаря стихотворению Марка Музуроса на первой странице лексикона мы знаем, что вся работа была выполнена критскими греками: «Но почему я удивляюсь таланту критян – тех, что Афина по велению отца некогда научила многим искусствам? Критянин выгравировал пуансоны, критянин соединил бронзовые детали [в словолитные

формы], критянин скрепил с ними воедино [матрицы]; критянин отлил свинцовые литеры. Расходы оплачивает критянин, названный в честь победы (т.е. Николаем), и тот, кто сейчас все это воспевает, сам критянин»¹²⁸. В издание также была включена эпиграмма Григоропула, в которой он выражал признательность Властосу за финансовое участие¹²⁹.

Дальнейшая деятельность партнерства продолжилась выпуском комментария Симпликия на «Категории» Аристотеля (26 октября 1499 г.)¹³⁰, комментария Аммония на трактат Порфирия «О семи звучаниях» (22 мая 1500)¹³¹ и «Терапевтики» Галена (5 октября 1500)¹³². В колофонах последних двух изданий имя Каллиерги (в отличие от имени Властоса) отсутствует, однако их подготовка вряд ли обошлась без его участия. Из письма Музуроса к Каллиерги (Феррара, 21 июля 1499 г.) видно, что в это время последний был заинтересован в приобретении рукописей Галена для печати – они имелись у Никколо Леоничено, и тот готов был их уступить¹³³. В письме Григоропулу от 6 сентября 1499 г. Музурос интересовался планами типографии – сосредоточились ли они на Галене или комментаторах и закончена ли работа над Симпликием. Он вновь сообщал о согласии Леоничено уступить тетради Галена при условии, что они будут использованы в печати. Письмо позволяет сделать вывод о том, что Григоропул был вовлечен в подготовку издания Симпликия. Кроме того, в нем сообщается о ещё одном корректоре типографии – Георгии Мосхе: Музурос, очевидно, располагал информацией о том, что Георгий намеревался покинуть Каллиерги и «удалиться к матери» (по всей видимости, на Корфу), поэтому он пытался разузнать через Григоропула о причинах этих намерений¹³⁴. Впрочем, в скором времени Георгий Мосх перешел работать к Альду, как и сам Иоанн Григоропул.

Илл. 30. Элементы оформления «Большого этимологикона»
 (Ετυμολογικὸν Μέγα. Венеция: типограф Захарий Каллиерги,
 8 июля 1499 г.)

Рисунки выполнены в насыщенном красном цвете. На иллюстрации представлены: заглавие (сверху); двуглавый орел (издательская марка Каллиерги); монограмма Николая Властоса (справа) и рисованные буквы в начале алфавитных разделов.

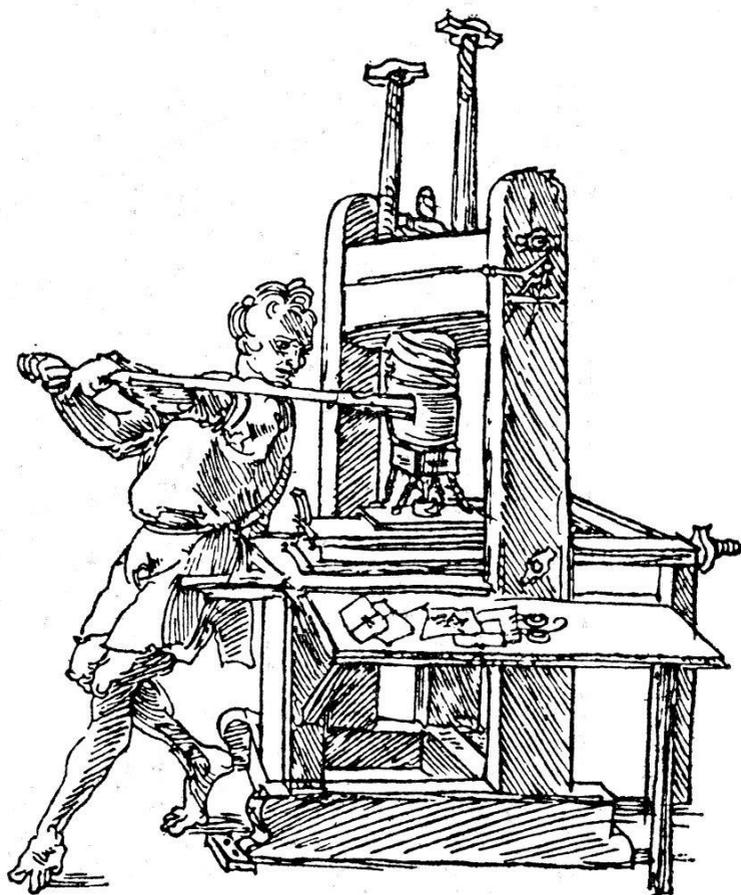
После издания Галена Каллиерги закрыл типографию и в 1501 г. переехал со своей в Падую¹³⁵, где занимался копированием рукописей. Им были переписаны кодексы, содержащие произведения Аристофана и Еврипида (Par. gr. 2823), «Аргонавтику» Аполлония Родосского (Firenze, Riccardiana 35), риторические работы ряда античных авторов (Firenze, Riccardiana 15) и другие манускрипты. Как уже было отмечено, Эразм Роттердамский во время остановки в Падуе обедал в доме Музуроса в компании Каллиерги. В 1509 г., когда война стала приближаться к Падуе, оба критянина направились в Венецию. Каллиерги смог возобновить книжное производство, но в более скромных масштабах. Он издал краткий молитвослов под названием «Ἐξῆψάλματα» (14 апреля 1509); сборник наставлений правителю, составленный диаконом Агапитом для императора Юстиниана I под названием «Поучение» или «Изложение наставительных глав» (11 мая 1509), и «Часослов» (Ἵρολόγιον), напечатанный благодаря финансовой поддержке Джакомо де Пенчи да Лекко (23 августа 1509)¹³⁶. В предисловии к «Часослову» Каллиерги сообщает, что планирует напечатать и другие греческие богослужебные книги – «Параклитик», «Минеи», «Триодион» и «Пентикостарион»¹³⁷. Этот сегмент книжного рынка был ещё недостаточно освоен местными типографиями, и Каллиерги, несомненно, ожидал интереса к литургическим текстам со стороны православного населения Венеции и её греческих владений. Тем не менее, новых изданий так и не последовало. Более того, Каллиерги уступил часть своих шрифтов Филиппо Джунте¹³⁸. Его дальнейшая карьера печатника была связана с Римом, куда он приехал, по всей видимости, в начале понтификата Льва X. При поддержке банкира Агостино Киджи и в его доме Каллиерги организовал в Риме греческую типографию¹³⁹. Он начал с издания «Од» Пиндара (13 августа 1515), которое с точки зрения текстовой критики превзошло *editio princeps* Альда, вышедшее двумя с половиной годами ранее. Греческий колофон

уведомлял, что выпуск был обеспечен благодаря финансированию Киджи и увещанию ученого мужа Корнелио Бениньо да Витербо. На латинском сообщалось о том, что папа Лев X позволил Каллиерги осуществить издание с тем условием, чтобы никто другой в течение пятилетнего срока не мог печатать и продавать эти книги, и чтобы тот, кто поступит иначе, считался бы отверженным и отлученным от вселенской Церкви Божьей во всем мире¹⁴⁰. За первым выпуском последовали другие – «Идиллии» Феокрита со схолиями (15 января 1516) за счет Корнелио Бениньо, «Часослов пресвятой Девы Марии» (12 марта 1516), «Изборник аттических имен и глаголов» Фомы Магистра (4 марта 1517), а также одноименное сочинение грамматика Фриниха (1 июля 1517). После трехлетнего перерыва Каллиерги напечатал «Осмогласие» (Ὀκτώηχος, 1520) при участии Иоанна Ласкариса, который исправил текст с помощью рукописи из библиотеки Альберто Пио да Карпи, затем – грамматику Хрисолора вместе с работой Димитрия Халкокондила «De formatione temporum» (июнь 1522) и, наконец, большой греко-латинский словарь Гварино Фаворино из Камерино (27 мая 1523)¹⁴¹. После окончания издательской деятельности Каллиерги зарабатывал копированием манускриптов. В течение жизни им было переписано более ста кодексов. Последний из датированных (Vat. Ottob. 49), содержащий акты Эфесского собора, был завершен в Риме в октябре 1424 г.¹⁴²

В начале XVI в. издательский бизнес Альда находился на подъеме. Иоанн Григоровул работал у него с начала 1500 г. по 1504 г., и за это время типография опубликовала семнадцать первоизданий классических греческих авторов. В посвящении издания Еврипида (февраль 1503) Димитрию Халкокондилу Альд с гордостью писал: «за один месяц мы выпускаем из нашей Академии тысячу или более томов какого-нибудь хорошего автора»¹⁴³. Григоровулу приписывают редакционную подготовку к печати трагедий Софокла (август 1502) и Еврипида¹⁴⁴, а также «Истории» Геродота (сентябрь 1502)¹⁴⁵.

В предисловии к последней Альд обращается к причинам возникновения присказки о лживости критян, известной по античным источникам (πρὸς Κρήτην κρητίζειν, перехитрить плута), доказывая её несправедливость. Он нашел два объяснения этой клеветы (calumnia). Первое связано с участием критского царя Идоменея в разделе добычи, взятой греками под Троей. Избранный ими судьей, он поставил себя первым среди всех, вследствие чего стали говорить «κρητίζειν» (поступать по-критски или надуть). Альду казалось невероятным, чтобы один человек стал причиной позора для всего острова, тем более что сам Идоменей, по словам Гомера, был мудрым и доблестным царем, а критяне Минос и Радамант за свою справедливость после смерти стали судьями в загробном мире. Второе из найденных им объяснений восходило к стиху поэта Эпименида, повторенному Каллимахом и апостолом Павлом в послании к Титу: «Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые». Возникновение этих строк связано с легендой о строительстве на Крите усыпальницы Зевса, на которой начертали «Зевс, сын Кроноса». Обвинения критян во лжи основывались на том, что Зевс вечен и, как писал о нем Каллимах: «ты не умер, ибо есть ты всегда». Однако Альд полагал, что нужно верить не поэтам и баснописцам, а историкам, которые писали, что Зевс был человеком, сыном критского царя Кроноса. Эти сведения излагались Диодором, пересказывавшим содержание «Священной записи» Эвгемера, хотя Альд не приводит имена авторов. Кроме того, в словах Эпименида можно было усмотреть логический парадокс (парадокс лжеца): «все критяне лжецы», но сам Эпименид – критянин. Наконец, сама надпись на гробнице изначально могла быть посвящена «Миносу, сыну Зевса» (Μίνωος Διὸς τέφρος). Время не пощадило имя Миноса, в результате чего возникла ошибка, будто гробница считалась принадлежащей Зевсу (Διὸς τέφρος)¹⁴⁶. Стремление печатника показать беспочвенность старинного предубеждения в отношении жителей Крита, которое продолжало бытовать даже среди его современников, –

знак уважения к тем критским ученым, которые обеспечивали успех его издательских проектов. Логично предположить, что в процессе подготовки издания эта тема стала предметом дискуссии среди «новоакадемиков», включая самого Григоропула.

Илл. 31. Печатный пресс. Гравюра Альбрехта Дюрера

В 1504-1505 гг. бизнес Альда столкнулся с постепенным снижением продаж, что объясняется жесткой конкуренцией на книжном рынке и ограниченностью спроса на печатную продукцию на фоне продолжительной рецессии венецианской экономики. Бернардо Дзордзи сообщал Картерромаху в письме от 27 апреля 1505 г. о том, что *Новая Академия* тяжело больна (*Neacademia graviter egrotat*)¹⁴⁷. Сам Картерромах к маю 1504 г. оставил Венецию и отправился в Рим, где воспитывал племянника кардинала Доменико Гримани. Музурос преподавал в Падуанском университете. Иоганн Куно засвидетельствовал нахождение в Падуе и Григоропула, читавшего лекции по «Облакам» Аристофана в день св. Михаила, то есть 29 сентября 1504 г.: «*Audita a Jo(anne) Gregoropolo Cretensi 1504 Michaelis*»¹⁴⁸. Дальнейшая жизнь Григоропула проходила на Крите. Последнее свидетельство о нем относится к сентябрю 1508 г.¹⁴⁹

В первые годы книгоиздательской деятельности Альда с ним был связан Аристокбул (Арсений) Апостолий (1468-1535). Он редактировал одно из ранних изданий типографии (ок. 1495) – «Галеомиомахию», сатирическую поэму византийского писателя Феодора Продрома о войне кошек и мышей. В предисловии редактор обещал опубликовать «Ионию», собрание апофтегм, составленное его отцом Михаилом Апостолием¹⁵⁰. Он также принял участие в издании греческих грамматиков – «*Thesaurus cornucopiae*» (август 1496), в которое была включена его греческая эпиграмма (наряду с тремя другими, принадлежащими Полициано, Картерромаху и Альду)¹⁵¹. Однако к началу 1499 г. отношения Апостолия и книгоиздателя изменились в худшую сторону: Альд потребовал от него через посредство некоего монаха Паоло вернуть ему долг в десять золотых и половину книг. Апостолий выдвинул встречные требования – оплатить его работу по копированию десяти тетрадей комментариев Александра Афродисийского на «Физику» Аристотеля, причем, по его подсчетам, положенное ему вознаграждение превышало сумму этого долга. В ответ Альд

обратился в суд, в котором присягнул, что не получал от Апостолия деньги указанным способом, и выиграл дело¹⁵². Этот инцидент положил конец их совместной работе. В 1519 г. Апостолий опубликовал в Риме собранную им коллекцию апофтегм философов, стратегов, риториков и поэтов, посвященную папе Льву X¹⁵³. В феврале 1525 г. вышло флорентийское издание комедий Аристофана: из предисловия Антонио Франкини следует, что Арсений оказал содействие в подготовке текста к печати, когда преподавал во Флоренции в учрежденной Львом X греческой коллегии¹⁵⁴. В конце жизни Апостолий сотрудничал с венецианским типографом Стефано да Саббио. Он подготовил к изданию сочинения византийских авторов Михаила Пселла, Никифора Влеммида и Георгия Пахимера (1532), математические трактаты Пселла (4 декабря 1532), ямбические стихи «О свойствах животных» византийского поэта Мануила Фила (8 марта 1533), схолии к Еврипиду (24 декабря 1534) и учебник платоновской философии, составленного неоплатоником II в. н.э. Алкиноем¹⁵⁵.

В течение некоторого времени к альдовскому кругу принадлежал Михаил Триволис (ок. 1470-1556), известный в России как Максим Грек¹⁵⁶. Он родился в греческом городе Арта на территории бывшего Эпирского деспотата. Переехав на Корфу, Триволис посещал школу Иоанна Мосха и даже сделал попытку войти в Большой совет острова в 1490 или 1491 гг., но потерпел неудачу на выборах. Вполне вероятно, что в Италию Михаил приехал в 1492 г. вместе с Иоанном Ласкарисом, возвращавшимся из второго путешествия по Греции, и далее обучался под его началом во Флоренции (1492-1494/1495). В этот период он занимался переписыванием рукописей для нужд учителя и его студентов – им были скопированы «Геопоника» (Par. gr. 1994), труды Гермогена Тарсийского со схолиями Сириана, Сопатра и Марцеллина (Laur. Plut. 55.20), «География» Страбона (Vat. Reg. gr. 83) и сочинения Феокрита (Vat. gr. 1379)¹⁵⁷. Во Флоренции Михаил слушал проповеди

Джироламо Савонаролы. Его богоугодное учение и мученическую смерть он позднее описал в «Повести страшной и достопримечательной»¹⁵⁸.

По косвенным данным можно предполагать, что в последующие годы Михаил Триволис мог посетить Милан, Феррару и Падую. В одном из «обличительных слов» Максим Грек осуждал гуманистов за чрезмерное увлечение эллинскими философами в ущерб христианской вере. «Я сам, - вспоминал он, - достоверный свидетель всего этого, и не как слышавший, а как самовидец того в Италии и Ломбардии и как бывший некогда их сообщник». В числе «недугающих языческим бесчестьем» он назвал поэта Никколо Лелио Козмика (Кобезмика), состоявшего при герцогском дворе Феррары в 1490-1500 гг., аверроиста Агостино Нифо из Сессы, который преподавал в Падуанском университете в 1492-1498 гг., и Анджело Полициано, скончавшегося во Флоренции в 1494 г.¹⁵⁹

С 1498 по 1500 гг. Михаил находился в Мирандоле при дворе Джованни Франческо Пико. Об этом известно из писем самого Триволиса: одного – Николаю Тарсскому, канонику в Верчелли, и трех – Иоанну Григоропулу¹⁶⁰. В Мирандолу он прибыл из Венеции, где, по всей видимости, оставил своего друга Григоропула. В первом письме Триволиса Григоропулу, датированном 29 мартом 1498 г., не указано место назначения, однако на основании его содержания можно заключить, что оно было направлено в Венецию: Михаил просил адресата направиться в некий район *Ῥεάλτων in Panaria* (его можно отождествить с венецианским Риальто), где были лавки, торгующие полотном, и получить для него корреспонденцию, присланную из Верчелли¹⁶¹. Незадолго до переезда в Мирандолу Триволис переписал кодекс, содержащий комментарий Иоанна Филопона на «Первую Аналитику» Аристотеля (Cremona. Governativa 177) – работа над ним была закончена 5 марта 1498 г.¹⁶² Из писем Михаила известно, что по прибытии в Мирандолу или незадолго до того он получил два пред-

ложения – из Болоньи и от графа Лодовико II Тиццони, правителя Дечианы, которому рекомендовал вместо себя Григорулу. Последний, кажется, остался в Венеции, и в 1499 г. Триволис отправил ему письмо уже в дом господина Альда. В нем он приветствовал их общих друзей и прежде всего греческого копииста Георгия Мосха, племянника его наставника Иоанна Мосха¹⁶³. Из следующего письма Григорулу от марта 1500 г. известно, что Триволис побывал в Венеции и благополучно вернулся в Мирандолу. О результате этой поездки можно судить из записи на полях: он сообщает о заказе у Альда некоторых книг, в частности, трактата «О лекарственных веществах» Педания Диоскорида. По всей видимости, эти приобретения были сделаны в интересах и за счет его покровителя синьора Мирандолы. Из письма следует, что Триволис был знаком с Франческо Розето, членом «Новой Академии», и общался в Венеции с Захарием Каллиерги относительно некоего дела, которое тот обещал выполнить¹⁶⁴. В том же году Триволис получил письмо от Марка Музуроса, находившегося в Карпи в качестве библиотекаря и учителя князя Альберто Пио¹⁶⁵. Михаил покинул Мирандолу не позднее августа 1502 г., когда Джованни Франческо был изгнан из города младшими братьями Лодовико и Федерико.

В 1502 г. Триволис стал послушником в доминиканском монастыре Сан-Марко во Флоренции, но к 1503 г. по не вполне понятным причинам решил отказаться от монашества и перебраться в Венецию к Альду Мануцию¹⁶⁶. Известно два письма Триволиса Сципиону Каргеромаху от 21 и 24 апреля 1503 г.¹⁶⁷, в которых он просил своего адресата устроить его дела, рекомендовать Альду и «вытащить» его (Триволиса) к ним. Надо полагать, что переговоры закончились успешно, и в скором времени он переехал в Венецию. Сохранилось короткое «Сказание об Альде Мануччи», написанное Максимом Греком для князя В.М. Тучкова-Морозова¹⁶⁸. В нем автор вспоминал, как ещё молодым человеком «часто хаживал» к Альду «книжным делом». Он называл печатника искусным философом, а

его издательское предприятие «премудрым замышлением». Тема всего письма – истолкование типографского знака печатника – обвивающего якорь дельфина. Объяснение, данное Максимом Греком, является лишь оригинальной фантазией, но интерес, вызванный у его адресата издательской эмблемой Альда, косвенно подтверждает появление в России того времени первых альдин.

Илл. 32. Издательская марка Альда Мануция.
Opera Omnia Platonis. Венеция, 1513 г.

С учетом времени, затраченного на переезд в Венецию, участие Триволиса в работе типографии Альда началось не ранее мая 1503 г., тогда как его отъезд из Италии состоялся не позднее 1506 г. Источники ничего не сообщают о характере его сотрудничества с венецианским печатником. В этот период деятельность печатного дома Альда по изданию греческих текстов была очень активна. Из его типографии вышли: сочинения Лукиана вместе с работами Филострата Старшего («Героика», «Жизнеописания софистов», «Картины»), Филострата Младшего («Картины») и Каллистрата («Экфрасисы») (июнь 1503); комментарии Аммония, Михаила Пселла и Льва Магентина к трактату «Об истолковании» Аристотеля (октябрь 1503); комментарии ритора Ульпиана к речам Демосфена вместе с лексиконом Гарпократа (октябрь 1503); «Элленика» Ксенофонта вместе с «Историей Греции после битвы при Мантинее» Гемиста Плифона, «Историей от Марка Аврелия» Геродиана и схолиями к Фукидиду (ноябрь 1503); «Антология» Плануда (ноябрь 1503); комментарии Иоанна Филопона на «Вторую аналитику» Аристотеля (март 1504); «Жизнь Аполлония Тианского» Филострата Старшего вместе с сочинением Евсевия Кесарийского «Против Гиерокла» (май 1504); стихотворения Григория Богослова на греческом с латинским переводом (июнь 1504); поэмы Гомера в двух томах, включая «Гимны» и «Батрахомиомахию» (октябрь 1504); речи Демосфена вместе с его биографиями, принадлежащими Плутарху и Либанию (ноябрь 1504); «Часослов пресвятой Девы Марии» с семью покаянными псалмами (июль 1505); издание, включающее жизнеописание и басни Эзопа, басни Бабрия с латинскими переводами, трактат Луция Аннея Корнута «Греческое богословие», сочинение Палефата «О невероятном», «Гомеровские вопросы» Гераклита Грамматика, «Иероглифику» Гореполлона, переведенную с коптского на греческий неким Филиппом, собрание греческих пословиц, а также выдержки из сочинений некоторых авторов, касающиеся басен (октябрь 1505); и, наконец, эпос «После Гомера» Квинта

Смирнского вместе с поэмами Трифиодора и Коллуфа (1505)¹⁶⁹. В 1506 г. вследствие финансовых проблем типография приостановила свою работу. Примерно в это время Михаил Триволис покинул Италию и отправился на Святую гору, где стал монахом Максимом. Его дальнейшая судьба была связана с Афоном и Московским государством.

Возобновление деятельности издательства относится к декабрю 1507 г., когда Альд выпустил трагедии Еврипида «Геккуба» и «Ифигения в Авлиде» в латинском переводе Эразма. В последующие два года редактором греческой печати был критский ученый Димитрий Дука¹⁷⁰. Он обеспечил выпуск двухтомного собрания сочинений греческих авторов по ораторскому искусству «*Rhetores antiqui Graeci*» (1508-1509) и «Моралии» Плутарха (1509). Работа над последним изданием осложнялась тем, что в некоторых местах текст был настолько испорчен, что редактор не решился внести в него исправления¹⁷¹. С выпуском «Моралий» завершилось и его участие в издательских проектах Альда, который в 1509 г. вновь приостановил работу печати и покинул Венецию вследствие войны Камбрейской лиги. В 1513 г. Дука приехал в Испанию, где некоторое время преподавал греческий в Алькале с годовым жалованием в 200 флоринов¹⁷². Покровитель Дуки кардинал Франсиско Хименес привлек его к подготовке издания «Комплутенской многоязычной Библии» (*Biblia polyglotta complutense*)¹⁷³. В 1514 г. Димитрий также обеспечил выпуск грамматики Хрисолора и поэмы Мусея «Геро и Лейандр»¹⁷⁴. После смерти Хименеса в ноябре 1517 г. Дука, по-видимому, принял решение вернуться в Италию. Во всяком случае, в 1519 г. его приемником на кафедре греческой словесности стал Эрнан Нуньес де Толедо. В октябре 1526 г. Димитрий находился в Риме, как следует из подготовленного им издания греческих литургических текстов¹⁷⁵. Согласно привилегиям папы Клементя VII от 28 октября 1526 г. и 22 января 1527 г., Дука вел в Риме публичные занятия по греческой словесности (*dilectus filius Demetrius Ducas Cretensis, graecarum litterarum*

in alma urbe nostra Roma publicus professor)¹⁷⁶. Второй документ давал Димитрию право на издание латинского перевода комментария Александра Афродисийского на «Метафизику» Аристотеля. Дальнейшая судьба Дуки неизвестна.

В 1512 г. Альд вновь вернулся к издательской работе, чему способствовали увещевания трех друзей – Музуроса, Андреа Наваджеро и Джованни Джокондо. В предисловии к *editio princeps* Пиндара (январь 1513), адресованном Наваджеро, Альд так описывал свое возвращение: «Хотя я ни в чем не преуспевал, и, казалось, что снова начинаются бедствия и разгорается пожар войны, который, как я надеялся, в скором времени будет потушен, я вернулся в Венецию, которую в это время могу назвать вторыми Афинами (Athenas alteras), ибо здесь очень много одаренных людей исключительной учености, и, кроме того, наш Музурос. Благодаря его уговорам, а также твоим, и нашего милейшего Джокондо, и остальных, получающих огромное наслаждение от хорошей литературы, я изменил свое мнение и возвратился к тем трудам, тяжесть которых я испытывал уже в течение двадцати лет и которые были едва мне по силам»¹⁷⁷.

Альд начал с выпуска грамматик Константина Ласкариса и Мануила Хрисолора (последняя опубликована по совету Музуроса). В январе 1513 г. он издал *in octavo* Пиндара, Каллимаха, Дионисия Периегета и Ликофрона. В предисловии Альд обещал опубликовать еврейские священные книги, которые были переведены с еврейского на греческий и с греческого на латынь (эти планы так и не были осуществлены). Весной того же вышло года двухтомное издание речей пятнадцати греческих риторов «*Orationes Rhetorum Graecorum*» (1 том – апрель; 2 том – 7 мая). В него были удачно включены два энкомия Элия Аристида – «Похвала Афинам» и «Похвала Риму», так как эти города «занимали мысли любого интеллектуала, размышляющего о прогрессе цивилизации»¹⁷⁸. Музурос принял участие в альдовском издании писем Цицерона к Аттику, Бруту и брату Квинту, (июнь 1513): он помог с переводом

включенных в текст греческих фраз¹⁷⁹.

Серьезная редакторская работа была выполнена Музуром при подготовке к печати *editio princeps* Платона (*Opera omnia*, сентябрь 1513). Кроме платоновских сочинений, в издание вошло жизнеописание философа, составленное Диогеном Лаэртским, а также трактат Псевдо-Тимея «О природе мира и души» на дорийском диалекте. В посвящении папе Льву X Альд отдал дань уважения отцу великого понтифика – Лоренцо Великолепному и Марсилио Фичино, переводчику платоновского корпуса, за возрождение интереса к платонизму в Италии. В издание была включена поэма Музуроса «Гимн Платону», в которой он призывал папу освободить Грецию от турецкого ига и создать на берегах Тибра Академию по образцу афинской¹⁸⁰. Музурос подготовил к печати комментарии Александра Афродисийского на «Топику» Аристотеля (сентябрь 1513), а в следующем году лексикон Гесихия Александрийского, содержащий 51 тысячу статей, и сочинение Афиняя «Пирующие софисты» (*Δειπνοσοφισταί*). В случае с Гесихием (август 1514) работа осложнялась тем, что в распоряжении редактора была лишь одна рукопись – единственный сохранившийся экземпляр словаря (*Marc. gr. Z 622*). Музурос основательно подготовил манускрипт для набора: он зачеркнул в тексте сокращения и лигатуры, написав на полях полные формы этих слов; разделил слоги, неправильно соединенные копиистом, или, наоборот, соединил, плохо разъединенные; сделал множество исправлений, изменений, перестановок, дополнений и сокращений¹⁸¹. В посвящении, адресованном Джакопо Барделлоне, Альд писал, что Музурос «старательно отредактировал текст и сделал его лучше исходного: в нем было исправлено много мест, что легко понять, сопоставив саму рукописную книгу с напечатанной»¹⁸².

В том же месяце Альд опубликовал *editio princeps* «Пирующих софистов». В этом произведении, написанном в форме диалога, собран богатый материал, касающийся культуры

проведения симпозиев, а также различных сторон жизни древних греков. Ценность сборника Афиней заключается в обилии цитат и выдержек из сочинений различных авторов (в том числе утраченных). В предисловии Альд сообщил, что этот труд, содержащий удивительные и разнообразные знания о рыбах, травах, деревьях и других почти неисчислимых вещах, поможет ученым людям исправить другие книги с помощью многих авторов, которые в нем цитируются. В качестве иллюстрации он приводит фрагмент из четвертой книги «Истории растений» Теофраста, где говорится о «мидийском» или «персидском яблоке» (IV, 4). Это место, искаженное и поврежденное, может быть легко исправлено «и в той книге, которую изящно и умело перевел с греческого на латынь Феодор Газа, и в той, которая по-гречески напечатана нашими стараниями, на основании того отрывка, который цитируется в третьей книге “Пирующих софистов”». После разбора указанного фрагмента, Альд выразил благодарность Музуросу, поскольку тот «очень старательно отредактировал книги, сравнив их со многими копиями и с кратким изложением (суперимомате), чтобы исправить их во многих, почти неисчислимых, местах, и восстановить в прежнем стихотворном размере песни, которые в других местах излагались словно прозой». Также было отмечено, что отсутствующие в рукописях первые две книги были добавлены из краткого изложения, также как и добрая часть третьей¹⁸³.

После смерти Альда (6 февраля 1515) Музурос сотрудничал с семейством флорентийских печатников Джунти в издании сочинения «О рыбной ловле» Оппиана (‘Αλιευτικά, Флоренция, июль 1515). Из предисловия известно, что при подготовке текста редактор пользовался тремя копиями поэмы¹⁸⁴. Кроме того, Музурос не порывал и с альдовским печатным домом: его возглавил тесть Альда Мануция Андреа Торрезано. Критянин написал предисловие к изданию греческой грамматики, составленной Альдом (ноябрь 1515), которое адресовал французскому политику и библиофилу Жану Гролье.

В нем Музурос просил его поощрить печатную активность Торрезано, чтобы успеть опубликовать произведения древних авторов, прежде чем они сгинут в военном пожаре. Приведенный им список представлял собой план издательской деятельности: Ветхий и Новый Заветы, переводы поэтов и Аристотеля, тома Галена, Страбона, Павсания, Диона, Диодора Сицилийского, Полибия и «Жизнеописания» Плутарха¹⁸⁵. При участии Музуроса типография выпустила шестнадцать речей св. Григория Богослова (апрель 1516): составленное им предисловие было адресовано французскому гуманисту Жану де Пену¹⁸⁶. Его последней редакторской работой стало издание сочинения греческого географа II в. н.э. Павсания «Описание Эллады» (июль 1516). Издатель справедливо указывал, что этот древний путеводитель по достопримечательным местам Греции «содержит сокровища образованности». В издание было включено посвяtitельное письмо Музуроса к Иоанну Ласкарису, восхваляющее его ученость, общественную деятельность и покровительство соотечественникам¹⁸⁷.

В течение XV в. итальянский гуманизм заново открыл для западной культуры мир классической греческой литературы и науки. Это в значительной степени расширило горизонты познания, обеспечило доступ к разнообразию философских идей и научных знаний, которые ещё предстояло переосмыслить, и обусловило, по крайней мере частично, небывалый всплеск литературной деятельности. Первостепенное значение в этом процессе имело распространение греческих текстов благодаря труду многочисленных (и часто малоизвестных) каллиграфов. С появлением печати греки быстро вовлеклись в типографское дело в качестве издателей, редакторов, консультантов или простых чернорабочих. Их вклад заметен и в изданиях переводной классики и даже в публикациях некоторых латинских авторов, но особенно в распространении греческой печатной книги. На фоне гибели византийской цивилизации и долгой борьбы греков за сохра-

нение своей самобытности труд ученых-эмигрантов по копированию, поиску и печати греческих книг приобрел особую значимость и остроту, так как был связан с двумя важными составляющими их культуры – языком и литературой.

---

¹ О библиотеке Хрисолора см., в частности: *Berti E.* A proposito di alcuni codici greci in relazione con Manuele Crisolora e con Leonardo Bruni // *Studi Classici e Orientali.* 1995. Vol. 45. P. 281-296; *Bianconi D.* Un nuovo codice appartenuto a Manuele Crisolora (Pal. Heid. gr. 375) // *Segno e Testo.* 2013. Vol. 11. P. 375-386; *Cataldi Palau A.* I manoscritti di Manuele Crisolora: Un nuovo codice con ‘titolo bilingue’? // *Studies in Greek Manuscripts.* Spoleto, 2008. Vol. I. P. 187-195; *Gentile S.* Emanuele Crisolora e la “Geographia” di Tolomeo // *Dotti bizantini e libri greci nell’Italia del secolo XV. Atti del Convegno Internazionale.* Trento, 22-23 ottobre 1990 / a cura di M. Cortesi e E.V. Maltese, M. D’Auria, Napoli, 1992. P. 291-308; *Pontani A.* Primi appunti sul Malatestiano D.XXVII.1 e sulla biblioteca dei Crisolora // *I manoscritti della Biblioteca Malatestiana: testi e decorazioni* / a cura di F. Lollini e P. Lucchi. Libreria Domini. Bologna, 1995. P. 353-386; *Rollo A.* 1) Problemi e prospettive della ricerca su Manuele Crisolora // *Manuele Crisolora e il ritorno del greco in Occidente* / a cura di R. Maisano e A. Rollo. Napoli, 2002. P. 31-85; 2) “Titoli bilingui” e la biblioteca di Manuele Crisolora // *Byzantinische Zeitschrift.* 2002. Bd. 95. S. 91-101; *Zorzi N.* I Crisolora: personaggi e libri // *Manuele Crisolora e il ritorno del greco in Occidente.* P. 87-131. Также см. базу греческих манускриптов “Pinakes / Πίνακες”: pinakes.irht.cnrs.fr.

² *Sabbadini R.* Le scoperte dei codici latini e greci ne’ secoli XIV e XV. Vol. I. P. 51, not. 55.

³ *Ganchou Th.* Les ultimae voluntates de Manuel et Iōannès Chrysolōras. P. 281-282. Doc. I.

⁴ См. письмо Бруни к Никколо Никколи от 12 октября 1405 г.: *Bruni Leonardo Aretino.* Humanistisch-Philosophische Schriften. Mit einer Chronologie seiner Werke und Briefe / Ed. Hans Baron. Leipzig-Berlin, 1928. S. 105; *Rollo A.* Problemi e prospettive. P. 56 и not. 92.

⁵ *Calderini A.* Ricerche intorno alla biblioteca e alla cultura greca di Francesco Filelfo // *Studi italiani di Filologia Classica.* 1913. Vol. 20. P. 218, not. 2. Также: *Ganchou Th.* Les ultimae voluntates de Manuel et Iōannès Chrysolōras. P. 268, not. 238.

⁶ *Epistolario di Pier Paolo Vergerio* / a cura di L. Smith. Roma, 1934. P. 241-242.

⁷ *Diller A.* The Greek Codices of Palla Strozzi and Guarino Veronese // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes.* 1961. Vol. 24. N. 3/4. P. 313-321;

Fanelli V. I libri di messer Palla di Nofri Strozzi (1372-1462) // *Convivium*. 1949. Vol. I. P. 57-73; *Fiocco G.* La biblioteca di Palla Strozzi // *Studi di bibliografia e di storia in onore di T. De Marinis*. Verona, 1964. Vol. II. P. 289-310; *Sosower M.L.* Palla Strozzi's Greek Manuscripts // *Studi italiani di filologia classica*. 1986. Vol. 79. P. 140-151. В базе *Pinakes* Палла значится обладателем двадцати восьми греческих манускриптов.

⁸ *Gentile S.* Emanuele Crisolora. P. 302-303; *Diller A.* The Greek Codices. P. 313.

⁹ *Diller A.* The Greek Codices. P. 317.

¹⁰ *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 114.

¹¹ О кодексах, переписанных Иоанном Скутариотом см.: *Martinelli Tempesta S.* 1) Il codice Milano, Biblioteca Ambrosiana B 75 sup. (gr. 104) e l'evoluzione della scrittura di Giovanni Scutariota // *The legacy of Bernard de Montfaucon: three hundred years of studies on Greek handwriting. Proceedings of the Seventh International Colloquium of Greek Palaeography (Madrid-Salamanca, 15-20 September 2008)* / Ed. A. Bravo García, I. Pérez Martín, J. Signes Codoñer. Turnhout, 2010. Vol. I. P. 171-186; 2) Nuovi codici copiati da Giovanni Scutariota (con alcune novità sul Teocrito Ambr. P 84 sup. e Andronico Callisto) // *Meminisse iuvat: studi in memoria di Violetta de Angelis* / a cura di F. Bognini. Pisa, 2012. P. 519-548; *Németh A.* Il copista Giovanni Scutariota e la fortuna dei manoscritti greci di Giano Pannonio e Mattia Corvino // *A Home of Arts and Muses: The Library of King Matthias Corvinus* / Ed. E. Zsupán. Budapest, 2017. P. 89-100.

¹² *Sabbadini R.* La scuola e gli studi di Guarino Guarini Veronese. P. 12.

¹³ В списке греческих книг Гварино Веронезе, опубликованном Анри Омонном, перечислены 54 кодекса (*Omont H.* Les manuscrits grecs de Guarino de Vérone et la bibliothèque de Ferrare // *Revue des Bibliothèques*. 1892. Vol. II. P. 78-81), впрочем, этот список вполне мог относиться к библиотеке его сына, Баттисты Гварини, или даже к коллекции поэта Джованни Баттисты Гварини (1538-1612): *Thomson I.* Some notes on the contents of Guarino's Library // *Renaissance Quarterly*. 1976. Vol. 29. № 2. P. 169-177.

¹⁴ О библиотеке Гварино см. также: *Bandini M.* Contributi all'identificazione di codici greci appartenuti a Guarino Veronese // *Studi classici e orientali*. 1994. Vol. 44. P. 395-398; *Diller A.* The Greek Codices; *Rollo A.* Dalla biblioteca di Guarino a quella di Francesco Barbaro // *Studi medievali e umanistici*. 2005. Vol. 3. P. 9-28; *Sabbadini R.* Le scoperte dei codici latini e greci ne' secoli XIV e XV. Vol. I. P. 45; *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 26, 45. Четырнадцать греческих кодексов в базе *Pinakes* отмечены как владение Гварино.

¹⁵ *Monfasani J.* George of Trebizond. P. 11.

¹⁶ О греческой библиотеке Витторино см., в частности: *Cortesi M.* Greek at the School of Vittorino da Feltre // *Teachers, Students, and Schools of Greek in the Renaissance*. P. 61-78; *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 35-40.

¹⁷ Письмо к Никколо Никколи от 21 июля 1433 г. (Ep. 50): *Ambrosii Traversarii*

Generalis Camaldulensium aliorumque ad ipsum, et ad alias de eodem Ambrosia Latinae Epistolae / Ed. P. Canneti and L. Mehus. 2 vols. Florentiae, 1759. Vol. II. Col. 419.

¹⁸ *Cortesi M.* Greek at the School of Vittorino da Feltre. P. 65.

¹⁹ *Ambrosii Traversarii* Latinae epistolae. Col. 418. Ep. 49. Возможно, что Траверсари писал о рукописи св. Иоанна Златоуста (Хризостома). По крайней мере, работавший на Витторино Герард из Патр копировал гомилии святителя: кодекс Cambr., Trinity College B.09.15 (211).

²⁰ *Ibid.* Col. 419. Ep. 50. Н.Г. Уилсон предположил, что Иоанн Консул – это византийский философ XI в. Иоанн Итал, носивший почетный титул ὑπάτος (соотв. лат. *consul*) τῶν φιλοσόφων: *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. 2 ed. 2016. Ch. 5, not. 12 (далее мы ссылаемся на первое издание этой монографии 1992).

²¹ В базе *Pinakes* Герард из Патр отмечен как переписчик тридцати одного манускрипта, Петр Критянин – четырнадцати. См. также: *Gamillscheg E., Harlfinger D., Hunger H.* Repertorium der Griechischen Kopisten 800-1600 (далее – RGK). Wien, 1981-1997. Teil I.A. S. 60 (№80); II.A. S. 60 (№107); III.A. S. 68 (№144); *Vogel M., Gardthausen V.* Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance, Leipzig, 1909. S. 96-97, 384-385; *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 37-39.

²² *Epistolario di Guarino Veronese.* Vol. II. P. 443. Ep. 786.

²³ Н.Г. Уилсон полагает, что комментарий на “Илиаду” был приписан Ауриспой Аристарху Самофракийскому по ошибке и, возможно, принадлежал архиепископу Евстафию Фессалоникийскому (XII в.): *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 27 со ссылкой на: *Franceschini A.* Giovanni Aurispa e la sua biblioteca: notizie e documenti. Padova, 1976.

²⁴ *Bigi E.* Aurispa, Giovanni // DBI. 1962. Vol. 4. P. 593-595; *Carteggio di Giovanni Aurispa / a cura di R. Sabbadini.* Roma, 1931; *Franceschini A.* Giovanni Aurispa; *Schreiner P.* Giovanni Aurispa in Konstantinopel. Schicksale griechischer Handschriften im 15. Jahrhundert // *Studien zum 15. Jahrhundert.* Festschrift für Erich Meuthen. Munich, 1994. Bd. II. S. 623-633; *Stinger Ch.L.* Humanism and the Church Fathers: Ambrogio Traversari (1386-1439) and the Chrystian Antiquity in the Italian Renaissance. Albany, 1977. P. 36-37; *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 25-27.

²⁵ *Schreiner P.* Giovanni Aurispa. S. 624-625, not. 9.

²⁶ *Scalamonti Francesco.* Vita Viri Clarissimi Et Famosissimi Kyriaci Anconitani / Ed. and tr. Ch. Mitchell and E.W. Bodnar (Transactions of the American Philosophical Society. Vol. 86. Pt. 4). Philadelphia, 1996. P. 52 (§ 63). О путешествиях Чириако см., в частности: *Forner F.* Pizzicolli, Ciriaco de' // DBI. 2015. Vol. 84. P. 361-364.

²⁷ *Scalamonti Francesco.* Vita. P. 55 (§ 71).

²⁸ *Ibid.* P. 57 (§ 75). Также: *Gautier Dalché P.* The Reception of Ptolemy's

Geography (End of the Fourteenth to Beginning of the Sixteenth Century) // Cartography in the European Renaissance / Ed. D. Woodward. Chicago, 2007. Vol. 3. Pt. 1. P. 286-364: 310-312.

²⁹ *Scalamonti Francesco. Vita. P. 59 (§ 77).*

³⁰ “Qui mihi nostri in Italiam libri gesti sint, horum nomina ad te scribo: alios autem nonnullos per primas ex Byzantio Venetorum naves opperior. Hi autem sunt Plotinus, Aelianus Aristides, Dionysius Halicarnasseus, Strabo Geographus, Hermogenes, Aristotelis Rhetorice, Dionysius Halicarnasseus de numeris et characteribus, Thucydides, Plutarchi Moralia, Proclus in Platonem, Philo Iudaeus, Herodotus, Dio Chrysostomus, Appollonius Pergaeus, Ethica Aristotelis, eius Magna Moralia, et Eudemia, et Oeconomica, et Politica, quaedam Theophrasti opuscula, Homeri Ilias, Odyssea; Philostratus de vita Apollonii; orationes Libanii et aliqui sermones Luciani, Pindarus, Aratus, Euripidis Tragoediae septem, Theocritus, Hesiodus, Suidas, Phalaridis, Hippocratis, Platonis et multorum ex veteribus philosophis epistolae; Demosthenes, Aeschinis orationes et epistolae, pleraque Xenophontis opera, una Lysiae Oratio, Orphei Argonautica et Hymni, Callimachus, Aristoteles de historiis animalium, Physica, et Meta-physica, et de Anima, de partibus animalium et alia quaedam, Polybius, nonnulli sermones Chrysostomi, Dionysiaca, et alii poetae plurimi”// *Ambrosii Traversarii Latinae Epistolae. 1759. Vol. II. Col. 1010. Ep. XXIV, 32.*

³¹ Письмо Виссариону от 1448 г.: *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. 1. P. XLVII–XLVIII. Кодекс Laur. 32,1, переписанный Газой для Филельфо, содержит, кроме “Илиады” пародийную поэму “Батрахомиомахия”:* *Vogel M., Gardthausen V. Die griechischen Schreiber. S. 137.*

³² *Bandini A.M. Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae Mediceae Laurentianae. Catalogus codicum Graecorum Bibliothecae Laurentianae. Florentiae, 1768. Vol. II. Col. 283-284; 608-609; Cataldi Palau A. I colleghi di Giorgio Baiophoros: Stefano di Medea, Giorgio Crisococca, Leon Atrapes // Eadem. Studies in Greek Manuscripts. Spoleto, 2008. Vol. I. P. 321-324; Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 14-15, 132-133; Ganchou Th. Les ultimae voluntates de Manuel et Iôannès Chrysolôras. P. 254-255; Vogel M., Gardthausen V. Die griechischen Schreiber. S. 86-87, 137.*

³³ *Aristoteles graecus. Die griechischen Manuskripte des Aristoteles, untersucht und beschrieben von Paul Moraux, Dieter Harlfinger, Diether Reinsch, Jürgen Wiesner. Bd. I: Alexandrien-London. Berlin-New York, 1976. S. 273-274; Vogel M., Gardthausen V. Die griechischen Schreiber. S. 73-74.*

³⁴ *Turyn A. Dated Greek manuscripts of the thirteenth and fourteenth centuries in the libraries of Italy. Urbana-Chicago-London. 1972. Vol. I. P. 36. О греческих кодексах, принадлежавших Филельфо см.: Eleuteri P. Francesco Filelfo copista e possessore di codici greci // Paleografia e codicologia greca (Atti del II Colloquio internazionale Berlino-Wolfenbüttel, 17-20 ottobre 1983) / Ed. D. Harlfinger, G. Prato Alessandria, 1991. Vol. I. P. 163-179; Speranzi D. Su due*

codici greci filelfiani e un loro lettore (con alcune osservazioni sullo Strabone Ambr. G 93 sup.) // *Philelfiana. Nuove prospettive di ricerca sulla figura di Francesco Filelfo Atti del seminario di studi (Macerata, 6-7 novembre 2013) / a cura di S. Fiaschi. Firenze, 2015. P. 83-117.*

³⁵ *Cataldi Palau A. I colleghi. P. 307-311.*

³⁶ О скриптории и переписчиках монастыря св. Иоанна Продрома см.: *Cataldi Palau A. Studies in Greek Manuscripts: 1) The manuscript production in the Monastery of Prodrornos Petra (twelfth-fifteenth centuries). P. 197-207; 2) The library of the Monastery of Prodrornos Petra in the fifteenth century (to 1453). P. 209-218; 3) Legature costantinopolitane del monastero di Prodrorno Petra tra i manoscritti di Giovanni di Ragusa (†1443). P. 235-280; 4) Un nuovo manoscritto palinsesto di Giorgio Baiophoros. P. 281-301.*

³⁷ *Фонкич Б.Л. Греческие писцы эпохи Возрождения. I // ВВ. 1965. Т. 26. С. 271; Cataldi Palau A. I colleghi. P. 324-325; Isocratis Opera omnia / Ed. E. Drerup. Hildesheim. Lipsiae, 1906 (repr. Zurich, N.Y., 2004). Bd. I. S. XXXV-XXXVI; Schreiner P. Giovanni Aurispa. S. 629, 632; Vogel M., Gardthausen V. Die griechischen Schreiber. S. 86-87.*

³⁸ *Bandini A.M. Catalogus codicum manuseriptorum. Vol. II. Col. 690-691; Cataldi Palau A. I colleghi. P. 325-327; Vogel M., Gardthausen V. Die griechischen Schreiber. S. 87.*

³⁹ *Cataldi Palau A. I colleghi. P. 330-331.*

⁴⁰ *Cataldi Palau A. I colleghi. P. 332, 337-339; Eadem. Legature costantinopolitane. P. 260.*

⁴¹ *Cataldi Palau A. 1) The library of the Monastery of Prodrornos Petra. P. 216-217; 2) Learning Greek in fifteenth-century Constantinople // Studies in Greek Manuscripts. P. 231-232; Gamillscheg E. Zur handschriftlichen Überlieferung byzantinischer Schulbücher // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1977. Bd. 26. S. 211-230.*

⁴² *La Caduta di Costantinopoli. Vol. II. L'Eco nel Mondo / a cura di A. Pertusi. Milano, 1976. P. 46.*

⁴³ *Pertusi A. Testi inediti e poco noti sulla caduta di Costantinopoli / a cura di A. Carile. Bologna, 1983. P. 74. Также: Agostini G. degli. Notizie storico-critiche intorno la vita, e le opere degli scrittori viniziani. Venezia, 1752. Vol. I. P. 218.*

⁴⁴ Отец Либер почитался в античном Риме как бог плодородия, вина и виноделия.

⁴⁵ *Epistolario di Guarino Veronese. Vol. I. P. 549-550. Ep. 382.*

⁴⁶ *Antonii Galatei Liciensis Liber de Situ Iapygiae. P. 45-46.*

⁴⁷ *PG. T. 161. Col. 945A.*

⁴⁸ *Sabbadini R. Le scoperte dei codici latini e greci ne' secoli XIV e XV. Vol. I. P. 68; Wilson N.G. From Byzantium to Italy. P. 62; Садов А.И. Виссарион Никейский. С. 194.*

⁴⁹ *Aresano D.* San Nicola di Casole e la cultura greca in terra d'Otranto nel Quattrocento // *La conquista turca di Otranto (1480) tra storia e mito.* Galatina 2008. Vol. 1. P. 107-140.

⁵⁰ *Diller A.* Three Greek scribes working for Bessarion: Trivizias, Callistus, Hermonymus // *Italia Medioevale e Umanistica.* 1967. Vol. 10. 403-410; *Martínez Manzano T.* Un copista del lustro boloñés de Besarión: el Anonymus LY // *Nea Rhome.* 2013. Vol. 10. P. 211-243; *Speranzi D.* L'Anonymus Δ-KAI, copista del Corpus Aristotelicum. Un'ipotesi di identificazione // *Quaderni di Storia.* 2009. Vol. 69. P. 105-123; *Idem.* Scritture, libri e uomini all'ombra di Bessarione, II. La 'doppia mano' di Atanasio Calceopulo // *Rinascimento.* 2018. Vol. 58. P. 193-237.

⁵¹ *Burri R.* Die "Geographie" des Ptolemaios im Spiegel der griechischen Handschriften. Berlin-Boston, 2013. S. 443-444. Об участии Рососа в восстановлении греческого Лекционария из библиотеки Виссариона Марс. gr. Z. 12 (348) см.: *Добрынина Э.Н.* Феномен "сполий" в истории рукописной книги и codex restauratus Марс. gr. Z. 12 // *ВВ.* 2017. Т. 101. С. 203-212.

⁵² О библиотеке Виссариона, в частности: *Bianca C.* La formazione della biblioteca latina del Bessarione // *Eadem.* Da Bisanzio a Roma. Studi sul cardinale Bessarione. Rome, 1999. P. 43-106; *Labowsky L.* Bessarion's Library and the Biblioteca Marciana: Six Early Inventories. Rome, 1979; *Mioni E.* Bessarione scriba e alcuni suoi collaboratori // *Miscellanea Marciana di studi bessarionei.* Padua, 1976. P. 263-318; *Omout H.* Inventaire des manuscrits grecs & latins donnés à Saint-Marc de Venise par le cardinal Bessarion en 1468. Paris, 1894; *Zorzi M.* Bessarione e i codici greci // *L'eredità greca e l'ellenismo / a cura di G. Benzoni.* Firenze, 2002. P. 93-121.

⁵³ *Powell J.E.* The Cretan Manuscripts of Thucydides // *The Classical Quarterly.* 1938. Vol. 32 (2). P. 103.

⁵⁴ *Noiret H.* Lettres inédites de Michel Apostolis. Paris, 1889. P. 88-89. Ep. 70. Также: *Geanakoplos D.J.* Michael Apostolis, Byzantine Copyist and Manuscript Collector in Crete // *Idem.* Greek scholars in Venice. P. 89-90.

⁵⁵ *Noiret H.* Lettres inédites de Michel Apostolis. P. 96-97. Ep. 76. Также: *Geanakoplos D.J.* Michael Apostolis. P. 92-94.

⁵⁶ *Γεωργακόπουλος Δ.Κ.* Ο βίος και το έργο του λόγιου κωδικογράφου Μιχαήλ Αποστόλη (1420/22-1478): συμβολή μελέτη της γραμματείας και της παιδείας τον τέλους της Βυζαντινής Αυτοκρατορίας. Ιωάννινα, 2009. Σ. 221-286; *Canart P.* Scribes grecs de la Renaissance // *Scriptorium.* 1963. Vol. 17. No. 1. P. 73-74; *Idem.* Pour une étude du scriptorium de Michel Apostolès et consorts // *Scriptorium.* 1953. Vol. 7. P. 290-297; *Vogel M., Gardthausen V.* Die griechischen Schreiber. S. 305-310. Также: *Hoffmann Ph.* Un mystérieux collaborateur de Aide Manuce: L' Anonymus Harvardianus // *Mélanges de l'Ecole française de Rome.* 1985. Vol. 97. P. 92-95.

⁵⁷ *Labowsky L.* Bessarion's Library. P. 147-149; *PG.* T. 161. Col. 701-702.

⁵⁸ Дж. Монфазани указывает, что к моменту смерти Виссариона его собрание насчитывало примерно 1100 томов, из которых около 500 составляли латинские книги. По своему содержанию латинская часть коллекции представляла собой средневековую схоластическую библиотеку. В ней практически не нашлось места итальянским гуманистам, за исключением переводов Леонардо Бруни. Произведения светских латинских авторов античной эпохи содержались примерно в 75 томах, в то время как 204 рукописи и инкунабулы охватывали работы всех крупных схоластов, в особенности Фомы Аквинского (30 томов) и Альберта Великого, и значительную часть малых: *Monfasani J.* “Bessarion Scholasticus”: A Study of Cardinal Bessarion’s Latin Library. Turnhout, 2011; *Idem.* The Pre- and Post-History of Cardinal Bessarion’s 1469 *In calumniatorem Platonis* // “Inter graecos latinissimus, inter latinos graecissimus”: Bessarion zwischen den Kulturen / Hrsg. von C. Kaiser, C. Märkl, T. Ricklin. Berlin, 2013. S. 347-366: 349-351.

⁵⁹ “Ex multis denique Mercurii libris, duo sunt divini praecipue, unus de Voluntate divina, alter de Potestate, et Sapientia Dei. Ille Aesclepius, hic Pimander inscribitur. Illum Apuleius Platonicus Latinum fecit, alter usque ad haec tempora restitit apud Graecos, at nuper ex Macedonia in Italiam adeductus diligentia Leonardi Pistoriensis docti probique monachi ad nos pervenit”: Argumentum Marsilii Ficini Florentini, in librum Mercurii Trismegisti, ad Cosmum Medicem, patriae patrem // *Lo Presti E.* La filosofia nel suo sviluppo storico: la prospettiva storiografica di Marsilio Ficino e l’influenza dei dotti bizantini Giorgio Gemisto Pletone e Giovanni Basilio Bessarione: Tesi di Dottorato. Università di Bologna, 2007. P. 162.

⁶⁰ “mihi Mercurium primo Termaximum, mox Platonem mandavit interpretandum”: Marsilii Ficini Florentini in Plotini Epitomae, seu Argumenta, Commentaria et Annotationes. Ad magnanimum Laurentium Medicem patriae servatorem. Prooemium // *Lo Presti E.* La filosofia. P. 193.

⁶¹ О ренессансном герметизме см.: *Йеймс Ф.* Джордано Бруно и герметическая традиция / Пер. Г. Дашевского. М., 2000; *Софронова Л.В.* Герметизм и две версии ренессансного учения о единстве древности // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2002. № 1. С. 275-286; Чаша Гермеса: гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция / Пер. с лат., коммент., вступ. ст. О.Ф.Кудрявцева, М., 1996. Публикация герметических текстов в русском переводе: Гермес Тризмегист и герметическая традиция Востока и Запада / Сост., коммент., пер. К. Богуцкого. К.-М., 2001.

⁶² *Magia, alchimia, scienza dal '400 al '700. L'influsso di Ermete Trismegisto = Magic, alchemy, and science 15th-18th centuries: the influence of Hermes Trismegistus* / a cura di C. Gilly, C. van Heertum. Firenze, 2002. Vol. II. P. 15, 17-18.

⁶³ Дорожные записи Ласкариса опубликованы в: *Muller K.* Neue Mittheilungen

uber Janos Laskaris und die Mediceische Bibliothek // Centralblatt fur Bibliothekswesen. 1884. Bd. 1. S. 333-412.

⁶⁴ *Arnesano D.* San Nicola di Casole. P. 122-126, 133-134.

⁶⁵ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. II. P. 322-324.

⁶⁶ *Ibid.* P. 325-327. Doc. 3.

⁶⁷ *Speake G.* Janus Lascaris' Visit to Mount Athas in 1491 // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1993. Vol. 34. P. 325-330.

⁶⁸ См., в частности, о рукописях Феодора Газы: *Speranzi D.* “De’ libri che furono di Teodoro”: una mano, due pratiche e una biblioteca scomparsa // Medioevo e rinascimento. 2012. Vol. 23. P. 319-354, *Воробьев Г.М.* Биологические трактаты Аристотеля. С. 33-54; Константина Ласкариса: *Martínez Manzano T.* Constantino Láscaris, semblanza de un humanista bizantino. Madrid, 1998. P. 45-75; Андроника Каллиста: *Centanni M.* La biblioteca di Andronico Callisto. Primo inventario di manoscritti greci // Atti e Memorie dell' Accademia Patavina. Classe de scienze morali. 1984-1985. Vol. 97. P. 201-223; Димитрия Дуки: *Martínez Manzano T.* Hacia la identificación de la biblioteca y la mano de Demetrio Ducas // Byzantinische zeitschrift. 2009. Vol. 102. No. 2. P. 717-730.

⁶⁹ *Leon Battista Alberti.* Dello scrivere in cifra / a cura di A. Buonafalce. Torino, 1994. P. 27-28.

⁷⁰ О сходстве программы Бруни со списком опубликованных авторов Швайнхаймом и Паннарцом см.: *Feld M.D.* Sweynheym and Pannartz, Cardinal Bessarion, Neoplatonism: Renaissance Humanism and Two Early Printers' Choice of Texts // Harvard Library Bulletin. 1982. Vol. 30. P. 290-294.

⁷¹ *Diller A.* The Textual Tradition of Strabo's Geography: with appendix: the manuscripts of Eustathius' commentary on Dionisius Periegetes. Amsterdam: Hakkert, 1975. P. 132.

⁷² Prefaces to the First Editions of the Greek and Roman Classics and of the Sacred Scriptures / Ed. B. Botfield. London, 1861. P. 81, 87, 90.

⁷³ Из посвящения к изданию Апулея (февраль 1469) следует, что в это время Газа уже работал над тестом Плиния: *Botfield B.* Prefaces. P. 72-73.

⁷⁴ *Geanakoplos D.J.* Constantinople and the West. P. 87.

⁷⁵ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 1-5; *Proctor R.* Printing of Greek. P. 49, 51-58.

⁷⁶ Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 192.

⁷⁷ *Noiret H.* Huit lettres inédites de Démétrius Chalcondyle // Mélanges d'archéologie et d'histoire. 1887. T. VII. P. 488, 489.

⁷⁸ Предисловия и колофон издания опубликованы в: *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 9-15; *Botfield B.* Prefaces. P. 180-182. См. также: *Cammelli G.* Calcondila. P. 89-92; *Geanakoplos D.J.* Chalcondyles. P. 238; *Proctor R.* Printing of Greek in the XVth Century. Oxford, 1900. P. 66-69; *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 96.

⁷⁹ Catalogue of Books Printed in the XVth Century Now in the British Museum /

Ed. A. Pollard, V. Scholderer. London, 1963. Part VI. P. 767; *Proctor R.* Printing of Greek. P. 70-71.

⁸⁰ Cat. Brit. Mus. Part VI. P. 792; *Cioni A.* Bissoli, Giovanni // DBI. 1968. Vol. 10. P. 701-703; *Proctor R.* Printing of Greek. P. 112-117.

⁸¹ *Botfield B.* Prefaces. P. 232-233; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 63-66.

⁸² *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 97.

⁸³ *Botfield B.* Prefaces. P. 230, 231; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 64-65.

⁸⁴ *Botfield B.* Prefaces. P. 233; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 65-66.

⁸⁵ *Botfield B.* Prefaces. P. P. 230; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 64.

⁸⁶ *Badini Confalonieri A., Gabotto F.* Notizie biografiche di Demetrio Calcondila // Giornale ligustico, archeologia, storia e letteratura / Ed. L.T. Belgrano e A. Neri. Genova, 1892. Vol. XIX. P. 334-335.

⁸⁷ *Botfield B.* Prefaces. P. 171-172; A Catalogue of Books Printed in the Fifteenth Century now in the Bodleian Library, Oxford / by A. Coates, K. Jensen, C. Dondi, B. Wagner and H. Dixon. Oxford, 2005. Vol. I. P. 68; *Proctor R.* Printing of Greek. P. 60-61. О Бонаккорсо см.: *Ballistreri G.* Bonaccorso da Pisa // DBI. 1969. Vol. 11. P. 464-465.

⁸⁸ *Botfield B.* Prefaces. P. 167-170.

⁸⁹ *Proctor R.* Printing of Greek. P. 49, 62-66.

⁹⁰ Cat. Brit. Mus. Part VI. P. XVI, 665.

⁹¹ *Botfield B.* Prefaces. P. 185-192; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 29-38.

⁹² *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 39-44. Э. Легран полагал, что псевдо-Кебес был отпечатан типографией греческой гимназии в Риме (1517); Ibid. P. 163. Однако, как показали Л. Феррери и Д. Сперанци, диалог, скорее всего, является изданием Лоренцо д'Алопы: *Ferreri L., Speranzi D.* Un'edizione falsamente attribuita al Ginnasio Greco ps. Cebetis *Tabula et alia opuscula* // Le prime edizioni greche a Roma (1510-1526) / a cura di C. Bianca, S. Dalle Donne, L. Ferreri e A. Gaspari. Turnhout, 2017. P. 295-334.

⁹³ С конца XV в. во Флоренции греческие издания также выходили из типографии Бенедетто Риккардини. На средства и по заказу Филиппо Джунты он напечатал “Эпитомы” софиста Зеновия (23 сентября 1497), “Орфическую Аргонавтику” и “Орфические Гимны” (19 сентября 1500) и грамматику Хрисолора (1498-1500); *Botfield B.* Prefaces. P. 213-214; Cat. Brit. Mus., VI. P. 690; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 73; *Proctor R.* Printing of Greek. P. 66, 70.

⁹⁴ О ранней греческой печати в Риме см. коллективную монографию: *Le prime edizioni greche a Roma (1510-1526)* / a cura di C. Bianca, S. Dalle

Donne, L. Ferreri e A. Gaspari. Turnhout, 2017. К сожалению, данное исследование доступно нам лишь частично. Также: *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 159-162, 163-166.*

⁹⁵ *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 166-171; Le prime edizioni greche. P. 241-280.*

⁹⁶ *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 162-163; Piccione R.M. Un'edizione attribuibile al Ginnasio greco (1514-1519): Isocratis orationes tres // Le prime edizioni greche. P. 281-294.*

⁹⁷ *Cat. Brit. Mus. Part V. P. XXXIII-XXXIV; Proctor R. Printing of Greek. P. 88.*

⁹⁸ *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 6-9. Также: Cat. Brit. Mus. Part V. P. XXXVII, 408-409; Geanakoplos D.J. Greek scholars in Venice. P. 58; Proctor R. Printing of Greek. P. 73-77.*

⁹⁹ О нем см., в частности: *Infelise M. Manuzio, Aldo, il Vecchio // DBI. 2007. Vol. 69. P. 236-245; Lowry M. The World of Aldus Manutius: Business and Scholarship in Renaissance Venice. Oxford, 1979; Wilson N.G. From Byzantium to Italy. P. 127-148; Лазурский В.В. Альд и альдины. М., 1977. Также: Лебедева И.Н. Греческая рукописная и печатная книга XV – XVI вв. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 105-114.*

¹⁰⁰ В письме к Джованни Пико делла Мирандола от 1482 г. Джорджо Мерула похвалил его за решение пригласить к себе Мануила Критянина, которого он горячо ему рекомендовал: *Dorez L. Lettres inédites de Jean Pic de la Mirandole (1482-1492) // Giornale storico della letteratura italiana. 1895. Vol. 25. P. 352-361: 357.* После встречи Альда с Адрамиттеносом в Мирандоле между ними установились товарищеские отношения. В письме к Анджелио Полициано (Карпи, от 27 октября 1485 г.) Альд назвал критянина *familiarissimus meus*. Он рассказал, что Адрамиттенос однажды показал ему послание, полученное им от Полициано. Оно было написано по-гречески, но до того искусно, что Альду представилось, будто оно создано не римлянином, а истинным афинянином. Далее Альд сообщил, что Эммануил отправился со своим сеньором в Павию [1483 г.], где скончался за несколько месяцев до написания письма к Полициано, т.е. не позднее середины 1485 г. Его смерть глубоко опечалила Альда, поскольку “это был человек исключительных нравственных качеств, весьма образованный в области греческой словесности” и горячо им любимый: *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. II. P. 258-259, not. 3.* Два греческих письма Адрамиттеноса к Полициано, а также другие послания ученого опубликованы Э. Леграном: *Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 351-358.* В распоряжении Джованни Пико осталась рукопись его писем и сочинений, в том числе комментарии на “Сивиллины оракулы” и заметки о Гермесе Трисмегисте (München, Bayerische Staatsbibliothek. Cod. graec. 321). Об Адрамиттеносе см.: *Megna P. 1) Due epistole greche di Manuele Adramitteno al Poliziano // Libri e biblioteche di umanisti tra Oriente e Occidente / a cura di S.*

Martinelli Tempesta, D. Speranzi e F. Gallo. Milano, 2019. P. 287-316; 2) Una “theosophia” sibillina di Manuele Adramitteno tra Oriente greco e Umanesimo latino // Νέα Ψώμη. 2014. Vol. 11. P. 371-443; *Musti D.* Adramitteno, Manuel // DBI. 1960. Vol. 1. P. 306-307; *Scapecchi P.* Una lettera di Adramytteno a Manuzio e le prime testimonianze dell’attività di Aldo a Carpi // La Bibliofilia. 1996. Vol. 98. P. 23-30.

¹⁰¹ *Lowry M.* The World of Aldus Manutius. P. 92-94.

¹⁰² *Botfield B.* Prefaces. P. 206.

¹⁰³ *Ibid.* P. 193. Также: *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 133-134.

¹⁰⁴ См.: The Aldine Press: Catalogue of the Ahmanson-Murphy Collection of Books by or Relating to the Press in the Library of the University of California, Los Angeles, Incorporating Works Recorded Elsewhere. Berkeley-Los Angeles-London, 2001. P. 49 sq.

¹⁰⁵ *Botfield B.* Prefaces. P. 261; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 78.

¹⁰⁶ Стефанос Какламанис относит письмо к 1501 г.: *Kaklamanis St.* Giovanni Gregoropulo, copista di libri greci e collaboratore di Aldo Manuzio a Venezia // Aldo Manuzio. La costruzione del mito / a cura di Mario Infelise. Venezia, Marsilio, 2016. P. 118.

¹⁰⁷ *Firmin-Didot A.* Alde Manuce et l'hellénisme à Venise. Paris, 1875. P. 527. Ep. 10; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. II. P. 298. Ep. 3.

¹⁰⁸ Текст “Законов”: *Firmin-Didot A.* Alde Manuce. P. 435-438. См. также: *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 129-130.

¹⁰⁹ *Botfield B.* Prefaces. P. 182-184; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 21-22.

¹¹⁰ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. II. P. 271. Ep. 4.

¹¹¹ *Botfield B.* Prefaces. P. 212-213; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. CIX.

¹¹² *Botfield B.* Prefaces. P. 219-221.

¹¹³ *Botfield B.* Prefaces. P. 244; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 54.

¹¹⁴ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. II. P. 396; Orthographia et flexus dictionum Graecarum omnium apud Statium cum accentib. et generib. ex variis utriusque linguae auctorib. Venetiis: in academia Aldi Ro. Mense Novebmri MDII. Fol. A II.

¹¹⁵ *Фонкич Б.Л.* О рукописной основе текста Альдовского издания трагедий Софокла // ВВ. 1964. Т. 24. С. 109-120.

¹¹⁶ *Tessier A.* La prefazione al Sofocle aldino: Triclinio, Andronico Callisto, Besarione // Letteratura e riflessione sulla letteratura nella cultura classica. Atti del Convegno. Pisa, 7-9 giugno 1999 / a cura di G. Arrighetti – M. Tulli. Pisa, 2000. P. 348-355.

¹¹⁷ Об Иоанне Григоропуле см.: *Kaklamanis St.* Giovanni Gregoropulo. P. 105-125.

¹¹⁸ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. II. P. 269-271. Ep. 3.

- ¹¹⁹ Ibid. P. 272. Ep. 6.
- ¹²⁰ *Manoussacas M.* Una prefazione greca inedita di Giovanni Grigoropulos per una edizione veneziana del 1498 // *Bisanzio e l'Italia: Raccolta di studi in memoria di A. Pertusi.* Milano, 1982. P. 220-221.
- ¹²¹ См.: *Hinz V.* Vorbemerkungen zur Neuedition der Phalarisbriefe: Die Epistula ad Athenienses in einer unbeachteten Übersetzung L. Biragos für Alphons I. von Neapel // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 1995. Vol. 108. P. 59-68; *Рязанов П.А.* Тиран или софист: восприятие подложных писем акрагантского тирана Фалариса в XV-XVII вв. // *СВ.* 2011. Вып. 72 (3-4). P. 232-255.
- ¹²² *Botfield B.* Prefaces. P. 222.
- ¹²³ *Proctor R.* Printing of Greek. P. 114-116.
- ¹²⁴ *Manoussacas M.* Una prefazione greca inedita di Giovanni Grigoropulos. P. 218-228.
- ¹²⁵ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 55-57.
- ¹²⁶ *Botfield B.* Prefaces. P. 226; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 59.
- ¹²⁷ *Proctor R.* Printing of Greek. P. 21, 117-126.
- ¹²⁸ *Botfield B.* Prefaces. P. 225; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 58-59.
- ¹²⁹ *Botfield B.* Prefaces. P. 226; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 59.
- ¹³⁰ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 62.
- ¹³¹ Ibid. P. 72.
- ¹³² Ibid. P. 74.
- ¹³³ *Firmin-Didot A.* Alde Manuce. P. 516-517. Ep. 5.
- ¹³⁴ Ibid. P. 518-519. App. 6.
- ¹³⁵ В письме к Иоанну Григорулу от 12 апреля 1501 г. Каллиерги сообщает, что приехал в Венецию, чтобы перевести семью в Падую; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. II. P. 297. По предположению Д.Дж. Джанакоплоса, Каллиерги вернулся из путешествия на Крит; *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. P. 209.
- ¹³⁶ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 94-96.
- ¹³⁷ Ibid. P. 97.
- ¹³⁸ *Proctor R.* Printing of Greek. P. 118.
- ¹³⁹ Издание греческих книг в Риме началась сравнительно поздно. До приезда Каллиерги единственной работой, отпечатанной греческим и латинским шрифтом, была брошюра под названием “Маленький прекрасный труд для изучения греческого языка” (*Operetta bellissima da imparare la lingua greca*), составленный Паоло Энеа (типографы Étienne Guillery и Ercole Nani, 1510): *Le prime edizioni greche.* P. 33-44.
- ¹⁴⁰ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 129-130.
- ¹⁴¹ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 134-136 (Феокрыт), P. 150-153

(Фома Магистр), P. 153 (Фриних), P. 172-173 (“Осмогласие”), P. 174 (“Erothemata”), P. 174-178; Vol. II. P. 210-211 (“Horae in laudem Beatissimae Virginis”).

¹⁴² О Каллиерги см., в частности: *Geanakoplos D.J. Zacharias Calliergis: Cretan Calligrapher and Founder of the Greek Press in Medici Rome // Idem. Greek scholars in Venice. P. 201-222; Mioni E. Calliergi, Zaccaria // DBI. 1973. Vol. 16. P. 750-753. О переписанных им кодексах: Chatzopoulou V. L'étude de la production manuscrite d'un copiste de la Renaissance au service de l'histoire des textes: le cas du Crétois Zacharie Calliergis // Revue d'Histoire des Textes. 2017. N.S. T. VII. P. 1-36; Vogel M., Gardthausen V. Die griechischen Schreiber. S. 125-126.*

¹⁴³ *Botfield B. Prefaces. P. 266; Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 81-82.*

¹⁴⁴ При подготовке части печатного текста была использована рукопись Pap. Suppl. gr. 393, выполненная рукой брата Иоанна Григорулу – Мануила и содержащая три трагедии Еврипида: “Текуба”, “Орест” и “Финикиянки”: *Tessier A. Un metodo filologico in atto? L'Euripide del 1503, le Baccanti e la (apparente) riscoperta della responsione strofica // Manuciana Tergestina et Veronensia, Graeca Tergestina. Studi e testi di Filologia greca. 2015. Vol. 4. P. 197-218; Wilson N.G. From Byzantium to Italy. P. 141.*

¹⁴⁵ О вероятном участии Григорулу в подготовке альдовских изданий Софокла, Еврипида и Геродота см.: *Kaklamanis St. Giovanni Gregoropulo. P. 115-116, 117.*

¹⁴⁶ *Botfield B. Prefaces. P. 257-258.*

¹⁴⁷ *Nolhac P. de. Les correspondants d'Alde Manuce. Matériaux nouveaux d'histoire littéraire (1483-1514). Rome, 1888. P. 51.*

¹⁴⁸ *Oleroff A. Conon et Grégoropoulos. P. 105.*

¹⁴⁹ *Kaklamanis St. Giovanni Gregoropulo. P. 121.*

¹⁵⁰ *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 18-19. Это обещание Аристоклеса Апостолия так и не смог исполнить. “Иония” была впервые напечатана в Базеле в 1538 г. под названием “Пословицы” (Παροιμίαι): Ibid. Vol. III. P. 373. См. также: *Barker N. Aldus Manutius and the Development of Greek Script and Type in the Fifteenth Century. New York, 1992. P. 17; The Aldine Press: Catalogue. P. 49-50.**

¹⁵¹ *Botfield B. Prefaces. P. 209.*

¹⁵² См. письмо Аристоклеса Апостолия Иоанну Григорулу: *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. II. P. 338. Ep. 3. Также: Barker N. Aldus Manutius. P. 17; Geanakoplos D.J. Greek scholars in Venice. P. 174-175.*

¹⁵³ *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 169-171. Этому изданию предшествовала публикация собрания извлечений из разных авторов под названием “Редкий дар ученым”, в которую Апостолий включил написанный им диалог между книготорговцем и библиофилом (1519): Ibid. P. 166-*

168. Также: *Firmin-Didot A.* Alde Manuce. P. 570-571.

¹⁵⁴ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. II. P. 156-157.

¹⁵⁵ Пселл, Влеммид, Пахимер (*Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 209-211); сочинение “о четырех математических дисциплинах: арифметике, музыке, геометрии и астрономии” (*Ibid.* P. 212-215); Мануил Фил (*Ibid.* P. 215-218); схолии к семи трагедиям Еврипида (*Ibid.* P. 219-224); Алкиной (*Ibid.* P. 224-225). Также: *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. P. 193-199.

¹⁵⁶ О биографии Михаила Триволиса, в частности, см.: *Denissoff E.* Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris; Louvain, 1943; *Клибанов А.И.* К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека // ВВ. Т. 14. С. 148-174; *Синицына Н.В.* Максим Грек. М., 2008; *Её же.* Новые данные об итальянском периоде жизни преп. Максима Грека // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 193-199.

¹⁵⁷ *Speranzi D.* Michele Trivoli e Giano Lascari. Appunti su copisti e manoscritti greci tra Corfù e Firenze // Studi Slavistici. 2010. Vol. 7. P. 275-282.

¹⁵⁸ Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1911. Часть III: Разные сочинения. С. 127-132.

¹⁵⁹ Там же. Часть II. С. 280.

¹⁶⁰ Опубликованы И. Денисовым (*Denissoff E.* Maxime le Grec. P. 396-403) и Э. Леграном (*Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. II. P. 301-303). Русский перевод см. в: *Клибанов А.И.* К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека. С. 164-167.

¹⁶¹ *Denissoff E.* Maxime le Grec. P. 398.

¹⁶² *Harlfinger D.* Codices Cremonenses Graeci // I manoscritti greci tra riflessione e dibattito: Atti del V Colloquio internazionale di paleografia greca, Cremona, 4-10 ottobre 1998 / a cura di G. Prato. Firenze, 2000. P. 763-769.

¹⁶³ *Denissoff E.* Maxime le Grec. P. 400-402.

¹⁶⁴ *Ibid.* P. 402-404.

¹⁶⁵ *Belloni C.* Lettere greche inedite di Marco Musuro (cod. Ambr. D 137 suss. 41-41bis) // Aevum. 2002. Anno 76. Fasc. 3. P. 651-654.

¹⁶⁶ *Синицына Н.В.* Максим Грек. С. 76-82.

¹⁶⁷ *Denissoff E.* Maxime le Grec. P. 404-406. Издатель датировал их 1504 г. (*Ibid.* P. 95-96), однако, как показала Н.В. Синицына, они были написаны на год раньше: *Синицына Н.В.* Максим Грек. С. 76-81. Перевод писем: *Клибанов А.И.* К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека. С. 167-168.

¹⁶⁸ *Буланин Д.М.* Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л., 1984. С. 198-199 (текст двух редакций с разночтениями); *Геннади Г.* О типографском знаке альдинских изданий (Из сочинений Максима Грека) // Библиографические записки. 1858. Т. I. № 6. Стб. 185.

- ¹⁶⁹ The Aldine Press: Catalogue. P. 84-96; *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 139-144.
- ¹⁷⁰ См. о нем: *Geanakoplos D.J.* Demetrius Ducas: Cretan Pioneer of Hellenic Studies in Spain and an Editor of the Polyglot Bible // *Idem.* Greek scholars in Venice. P. 223-255.
- ¹⁷¹ *Botfield B.* Prefaces. P. 281-282; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 92-93.
- ¹⁷² *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. P. 233, not. 39.
- ¹⁷³ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 112-118. Также: *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. P. 238 sq.
- ¹⁷⁴ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 118-121.
- ¹⁷⁵ *Ibid.* Vol. I. P. 192-194.
- ¹⁷⁶ *Ibid.* Vol. I. P. 194; Vol. II. P. 317.
- ¹⁷⁷ *Botfield B.* Prefaces. P. 284.
- ¹⁷⁸ *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 147.
- ¹⁷⁹ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. CXXIV.
- ¹⁸⁰ *Botfield B.* Prefaces. P. 286-296; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 101-112. По предположению Н.Г. Уилсона, при подготовке печатного текста могли использоваться манускрипты из библиотеки Виссариона Марс. gr. Z. 186 и 187, а также Par. gr. 1810: *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 151.
- ¹⁸¹ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. CXVII; *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 152-153. Ср. также с характером корректуры альдовского текста Софокла: *Фонкич Б.Л.* О рукописной основе Софокла. С. 110-112.
- ¹⁸² *Botfield B.* Prefaces. P. 305; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 124.
- ¹⁸³ *Botfield B.* Prefaces. P. 302-303.
- ¹⁸⁴ *Botfield B.* Prefaces. P. 311; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 128.
- ¹⁸⁵ *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 131-133, особ. 133.
- ¹⁸⁶ *Ibid.* P. 136-143.
- ¹⁸⁷ *Botfield B.* Prefaces. P. 311-317; *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 143-150. Также: *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. P. 158; *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 154-155.

ГЛАВА V.

Греческие ученые в интеллектуальном пространстве итальянского Возрождения

Рассмотрение влияния греко-византийских ученых на итальянскую гуманистическую мысль уместно начать с области философии. Как было отмечено выше, в XV в. на Западе возникает потребность не только в новых гуманистических переводах, но и в преподавании греческих авторов по оригинальным текстам. Средневековая наука уже располагала почти всем корпусом аристотелевских сочинений, однако это были дословные схоластические переводы с греческого или арабского. Платоновское же наследие оставалось слабо знакомым латинскому читателю, несмотря на латинские версии «Тимея», «Федона» и «Менона». Ранний гуманистический интерес к Платону был своего рода ответом аристотелизму схоластов. Так, в трактате «О своем собственном и многих других невежестве» (*De sui ipsius et multorum ignorantia*) Петрарка со ссылкой на авторитет св. Августина утверждал, что платоновская философия ближе к христианскому учению, нежели аристотелевская¹, а в «Триумфе славы» поставил Платона во главе процессии великих авторов древности, отдав Стагириту второе место². В первой половине кватроченто новые переводы платоновских сочинений были выполнены Леонардо Бруни, Ченчо де Рустичи, Ринуччо Аретино, Франческо Филельфо, Антонио Кассарино, Уберто и Пьером Кандидо Дечембрио. Впрочем, существовала опасность, что Платон, в отличие от Аристотеля, подвергнется осуждению католической Церкви, поскольку в ряде платоновских диалогов содержались идеи, вступающие в противоречие или трудно согласуемые с христианством (как например, учение об идеях, сотворение мира из предвечной материи, предсуществование и переселение душ, а также отдельные положения и суждения, представляющие угрозу для христианской нравственности,

будь-то общность жен в идеальном государстве или тема платонической любви). Вполне закономерно, что вопрос реабилитации Платона в глазах Церкви становился все более актуальным по мере знакомства гуманистов с оригинальными произведениями. В предисловиях к «Федону» и «Горгию» Бруни провозглашал, что платонизм может быть согласован с христианством во многих отношениях, но особенно в учении о душе и о сотворении мира Единым Богом³. Пьер Кандидо Дечембрио сопровождал пересмотренную версию «Государства» письмами, предисловиями и замечаниями, в которых выстроил развернутую защиту Платона от обвинений в несоответствии его учения нормам христианской морали. В тех случаях, когда отдельные мысли, высказанные философом в пятой книге, явно противоречили учению Церкви (общность жен и детей, намеки на аборт и детоубийство), Дечембрио намеренно перевёл эти места или двусмысленно, или предельно нейтрально⁴.

Статус Флоренции как центра итальянского платонизма существенно повысился после визита на объединительный церковный Собор знаменитого византийского неоплатоника Гемиста Плифона. На основании сообщений Сиропула можно прийти к выводу, что на Соборе Плифон выражал точку зрения ортодоксально настроенных делегатов⁵. Однако, если верить Георгию Трапезундскому, в неофициальной обстановке он говорил о скором торжестве некой новой религии, грядущей на смену христианству и исламу⁶, под которой Плифон подразумевал собственное эзотерическое религиозно-философское учение, созданное на основе переосмысленного античного политеизма. Это учение известно нам по уцелевшим фрагментам плифоновского трактата «Законы», сожженного уже после смерти автора патриархом Геннадием Схоларием⁷.

Во Флоренции Плифон действительно участвовал в званых приемах и ученых дискуссиях. Марсилио Фичино в посвящении Лоренцо Великолепному своего комментария на Плотина вспоминал о беседах Козимо де' Медичи с мудрым

Гемистом: «Великий Козимо, по постановлению Сената отец отечества, при котором под началом папы Евгения во Флоренции был созван Собор греков и латинян, часто слушал, словно второго Платона, греческого философа по имени Гемист, по прозванию Плифон, рассказывавшего о платоновских таинствах. Он был до того взволнован его речами, до того вдохновлен и воодушевлен, что с тех пор замыслил своим возвышенным умом создать некую Академию, как только будет подходящее время. Затем, когда у этого великого Медичи созрел такой замысел, он предназначил для воплощения столь великого дела меня, сына его избранного медика Фичино, в то время ещё мальчика, и с этой целью воспитывал меня изо дня в день»⁸. Провозгласив Гемиста своего рода духовным отцом Академии в Кареджи, Фичино провел линию преемственности от первого Платона ко «второму» и далее к сообществу флорентийских неоплатоников⁹. При этом влияние самого Плифона на Фичино было лишь опосредованным. Флорентиец обладал кодексом Firenze, Riccardiana 76, содержащем шесть плифоновских произведений («О расхождении», ответ Схоларию на его защиту Аристотеля, «О добродетелях», «О судьбе», две монодии: на смерть деспины Клеопы Малатесты и императрицы Елены Палеологины)¹⁰. П.О. Кристеллер приписал авторству Фичино обнаруженный им анонимный латинский перевод плифоновского комментария на «Халдейские оракулы»¹¹. Это дает основания для гипотезы, что Фичино перестроил последовательность «древних богословов» (*prisca theologia*) под влиянием Плифона: в упомянутом предисловии к Плотину (изд. в 1492 г.) он отдал первое место Зороастру и переместил Гермеса (Меркурия) Трисмегиста на второе, тогда как во введении к ранее выполненному переводу «Поймандра» (1463) Фичино начал историю благочестивой философии (*prisca philosophia*) именно с Гермеса¹². В ответе Схоларию Плифон называл Зороастра старейшим из древних философов и законодателей, а также автором «Халдейских оракулов»¹³.

В том же ответе Плифон сообщил Схоларию, что во время пребывания во Флоренции он общался с двумя итальянскими учеными. Первый – Петр Калабрийский (Πέτρος ὁ Καλαβρῶς) – знал оба языка и признавался ему, что латинские комментаторы Стагирита намного уступают греческим в том, что касается правильного понимания мысли философа. Второй – Уго (Οὔγων) Бенчи – входил в число мудрейших из находившихся там латинян: недовольный тем, как толковалось одно из мест в трактате Аристотеля «О возникновении и уничтожении», он обратился к Плифону за разъяснениями и согласился с его интерпретацией¹⁴. Под именем Петра Калабрийского, как уже давно установлено, скрывается аббат монастыря Гроттаферрата Пьетро Витали¹⁵. Сиенский гуманист Уго Бенчи в то время проживал в Ферраре и во Флоренцию, кажется, не ездил. Сохранились описания обеда, который он устроил для своих гостей – греков и латинян. Среди присутствовавших были сын хозяина Социно (Sozino, Socino) Бенчи и Эней Сильвий Пикколомини (будущий папа Пий II), которые сообщили об этом событии некоторые подробности. Социно рассказывал, как его отец принимал у себя прославленных греческих и латинских философов и после обеда развлекал их интеллектуальными беседами: «когда они выслушали его рассуждения о причинах и началах вещей, о движении небес, о вечности мира, о бессмертии душ, о познании и о Боге, то были настолько удивлены, что отдали ему первое место среди философов и все наперебой заявляли, что никогда и нигде не слышали того, кто так учено и так легко рассуждал о философии»¹⁶. Согласно Пикколомини, после обеда Уго «постепенно и тихо склонил греков к дискуссии». В присутствии феррарского маркиза Никколо д'Эсте и многих превосходных философов, приехавший на Собор, он выявил все философские проблемы, «по поводу которых Платон и Аристотель, кажется, спорили между собой в своих трудах и сильно расходились во мнениях, заявив, что он будет защищать ту сторону, которую греки посчитают нужным опровергнуть: решат ли они

следовать Платону или Аристотелю. Когда греки согласились на состязание, диспут затянулся на многие часы. В конце концов, когда Уго, король застоля, своими аргументами и красноречием победил и поверг в молчание греческих философов одного за другим, стало ясно, что латиняне, которые уже давно превзошли греков в искусстве войны и славе оружия, в наше время опередили их также в словесности и во всяком роде наук»¹⁷. Вполне вероятно, что встреча Плифона и Бенчи состоялась именно тогда. Вывод Пикколомини о безоговорочной победе Уго вызывает сомнения. Дискуссия, скорее всего, велась на латыни, и греки, даже если они не играли роль учтивых слушателей, вряд ли могли продемонстрировать чудеса красноречия. Кроме того, оспаривать ученость хозяина банкета им не позволял и дипломатический этикет.

В своем географическом трактате Плифон также упомянул о Паоло Тосканелли, с которым он общался во Флоренции¹⁸. Знакомство с философом завязал и Филельфо. В письме к Плифону от 1 марта 1441 г. он вспоминал о том положительном впечатлении, которое произвел на него византиец в Болонье. Как показал К.М. Вудхаус, Плифон проехал через этот город, уже возвращаясь на родину, что подтверждается и датой греческой эпиграммы, сочиненной гуманистом в честь Гемиста – 16 августа 1439 г., то есть вскоре после их встречи¹⁹. Круг остальных итальянских знакомых и слушателей Плифона определяется в основном гипотетически²⁰. Исключением является Леонардо Бруни. Несмотря на отсутствие прямых свидетельств, указывающих на их контакты во время Собора, некоторые подтверждения тому, как будет отмечено ниже, все же имеются. В частности, Дж. Хэнкинс нашел во флорентийском государственном архиве документы, из которых следует, что оба ученых проживали во Флоренции по соседству: Бруни расположился на *via Anguillara* в доме, смежном с *Casa dei Peruzzi*, где разместились византийские делегаты Собора, включая самого Гемиста²¹.

Во Флоренции Плифон взялся за написание трактата «О

расхождении Аристотеля с Платоном» (*Περὶ ὧν Ἀριστοτέλης πρὸς Πλάτωνα διαφέρειται, De differentiis Platonis et Aristotelis*)²². Как видно, из темы дискуссии, предложенной Уго Бенчи, эта проблема занимала некоторых итальянских гуманистов. Вскоре после окончания Собора Лоренцо Валла завершил труд «Перекапывание диалектики и философии» (*Disputationes dialecticae*), в котором выступил с критикой схоластики и Аристотеля, как её главного столпа. Впрочем, философия Платона ещё не использовалась в качестве оружия, направленного против Стагирита, и сопоставление учений двух философов делалось Валлой лишь эпизодически, в том числе на основании комментария Макробия на «Сон Сципиона»²³. В ответе Схоларию Плифон кратко упомянул об обстоятельствах создания трактата: «Эта работа не была написана мной с особым тщанием, просто во время моей болезни во Флоренции, как ты и сам знаешь, когда в течение многих дней я не мог выходить из дома и, конечно, скучал, я написал её, чтобы скрасить свою скуку и вместе с тем доставить приятное тем, кто интересовался Платоном»²⁴.

Плифон начал трактат с утверждения, что в прежние времена как греки, так и римляне (в том числе, византийцы) ценили Платона намного выше, чем Аристотеля, однако ныне многие предпочитают последнего, что в особенности заметно на Западе. Плифон объяснял это влиянием Аверроэса, который убеждал, что Аристотель создал совершенный по мудрости труд о природе, но в отличие от него этот араб пришел к удивительному по своему невежеству заключению о смертности души. П.О. Кристеллер считал, что антиаристотелизм Плифона был отнюдь не типичен для византийской традиции, и объяснял его реакцией византийского неоплатоника на тот «исключительный аристотелизм», с которым он столкнулся среди латинских богословов и который показался ему чрезмерным²⁵. На протяжении всего трактата Плифон подробно перечислил ошибочные или противоречивые суждения Стагирита, продемонстрировав тем самым превосходство

философии Платона. Он критиковал представление Аристотеля о Боге как о двигателе неба, противопоставляя этому платоновское понимание Бога как творца вселенной; выявил слабость аристотелевских аргументов в пользу омонимии (одноименности) сущего; опроверг мнение Аристотеля о том, что общее в вещах ниже частного; рассмотрел недостатки его учений о душе, о добродетели, о конечной цели; подверг критике его космологию за введение в неё пятого элемента (эфира), а также за объяснение причины солнечного тепла движением самого светила. Он показал ошибочность доводов Стагирита о том, что природа и искусство действуют с целью, но без разумения; выразил мнение, что Аристотель, следуя за Анаксагором, склоняется к атеизму; выявил ошибки в его суждении о том, что некоторые вещи совершаются без причины, а также сделал некоторые другие замечания. Значительная часть трактата была посвящена критике аристотелевской теории форм и защите платоновского учения об идеях. В заключении Плифон упрекнул Аристотеля в том, что тот опровергает и унижает всех своих предшественников и, даже когда изредка использует их аргументы, не хочет быть в этом уличенным: такое поведение в обычае у софистов, но чуждо философам. Платон же, наоборот, прямо указывает, за кем он следует, а кому возражает. Так, в конце работы по логике («О софистических опровержениях») Аристотель утверждает, что учение об умозаклчениях – полностью его изобретение и до него не существовало. Однако ранее Архит Тарентский написал сочинение по логике, которым пользовался и сам Стагирит, а Платон, изложивший основные принципы этого учения и везде использовавший понятия логики, говорил о логическом методе как об уже существующем. Трактат «О расхождениях» предназначался для итальянцев, но в силу сложности самого предмета, к тому же изложенного на греческом языке, лишь немногие латиняне могли оценить его по достоинству. За разъяснениями к автору обращались и греки – Виссарион и Иоанн VIII Палеолог.

Своим трактатом ученый из Мистры дал импульс полемике о достоинствах Платона и Аристотеля, которая не только оживила интеллектуальную жизнь поздней Византии, но и способствовала популяризации платоновской философии на Западе²⁶. В конце 1443 или начале 1444 г. Геннадий Схолярый написал в защиту Стагирита трактат, адресованный деспоту Константину Палеологу. Он выступил против суждения Плифона, что греки прежде предпочитали Платона, тогда как, по его мнению, большинство либо отдавало первенство Аристотелю, либо рассматривало обоих философов как равновеликих. На Западе же настоящие знатоки философии не разделяли взглядов итальянских платоников, которые смыслили в философии столько же, сколько Гемист в хореографии. Особенно серьезно Геннадий отнесся к опровержению тезиса Плифона о том, что Стагирит не признавал сотворения мира Богом. Схолярый считал, что аристотелевское учение согласуется с христианским в большей мере, нежели платоновское. Язык Платона поэтичен и метафоричен. Аристотель же более научен и строг в изложении своих мыслей. Именно он заложил фундамент естественной философии и этики, основы которых содержатся в работах Платона лишь в ограниченной степени²⁷.

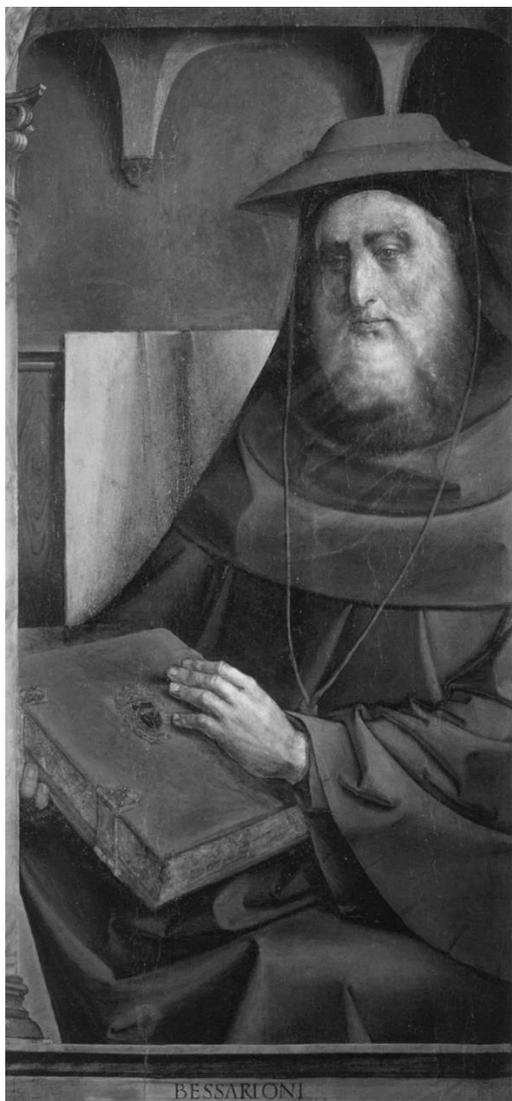
Плифон получил сочинение Схолария несколько лет спустя, благодаря Михаилу Апостолию, после чего опроверг доводы оппонента в ответном трактате. По его убеждению, во время пребывания в Италии Схолярый избегал общения с авторитетными латинскими учеными и поэтому не знал, что те из них, которые уже вкусили платоновской философии, предпочитали её учению Аристотеля. Отсутствие у Платона системного изложения наук было связано с тем, что он преподавал их ученикам в устной форме. Его философия восходила к самому Зороастру, жившему за пять тысяч лет до Троянской войны. Аристотель же в своем стремлении создать собственное учение, отличное от платоновского, искажил записанные идеи учителя и присвоил себе те его доктрины, что были изложены устно, причем часто понимал их превратно.

Опровергая утверждение о большей близости аристотелизма к христианскому учению, Плифон сослался на авторитет ранних Отцов Церкви, отметив, что именно учение Платона согласуется с христианской доктриной божественного провидения. Наконец, он вновь привел доводы в пользу того, что Аристотель склоняется к атеизму²⁸. Хотя Схоларий не стал отвечать на это сочинение, его ученик Матфей Камариот составил две речи против краткого трактата Гемиста «О судьбе» (фактически шестой главы второй книги плифоновских «Законов»), в которых опровергал его представления о свободе воли и необходимости как несоответствующие христианскому вероучению²⁹. Детерминизм Плифона критиковал и Феодор Газа, посвятивший этому вопросу сочинение «О вольном и невольном» (Περὶ ἐκούσιου καὶ ἀκούσιου, De voluntario et involuntario)³⁰. Как уже отмечалось, латинский перевод плифоновского трактата «О судьбе» выполнил Иоанн Софианос, посвятивший его Николаю Кузанскому³¹.

В конце 1450-х гг. Виссарион выступил в поддержку аристотелевского понятия сущности (οὐσία, substantia), которое было подвергнуто критике в трактате «О расхождении»³². Монах Исаия, ознакомившись с заметкой Виссариона, попросил Феодора Газу рассмотреть этот вопрос более обстоятельно. В ответ ученый составил краткое опровержение плифоновских суждений (Πρὸς Πλήθωνα ὑπὲρ Ἀριστοτέλους, Adversus Pletthonem pro Aristotele de substantia)³³. На этом этапе в полемику вступил Михаил Апостолий, отправивший своему покровителю Виссариону трактат против Газы³⁴, однако, вопреки его ожиданиям, кардинал не оценил ни тон, ни содержание сочинения, но посоветовал автору быть умнее и воздержаться от выпадов против Феодора («первого среди нынешних греков») и тем более Аристотеля³⁵. При этом Виссарион поддержал Андроника Каллиста, написавшего против Апостолия трактат в защиту позиции Феодора Газы (последний приходился Каллисту двоюродным братом)³⁶. Благоприятный отзыв на

эту работу дал и Николай Секундинос³⁷. Димитрий Халкокондил также решил начать полемику с Апостолием относительно доводов Газы, о чем известно из ответного сочинения Михаила³⁸. На этом обсуждение данной проблемы закончилось.

Ещё одним предметом спора стал вопрос о разумности действия природы и искусства. В трактате «О расхождении» Плифон опровергал мнение Аристотеля, что искусство, как и природа, хотя и имеет цель, но не проявляет разумной воли (ἡ τέχνη οὐ βουλευέται, «искусство не обсуждает»: Phys. 199b 28), и соглашался с Платоном, считавшим, что природа и искусство действуют разумно³⁹. Первым позицию Плифона оспорил Феодор Газа. Он представил свою работу на суд Виссариона⁴⁰, который возразил ему в довольно кратком эссе, что Стагирит верил в разумность действия искусства, а следовательно, и природы⁴¹. Сочинение кардинала попало в руки Георгия Трапезундского. В письме к Исаие он оспорил тезис Виссариона и поддержал мнение Аристотеля. При этом Георгий предпочел объявить, что автором эссе является не сам кардинал, а Феодор Газа⁴². Прочитав это письмо, Виссарион написал развернутый трактат «De natura et arte» (Εἰ ἡ φύσις καὶ ἡ τέχνη βουλευόνται ἢ οὐ), в котором попытался примирить суждения обоих философов. По его мнению, позиции Платона и Аристотеля не противоречили друг другу. Отличия в их взглядах заключались лишь в том, что они подходили к проблеме разумной деятельности природы с разных точек зрения. Виссарион признавал суждения Стагирита справедливыми в том смысле, что они были ограничены областью физики. Платон же, рассматривая проблему метафизически, полагал, что для познания природы необходимо изучить высшую причину её деятельности, которая находится вне самой природы и делает её действие разумным⁴³.

*Илл. 33. Портрет Виссариона, ок. 1480 г.
Предположительно, работа Педро Берругете (1450-1504)
на основе эскиза Юстуса ван Гента. Париж. Музей Лувра.*

Пока дискуссия о Платоне и Аристотеле велась по-гречески, она не выходила за пределы довольно ограниченного интеллектуального сообщества, ядро которого составляли греко-византийские ученые. Ситуация изменилась, когда Георгий Трапезундский повел наступление на Платона по-латински. В 1456 г. он написал трактат «*Protectio Aristotelis Problematum*» против Феодора Газы с критикой его латинской версии аристотелевских «Проблем», в котором обвинил ученого в искажении философии Стагирита, в отрицании ценности средневековых переводов и, как следствие, в ниспровержении авторитета опиравшейся на них схоластической науки⁴⁴. Интеллектуальный спор был омрачен и сильной личной обидой Георгия. Он обвинял в ухудшении своего положения в Риме Виссарiona, занявшего по отношению к нему явно недоброжелательную позицию, и Газу, пытавшегося разрушить его репутацию переводчика.

В 1458 г. Георгий завершил трактат «Сопоставление философов Аристотеля и Платона» (*Comparatio philosophorum Aristotelis et Platonis*), ознаменовавший наступление финальной и заключительной стадии известной контрверсии⁴⁵. Несмотря на выполненные им переводы платоновских диалогов «Парменид» и «Законы», Георгий уже избавился от своих юношеских симпатий к Платону. Так, работая над латинской версией «Законов», он оставил на листах рабочей рукописи (Torino. BN. G. II 36, fol. 30r-v) ругательные комментарии о вздорности и порочности философа: «*Ve virum inertum!*» «*Vide. Quanta levitas!*» «*Stultus homo!*»⁴⁶. В «Сопоставлении» Георгий вспоминал, что испытал глубокую неприязнь к Платону, когда нашел в диалоге «Горгий» его нелестные отзывы о четырех афинских героях – Перикле, Кимоне, Мильтиаде и Фемистокле:

«То, о чем я намереваюсь сейчас сказать, всегда казалось мне существенным, поскольку (признаюсь) я возненавидел Платона с юности и более всего по одной только этой причине, и я решил, если мне представится удобный случай,

написать, насколько позволят мои ораторские способности, что-нибудь против Платона в защиту освободителей Греции. Но, пожалуй, лучше повторить все ранее сказанное. Когда молодым человеком я прибыл в Италию, то освоил первые начала латинского языка у Витторино да Фельтре, человека исключительного по своей учености и праведности жизни, а он, в свою очередь, почерпнул от меня столько познаний в греческом, сколько я смог ему дать. Тогда я впервые прочитал и объяснил ему платоновского “Горгия”, тогда я осознал преступность платоновских нравов, и как же мне тогда не испытывать ненависти к Платону, когда я узнал, что он враг всего хорошего (*bonorum omnium hostis*)?»⁴⁷

Платон занял центральное место в эсхатологии Георгия Трапезундского, возложившего на него ответственность за разращение всего греко-римского мира. Благодаря Платону, а также «его ученику и последователю» Эпикуру платонизм обрел сторонников по всей империи ко времени Нерона, чему способствовало и широкое распространение греческого языка⁴⁸. Разрушающее влияние платонизма сказалось и на византийской цивилизации. Будучи обращенным католиком, Георгий считал аристотелизм опорой схоластического богословия, тогда как платоновская философия ассоциировалась у него с православным вероучением: он видел в ней главное препятствие на пути объединения церковей и, как следствие, спасения Греции от турок. Он находил влияние платонического субординационизма (неравнозначности трех начал: Единого, Ума и Души), не только у раннехристианских ересиархов – Ария и Евномия, но и у греческих схизматиков, отрицавших католический догмат о *filioque*, в том числе у последователей Григория Паламы⁴⁹. В своей ранней работе «Об исхождении св. Духа» Георгий даже обвинил Паламу в том, что он вверг греческую церковь в эллинское многобожие⁵⁰. Платонизм был объявлен им причиной всех бед восточного христианства, тогда как католическая церковь защитилась от них щитом ари-

стотелевской философии⁵¹: по его мнению, «всякое еретическое извращение и всякое несчастье греков были порождены платоновыми писаниями, латиняне же, напротив, получили наибольшую поддержку от Аристотеля»⁵².

Новое воплощение Платона Георгий увидел в Магомед, который был наставлен в платонизме неким священнослужителем, изгнанным из Александрии за нарушение христианского благочестия⁵³. От этого учителя он перенял красноречие, гедонизм и представление о добродетелях. Учение Магомета было отчасти враждебно христианскому, отчасти согласно с ним: он признавал авторитет Моисеевых писаний, принимал догмат о непорочном зачатии Христа и был знаком с догматом о Троице, но при этом отрицал крестную смерть Спасителя и его богочеловеческую природу. Оказавшись более хитрым (*astutior*), чем Платон, Магомет не стал копировать его законы, отверг изложенные в них аморальные идеи и установил более разумные правила поведения. В результате он намного превзошел самого родоначальника учения: у Платона никогда не было ни области, ни города, ни поместья, ни десяти человек в одном и том же месте, согласных между собой, лишь неуверенные, разобщенные и рассеянные последователи его секты, мнимые враги наслаждения. В отличие от него, Магомет присоединял область за областью, опустошая, уничтожая или обращая в свою веру. Всего за двести лет между царствованием Ираклия I и правлением Карла Великого мусульманам удалось овладеть Азией, Африкой и Европой. И хотя Карл, по словам Георгия, изгнал их из Европы, ныне Магомет вновь владеет другой её частью⁵⁴.

Однако христианский мир ждала ещё большая опасность: «уже рожден для нас и вскормлен второй Магомет, - писал Георгий о Плифоне, - который, если мы заранее не побеспокоимся, будет настолько пагубнее (*exitiosior*) первого, насколько сам Магомет был опаснее Платона». Он написал очень обстоятельно и красноречиво новые установления для жизни, в которых многое было направлено против католического

благочестия. Как ярый платоник, Плифон не признавал истинным ничего отличного от мнения Платона о богах, о душе, о жертвоприношениях богам или демонам и обо всем остальном, как большом, так и малом. «Я слышал, - свидетельствовал Георгий, - как он сам утверждал во Флоренции (куда он приехал на Собор вместе с греками), что спустя несколько лет весь мир единодушно, единомысленно и единогласно примет одну и ту же религию. И когда я спросил, христианскую или магометанскую? – он ответил: ни ту, ни другую, но не имеющую отличия от языческой. Возмущенный этими словами, я навсегда возненавидел его и страшился, как ядовитой гадюки, и не мог больше его ни видеть, ни слышать. Я также узнал от некоторых греков, бежавших сюда из Пелопоннеса, что он сам открыто говорил перед своей кончиной (а с тех пор минуло уже около трех лет), что вскоре после его смерти падёт и Магомет, и Христос и что подлинная истина засияет до самых пределов мира». «Рожденный христианином и возрожденный водой и Духом Святым, он вследствие безумия впал в язычество», и если бы его «Законы» не были преданы огню, они принесли бы большее несчастье человеческому роду, чем Магомет⁵⁵.

Георгий признавал Гемиста более авторитетным во всем, что касалось знания, красноречия и обмана, таким же казался ему и учитель Магомета. Он утверждал, что видел и читал молитвы Плифона к солнцу: «в этих гимнах он так восхваляет и почитает творца всего мира со столь изящным построением слов, приятной ритмичностью и звучной выразительностью, подобающей высокому достоинству предмета, что, кажется, ничего нельзя добавить, но, воздавая божественные почести солнцу, он выражается так осторожно, что даже самые ученые люди, прочитав их неоднократно с бóльшим вниманием, не смогут обнаружить в них ничего недостойного. И что же нам тогда думать об этих книгах, написание которых он положил целую жизнь, обратив на них весь свой дух, все

своё радение, весь труд, усердие и неусыпную заботу?»⁵⁶ По-сему Георгий просил понтификов, прелатов и тех, кому следовало оберегать и почитать имя Спасителя, не допустить исполнения предсказания Плифона. Со своей стороны он уже сделал все возможное, чтобы четвертый Платон (*quartus iste Plato*) не превзошел третьего (т.е. Плифона) настолько, насколько третий превзошел второго (Магомета), а второй – первого в распространении гедонизма⁵⁷. Дж. Монфазани усмотрел в четвертом Платоне намек на Виссариона, предположив, что Георгий опасался его возможного избрания новым папой и поэтому предостерегал о катастрофических последствиях этого решения для христианского мира⁵⁸.

«Сопоставление» состояло из трех частей. В первой Георгий доказывал, что Платон и платоники в отличие от Аристотеля сильны лишь в красноречии, маскирующем бедность мысли и содержания. Прибегая к иносказаниям, басням и загадкам, Платон, по словам Георгия, пытался скрыть от читателя свое невежество. При этом даже в искусстве речи Стагирит явно превосходил своего учителя, не говоря уже об остальных науках. Георгий подчеркивал отсутствие у Платона системности изложения знаний, в чем невозможно было упрекнуть строго последовательного Аристотеля. Слабость Платона была видна не только в логических и естественных науках, но даже в тех областях, где он признавался авторитетом: в математике, метафизике и моральной философии. Во второй книге Георгий рассмотрел платоновскую и аристотелевскую философии с точки зрения их соответствия христианским догматам. Если Стагирит доказывал существование единого Бога, предвосхитил учения о Троице, о сотворении мира из ничего, о душе и о божьем промысле, то Платон во всем расходился с христианством. Он учил многобожию, идолопоклонству, почитанию демонов, а его теология ничем не отличалась от вымысла поэтов. Он верил в вечное существование первичной материи и посмертное переселение душ в тела животных. Его учение было источником

многих ересей, веками потрясавших христианскую церковь. Наконец, в третьей, заключительной книге Георгий продемонстрировал порочность и развращенность Платона. Он предлагал ознакомиться с «Федром», где философ проповедовал гомосексуальную любовь. Среди законов идеального государства наиболее возмутительными были те, которые касались обобществления жен и детей, а также совместных тренировок в палестрах обнаженных мужчин и женщин. Георгий утверждал, что вместо стабильности и процветания платоновские установления ведут государство к политическому, экономическому и моральному упадку, свидетельством чему является греческая история после смерти Платона. В заключительной главе он призвал всех людей воздать хвалы Аристотелю за его прошлые, настоящие и будущие благодеяния человеческому роду.

В начале 1459 г. Виссарион прочитал копию «Comparatio» и почти сразу приступил к написанию ответного трактата «Против клеветника на Платона» (*In calumniatorem Platonis*)⁵⁹. Это было не единственное полемическое произведение кардинала, направленное против Георгия Трапезундского. Он критиковал его и в сочинении «De natura et arte» (1458), и в работе, посвященной правильности латинского перевода стиха из Евангелия от Иоанна (21:22) в Вульгате. Трактаты Георгия «Protectio Aristotelis Problematum» и «Comparatio» представляли опасность не только для платонизма в Италии, но и для самого Виссариона, так как содержащаяся в них критика неопаганизма Плифона бросала тень и на христианское благочестие его ученика⁶⁰. Первоначально Виссарион написал свою защиту Платона по-гречески и не позднее 1466 г. перевел её на латынь, отправив копию латинской версии венецианскому аристократу Пьетро Фоскари⁶¹. Увидев несоответствие собственного перевода гуманистическим стандартам, Виссарион прибег к помощи Джованни Андреа Бусси, а затем Никколо Перотти. Последний произвел финальную ревизию латинского текста перед его отправкой в печать. В

итоге тяжелый слог кардинала уступил место утонченной латыни Перотти⁶².

В первой главе Виссарион указал на причины, побудившие его к написанию сочинения. Приступая к чтению «Сопоставления», он ожидал найти там сокровища, но обнаружил уголья и ничего, кроме злословия, оскорблений и брани в адрес Платона. Его возмутила несправедливость как по отношению к самому философу, учение которого было представлено противным христианству, так и к святым мужам, всегда прославлявшим Платона и находившим у него подкрепление положений христианского вероучения⁶³. Он опасался, что латиняне получают превратное представление о Платоне, так как они либо не имеют его трудов, либо изредка читают некоторые из них в латинских переводах, причем настолько непонятных и ошибочных, что их едва ли можно читать без раздражения⁶⁴. В отличие от Георгия, который превозносил Аристотеля, но при этом уничижал Платона, Виссарион намеревался продемонстрировать достоинства обоих философов. Направляя читателей к источникам, а не к их превратному толкованию, он наполнил свое произведение цитатами из диалогов Платона и сочинений других греческих авторов, в том числе слабо известных латинскому читателю⁶⁵.

Опровергая тезис о том, что Платон не создал развитой систематизации философских знаний, Виссарион доказывал, что афинский мыслитель говорил о высших материях узкому кругу посвященных: он учил их устно и не оставил после себя книг о божественных вещах. Все, что до нас дошло, было изложено им кратко, запутанно и неясно, чтобы непосвященные в его тайное учение не могли с легкостью понять прочитанное. Схожие обычаи были и у пифагорейцев, и у друидов, как известно из записок Цезаря о галльской войне (VI, 14)⁶⁶. Поэтому сравнивать Платона и Аристотеля с точки зрения системности знаний так же бессмысленно, как утверждать, что Гермоген Тарсийский, который в совершенстве изложил правила риторического искусства, был более красноречив, чем Демосфен,

или что Демосфен, ничего не написавший об этом искусстве, но оставивший невероятно искусные речи, превзошел Гиперида, наследие которого не сохранилось, и т.п. Если же допустить, рассуждал Виссарион далее, что вместо всех сочинений Аристотеля сохранились бы только труды его ученика Теофраста (ибо написанное им было более масштабным и красивым, чем у его учителя), то не посчитал бы тогда Георгий, что Теофраста следует ставить выше Аристотеля?⁶⁷ Авторитет и мудрость Платона признавали и греки и латиняне; и платоники, и перипатетики; и языческие авторы, и святые отцы (Виссарион подкрепил это утверждение цитатами из Демосфена, Олимпиодора Младшего и Филиска Милетского, Цицерона и Аврелия Августина)⁶⁸. Он считал, что системность философских знаний Стагирита была плодом его двадцатилетней учебы у Платона. Великий наставник и отец философского учения Аристотеля (τῶν ἐκείνου λόγων πατήρ, doctrinae illius parens), он предоставил ученику семена знаний и был причиной урожая⁶⁹.

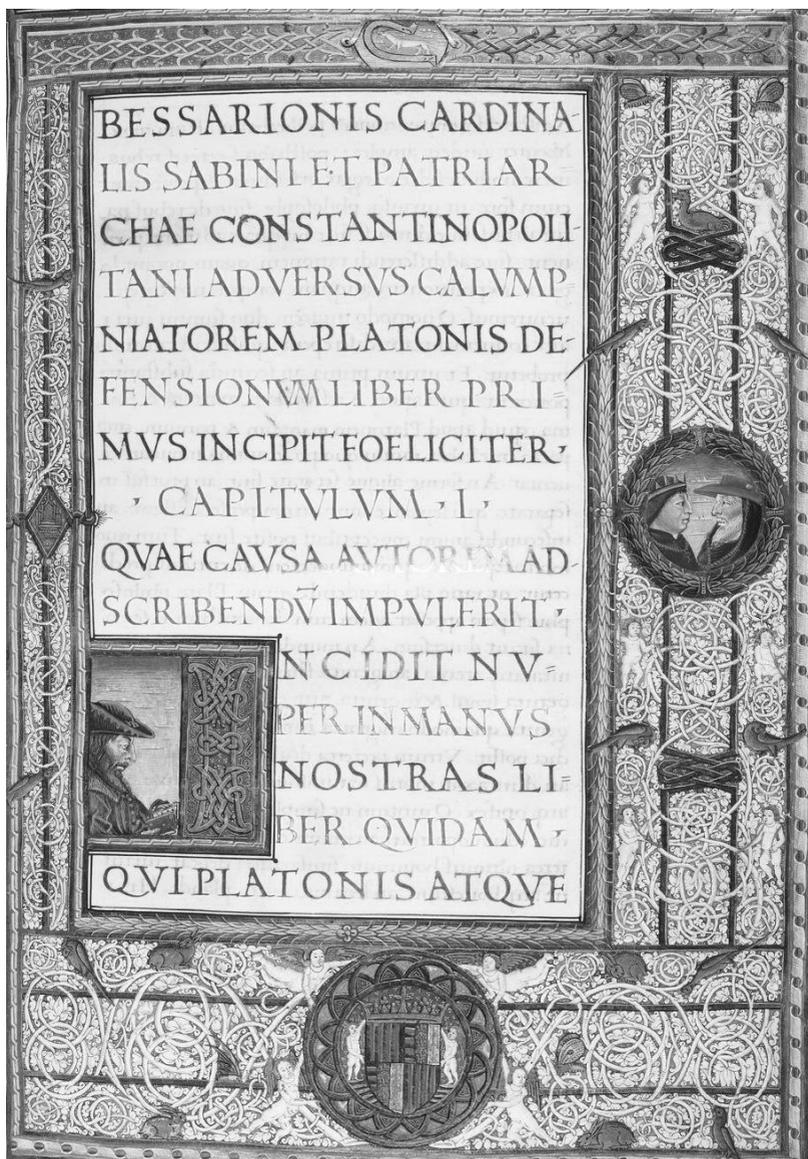
Если учение о божественных вещах Платон сохранил в тайне, то в своих диалогах, написанных с высоким мастерством и исключительной ученостью, он ввел многие полезные правила почти всех хороших искусств и наук⁷⁰. Даже Георгий нехотя признавал красноречие Платона, указывая, однако, на то, что он не оставил сочинений о риторике или какой-либо её части и что его простой слог был скорее ближе к природе, чем к искусству. Виссарион возразил на это, приведя в пример платоновский диалог «Федр», и процитировал его фрагмент, посвященный назначению и сущности истинного красноречия. Мысли философа о риторическом искусстве были изложены кратко и емко, что показывало несостоятельность обвинений Платона в многословии и болтливости. По мнению Виссариона, главные основы платоновского учения были затем куда более пространно изложены в аристотелевских книгах о риторике, благодаря которым Стагирит намного превзошел тех, кто ранее писал о том же предмете.

Со ссылкой на Плутарха Виссарион причислил к ученикам и последователям Платона выдающихся аттических ораторов Исея, Эхина, Демосфена, Ликурга и Гиперида. Он подкреплял свои доводы цитатами из Элия Аристида, называвшего Платона отцом и учителем ораторов, и Гермогена Тарсийского, считавшего платоновские диалоги лучшими образчиками торжественных речей⁷¹. Виссарион не находит превосходства Аристотеля и в области логики, поскольку учение о силлогизме было превосходно изложено Платоном в «Тимее», «Пармениде», «Филебе», «Софисте», в десятой книге «Законов» и в «Послезаконии», а также в седьмой книге «Государства»⁷². В области естественных и физических наук Аристотель хотя и заслуживает некоторого предпочтения, но совершенно не расходится с учителем в вопросе о первоначалах вещей, а его учение о небе и небесных телах ни в чем не превосходит платоновское⁷³. Заслуги Платона в математике также должны быть признаны немалыми. Виссарион, в частности, упоминает о составленном Теоном Смирнском трактате «Изложение математических предметов, полезных при чтении Платона» и о решении философом задачи об удвоении куба⁷⁴.

Во второй книге Виссарион постарался продемонстрировать, что платоновская философия в большей степени согласуется с христианским вероучением, чем аристотелевская, однако он не ставил себе задачи представить Платона христианином: оба великих мыслителя как по названию, так и по религии были язычниками, чуждыми христианской вере⁷⁵. Поэтому Виссарион не мог одобрить платоновского учения о предсуществовании душ, одушевленности неба и звезд, политеизма и многого другого, за что язычники осуждаются Церковью⁷⁶. При этом в сочинениях Платона просматриваются христианские истины и, прежде всего, учение о Троице. Впрочем, представления Платона существенно отличаются от христианских, ибо невозможно, чтобы человеческий ум был настолько высок и возвышен, чтобы самостоятельно достичь такой великой истины, как троичность Бога.

Этот платоновский тринитаризм был изложен Виссарионом так: сначала философ полагает нерожденное, вечное, безначальное, не зависящее ни от какой причины первоначало всего сущего, называемое им единым и высшим благом; затем – первое бытие (под которым он понимает и первый ум, и первую идею), произошедшее от первого бога, но также и от самого себя; после этого – третью по порядку и достоинству Мировую душу, произошедшую и от первого бога, и от первого бытия, и от себя самой⁷⁷. Виссарион полагал, что оба мыслителя были близки монотеизму: они не опускались до таких простонародных языческих заблуждений, как почитание непристойных мифов и бездушных статуй, но принимали единого бога в качестве начала всех вещей⁷⁸. При этом именно Платон был ближе к библейскому учению о происхождении всего сущего из ничего по божьей воле: изложенное им соответствовало повествованию Моисея о сотворении мира, ибо во время путешествия в Египет он познакомился с иудейскими писаниями и перенял из книги Бытия то, что потом написал в «Тимее»⁷⁹. В отличие от Аристотеля Платон учил и о божественной воле, и о провидении⁸⁰, а его вера в бессмертие души была выражена куда более ясно и определенно, чем у Стагирита, в особенности в диалогах «Федр» и «Федон»⁸¹. Как показал Дж. Хэнкинс, во второй книге Виссарион интерпретировал платоновское учение, в значительной степени опираясь на «Платоновскую теологию» Прокла⁸².

В третьей книге греческий кардинал продолжает оспаривать доводы Георгия о враждебности платонизма христианству. Он доказывает, что происхождение многих богов по Платону следует рассматривать как результат эманации божественного первоначала. Под именем Зевса (Юпитера) Платон почитал первого и единого Бога, а именами других божеств обозначал философские категории и понятия: Афиной – мудрость, Гермесом – логос, Кроносом – время, Нептуном –

Илл. 34. Рукопись «Adversus calumniatorem Platonis».
Париж. Национальная библиотека Франции. Lat. 12946, fol. 29r.

идею, Герой – материю и т.д.⁸³ Даймоны, которых чтили и Платон, и Аристотель, следовало отождествлять не с дьяволами или падшими ангелами, а с воздушными сущностями, менее совершенными, чем боги, но более совершенными, чем люди⁸⁴. Далее Виссарион вновь обратил внимание на близкие христианству элементы платоновской философии – идею о происхождении *omnia ex nihilo*, на предположение (или, точнее, подозрение, *suspectio*) Платона о троичности Бога и на учение о бессмертии души⁸⁵. Книга изобиловала ссылкам на схоластов и цитатами из Фомы Аквинского, Альберта Великого, Иоанна Дунса Скота, Генриха Гентского, Томаса Саттона (*Thomas Anglicus*), а также арабских авторов – Аверроэса и Авиценну. Дж. Монфазани доказал, что бóльшая часть третьей книги была переработкой (как в стилистическом, так и в содержательном плане) трактата доминиканского теолога Джованни Гатти, клиента Виссариона. Из этого сочинения кардинал заимствовал основные аргументы и источники, добавив к ним много нового материала из греческих авторов, в том числе Синезия Киренского⁸⁶.

В четвертой книге Виссарион ответил на обвинения Платона в безнравственности. Он доказывал строгость нравов и аскетизм Платона. Члены его Академии довольствовались оливами, простым хлебом и водой, спали недолго, только чтобы восстановить силы⁸⁷. Виссарион реабилитировал платоновский идеал любви (диалоги «Пир» и «Федр») как любви духовной (добродетельной, достойной, скромной, хранящей целомудрие и вдохновляющей душу), которую следовало противопоставлять низменному эросу (спутнику вожделения и роскоши, бесстыдному, злодейскому и бездумно влекущему на встречу злomu желанию)⁸⁸. Виссарион соглашался, что христианину невозможно принять платоновскую идею общности жен, но считал необходимым учитывать особенности эпохи, в которую жил философ. Сам Платон сильно сомневался в возможности практического воплощения этой идеи и

признавал, что устройство его республики скорее божественное, нежели человеческое. Всем известно, писал Виссарион, что в государстве нет ничего лучше, чем согласие и единство людей, и ничего хуже, чем их разъединение и множественность разных стремлений и противоположных желаний. Принцип «мое – не мое» в том, что касается собственности, губителен и вызывает полный раздор среди граждан, тогда как общность имущества благоприятна для государства и приводит к полному согласию. Но по мысли Платона, согласие и единство окажутся недостижимыми, если, обобществив имущество, не ввести также и общности жен и детей. Философ полагал, что тогда у всех сограждан будут одни и те же радости и печали и что действовать и мыслить они станут единодушно, не разделяя общее на свое и чужое. Как показывает история, когда частные интересы становятся выше общественных, приходят в упадок даже самые великие государства, такие как Афины, Спарта или Рим⁸⁹. В заключительной части этой книги Виссарион напомнил о том, что ранее Георгий выделял Платона среди других прославленных людей прошлых столетий и восхвалял его за ученость, образ жизни и дарования. Речь шла о двух предисловиях Георгия к переводу платоновских «Законов», сначала посвященному папе Николаю V, а затем дожу Франческо Барбаро и венецианскому Сенату. Виссарион процитировал фрагменты из обоих предисловий, продемонстрировав тем самым лицемерие Георгия⁹⁰. На протяжении всего трактата он не упоминал имени своего оппонента, предпочитая называть его то «противником» (*adversarius*), то «хулителем» (*obiurgator*) Платона.

Публикация латинской версии «*In calumniatorem*» сопровождалась широкой пропагандистской кампанией. После того как в 1469 г. книга была издана огромным тиражом в типографии К. Швайнхайма и А. Паннарца, Виссарион стал бесплатно распространять копии среди широкого круга лиц, во мнении или поддержке которых он был заинтересован⁹¹. Будучи влиятельной фигурой в папской курии и располагая куда более

значительными ресурсами, нежели его оппонент, Виссарион, казалось, одержал в этом противостоянии политическую победу⁹². Получатели отвечали ему хвалебными отзывами и обрушивались на хулителя Платона с беспощадной критикой, впрочем, часто достаточно голословной. Никколо Перотти⁹³ и Оньибене Бонизоли⁹⁴ сравнили «клеветника» с Геростратом. По словам Бонизоли, он заслужил искоренения своего имени из людской памяти даже больше, чем сам эфесский поджигатель: «ведь тот дерзнул осквернить рукотворный храм, а этот божественное святилище, в котором находились знания человеческих и божественных вещей. Однако он удостоился слишком высокой чести, ибо получил в соперники человека столь выдающегося достоинства и мудрости». Филельфо был удивлен овладевшим Георгием безумием, который не только не симпатизировал учению и мудрости Платона, но и замыслил очернить его жизнь⁹⁵. Осуждая Георгия как святотатца и преступника, гуманисты превозносили сочинение Виссариона за богатство мыслей, широту эрудиции, убедительность доказательств и совершенство стиля. Нальдо Нальди отметил, что в латинской словесности Виссарион достиг не меньшей славы, чем в греческой⁹⁶. Антонио Панормита нашел, что его труд написан не столько в защиту Платона, сколько самим Платоном, поэтому можно удивляться и радоваться тому, что афинский философ говорит в Риме по-латински с присущим ему приятным красноречием⁹⁷. Позицию Виссариона поддержал испанский схоласт Фернандо из Кордовы, входивший в окружение кардинала и также писавший трактат о достоинствах философий Платона и Аристотеля (*De duabus philosophis*)⁹⁸.

Получателем книги был и Марсилио Фичино. В сопроводительном письме Виссарион подчеркнул, что отправляет ему свой труд, так как знает о его таланте и исключительном стремлении к платоновскому учению, а также потому, что он легко понимает и читает то, что почерпнул сам Виссарион из

того же источника⁹⁹. Фичино ответил, что философия Платона дарована свыше, но её смысл был неясен и скрыт, как золото под землей, от людей, не обладающих «линкеевым» зрением. Поэтому некоторые ничтожные честолюбцы не смогли проникнуть к тайным глубинам и презрели скрытые сокровища. Однако золото его учения снова озарило мир благодаря позднеантичным неоплатоникам: сначала Плотину, затем Порфирию и Ямвлиху, а позднее Проклу. Недовольные этим сиянием приняли священное сокровище Платона не только с пренебрежением, но и с порицанием. Филельфо назвал их совами (*noctuae*) или филинами (*bubones*). Для лечения их тусклых и подслеповатых глаз Виссарион незамедлительно применил целительное лекарство – свет платоновской академии. Её возрождение было предсказано самим Платоном, который говорил тирану Дионисию, что много столетий спустя придет время, когда таинства теологии (*mysteria theologiae*) будут очищены тщательным их исследованием, как золото – огнем. Наконец, выразив восхищение от имени всех читателей сочинения Виссариона, Фичино заверил адресата, что вряд ли кто-то из них рекомендует труд его противника¹⁰⁰.

Отвечая на «*In calumniatorem*», Георгий Трапезундский собрал выдержки из трактата Виссариона (*Annotationes*), в которых, по его мнению, заключались ошибки, и посвятил эту полемическую работу папе Павлу II. Более того, в июне 1470 г. сын Георгия Андрей отправил письма нескольким парижским богословам, добавив к ним и отцовские замечания¹⁰¹. Узнав об этом, Виссарион вступил в переписку с сорбоннским профессором Гийомом Фише в декабре 1470 г., изложил ему свое мнение относительно нападок Георгия на Платона и пообещал отослать экземпляр своего труда в Парижский университет¹⁰².

Аргиропул откликнулся на сочинение Виссариона письмом от 27 октября 1469 г. Он поблагодарил его за опровержение вздорных измышлений «гнуснейшего клеветника» и

«пустозвона», который неизвестно по чьему наущению пошел войной на божественного человека. Аргиропул оценил труд, исходя из задач, стоящих перед оратором (*officia oratoris*): отбора материала (*inventio*), его расположения (*dispositio*), словесного украшения мысли (*elocutio*), запоминания (*memorio*) и произнесения (*pronuntiatio*). Поскольку речь шла о книге, последние две задачи не рассматривались. Аргиропул указал на полноту собранного материала, его продуманную структуру и изящное изложение (*elegantia sermonis Platonici similis*). Заслуга Виссариона заключалась в том, что он открыл современникам и их будущим потомкам многие прекрасные мысли философов, поэтому латинян уже нельзя будет сбить с толку нелепыми нападками на Платона. Это письмо, написанное полатински одним греком для другого грека, явно предназначалось для широкой аудитории и должно было служить частью пропагандистской кампании Виссариона¹⁰³. Впрочем, позднее Аргиропул позволил себе и отдельные критические замечания относительно интерпретации Виссарионом теории «идей». Ответом на его сочинение (считающееся утерянным) стал трактат Феодора Газы под названием «Ἐπιτομή τῶν ἰδεῶν», написанный по заданию Виссариона¹⁰⁴.

Философские и научные интересы Аргиропула прежде всего проявились в области аристотелизма. Свое преподавание во Флорентийском университете он открыл 4 февраля 1456 г. «Введением к первым пяти книгам “Этики” Аристотеля». Его собственный учебный план предполагал рассмотрение аристотелевской философии как единого целого: после изучения двух «подготовительных» дисциплин – грамматики и риторики – следовало приступить к освоению логики и диалектики, затем по порядку переходить к этике, естественной философии, математике и на завершающем этапе к метафизике. Эта последовательность изучения наук, не характерная для раннего флорентийского гуманизма, была типична для византийской философской и образовательной культуры¹⁰⁵.

Илл. 35. Фрагмент фрески кисти Доменико Гирландайо «Призвание первых апостолов» (1481-1482). Ватикан. Сикстинская капелла. Мужчина с белой бородой и в черной шляпе, стоящий в центре группы, – Иоанн Аргиропул.

Аргиропул начал преподавание с лекций по этике и частных уроков по логике, затем перешел к моральной философии («Никомахова этика» в 1457-1458 гг., и несколько позднее «Политика» и «Экономика»), потом прочитал курсы по естественной философии («Физика» в 1458-1460 гг.; «О душе» примерно в 1460-1461 гг. и «Метеорологика» с 1462 г.) и, наконец, «Метафизику», а также трактаты «О небе» и «О мире»¹⁰⁶. На основании флорентийской привилегии от 21 октября 1466 г. можно предположить, что Аргиропул прочитал курс по «Поэтике» Аристотеля: в ней, в частности, отмечается, что византийский ученый публично преподавал «in Studio florentino Philosophiam moralem et naturalem et Poesim»¹⁰⁷.

Благодаря Аргиропулу флорентийский гуманизм вступил в новую стадию, для которой была характерна постепенная переориентация с ранней увлеченности риторикой и этикой (практической философией)¹⁰⁸ на спекулятивную философию Аристотеля¹⁰⁹. В посвящении Пьеро Медичи перевода аристотелевского трактата «Об истолковании» Аргиропул писал: «Я считаю, что нет и, конечно, не будет того, кто бы не перешел с превеликим рвением от пренебрегаемых и мало ценных рудиментов любого из ораторов к тайнам философии и глубоким мыслям Аристотеля, искусно раскрытым и изложенным. Ибо это будет подобно открытию короткого и легкого пути к добродетелям и счастью. Ведь как тогда практически не было тех, кто не избрал бы с большей охотой сей открытый путь, так и сейчас нет того, кто не пойдет дальше этой царской и священной дорогой к залам философии, разве что кто-то, возможно, предпочтет пройти через удаленные и тернистые места к той же цели, чего никто в здравом уме не будет делать»¹¹⁰. В отличие от ранних гуманистов, сомневавшихся в полезности умозрительных знаний, Аргиропул, наоборот, полагал, что моральная философия зависит от них. Так, например, этика учит тому, как обрести счастье. Последнее бывает двух видов – активное (деятельностное) и созерцательное (связанное с познанием). Чтобы рассмотреть оба вида

счастья, этика нуждается в знаниях о душе, относящихся к области естественной, а следовательно, спекулятивной философии (*speculativa philosophia in naturalem, mathematicam et divinam dividitur*)¹¹¹. Следуя за Аристотелем, он признает, что умозрительная деятельность есть благороднейшая из всех и что с ней связано столь же великое наслаждение. Среди всех спекуляций самой прекрасной является та, благодаря которой мы созерцаем первого бессмертного бога, достигая тем самым наивысшего счастья и наслаждения¹¹².

Под влиянием Аргиропула его ученики включили в число своих интеллектуальных занятий спекулятивную философию, не порывая при этом с традициями раннего гуманизма. Донато Аччайуоли проявил себя в области диалектики, физики и математики. Кристофоро Ландино назвал его ещё и метафизиком, «ибо он исследовал, что говорят о боге не только последователи Платона и Аристотеля, но также христианское учение»¹¹³. В этом отношении особенно показательны воззрения Аламанно Ринуччини¹¹⁴. В речи, произнесенной на похоронах Маттео Пальмиери в 1475 г., он говорил, что «двойственный характер счастья указывает нам на выдвинутые философами два образа жизни, один из которых состоит в общественной гражданской активности, другой, удаленный от всякой деятельности, устремлен к познанию высших материй»¹¹⁵. Он критиковал университетских преподавателей словесности, не сведущих даже в диалектике и моральной философии, которые, замкнувшись в узких рамках риторики и истории, хотели удержать там же своих учеников¹¹⁶. В письме к Роберто Сальвиати Ринуччини писал: «Что касается философии, в которой содержится знание природы и сверхъестественных вещей, то совсем недавно немногие лишь едва касались её, так сказать, краешком губ, полагая, что сделали более чем достаточно, если изучили “Моралии” Аристотеля.

Илл. 36. Предисловие Иоанна Аргиропула к латинскому переводу трактата «Об истолковании» Аристотеля. Флоренция. Библиотека Лауренциана. Plut. 71.7, fol. 2r (рукопись, XV в.). Миниатюры Франческо Росселли.

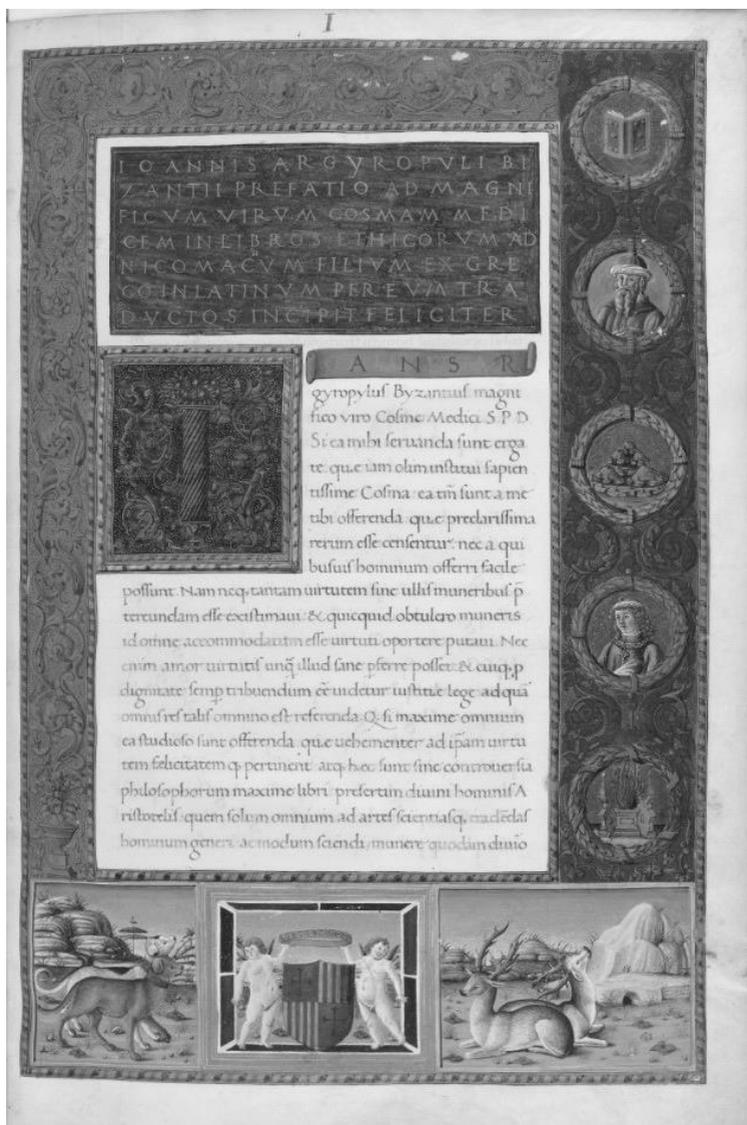
Илл. 37. Предисловие Иоанна Аргиропула к латинскому переводу «Физики» Аристотеля. Флоренция. Библиотека Лауренциана. Plut. 84.1, fol. 2r (рукопись, XV в.). Миниатюры Франческо Росселли.

Я говорю о наших согражданах, (хотя некоторые занимались философией или в силу принадлежности к какому-нибудь религиозному ордену, или потому, что хотели преподавать медицину), ибо сочинения тех, которые до нашего времени преподавали *studia humanitatis*, показывают, что, за исключением одного Джаноццо Манетти, ты обнаружишь среди них крошечное число сведущих в философии»¹¹⁷. В «Диалоге о свободе» Ринуччини сообщал о своем восхождении к наукам следующее: «Не ограничиваясь грамматикой и ораторским искусством, что, как я вижу, по большей части случается, я главным образом тратил весь досуг на чтение поэтов, ораторов и историков. Просвещенный, как казалось, достаточно познанием их, я посвятил себя философии, которую поистине можно назвать руководителем в жизни. Итак, я упорно старался получить от самих занятий не только украшение или достойное удовольствие для души, но также поддержку в добродетельном образе жизни»¹¹⁸.

Веспасиано да Бистиччи упоминает о посещении Аргиропулом приехавшего во Флоренцию епископа Нарчисо, с которым они долго спорили о платоновских идеях. Греческий ученый был удовлетворен беседой и признал собеседника лучшим знатоком в этой области среди латинян¹¹⁹. Аргиропул с пиететом относился к платоновской философии. Он подробно изучил аристотелевскую критику Платона, указав, что её объектом был не сам философ, а те взгляды, которые ему приписывались. Кроме того, аргументы Стагирита, направленные против Платона, предназначались для того, чтобы поразить аудиторию самобытностью собственного учения. При этом Аргиропул был далек от «платонического энтузиазма» и не противопоставлял философов друг другу¹²⁰. Единственным известным случаем, когда Аргиропул разбирал со студентами платоновское сочинение, был описан его учеником Пьерфилиппо Пандольфини в письме к Донато Аччайуоли: в воскресенье в последний день сентября (1459 г.) Пандоль-

фини и Веспасиано да Бистиччи отправились домой к Аргиропулу и нашли его читающим платоновский диалог «Менон» в компании с несколькими учениками из их группы. Поскольку ученики пожелали поговорить о Платоне, Аргиропул стал разбирать с ними этот диалог, восхищая слушателей собственным красноречивым изложением мудрых мыслей философа. Дальше беседа переместилась на улицы города, прогуливаясь по которым, подобно афинским перипатетикам, они продолжили обсуждение философских проблем¹²¹.

В конце XV в. Падуанский университет принял в свои стены греческого ученого-аристотелика Николая Леоника Томея (Niccolo Leonico Tomeo, 1456-1531)¹²². Он родился в Венеции в семье греков-эпириотов; после завершения обучения в Падуе в 1485 г. продолжил образование под руководством Димитрия Халкокондила, за которым последовал во Флоренцию и Милан. В апреле 1497 г. Леоник был утвержден венецианским Сенатом в должности преподавателя Падуанского университета с годовым жалованием в 100 флоринов. В его обязанности входило чтение лекций по греческим текстам Аристотеля, в особенности философским и медицинским. Причем, как следует из текста сенатского постановления, ректор лично приехал в Венецию, чтобы ходатайствовать о назначении Томея от имени всех учащихся¹²³. Учрежденная должность была необычной: она предполагала чтение лекций по трем учебным направлениям – естественной философии, медицины и гуманитарных дисциплин. Надо отметить, что падуанский университет отличался сильной аверроистской традицией, которая не исчезла и в XVI в., несмотря на распространение латинских переводов Аристотеля и его греко-византийских комментаторов. Тем не менее, ближе к концу

Илл. 38. Предисловие Иоанна Аргиропула к латинскому переводу «Этики» Аристотеля. Париж. Национальная библиотека Франции. Lat. 6309, fol. 1r (рукопись, XV в.). Миниатюры Франческо Росселли.

XV столетия влияние этой традиции заметно ослабло. Известно, что в 1492 г. яркий представитель падуанского аверроизма Николетто Верниа написал сочинение «*Contra perversam Averrois opinionem*», в котором подверг критике учение Аверроэса о душе и о единстве человеческого интеллекта. Между 1492 и 1497 гг. профессор медицины Франческо Кавалли преподавал в Падуе Аристотеля на основе греческих текстов. Можно полагать, что ко времени назначения Томея у студентов и профессоров Падуанского университета уже возобладавало представление о том, что обучение по оригинальным сочинениям повысит качество медицинского и научного образования.

Томей преподавал в университете до 1504 г. В числе его итальянских студентов были Пьеро Валериано Больцани и Помпонио Гаурико. Под началом Томея обучалась и группа английских ученых, прибывших в Падую для завершения гуманистического образования: в неё входили Ричард Пэйс, Уильям Латимер, Кутберт Танстолл и, предположительно, Томас Линакр. Томей излагал Аристотеля, опираясь на греческих комментаторов. В его распоряжении были кодексы работ Фемиствия (Par. gr. 1888), Симпликия (Par. gr. 1888 и 1907), Александра Афродисийского (Par. gr. 1874), Филопона (Par. gr. 1911) и Михаила Эфесского (Par. gr. 1925). Две рукописи, содержащие сочинения Симпликия, Аммония Александрийского и Филопона, он позаимствовал в *Марчане* (Marc. gr. Z. 225 и 413)¹²⁴.

В декабре 1504 г. Томей получил назначение в *Scuola della cancelleria ducale* в Венеции: его предшественник Бенедетто Бруньоли скончался в 1502 г., и с тех пор место преподавателя греческих авторов оставалось вакантным¹²⁵. Его уроки продолжались до сентября 1506 г., когда он решил завершить работу в школе и вернуться в Падую. После непродолжительного периода преподавания в университете Томей оставил занимаемую должность и посвятил себя научным трудам, частным урокам, переводческой и редакторской работе¹²⁶.

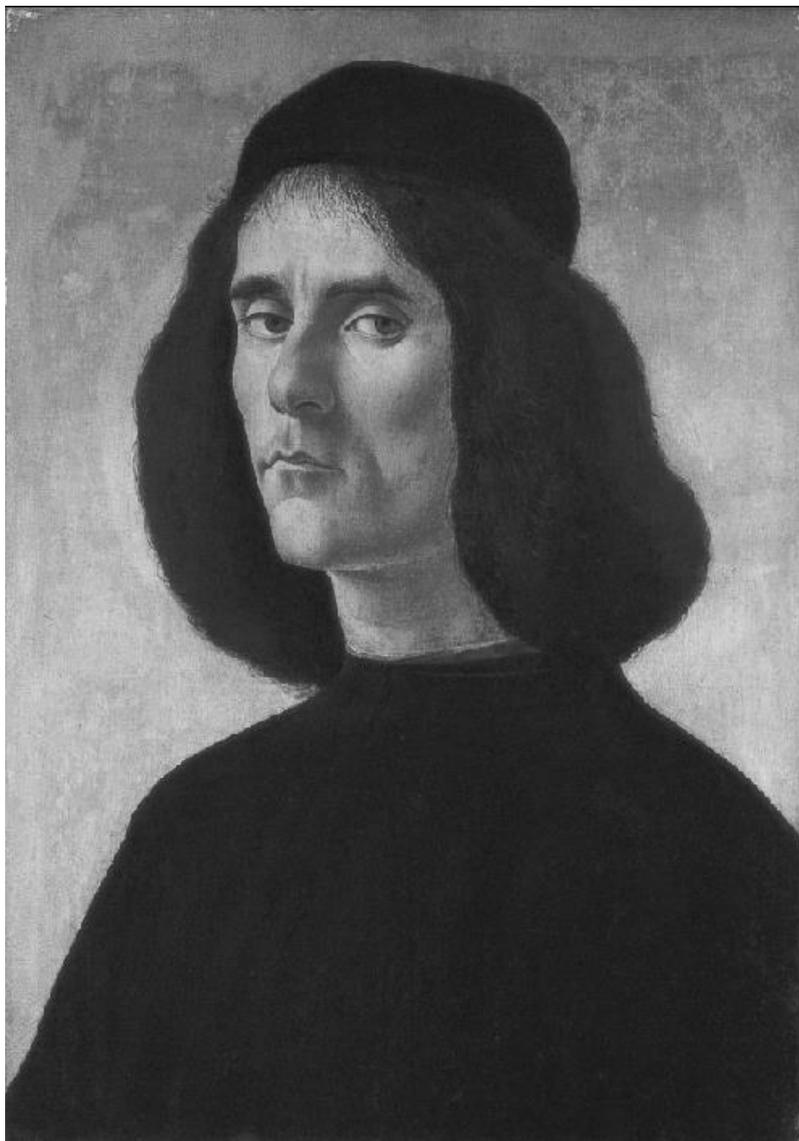
Илл. 39. Три портрета Иоанна Аргиропула из иллюминированных манускриптов работы Франческо Росселли: Laur. Plut. 71.7, fol. 2r (вверху слева); Par. lat. 6309, fol. 1r (вверху справа); Laur. Plut. 84.1, fol. 2r (внизу).

Круг его знакомых постоянно расширялся. Он был дружен с Пьетро Бембо, Марино Санудо, Иоанном Ласкарисом. Среди его корреспондентов было много англичан. Особенно активно он переписывался с Реджинальдом Поулом, приезжавшим в Падую в 1521 г. Из письма Томея к Уильяму Латимеру известно, что под его руководством Поул изучал логику и естественную философию Аристотеля: за шестнадцать месяцев занятий они разобрали восемь книг «Топики», четыре книги «О небе» и завершили первую главу «О возникновении и уничтожении», готовясь перейти ко второй¹²⁷. Томей поддерживал связи со всеми своими учениками, переписывался с Томасом Старки и Томасом Лупсетом, был знаком с Френсисом Пойнцом и Джоном Клементом¹²⁸. Последний привез ему копию «Утопии» Мора в июне 1424 г.¹²⁹ С большим уважением относился к Томею и Эразм, выделявший его среди других представителей венециано-падуанского гуманизма. В одном из писем он назвал его и Бембо двумя главнейшими светочами сего века¹³⁰.

После закрытия университета в связи с войной Камбрейской лиги Томей посвятил свой досуг изучению Аристотеля и Платона. В 1523 г. падуанский профессор философии Хуан Монтесдока из Севильи (Montesdoca, †1532) назвал его «doctus disciplinae Platonicae et Aristotelicae plane eruditus»¹³¹. Об интересе Томея к платонизму можно судить по кодексам, которые прошли через его руки: он располагал диалогами и письмами Платона (Cambr. UL. Dd. IV 16 (191); Par. gr. 1810; 1812 и 3044), комментариями Прокла к «Пармениду», «Государству» и «Тимею» (Milano. Ambros. B 165 sup; Par. gr. 1810; 1812; 1833 и 1839), Гермия к «Федру» (Par. gr. 1810; Milano. Ambros. D 166 inf.) и Георгия Пахимера к «Пармениду» (Par. gr. 1810), а также «Эннеадами» Плотина (Par. gr. 1676) и трактатом Плутарха «О рождении души по “Тимею”» (Par. gr. 1042)¹³². Он перевел на латынь комментарий Прокла на «Тимея», опубликованный вместе с другими работами Леоника в Венеции в 1525 г. (Opuscula nuper in lucem aedita, изд.: Бер-

нардино Витали). В своей интерпретации платоновского и аристотелевского учений Томей стремился не к противопоставлению, а к примирению обоих.

В поэзии интерес к Платону проявили Михаил Маруллос Тарханиот и Марк Музурос. Влияние платонизма на Маруллоса чувствуется в его «Гимнах природе» (*Hymni naturales*), в частности, в гимне «*Iovi Optimo Maximo*», где он использует платоновский образ тела, как темницы души¹³³. Музурос написал греческую поэму, известную как «Гимн Платону», которая была опубликована в альдовском издании «*Opera omnia Platonis*» (сентябрь 1515)¹³⁴. Он призывал Платона спуститься с небес и идти в Рим, чтобы встретить там своих почитателей – папу Льва X, мудрого пастыря, с которым не может соперничать ни один правитель, а также двух его возлюбленных друзей – Иоанна Ласкариса, подобного древним полубогам Аттики и Спарты, и Пьетро Бембо, героя, созданного мудрыми руками трех харит. Обращаясь к папе, Музурос просил, чтобы тот основал греческую академию в Риме, собрав для обучения талантливую молодежь из Греции и западных стран. Не менее важной темой гимна был призыв к походу против турок, названных автором «ужасными волками» и «варварами», угрожающими уничтожить имя Богородицы. Он описал в стихах надежду эмигрантов на освобождение «ахейской страны», на возвращение Константинополя и возрождение греческого народа, который вспомнит о своей древней доблести. Музурос ожидал, что папа призовет в крестonosное войско французов, испанцев, швейцарцев, немцев, британцев, всех итальянцев и других союзников и что грандиозный флот из венецианских и испанских судов под знаменем креста устремиться в Геллеспонт. Ударом по Константинополю они раздавят голову могущественного дракона и вместе с греками прогонят врага за границы Индии, после чего папа распределит между победителями несметные богатства турок, накопленные ими за шестьдесят лет.

Илл. 40. Портрет Михаила Маруллоса Тарханиота, ок. 1497 г.
Художник Сандро Боттичелли. Барселона.
Коллекция семьи Камбó де Гуарданс.

Падение Константинополя породило целый пласт гуманистической литературы, посвященный этому событию¹³⁵, и греческие эмигранты сыграли в её появлении не последнюю роль. Наиболее заметный вклад в дело пропаганды крестового похода против турок внес кардинал Виссарион¹³⁶. На Мантуанском соборе 1459 г. он произнес речь, в которой призвал государей Европы объединиться для защиты веры и вернуть утраченные христианами владения – не только европейские, но и азиатские. Каждый свой тезис Виссарион проиллюстрировал библейскими сюжетами и примерами из древней и современной истории. Описав свирепость завоевателей при опустошении Константинополя, он указал на то, что османы угрожают уже самому латинскому миру: их силы направлены против Паннонии, покорив которую, они получают плацдарм для нападения на Италию и другие страны Европы. Чтобы ободрить слушателей, но при этом не приуменьшить масштабы опасности, Виссарион сообщил, что вся армия противника обычно не превышает восьмидесяти тысяч воинов и даже в случае её пополнения едва ли достигает ста. Все они пешие, голые, неорганизованные, не получающие от государства жалования, живущие грабежом и военной добычей. Успехи турок он объяснял, с одной стороны, их упорством, дерзостью и безрассудством (*perseverantia, audacia, temeritas illorum*), с другой, беспечностью и терпимостью христиан (*nostra negligentia et tolerantia*)¹³⁷.

Чтобы склонить германских князей присоединиться к походу, Виссарион совершил посольство на север (1460-1461). Время для дипломатической миссии было неудачным, так как в Германии шла война между домами Виттельсбахов и Гогенцоллернов. В Нюрнберге Виссарион открыл заседание Рейхстага речью, в которой указал на разобщенность христианских правителей как главную причину турецкого могущества. Он сообщал, что османы, захватившие к тому времени

Илл. 41. Папа Пий II провозглашает крестовый поход на Соборе в Мантуе. Фрагмент фрески кисти Пинтуриккьо в Библиотеке Пикколомини (Сиена).

всю Азию и большую часть Европы, уже напираяют на Паннонию, соседствующую с Германией и Италией. Он призвал князей выбрать мир, а не войну; дело, а не слово, чтобы общими силами выступить против врагов христианства¹³⁸. В своем возмущении на ответ германских послов Виссарион восклицал:

«Уже настало время, чтобы, оставив слова, мы перешли к делам. Нам нужно оружие, говорю я вам, выдающиеся мужи, оружие, а не слова, хорошо снаряженное войско, а не украшенная и отшлифованная речь, стойкость воинов, а не высокопарность слов!»¹³⁹ Тем не менее, несмотря на настойчивость папского легата, собравшиеся в Нюрнберге, Вормсе и Вене не торопились брать на себя твердые обязательства поддерживать дело, начатое в Мантуе. В итоге надежды Пия II и Виссариона на помощь германских правителей закончились большим разочарованием¹⁴⁰.

В 1461 г. Виссарион ездил по делам крестового похода в Венецию, где 20 декабря был принят в ряды венецианского нобилитета¹⁴¹. Нападение турок на крепость Лепанто (Навпакт) в ноябре 1462 г. и падение Аргоса в апреле 1463 г. поставило республику на грань войны с османами. Чтобы укрепить решимость венецианского правительства, папа Пий II вновь направил туда Виссариона. Кардинал прибыл в Венецию 22 июля 1463 г., и после нескольких дней переговоров (в полночь на 28 число) Сенат официально объявил османам войну. Виссарион опубликовал инструкцию для проповедников крестового похода (*Instructio praedicatorum*), составленную 24 августа и 1 сентября 1463 г.¹⁴², а также недатированное разъяснение по сбору тридцатой части (*Capta rescuniarum*) годовых доходов мирян¹⁴³. В инструкции он призывал проповедников вспомнить о зверствах турок при завоевании Константинополя, греческих островов, городов и земель: «мужей, безжалостно изрубленных; жен опозоренных; девушек похищенных; монахинь оскверненных; юношей, ужасно умерщвленных; детей, прижатых матерями к грудям и пронзенных мечом; беременных женщин, железом заколотых»¹⁴⁴. Аналогичные фрагменты можно обнаружить и в мантуанской речи Виссариона, и в его письме дожу Франческо Фоскари от 13 июля 1453 г.¹⁴⁵ В схожих выражениях освещался и оборонительный аспект крестового похода: «Турок, не довольствуясь достигнутым, со всем усердием близится к тому, чтобы покорить

весь круг земной и, прежде всего, Италию. Любая отсрочка очень пагубна, потому что он ежедневно приобретает себе по одному государству и набирает силу, а мы оставляем по одному государству и становимся слабее. И если нас не побуждала к действию любовь к религии и несчастье, то пусть нас побуждает наше отечество, наш дом, дети, родители, жены»¹⁴⁶. Провозглашалось, что все те, кто будет участвовать в крестовом походе в течение восьми или шести месяцев лично и имущественно, независимо от положения, состояния или сословия, клирики и миряне, получают полное отпущение грехов и прощение, а души тех, кто скончается в пути или погибнет на войне до истечения восьми или шестимесячного срока, попадут на небеса. Крестonosцы, их семьи и имущество должны были находиться под защитой Святого Престола¹⁴⁷. Проповедникам поручалось разъяснить три основные причины похода: во-первых, это воздаяние туркам за невыразимые поношения и гнусные беззакония в отношении Господа, его святых, священных реликвий, храмов и святых образов, а также братьев по вере; во-вторых, это помощь бесчисленному христианскому народу, находящемуся под тяжелейшим гнетом турок и обращенному в позорнейшее рабство; в-третьих, это защита самих себя, «чтобы то, что у нас остается, не попало в руки турок»¹⁴⁸.

Для развития первого значительного успеха Святого Престола, связанного со вступлением Венеции в войну, требовалась помощь союзников. В письме к кардиналу Якопо Амманнати от 28 августа 1463 г. Виссарийон с горечью посетовал на то, что родосские рыцари заключили мир с турками. Они платят султану дань в три тысячи дукатов, называемую, впрочем, «даром», и ныне передали ему в качестве подношения пять тысяч. Он также сообщал, что венецианский Сенат провел переговоры со Скандебергом. Ему было передано четыре тысячи дукатов на грядущую зиму и к весне обещана отправка помощи из пятисот всадников и такого же числа пехотинцев, а также субсидия на содержание в Албании его армии в десять тысяч человек для войны с турками¹⁴⁹. В июле

1464 г. Пий II лично приехал в Анкону, где собирались крестоносные войска и флот. Туда же прибыл и Виссарион с одной снаряженной галерой (con una galea ben armata)¹⁵⁰. Однако в ночь с 14 на 15 августа понтифик скончался, и дож Кристофоро Моро, прибывший в Анкону с большим опозданием, увел свои корабли обратно в Венецию.

Илл. 42. Фрагмент фрески работы Пинтуриккьо (ок. 1452-1513), посвященной прибытию папы Пия II в Анкону для начала крестового похода (Сиена. Библиотека Пикколомини). Слева от трона изображен деспот Фома Палеолог с рыжей бородой, в голубых одеяниях и широкополой шляпе.

Поиски союзников в Западной Европе и Италии в понтификат Павла II и Сикста IV не давали ощутимых результатов. После падения венецианского Негропонта 12 июля 1470 г. Виссарион снова взялся за перо, составив две антитурецкие речи к правителям Италии («*Orationes ad principes Italiae contra Turcos*») и сопроводив их собственным переводом первой «Олинфской» речи Демосфена¹⁵¹. Он уверял, что, по мнению турецкого султана, не может быть ничего более достойного, ничего более славного для его имени, чем вторжение в Италию и присоединение её в качестве обычной провинции к своей империи. Им движет не только жажда славы, но и стремление сохранить свое государство, и он не видит более надежного способа сделать это, чем приумножать свои силы, нанося ущерб другим¹⁵². Ибо «он не сможет сохранить империю, если не станет её расширять, поскольку то, что готово отступить, не преуспеет, что готово упасть, не поднимется, что готово разрушиться, большим не делается. Ободренный этим мнением, он увеличивает изо дня в день свое и без того огромное войско. Он вторгается в чужие земли, чтобы не потерять собственные»¹⁵³. Виссарион утверждал, что султан задумал разместить в Италии свою резиденцию и расположить войска, чтобы отсюда покорить остальной мир, и благодаря разногласиям своих врагов надеется с легкостью этого достигнуть. В своих намерениях он напоминал ему Пирра перед войной с Римом, который, отвечая на последовательные вопросы оратора Киней, сообщил, что после завоевания Италии, он овладеет Сицилией, а следом Ливией и Карфагеном. Виссарион почти дословно воспроизвел этот отрывок из Плутарха (Пирр, 14). Когда же Киней поинтересовался, что тот будет делать после подчинения Македонии и Греции, Пирр ответил: наслаждаться досугом, пирами, увеселениями и беседами. Тогда Киней спросил, что же нам мешает предаваться увеселениям, отдыху и беседам прямо сейчас, ибо то, чего мы стремимся достичь ценой таких трудов, тягот и опасностей, мы можем делать и так, когда пожелаем? Но если ни

совет Киней, ни малое число воинов, ни слава римлян не удержали Пирра от вторжения в Италию, то разве не отважится на это Турок, который намного превосходит его войсками, владениями и богатствами, который знает о разобщенности сил и стремлений в Италии, который обычно насмехается над достижениями Пирра и сравнивает свою доблесть с доблестью Александра Македонского, покорившего Ливию, Азию и почти весь мир?¹⁵⁴ Однако Турок хочет не только сравняться с Александром в расширении пределов империи, но и превзойти его, поскольку у него более тридцати тысяч воинов и семидесяти талантов, которыми располагал Александр к началу похода против персов¹⁵⁵.

Ко времени написания речей у Виссариона появились основания полагать, что итальянские государи стали осознавать масштабы грозящей опасности. Аббат монастыря Сан-Северино по имени Виссарион сообщил ему, что король Неаполя Фердинанд I готов выступить против врагов веры. В ответном послании кардинал попросил показать монарху письмо, присланное им ранее аббату¹⁵⁶, в котором он пугал неизбежным вторжением турок в Италию: «Немного позже будет военный флот турок в Брундивии, и в Неаполе, и в Риме. Уже и так венецианцы уступают им господство на море, как и на земле. В итоге они посовещаются и переправят в Апулию много тысяч воинов, которых у них в избытке. Ими будут совершаться ежедневные набеги на земли неаполитанские и римские»¹⁵⁷. Предостережения Виссариона о возможном вторжении турок в Италию подтвердились десять лет спустя, когда в 1480 г. османские войска, высадившись около Отранто, захватили город и удерживали его более года. Разорению подверглись и другие населенные пункты Апулии, включая монастырь св. Николая, где ранее Виссарион приобрел часть своих книг.

Речи были завершены вскоре после отправки этого письма и адресованы папе Павлу II, а также собравшимся в Риме итальянским послам. Казалось, что ситуация складывалась

благоприятно для пропаганды крестоносной идеи. В июле состоялось возобновление союза между Миланом, Флоренцией и Неаполем, который был окончательно утвержден 22 декабря¹⁵⁸. Более всего в военной помощи нуждалось венецианское правительство, просившее Святой Престол направить нунциев и легатов к европейским монархам. 25 августа 1470 г. Виссарион послал дожу Кристофоро Моро свои *orationes*, содержание которых в целом соответствовало венецианской политике того времени. В июле-августе 1471 г. в Венеции был напечатан итальянский перевод речей, выполненный Лудовико Карбоне и посвященный правителю Модены и Феррары Борсо д'Эсте (типограф: Кристоф Вальдарфер)¹⁵⁹. Распространением речей за Альпами занимался, прежде всего, Гийом Фише, профессор Сорбоннского университета. Он получил рукопись от самого Виссариона через посредство Николя Леру, настоятеля монастыря Сен-Корней в Компьене¹⁶⁰. Вместе со своим коллегой Иоганном Хейнлином Фише организовал первую французскую типографию, пригласив в Сорбонну трех немецких типографов: Ульриха Геринга, Мартина Кранца и Михаил Фрибургера. Вероятно, что этим он и обратил на себя внимание Виссариона, который узнал о нем от Гийома Бодена, приехавшего в Рим в составе французской делегации, и по собственной инициативе завязал с ним переписку¹⁶¹. В апреле-августе 1471 г. парижская типография выпустила латинское издание речей Виссариона, посвященное влиятельному бургундскому кардиналу Жану Ролену, стороннику войны против турок¹⁶². Дан Йоан Мурешан, исследовавший политический подтекст этого издания, пришел к выводу, что Виссарион и Фише стремились приурочить публикацию речей к открытию Великого сейма в Регенсбурге 23 апреля 1471 г., созванного императором Фридрихом III¹⁶³. Турецкий вопрос

Илл. 43. Миниатюра из «Риторики» Гийома Фише, на которой изображено, как автор вручает свой труд кардиналу Виссариону. Венеция. Национальная библиотека св. Марка. Marc. Membr. 53, fol. 1r. (1471 г.)

был одной из ключевых тем, обсуждавшихся на сейме. В дискуссиях участвовали представители папы, послы Венгрии, Неаполя и Венеции, то есть тех государств, которые были наиболее заинтересованы в организации коллективного отпора османам. Сам Виссарион в Регенсбурге не был, но его

имя там упоминалось часто. После смерти Павла II 26 июля стали раздаваться голоса в поддержку Виссариона в качестве нового папы. Джаннантио Кампано в письме к Домитцио Кальдерини сообщал, что неаполитанский посланник Нарчисо де Вердуно, выступая перед императором, четыре раза упоминал кардинала, сопровождая это «такой похвалой, какой не заслуживает ни один смертный, кроме самого Виссариона». По словам Кампано, и греки, и латиняне, и Паннония, и вся Германия в один голос требуют для него папства¹⁶⁴. В письме Виссариону Кампано заверял его, что «Князья хотят папу, преданного этому столь великому походу: все они почитают тебя и возлагают на то [т.е. на твое избрание] последнюю надежду»¹⁶⁵.

Отпечатанные экземпляры речей Виссариона предназначались, прежде всего, для рассылки европейским монархам. Фише послал копии Фридриху III, Людовику XI, Карлу Смелому, Амадею IX Савойскому, Карлу I Баденскому, Людвигу IX Баварскому, а также другим представителям политической и церковной элиты Германии, Франции и Англии¹⁶⁶. Вероятным получателем был и венгерский король Матвей Корвин¹⁶⁷. Впрочем, за его исключением, ни один из упомянутых северных монархов, которым были отправлены речи Виссариона, не принял участие в антиосманских военных кампаниях. Фише с разочарованием описал то учтивое равнодушие, с которым Людовик XI принял из его рук произведение Виссариона на приеме в замке Амбуаз: «Я передал его королевскому высочеству твои речи, оформленные настолько изысканно, насколько я смог это сделать. Я сказал несколько слов как о необходимости согласия между христианскими правителями, так и о войне, которую нужно вести с врагами Креста. Я не пропустил ничего из того, что следовало изложить королю от твоего имени. Он принял книгу внешне любезно и быстро прочитал краткое предисловие, которое я написал к твоему труду. Затем, перелистывая страницы, он пристально рассмотрел картины и изображения, заполнявшие поля. Потом он прочитал

твои небольшие пояснения к речи Демосфена, расположенные почти отдельно от остального текста, ибо они были выделены золотом и разными цветами по ходу речи. Во время чтения он задал мне несколько вопросиков, на которые я с готовностью ответил. Наконец, вернувшись к началу книги, он три или четыре раза принимался за чтение дистиха – того, что нашел под изображением царя: “О царь, прими сей дар, который станет счастливым для тебя и принесет пользу за границей и дома”. Присутствовавший при сем секретарь принял от него книгу на сохранение. В конце концов, царь поблагодарил ваше преосвященство за дар, однако не произнес ни единого слова о согласии дома и необходимости войны за границей»¹⁶⁸. 23 декабря 1471 г. папа Сикст IV назначил Виссариона легатом *de latere*, наряду с четырьмя другими кардиналами. Им надлежало отправиться ко дворам европейских монархов для ведения очередных переговоров об антитурецком союзе. Виссариону было поручено посольство во Францию, Бургундию и Англию¹⁶⁹. Эта последняя миссия кардинала закончилась неудачей. Людовик XI оказал Виссариону прохладный прием. Внимание короля было поглощено франко-бургундскими отношениями, а не турецким вопросом. Тяготы путешествия, продолжавшегося с апреля по ноябрь 1472 г., истощили силы кардинала. Возвращаясь в Рим, Виссарион умер в Равенне 18 ноября на семидесятом году жизни.

В процесс пропаганды крестового похода прямо или косвенно были вовлечены многие греческие беженцы. Одни из них разъезжали по странам Европы в поисках милостыни или денег на выкуп пленников. Другим, таким как Франкулий Сервопул или Иоанн Ласкарис, давали официальные дипломатические поручения. В 1454-1455 гг. путешествие по западным странам предпринял Николай Агаллон¹⁷⁰: сначала он отправился в Венецию, где получил от Сената рекомендательные письма к Фридриху III, затем в апреле 1454 г. был любезно принят императором в Винер-Нойштадте (Нижняя Австрия). Фридрих III сделал его графом и членом собственного совета,

а также обещал ему военный отряд в случае начала войны с турками. Как указывает Дж. Харрис, Агаллон выделяется среди других византийцев не только как пропагандист крестового похода, но и как возможный его участник. Вскоре Фридрих III посоветовал ему продолжить свою миссию во Франции и Англии. В конце августа Агаллон добился аудиенции короля Карла VII, который, выслушав посланника, взял время на размышление. В сентябре Николай приехал в Англию, где дождался приезда папского нунция Бартоломео Роверелла, архиепископа Равенны, и получил из государственной казны в дар 50 марок. Поскольку англичане поддержали идею похода только на словах, Агаллон вернулся во Францию, но и там решение королевского совета было отрицательным. После неудачного завершения миссии имя Агаллона исчезает из исторических источников. Примечательно, что летом 1454 г. при дворе Карла VIII объявился ещё один грек из той же семьи – Мануил Агаллон. Ему была выдана «милостыня» в 68 ливров и 15 су¹⁷¹. Мануил оказался одним из двух знатных беженцев, происходивших из Константинополя, за которых ранее ходатайствовал Филельфо перед французским канцлером Гийомом Жувенелем дез Юрсеном¹⁷².

После смерти Виссариона самым деятельным сторонником идеи крестового похода среди греческих эмигрантов стал Иоанн Ласкарис. Совершив две поездки в Грецию в 1490-1491 гг. с целью поиска рукописей, Ласкарис, как кажется, получил и неофициальное задание от Лоренцо де Медичи – собрать информацию о турецкой армии и флоте, а также о готовности греков поднять антиосманское восстание¹⁷³. В 1508 г. Ласкарис высказал свои соображения относительно похода против турок в сочинении «*Informatione ad impresa contro a Turchi*». Он указал на большую вероятность борьбы за престол между наследниками престарелого Баязида II, проанализировал состояние, содержание и численность османских войск, флота и артиллерии, на основании чего пришел к

выводу о том, что на Западе явно преувеличивают боеспособность противника. По его мнению, христианское население в целом готово подняться против турок. При подготовке похода следовало обратить внимание не столько на численность, сколько на качество вооруженных сил. Для успеха крусады необходимо позаботиться о формировании флота, средства на который должны предоставить итальянские государства при участии Церкви. В качестве первоначального места базирования кораблей предлагалась Сицилия, откуда флот отправится прямо к Стамбулу и заблокирует подвоз припасов в городе. Венецианцы, увидев масштаб предприятия, помогут крестоносцам своим флотом, хотя их главной целью станет отвоевание Мореи. Сухопутная армия, состоящая из французов, немцев, чехов и венгров, подойдет к Константинополю с севера, в то время как итальянцы, испанцы и англичане прибудут морем. Для защиты христианского населения от ограбления крестоносцами потребуются поддерживать суровую дисциплину. Большое значение следует придавать и дезинформации врага. Ласкарис считал возможным привлечь к участию в походе императора Священной Римской империи, королей Франции, Англии, Шотландии, Испании и Венгрии. Отвоевание Константинополя было обозначено им в качестве ближайшей цели. Он полагал, что время благоприятствует предприятию, а султан стар, немощен и неспособен вести войну¹⁷⁴.

Будучи связан с французским двором, Ласкарис возлагал надежды на поддержку крестового похода со стороны Карла VIII, Людовика XII и Франциска I. В 1525 г. восьмидесятилетний дипломат отправился по поручению папы Климента VII в Испанию. Ему предстояло примирить Карла V с Франциском I, разбитым и плененным при Павии, и в очередной раз призвать к крестовому походу против турок. Миссия Ласкариса завершилась безрезультатно. Однако она запомнилась его блестящей речью, в которой он просил короля освободить Грецию и её народ от господства варваров. Ласкарис говорил

о необходимости латинянам оплатить великий культурный долг перед его родиной. Им следовало считать Грецию своей матерью и помнить о её выдающихся людях, как о собственных учителях и отцах. Греки дали Западу героев (Геракла, Тезея и Ясона), законодателей (Миноса, Ликурга и Солона), полководцев (Фемистокла, Аристида и Эпаминонда), выдающихся правителей (Агесилая, Филиппа и Александра), поэтов (Гомера, Гесиода и Пиндара), историков (Ксенофонта, Фукидида и Плутарха), философов (Пифагора, Платона, Сократа, Аристотеля и Теофраста), географов (Гиппарха, Страбона и Птолемея), медиков (Гиппократ и Галена) и богословов (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста). Себя Ласкарис представил как посланника Древней Греции и того, что ныне от неё осталось¹⁷⁵.

Следует упомянуть о весьма подобострастной речи Михаила Апостолия к Фридриху III, в которой он призывал императора освободить Грецию от турок¹⁷⁶. По всей видимости, она была написана по случаю приезда Фридриха III в Рим зимой 1468-1469 гг. В это же время туда прибыл Апостолий, чтобы встретиться с кардиналом Виссарионом¹⁷⁷. Идея написания речи, как указывает сам автор, была подсказана ему влиятельным другом, возвестившим о добродетелях правителя. Стилистически изощренная речь Апостолия была наполнена льстивыми похвалами в отношении «светлейшего царя». Перечислив турецкие завоевания, он выразил надежду, что Фридрих III восстанет против варваров, отомстит за павших воинов, о чем к нему взывает сам покойный Константин XI Палеолог, и возродит греческую империю во главе со своим сыном Максимилианом.

Показательно, что Михаил Апостолий обратился к Фридриху III на греческом языке, хотя гораздо логичнее и эффективнее было бы использовать латынь, как поступали другие византийские пропагандисты. По-гречески до нас дошло и его «Увещание из Гортины», адресованное как итальянцам, так и всем европейцам, в котором он предложил обучать

греческому методом погружения в язык при минимальном использовании латыни¹⁷⁸. В последнем случае при обращении к западной аудитории намного уместнее было бы прибегнуть к латинскому языку. И дело не только в том, что это существенно расширило бы круг потенциальных читателей, но и в том, что демонстрация латинского красноречия византийским ученым была свидетельством подлинного речевого мастерства и показателем его состоятельности как преподавателя греческой словесности на Западе. Из письма Апостолия к Троицкому, мы узнаем, что перед отправкой речи неустановленным итальянским адресатам он действительно выполнил её латинский перевод, считающийся утерянным, – редкое свидетельство его работы в качестве переводчика¹⁷⁹. Литературное наследие Апостолия почти полностью греческое, в связи с чем возникает уместный вопрос, насколько хорошо он владел латынью? Можно предположить, что его речь к Фридриху III также могла быть переведена перед отправкой, однако для этого у нас нет доказательств.

Наряду с крестовым походом, на Западе предлагался и другой способ решения турецкого вопроса, опирающийся на традицию христианского миссионерства. В этом отношении наиболее интересные взгляды выразил Георгий Трапезундский. Накануне падения Константинополя он, также как и другие эмигранты, возлагал надежды на помощь католических монархов Фридрих III и Альфонса V Арагонского¹⁸⁰. В письме к папе Николаю V 1452 г. Георгий писал, что греки пока ещё охраняют латинские города, но в случае гибели Византии Пера, Каффа, Негропонт, Крит и другие принадлежащие католикам владения станут добычей врагов Креста¹⁸¹. После захвата византийской столицы позиция Георгия претерпела изменения. В 1465-1466 гг. он совершил поездку в Константинополь в надежде получить аудиенцию Мехмеда II. Путешествие Георгия профинансировал сам Павел II, однако встреча с султаном так и не состоялась. Георгий адресовал Мехмеду II три трактата «Об истинности христианской веры»

(1453), «О вечной славе самодержца и его мировом владычестве» (1466), «О божественности Мануила» (1467), а также три письма¹⁸². Через них он попытался в очень осторожной форме убедить султана принять христианство. Основные догматы христианского вероучения он изложил в согласии с католической Церковью, возложив на православную ответственность за раскол. По словам Георгия, ислам во всем согласуется с христианским учением, кроме вопроса о крестной смерти Христа, но и это противоречие можно снять, если отказаться от буквального понимания коранического текста и допустить, что он подвергся порче. Великая миссия Мехмеда II состояла в объединении веры и Церкви. Георгий предсказывал, что завоеватель Константинополя в будущем станет хозяином Рима и создаст всемирную империю, однако при этом он должен последовать примеру императора Константина и принять Христа. В противном случае Бог искоренит ислам¹⁸³.

Военные победы турок вызывали закономерный интерес к их истории и происхождению¹⁸⁴. В 1456 г. Эней Сильвий Пикколомини, к тому времени ставший кардиналом, попросил Николая Секундиноса, служившего венецианским дипломатом при дворе Мехмеда II, написать произведение на эту тему. Работа Секундинуса «*Liber de familia Autumanorum*» стала первым на Западе серьезным исследованием истории османов¹⁸⁵. Автор отождествил турок со скифами, опираясь на описание последних у Геродота, что, по его мнению, подтверждалось «подобием жизни и обычаев, наружностью и одеянием, способом верховой езды и стрельбы из лука и, в целом, некоей общей военной наукой, доставшейся от отцов», а также «родством самого языка и манеры речи». Аргументы Секундиноса были затем использованы в «Космографии» Энея Сильвия (в то время уже папы Пия II), который отвергал популярную среди ранних гуманистов версию происхождения османов от древних троянцев-тевкров. В итоге, благодаря стараниям Пик-

коломини и его единомышленника тезис о скифской генеалогии турок закрепился в западной исторической мысли второй половины XV-XVI вв.¹⁸⁶

Другой случай участия греческих эмигрантов в подобного рода дискуссиях связан с Феодором Газой. Франческо Филельфо обратился к нему за разъяснением, почему тот пишет слово «турок» в форме *τῦρκος*, а не *τοῦρκος*, как в византийских источниках и, в частности, в лексиконе «Суда»¹⁸⁷. В ответ Газа прислал ему свой небольшой трактат «О происхождении турок» (*Περὶ ἀρχαίου γένεως τοῦρκων*, *De origine Turcarum*)¹⁸⁸, написанный, как полагает Маргарет Мезерв, в 1472 г.¹⁸⁹ Газа предпочел не говорить в популярной тогда манере о турецкой свирепости и об угрозе христианскому миру. Внимание ученого было нацелено, главным образом, на полемику с его интеллектуальным соперником, Гемистом Плифоном. Последний коснулся вопроса происхождения турок в известной записке деспоту Феодору Палеологу о реформах в Пелопоннесе. По его мнению, их далекие предки якобы обитали в пределах Паропамиса (Гиндукуша) и именовались «паропамисадами» (*παροπαμισάδαι*). В результате похода Александра Македонского они были разбиты, но спустя много веков снова явились, чтобы отомстить грекам за свои беды¹⁹⁰. Газа счел суждения Плифона безосновательными и даже надуманными. Его собственное исследование опиралось, главным образом, на сведения, полученные из «Географии» Страбона и «Обозрения истории» Иоанна Скилицы.

Скилица сообщал, что турки некогда обитали в предгорьях Северного Кавказа¹⁹¹. По его сведениям халиф аль-Мутасим в 837 г. направил против императора Феофила войско, в состав которого входило десять тысяч воинов, названных Скилицей сначала «куртами» (*Κοῦρτοι*), а затем «турками»¹⁹². В другом месте он писал, что в ходе восточной кампании Василия I 878-879 гг. было захвачено много «куртов и сарацинов»¹⁹³. Это позволило Газе отождествить *Κοῦρτοι* и *Τοῦρκοι*¹⁹⁴. Далее он обратился к Страбону, который упоминал неких

Κύρτιοι среди народов, населявших горные области на севере Мидии-Атропатены (Strab. XI, 13). Отсюда Газа сделал вывод, что «куртии» проживали также и в Армении, расположенной у отрогов Кавказского хребта, а следовательно, могли быть идентичны тем Κούρτοι или Τοῦρκοι Северного Кавказа, о которых писал Скилица¹⁹⁵. Полностью доверяя его свидетельствам, Газа доказывал, что родиной турок был не Паропамис, а Кавказ. Оттуда часть из них проникла в Персию и византийскую Анатолию, другая достигла Паннонии, где император Лев VI использовал их вместе с венграми против болгар¹⁹⁶. Подобно его оппоненту Плифону, Газа также считал турок древним народом, сведения о котором остались ещё в сочинениях классических авторов. По его представлениям, все свидетельства ранней византийской историографии о тюрках были связаны с одним единственным этносом, историю которого можно восстановить, соединив различные упоминания о нем в исторических источниках. Отвечая на вопрос Филельфо, Газа указал, что форма Τύρκοι (вместо Τοῦρκοι) используется им как более правильная, так как она образована от названия страбоновых Κύρτιοι¹⁹⁷. Различия в написании Κύρτιοι и Κούρτοι Газа связывал с особенностями древнегреческой и византийской орфографии: первой присуще написание через υ (Κύρτι, δύο, μῦς, σῦς), второй – через ου (Κοῦρτι, δοῦο, μοῦς, σοῦς). Наконец, трансформация названия Κούρτοι в Τοῦρκοι произошла или по причине большего благозвучия, или потому, что в такой форме (Τοῦρκοι) византийцы слышали это слово от самих турок¹⁹⁸.

Газе также принадлежит трактат о древнем афинском календаре «О месяцах» (Περὶ μηνῶν, De mensibus), написанный в 1470 г.¹⁹⁹ Проблема интерпретации названий аттических месяцев встала перед гуманистами еще в начале столетия, когда под руководством Мануила Хрисолора его ученики приобрели опыт перевода греческих классиков на латинский язык. Их интерес к афинскому календарю определялся в основном

филологическими задачами, но в силу сложности самого предмета они обращались к данной теме лишь эпизодически²⁰⁰. Георгий Трапезундский столкнулся с трудностью перевода названий греческих месяцев во время работы над латинской версией «Истории животных». Он указал, что «посидеон» одни называют сентябрем, другие августом, тогда как сам Аристотель указывает на его положение перед зимним солнцестоянием. На этом основании Георгий сделал вывод, что «посидеон» следует считать ноябрем²⁰¹.

Сочинение Газы стало наиболее ранним сохранившимся исследованием аттического календаря, нацеленным на устранение путаницы в порядке и значении месяцев²⁰². Ученый систематически изучил доступный ему исторический материал, отверг интерпретацию Георгия Трапезундского и высказал критические замечания относительно реформированного календаря из «Законов» Плифона²⁰³. В трактате Газы не только разъяснялась последовательность месяцев, но также разбирались вопросы, касающиеся продолжительности года, достоинств солнечного календаря по сравнению с лунным, исчисления месяцев и лет. Отдельная глава была посвящена отсчету нового дня, который афиняне начинали от захода солнца, а римляне с полуночи. Ученый справедливо отметил невозможность простого наложения аттического календаря, основанного на смене фаз Луны, на римский календарь²⁰⁴. Впрочем, Газе удалось восстановить правильный порядок только для семи месяцев: от элафеболиона до боэдромиона²⁰⁵. Изучение календаря имело для Газы как теоретическое, так и практическое значение. Будучи сторонником языкового пуризма, он полагал, что грекам подобает использовать греческие названия месяцев, сохраняя тем самым чистоту родной речи²⁰⁶. Газа оказался последователен в своих начинаниях: его дальнейшая греческая корреспонденция была датирована на основании восстановленного им календаря²⁰⁷.

Илл. 44. Портрет Феодора Газы (в центре). Фрагмент картины Сандро Боттичелли (1445-1510) «Поклонение волхвов» (ок. 1475). Флоренция. Галерея Уффици.

В течение нескольких десятилетий трактат «О месяцах» был востребован гуманистами по обе стороны от Альп. К нему обращались Лодовико Риккьери и Филипп Меланхтон²⁰⁸. Французский эллинист Жан Ланж (Johannes Angelus) однажды предложил Эразму перевести на латынь эту «плодоносную книжицу»²⁰⁹. Латинский перевод, выполненный Жаном Переллем, был впервые опубликован в Париже в 1533 г. Примечательно, что в колофонах некоторых греческих инкунабул, отпечатанных в Италии, Германии и Франции, месяц издания ставился в согласии с календарем Феодора Газы²¹⁰.

К историческим работам, написанным византийскими эмигрантами, можно отнести небольшое сочинение энциклопедического характера «О греческих писателях, происходивших из Сицилии и Калабрии», принадлежащее Константину Ласкарису²¹¹. Первая редакция, посвященная Сенату и народу Мессины, включала биографии 42 сицилийских греков, расположенные в алфавитном порядке. Сведения о них Ласкарис извлек главным образом из «Суды». Помощь со стороны Лодовико Саккано, о которой было упомянуто в посвяtitельном письме, вероятно, заключалась в редактировании латинского текста: Ласкарис выделил его ученость в области латинской словесности и указал на знакомство с греческой²¹². В дальнейшем привлечение новых данных из «Суды», Диогена Лаэртского и Филострата позволило существенно расширить и дополнить эту работу. Новая редакция состояла из двух книг: первая, посвященная Фернандо де Акунья, содержала информацию о 69 уроженцах Сицилии, во вторую, написанную в честь герцога Калабрии Альфонсо, вошли статьи о 35 калабрийцах. Изменения коснулись и самой структуры сочинения. Биографии располагались уже не в алфавитном, а в географическом порядке: сначала были помещены статьи о знаменитых мессинцах, потом об уроженцах других мест. Ласкарис стремился показать, что греческое наследие сделало этот регион уникальным, а культурный потенциал Сицилии и Калабрии некогда был настолько велик, что по числу мудрых

и изобретательных людей они не уступали ни Пелопоннесу, ни греческим островам. Вторая редакция была впервые напечатана в Мессине в 1499 г. ещё при жизни автора (*Vitae iphilosphorum Siculorum et Calabrorum*, типограф: Guilelmus Schönberger). Новое издание подготовил Франческо Мауроло, переработавший текст Ласкариса (*Sicanicarum rerum compendium. Messanae, 1562*)²¹³.

Составленный Плифоном компендиум греческой истории («*Opuscula de historia Graeca*»)²¹⁴ представлял немалый интерес для западного читателя, на что указывает большое количество копий, сделанных с кодекса Marc. gr. Z 406 (791) во второй половине XV в.²¹⁵ Кроме того, это было наиболее распространенное из сочинений ученого, попавших на Запад. Впервые его напечатал Альд вместе с «Греческой историей» Ксенофонта (Венеция, 1503). Альдовский текст компендиума был почти полностью воспроизведен Иоахимом Камерарием в приложении к изданию «Истории» Геродота (Базель, 1541). Первый латинский перевод сочинения, сделанный итальянским гуманистом Марко Антонио Антимачо (*Antonius Antimachus*), вышел в Базеле в 1540 г. Второй представлял собой переложение компендиума, выполненное и опубликованное Камерарием вместе с работой Леонардо Бруни «*Commentarium rerum Graecarum*» (Лейпциг, 1546). Переводчик внес некоторые изменения в плифоновский текст и представил его как историческое повествование, как будто составленное им самим: «*Nos autem adiecimus collecta quaedam ex Diodorus, Plutarcho et aliis, quibus usque ad Alexandri regnum narratio contexeretur*». Третий перевод на латынь был опубликован немецким филологом Захарием Ортусом (*Zacharias Orthus*) в Любеке в 1561 г. Наконец, следует упомянуть и французскую версию Пьера Салиат'а, изданную в Париже в 1556 г.²¹⁶

«*Opuscula*» Плифона состоят из двух небольших работ – «Обзора событий после битвы при Мантинее согласно Диодору и Плутарху» и «Выписок из Диодора». Плифон, веро-

ятно, задумывал свой компендиум как продолжение «Греческой истории» Ксенофонта, доведенной до Мантинейского сражения. Первая из работ Плифона охватывает временной промежуток между 362 и 341 гг. до н.э. (т.е. между битвами при Мантине и при Кримиссе), во второй излагаются события от смерти Александра Ферского в 357 г. до н.э. до кончины Филиппа II Македонского в 336 г. до н.э. Помимо трудов указанных авторов, Плифон привлекал и другие источники: Демосфена, Эсхина, Страбона, Диогена Лаэртского и «Письма» Платона²¹⁷. Энрико Мальтезе и Давиде Амендола обратили внимание на сходство между плифоновским компендиумом и «*Commentarium rerum Graecarum*» (1439), написанным Бруни на основе «Греческой истории» Ксенофонта. Как и «*Opuscula*» Плифона, работа Бруни имела целью заполнение пробелов между событиями и соединение разрозненных сведений в связанное историческое повествование. Он обобщал, сокращал, переводил и перерабатывал свой главный источник, поэтому его «*Commentarium*» нельзя считать ни простым переложением, ни эпитомой труда Ксенофонта. Оба исследователя предполагают, что происхождение этих исторических трудов связано со встречей Плифона и Бруни во Флоренции, однако имеющихся источников явно недостаточно, чтобы рассуждать о том, чье влияние в данном случае было определяющим²¹⁸. Показательно, что обе работы были опубликованы вместе в упомянутом издании 1546 г.

Заслушивает упоминания и попытка Георгия Трапезундского стать официальным историографом венецианской республики. Из письма патриция Лодовико Фоскарини к Флавио Бьондо (из Удине, 1 июля 1462) известно, что за почетное право безвозмездно (*gratius*) написать историю Венеции соперничали три человека – Георгий Трапезундский, Джаммарио Филельфо и Пьетро Перлеоне. В конечном счете, первые два уступили дорогу последнему, а тот охладел к проекту²¹⁹. В итоге работа была поручена Бьондо, кандидатуру которого поддерживали Фоскарини и сенатор Джироламо Барбариго, однако

до своей смерти в 1463 г. он успел написать только черновой фрагмент первой книги. По мнению Дж. Монфазани, причиной конкуренции трех гуманистов за место историографа стало учреждение в Венеции второй кафедры гуманитарных дисциплин²²⁰ в марте 1460 г.: честь написания истории республики, по-видимому, должна была выпасть тому, кто получил официальное назначение на должность преподавателя. Это привело к соревнованию между Георгием и Джаммарио за право занять кафедру, которое завершилось отъездом последнего в Болонью весной 1461 г. Участие в этом соперничестве Перлеоне Дж. Монфазани объяснял его стремлением обеспечить свое положение в школе св. Марка при Канцелярии и сохранить статус ведущего венецианского учителя-гуманиста. Наконец, после того, как в 1462 г. греческий ученый уехал в Рим, интерес Перлеоне к работе историографа остыл²²¹. Что касается Георгия Трапезундского, то он так и не оставил после себя исторических сочинений, хотя неоднократно анонсировал их создание²²².

Влияние греческих ученых на общественно-политическую мысль Ренессанса в основном связано с распространением и истолкованием произведений классических авторов. Так, например, важнейший античный трактат по политической науке – «Политика» Аристотеля – изучался под руководством Андроника Каллиста в Болонье²²³ и Аргиропула – во Флоренции²²⁴. В гуманистических предисловиях можно найти размышления о природе и назначении государственной власти, о наилучших качествах государей и о совершенном государственном устройстве. Среди панегиристов Козимо де Медичи Аргиропул был первым, кто стал восхвалять своего патрона как ученого и добродетельного правителя, используя аристотелевскую терминологию. Как показал Элисон Браун, если до приезда Аргиропула во Флоренцию гуманисты прославляли Козимо за «практические достоинства» государ-

ственного деятеля, за внешние и видимые признаки его политической и финансовой власти в городе, то византийский ученый в первую очередь обратил внимание на его мудрость и моральную ответственность перед гражданами. Материальные блага Аргиропул рассматривал только как средство достижения высокой моральной и интеллектуальной цели, а именно открытия истины и наслаждения счастьем. Чуждый традициям флорентийского республиканизма он создавал идеализированный образ флорентийского государя-философа²²⁵. Как сообщает Веспасиано да Бистиччи, Аргиропул был частым гостем Козимо²²⁶, который любил интеллектуальное общение и провоцировал гуманистов на дискуссии. Об одной из них рассказывает Аламанно Ринуччини: после смерти сына Козимо Джованни де' Медичи (1463) он пришел выразить соболезнования вместе со своим учителем Аргиропулом и некоторыми учениками последнего. В ходе беседы между собравшимися возник спор о том, кого надлежит считать более выдающимся по достоинству в государстве – верховного главнокомандующего или главу гражданской власти. Николедо Транкедини да Понтремоли, постоянный представитель миланского герцога Франческо Сфорца во Флоренции, высказался в пользу авторитета главнокомандующего, остальные заняли противоположную позицию. Выслушав суждения обеих сторон, Козимо произнес прекрасную речь в защиту гражданского правителя (*pro governatore*), поразив собравшихся красноречием, обилием мыслей и знанием древних авторов²²⁷.

Античные модели могли использоваться для демонстрации преимущества того или иного общественно-политического строя. Свидетельством тому является письмо Георгия Трапезундского к патрицию Франческо Барбаро от 5 декабря 1451 г., в котором он доказывал, что основатели венецианской республики руководствовались платоновскими «Законами». По его мнению, в основе государственного устройства Венеции лежала идея смешанного правления, заключа-

ющаяся в гармоничном сочетании монархических, аристократических и демократических начал²²⁸. Хотя в «Законах» нет развернутого определения смешанной формы государственного устройства (Leg. III, 681d, 691d-692a, 693b-e; IV, 712d-e)²²⁹, Георгий вполне мог использовать основные принципы этого учения, изложенные в сочинениях Аристотеля, Полибия и Цицерона²³⁰.

«Из “Законов” Платона, - писал Георгий, - я с ясностью понял, что ваши предки [венецианцы], которые заложили основания вашей республики, несомненно, взяли из этих книг всё, что может надолго сделать республику счастливой. Ибо невероятно, что всё случайно соединилось так, чтобы с великой точностью соответствовать его предписаниям. Ни одна республика, говорит он сам, не будет долго процветать, если не была установлена так, чтобы в ней имелись все формы государственного правления: я имею в виду власть одного государя, аристократов и народа: очевидно, что никто никогда настолько точно не соответствовал этому, как вы. И если кто-то заявит, что это было воспринято не от Платона, а произошло в силу случая, пусть рассмотрит и другое. Он [Платон] рассуждает о том, что следует избирать единственного правителя и при том пожизненно. И то, и другое было доказано венецианцами на деле. Ибо вы избираете правителя, причем избираете бессрочно. Аристократов же, которые держали бы совет о войне и о мире и брали бы на себя иные более значительные тяготы государственных дел, он [Платон] избирает не бессрочно, а на время, определенное законодателем. И ваши сенаторы не занимают должности пожизненно и избираются вами для того, чтобы заботиться о государстве. Он предлагает привлекать [к управлению] не одних старцев, но и молодежь не только потому, что в молодых подчас проявляется доблесть, но и в силу необходимости, которая требует, чтобы государство постоянно крепло благодаря преемственности власти и чтобы преемственность также соблюдалась и у вас в Сенате при руководстве государственным делами. Не потому ли ваши предки, которые на деле поняли и претворили в жизнь учение Платона, включили в состав Сената сорок молодых мужчин²³¹, прошедших избрание?»²³²

Письмо произвело впечатление на Барбаро, ибо отныне венецианцы могли считать Платона своим законодателем и гордиться им не меньше, чем критяне Миносом, афиняне

Солоном и спартанцы Ликургом. Он попросил, чтобы Георгий прислал свой перевод «Законов» с предисловием, достойным как автора, так и самого произведения, пообещав распространить эти книги среди сограждан²³³. Между ними завязалась оживленная переписка²³⁴. В предисловии, предваряющем латинскую версию «Законов», Георгий посвятил свой труд «сиятельному сенатору венецианской республики Франческо Барбаро, прокуратору св. Марка и через него самой республике». В нем он более подробно изложил ранее высказанные идеи о государственном устройстве Венеции²³⁵:

«Когда недавно я сделал перевод книг Платона о законах, это подтолкнуло или, точнее, побудило меня предложить свой труд твоей республике и посвятить его выдающемуся и прославленному венецианскому народу: подобно тому как эти книги, по мнению наших предков, кажется, затмевают другие платоновские сочинения (ибо в них Платон превзошел и победил сам себя в красноречии), так и венецианская республика, несомненно, намного опережала прежде и, как я полагаю, будет опережать в будущем все свободные государства, управляемые народом или аристократами: в правосудии, величии духа, прочих добродетелях, в искусстве войны и мира. Кроме того, если кто-то более усердно и глубоко изучит эти законы Платона, установленные им для своего государства, чтобы оно оставалось неизменным и свободным, тот, по моему мнению, не сможет отрицать, что первооснователи венецианской свободы получили от Платона искры и ручейки, необходимые для установления государства, чтобы оттуда проистекли более полноводные потоки и зажглись более яркие огни, чем те, о которых он сам для своего государства или кто-нибудь другой когда-либо мог помыслить.

Он считает, что свобода государства не будет стабильной и постоянной, если оно не включает в себе три вида государственного правления, которые кажутся ему похвальными: это монархия, власть знатнейших или аристократия и народовластие. Но только венецианцы действительно поняли и смогли на практике доказать истинность его слов. Ибо они следуют за одним правителем. Их аристократы, отличающиеся мудростью, справедливостью и знатностью, избранные, чтобы обсуждать государственные дела, главенствуют во всем, что имеет отношение к войне и миру. Но также не была оставлена без внимания идея народовластия, точнее, истинная власть самого народа. Ибо все те, у кого нет опыта государственного управления, сходятся на собраниях (*ad comitia*), на которых должны выбираться должностные лица (*magistratus*)²³⁶.

Он велит, чтобы в государстве прежде всего была учреждена должность стражей закона (*custodes legum*). Венецианцы нашли применение этим лицам, хочет ли кто-то называть их стражами или цензорами, поручив им при всем присутствовать, за всем наблюдать и все слушать, чтобы ничего вопреки законам не только не делалось, но даже не говорилось. Мне кажется, что и само наименование должности было взято у Платона. Какая разница, как говорить – «стражи законов» или защитники и охранители вашей республики?²³⁷

Он устанавливает, чтобы должности занимались путем жесткой, сложной и разнообразной процедуры голосования, исключаяющей всякое подозрение²³⁸. А что насчет ваших отцов? Разве они сами не оставили все это предусмотрительно своим потомкам, и разве вы не следуете этому надлежащим образом? Я утверждал бы, клянусь Богом, что ни до, ни после Платона вплоть до сего дня не было такой упорядоченной и разнообразной процедуры избрания должностных лиц, как та, о которой говорит Платон и которую вы воспроизвели на практике! Кроме того, есть много другого, в чем ваши предки придерживаются платоновского учения и из-за чего их небывалый практический опыт и необыкновенное благоразумие становятся все более известными и прославленными.

Я не удивлен, что они прочитали и поняли Платона: в те времена почти вся Италия знала греческий язык и наиболее благородные итальянские мужи, которые, объединившись из-за суровости времён, основали город Венецию, были знакомы с греческой словесностью не меньше, чем с латинской. Однако мне кажется весьма удивительным, что все это они приняли на деле и притом достигли лучших результатов, чем те, которые он сам описал. Они, конечно, никогда не смогли бы это сделать, если бы по своим природным способностям, учености, практическому опыту и всякому виду добродетели не были исключительными и удивительными людьми. <...> Сам Платон никогда не надеялся на возможное установление своих законов, разве что народ был бы вынужден соблюдать их по воле какого-нибудь тирана, который показал бы себя правителем с таким самообладанием, что за время его жизни народ привык бы к этой свободе. Ибо он открыто говорит: если не появится какой-нибудь тиран с такими намерениями, то его законы останутся без государства²³⁹. Это значит, что основатели венецианской республики превзошли всех остальных людей во всяком виде добродетели и гражданской науке, поскольку не по принуждению тирана, но по собственной воле воплотили в реальности платоновский государственный идеал. И что поразительно, основанное ими государство оказалось гораздо лучше описанного самим Платоном, человеком более красноречивым, чем Юпитер, как сказали бы язычники.

Ибо даже если пропустить для краткости остальное, насколько превосходным является все то, чего мы слегка коснулись! Правитель [Венеции]

избирается не на год, а пожизненно, не только для того, чтобы он приобретал знания и опыт, но и для того, чтобы не казалось, что из-за ежегодной смены правителей ниспровергается и приходит в упадок величие республики. Аристократы, обладающие знанием божественных и человеческих дел, отличающиеся благочестивым и набожным отношением к создателю, способности и просвещенность которых общепризнанны, избираются в Сенат, ибо, как явствует из самого названия²⁴⁰, достойными кажутся те, у кого испрашивают их мнение. А что касается народа, то разве он не таков, чтобы через сравнение его с сенаторами понять, что это народ? Но на самом деле, если бы ты разглядел каковы по отдельности те, что стараются попасть в собрание²⁴¹, ты обнаружил бы, что это не беспорядочная толпа, не праздный и беспокойный сброд, но все они патриции и сенаторы? Разумеется, этот новый и неслыханный, не человеческий, но божественный дар был дан вам одним: все вы патриции и сенаторы, и все вы поочередно словно вливаетесь в народ. Вот почему только вы одни умеете и править, и повиноваться справедливо и благоразумно».

Рассуждая далее о преимуществе венецианского строя, Георгий обратился к историческим примерам. По его словам, могущество Афин было обеспечено не демократическим правлением, а доблестью немногих предводителей, которые, несмотря на свои заслуги, пострадали от народного гнева. В итоге народовластие обернулось для афинян расстройством государственных дел. Спартанцы сохраняли свою свободу гораздо дольше, но преуспели только в войне на суше. Их государство не отличалось ни морской славой, ни подлинным величием империи. Нестабильность и непостоянство власти в римской республике порождали постоянные гражданские конфликты и волнения, так что «внешние войны часто начинались в качестве замены миру и многие уходили в армию, чтобы вести более спокойную жизнь». В отличие от этих государств, Венеция вступала в войны только ради мира. Её обширная империя уже более тысячи лет простиралась от Адриатики до Греции, охватывая ныне и значительную часть Италии. В ней нет ни политических группировок, ни распрей, ни следа разногласий. Поэтому «никто из тех, кто видел Венецию, конечно, не станет отрицать, что не по человеческому решению,

но из благоговения перед истинным Богом, не по человеческому приговору, но по Божиему промыслению было основано государство и поставлен город среди моря за гранью людских богатств и замыслов».

В заключение он выразил признательность всей венецианской республике и, разумеется, своему покровителю, благодаря которому он переехал в Италию и начал изучать латинскую словесность. И хотя Барбаро умер прежде, чем Георгий получил обещанное вознаграждение, находчивый эмигрант составил новое посвящение, на этот раз венецианскому дожу, что и принесло ожидаемые плоды. В начале октября 1460 г. или несколько ранее он был назначен Сенатом преподавать гуманитарные дисциплины в школе св. Марка с годовым жалованием в 150 дукатов²⁴². Построения Георгия Трапезундского стали важным элементом «венецианского мифа». Столетие спустя она была систематизирована Гаспаро Контарини (1483-1542) в книге «О магистратах и устройстве Венецианской республики»²⁴³.

Наиболее оригинальные идеи можно увидеть в известных речах Плифона о реформах в Пелопоннесе. Хотя эти сочинения находились вне поля зрения итальянских гуманистов (возможно, за исключением Филельфо)²⁴⁴, нам представляется уместным остановиться на общественно-экономических воззрениях византийского ученого, интерес к которым по-прежнему высок²⁴⁵. Между 1416 и 1418 гг. Плифон составил две записки – одну, адресованную императору Мануилу II (I, 1-25), другую – деспоту Феодору (II, 1-27)²⁴⁶, в которых изложил программу глубоких и всесторонних преобразований, призванных вывести страну из кризиса и укрепить её обороноспособность перед лицом турецкой угрозы.

Основой государственного благосостояния в плифоновском проекте должна была стать продуманная фискальная система. Все население Пелопоннеса следовало разделить на сельских налогоплательщиков-илотов, свободных от несения военной службы, и военнотружущих, освобожденных от

любых платежей. Плифон выделял три вида налогов (II, 12): трудовые повинности; выплаты определенных денежных сумм или иных ценностей и налоги, собираемые натурой. Первые два обременительны и неудобны: повинности требуют постоянного надзора за их исполнением, а при обложении населения денежными налогами нельзя точно рассчитать доходность каждого хозяйства, которая не является постоянно одинаковой. Кроме того, деньги взимаются в течение года частями и многими сборщиками. Исходя из этого, Плифон предложил ввести единый натуральный налог как наиболее удобный и для производителя, и для государства. Он должен был взиматься одним постоянным сборщиком и рассчитываться с учетом мощности хозяйств. Плифон считал недопустимым собирать с илотов больше установленного и обременять их другими повинностями (I, 13; II, 25).

Основные принципы налогообложения Плифон определяет следующим образом. При подсчете налога производителям должны быть возвращены затраты на семена и на восполнение поголовья, после чего «плоды трудов» или, иначе, «плоды земли» разделяются на три части: одна остается самим работающим, другая идет «доставляющим средства производства» (τὰ τέλη), т.е. пахотных быков, виноградники, скот и другое имущество, третья предназначается для содержания государственного аппарата и армии (I, 13, 18; II, 13) – именно она и является налогом в прямом смысле слова. Та часть, которая отдается «доставляющим средства производства» (συνεκλορίζοντες τὰ τέλη, παρεχόμενοι τὰ τέλη), – это разного рода платежи, взимаемые за использование чужих τὰ τέλη и свидетельствующие о зависимом положении работника. Хотя мысль Плифона относительно «доставляющих средства производства» сформулирована неясно, можно заключить, что к этой категории в первую очередь должны быть отнесены феодальные землевладельцы, располагавшие полями, виноградниками, выпасами, стадами и получавшие ренту от зависимых крестьян-пáриков.

Теоретические построения Плифона, касающиеся ежегодного распределения произведенных благ, несомненно, опираются на византийские реалии²⁴⁷. Если τὰ τέλη принадлежат государству, последнее оставляет себе две части плодов. К этой категории тружеников ближе всего парики императорских и казенных имений (δημοσιακοί πάροικοι), которые платили ежегодную арендную плату за пользование землей (μортή или δεκατεία), государственную подать (τέλος) и выполняли повинности²⁴⁸. Византийское государство также собирало налоги с земель, находившихся в частной собственности. Это могли быть владения высших сановников (αρχοντικά), в том случае, если им не предоставлялись налоговые привилегии, и небольшие поместья частных лиц (προσωπικά). Собственники таких имений старались переложить государственные налоги на плечи крестьян, поэтому последние несли двойное бремя платежей и повинностей, или, говоря языком Плифона, получали только одну часть произведенных ими плодов.

Значительное количество земель Пелопоннеса было пожаловано императорами в качестве проний. Как правило, государство не получало налоговых поступлений от прониаров и их париков²⁴⁹. Крестьяне уплачивали господину ренту (μортή/δεκατεία), какую-то долю налогов, уступленных ему казной, а также несли в его пользу повинности. Кроме того, прониар взимал дополнительные сборы за использование мельниц, маслобойных и винных прессов, гончарных и хлебных печей, пастбищ и рыбных ловель. Плифон, как выразитель интересов служилой знати, признавал необходимость налоговых иммунитетов для держателей проний: «Тот, кто служит в армии или на государственной службе, должен быть свободен от всяких повинностей, за исключением службы, которая на него возложена»²⁵⁰. Программа Плифона не дает ясного понимания, каким образом будут распределяться «плоды трудов», полученные с земель, пожалованных в пронию. Можно предположить, что прониар мог оставить себе две части

годового дохода парических хозяйств: одну – как «доставляющий средства производства», другую – за выполнение служебных обязанностей²⁵¹.

Согласно проекту, илоты, работающие собственными средствами производства, должны оставлять себе две части дохода, а одну отдавать государству. Этот тип производителей, скорее всего, соответствует мелким самостоятельным землевладельцам, унаследовавшим «родительские» участки (γονική γῆ)²⁵². Наконец, Плифон говорит о тех, кто работает на «общие средства» (τὰ κοινὰ τέλη) и получает половину плодов. К сожалению, ученый не сообщает, что представляет собой этот интересный вид производственных отношений. Его мысль станет понятнее, если мы обратимся к тому параграфу из речи к императору Мануилу, где Плифон рассуждает о порядке комплектования армии. Так, он пишет, что в тех областях, где большинство населения окажется пригодным к военной службе, следует разделить людей на две группы, которые, чередуясь друг с другом, будут или работать на общие средства (κοινοῖς τοῖς τέλεσιν ἐργάζεσθαι), или нести службу (I, 14; II, 10). По всей видимости, при таком разделении производители должны были бы заботиться не только о своих хозяйствах, но и о хозяйствах призванных в армию воинов в порядке очереди. Следуя логике Плифона, можно заключить, что в качестве вознаграждения за работу на чужой земле или выпас чужого скота они могли рассчитывать на третью часть плодов, тогда как две части отдавались хозяевам, освобожденным на время службы от налогов. Можно указать на близость этой категории производителей к поздневизантийским *ипостатикам* (υποστατικοί πάροικοι)²⁵³. Будучи независимыми землевладельцами, они дополнительно брали в аренду чужие участки. Как землевладельцы эти крестьяне платили государству *телос*, как парики-арендаторы – арендную плату и налог, который или поступал в казну через арендодателя, или обращался в свою пользу прониаром²⁵⁴.

Поскольку при натуральном налогообложении доходы государства напрямую зависели от количества обработанных земель, Плифон предложил установить государственный контроль над землепользованием. За каждым земледельцем следовало признать право осваивать пустующие участки и пользоваться землей до тех пор, пока она будет обрабатываться. С другой стороны, он допускал изъятие невозделанных участков у нерадивых хозяев (I, 18-19)²⁵⁵. Смелое утверждение Плифона, что земля является общим достоянием (τὴν γῆν ἄλασαν κοινὴν ἄλασι τοῖς ἐνοικοῦσιν εἶναι), по всей видимости, следует понимать как признание исключительного права государства собирать налоги за её сельскохозяйственное использование и предоставлять налоговые иммунитеты. О масштабном наступлении на права земельной аристократии речь, очевидно, не шла, хотя ситуация, сложившаяся на Пелопоннесе после подавления Мануилом II мятежа морейских топархов²⁵⁶, вероятно, казалась Плифону удачной для усиления позиций центральных властей. От последних он ждал принятия мер, направленных на защиту налогоплательщиков и повышение эффективности сельского хозяйства.

Более жесткую позицию Плифон занимал по отношению к монастырскому землевладению. Практика раздач монастырям государственного имущества и освобождения их от налогов приводила к тому, что необходимые казне средства расходовались на содержание тех, кто не имел перед обществом никаких обязательств (I, 15-17). Между прониарами и монастырями существовало давнее соперничество. В слове «О незаконных дерзостях архонтов в отношении священных имуществ» (сер. XIV в.) Николай Кавасила обличал сторонников конфискации владений и доходов монастырей, оправдывавших свои действия общей пользой и заботой о делах государства²⁵⁷. Их доводы были очень созвучны с теми, которые позднее привел Плифон в речи к императору Мануилу II²⁵⁸.

Важным шагом к достижению экономической самостоя-

точности был отказ от использования иностранных и неполноценных монет. Однако в сложившихся условиях это можно было сделать только путем натурализации экономических отношений и установления жесткого контроля над экспортом и импортом (I, 21; II, 14). Плифон признает экономическую значимость денег, но в силу ограниченности внутренних ресурсов не находит ничего лучше, как предложить прямой продуктообмен при сохранении в обращении любых денег, подходящих для повседневных нужд. Хотя Плифон считал Пелопоннес вполне самодостаточным регионом, он все же указывал на потребность в некоторых иноземных товарах, в первую очередь в оружии и железе, которые рекомендовал обменивать на хлопчатобумажные ткани и ввозить, не облагая пошлинами. Из контекста видно, что Плифон являлся сторонником ограничительных мер в отношении импорта товаров, который был невыгоден для страны, особенно иноземных платьев и тканей (I, 22). В свою очередь, экспорт «плодов страны» должен быть ограничен высокими пошлинами в половину их стоимости во всех случаях, кроме вывоза товаров с целью их обмена на оружие, железо и другие нужные предметы (I, 23; II, 14). Вся внешняя торговля в проекте Плифона была ориентирована на приобретение необходимых стране товаров. Неудивительно, что Плифон отводит торговой деятельности чисто служебную роль, включая купцов, лавочников и ремесленников в особый вспомогательный класс – τὸ διακοικόν φύλον (II, 8, 10). Занятие коммерцией и управлением были несовместимы для Плифона, поэтому он считал необходимым ввести запрет на участие представителей власти в торговле, причем как в крупной, так и в мелкой. Плифон допускал возможность пополнения правящего класса за счет торговцев, но в качестве условия выставял отказ от коммерческой деятельности (II, 10, 24). Что касается ремесла, то Плифон не предложил никаких конкретных мер по его реорганизации, кроме желательности поддержки отечественного производства тканей (I, 22).

Цель экономических преобразований, в конечном счете, сводилась к следующему: «Все доходы должны быть обращены на снабжение армии, а наряду с этим и на обеспечение потребностей императора, военачальников и всех правителей»²⁵⁹. В первую очередь Плифон советовал уделять внимание собственным сухопутным силам (II, 11) и отказаться от услуг наемников (I, 9-10)²⁶⁰. Солдат следовало освободить от налога и любых повинностей, кроме военной. Каждый воин должен был содержаться за счет плодов собственного хозяйства. Сверх того, пехотинцу полагалась доля одного илотского хозяйства (очевидно, та, которая должна была уплачиваться в качестве налога), всаднику – двух. В обязанности правителей и военачальников вменялось содержание вооруженных слуг в зависимости от количества предоставленных илотов (I, 14; II, 25). Плифон, кажется, придерживался того мнения, что привилегии прониаров, полученные за военную и гражданскую службу, не должны освобождать их от поставки солдат в армию, причем в строго установленном количестве.

Ключевой идеей, вокруг которой строилась программа Плифона, стала вера в возможность спасения страны за счет её собственных ресурсов. В своих размышлениях о наилучшем общественном устройстве Плифон не был свободен от платоновских влияний, но они не довели над ним, а подкрепляли, где необходимо, его собственную концепцию. Тем не менее, последовательная разработка модели автаркистского государства привела к тому, что некоторые объективные тенденции того времени были оставлены им без внимания или не получили должной оценки. Например, Плифон явно уменьшал роль торговли, недооценивал степень вовлеченности византийского правящего класса в коммерческую деятельность и не просчитывал возможную реакцию итальянских морских республик на ограничение их торговых возможностей в Море.

Плифоновские речи о реформах в силу своей специфики,

кажется, не вызвали заметного отклика у итальянских гуманистов, хотя и пополнили некоторые ренессансные коллекции. Следует отметить, что речь к императору Мануилу II была включена в большее количество кодексов²⁶¹. Среди них: Laur. Plut. 80.24, владельцем которого был Филельфо; Milano, Bibl. naz. Braidense AD XV. 9(25), переписанный Димитрием Триволисом во второй половине XV в., и Marc. gr. Z 519 (=773) из собрания Виссариона. Первое греко-латинское издание обеих речей вышло в 1575 г. в Антверпене благодаря сотрудничеству редактора Вильгельма Кантера, подготовившего их перевод, и печатника Христофора Плантена²⁶². Поиски «следов» плифоновских идей в сочинениях ренессансных мыслителей привели некоторых новейших исследователей к заключению о неслучайном сходстве социально-политических концепций Плифона и Томаса Мора. Впервые гипотеза о влиянии византийского ученого на английского гуманиста была выдвинута профессором Дж. Дунканом М. Дерреттом²⁶³ и затем поддержана Димитрием Дедесом²⁶⁴, Вильгельмом Блюмом²⁶⁵ и Питером Гарнси²⁶⁶. Дж.Д.М. Дерретт нашел соответствия между плифоновской моделью государства и «Утопией», а также высказал мысль о том, что Мор был вдохновлен якобы имевшими место социалистическими идеями византийского философа. Д. Дедес предположил, что Мор узнал о речах через Джованни Пико делла Мирандола. В. Блум, отклонив гипотезу Д. Дедеса, предложил другой канал передачи информации: через Феодора Газу, хорошо знакомого с трудами своего соотечественника и даже состязавшегося с ним в учености, к Эразму, в библиотеке которого было две работы Плифона²⁶⁷, и, наконец, от Эразма к Морю²⁶⁸. Эти построения встретили решительные возражения Э.В. Мальтезе. Он вполне убедительно показал, что гипотеза о заимствовании Мором плифоновских идей не поддается проверке и покоится на одних предположениях. По его мнению, между прагматизмом дискурсов Плифона и утопическим социализмом

Мора имеются очевидные различия. Основополагающая особенность всего плифоновского проекта – это подчинение человека высшим национальным интересам. Общий вывод Э.В. Мальтезе сводится к тому, что до середины XIX в. Плифон воспринимался исключительно как философ, филолог и эрудит, и только после издания «Законов» (1858) и речей о реформах (1860)²⁶⁹ его начинают рассматривать как реформатора и политолога²⁷⁰.

Наиболее заметное влияние социально-политические и экономические воззрения Плифона оказали на Виссариона. В 1444 г. кардинал написал письмо деспоту Константину Палеологу, в котором дал рекомендации относительно обустройства дел в Пелопоннесе²⁷¹. Как следует из текста, это было третье по счету письмо Константину (первые два не сохранились), отправленное после укрепления им Коринфского (Истмийского) перешейка. Причины тяжелого положения Пелопоннеса Виссарион усматривал в дурном управлении, упадке образования, обременительном налогообложении населения и, как следствие, его обнищании и утрате стимула к труду. Для исправления ситуации необходимо усердие, старание и благозаконие. Он считал, что в отношении законов, установленных человеком, следовало проявлять гибкость, изменяя их в зависимости от условий и потребностей времени. Также как и Плифон, Виссарион предлагал разделить пелопоннесцев на два основных разряда – сельское податное население и воинов – с четким разграничением их обязанностей; упорядочить налогообложение; ограничить роскошь как в государственной, так и в частной сфере; принять меры, направленные на повышение эффективности сельского хозяйства, и контролировать внешнюю торговлю. Приводя в пример итальянские государства, он рекомендовал наложить запрет на вывоз хлеба, в результате которого голодали местные жители, но обогащались чужеземцы.

Однако в отличие от Плифона Виссарион не был сторон-

ником изоляционизма и смотрел на проблему спасения империи гораздо шире, нежели его учитель. Он выделял четыре отрасли производства, развитие которых было необходимо для страны и в которых наметилось отставание от западных соседей. Это машиностроение, металлообработка, производство оружия и судостроение. Для их освоения Виссарион предложил отправить в Италию молодых людей в количестве четырех или восьми человек, не разглашая цель их путешествия, чтобы по возвращении в Грецию они обучили бы технологиям своих соотечественников. По его убеждению, эти искусства редки и уникальны, но в то же время просты и быстро осваиваются как в теории, так и на практике²⁷². Более всего Виссарион был поражен автоматической распилкой бревен и механической работой кузнечных мехов²⁷³. По всей видимости, эти устройства приводились в движение силой воды. Необходимые для производства ресурсы Виссарион предлагал искать в самой стране. Он отмечал, что в Пелопоннесе было достаточно лесов для строительства военных кораблей и торговых судов²⁷⁴, а залежи руды имелись в районе Мистры и горы Тайгет²⁷⁵. Кроме того, Виссарион упомянул ещё четыре важных ремесла – стеклоделие, изготовление шелка, производство шерсти и окрашивание тканей. Впрочем, по его мнению, эти искусства были нужны не для выживания страны, а для комфорта и роскошной жизни²⁷⁶.

Виссарион не находил ничего зазорного в том, чтобы учиться на Западе техническим наукам. Он объяснял это тем, что латиняне сами получили знания от греков, как бы в долг, и теперь настал черед вернуть их обратно²⁷⁷. Вполне закономерно, что мировоззрение Виссариона, отличавшегося наблюдательностью и широким кругозором, не было ограничено узкими рамками византоцентризма. Примечательно, что с этого времени византийцы начинают проявлять интерес и к политическому устройству итальянских государств. Например, во время Флорентийского собора некий грек обратился

к Леонардо Бруни с просьбой описать своеобразный государственный строй Флоренции. Бруни посвятил этому вопросу краткий трактат на греческом языке. Эта работа была, несомненно, известна Плифону, о чем свидетельствуют его пометы на полях кодекса Marc. gr. Z 406 (791) в разделе, содержащем трактат Бруни²⁷⁸.

Если обратиться к области права, то следует упомянуть о попытке Димитрия Халкокондила реконструировать греческие термины в одном из фрагментов «Дигест» (41.3.30 pr.)²⁷⁹. Свидетельство об этом сохранил его ученик, миланский юрист Андреа Альчато. Речь касалась отрывка из сочинения Помпония, в котором говорилось о трех родах тел: простых, сложных и собирательных (материально не связанных). Во Флорентийской рукописи «Дигест», недоступной Халкокондилу, первые два рода обозначались по-гречески *ἑνόμενον* *единое* и *συνημένον* *вместе соединенное*. Поскольку в кодексе, оказавшемся в его руках, эти термины были опущены, Халкокондил предложил обозначать простое тело, составляющее одно целое, словом *φυσικόν* *естественное*, а состоящее из многих, связанных между собою деталей, – *τεχικόν* *искусственное*²⁸⁰.

Веспасиано да Бистиччи рассказывает об ученой дискуссии, состоявшейся по инициативе Козимо де Медичи между Иоанн Аргиропулом и Отто Никколини, ведущим флорентийским юристом: «Мессер Джованни по праздникам, когда не читал лекций, навещал Козимо с некоторыми из своих учеников. Тот всегда расспрашивал его о разных вещах: о бессмертии души и других вопросах теологии или философии; с ним он никогда не терял времени зря. Благодаря долгому общению с образованными людьми Козимо отличался огромной рассудительностью, а его суждения были весьма удовлетворительными, однако тому, кто хотел удовлетворить Козимо, следовало быть человеком знающим и благоразумным.

Илл. 45. Фрагмент фрески «Козимо де Медичи в окружении художников и ученых». Приписывается кисти Марко Маркетти да Фаэнца (†1588). Флоренция. Палаццо Веккьо.

Человек с седой бородой и в белом тюрбане за плечом Козимо (сидящий мужчина со статуэткой в руке) идентифицируется как Иоанн Аргиропул: *Ronchey S. Tommaso Paleologo*. P. 142, 235.

Однажды, когда мессер Джованни и мессер Отто Никколини были у него, Козимо спросил мессера Джованни, соответствуют ли писания правоведов моральной философии или какой философии они подчиняются? Мессер Джованни ответил, что писания правоведов подчиняются моральной философии и не составляют сущность философии (*essenza della filosofia*). Мессер Отто хотел, чтобы они были частью моральной философии, и сильно раздражался. Мессер Джованни привел ему в ответ очень веские аргументы в обоснование того, что они не являются некоей частью моральной философии, а подчиняются ей, но мессер Отто ни за что не хотел уступать». Хотя Козимо разделял точку зрения Аргиропула, что право подчинено моральной философии, он не вмешивался в диспут, ибо ему хотелось понаблюдать за защитой Никколини. Последнему выпала сложная задача доказывать, что моральные ограничения не довлеют над правом. Несмотря на то, что этот спор завершился с неопределенным результатом, Козимо получил огромное удовольствие от интеллектуального противоборства его придворных ученых²⁸¹.

Среди греческих эмигрантов, оказавших влияние на развитие риторики и логики, наиболее заметный вклад был сделан Георгием Трапезундским. Его сочинение «*Rhetoricorum libri V*», завершённое в Венеции в конце 1433 или начале 1434 г., представляло собой первую полную гуманистическую риторику, которая познакомила латинских читателей с плодами греческой риторической мысли, в особенности с трудами Гермогена Тарсийского (II в. н.э.). Структура работы опирается на анонимную римскую «Риторику к Гереннию» (*ad Herennium*). При этом Георгий добавил книгу, основанную на гермогеновой теории стасиса (*Lib. II*), заменил некоторые разделы латинской риторики греческими элементами и построил свое описание учения о стиле на основе книги Гермогена «О риторических идеях». Изложение античного ма-

териала он всегда сопровождал собственными объяснениями, уточнениями и примерами. Если в более ранних работах по риторике содержалось описание не более четырех или пяти методов аргументации, таких как силлогизм, энтимема, индукция и пример, то Георгий предложил десять, взятых из разных источников. В разделе об опровержении он обратился к пятнадцати риторическим уловкам (*solutiones*), которые были найдены им в сочинении «О неразрешимых противоречиях» Максима Философа, учителя императора Юлиана (*Lib. III*). В книге, посвященной стилю (*Lib. V*), Георгий изложил двадцать один тип стилистических эффектов, опираясь на материал Гермогена. Вместе с тем, примеры, взятые последним из речей Демосфена, были заменены хорошо подобранными выдержками из Цицерона, а рассуждения Гермогена о фигурах речи, соответствующих каждому стилю, дополнены отрывками и идеями из «Риторики к Гереннию». В конце книги Георгий поместил раздел об истинном речевом мастерстве, написанный им на основе материала из двух трактатов – «О риторических идеях» Гермогена и «Об ораторе» Цицерона. Из латинских источников Георгия нужно также назвать Квинтилиана, Фортунатиана, Боэция, Марциана Капеллу и Петра Испанского; из греческих – Дионисия Галикарнасского, Аристотеля и Максима Философа²⁸². «*Rhetoricorum libri V*» были хорошо доступны на Западе. По подсчетам Дж. Монфазани, сочинение Георгия содержалось в двадцати четырех итальянских рукописях XV в.²⁸³ Оно было напечатано не менее тринадцати раз, начиная с первого выпуска в Венеции ок. 1472 г. (тип.: Венделин фон Шпейер) и заканчивая лионским изданием 1547 г. (тип.: Себастьян Грифиус)²⁸⁴. Примечательно, что часть работы Эразма «О написании писем» (*De conscribendis epistolis*) была переработкой отрывка из «*Rhetoricorum libri V*»²⁸⁵.

Между 1439 и 1440 гг. Георгий посвятил своему ученику Пьетро Гамбакорте работу под названием «*Isagoge dialectica*»,

первый гуманистический учебник по логике, предназначенный для нужд речевого искусства. Георгий кратко изложил основные принципы аристотелевской логики без схоластических дополнений. Его источниками были сочинения Аристотеля, Цицерона, Порфирия, Боэция, а также схоластов Петра Испанского, Гильберта Порретанского, Павла Венецианского и других²⁸⁶. Дж. Монфазани выявил восемнадцать итальянских рукописей XV в., содержащих «Введение в диалектику»²⁸⁷. В самой Италии его печатали трижды и только в Венеции – два раза в оригинале (ок. 1472, 1540) и один в итальянском переводе (1567), зато к северу от Альп между 1508 и 1561 гг. вышло пятьдесят одно латинское издание (в основном в Париже, Кельне и Лионе)²⁸⁸. По мнению Дж. Монфазани, такой успех сочинения на Севере был связан с тем, что оно дополняло популярный трактат Рудольфа Агриколы «О диалектическом нахождении» (*De inventione dialectica*, ок. 1479, первое изд.: Лувен, 1515): в «*Isagoge*» были рассмотрены именно те части традиционной логической программы, которые не были изложены у Агриколы²⁸⁹.

Ренессансная астрономия XV в. считала своим главным авторитетом Птолемея. Согласно статутам Болонского университета 1405 г., на четвертом году обучения студенты, изучающие свободные искусства и медицину, совершенствовали познания в астрологии и астрономии по «Четверокнижию» (*Quadrupartium*) и «Альмагесту»²⁹⁰. Первое сочинение было известно прежде всего по средневековым переводам с арабского. Самый ранний из них выполнил Платон из Триволи (1138). Его версия была очень востребована в течение всего периода Возрождения, выдержав ряд изданий. В XIII в. Вильгельм из Мёрбеке сделал более точный перевод с греческого языка, однако он остался почти неизвестен²⁹¹. Новые латинские версии, выполненные на основе оригинального текста, появились только в первой половине XVI в., а полный пере-

вод «Четверокнижия» был подготовлен Филиппом Меланхтоном и опубликован в Базеле в 1553 г.

Латинские версии «Альмагеста» появились во второй половине XII в. Самый ранний перевод был выполнен с греческого на Сицилии ок. 1160 г., затем в Толедо появился перевод с арабского, завершённый около 1170 г. Герардом Кремонским. В середине XV в. новую гуманистическую версию этого важнейшего астрономического трактата античности подготовил Георгий Трапезундский²⁹². Он сопровождал его обширным комментарием и в декабре 1451 г. преподнес работу папе Николаю V. Поскольку Георгий попросил своего патрона показать перевод какому-нибудь специалисту в области математики и астрономии, понтифик обратился к Якопо Кассиано, регулярному канонику ордена св. Августина. Якопо ранее учился у Витторино да Фельтре и уже выполнил для Николая V перевод Архимеда. По поручению папы он составил листы (*schedulae*) критических замечаний и исправлений, которые с согласия Николая V были прикреплены к полям кодекса Георгия. Последний воспринял критику своей работы очень болезненно и даже отправил Николаю V письмо с прошением о проведении публичных дебатов с обидчиком. Понтифик велел Георгию подготовить новый вариант перевода с учетом сделанных замечаний, но тот отказался и вскоре уехал в Неаполь. Виссарион, кажется, также поддержал критические замечания Якопо. Ранее кардинал рекомендовал Георгию опереться при переводе Птолемея на комментарий Теона Александрийского к «Альмагесту», однако тот составил собственный комментарий, в котором позволил себе критиковать ошибки Теона. Это осложнило отношения между двумя греками²⁹³. В письме Георгию в Неаполь Виссарион писал, что тот проявил непослушание и заслуживает ещё большего наказания, чем то, которому подверг его папа (т.е. заточению в замке Сант-Анджело)²⁹⁴.

Как показывают дальнейшие события, кардинал был за-

интересован в появлении современного комментария на «Альмагест». Во время посольства в Германию (1460-1461) Виссарион посетил Вену, куда прибыл 5 мая 1460 г. Там он познакомился с двумя выдающимися математиками и астрономами – австрийцем Георгом Пурбахом (1423-1461) и немцем Региомонтаном (Иоганном Мюллером, 1436-1476). Виссарион предложил Пурбаху сделать эпитому «Альмагеста», краткое и ясное изложение произведения с пояснительными комментариями, а также пригласил его в Рим. Пурбах начал работать над «Эпитомой», располагая копией перевода «Альмагеста», выполненного в XII в. Герардом Кремонским, но его ранняя смерть 8 апреля 1461 г. помешала этим планам. Незадолго до кончины Пурбах также отправил Виссариону составленные им «Таблицы затмений»²⁹⁵.

В Италию кардинал вернулся осенью 1461 г. в сопровождении Региомонтана, ученика покойного Пурбаха. Молодой ученый вошел в свиту Виссариона, разместился в его римской резиденции на Виа Эргатика у подножия Квиринала и сопровождал патрона в его путешествиях – в папские купальни в Витербо весной 1463 г. и Венецию в 1463-1464 гг. В Риме Региомонтан продолжил изучение греческого языка. По всей видимости, он руководствовался грамматикой Феодора Газы, так как рукопись последней вошла в его личную коллекцию. Он также сделал себе полную копию Нового Завета на греческом, которая, к сожалению, была потеряна, а во время нахождения в Венеции обнаружил шесть из тринадцати книг «Арифметики» Диофанта Александрийского. В послании к Джованни Бьянкини в Феррару от 1464 г. он писал, что его знаний греческого языка, который он освоил в доме своего почтеннейшего господина Виссариона, будет достаточно, чтобы перевести Диофанта на латынь, однако для этого ему нужно отыскать все книги «Арифметики», поэтому он просил Бьянкини разузнать, нет ли у феррарских эллинистов необходимых ему рукописей²⁹⁶.

В Италии Региомонтан активно занимался научной деятельностью. Он завершил работу над «Эпитомой», начатую Пурбахом, затем написал трактат о треугольниках (*De triangulis*) и руководство по использованию метеороскопа. Эти сочинения он посвятил Виссариону. Греческий покровитель, вероятно, сподвиг его приступить к написанию труда под заглавием «Защита Теона Александрийского от Георгия Трапезундского» (*Theonis alexandrini defensio contra Georgium Trebizondium*). В нем Региомонтан обвинял Георгия, называемого им «шустомелей» (*pugator*), в том, что тот был некомпетентен в астрономии, неверно понял самого Теона и даже занимался плагиатом. Это сочинение готовилось автором к опубликованию, но сохранилось только в рукописном виде (СПб. ФА РАН. Ф. IV. Оп. 1. Д. 935). Кроме того, им был составлен ныне утраченный трактат по сферической астрономии «*Problemata almagesti*»²⁹⁷.

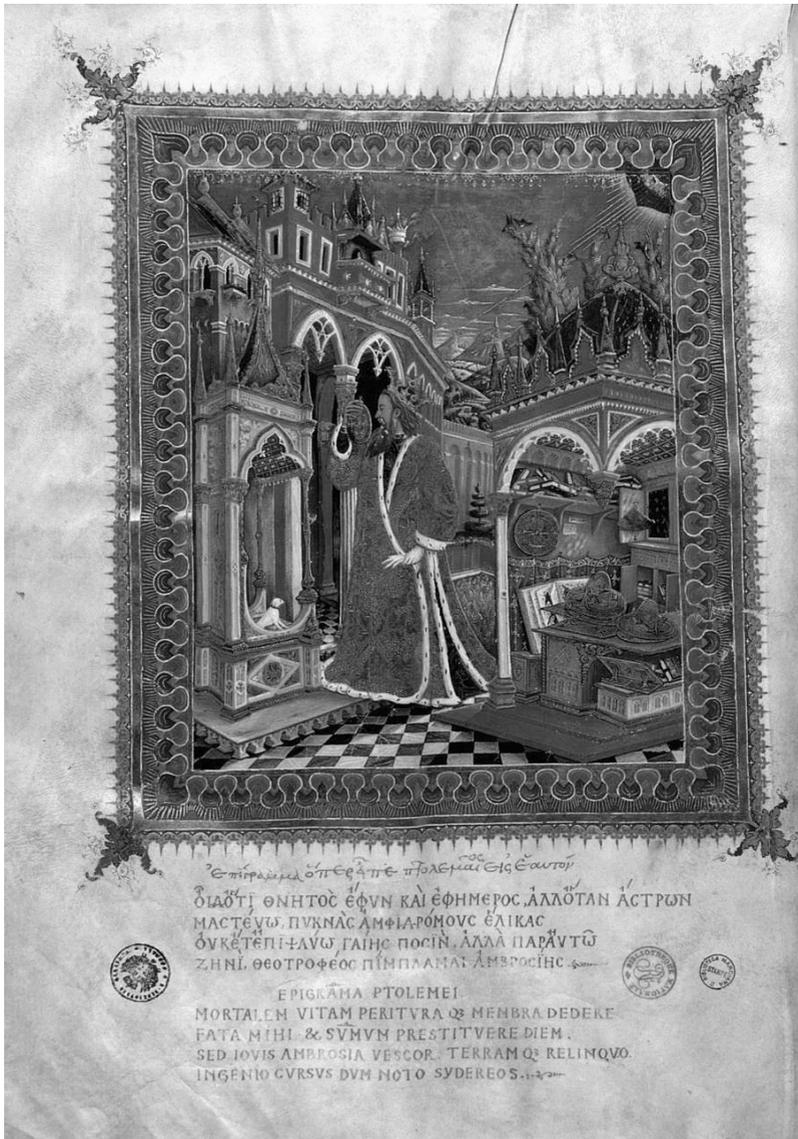
Региомонтан также сконструировал и презентовал своему покровителю небольшую астролябию диаметром 11.5 см. Образцом для неё послужила византийская астролябия, созданная в 1062 г. в Константинополе по заказу ипата персидского происхождения по имени Сергей и, вероятно, привезенная в Италию Виссарионом²⁹⁸. Региомонтан поместил на обратной стороне своей астролябии дарственную надпись: «*SVB DIVI BISSARIONIS DE // CARDINE DICTI PRAESI // DIO ROMAE SVRGO IO // ANNIS OPVS :~ 1462*» («Под защитой божественного кардинала Виссариона я появляюсь в Риме как творение Иоанна: 1462»). Бертольд Хольцшу первым указал на скрытое значение акростиха, о чем сообщил на франкфуртском семинаре по средневековым астрономическим инструментам в 2005 г. Согласно его догадке, смысл надписи можно изменить путем перестановки слов (впрочем, полученный таким образом текст переводится очень вольно и с нарушением латинской грамматики)²⁹⁹. Б. Хольцшу также обратил внимание на то, что первая вертикальная ось, проходящая через акро-

стих Региомонтана формирует фразу: SVB CD ANNIS, которая указывает на четырехвековой юбилей с года создания известной греческой астролябии (1062-1462 гг.), ныне хранящейся в Брешии (Museo di Santa Giulia). Взяв за основу эти откровения, Дэвид А. Кинг продолжил поиск зашифрованных смыслов. Так, например, в буквах *RGO* (*SVRGO*), по его мнению, скрывается слово *ReGiO*, особенно если учесть, что за глаголом *SVRGO* сразу следуют буквы *IO*, которые были сознательно отделены от слова *IOANNIS*. Тем самым, Региомонтан как будто намекнул на собственное латинизированное имя: *Ioannes de Regio Monte*, т.е. Иоанн из Кенигсберга (*нем.* Королевская гора, *лат.* *Mons Regius, Regiomontium*). Кроме того, слово *regius* (царский) было латинским аналогом греческого имени Василий, которое носил в миру Виссарион. Он также допустил, что в слове *SVRGO* может быть спрятано имя Сергия (*SeRGIOS*), заказчика астролябии 1062 г.³⁰⁰ Тем не менее, многие интригующие предположения Д.А. Кинга представляются нам достаточно искусственными и надуманными.

Проживая в римском доме своего патрона, Региомонтан, несомненно, познакомился с его богатым собранием манускриптов. В подарок от Виссариона он получил греческую рукопись Nürnberg. Stadtbibliothek. Cent. V. App. 8, содержащую математические и астрономические сочинения (Птолемея «Четверокнижие»; труды Теона Александрийского, включая комментарии на «Альмагест» и «Подручные таблицы» Птолемея; два трактата «О солнечных затмениях» Варлаама Калабрийского, а также комментарии Паппа Александрийского и Николая Кавасилы на «Альмагест»)³⁰¹. По предположению Эрнста Циннера, тем же путем к Региомонтану попали два других греческих кодекса – Nürnberg. Stadtbibliothek. Cent. V. App. 6 («Конические сечения» Аполлония Пергского; «О сечении цилиндра», «О сечении конуса» Серена Антинойского) и Cent. V. App. 49a (грамматика Феодора Газы). Он также скопировал латинский перевод произведений Архимеда и сравнил его с рукописями Виссариона³⁰².

Региомонтана могли заинтересовать и другие греческие книги из библиотеки кардинала. В ней были рукописи, содержащие математические работы Клеомеда, Диофанта, Евклида, Никомаха, Феодосия, Герона, Серена, Евтохия, Теона и Варлаама, астрономические сочинения Арата, Евклида, Гипсикла, Клеомеда, Прокла, Исаака Аргира, трактаты Иоанна Филопона и Никифора Григоры об астролябии, персидские астрономические таблицы, а также таблицы Теона и Григория Хрисококка; труды Птолемея («Альмагест», «Подручные таблицы», «Четверокнижие», «Музыка» и «География»)³⁰³. Кардиналу принадлежал один из самых прекрасных по своему художественному оформлению греческих кодексов Птолемеевой «Географии» – Marc. gr. Z 388. Он был скопирован для Виссариона Иоанном Рососом в Венеции или Риме с рукописи, заимствованной кардиналом из флорентийского аббатства в 1453 г., после чего его украшали миниатюрами два итальянских мастера³⁰⁴. На одной из них изображен Клавдий Птолемей. Его профиль, волосы и окладистая борода напоминают облик самого заказчика³⁰⁵. Он облачен в мантию, подбитую горностаем, в его руке поднесенная к глазам астролябия, на голове царская корона. Тем самым художник сознательно провел аналогию между Виссарионом и евангельскими волхвами, царями-магами, изучавшими звездное небо. Возможен, и намек на правителей эллинистического Египта, известных покровителей наук и искусств. Наконец, как отмечалось выше, мирское имя самого Виссариона – Василий означает «царский», «царственный».

Если мы обратим внимание на географическую мысль Возрождения, то увидим, что в XV в. западный мир заново открыл для себя сочинения Птолемея и Страбона. В течение

Илл. 46. Клавдий Птолемей (аллюзия на Виссариона).
 Миниатюра из «Географии» Птолемея. Венеция. Национальная
 библиотека св. Марка. Marc. gr. Z 388, fol. 6v.

Средних веков Птолемея «География» была известна главным образом через арабские космологические и астрономические тексты, переведенные на латынь³⁰⁶. Появление в Италии греческих рукописей «Географии» было связано с приездом Мануила Хрисолора³⁰⁷. Вероятно, что в его распоряжении был роскошный кодекс Vat. Urb. gr. 82, созданный в последней четверти XIII в., который содержал поздневизантийские реконструкции атласа Птолемея – одну карту мира и 26 карт регионов. Этот манускрипт пополнил коллекцию Паллы Строцци³⁰⁸. Хрисолор также привез в Италию кодекс Vat. gr. 191, на полях которого сохранились его пометы³⁰⁹. Из завещания Паллы Строцци 1462 г. известно, что Хрисолор оставил ему две рукописи «Географии», которые тот велел сохранить своим детям и внукам в память об учителе – первую привез во Флоренцию сам византийский ученый, вторая была скопирована им для Паллы³¹⁰.

Хрисолор начал переводить «Географию» *ad verbum* во Флоренции, но в дальнейшем передал работу своему ученику Якопо д'Анджело³¹¹. Латинская версия, преподнесенная папе Александру V, была завершена Якопо в 1409-1410 гг. и вышла под заглавием «Космография» (*Cosmographia*): изначально карты к тексту не прилагались, но были добавлены в следующем десятилетии усилиями флорентийцев Франческо ди Лапачино и Доменико ди Леонардо Буонинсеньи³¹². Якопо одним из первых отметил важность математического метода Птолемея для ренессансной науки. Говоря о научной ценности «Географии», он выделил четыре ключевых момента: во-первых, из работ латинских «космографов», первенство среди которых принадлежит Плинию Секунду, нельзя ясно понять, каким образом можно создать картину всего мира, сохранив соразмерность между каждой частью и целым; во-вторых, никто не может усвоить от них (разве лишь самым примитивным образом), как нанести на карту места без широты и с редким указанием долготы; в-третьих, никто из латинян не оставил указаний, как можно изобразить обитаемый

мир на многих региональных картах с сохранением правильных пропорций по отношению к целому; в четвертых, никто из них не объясняет, каким образом изображение нашего мира, который имеет шарообразную форму, можно перенести на плоскую поверхность. В то же время, Якопо не мог проигнорировать достижения латинских авторов. Как представители другого, «исторического» подхода, они собрали такие сведения, которых не было у Птолемея³¹³.

Перевод Якопо д'Анджело приобрел широкую известность, о чем можно судить по большому числу рукописей и печатных изданий: первое из них вышло в Виченце в 1475 г. Довольно скоро о нем узнали и за пределами Италии. Французский кардинал Гильом Филластр (†1428), находившийся на соборе в Констанце, передал копию версии Якопо в дар библиотеке Реймской церкви в январе 1418 г. В дарственной надписи он отметил: «я разыскивал эту книгу в течение многих лет и, получив её из Флоренции, сделал копию. Умоляю хорошо оберегать её, ибо я считаю, что она впервые во Франции»³¹⁴. Другая, принадлежавшая Филластру копия перевода, была дополнена 26 латинизированными картами, скопированными в 1427 г. *ex greco exemplari*, к которым также прилагалась карта Северной Европы, составленная датским картографом Клавдием Клавусом³¹⁵ (Nancy Mun. 441). Карты сопровождалась их латинскими описаниями, в которых по возможности приводились современные названия³¹⁶.

Для западных ученых, незнакомых с греческим языком, версия Якопо фактически оставалась единственным источником изучения «Географии» до появления нового перевода Виллибальда Пиркхеймера, опубликованного в Страсбурге в 1525 г. Тем не менее, версия Якопо нуждалась в ревизии, так как из-за недостаточного знания языка и математики он допустил много ошибок и неточностей при переводе греческого оригинала³¹⁷. Частичный пересмотр его версии предпринял Домицио Кальдерини (1446-1478). Отредактированный им

текст «Космографии» был выпущен в Риме в 1478 г. печатниками Конрадом Швайнхаймом и Арнольдом Букинком. В посвящении к папе Сиксту IV редактор сообщал, что числовые значения широт и долгот, переставленные и перепутанные по вине переписчиков, были им упорядочены и возвращены на свои места. Он сопоставил с переводом греческие кодексы, «из которых древнейший был некогда исправлен Гемистом Плифоном (а Gemisto Spartano), известнейшим философом и математиком». Используя его в качестве образца, он откорректировал латинский перевод, устранив повсеместные ошибки в написании и порядке топонимов, а также внес правки в региональные карты, выгравированные на 26 медных таблицах³¹⁸.

Более радикальный пересмотр версии Якопо был задуман Региомontanом. В результате сравнения латинского текста с греческим оригиналом у него появилась идея создания нового перевода, публикацию которого он анонсировал в каталоге 1474 г. Для нас этот проект интересен тем, что Региомontan собирался представить свою версию на суд Феодора Газы и Паоло Тосканелли (1397-1482): «*Космография* Птолемея выйдет в новом переводе, ибо старый общедоступный перевод флорентийца Якопо д'Анджело ошибочен по вине самого переводчика (да не в обиду будет сказано), который не постиг ни математику, ни в достаточной мере греческую словесность. В этом деле можно будет довериться высочайшим судьям: Феодору Газе, человеку знаменитому и притом самому образованному в области греческого и латинского языков, и Павлу Флорентийскому, который не чужд греческой словесности, а в математике в высшей степени превосходит». В том же рекламном листе он также объявил о запланированном выпуске «Малого особенного комментария против перевода Якопо д'Анджело Флорентийского, который будет отправлен судьям» [т.е. Газе и Тосканелли]³¹⁹. Эти работы так и не были закончены Региомontanом, однако вполне возможно, что в процессе их подготовки он обращался к обоим ученым, согласие которых на рецензирование двух своих трудов он

определенно получил. Скорее всего, Газа завязал знакомство с Региомontanом во время своего краткого визита в Рим в 1463 г., откуда он отправил письмо Антонио Панормите, датированное 13 июня. Немецкий ученый находился там, по крайней мере, до 5 июля 1463 г., когда его покровитель, кардинал Виссарион, (по-видимому, в сопровождении самого Региомонтана) уехал с дипломатической миссией в Венецию³²⁰.

Изучение «Географии» дало дополнительный стимул развитию западной картографии. Бенедиктинец Николай Германус, переехавший в Италию в 1459 г., предложил новую трапециевидную проекцию для карты мира и составил не менее пяти современных региональных карт в дополнение к атласу Птолемея. На их основе был создан картографический материал для латинских изданий «Географии», вышедших в Болонье (1477), Риме (1478, 1490, 1507), Ульме (1482, 1486) и Страсбурге (1513). В XV в. работавшие в Италии картографы Пьетро дель Массайо, Франческо Берлингьери и Генрих Мартелл (Henricus Martellus Germanus) продолжили работу по современной адаптации и расширению атласа Птолемея. Латинская надпись на карте мира, составленной Мартеллом, гласит: «Хотя Страбон, Птолемей и большинство древних были исключительно старательны в описании мира, тем не менее, усердие новых людей открыло некие вещи, как будто от них ускользнувшие или им неизвестные, которые мы тщательно включили в эту картину для отображения истинного знания мест»³²¹.

Другой крупный географ античности – Страбон стал широко известен на Западе благодаря переводу, выполненному Гварино Веронезе и Григорием Тифернатом (издан в 1469 и 1473 гг. в Риме, в 1472 и 1494 гг. в Венеции и в 1480 г. в Тревизо). В отличие от труда Птолемея «География» Страбона попала в поле зрения латинян только в первой половине XV в. Два кодекса, содержащие его сочинение, привез с Востока Джованни Ауриспа, один – Франческо Филельфо. При этом рукописи Страбоновой «Географии» не копировались в за-

падных странах, по крайней мере, до 1439 г.³²² Во время Флорентийского собора латиняне и греки затрагивали в своих ученых беседах и географические вопросы. Гемист Плифон был одним из тех, кто обратил внимание гуманистов на почти неизвестного им Страбона. После возвращения домой он составил извлечения «из географических книг о Земле и форме ойкумены» в надежде убедить своих друзей в Италии, что географическая система Страбона во многих отношениях превосходит Птолемею³²³. Из пяти частей этого по преимуществу компилятивного трактата наибольший интерес вызывает вторая, представляющая собой самостоятельное исследование Плифона. Её название – «Исправление некоторых неверных утверждений Страбона» (Διόρθωσις ἐνίων τῶν οὐκ ὀρθῶς εὐλόγητον Στράβωνος λεγομένων)³²⁴.

Для рассуждений Плифона о пределах обитаемого мира характерен рационализм и отказ от суеверий. Например, он не был склонен рассматривать «Острова блаженных» как часть известной ойкумены (по причине отсутствия сообщения с ними) и вслед за Страбоном считал самой западной её оконечностью Священный мыс в Иберии (§ 9). Опираясь на свидетельства Птолемея, Плифон указывал на ошибочность суждений Страбона о том, что Каспийское море соединяется с океаном (§ 1), что меридианы параллельны друг другу (§ 3), что границей Африки и Азии является Нил, а не «Аравийский залив», т.е. Красное море (§ 4), что на самом восточном краю ойкумены проживают индийцы и скифы, тогда как Птолемей называет окраинной точкой на побережье Каттигару, гавань в стране синов, а их метрополию Тины – самым восточным городом (§ 7). Утверждения Страбона о существовании необитаемого из-за жары тропического пояса Плифон опровергал, приводя в пример экваториальную Африку, населенную эфиопами, и остров Тапробану (Шри-Ланку), часть которого якобы находится южнее экватора. Для жилья непригодны лишь наиболее засушливые места, но ни одна из частей этого пояса не является полностью необитаемой (§ 2).

При описании северных пределов ойкумены Плифон опирался на современные источники. Во время посещения Италии он познакомился с Паоло Флорентийцем (Паоло Тосканелли), который показал ему карту северо-западной Европы, полученную от некоего датчанина (Клавдия Клавуса). На ней были изображены Ютландия (полуостров Кимбрика), южный берег Балтийского моря (Германика, приморская Венедика), Скандинавский полуостров (у Плифона «остров Датия»), который, по словам Тосканелли, был необитаем в северной его части, Британские острова, остров Туле (Исландия), а также Гренландия, которая описывалась как необитаемый материк, расположенный в полярных широтах на северо-запад от Скандинавии и отделенный от неё узким длинным проливом. Его восточная оконечность лежит на меридиане, проходящем через Иерну (Ирландию), и по параллели, идущей через Туле (§ 5). Клавдий Клавус составил две карты, на которые впервые была нанесена Гренландия (Grolandia), правда в виде полуострова. Одна из них сохранилась в кодексе Nancy Mun. 441. В её кратком описании Гильом Филластр сообщил, что «Птолемей ничего не упоминает о тех землях [т.е. Норвегии, Швеции и Гренландии], и, кажется, не знал о них... По этой причине некий датчанин Клавдий описал те северные края и составил их карту»³²⁵. Таким образом, Плифону удалось познакомиться с передовыми достижениями в области западной картографии доколумбовой эпохи и отразить их в своем исследовании. Обитаемый мир представлялся ему более обширным, чем тот, о котором сообщали античные географы, поэтому он смело дополнял и исправлял древних авторитетов, когда того требовала научная объективность.

Плифон также собрал новые сведения о северо-восточной Европе, не упоминавшиеся его итальянскими и византийским предшественникам (§ 6). Информаторами Плифона стали «многие, рассказывающие ныне о России (Ῥωσία), которая в древности именовалась Сарматией». Это могли быть и русские

делегаты Флорентийского собора, и греки, входившие в окружение митрополита Исидора³²⁶. По мнению Плифона, в этой части мира пределы ойкумены были ограничены берегами Белого моря. Он сообщал о нем как о заливе Гиперборейского океана, называемом местным населением «Холодным [т.е. Студеным] морем» (Ψυχρὰ θάλαττα), вдоль побережья которого водятся моржи. В него впадает река Тивин (Τιβήνός) – Северная Двина, прежде не упоминавшаяся в греческих источниках. Плифон впервые высказал предположение, что линия, проходящая от её истоков к истокам Дона представляет собой границу Европы и Азии.

Окраинные земли ойкумены были населены тремя бедными народами, проживающими, как он считал, севернее не только Ирландии, но даже Исландии. Самый северный из них Плифон именовал *пермиями* (Περμίοι). Они обитали на побережье Белого моря и жили только охотой. Этот этноним, ранее не встречавшийся у византийских авторов, определенно, относится к предкам коми-зырян, населявшим Пермь Вычегодскую³²⁷. Восточнее и немного южнее них проживали *мордивы* (Μορδίβαι) и *месторы* (Μεστόραι). Упоминание Плифоном мордвы не первое в византийской литературе. Область под названием Мордіа встречается у Константина Багрянородного в 37 главе «Управления империей» (сер. X в.). По мнению Эрнеста Хонигмана, *месторы* – третье финно-угорское племя (Meščeren, Meščerjaken), которое некогда селилось среди мордвы, а теперь проживает среди башкир³²⁸. Таким образом, Э. Хонигман вполне справедливо идентифицировал *месторов* как мещеру (или *мещёру*, судя по написанию греческого слова, где *στό* передает слог *щё*), но в то же время допустил ошибку, прямо отождествив с мещерой субэтнос татар-мишарей (мещеряков), сформировавшийся позднее в Среднем Поволжье и Приуралье³²⁹. Согласно Плифону, *месторы* живут рыболовством, так как их край богат озерами, дающими начало реке Рас (Волге). Это описание соответствует Мещёрской низменности, месту расселения мещеры. Междуречье

Клязьмы, Москвы и Средней Оки до сих пор известно своими болотами и озерами. Мещера упоминается в поздних списках русских летописей (Софийской первой, Воскресенской) как народ, живущий «по Оце по реце, где потече въ Волгу», и говорящий на своем языке³³⁰. Князь Андрей Курбский, вспоминая о казанском походе 1552 г., писал о переходе войск через Мещерскую землю, «идеже есть мордовский язык»³³¹. Свидетельство Плифона, наряду с русскими источниками, кажется, дает основание полагать, что, несмотря на постепенную славянизацию, мещера ещё сохраняла самобытность в XV-XVI вв.³³² Анализ топонимов, предпринятый М.А. Ююкиным, показал, что исчезнувшие со временем мещерские диалекты были близки мордовским языкам, в особенности эрзянскому³³³. Остается добавить, что до Плифона мещера не упоминалась в византийской литературе. Из латинских авторов о ней предположительно сообщил лишь готский историк Иордан (VI в.) в очень неясной для идентификации форме. Среди подчиненных власти Германариха народов он назвал некое племя «Imniscaris»³³⁴, которое впервые было отождествлено с мещерой финским лингвистом И.Ю. Микколой³³⁵. Плифон считал, что севернее Пермии (Περμία) и Скандинавии уже нет населенных мест. В качестве известных пределов ойкумены на юге он предлагал Агисимбу, страну эфиопов, а на востоке – земли серов и синов, однако при этом замечал, что не знает, простираются ли границы обитаемого мира дальше или нет. В конце своего трактата Плифон заключил, что указанные ошибки Страбона невелики и написанное им в основном хорошо (§ 10).

Подводя итог, остается добавить, что фигуры наиболее известных греческих ученых стали своего рода символами эпохи. Так, правитель Римини Пандольфо Малатеста, воевавший с турками в Пелопоннесе (1464-1466), вывез из Мистры на родину тело Плифона и захоронил его в кафедральном соборе³³⁶. Падуанский гуманист Спероне Сперони (1500-1588) сделал

участником своего «Диалога о языках» Иоанна Ласкариса, «поручив» ему отстаивать превосходство древних языков над народными (греческий, как сообщает Ласкарис своему оппоненту Перетто (Пьетро Помпонацци), находится в таком согласии с науками, что кажется созданным самой природой, а не человеком)³³⁷. Лица греческих эмигрантов можно обнаружить на картинах и фресках прославленных итальянских живописцев, таких как Пьеро делла Франческа, Боттичелли или Гирландайо.

Младшее поколение гуманистов уже рассказывало о греческих эмигрантах занимательные, хотя и малоправдоподобные истории. Согласно одной из легенд, после смерти папы Павла II Виссарион должен был стать новым понтификом, не помешай этому роковой случай: когда во время конклава три влиятельных кардинала пришли к нему, чтобы сообщить о его избрании, секретарь Виссариона Никколо Перотти якобы не пустил их к нему, заявив, что его господина не следует отвлекать от работы. Рассерженные кардиналы ушли, ответив на это: «Должен ли наивысший сан навязываться тому, кто не принимает его и к тому же не просит о нем, так, чтобы мы повиновались надменным и глупым привратникам, пока он дожидается избирательных голосов с неба?» В итоге кардиналы незамедлительно проголосовали за Сикста IV. После избрания последнего Виссарион сказал секретарю: «Николай, твое несвоевременное рвение лишило меня папской тиары, а тебя кардинальской шапки»³³⁸.

Героем другой легенды, изложенной Пьеро Валериано Больцани, был Феодор Газа. По его словам, византийский ученый, который приложил немало стараний, чтобы перевести для папы Сикста IV «Историю животных» Аристотеля, вместо щедрого вознаграждения получил от него не более пятидесяти золотых. Обиженный старик выбросил эти монеты в Тибр, а после уязвленный несправедливостью случившегося

Илл. 47. Портрет Михаила Маруллоса Тарханиота. Художник Кристофано дель Альтиссимо. Флоренция. Галерея Уффици. «Серия Джовиана».

«заках от безутешной тоски»³³⁹. Как сообщает Джовио, полученная им сумма не соответствовала даже оплате услуг переписчика. Возмущенный дурным вкусом понтифика, Газа

сказал перед самым отъездом, что сбежит оттуда, так как лучшие хлеба оскверняются запахом грубых ослов³⁴⁰.

Джовио также рассказывает, что сделанные Аргиропулом переводы сочинений Аристотеля по натуральной и моральной философии были настолько восторженно восприняты его старым товарищем Газой, что последний будто бы сжег некоторые собственные переводы этих трудов ради того, чтобы они не помешали растущей славе человека, с которым он находился в самых дружеских отношениях. Ибо Газа, всегда презиравший богатство и преходящую славу, не желал, чтобы сравнение их переводов, привело к соперничеству. В отличие от него Аргиропул был изображен человеком более амбициозным и расточительным. После переезда из Флоренции в Рим он стал получать большое жалование за свои лекции по сочинениям Аристотеля, но жил так, что все его доходы были равны повседневным расходам. Его последняя «шутка», по словам Джовио, заключалась в том, что по завещанию он оставил свои долги в наследство более богатым друзьям. «Охочий и жадный до вина и еды и оттого очень пузатый, он заболел осенью лихорадкой, вызванной чрезмерным поеданием дынь, которая унесла его в возрасте семидесяти лет»³⁴¹. Некоторые детали биографий греческих ученых в изложении Джовио, хотя и имеют под собой реальные основания, или искажены, или карикатурно преувеличены. Так, если верить его свидетельствам, Полициано испытывал явную неприязнь к грекам и постоянно интриговал против своего бывшего учителя Димитрия Халкокондила, став причиной падения популярности его занятий во Флоренции³⁴². Литературное соперничество Полициано и Михаила Маруллоса Тарханиота даже породило красивый миф, появившийся в научных публикациях XVIII вв. в качестве объяснения взаимной неприязни двух мужчин. Согласно этой легенде, камнем преткновения между ними стала Алессандра Скала, просвещенная дочь флорентийского канцлера, впоследствии вышедшая замуж за Маруллоса³⁴³.

Мы видим, что влияние греческих ученых на интеллектуальную жизнь Возрождения прямо или косвенно проявилось в разных областях философской, научной и общественно-политической мысли. Они внесли значительный вклад в процесс накопления знаний западной цивилизацией, прежде всего за счет приобщения латинского мира к греческому наследию. Благодаря им изменялись интеллектуальные предпочтения и получала дополнительные стимулы творческая и научная активность гуманистов. Не вызывает сомнений, что ученые греки привнесли своеобразный колорит в культуру итальянского гуманизма и раздвинули интеллектуальные горизонты Возрождения.

---

¹ “Если же кто спросит, кого из двух философов восхваляют больше, то я без промедления отвечу, что разница между ними состоит в том, что один из них восхваляется государями и знатью, другой – плебсом. Платона восхваляют магнаты, Аристотеля – большинство. И оба они заслуживают похвалы, как от великих, так и от многих, но вернее – от всех. Ибо и тот, и другой достигли в том, что касается знаний о природе и о человеке, таких высот, какие только могут быть доступны смертному уму, стремящемуся к познанию. В божественных науках более высоко взойшли Платон и платоники, хотя ни один из них не смог достичь того, к чему стремился. Но, как я сказал, Платон подошел к этому ближе [нежели Аристотель], в чем не усомнится ни один христианин и в особенности верный читатель книг Августина”: *Petrarchae F. Opera quae extant omnia*. P. 1161; *Pétrarque. Le Traite “De sui ipsius et multorum ignorantia”* / Ed. L.M. Capelli. Paris, 1906. P. 74-75; *Francesco Petrarca. Invectives* / Ed. and trans. D. Marsh. Cambridge, London, 2003. P. 326.

² *Francesco Petrarca. Trionfi. Triumphus Famae*. III. 4-7: “Volsimi da man manca, e vidi Plato // che ’n quella schiera andò più presso al segno // al qual aggiunge cui dal Cielo è dato, // Aristotele poi, pien d’alto ingegno...” Перевод: “Взглянув налево, вижу я Платона. // Шел первым тот, чей мудрый взор // Почти достиг уже Господня Трона. // С ним Аристотель, рядом Пифагор...” (*Франческо Петрарка. Триумфы* / Пер. с итал. В.Б. Микушевича. М., 2000. С. 90).

³ *Bruni. Humanistisch-Philosophische Schriften*. S 4; *Hankins J. Plato in Italian Renaissance*. Vol. 1. P. 49-51, 53-54. Во введении к переводу “Политики” Аристотеля Бруни также задает риторический вопрос: отличается ли учение

св. Павла от учения Платона? (*Bruni*. Op. cit. S. 72).

⁴ *Hankins J.* Plato in Italian Renaissance. Vol. 1. P. 126-153.

⁵ *Laurent V.* Les “Mémoires”. P. 284, 316, 330-332, 366-368, 380, 420, 426, 446, 460; *Сильвестр Сиропул.* Воспоминания. С. 160, 162, 171, 193-195, 204-205, 232, 236, 250, 259-260. Также: *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV-XV вв. С. 95-97, 315-316.

⁶ *Comparationes phylosophorum Aristotelis et Platonis a Georgio Trapezuntio viro clarissimo.* Venetiis, 1523. Fol. Vvi^f.

⁷ Из многочисленных работ о Плифоне и его учении укажем: *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV-XV вв.; *Hladký V.* The Philosophy of Gemistos Plethon. Platonism in Late Byzantium, between Hellenism and Orthodoxy. Farnham, 2014; *Idem.* Plato’s Second Coming: An Outline of the Philosophy of George Gemistos Plethon. Unpublished PhD thesis. Pέθυμνο-Praha-Pisa. 2005-2007; *Masai F.* Pléthon et le platonisme de Mistra. Paris, 1956; *Siniossoglou N.* Radical Platonism in Byzantium: Illumination and Utopia in Gemistos Plethon. Cambridge, 2011; *Woodhouse C.M.* George Gemistos Plethon: The Last of the Hellenes. Oxford, 1986.

⁸ *Marsilii Ficini Opera omnia, a mendis castigata.* Basel. 1576. Т II. P. 1537.

⁹ О Платоновской академии см.: *Кудрявцев О.Ф.* Флорентийская Платоновская Академия: очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М., 2008; *Field A.* The Origins of the Platonic Academy of Florence. Princeton, 1988; *Hankins J.* Cosimo de' Medici and the “Platonic Academy” // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1990. Vol. 53. P. 144-162; *Idem.* The myth of the Platonic Academy of Florence // Renaissance Quarterly. 1991. Vol. 44 (3). P. 429-475.

¹⁰ О ркп.: *Speranzi D.* Identificazioni di mani nei manoscritti greci della Biblioteca Riccardiana // La descrizione dei manoscritti: esperienze a confronto / coordinamento scientifico di E. Crisci, M. Maniaci, P. Orsini. Cassino, 2010. P. 177-212: 183-187.

¹¹ *Kristeller P.O.* Marsilio Ficino as a beginning student of Plato // Scriptorium. 1966. Т. 20 (1). P. 41-54: 42-43, not. 5. Также: *Kristeller P.O.* Byzantine and Western Platonism in the Fifteen Century // *Idem.* Renaissance Thought and Its Sources. N.Y., 1979. P. 161.

¹² *Ficini Opera omnia.* P. 1537. Предположение о влиянии Плифона на Фицинову генеалогию “языческой мудрости” сделано Себастьяно Джентиле: *Gentile S.* Sulle prime traduzioni dal greco di Marsilio Ficino // Rinascimento. 1990. П s. Vol. 50. P. 57-104: 59-62. Также: *Кудрявцев О.Ф.* Флорентийская Платоновская Академия. С. 43, 309-315.

¹³ PG. Т. 160. Col. 984 AB.

¹⁴ *Ibid.* P. 982 BC.

¹⁵ *Torre A. della.* Storia dell’ Accademia Platonica di Firenze. Firenze, 1902. P. 440, not. 2; *Masai Fr.* Pléthon et le Platonisme de Mistra. P. 235-236.

¹⁶ *Lockwood D.P.* Ugo Benzi, medieval philosopher and physician, 1376-1439. Chicago, 1951. P. 155.

¹⁷ *Pii II Pontificis Maximi* Asiae Europaeque elegantissima descriptio. Parisiis, 1534. P. 434-335.

¹⁸ *Diller A.A.* Geographical Treatise by Georgius Gemistus Pletho // *Isis*. 1937. Vol. 27. P. 443.

¹⁹ Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 48, 49. Ep. 23. *Woodhouse C.M.* George Gemistos Plethon. P. 158.

²⁰ См. об этом: *Woodhouse C.M.* George Gemistos Plethon. P. 152, 157-164.

²¹ *Hankins J.* The Dates of Leonardo Bruni's Later Works (1437-1443) // *Studi medievali e umanistici*. 2007-2008. Vol. 5-6. P. 11-50: 37, not. 1.

²² Изд.: PG. Т. 160. Col. 889-934; *Lagarde B.* Le "De Differentiis" de Pléthon d'après l'autographe de la Marcienne // *Byzantion*. 1973. Vol. 43. P. 312-343.

Пер. на русский: *Георгий Гемист Плифон*. О том, чем различаются Аристотель и Платон (Часть 1) / Пер. с греч. Татьяны Сениной (монахини Кассии), коммент. О. Ноговицина и Т. Сениной (монахини Кассии) // *ESSE*. Философские и теологические исследования. 2019. Т. 4 (1). С. 327-350. Перевод фрагментов: *Виллер Э.А.* Учение о Едином в античности и средневековье.

Антология текстов. СПб., 2002. С. 635-637. О трактате, в частности: *Ноговицин О.Н.* Вопрос о единстве понятия сущего в трактате Георгия Гемиста Плифона "О том, чем различаются Платон и Аристотель" // Сборник материалов XXVI научной конференции: "Платоновское наследие в исторической ретроспективе: интеллектуальные трансформации и новые исследовательские стратегии". Санкт-Петербург, 28-30 августа 2018 г. СПб., 2018. С. 245-258; *Сенина Т.* (монахиня Кассия). Трактат Георгия Гемиста Плифона "О том, чем различаются Аристотель и Платон": история написания и значение для Запада и Византии // *ESSE*. 2019. Т. 4 (2). С. 338-350; *Fink J.L.* Pletho's Criticism of Aristotle's Virtues: A Note on *De differentiis* 12 // *Greek, Roman and Byzantine studies*. 2011. Vol. 51 (3). P. 483-497; *Hankins J.* Plato in Italian Renaissance. Vol. 1. P. 205-208; *Taylor J.W.* Georgius Gemistus Pletho's criticism of Plato and Aristotle. Menasha, 1921; *Woodhouse C.M.* George Gemistos Plethon. P. 191-214 (англ. пер. "De differentiis").

Анализу "О расхождении" посвящен ряд докладов, сделанных на Международном философском симпозиуме в Спарте (26-28 сентября 1985): Πλατωνισμός και Αριστοτελισμός κατά τον Πλήθωνα: μελέτες από το Διεθνές Συμπόσιο Σπάρτης 26-28 Σεπτεμβρίου 1985. 'Αθήνα, 1987 (см. также обзор И.П. Медведева: Византийский гуманизм XIV-XV вв. С. С. 194-195).

²³ См.: *Лоренцо Валла*. Перекапывание [пересмотр] всей диалектики вместе с основаниями всеобщей философии / Пер. В.А. Андрушко // *Лоренцо Валла*. Об истинном и ложном благе. О свободе воли / Отв. ред. А.Х. Горфункель. М., 1989. С. 291-368. Фр. Мазэ, обративший внимание на не-

которое сходство между “Disputationes dialecticae” и появившимся почти одновременно трактатом Плифона “О расхождении”, высказал гипотезу о знакомстве Валлы с сочинением византийского ученого: *Masai F. Pléthon*. P. 338-339. О личных контактах речь, конечно, не шла: во время проведения Собора Валла жил в Неаполе при дворе Альфонса V.²⁴ PG. T. 160. Col. 1017 CD.

²⁵ *Kristeller P.O. Byzantine and Western Platonism in the Fifteen Century // Idem. Renaissance Thought and Its Sources*. New York, 1979. P. 150-163: 157.

²⁶ О полемике см., в частности: *Hankins J. Plato in Italian Renaissance*. Vol. 1. P. 165-263.; *Mohler L. Kardinal Bessarion*. Bd. 2. S.346-398; *Monfasani J. George of Trebizond*. P. 201-229. Также: *Hladký V. Plato's Second Coming*. P. 141 sq.

²⁷ Трактат Схолария “Против апорий Плифона на Аристотеля”: *Œuvres complètes de Gennade Scholarios / Ed. par L. Petit, X.A. Siderides, M. Jugie*. Paris, 1935. Vol. IV. P. 1-118. См.: *Karamanolis G. Plethon and Scholarios on Aristotle // Byzantine philosophy and its ancient sources / Ed. K. Ierodiakonou*. Oxford, 2002. P. 253-282: особ. 267 sq.; *Woodhouse C.M. Plethon*. P. 240-266.

²⁸ PG. T. 160. Col. 979-1020; *Maltese E.V. Georgius Gemistus Plethon, Contra Scholarii pro Aristotele obiectiones*. Leipzig, 1988. См.: *Woodhouse C.M. Plethon*. P. 283-307.

²⁹ *Matthaei Camariotae Orationes II. contra Plethonem, De Fato / Ed. H.S. Reimarus*. Lugduni Batavorum, 1721. См.: *Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV-XV вв.* С. 141-144.

³⁰ *Mohler L. Kardinal Bessarion*. Bd. 3. S. 239-246; *Theodore Gaza's De Fato / Ed. and trans. by J.W. Taylor*. Toronto, 1925. Следует также упомянуть о двух полемических работах Мануила Коринфского (ок. 1483-1530): первая была направлена против плифоновского антилатинского трактата, вторая – против философского паганизма Плифона и Виссариона: *SinioSSoglou N. Radical Platonism in Byzantium*. P. 133, 236, 237, 313, 403.

³¹ *Kristeller P.O. A Latin Translation of Gemistos Plethon's De Fato by Johannes Sophianos dedicated to Nicholas of Cusa // Idem. Studies in Renaissance Thought and Letters*. Rome, 1993. Vol. 3. P. 21-38.

³² *Mohler L. Kardinal Bessarion*. Bd. 3. S. 149-150.

³³ *Ibid.* S. 153-158.

³⁴ *Ibid.* S. 161-169.

³⁵ Письмо Виссариона от 19 мая 1462 г.: PG. T. 161. Col. 688-692. Русский перевод: *Садов А.И. Виссарион Никейский*. С. 216-219.

³⁶ PG. T. 161. Col. 692 В. Трактат Каллиста: *Mohler L. Kardinal Bessarion*. Bd. 3. S. 171-203.

³⁷ См. письмо Секундиноса от 5 июня 1462 г.: PG. T. 161. Col. 692-696 (в сноске).

³⁸ *Γεωργακόπουλος Δ.Κ. Ο βίος και το έργο του λόγιου κωδικογράφου Μιχαήλ Αποστόλη*. Σ. 206-207; *Cammelli G. Calcondila*. P. 22-24; *Geanakoplos D.J.*

Greek scholars in Venice. P. 87-88, 91-92. Ответ Апостолия Халкокондилу опубликован в: 'Υπερείδου Γ.Κ. Μιχαήλου Ἐπιστολὴ πονημάτων τρία. Ἐν Σμύρνῃ, 1876. Σ. 43-44.

³⁹ PG. T. 160. Col. 909D-912A.

⁴⁰ Трактат не сохранился. Упоминается Виссарионом в сочинении “De natura et arte”: *Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 92-93.*

⁴¹ *Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 89-90.*

⁴² Письмо Георгия приводится в тексте “De natura et arte”: *Ibid. S. 102-106.*

⁴³ Греческий текст и латинский перевод трактата: *Ibid. S. 92-147. См.: Mariev S. Der Traktat De natura et arte des Kardinals Bessarion // “Inter graecos latinissimus, inter Latinos graecissimus”: Bessarion zwischen den Kulturen / Hrsg. von C. Kaiser, C. Märtl, T. Ricklin. Berlin, 2013. P. 367-389; Садов А.И. Виссарион Никейский. С. 212-214. Также: Удальцова З.В. Философские труды Виссариона Никейского. С. 77-78.*

⁴⁴ Трактат “In perversionem Problematum Aristotelis a quodam Theodoro Cage editam et problematicae Aristotelis philosophiae protection” издан Л. Мёлером: *Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 277-342. См.: Monfasani J. George of Trebizond. P. 151-166; Idem. George of Trebizond’s critique of Theodore Gaza’s translation of the Aristotelian Problemata // Aristotle’s Problemata in Different Times and Different Tongues / Ed. P. De Leemans, M. Goyens. Leuven, 2006. P. 275-294.*

⁴⁵ *Comparationes philosophorum Aristotelis et Platonis a Georgio Trapezuntio viro clarissimo. Venetiis, 1523. См., в частности: Garin E. Il platonismo come ideologia della sovversione europea. La polemica antiplatonica di Giorgio Trapezunzio // Studia Humanitatis: Ernesto Grassi zum 70. Geburtstag / Hrsg. von E. Hora und E. Kessler. München, 1973. S. 113-120; Hankins J. George of Trebizond, Renaissance Libertarian? // Essays in Renaissance Thought and Letters. In Honor of John Monfasani / Ed. A.K. Frazier and P. Nold. Leiden, 2015. P. 87-106; Idem. Plato in Italian Renaissance. Vol. 1. P. 167-174, 236-245; Lamers H. Greece Reinvented: Transformations of Byzantine Hellenism in Renaissance Italy. Leiden, 2015. P. 145-160; Monfasani J. The Renaissance Plato-Aristotle Controversy and the Court of Matthias Rex // Matthias Rex (1458-1490): Hungary at the Dawn of the Renaissance. Budapest, 2013; Семиколёных М.В. Чем опасен Платон христианину? Критика платоновской философии в “Comparatio Aristotelis et Platonis” Георгия Трапезундского // Универсум Платоновской мысли: Платон и современность материалы XXIV научной конференции. 2016. С. 423-433.*

⁴⁶ *Monfasani J. George of Trebizond. P. 162 и not. 133.*

⁴⁷ *Comparationes. Fol. Ovi^r. Цит.: Hankins J. Plato in Italian Renaissance. Vol. 1. P. 168, not. 3.*

⁴⁸ *Comparationes. Fol. Tvi^r – Tvi^v.*

⁴⁹ *Ibid. Fol. Miv^v – Mv^r.*

⁵⁰ PG. Т. 161. Col. 781D. Обвинение в многобожии выдвигались против Паламы его современниками – Григорием Акиндином и Константином Арменопулом.

⁵¹ См.: *Hankins J. Plato in Italian Renaissance. Vol. 1. P. 167, 171sq.* Подробнее об эсхатологической концепции в “Comparatio”: *Семиколенных М.В.* Апокалиптизм Георгия Трапезундского как стратегия маргинализации платоновского наследия // *Studia culturae.* 2017. Вып. 2(32). С. 137-159.

⁵² *Comparationes. Fol. Miv^r.*

⁵³ Георгий использовал переосмысленное в христианской литературе исламское предание о встрече юного Мухаммеда с отшельником Бахирой. Так, в хронике Георгия Амартола рассказывалось об арианском монахе (изгнанном из константинопольского монастыря св. Каллистрата), который как будто помог Магомету ввести в заблуждение его жену, а та других женщин, что её муж – пророк (PG. Т. 110. Col. 865 BC; пер.: *Византийские сочинения об исламе (тесты переводов и комментарии) / Под ред. Ю.В. Максимова. М., 2012. С. 68-69.* Об общении Магомета с монахом-арианином писал Иоанн Дамаскин в книге “О ересях” (PG. Т. 94. Col. 765A; пер.: *Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина / пер. с греч. СПб., 1913. Т. 1. С. 149; Византийские сочинения об исламе. С. 16.* Гвиберт Ножанский (Guibert de Nogent) в труде “Деяния Бога через франков” (*Gesta Dei per Francos*) сообщил о некоем отшельнике, которого хотели избрать Александрийским патриархом, но затем осудили из-за его еретических взглядов. Решив в отместку нанести удар по католической вере, он по наущению врага рода человеческого напоил молодого Магомета ядом своего учения и ходил перед ним, как глашатай, чтобы все считали его пророком: PL. Т. 156. Col. 689D sq. Оригинальность Георгия состояла в том, что он превратил арианского монаха в платоника и отправил его скитаться по Эфиопии: *Monfasani J. George of Trebizond. P. 158-159, not. 121.*

⁵⁴ *Comparationes. Fol. Tviii sq.*

⁵⁵ *Comparationes. Fol. Vvii^r – Vvii^v;* *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. III. P. 287-288.*

⁵⁶ *Comparationes. Fol. Xii^r.* Также: *Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 302-303.* Как установил И.П. Медведев, Георгий Трапезундский мог посчитать творениями Плифона орфический гимн Гелиосу и одноименный гимн Прокла в рукописи Marc. gr. Z 406 (791), переписанные рукой Плифона: *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV-XV вв. С. 83-89.

⁵⁷ *Comparationes. Fol. Xii^v.*

⁵⁸ *Monfasani J. George of Trebizond. P. 159 sq.*

⁵⁹ Критическое издание сочинения на греческом и латинском языках: *Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 2.* Частичный перевод на русский с параллельным греческим текстом (кн. I, гл. 1; кн. III, гл. 4): *Виллер Э.А.* Учение

о Едином в античности и средневековье. С. 641-651. О трактате см., в частности: *Hankins J. Plato in Italian Renaissance. Vol. 1. P. 245-261; Monfasani J.* 1) Cardinal Bessarion's Greek and Latin Sources in the Plato-Aristotle Controversy of the 15th Century and Nicholas of Cusa's Relation to the Controversy // In *Knotenpunkt Byzanz: Wissensformen und kulturelle Wechselbeziehungen* / Ed. A. Speer, and P. Steinkrüger. Berlin-Boston, 2012. P. 469-480; 2) The Pre- and Post-History of Cardinal Bessarion's 1469 *In calumniatorem Platonis* // "Inter graecos latinissimus, inter latinos graecissimus". P. 347-366; 3) A tale of two books: Bessarion's *In Calumniatorem Platonis* and George of Trebizond's *Comparatio Philosophorum Platonis et Aristotelis* // *Renaissance studies*. 2008. Vol. 22. P. 1-15; *Del Soldato E.* *Illa litteris Graecis abdit: Bessarion, Plato, and the Western World* // *Translatio Studiorum: Ancient, Medieval and Modern Bearers of Intellectual History* / Ed. M. Sgarbi. Leiden, 2012. P. 109-122; *Садов А.И.* Виссарион Никейский. С. 221-231. Также: *Удальцова З.В.* Философские труды Виссариона Никейского и его гуманистическая деятельность в Италии // *ВВ*. 1973. Т. 35. С. 75-87; 78-80.

⁶⁰ Виссарион полностью проигнорировал эсхатологическую составляющую трактата Георгия, сосредоточившись исключительно на проблеме сопоставления достоинств Платона и Аристотеля. Без ответа была оставлена и критика Плифона, имя которого Виссарион упомянул только один раз (*Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 2. S. 272-273*).

⁶¹ *Monfasani J.* The Pre- and Post-History of <...> *In calumniatorem Platonis*. S. 355.

⁶² *Monfasani J.* Niccolò Perotti and Bessarion's *In calumniatorem Platonis* // *Niccolo Perotti: The Languages of Humanism and Politics* / Ed M. Pade, C. Plesner Vorster = *Renaissanceforum. Tidsskrift for renæssanceforskning*. 2011. Vol. 7. P. 181-216. При подготовке первой редакции трактата Виссарион опирался в основном на труды Платона, Прокла, Синезия и Симпликия (который, как и Бозций у латинян, пытался показать, что Платон и Аристотель во всем согласны друг с другом: *Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 2. S. 5*). В процессе работы Виссарион попросил Феодора Газу ознакомиться с ИСР и внести в текст те корректировки, которые тот сочтет целесообразными. Феодор ответил на просьбу кардинала целым трактатом против Георгия, где раскритиковал не только его "Comparatio", но и направленную против Газы инвективу "Protectio Aristotelis Problematum". По мнению ученого, Георгий был профаном в платоновской философии, а также безнравственным и глупым человеком (*Labowsky L.* *An Unknown Treatise by Theodorus Gaza* // *Mediaeval and Renaissance Studies*. 1968. Vol. 6. P. 173-198). На заключительном этапе работы над ИСР помощь Виссариону оказали Никколо Перотти, Джованни Андреа Бусси и Джованни Гатти: *Monfasani J.* Cardinal Bessarion's Greek and Latin Sources. P. 473-475. Первоначальное латинское название книги "Liber defensionum contra obiectiones in Platonem"

было заменено на более благозвучное.

⁶³ *Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 2. S. 6-9. Lib. I. 1.*

⁶⁴ *Ibid. S. 8-9. Lib. I. 1; 66-67. Lib. I. 5.*

⁶⁵ Так, во второй книге были приведены длинные отрывки из “Questiones” Александра Афродисийского, с которыми ещё не были знакомы на Западе. Следует упомянуть цитаты из Дионисия Ареопагита, Диогена Лаэртского, Прокла, письма Лисия к Гиппарху. См. также: *Del Soldato E. Illa litteris Graecis abdita. P. 118-120.*

⁶⁶ *Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 2. S. 14-15sq. Lib. I. 2.*

⁶⁷ *Ibid. S. 20-23. Lib. I. 2.*

⁶⁸ *Ibid. S. 22-29. Lib. I. 3.* В числе тех великих христианских авторов, которые читали и изучали Платона и Аристотеля Виссарион выделял греков Василия Великого, Григория Богослова, Кирилла, Григория Нисского, латиняв Аврелия Августина, Боэция (S. 82-83. Lib. II. 2).

⁶⁹ *Ibid. S. 29-31. Lib. I. 3.*

⁷⁰ *Ibid. S. 18-19. Lib. I. 2.*

⁷¹ *Ibid. S. 32-55. Lib. I. 4.* Подробнее: *Семиколенных М.В. Учение Платона об ораторском искусстве в изложении Виссариона Никейского // Платоновские исследования. 2015. Т. 1. № 2. С. 172-184.*

⁷² *Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 2. S. 56-57sq. Lib. I. 5.*

⁷³ *Ibid. S. 67-68sq. Lib. I. 5.*

⁷⁴ *Ibid. S. 74-77. Lib. I. 8.*

⁷⁵ *Ibid. S. 80-81. Lib. II. 1.*

⁷⁶ *Ibid. S. 86-87. Lib. II. 3.*

⁷⁷ *Ibid. S. 94-95. Lib. II. 5.*

⁷⁸ *Ibid. S. 108-109.*

⁷⁹ *Ibid. S. 108-109sq., особ. 116-119. Lib. II. 5-6; 244-245. Lib. III. 8.*

⁸⁰ *Ibid. S. 128-129sq. и 164-165sq. Lib. II. 8. Del Soldato E. Illa litteris Graecis abdita. P. 119-120.*

⁸¹ *Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 2. S. 138-139sq. Lib. II. 7.*

⁸² *Hankins J. Plato in Italian Renaissance. Vol. 2. P. 441-444. App. 13.*

⁸³ *Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 2. S. 221-238. Lib. III. 2-5.*

⁸⁴ *Ibid. S. 242-243. Lib. III. 7.*

⁸⁵ *Ibid. S. 278-281. Lib. III. 13; S. 282-299. Lib. III. 15-16; 364-393. Lib. III. 23.*

⁸⁶ *Monfasani J. Cardinal Bessarion's Greek and Latin Sources. P. 474-475; Idem. The Pre- and Post-History of <...> In calumniatorem Platonis. S. 356-358.* Вклад Гатти в работу был признан самим Виссарионом: *Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 2. S. 304-305. Lib. III. 18.*

⁸⁷ *Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 2. S. 442-443. Lib. IV. 1.*

⁸⁸ *Ibid. S. 442-443sq. Lib. IV. 2.* Также: *Hankins J. Plato in Italian Renaissance. Vol. 1. P. 259-269.*

⁸⁹ Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 2. S. 494-494sq. Lib. IV. 3. Также: Garnsey P. Thinking about Property: From Antiquity to the Age of Revolution. Cambridge, 2007. P. 49-50.

⁹⁰ Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 2. S. 622-631. Lib. IV. 16.

⁹¹ По мнению Дж. Монфазани, наибольшее распространение в эпоху Возрождения приобрело не первое издание *ICP*, а последующее – выпущенное Альдом в 1503 г. (и затем перепечатанное его наследниками в 1516 г.), в основу которого был положен исправленный печатный текст 1469 г.: *Monfasani J. The Pre- and Post-History of <...> In calumniatorem Platonis*. S. 359. После смерти Георгия Трапезундского и Виссариона интерес к их полемическим трактатам (*Comparatio* и *ICP*) пошел на спад, однако в начале XVI в. этот спор вновь привлек внимание гуманистов. Даже после появления работ Марсилио Фичино и Джованни Пико *ICP* сохранял свою актуальность: *Ibid.* P. 359-360.

⁹² Впрочем, далеко не все гуманисты эпохи Возрождения признали победу Виссариона. Английский ученый Роберт Ридли, встречавшийся в Париже с Лефевром д'Этаплем, свидетельствовал о том, что французский гуманист воспринял *ICP* с негативом. Последний считал, что трактат был составлен отнюдь не Виссарионом, а разными авторами из его окружения. Подтверждением этому являлось “разнообразие и уродливость стиля”. По мнению Лефевра д'Этапля, ненависть греческого кардинала к Георгию возникла из-за того, что во время папских выборов тот поддерживал кандидатуру Сикста IV, а не Виссариона. Однако Георгий “заслужил наивысших благодарностей от добрых аристотеликов, так как, будучи истинным христианином, перевел с греческого на латынь многие тома христианских святых, и создал труд, направленный против Платона, гораздо более полезный и плодоносный, чем тот, что шит воедино разными его врагами и подписан именем Виссариона” [заметка Ридли на первом листе его собственной копии альдовского издания *ICP*, 1503 г.]: *Monfasani J. The Renaissance Plato-Aristotle Controversy and the Court of Matthias Rex // Matthias Rex (1458–1490): Hungary at the Dawn of the Renaissance*. Budapest, 2013. not. 37. Среди читателей “*Comparatio*” Дж. Хэнкинс перечисляет Джироламо Савонаролу, Доменико Гримани, Якопо Антонио Марчелло, Альфонсо де Паленсия, Диего Уртадо де Мендоса, Фульвио Орсини и Филиппа Меланхтона: *Hankins J. Plato in Italian Renaissance*. Vol. 1. P. 174, 243, not. 204.

⁹³ Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 596.

⁹⁴ Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 597-598; *Neuhausen K.A., Trapp E. Lateinische Humanistenbriefe zu Bessarions Schrift “In calumniatorem Platonis” // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1979. Bd 28. S. 141-165: 152.

⁹⁵ Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 598-599, 599-600.

⁹⁶ *Neuhausen K.A., Trapp E. Humanistenbriefe*. S. 158-160.

⁹⁷ *Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 600; Neuhausen K.A., Trapp E. Humanistenbriefe. S. 154.*

⁹⁸ В инвентаре библиотеки Виссариона 1474 г. значится трактат “Ferandi de comparatione philophorum, in diversis quinternionibus”, считающийся утерянным. Фернандо выразил похвалу Виссариону за его защиту Платона в предисловии к трактату “Об искусстве исследовать и открывать природу всего познанного” (*De artificio omnis et investigandi et inveniendi naturam scibilis*, 1468/1469). Он также одним из первых отреагировал на появление “Comparatio” Георгия Трапезундского, составив коллекцию свидетельств в честь Платона “*De laudibus Platonis ex testimoniis tum sacrorum interpretum, tum ethnicorum adversus quosdam doctrinam eius et vitam carpere solitos*” (1466): *Monfasani J. Fernando of Cordova: A Biographical and Intellectual Profile. Philadelphia, 1992. P. 23-40; Садов А.И. Виссарион Никейский. С. 231-232.* Из числа *familiares* Виссариона к атаке на Георгия присоединились Никколо Перотти и Андреа Контрарио. Первый написал “Опровержение бредней критянина Георгия Трапезундского” (*Refutatio deliramentorum Georgii Trapezuntii Cretensis*), второй – трактат “Против клеветника на Платона Георгия Трапезундского” (*Contra Georgium Trapezuntium calumniatorem Platonis*).

⁹⁹ *Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 543.* С учетом ранней переписки между двумя учеными Дж. Хэнкинс допустил, что Виссарион мог оказать влияние на трактовку “платонической любви” в комментарии Фичино на платоновский “Пир”, завершеном незадолго до появления в печати “*In calumniatorem*”: *Hankins J. Plato in Italian Renaissance. Vol. 1. P. 261, not. 244.*

¹⁰⁰ *Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 544-545.*

¹⁰¹ *Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 228. Ep. 3, P. 223. Ep. 1; Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 554. Ep. 71. См.: Monfasani J. George of Trebizond. P. 226.*

¹⁰² *Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 223-225; Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 554-556.* Как видно из ответного письма Виссариону, Фише поддержал позицию кардинала: *Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 226-230. Ep. 3. Также: Ibid. P. 249. Ep. 11.*

¹⁰³ *Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 601-602; Neuhausen K.A., Trapp E. Humanistenbriefe. S. 142-144.* Аргиропул также сообщает Виссариону о постигшем его горе – безвременной кончине двоих детей (сына и дочери), объясняя этим краткость своего письма.

¹⁰⁴ *Mohler L. Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 204-235. См.: Monfasani J. Greek and Latin learning in Theodore Gaza's Antirrheticon // Renaissance readings of the Corpus Aristotelicum / Ed. M. Pade. Copenhagen, 2001. P. 61-78.*

¹⁰⁵ *Field A.M. The Origins of the Platonic Academy of Florence. Prencenton, N.J., 1988. P. 113-114.*

¹⁰⁶ *Müllner K. Reden und Briefe Italienischer Humanisten. Ein Beitrag zur Geschichte Pädagogik des Humanismus. Wien, 1899. S. 3-56; Vespasiano da*

Bisticci. Vite di uomini illustri del secolo XV / a cura di L. Frati. Bologna, 1892-1893. Vol. II. P. 248-249, 260-261. Также: *Field A.M.* The Origins of the Platonic Academy of Florence. P. 114-115 и not. 28; *Брагина Л.М.* Аргиропуло (из истории философии итальянского Возрождения) // СВ. Т. 1968. Т. 31. С. 239.

¹⁰⁷ *Λόγος Σ.Π.* Ἀργυροπούλεια. Σ. 333.

¹⁰⁸ Показательны рассуждения Леонардо Бруни в трактате “Введение в науку о морали”, адресованном Галеотто Риказоли: для достижения истинного блага и преодоления скрывающих его ошибочных суждений “необходимо просить помощи у философии, которая в том случае, если удоставляет нас невзначай своим светом, развеивает туман, смущающий нас, и отделяет истинный жизненный путь от ложного. Разумеется, я помню, что ты занимался философией с молодых лет, однако исключительно той, которая имеет отношение к познанию природы. А она, хотя и является возвышенной и совершенной, менее полезна для жизни, чем та, которая обращена к нравам и добродетелям людей. Разве тот, кто будет знать, каким образом возникают дожди, снег и краски радуги, окажется лучше подготовленным к хорошему образу жизни, чем в том случае, если бы он никогда этого не узнал? Или разве будет более совершенной жизнь того, кому станут известны гало и смерчи, нежели если бы они вовсе не были ему известны? Подобно этому и все остальное, что дает нам исследование природы: достигается яркий блеск знаний, пользы же для жизни не извлекается никакой. А ведь эта, другая, философия целиком, я бы так сказал, относится к нашей жизни. Таким образом, те люди, которые, оставляя ее без внимания, обращаются к физике, по-видимому, занимаются как бы чужим делом, пренебрегая своим собственным” (перевод И.Я. Эльфонд): Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.). М., 1985. С. 49. Латинский текст: *Bruni L.A.* Humanistisch-Philosophische Schriften. Mit einer Chronologie seiner Werke und Briefe / Ed. Hans Baron. Leipzig, Berlin, 1928. S. 21.

¹⁰⁹ *Seigel J.E.* The Teaching of Argyropulos and the Rhetoric of the First Humanists // Action and Conviction in Early Modern Europe / Ed. T.K. Rabb, J.E. Seigel. Princeton, 1969. P. 237-260.

¹¹⁰ *Seigel J.E.* The Teaching of Argyropulos. App.: Praefatio Iohannis Argyropuli... ad Petrum Medicem in libros Aristotelis De interpretatione et generatione ratiocinationis. P. 257-260: 258

¹¹¹ *Müllner K.* Reden und Briefe Italienischer Humanisten. S. 45, 48; *Seigel J.E.* The Teaching of Argyropulos. P. 250. Подробнее о философских воззрениях Аргиропула: *Брагина Л.М.* Аргиропуло (из истории философии итальянского Возрождения). С. 237-255.

¹¹² *Ibid.* S. 30.

¹¹³ Речь Кристофоро Ландино на похоронах Донато Аччайуоли // Сочинения

итальянских гуманистов. С. 206. Пер. М.А. Юсима.

¹¹⁴ Об Аламанно Ринуччини см., в частности: *Брагина Л.М.* Аламанно Ринуччини и его “Диалог о свободе” // СВ. 1982. Вып. 45. С. 119-140; *Böninger L. Rinuccini, Alamanno Zanobi* // DBI. 2016. Vo. 87; *Seigel J.E.* The Teaching of Argurooulos. P. 251-255.

¹¹⁵ Сочинения итальянских гуманистов. С. 187. Пер. М.М. Ощепковой и Л.М. Поповой.

¹¹⁶ *Alamanno Rinuccini.* Lettere ed Orazioni / a cura di V.R. Giustiniani. Firenze, 1953. P. 98-99.

¹¹⁷ Письмо от 24 ноября 1489: Ibid. P.188-189.

¹¹⁸ *Аламанно Ринуччини.* Диалог о свободе // Сочинения итальянских гуманистов. С. 179-180. Пер. М.М. Ощепковой и Л.М. Поповой.

¹¹⁹ *Vespasiano da Bisticci.* Vite di uomini illustri. Vol. I. P. 260-261.

¹²⁰ *Field A.M.* The Origins of the Platonic Academy of Florence. P. 120-123.

¹²¹ *Garin E.* La cultura filosofica del Rinascimento italiano: ricerche e documenti. Firenze, 1961. P. 119-120. Также: *Field A.M.* The Origins of the Platonic Academy of Florence. P. 122-123; *Гарэн Э.* Проблемы итальянского Возрождения. С. 264.

¹²² О Томе см.: *Bellis D. de.* La vita e l'ambiente di Niccolo Leonico Tomeo // Quaderni per la storia dell' Università di Padova. 1980. Vol. 13. P. 37-75; *Geanakoplos D.J.* The Career of the Little-Known Renaissance Greek Scholar Nicolaus Leonicus Tomaeus and the Ascendancy of Greco-Byzantine Aristotelianism at Padua University (1497) // *Idem.* Constantinople and the West. P. 114-129; *Grendler P.F.* The Universities of the Italian Renaissance. P. 273-274, 414; *Russo E.* Leonico Tomeo, Niccolò // DBI. 2005. Vol. 64. P. 617-621.

¹²³ “Venit in hanc urbem nostram rector artistarum Gymnasii nostri Patavini <...> petiit et supplicavit <...> nomine omnium illorum scolarium cupientium habere lectorem in lingua greca et explanatorem textuum aristotelicorum maxime in philosophia et medicina, pro coadiuvandis eorum studiis, ut ad talem lecturam constitueretur vir eruditissimus et doctor utriusque lingue peritissimus magister Nicolaus de Thomeis dictis omnibus scolaribus supra quam dici possit gratissimus et acceptissimus” [21 апреля 1497 г.] // *Bellis D. de.* La vita e l'ambiente di Niccolo Leonico Tomeo. P. 41. Также цит.: *Grendler P.F.* The Universities of the Italian Renaissance. P. 273, not. 21.

¹²⁴ *Cariou M.* A propos d'un manuscrit de Nicolò Leonico Tomeo, le modèle de l'édition princeps du Lapidaire orphique // *Scriptorium.* 2014. Vol. 68. P. 49-78: 50, 72, 74-75; *Fortuna S.* Niccolò Leonico Tomeo e Galeno: manoscritti, edizioni e traduzioni // *Storia della tradizione e edizione dei medici greci.* Atti del VI Colloquio internazionale, Paris 12-14 aprile 2008. Napoli, 2010. P. 323-336: 325, 329.

¹²⁵ *Foffano F.* Marco Musuro, professore di greco a Padova ed a Venezia // *Nuovo Archivio Veneto.* 1892. T. III. P. 471. Doc. I.

¹²⁶ Его первым заметным успехом в области перевода стала латинская версия “Inerrantium stellarum significationes” Птолемея, изданная Альдом в 1516 г. Затем в 1523 г. Маттео и Барнардино Витали опубликовали в Венеции “Малые сочинения о природе” Аристотеля, переведенные и прокомментированные Томеем (Parva quae vocant naturalia, omnia in latinum conversa et explicata a Nicolao Leonico Thomaeo). В издание своих работ (Opuscula, 1525) Томей включил парафразы трактатов Стагирита о движении животных “De incessu animalium” и “De motu animalium”, перевод псевдо-аристотелевских “Механических проблем” (Quaestiones mechanicae), сопроводив его собственными пояснениями, и латинскую версию комментария Прокла на “Тимей” Платона. В 1528 г. он завершил работу над переводом трактата Аристотеля “О частях животных” (De partibus animalium), который был опубликован уже после смерти Томея его племянником Магном Леоником в Венеции в 1540 г. (Nicolai Leonici Thomaei Conversio in latinum, atque explanatio primi libri Aristotelis *De partibus animalium*). Следует также отметить редакционное участие Томея при подготовке греческого издания “Opera de animalibus” Аристотеля и Теофраста: “Omnia ex exemplaribus N. Leonici Thomaei diligenter emendata” (опубликовано во Флоренции Филиппо Джунтой в мае 1527). См., в частности: *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. III. P. 215 (№ 179); 282-284 (№255); 303-304 (№276); 313-315 (№289); 389 (№393).*

¹²⁷ *Gasquet (cardinal). Cardinal Pole and his early friends. London, 1927. P. 35.*

¹²⁸ О контактах Томея с англичанами см.: *Wolfson J. Padua and the Tudors: English Students in Italy, 1485-1603. Cambridge, 1998. P. 103-118.*

¹²⁹ *Gasquet (cardinal). Cardinal Pole. P. 68-71. Также: Wolfson J. Padua and the Tudors. P. 81.*

¹³⁰ *Erasmus. Opus Epistolarum. T. V. P. 520. Ep. 1479; T. VIII. P. 245. Ep. 2201.*

¹³¹ *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. III. P. 283.*

¹³² *Cariou M. A propos d'un manuscrit de Nicolò Leonico Tomeo. P. 58, 59, 72, 73, 76, 62-64; Gamba E. Un nuovo manoscritto copiato da Niccolò Leonico Tomeo (Par. gr. 1833). Appunti per la ricostruzione della sua biblioteca // Eikasmos: Quaderni Bolognesi di Filologia Classica. 2014. Vol. 25. P. 329-360: 337, 342, 335, 340, 344, 349.*

¹³³ *Michael Marullus. Poems / Ed. and trans. Ch. Fantazzi. Cambridge, London, 2012. P. 200: 100-106. Критическое издание поэм Маруллоса было осуществлено А. Перозой: Michaelis Marulli Carmina / Ed. A. Perosa. Zürich, 1951.*

¹³⁴ *Botfield B. Prefaces. P. 290-296; Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. I. P. 106-112. Анализ гимна: Dijkstra R. Musurus' Homeric Ode to Plato and His Requests to Pope Leo X // Akroterion. 2015. Vol. 60. P. 33-63. Также: Geanakoplos D.J. Greek scholars in Venice. P. 150-153.*

¹³⁵ См., в частности: *Медведев И.П. Падение Константинополя в греко-*

итальянской гуманистической публицистике XV в. // Византия между Западом и Востоком / Под ред. Г.Г. Литаврина. СПб., 1999. С. 293-332; *Пашкин Н.Г.* Падение Константинополя в восприятии западных гуманистов XV в. // АДСВ. 2008. Вып. 38. С.258-266; *Его же.* Эней Сильвий Пикколомини, падение Константинополя и гуманистическая публицистика на латинском Западе в середине XV века // Россия и мир: панорама исторического развития: сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 216-221; *Hankins J.* Renaissance Crusaders: Humanist Crusade Literature in the Age of Mehmed II // DOP. 1995. Vol. 49. P. 111-207.

¹³⁶ *Carretto G.E.* Bessarione e il Turco // Bessarione e l'Umanesimo. Catalogo della mostra / a cura di G. Fiaccadori. Napoli, 1994. P. 261-274; *Manselli R.* Il cardinale Bessarione contro il pericolo turco e l'Italia // Miscellanea Francescana. 1973. Vol. 73. P. 314-326; *Ricklin Th.* Bessarions Türkei und andere Türken interessierter Kreise. Von der Schwierigkeit, ein Feindbild gelehrt zu plausibleisieren // "Inter graecos latinissimus, inter latinos graecissimus": Bessarion zwischen den Kulturen / Hrsg. von C. Kaiser, C. Märkl, T. Ricklin. Berlin, 2013. S. 277-300.

¹³⁷ *Медведев И.П., Гаврилов А.К.* Речь Виссариона Никейского на Мантуанском соборе о падении Константинополя // ВВ. 2004. Т. 63 (88). С. 292-317: латинский текст речи: с. 298-306, русский перевод: с. 307-317.

¹³⁸ Нюрнбергскую речь Виссариона см. в: *Mohler L.* Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 377-383. Другие речи кардинала в качестве папского легата в Священную Римскую империю: *ibid.* S. 384-403.

¹³⁹ *Ibid.* P. 384.

¹⁴⁰ О посольстве Виссариона в Германию и Австрию см.: *Märkl C.* Kardinal Bessarion als Legat im Deutschen Reich (1460/1461) // "Inter graecos latinissimus". P. 123-150; *Mohler L.* Kardinal Bessarion. Bd. 1. S. 293-303; *Setton K.M.* The Papacy and the Levant (1204-1571). Vol. II. P. 216-218.

¹⁴¹ *Marino Sanuto.* De origine urbis Venetae et vita omnium ducum // *Rerum Italicarum Scriptores* / Ed. L.A. Muratori. Mediolani, 1733. Col. 405-1251: 1158CD.

¹⁴² *Mohler L.* Bessarions Instruktion für die Kreuzzugspredigt in Venedig (1463) // *Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und für Kirchengeschichte.* 1927. Bd. 35. S. 337-349. Также: *Ricklin Th.* Bessarions Türkei und andere Türken interessierter Kreise. S. 277-280; *Setton K.M.* The Papacy and the Levant (1204-1571). Vol. II. P. 244. О деятельности Виссариона в Венеции: *Kourniakos P.* Die Kreuzzugslegation Kardinal Bessarions in Venedig (1463-1464). PhD thesis, Universität zu Köln. 2009; *Рязанов П.А.* Кардинал Виссарион и начало венециано-турецкой войны 1463-1479 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 4. С. 43-50.

¹⁴³ *Медведев И.П.* Уникальный архивный документ за подписью Виссариона Никейского // ВВ. 1986. Т. 46. С. 157-163.

- ¹⁴⁴ *Mohler L.* Bessarions Instruktion. P. 339.
- ¹⁴⁵ *Медведев И.П., Гаврилов А.К.* Речь Виссариона Никейского. С. 299; *Mohler L.* Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 475-476; *Vast H.* Le cardinal Bessarion. P. 454-455.
- ¹⁴⁶ *Mohler L.* Bessarions Instruktion. S. 340.
- ¹⁴⁷ *Ibid.* S. 342.
- ¹⁴⁸ *Ibid.* S. 339.
- ¹⁴⁹ *Setton K.M.* The Papacy and the Levant (1204-1571). Vol. II. P. 245, not. 48.
- ¹⁵⁰ Письмо миланского посла Паганино к герцогу Франческо Сфорца от 1 августа 1464: Acta inedita historiam pontificum Romanorum praesertim saec. XV, XVI, XVII illustrantia / Ed. L. Pastor. Friburgi Brisgoviae, 1904. Vol. I. P. 322-323: 323. No. 201.
- ¹⁵¹ PG. T. 161. Col. 647-676.
- ¹⁵² *Ibid.* Col. 653D-654B.
- ¹⁵³ *Ibid.* Col. 655D.
- ¹⁵⁴ *Ibid.* Col. 656AD.
- ¹⁵⁵ *Ibid.* Col. 657AB. О численности войск Александра сообщает Плутарх на основании сведений Аристобула (De Alex. fort. I 3, 327DE; De Alex. fort. II 11, 342D; Alex. 15, 1).
- ¹⁵⁶ *Mohler L.* Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 549. Ep. 68; S. 550. Ep. 69; PG. T. 161. Col. 647AB.
- ¹⁵⁷ Письмо от 5 августа 1470 г.: *Monfasani J.* Bessarion Latinus // Rinascimento. 1981. Vol. 21. P. 165-209: 199. Также: *Mohler L.* Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 552. Ep. 70; PG. T. 161. Col. 649C.
- ¹⁵⁸ Фактически эта *liga generalis* существовала только на бумаге. См., в частности: *Pisoni C.A., Sironi S.* Una poco conosciuta testimonianza documentale sulla Lega Italica (1470) // Studi di storia medioevale e di diplomatica. 2001. Vol. 19. P. 91-125; *Setton K.M.* The Papacy and the Levant (1204-1571). Vol. II. P. 299-300, not. 104.
- ¹⁵⁹ *Mureşan D.I.* Bessarion's Orations against the Turks and Crusade Propaganda at the Große Christentag of Regensburg (1471) // Reconfiguring the Fifteenth-Century Crusade / Ed. N. Housley. London, 2017. P. 207-243: 216-217.
- ¹⁶⁰ Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 226. Ep. 2; 231. Ep. 4; 234. Ep. 7; *Mohler L.* Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 556-557. Ep. 72; 558. Ep. 73.
- ¹⁶¹ Письмо из Рима от 13 декабря 1470 г.: *Ibid.* P. 223-225. Ep. 1; *Mohler L.* Kardinal Bessarion. Bd. 3. S. 554-556. Ep. 71. См.: *Mureşan D.I.* Bessarion's Orations. P. 211 sq.
- ¹⁶² Об издании Фише см.: *Meserve M.* Patronage and Propaganda at the First Paris Press: Guillaume Fichet and the First Edition of Bessarion's Orations against the Turks // Papers of the Bibliographical Society of America. 2003. Vol. 97 (4). P. 521-588; *Mureşan D.I.* Bessarion's Orations; *Papas V.* The First Political Printed Book in Europe: The Epistolae et Orationes Contra Turcos

by Cardinal Bessarion // *International Journal of Language and Literature*. 2014. Vol. 2(3). P. 37-55.

¹⁶³ *Mureşan D.I.* Bessarion's Orations. P. 218-223.

¹⁶⁴ *Jo. Antonii Campani*, episcopi aprutini, Epistolae et Poemata, una cum Vita Auctoris / Rec. Jo. Berchardus Menckenius. Lipsiae, 1707. P. 387.

¹⁶⁵ *Ibid.* P. 386-387.

¹⁶⁶ *Meserve M.* Patronage and Propaganda. P. 577-579, 582, 585-586; *Mureşan D.I.* Bessarion's Orations. P. 224. Также: Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 257-260. Ep. 16; 260-262. Ep. 17; 262-268. Ep. 18; 268-270. Ep. 19; 270-271. Ep. 20; 271-272. Ep. 21: "Imperatori Friderico, necnon aliis Galliarum, Germaniarum et Britanniarum principibus feci [Guillermus Fichetus] quamprimum Orationum Bessarionis legendi potestatem"; 272-274. Ep. 22: "Ego [Guillermus Fichetus] proinde transcriptum opus ad Ludovicum regem et Fredericum imperatorem aliosque Galliarum Germaniarumque principes transmissi, capitibus quoque religionum et policiarum rectoribus eiusdem operis legendi feci potestatem"; 280. Ep. 26; 285. Ep. 29; *et alia*.

¹⁶⁷ *Mureşan D.I.* Bessarion's Orations. P. 224.

¹⁶⁸ Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 240. Ep. 10. *Mureşan D.I.* Bessarion's Orations. P. 225.

¹⁶⁹ *Setton K.M.* The Papacy and the Levant (1204-1571). Vol. II. P. 315, not. 3.

¹⁷⁰ См. о нем: *Harris J.* Byzantine refugees as crusade propagandists. The travels of Nicholas Agallon // *The Crusade in the Fifteenth Century: Converging and Competing Cultures* / Ed. N. Housley. Abingdon and New York, 2016. P. 34-46.

¹⁷¹ *Ibid.* P. 36. Среди других собирателей денег, путешествовавших по Европе в 50-60 гг., можно найти византийских аристократов Николая Тарханиота (Милан, Франция, Бургундские Нидерланды), Димитрия Палеолога (Франция, Англия, Генуя, Милан, Дания), Исаака Палеолога и его сына Алексея (Италия, Франция), Георгия Феофила из Константинополя (Франция) и, вероятно, Ласкариса Канана, составившего "путеводитель" по северным странам: *Harris J.* When did Laskaris Kananos travel in the Baltic lands? // *Byzantion*. 2010. Vol. 80 P. 173-187. Также: *l'Épinois H. de.* Notes extraites des Archives Communales de Compiègne // *Bibliothèque de l'École des Chartes*. 1863. T. 4. P. 471-499: 498.

¹⁷² Письмо от 29 мая 1454 г.: *Francisci Philelphi* Epistolarum familiarium libri XXXVII. Venetiis, 1502. Fol. 85v. Вторым был Мануил Ниагулес. См.: *Harris J.* Byzantine refugees. P. 35-36.

¹⁷³ *Bisaha N.* Creating East and West: Renaissance Humanists and the Ottoman Turks. Renaissance Humanism and the Ottoman Turks. Philadelphia, 2004. P. 116, 243, not. 120; *Setton K.M.* The Papacy and the Levant (1204-1571). Vol. III. The Sixteenth century. Philadelphia, 1984. P. 53.

¹⁷⁴ *Iorga N.* Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades. Bucharest, 1916. Vol. VI. P. 45-55; *Setton K.M.* The Papacy and the Levant (1204-1571).

Vol. III. P. 53-54.

¹⁷⁵ *Lamers H.* Greece Reinvented. P. 119-122. Текст речи: *Nikas C.* L'Oratione di Janós Lascaris a Carlo V // *Mathesis e Philia. Studi in onore di Marcello Gigante / a cura di S. Cerasuolo.* Napoli, 1995. P. 347-373 и *Legrand E.* Bibliographie hellénique. Vol. I. P. CLIII-CLVI (фрагмент).

¹⁷⁶ Публикация речи: *Λαούρδας Β.* Ἡ πρὸς τὸν αὐτοκράτορα Φρειδερίκον τὸν τρίτον ἐκκλησις τοῦ Μιχαήλ Ἀποστόλη // *Γέρας Ἀντωνίου Κεραμοπούλου.* Ἀθήνα, 1953. Σ. 516-527. Частичный перевод на английский: *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. P. 97-99. О речи: *Γεωργακόπουλος Δ.Κ.* Ο βίος και το ἔργο του λόγιου κωδικογράφου Μιχαήλ Αποστόλη. Σ. 160-165.

¹⁷⁷ *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. P. 96; *Γεωργακόπουλος Δ.Κ.* Ο βίος και το ἔργο του λόγιου κωδικογράφου Μιχαήλ Αποστόλη. Σ. 53, 161.

¹⁷⁸ См. вторую главу настоящей работы.

¹⁷⁹ *Noiret H.* Lettres inédites de Michel Apostolis. Paris, 1889. P. 127. Ep. 110. Также: *Γεωργακόπουλος Δ.Κ.* Ο βίος και το ἔργο του λόγιου κωδικογράφου Μιχαήλ Αποστόλη. Σ. 40, 166.

¹⁸⁰ *Collectanea Trapezuntiana.* P. 422-433.

¹⁸¹ *Ibid.* P. 434-444: 437.

¹⁸² Трактат “Об истинности христианской веры” опубликован в: *Ζώρας Γ.* (*Zoras G.*) Γεώργιος ο Τραπεζούντιος καὶ αἱ πρὸς ἐλληνοτουρκικὴν συνεννόησιν προσπάθειαι αὐτοῦ. Ἀθήνα, 1954. Σ. 93-165. Остальные сочинения: *Collectanea Trapezuntiana.* P. 281-284, 492-574; *Mercati A.* Le due lettere di Giorgio da Trebisonda a Maometto II // *Orientalia Christiana Periodica* 1943. Vol. 9. P. 65-99. Пер. на русский: *Георгии Трапезундский.* Об истинности христианской веры / Сост., пер. с древнегреч., комм. К.И. Лобовиковой; общ. и науч. ред. Д.А. Поспелова. Самарканд, 2009; [Сочинение] Георгия Трапезундского, Эмиру в то время, когда он захватил [град] Константина / Пер. с др.-греч. К.И. Лобовиковой под ред. Д.А. Поспелова // *Камень веры. Духовное наследие Христианства и Ислама.* М., 2011. Т. 1. С. 104-167.

¹⁸³ Об отношении Георгия Трапезундского к исламу и султану Мехмеду II: *Balivet M.* Pour une concord islamo-chrétienne. Démarches byzantines et latines à la fin du Moyen-Âge (de Nicolas de Cues à George de Trébizonde). Roma, 1997; *Monfasani J.* George of Trebizond. P. 131-136; 189-194; *Лобовикова К.И.* 1) Христианство, иудаизм и ислам в трактате Георгия Трапезундского “О вечной славе самодержца и его мировом владычестве” // *АДСВ.* 2003. Вып. 34. С.399-414; 2) Проблема турецкого завоевания и ислама глазами Георгия Трапезундского. Дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005; 3) Георгий Трапезундский и Мехмед II Завоеватель // *ВВ.* 2005. Т. 64 (89). С. 141-155; Также: *Жигалова Н.Э.* Византийское туркофильство: течение или увлечение? // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 2017. № 4. С. 45-52; 46-49; *Мансуров И.А.* Ге-

оргий Трапезундский. Об истинности христианской веры (вместо предисловия) // Камень веры. С. 101-103.

¹⁸⁴ *Göllner C.* Legenden von der skythischen, trojanischen und kaukasischen Abstammung der Türken im 15. und 16. Jahrhundert // *Revue des Études Sud-Est Européennes*. 1977. Т. 15. № 1. P. 49-61; *Pertusi A.* I primi studi in Occidente sull'origine e le potenze dei Turchi // *Studi Veneziani*. 1970. Vol. 12. P. 465-552.

¹⁸⁵ Трактат Н. Секундиноса опубликован в: *Laonici Chalcondylae Atheniensis De origine ac rebus gestis Turcorum libri decem*. Basileae, 1556. P. 186-190. Также цитаты в: *Göllner C.* Legenden. P. 50, not. 7; *Hankins J.* Renaissance Crusaders. P. 136-137; *Pertusi A.* I primi studi in Occidente. P. 473.

¹⁸⁶ *Göllner C.* Legenden. P. 51, 57.

¹⁸⁷ Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 163. Письмо датировано 1 июля 1472 г.

¹⁸⁸ De origine Turcarum: PG. Т. 161. Col. 997-1006; Gaza Teodoro. Epistole / Introduzione, testo critico, traduzione e nota di E. Pinto. Napoli, 1975. P. 100-106, ит. пер.: p. 151-156.

¹⁸⁹ *Meserve M.* Empires of Islam in Renaissance historical thought. Cambridge, 2008. P. 124-125. Кончетта Бьянка относит время появления трактата к 1474 г.: *Bianca C.* Gaza. P. 744.

¹⁹⁰ De rebus Peloponnesiacis Oratio II // PG. Т. 160. Col. 841-866. О паропамисадах: col. 844 A.

¹⁹¹ PG. Т. 122. Col. 297C; *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum*. Editio Princeps / Recensuit I. Thurn. Berlin, 1973. P. 442. Также: *John Skylitzes: A Synopsis of Byzantine History, 811-1057* / Transl. by J. Wortley. Cambridge-New York, 2010. P. 416.

¹⁹² *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum*. P. 75, 76. По всей видимости, упоминание Κοῦρτοι и Τοῦρκοι при описания одного события было результатом ошибки переписчика, поэтому издатель “синописа” Ханс Турн счел целесообразным заменить *куртов* на *турок*: *ibid.* 75, not.

¹⁹³ PG. Т. 121. Col. 1101 D, 1104A; *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum*. P. 143.

¹⁹⁴ PG. Т. 161. Col. 1000D

¹⁹⁵ *Ibid.* Col. 1004BC.

¹⁹⁶ “Разумно полагать, что турки, живущие у Дуная, переселились сюда при римском самодержце Льве с Кавказа, перейдя Боспор, называемый Киммерийским, а не с Паропамиса”: *Ibid.* Col. 1004C. О союзе Льва VI с турками и венграми против болгар, заключенном в 894 г., см. у Скилицы: PG. Т. 121. Col. 1141C; *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum*. P. 176.

¹⁹⁷ PG. Т. 161. Col. 1005A.

¹⁹⁸ *Ibid.* Col. 1004D. Подробнее о трактате Газы см.: *Meserve M.* Empires of

Islam. P. 123-141. Также: *Воробьев Г.М.* Биологические трактаты Аристотеля. С. 30-31, 65-69; *Рязанов П.А.* Византийский ученый Феодор Газа. С. 214-215.

¹⁹⁹ Издан Минем с латинским переводом Жана Перелля (Jean Perrelle, Johannes Perellus): PG. T. 19. Col. 1167-1218. Год написания трактата указан самим автором (col. 1205D; 1216C).

²⁰⁰ Подробнее см.: *Botley P.* Renaissance Scholarship and the Athenian Calendar // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 2006. Vol. 46. P. 395-408.

²⁰¹ *Collectanea Trapezuntiana*. P. 299-300. Как показал П. Ботли, Георгий отверг трактовку, содержащуюся в “лексиконе Папия” XI в., где под “посидеон” понимался август, и отказался принять интерпретацию из “календаря”, которым руководствовался Леонардо Бруни: в нем “посидеон” отождествлялся с сентябрем: *Botley P.* Renaissance Scholarship. P. 397, 403, 408-409.

²⁰² Работа Хрисолора “De mensibus” считается утраченной. Упоминания о ней содержатся в письме Амброджио Траверсари к Франческо Барбаро (1415): “Mitto ad te duas epistolas longiores nostri Chrysolorae: de amicitia alteram ad me, de mensibus secundam ad Pallantem, scriptas olim manu mea; tertiam ad nostrum Guarinum mittere non curavi”: Ambrosii Traversarii generalis Camaldulensium aliorumque ad ipsum / Ed. L. Mehus. Florentiae, 1759. T. II. P. 278.

²⁰³ О плифоновском календаре см.: *Anastos M.V.* Pletho's Calendar and Liturgy // DOP. 1948. Vol. 4. P. 183-305; *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV-XV вв. С. 106-107.

²⁰⁴ PG. T. 19. Col. 1193D.

²⁰⁵ *Botley P.* Renaissance Scholarship. P. 409-410.

²⁰⁶ PG. T. 19. Col. 1169A.

²⁰⁷ *Botley P.* Renaissance Scholarship. P. 410.

²⁰⁸ *Ibid.* P. 422-423.

²⁰⁹ Ep. no 1407: *Opus Epistolarum Des. Erasmi Roterodami*. 1924. T. V. P. 377.

²¹⁰ *Botley P.* Renaissance Scholarship. P. 423-431. О трактате Газы см. также: *Bianca C. Gaza, Teodoro* // DBI. 1999. Vol. 52. P. 737-746; 739; *Воробьев Г.М.* Биологические трактаты Аристотеля. С. 64-65; *Рязанов П.А.* Византийский ученый Феодор Газа. С. 212-213.

²¹¹ Новое издание: *Cohen-Skalli A.* Les *Vitae Siculorum et Calabrorum* de Constantin Lascaris : le texte et ses sources // *Revue d'histoire des textes*. 2016. Vol. 11. P. 135-162. Также: PG. T. 161. Col. 915-928. Там же письмо Ласкариса к Джованни Гатти: col. 913-916.

²¹² “Et in brevissimum volumen collegi interveniente et coadiuvante domino Ludovico Saccano latinarum litterarum doctissimo et graecarum meo iudicio non ignaro”: *Gravone L.* Ludovico Saccano: *Elogio di Alfonso di Aragona e Relazione di una legazione siciliana a re Giovanni* // *Atti dell'Accademia di Scienze Lettere e Arti di Palermo*. 1954-1955. Ser. IV. Vol. 15. P. 109-173: 124.

²¹³ О сочинении Ласкариса см., в частности: *Cohen-Skalli A. De Byzance à Messine: les Vitae Siculorum de Constantin Lascaris, leur genèse et leur tradition // Revue d'histoire des textes. 2014. Т. 9. P. 79-116. Lamers H. Greece Reinvented. P. 196-198; Martínez Manzano T. Constantino Láscaris. P. 186-188; Russo A. Costantino Lascaris tra fama e oblio nel cinquecento messinese // Archivio Storico Messinese. 2003-2004. Vol. 84-85. P. 5-87: 10 not. 17, 13 not. 27, 29 not. 76, 51sq. et not. 131, 83-87.*

²¹⁴ *Georgii Gemisti Plethonis Opuscula de historia Graeca / Ed. E.V. Maltese. Leipzig, 1989.* О византийских исторических работах в Италии XV-XVI вв. см., в частности, старую работу *В.Н. Забугина: Византийские историки и итальянские гуманисты // Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе: к сорокалетию профессорской деятельности (1873-1913). СПб., 1914. С. 69-91.*

²¹⁵ Манускрипт содержал обе части компендиума (ἐκ τῶν Διοδώρου καὶ Πλουτάρχου περὶ τῶν μετὰ τὴν ἐν Μαντινείᾳ μάχην ἐν κεφαλαίοις διάληψις καὶ ἐκ τῶν Διοδώρου παρασημειώσεις), написанные рукой Плифона: *Diller A. The Autographs of Georgius Gemistus Pletho // Scriptorium. 1956. Vol. 10. P. 27-41: 34-35.* О копиях, восходящих к данному кодексу см.: *Ibid. P. 40-41.*

²¹⁶ *Legrand E. Bibliographie hellénique. Vol. III. P. 395, 403; Vol. IV. P. 55, 84; Maltese E.V. Una storia della Grecia dopo Mantinea in età umanistica // Res Publica Litterarum. 1987. Vol. 10. P. 201-208: 202, 204-207.*

²¹⁷ *Diller A. The Autographs of Georgius Gemistus Pletho. P. 34-35; Maltese E.V. Una storia della Grecia dopo Mantinea in età umanistica. P. 201.*

²¹⁸ *Amendola D. Plethon's Opuscula de historia Graeca and Brunii's Commentarium rerum Graecarum: Rewriting Greek History Between the Byzantine and the Latin Renaissance // Georgios Gemistos Plethon: The Byzantine and the Latin Renaissance / Ed. J. Matula, P.R. Blum. Olomouc, 2014. P. 323-351; Maltese E.V. Una storia della Grecia dopo Mantinea in età umanistica. P. 201-208: 203-204.*

²¹⁹ Фрагмент письма: *Agostini G. degli. Notizie storico-critiche intorno la vita e le opere degli scrittori veneziani. Venezia, 1752. Т. I. P. 76.*

²²⁰ Первая по времени основания кафедра относилась к школе св. Марка (Gymnasium literarium), которая была создана в 1443 г. с целью подготовки нотариусов для Канцелярии. Каждый год в неё принимали двенадцать учеников с назначением каждому ежегодной стипендии в десять дукатов (пять из которых удерживались для выплаты учительского жалования): *Campana L. Vettor Fausto... // Teachers, Students, and Schools of Greek in the Renaissance. P. 333.* Во время соперничества за место историографа кафедре в этой школе занимал Пьетро Перлеоне.

²²¹ *Monfasani J. George of Trebizond. P. 146-147, 172-174.*

²²² *Ibid. P. 174.*

²²³ *Wilson N.G. From Byzantium to Italy. P. 116.*

²²⁴ Об этом сообщают Веспасиано да Бистиччи и ученик Аргиропула Пьер Филиппо Пандольфини: *Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri. Vol. II. P. 261.* Из письма Пандольфини к Санто Вирето следует, что Аргиропул вел занятия по “Политике” в праздничные дни. Письмо цитируется в кн.: *Torre A. della. Storia dell'accademia Platonica di Firenze. Firenze, 1902. P. 388-389.* Также: *Field A.M. The Origins of the Platonic Academy of Florence. P. 114-115, not. 28, 227.*

²²⁵ *Brown A.M. The Humanist Portrait of Cosimo de' Medici, Pater Patriae // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1961. Vol. 24, No. 3/4. P. 186-221: 196, 200-201, 215.* В частности, Аргиропул писал Козимо: “*re vera te talem ante oculos habemus, qualem Aristoteles hoc in libro perfectissimum felicem verbis descripsit*” или “*te palam profitendum est talem hominem profecto iam evasisse, qualem divinus ille Plato civitatibus praeesse rebusve publicis voluit*”.

²²⁶ *Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri. Vol. III. P. 67.*

²²⁷ См. предисловие Аламанно Ринуччини к переводу “Утешения” Плуларха, адресованное Козимо де' Медичи: *Monumenta ad Alamanni Rinuccini vitam contexamdam ex manuscriptis codicibus plerumque eruta / Ed. F. Fossius. Florentiae, 1791. P. 35.* См.: *Torre A. della. Storia dell' Accademia Platonica di Firenze. P. 398-399; Кудрявцев О.Ф. Флорентийская Платоновская Академия. С. 128.*

²²⁸ О концепции Георгия Трапезундского и венецианской “конституции” см.: *Berns T. Construire un ideal venitien de la constitution mixte a la Renaissance: L'enseignement de Platon par Trebizonde // Le gouvernement mixte de l'idéal politique au monstre onstitutionnel en Europe (XIIIe-XVIIe siècle) / Éd. M. Gaille-Nikodimov. Saint-Etienne, 2005. P. 25-38; Gaeta F. Giorgio da Trebisonda, le “Leggi” d' Platone e la costituzione di Venezia // Bullettino dell'Istituto storico italiano per il medio evo e Archivio Muratoriano. 1970. Vol. 82. P. 479-501.*

²²⁹ “Я хочу указать теперь еще и на третью форму государственного устройства, в которой сливаются все виды и состояния государственных правлений и вместе с тем государств... Есть два как бы материнских вида государственного устройства, от которых, можно сказать по праву, родились остальные. Было бы правильно указать на монархию как на первый из них, и на демократию как на второй. Монархия достигла высшего развития у персов, демократия – у нас. Почти все остальные виды государственного устройства <...> представляют собой пестрые соединения этих двух. Чтобы существовала свобода и дружба в соединении с разумностью, неизбежно надо быть причастным и к тому и к другому виду. Этого требует наше рассуждение, утверждающее, что государство, не причастное к ним, не может иметь хорошего строя”: *Платон. Сочинения в четырех томах / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Пер. с древнегреч.*

СПб., 2007. Т. 3. Ч. 2. С. 162 (681d), 177 (693d-e). Аристотель, проанализировав наилучшее государственное устройство, предложенное Платоном в “Законах”, пришел к выводу, что оно “не содержит в себе никакого монархического начала, а лишь начало олигархическое и демократическое, причем оно скорее склоняется к олигархии”: *Аристотель*. Политика (пер. С.А. Жебелева) в кн.: *Аристотель*. Сочинения. В 4-х томах. М., 1983. Т. IV. С. 418.

²³⁰ *Утченко С.Л.* Учение о смешанной форме государственного устройства // *Его же*. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 290-302; *Aalders G.J.D.* Die Theorie Der Gemischten Verfassung im Altertum. Amsterdam, 1968.

²³¹ Члены Совета сорока по уголовным делам (*Quarantia Criminal*) входили в состав Сената *ex officio* и обычно были моложе остальных его членов: *Finlay R.* The Venetian Republic as a gerontocracy: age and politics in the Renaissance // *Journal of medieval and Renaissance studies*. 1978. Vol. 8 (2). P. 157-178: 160.

²³² *Francisci Barbari et aliorum ad ipsum Epistolae* / Ed. A.M. Querini. Brixiae, 1743. P. 290-291. Ep. 198. Ср. высказывание Аристотеля (Polit. II, 3): “Некоторые утверждают, что наилучшее государственное устройство должно представлять собой смешение всех государственных устройств; по мнению одних, это смешение состоит из олигархии, монархии и демократии, поэтому они восхваляют лакедемонское устройство...” (*Аристотель*. Сочинения. Т. IV. С. 417).

²³³ *Francisci Barbari et aliorum ad ipsum Epistolae*. P. 292-295: 295. Ep. 199.

²³⁴ *Ibid.* P. 295-303. Ep. 200-210.

²³⁵ Предисловие издано Дж. Монфазани в кн.: *Collectanea Trapezuntiana*. P. 198-202. Английский перевод см. в: *Cambridge Translations of Renaissance Philosophical Texts* / Ed. J. Kraye. Cambridge, 1997. Vol. II: *Political Philosophy*. P. 128-133.

²³⁶ Речь идет о Большом совете (*Maggior Consiglio, Consilium Sapientium*). Более демократический орган власти – *Concio* или *Arengo*, в котором принимал участие народ (*popolo*), утратил значение в XII-XIII вв. и был окончательно упразднен в 1423 г.

²³⁷ Георгий имеет в виду “*Avodagori de Comùn*”, членов особой судебно-административной коллегии, в компетенцию которой входила охрана общественного порядка и законов.

²³⁸ О выборах стражей законов: *Plat. Leg. VI, 752e-753e*; о выборах должностных лиц: *753c-766c*.

²³⁹ *Plat. Leg. IV, 709e-712a; VIII, 835c*.

²⁴⁰ т.е. *optimates*: “знатные”, от *lat. optimi* “налучшие”.

²⁴¹ “*qui comitia petunt*”, т.е. добиваются места в Большом Совете.

²⁴² *Monfasani J.* George of Trebizond. P. 145-147; *Gilbert F.* The Venetian

Constitution in Florentine Political Thought // *Florentine Studies. Politics and Society in the Renaissance Florence* / Ed. N. Rubinstein. London, 1958. P. 463-500: 468-469. Надо добавить, что копией перевода “Законов” владел Николай Кузанский, который получил её от другого покровителя Георгия – епископа Арраса Жана Жюффруа: *Monfasani J.* Op. cit. P. 170-171, not. 177.

²⁴³ De Magistratibus et republica Venetorum Libri quinque, authore *Gaspares Contareno* Patricio Veneto. Parisiis, 1543. Русский перевод: *Гаспаро Контарини*. О магистратах и устройстве Венецианской республики / Пер. с лат., вступ. статья и коммент. М.А. Юсима; под ред. М.М. Крома и О.В. Хархордина. СПб., 2013.

²⁴⁴ Судить об этом можно по косвенным данным. Филельфо обладал кодексом Laur. Plut. 80.24, содержащим, среди прочего, речь к императору Мануилу II (*Eleuteri P.* Francesco Filelfo copista e possessore di codici greci. P. 173). Кроме того, ему был адресован трактата Газы “De origine Turcarum”, в котором, как уже было отмечено, критиковалась точка зрения о происхождении турок с Паропамиса, высказанная Плифоном в речи к деспоту Феодору.

²⁴⁵ См., в частности: *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV-XV вв. С. 164-178; *Μπαλόγλου Χ.Π.* (*Baloglou Ch.*) Γεώργιος Πλήθων-Γεμιστός επί των πελοποννησιακών πραγμάτων. Αθήνα, 2002; *Idem.* Georgios Gemistos-Plethon: Ökononomisches Denken in der spätbyzantinischen Geisteswelt. Athens, 1998; *Garnsey P.* Gemistos Plethon and Platonic political Philosophy // *Transformations of Late Antiquity: Essays for Peter Brown* / Ed. P. Rousseau and M. Paroutsakis. Farnham, 2009. P. 327-340; *Καραγιάννης Α.Δ.* (*Karayannis A.D.*) Georgios Gemistos-Plethon on Economic Policy // *Πρακτικά Διεθνούς Συνεδρίου αφιερωμένου στον Πλήθωνα και την εποχή του με τη συμπλήρωση 550 ετών από τον θάνατό του / επιμ. Α. Μπενάκης, Χ. Μπαλόγλου* (Μυστράς 26-29 Ιουνίου 2002). Αθήνα – Μυστράς, 2003. Σ. 305-310; *Idem.* Οι απόψεις του Γεωργίου Πλήθωνος Γεμιστού περί παρεμβατικής οικονομικής πολιτικής // *Βυζαντιακά*. 2002. Τ. 22. Σ. 249-259; *Νικολάου Θ.Στ.* Αι περί πολιτείας και δικαίου του Γ. Πλήθωνος Γεμιστού. Βραβείον Ακαδημίας Αθηνών. Θεσσαλονίκη, 1974; *Peritore N.P.* The Political Thought of Gemistos Plethon: A Renaissance Byzantine Reformer // *Polity*. 1977. Vol. 10 (2). P. 168-191; *Shawcross T.* A New Lycourgos for a New Sparta: George Gemistos Plethon and the Despotate of the Morea // *Viewing the Morea: Land and People in the Late Medieval Peloponnese* / Ed. S. Gerstel. Washington, 2013. P. 419-452; *Siniossoglou N.* Radical Platonism in Byzantium. P. 328 sq.; *Σπέντζας Σ.Π.* Αι οικονομικά και δημοσιονομικά απόψεις του Πλήθωνος. Διδακτορική διατριβή υποβληθείσα στην Πάντειο Ανωτάτη Σχολή Πολιτικών Επιστημών. Αθήνα, 1964.

²⁴⁶ Разбивка речей на главы дается согласно патрологии Ж.П. Миня: PG. T. 160. Col. 821-866. Другое издание осуществлено С. Ламбросом: *Λάμπρος Σ.Π.* ΠΠ. Τ. ΙΙΙ. Σ. 246-265 (речь к Мануилу II); 1930. Т. IV. Σ. 113-135

(речь к деспоту Феодору). Русский перевод обеих записок выполнен Б.Т. Горяновым: *Γεωργий Γεμιστ Πλιφον*. Речи о реформах / Пер. и пред. Б.Т. Горянова // ВВ. 1953. Т. 6. С. 386-414: 397-414. Речам предшествовало письмо Плифона к Мануилу II от 1414 г., в котором он дал несколько советов относительно обустройства дел в Пелопоннесе (опубликовано С. Ламбросом: ПП. Т. III. Σ. 309-312 и приписано Иоанну Палеологу). Речь к Мануилу II была составлена ок. 1418 г. Из неё следует, что Плифон ранее уже изложил свои планы в виде речей сыновьям императора (Иоанну и Феодору): PG. Т. 160. Col. 840C. Отсюда можно заключить, что существовала и записка, поданная Иоанну Палеологу, которая до нас не дошла.

²⁴⁷ Поземельным отношениям в поздней Византии посвящена обширная литература. В отечественной науке данная проблема получила освещение в трудах таких ученых, как А.П. Каждан, Б.Т. Горянов, В.А. Сметанин, К.В. Хвостова, Ю.Я. Вин и др. Из многочисленных исследований укажем лишь несколько: *Καждан Α.Π.* Аграрные отношения в Византии XIII-XIV вв. М., 1952; *Χвостова Κ.В.* Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV – XV вв.). М., 1968; *Bartusis M.C.* Land and Privilege in Byzantium: The Institution of Pronoia. Cambridge, 2012; *Laiou-Thomadakis A.E.* Peasant Society in the Late Byzantine Empire: A Social and Demographic Study. Princeton, 1977.

²⁴⁸ *Καραγιαννόπουλος Ι.* Συμβολή στην αγροτική ιστορία του μεταγενέστερου βυζαντινού κράτους // Επιστημονική Επετηρίς Φιλοσοφικής Σχολής Αριστοτελείου Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης. 1983. Т. 21. Σ. 163-200: 186-188, 194-197.

²⁴⁹ *Bartusis M.C.* Land and Privilege in Byzantium. P. 530-532.

²⁵⁰ PG. Т. 160. Col. 836A. Здесь и далее цит. в пер. Б.Т. Горянова: *Πλιφον*. Речи о реформах. С. 407.

²⁵¹ Показательны следующие слова Плифона (I, 15): “Те люди, к которым поступают государственные налоги, получают это вознаграждение как стражи общества за свои труды, ибо они трудятся ради общей безопасности”: *Πλιφον*. Речи о реформах. С. 401. PG. Т. 160. Col. 831C.

²⁵² О существовании в поздней Византии таких домохозяйств: *Καραγιαννόπουλος Ι.* Συμβολή. Σ. 186, 195, 199. О значении термина γονικόν: *Καждан Α.Π.* Аграрные отношения. С. 219-221.

²⁵³ Об ипостасных париках см.: *Καραγιαννόπουλος Ι.* Συμβολή. Σ. 175, 195, 198-199.

²⁵⁴ Если наша идентификация верна, то половина продуктов производства, которую должен оставить себе илот, работающий на “общие средства”, выступает у Плифона как среднеарифметический показатель, поскольку при расчете не учитываются ни размер участков, ни мощность хозяйств. Производитель получает две части продукции с собственной земли и третью часть с арендованной, т.е. условную половину. Можно допустить, что

Плифон брал за основу размер “нормального” для того времени крестьянского надела.

²⁵⁵ Надо отметить, что в поздней Византии земля могла сдаваться в аренду “навечно” и на срок жизни при условии выплаты ренты. См.: *Каждан А.П.* Аграрные отношения. С. 162-163.

²⁵⁶ В 1415 г. архонты (топархи) открыто саботировали работы по восстановлению “Гексамиллиона”, оборонительной стены, возведенной поперек Коринфского перешейка. Мануил II, лично наблюдавший за строительством, был вынужден применить силу и в итоге отправил виновников в Константинополь: *Laonici Chalcocondylae Atheniensis Historiarum libri decem / Ex rec. I. Bekkeri. Bonnæ, 1843. P. 184-185; Пребывание Мазариса в подземном царстве / Пер. С.П. Кондратьева; пред. и коммент. Т.М. Соколовой // ВВ. 1958. Т. 14. С. 318-357: 325, 353-354. Об укреплении Истма см.: Рязанов П.А. Гексамиллион и проблема защиты Пелопоннеса от турок в византийской политике конца XIV – первой половины XV в. // СВ. 2022. Вып 83 (1). С. 137-163.*

²⁵⁷ Тратат Николая Кавасилы “О беззаконных дерзостях архонтов в отношении священных [имуществ]” (Пер. с греч. П.В. Кузенкова под ред. М.В. Грацианского) // ВВ. 2012. Т. 71 (96). С. 246-285: 251-253, 260.

²⁵⁸ *Siniosoglou N. Radical Platonism in Byzantium. P. 359 sq.* Наступление государства на права монастырей стало заметно после победы османов над сербским войском на Марице в 1371 г. Ввиду турецкой опасности византийское правительство решило передать прониарам часть монастырских земель. Хотя Мануил II рядом указов от 1408, 1409 и 1415 гг. смягчил налоговое бремя, наложенное на афонские обитатели, это не означало отказ от политики секуляризации: *Ostrogorskiĭ G. Pour l'histoire de la feodalit e byzantine. Bruxelles, 1954. P. 161-164.*

²⁵⁹ PG. Т. 160. Col. 864A; *Плифон.* Речи о реформах. С. 413.

²⁶⁰ В период составления речей османы еще не располагали достаточно сильным флотом, поэтому их вторжение в Морею ожидали именно по суше со стороны Коринфского перешейка. Ключевым элементом обороны Пелопоннеса в этом случае становился “Гексамиллион”. Вероятно, что для его восстановления и охраны Мануил II ввел новый налог – “флориафикон”, который собирался, по крайней мере, до середины XV в.: *Bartusis M.C. The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204-1453. Philadelphia, 1992. P. 115, 289-290.* По мнению Плифона, охрану “Гексамиллиона” следовало поручить местным уроженцам, так как содержание наемников привело бы к ещё большему обеднению крестьянства. С этой целью в письме к автократору [Мануилу II] он советовал создать подразделение общей численностью шесть тысяч человек и разделить его на отряды по тысяче солдат в каждом, которые будут поочередно стоять на страже укреплений перешейка: *Λόγιστρος Σ.Π. ΠΠ. Т. III. Σ. 311.* Виссарион также придавал

большое значение “Тексамиллиону” и даже предложил Константину Палеологу основать поблизости со стеной новую столицу деспотата вместо Мистры: *Λάμπρος Σ.Π.* ПП. Т. IV. Σ. 33.17-34.

²⁶¹ В базе греческих манускриптов *Pinakes* (pinakes.irht.cnrs.fr) представлены данные о шестнадцати кодексах в составе западноевропейских коллекций: из них одиннадцать содержат речь к императору Мануилу II, две – к деспоту Феодору и три (*Escorial, Z. II. 10 (Andrés 326); Brit. Lib. Harl. 6295; München, BSB gr. 260*) включают обе речи.

²⁶² *Humanistes du bassin des Carpates II: Johannes Sambucus / Ed. G. Almási and F.G. Kiss. Turnhout, 2014. P. 192, 202-204.*

²⁶³ *Derrett J.D.M. Gemistus Plethon, the Essenes, and More's Utopia // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1965. Vol. 27. P. 579-606.*

²⁶⁴ *Dedes D. Die wichtigsten Gründe der Apostasie des Georgios Gemistos (Plethon) // Φιλοσοφία. 1985-86. Т. 15-16. Σ. 352-375.*

²⁶⁵ *Blum W. Georgios Gemistos Plethon: Politik, Philosophie und Rhetorik im spätbyzantinischen Reich (1355-1425). Stuttgart, 1988. S. 39-40, not. 36.*

²⁶⁶ П. Гарнси прежде всего указывает на сходство взглядов Плифона и Мора на частную собственность и религию: *Garnsey P. Gemistus Plethon. P. 327-340: 338-339; Idem. Thinking about Property: from Antiquity to the Age of Revolution. Cambridge, 2007. P. 57-58.*

²⁶⁷ *Husner Fr. Die Bibliothek des Erasmus // Gedenkschrift zum 400. Todestage des Erasmus von Rotterdam / Herausgegeben von der Historischen und Antiquarischen Gesellschaft zu Basel. Basel, 1936. S. 228-259: 242 (№ 273: “Xenophon, Geor. Gemis., Herodianus grae.” и 276: “Thucydides, Georg. Gemis. & Herodi. grae.”). Как показал Э.В. Мальтезе, описание обеих книг в каталоге Ф. Хуснера соответствует альдовскому изданию 1503 г., в которое вошли “Эллиника” Ксенофонта, “История Греции после битвы при Мантинее” Плифона, “История от Марка Аврелия” Геродиана и схолии к Фукидиду: *Maltese E.V. Pletone nell' Utopia di Thomas More? // Res Publica Litterarum. 1990. Vol. 13. P. 151-152.* Таким образом, нет никаких оснований предполагать знакомство Эразма с речами Плифона.*

²⁶⁸ См. также замечание И.П. Медведева о плифоновских мотивах в сочинениях Эразма: *Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV-XV вв. С. 203, сн. 65.*

²⁶⁹ *Ellissen A. Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur. Leipzig, 1860. Bd. IV. S. 41-84; Pléthon: Traité des lois; ou Recueil des fragments, en partie inédits, de cet ouvrage / Ed. C. Alexandre, trad. par A. Pellissier. Paris, 1858.*

²⁷⁰ *Maltese E.V. Pletone. P. 147-154.*

²⁷¹ Впервые издано Сп. Ламбросом: *Λάμπρος Σ.Π. Ὑπόμνημα τοῦ Καρδινάλιου Βηρσαρίωνος εἰς Κωνσταντῖνον τον Παλαιολόγον // Νέος Ἑλληνομνήμων. 1906. Т. III. P. 12-50. Воспроизведено в: ПП. Т. IV. Σ. 32-45. О письме*

Виссариона см., в частности: *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV-XV вв. С. 178-180; *Harris J.* Bessarion on Shipbuilding: A Re-interpretation // *Byzantinoslavica*. 1994. Т. 55, № 2. P. 291-303; *Keller A.G.* A Byzantine Admirer of “Western” Progress: Cardinal Bessarion // *Cambridge Historical Journal*. 1955. Vol. 11. P. 343-348; *Lamers H.* Greece Reinvented. P. 103-107; *Nicol D.M.* The Immortal Emperor: The Life and Legend of Constantine Palaiologos, Last Emperor of the Romans. Cambridge, 1992. P. 25-29; *Theodoropoulou A.* Cardinal Bessarion on a Hellenic Identity and Peloponnesian State – A Comparison with the Modern Greek Crisis // *The Problem of Modern Greek Identity: From the Ecumen to the Nation-State* / Ed. G. Steiris, S. Mitralaxis, G. Arabatzis. Newcastle upon Tyne, 2016. P. 201-214; *Vacalopoulos A.E.* Origins of the Greek Nation: The Byzantine Period, 1204-1261. New Brunswick, New Jersey, 1970. P. 172-178.

²⁷² *Λόμπρος Σ.Π.* ΠΠ. Т. IV. Σ. 43, 13-17; 44, 5-10.

²⁷³ *Ibid.* Σ. 43, 19-23.

²⁷⁴ *Ibid.* Σ. 44, 1-4.

²⁷⁵ *Ibid.* Σ. 43, 23-30; 44, 17-20.

²⁷⁶ *Ibid.* Σ. 44, 10-15.

²⁷⁷ *Ibid.* Σ. 42, 21-34. Некоторые исследователи склонны находить в письме Виссариона свидетельства превосходства западных технологий над византийскими, которое стало очевидным в XV в. (см., например: *Geanakoplos D.J.* Byzantium: Church, Society and Civilization Seen through Contemporary Eyes. Chicago; London, 1984. P. 379; *Keller A.G.* A Byzantine Admirer of “Western” Progress. P. 348). Изучив вклад греческих корабелов в развитие венецианского судостроения, Дж. Харрис пришел к выводу, что техническое отставание Византии от западных стран стало следствием эмиграции квалифицированных специалистов. Эта проблема была хорошо известна Виссариону: *Harris J.* Bessarion on Shipbuilding. P. 303.

²⁷⁸ *Diller A.* The Autographs of Georgius Gemistus Pletho P. 34-39; *Pontani F.* L'Homère de Pléthon // *Scriptorium*. 2014. Vol. 68. P. 25-48. Также: *Masai F.* Pléthon et le platonisme de Mistra. Paris, 1956. P. 68; *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV-XV вв. С. 86. Издание трактата “О Флорентийском государстве” см. в: *Moulakis A.* Leonardo Bruni's Constitution of Florence // *Rinascimento*. N.S. 1986. Vol. 26. P. 141-190. Русский перевод И.Я. Эльфонд: Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.). М., 1985. С. 67-71.

²⁷⁹ См.: *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy. P. 97. Также: *Рязанов П.А.* Греческие штудии и миланский гуманизм. С. 225-226.

²⁸⁰ *D. Andreae Alciati Mediolanensis* Paradoxorum ad Pratum, libri sex etc. Lugduni, 1532. P. 244; Praetermissorum, lib. II.

²⁸¹ *Vespasiano da Bisticci.* Vite di uomini illustri. Vol. III. P. 67-68. См.: *Brown A.* Platonism in Fifteenth-Century Florence and Its Contribution to Early

Modern Political Thought // Journal of Modern History. 1986. Vol. 58. № 2. P. 383-413: 390-391.

²⁸² *Calboli Montefusco L.* Ciceronian and Hermogean Influences on George of Trebizond's Rhetoricorum libri V // *Rhetorica*. 2008. Vol. 26. P. 139-164; *Classen C.J.* The Rhetorical Works of George of Trebizond and Their Debt to Cicero // Journal of the Warburg and Courtauld Institute. 1993. Vol. 56. P. 75-84; *Mack P.* A History of Renaissance Rhetoric, 1380-1620. Oxford, 2011. P. 39-47; *Monfasani J.* George of Trebizond. P. 261-294. Из риторического наследия Георгия следует также назвать две ранние работы, посвященные изложению учения Гермогена Тарсийского – “De generibus dicendi” (ок. 1420) и “De suavitate dicendi” (1426), а также его комментарий на речь Цицерона в защиту Квинта Лигария (Pro Q. Ligario) (ок. 1440).

²⁸³ *Collectanea Trapezuntiana*. P. 459-461.

²⁸⁴ *Green L.D., Murphy J.J.* Renaissance Rhetoric Short-title Catalogue 1460-1700. Aldershot, 2006. P. 214-215. Также: *Mack P.* A History of Renaissance Rhetoric, 1380-1620. P. 45.

²⁸⁵ *Mack P.* Erasmus's Use of George Trapezuntius of Crete in *De conscribendis epistolis* // Essays in Renaissance Thought and Letters: In Honor of John Monfasani / Ed. A. Frazier, P. Nold. Leiden, Boston, 2015. P. 53-63.

²⁸⁶ Подробнее см.: *Monfasani J.* George of Trebizond. P. 301 sq. Также: *Mack P.* A History of Renaissance Rhetoric. P. 46-47; *Семиколенных М.В.* “Isagoge dialectica” Георгия Трапезундского: учебник логики эпохи Возрождения // *Acta eruditorum*. 2019. Вып. 30. С. 24-27; *Тоноян Л.Г., Семиколенных М.В.* Учение о категорическом силлогизме в “диалектике” Георгия Трапезундского // Там же. С. 14-17.

²⁸⁷ *Collectanea Trapezuntiana*. P. 473-477.

²⁸⁸ *Green L.D., Murphy J.J.* Renaissance Rhetoric Short-title Catalogue 1460-1700. P. 214-216.

²⁸⁹ *Monfasani J.* George of Trebizond. P. 328-337, особ. 333.

²⁹⁰ *Rutkin H.D.* Sapientia Astrologica: Astrology, Magic and Natural Knowledge, ca. 1250-1800. I. Medieval Structures (1250-1500): Conceptual, Institutional, Socio-Political, Theologico-Religious and Cultural. Cham, 2019. P. 388-389 и 389 not. 21.

²⁹¹ Ptolemy's Tetrabiblos in the Translation of William of Moerbeke: Claudii Ptolemaei Liber Iudicialium / Ed. Gudrun Vuillemin-Diem, Carlos Steel and P. de Leemans. Leuven, 2015.

²⁹² Работа Георгия не была первым латинским переводом “Альмагеста”. Ему предшествовали “схоластические” версии, первой из которых был анонимный перевод с греческого, выполненный в Сицилии ок. 1160 г. Копия этой работы принадлежала Коллуччо Салютати (Vat. lat. 2056). Затем в 1175 г. Герард Кремонский перевел сочинение с арабского в Испании. *Haskins C.H.* Studies in the History of Medieval Science. P. 14-15, 53-54,

68, 102-110, 157-165, 191-193.

²⁹³ О переводе Георгия и его критике см.: *Monfasani J. George of Trebizond*. P. 73-75, 104-108.

²⁹⁴ *Mohler L. Kardinal Bessarion*. Bd. 3. S. 329-330. Также цит.: *Monfasani J. George of Trebizond*. P. 108, not. 167.

²⁹⁵ *Zinner E. Regiomontanus: His Life and Work* / trans. E. Brown. Amsterdam, 1990. Vol. I. P. 29-30.

²⁹⁶ *Curtze M. Urkunden zur Geschichte der Mathematik im Mittelalter und der Renaissance*. Leipzig, 1902 (Abhandlungen zur Geschichte der mathematischen Wissenschaften. Bd. 12). S. 256-257.

²⁹⁷ *Zinner E. Regiomontanus*. Vol. I. P. 51-90, особенно: 51-52, 82-83, 97-98, 231; *Белый Ю.А. Йоганн Мюллер Региомонтан, 1436-1476*. М., 1985. С. 6, 29-41, 45-46, 65-66, 94-95, 115-116. Также: *Monfasani J. George of Trebizond*. P. 195-196.

²⁹⁸ *King D.A. An Introduction to Ioannes Regiomontanus' Acrostic, Cardinal Basileios? Ioannes? Bessarion's Agenda, and Piero della Francesca's Enigma* [Preprints of the Institute for the History of Science, Johann Wolfgang Goethe University, Frankfurt am Main, 4th series, 2006. N. 2]. P. 7.

²⁹⁹ Предполагаемый вариант надписи читался как: “SVB BESSARIONIS PRAESIDIO SVRGO IOANNIS OPVS DICTI DE CARDINE DIVI ROMAE 1462”. Фраза “OPVS DICTI DE CARDINE DIVI” вызывает очевидные затруднения в её понимании, тем не менее Дэвид Кинг предложил перевести её следующим образом: “a work explaining the axis of the sky, i.e., the rotation of the universe” или “Под защитой Виссариона я появляюсь в Риме в 1462 г. как работа Иоанна, объясняющая вращение вселенной (букв. ось неба, cardo divi)”: *King D.A. An Introduction to Ioannes Regiomontanus' Acrostic*. P. 9-10; *Idem. Astrolabes and Angels, Epigrams and Enigmas. From Regiomontanus' Acrostic for Cardinal Bessarion to Piero della Francesca's Flagellation of Christ. An essay inspired by two remarkable discoveries by Berthold Holzschuh*. Stuttgart, 2007. P. 39-40. По его мнению такой вариант как будто соответствует началу греческой эпиграммы на астролябии 1062 г.: “Ясное изображение движений неба, делающее понятным перемещение звезд, смену времен года и течение времени, было изготовлено во всем его разнообразии на заказ для ипата Сергия, происходящего из персов, по его страстному желанию” (Греческий текст эпиграммы воспроизводится в: *Paul A. Historical Figures Appearing in Epigrams on Objects // Poetry and its Contexts in Eleventh-century Byzantium* / Ed. F. Bernard, K. Demoen. London, New York, 2016. P. 108). Возможно ли прочитать надпись на астролябии Региомонтана иначе? Например, как: OPVS (quod) DICIT DE CARDINE DIVI – “Труд, (который) говорит об оси неба” или же: IOANNIS OPVS DICTI DE CARDINE DIVI?

³⁰⁰ Подробнее об анализе дарственной надписи Региомонтана и о связи

между акростихом и картиной Пьеро делла Франческа “Бичевание Христа” см. в указанных выше сочинениях: *King D.A.* 1) *An Introduction to Ioannes Regiomontanus' Acrostic*. P. 2-49; 2) *Astrolabes and Angels, Epigrams and Enigmas*. Stuttgart, 2007. Также: *King D.A., Turner G.L'E.* *The Astrolabe Presented by Regiomontanus to Cardinal Bessarion in 1462 // Nuncius*. 1994. Vol. 9 (1). P. 165-206.

³⁰¹ *Neske I.* *Die lateinischen mittelalterlichen Handschriften: Varia*, 13.-15. und 16.-18. Jahrhundert. Wiesbaden, 1997. [Die Handschriften der Stadtbibliothek Nürnberg Bd. 4.] S. 214-215.

³⁰² *Zinner E.* *Regiomontanus*. P. 83. Также: *Neske I.* *Die lateinischen mittelalterlichen Handschriften*. S. XVIII, 213.

³⁰³ *Omont H.* *Inventaire des manuscrits grecs & latins donnés à Saint-Marc de Venise par le cardinal Bessarion en 1468*. Paris, 1894. Также: *Zinner E.* *Regiomontanus*. P. 82-82.

³⁰⁴ *Martínez Manzano T.* *Un copista del lustro boloñés de Besarión: el Anonymus Ly // Néα 'Ρώμη*. Rivista di ricerche bizantinistiche. 2013. Vol.10. P. 211-243: 231-232, 231 not. 84.

³⁰⁵ См.: *Derenzini G.* *Tolomeo tra antico e nuovo: una miniatura del codice Marc. gr. Z. 388 // Bisanzio e l'Occidente. Arte, archeologia, storia. Studi in onore di Fernanda de' Maffei / a cura di C. Barsanti*. Roma, 1996. P. 559-573. Также: *Ronchey S.* *Volti di Bessarione // Vie per Bisanzio. VII Congresso Nazionale dell'Associazione Italiana di Studi Bizantini Venezia, 25-28 novembre 2009 / a cura di A. Rigo, A. Babuin e M. Trizio*. Bari, 2013. T. II. P. 537-548: 543.

³⁰⁶ Прежде всего, это сочинения арабских астрологов XI в. “Полная книга о суждениях звезд” (в лат. переводе “*De iudiciis astrorum*”) Али ибн Аби аль-Риджала (Хали Абенрагела) и комментарий на “Четверокнижие” Птолемея Али ибн Ридвана (Хали Абенрудiana). “География” была известна и некоторым раннесредневековым латинским авторам, таким как Иордан, Кассиодор, Марциан Капелла и Иоанн Скот Эриугена: *Anastos M.* *Pletho, Strabo and Columbus // Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves*. 1953. Vol. XII. P. 12-13 et not. 1; *Gautier Dalché P.* *Le souvenir de la 'Géographie' de Ptolémée dans le monde latin médiéval (VIe-XIVe siècles) // Euphrosyne*. 1999. Vol. 27. P. 79-130.

³⁰⁷ Первые рукописи “Географии” могли попасть во Флоренцию благодаря трем фигурам: самому Хрисолору, Якопо д'Анджело, который делал покупки греческих кодексов в Константинополе, и Палле Строцци. О последнем Веспасиано да Бистиччи сообщает следующее: “Имея прекрасные познания в латинской, но не в греческой словесности, он решил, что ему недостает ещё и знания греческой, и ради этого он сделал все возможное, чтобы грек Мануил Хрисолор прибыл в Италию, оказав поддержку во всем и оплатив большую часть его путевых расходов. Мануилу, приехавшему в Италию с помощью мессера Паллы, не хватало

книг, без которых ничего нельзя сделать. Мессер Палла отправил в Грецию за бесчисленными рукописями и все за свой счет: среди них *Космография* (!) Птолемея с иллюстрациями, доставленная из Константинополя, *Жизнеописания* Плутарха, труды Платона и бесчисленное множество книг других авторов. *Политики* Аристотеля не было бы в Италии, если бы мессер Палла не получил её из Константинополя” (*Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri. Vol. III. P. 9-10*). В биографии Алессандры да Барди Бистиччи пишет: “Мессер Палла был причиной того, что греческая словесность и книги появились в Италии с Мануилом Хрисолором: он нес большую часть расходов и именно он поощрял появление множества греческих книг: он получил из Константинополя *Космографию* Птолемея, приобретенную им за собственный счет: этот кодекс был написан и снабжен картинами [вероятно, картами] в Константинополе” (*Ibid. P. 265*).

³⁰⁸ К урбинскому кодексу восходят все латинские рукописи *Географии* с “классическим” атласом из 27 карт, прежде всего Vat. lat. 5698 и Laur. Conv. soppr. 626: *Gentile S. Umanesimo e cartografia: Tolomeo nel secolo XV // La cartografia europea tra primo Rinascimento e fine dell’Illuminismo. Atti del Convegno Internazionale “The Making of the European Cartography” / a cura di D. Ramada Curto, A. Cattaneo, A.F. Almeida, Firenze, 2003. P. 3-18: 8; Idem. Umanesimo e scienza antica: la riscoperta di Tolomeo geografo // Enciclopedia Italiana. Il contributo italiano alla storia del pensiero. Scienze. Roma, 2013. P. 7-14.*

³⁰⁹ *Burri R. Die Geographie des Ptolemaios im Spiegel der griechischen Handschriften. Berlin, Boston, 2013. S. 198-199, 497-498, 525-526.*

³¹⁰ “La *Cosmographia* in gre<с>, cioè è la pictura in una catta in membrana grande colla guaina di chuoio nero, lascio ancora a decti due miei figliuoli, cioè è Nofri e Giovanfrancesco, insieme con Bardo e Lorenzo miei nipoti. La qual debban conservare e non alienare in alcun modo perché fu propria quella che recò messer Manuello Crisolora, greco di Constantinopoli, quando a Firenze venne conducto ad insegnar greco nel 1397. E fu la prima che fosse in queste parti, e a me la lasciò e così ò conservata; dalla quale son venute di principio tutte quelle che simili si truovano in Italia. E anche fuor d’Italia ne sono ite alcune”: *Gentile S. Emanuele Crisolora e la “Geographia” di Tolomeo // Dotti bizantini e libri greci nell’Italia del secolo XV, Atti del Convegno Internazionale. Trento 22-23 ottobre 1990 / a cura di M. Cortesi e E.V. Maltese. Napoli 1992. P. 291-308: 302. “Un’altra [Cosmographia] ce n’è facta ad exemplo di quella di mano di decto messer Manuel greco. La qual lascio ancora a decti miei due figliuoli e due nipoti. E bene è, e così voglio ch’ella non s’alieni ma si conservi. Evvi su di mano di decto messer Manuel lettere assai e buona parte, che si faticò a farmela. Non mi par che ssi debba alienare per gli miei figliuoli e nipoti, ma conservisi in casa in memoria di chi la fecie” (*Ibid. P. 303*). Также: *Gentile S. Umanesimo e cartografia. P. 6. По мнению Патрика**

Готье Дальшэ, фраза, которую использует Палла Строцци в своем завещании “*la pictura in una carta in membrana grande colla guaina di chuoio nero*”, может означать, что он говорит не о кодексе, а о карте, изображенной на большой пергамене в футляре из черной кожи. Ученый полагает, что “воля Паллы Строцци может относиться к двум различным объектам: либо к рукописям, содержащим тексты и карты, либо к двум картам (одна привезена Мануилом Хрисолором, другая скопирована им)”, причем второе толкование в целом лучше согласуется с существующими документами: *Gautier Dalché P. The Reception of Ptolemy’s Geography (End of the Fourteenth to Beginning of the Sixteenth Century) // Cartography in the European Renaissance / Ed. D. Woodward. Chicago, 2007. Vol. 3. Pt. 1. P. 288-290.* Себастьяно Джентиле, наоборот, считает, что первая из рукописей в коллекции Строцци – это Vat. Urb. gr. 82, привезенная Хрисолором из Константинополя: см., например: *Gentile S. Alberti, Regiomontano e la Geographia di Tolomeo, in Leon Battista Alberti teorico delle arti e gli impegni civili del “De re aedificatoria” // Atti del Convegno internazionale. Firenze 2007. Vol. I. P. 117-141: 117.*

³¹¹ См. посвятельное письмо Якопо к папе Александру V: *Hankins J. Humanism and Platonism in the Italian Renaissance. Roma, 2003. Vol. 1. P. 465-468: 467.*

³¹² *Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri. Vol. III. P. 216-217, 233-234.* Оба гуманиста были близки Никколо Никколи, который участвовал в рецепции “Географии” Птолемея вместе с другими флорентийскими учеными: Леонардо Бруни, Поджо Браччолини, Карло Марсуппини и Паоло Тосканелли: *Gautier Dalché P. The Reception of Ptolemy’s Geography 293 sq.*

³¹³ *Hankins J. Humanism and Platonism. P. 466.* О переводе Якопо см: *Farzone P. Iacopo di Angelo da Scarperia // DBI. 2004. Vol. 64. P. 28-35; Gautier Dalché P. The Reception of Ptolemy’s Geography. P. 290-292; Weiss R. Jacopo Angeli da Scarperia (c. 1360 – 1410-11) // Medioevo e Rinascimento: Studi in onore di B. Nardi. Firenze, 1955. Vol. 2. P. 811-812, 818-820, 824.*

³¹⁴ *Gautier Dalché P. L’oeuvre géographique du cardinal Fillastre (†1428): Représentation du monde et perception de la carte à l’aube des découvertes // Archives d’histoire doctrinale et littéraire du moyen âge. 1992. T. 58. P. 319-344: 326 not. 35; Reeve M.D. The Rediscovery of Classical Text in the Renaissance // Itinerari dei testi antichi / a cura di O. Pecere. Roma, 1991. P. 137.*

³¹⁵ *Клавдий Клауус (Claudius Claussøn Swart, 1388-?)* – датский картограф, создатель первых карт северо-западной Европы, дополнивших атлас Птолемея, путешествовал по Скандинавии, предположительно, достигнув Гренландии, в 1423-1424 г. прибыл в Рим, где познакомился с кардиналом Джордано Орсини, папским секретарем Поджо Браччолини и другими гуманистами. К периоду пребывания в Италии относятся и его контакты с Паоло Тосканелли. См. о нем: *Björnbo A.A., Petersen C.S. Der Däne Claudius Claussøn Swart (Claudius Clavus): der älteste Kartograph des Nordens, der*

erste Ptolemäus-Epigon der Renaissance. Innsbruck, 1909.

³¹⁶ *Gautier Dalché P.* L'oeuvre géographique. P. 326-329; *Reeve M.D.* The Rediscovery of Classical Text. P. 137-138; *Thomassy R.* De Guillaume Fillastre considéré comme géographe à propos d'un manuscrit de la Géographie de Ptolémée // Bulletin de la Société de géographie. 1842. T. 17. P. 144-155. Латинские описания карт см. в: *Gautier Dalché P.* L'oeuvre géographique. App. II: Guillelmi Filliastri Epitome tabularum Claudii Prolemaei (Nancy, Bibl. mun. 441 [354]). P. 372-378.

³¹⁷ *Azzini E.* Domizio Calderini e la *Recognitio tabularum Ptolemaei*. Indagini critiche e paratestuali sulla prima edizione romana della *Cosmographia* (1478). Tesi di Dottorato in Archivistica, Bibliografia e Biblioteconomia. Università degli Studi di Firenze, 2010. P. 39-48.

³¹⁸ О редакторском вмешательстве Кальдерини в перевод Якопо д'Анджело см.: *Azzini E.* Op. cit. P. 188-197. Там же опубликован текст посвящения (App. II. Domitii Calderini Veronensis secretarii Apostolici in emendationem tabularum Ptolemaei Alexandrini ad Sistum IV Pont. Max. P. 203-209, цит. фрагмент: 205-206) и первой книги "Космографии" в пересмотренной версии Кальдерини (App. III. P. 233-297).

³¹⁹ "Cosmographia Ptolemaei nova traductione. Nam vetula ista Iacobi Angeli florentini quae vulgo habetur viciosa est: interprete isto (bona venia dictum fuerit) neque linguae graecae satis neque mathematicae noticiam tenente. Qua in re summis arbitris fidem haberi fas erit: Theodoro Gazae clarissimo viro ac graecae latineque doctissimo, et Paulo Florentino graecarum quidem haud ignaro, in mathematicis autem plurimum excellenti." /.../ "Commentariolum singulare contra traductionem Iacobi Angeli Fiorentini, quod ad arbitros mittetur": Haec opera fient in oppido Nuremberga Germaniae ductu Ioannis de Montereio. Nürnberg, 1474. Также: *Zinner E.* Regiomontanus. P. 208.

³²⁰ *Zinner E.* Regiomontanus. P. 61.

³²¹ О "Географии" Птолемея в эпоху Ренессанса см. также: *Hankins J.* Humanism and Platonism in the Italian Renaissance. Roma, 2003. Vol. 1. Ch.: Ptolemy's *Geography* in the Renaissance. P. 457-468; Ptolemy's *Geography* in the Renaissance / Ed. Z. Shalev and Ch. Barnett. London 2011.

³²² *Anastos M.* Pletho, Strabo and Columbus. P. 8-12.

³²³ *Anastos M.* Pletho and Strabo on the Habitability of The Torrid Zone // Byzantinische Zeitschrift. 1951. Bd. 44. P. 7.

³²⁴ Текст опубликован Обри Диллером: *Diller A.A.* Geographical Treatise by Georgius Gemistus Pletho // Isis. 1937. Vol. 27. P. 441-451; 442-446. Русский перевод выполнен *С.Н. Гуковой*: К вопросу об источниках географического трактата Плифона // ВВ. 1983. Т. 44. С. 88-94; 94-97.

³²⁵ *Gautier Dalché P.* L'oeuvre géographique. P. 374.

³²⁶ Дьюла Моравчик предполагал, что источником сведений Плифона мог также быть некий веронский путешественник, посетивший русские земли

до 1447 г. (*Moravcsik Gy. A bizánci Pletho a finnugor népekrol // Magyar Nyelvival. 1945. Vol. 41. P. 65-71: 69*). О разговоре с ним сообщал Эней Сильвий Пикколомини в своем историко-географическом описании Европы (*Aeneae Silvii Piccolomini Opera quae extant omnia. Basileae, 1551. P. 303*): “Мы побеседовали с человеком, происходившим из Вероны, который уверял, что он через Польшу и Литву добрался до истоков Танаиса (Дона), перешел через них и исследовал весь север Варварского мира”. Впрочем, информация о Руси, содержащаяся у самого Пикколомини, отрывочна, случайна и часто недостоверна (см: *Кудрявцев О.Ф. Калиф на час: политический быт Новгорода в изображении Пия II (Энея Сильвия Пикколомини) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 55-58*). Поэтому вопрос об источниках этой части трактата Плифона остается открытым. Можно добавить, что его информаторы могли получить сведения о России от митрополита всея Руси (1408-1431) Фотия, происходившего из Мореи, и от его греческого окружения. Фотий занимал митрополичью кафедру в Москве с 1410 г. и, надо полагать, что за двадцать лет своего служения приобрел гораздо более глубокие знания географии и населения страны, нежели будущий митрополит Исидор. Последний, возможно, состоял в переписке с Фотием. Нам известно одно недатированное письмо, которое Исидор, будучи ещё иеромонахом, написал митрополиту всея Руси. Из него следует, что он был осведомлен (возможно, от самого адресата или от приехавших с ним греков) об опасности татарских набегов и усобицах русских “архонтов”: *Analecta Byzantino-Rossica / Ed. W. Regel. Petropoli; Lipsiae, 1891. P. 69-71: 70; Бибииков М.В. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. Т. I. С. 313, 727.*

³²⁷ Следующее по времени упоминание народа Пёрциот в византийской литературе встречается в историческом труде Лаоника Халкокондила. Он сообщает, что *пермии* являются северными соседями русских, которые говорят на том же языке, и добывают большую часть средств к существованию охотой. Д. Моравчик предположил, что Халкокондил, ученик Плифона, узнал о *пермиях* от своего учителя. Г. Диттен также допускал, что у обоих мог быть общий источник сведений: *Диттен Г. Известия Лаоника Халкокондила о России // ВВ. 1962. Т. 21. С. 77.*

³²⁸ *Diller A.A. Geographical Treatise. P. 449.*

³²⁹ О проблеме этногенеза мишарей см., например: *Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М., 1972; Орлов А.М. Мещера, мещеряки, мишари. Казань, 1992.*

³³⁰ Полное собрание русских летописей. СПб., 1951. Т. V. С. 84; 1856. Т. VII. С. 263.

³³¹ Сказания князя Курбского / Под ред. Н.Г. Устрялова. СПб., 1868. С. 14.

- ³³² Для сравнения: *А.Л. Монгайт* (Рязанская земля. М., 1961. С. 116-121) считал, что мещера утратила этническое своеобразие к XIII в. Это мнение подерживает и *М.А. Ююкин* (Расселение и язык летописной мещеры по данным топонимии // *Acta Linguistica*. 2014. Т. 8. № 1. С. 49).
- ³³³ *Ююкин М.А.* Расселение и язык летописной мещеры. С. 46-63.
- ³³⁴ “habebat si quidem quos domuerat Golthescytha thiudos: Inaunxis Vasinabroncas Merens Mordens *Inmiscaris* Rogas Tadzans Athaul Nauego Bubegenas Coldas” (Get. 116): Свод древнейших письменных свидетельств о славянах / Отв. ред. Л.А. Гиндин, Г.Г. Литаврин. М., 1994. Т. I. С. 110.
- ³³⁵ *Mikkola J.J.* Die namen der Völker Hermanarichs // *Finnisch-ugrische Forschungen*. 1915. Bd. XV. S. 56-66: 62. Также: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1986. Т. II. С. 616.
- ³³⁶ *Blum W.* Sigismondo Pandolfo Malatesta (1417-1468): Stadtherr von Rimini, Neuheide und Verehrer Plethons // *Georgios Gemistos Plethon: The Byzantine and the Latin Renaissance*. P. 11-38: 29-34; *Monfasani J.* George of Trebizond. P. 214 и not. 85; *Гарэн Э.* Проблемы итальянского Возрождения. С. 166-167, 171-172; *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV-XV вв. С. 184, 217.
- ³³⁷ *Discussioni linguistiche del Cinquecento* / A cura di M. Pozzi. Torino, 1988. P. 320-330; *I dialoghi di Messer Speron Sperone* / A cura di Daniele Barbaro. In Venecia, 1542. P. 105-131: 123-128. Также: *Степанова Л.Г.* Итальянская лингвистическая мысль. С. 226, 232.
- ³³⁸ *Giovio.* Elogia. P. 53.
- ³³⁹ *Valeriano Pierio.* De litteratorum infelicitate // *Pierio Valeriano on the Ill Fortune of the Learned Men: a Renaissance Humanist and his World* / Ed. J.H. Gaisser. Michigan: Univ. of Michigan Press. 1999. P. 212. Также: *Рязанов П.А.* Византийский ученый Феодор Газа и его речь о пользе изучения греческой словесности. С. 216.
- ³⁴⁰ *Giovio.* Elogia. P. 58.
- ³⁴¹ *Ibid.* P. 60.
- ³⁴² *Ibid.* P. 62, 64, 82.
- ³⁴³ Предположение о возникновении конфликта между Полициано и Маруллосом на почве ревности выдвинул немецкий ученый Отто Менке (Fr.O. Mencke, 1644-1707): *Fr.O. Menckeni* Historia vitae et in literas meritorum Angeli Politiani, ortu Ambrogini. Lipsiae, 1736. P. 380-381. Позднее на его работу сослались Иоганн Георг Экк (*Eccius I.G.* De Alexandra Scala Commentatio. Lipsiae, 1769. P. XVIII-XIX) и Джироламо Тирабоски (*Tiraboschi G.* Storia della letteratura italiana. Modena, 1791. Т. VI, pt. 3. P. 1106; Firenze, 1809. Т. VI, pt. 3. P. 1076). В настоящее время эта гипотеза отвергнута: *Lucioli Fr.* Scala, Alessandra // *DBI*. 2018. Vol. 91.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Греческое культурное наследие было одним из тех основополагающих элементов, из которых складывался облик и характер итальянского Возрождения. По вполне понятным причинам влияние греко-византийских ученых на гуманистическое движение затронуло преимущественно область греческих штудий. В эпоху кватроченто в Италии были созданы условия для преподавания греческой словесности и появления новых переводов, отвечавших предпочтениям и вкусам гуманистов. Тем не менее, лишь немногие из приезжавших туда греков смогли занять должности лекторов или придворных переводчиков. В течение XV в. преподавание греческого языка в Италии было ограничено несколькими центрами. Достаточно прочные традиции обучения греческой словесности сложились во Флорентийском университете. Менее стабильно она преподавалась в студиях Падуи, Феррары и Болоньи. В Милане, где не было своего университета, ей обучали либо частным порядком, либо в «придворных академиях», однако изменение политической обстановки, как правило, серьезно сказывалось на перспективах таких занятий¹. В Венеции преподавание греческого велось как в частных, так и в государственных учебных заведениях (например, в школе св. Марка). Мессина, несмотря на рано учрежденную кафедру греческой словесности, стала известным центром её изучения только благодаря деятельности Константина Ласкариса. Что касается Рима, то Вечный город долгое время не был лидером в области преподавания этого языка. Хотя ещё в 1406 г. папа Иннокентий VII намеревался создать кафедру греческой словесности в возрождаемом им Римском университете (*Studium Urbis*)², первые шаги на пути практического воплощения этого замысла были сделаны много десятилетий спустя, когда в понтификат Сикста IV Аргиропул занял в студии место

преподавателя греческого языка и философии³ и когда по инициативе папы Льва X в Риме была открыта греческая гимназия. Кроме того, преподавание и перевод предполагали высокий уровень владения латинским языком, тогда как число хорших латинистов среди византийских ученых было сравнительно невелико. По мере развития греческих штудий стала заметна и конкуренция между греками и их итальянскими коллегами. С другой стороны, даже с развитием книгопечатания в Италии сохранялся спрос на греческую рукописную книгу. Это привлекало туда образованных эмигрантов, которые вполне закономерно удерживали за собой первенство в области копирования греческих манускриптов.

Положение большинства ученых греков в Италии было очень ненадежным. Их благосостояние в значительной степени зависело от милости и щедрости патронов. Бережливость (φειδωλία) правителей, по словам Константина Ласкариса, являлась причиной скитаний и нужды его друзей-соотечественников⁴. Отношение к грекам со стороны гуманистов было довольно сложным. Ученики обычно писали о них в подчеркнuto уважительной манере, рассматривая их как носителей древнего знания и воздавая должное их учености. Однако в результате наплыва эмигрантов во второй половине XV в. отношение к ним со стороны многих итальянцев изменилось в худшую сторону. В письмах и сочинениях гуманистов стало мелькать презрительное *Graeculi* (гречишки, гречата), хотя у авторов первой половины кватроченто это слово могло иметь и вполне нейтральное значение. Так, например, Джованни Ауриспа, вспоминая о приобретении им греческих манускриптов, употребил его без негативной коннотации: «Я часто прилагал все свое старание, отдавал все серебро и одежды в обмен на книги. Помню, как в Константинополе я отдал грекам (*graeculis*) одежды, чтобы получить кодексы, чего не стыжусь и о чем не сожалею»⁵.

Употребление диминутива *Graeculus* с уничижительным

оттенком восходит к античным авторам и, прежде всего, к Цицерону⁶. Восхищаясь культурой Эллады и выказывая уважение к отдельным грекам, с которыми он был лично знаком, Цицерон в то же время отстаивает идею национального превосходства римского над греческим, доходя порой до неприкрытого презрения. Он изображал современных ему *Graeculi* как недалеких людей (De orat. 1.221), которые более жаждут спора, а не истины (Ibid. 1.47), охочи до праздной болтовни и пустословия (Ibid. 1.102) и сочиняют множество небылиц (pro Scaur. 3,4). Довольно неприглядно Цицерон описывает характер греков в письмах к брату Квинту (Q.fr. 1.1.16 и 1.2.4): в большинстве своем они лживы, легкомысленны, угодливы и ненадежны в дружбе, за исключением тех, кто достоин древней Греции. Своеобразный ответ Цицерону дает Дион Кассий, римский историк греческого происхождения. Он влагает в уста Квинта Фуфия Калена речь в защиту Антония. В ней Дион коверкает имя Цицерона, называя его самого «гречишкой» (Γραικούλος) и по аналогии с пейоративом *Graeculus* «Цицеркулом» (Κικέρκουλος) (Dio Cass. 46.18.1).

В полемике с греческими учеными некоторые итальянские гуманисты стали апеллировать к римским стереотипам. Порожденная эпохой гуманизма увлеченность античной греческой литературой вовсе не означала, что современные греки будут непременно пользоваться почетом и уважением на Западе. Впрочем, и сама увлеченность вполне могла показаться чрезмерной, если в ней видели угрозу целостности собственно латинской культуры. Например, Филельфо подвергся критике со стороны Галеотто Марцио да Нарни (1424-1494/1497) за излишнюю любовь к греческому. Марцио заявлял: «в наше время замечательные умы стиснуты и высушены греческой болтовней (Graecanica garrulitate). Они введены в заблуждение мнением некоторых [латинян], которые ради славы и известности внедрили такой обычай, чтобы греческое изучалось так же, как истинные и надежные начала латинского, и чтобы латинское презиралось»⁷. «Я не знаю, - писал он, - почему ты всегда

ищешь прибежища в греческой литературе там, где есть латинские образцы»⁸. Римские авторы уже изложили на латинском языке все необходимое, чтобы не просить подаяния (*mendicare*) у греков. Зачем латинянам искать Гомера, если есть Вергилий? зачем им Демосфен, если есть Цицерон? зачем Геродот, если есть Ливий? и т.д. «Если они учат греческий, чтобы многое знать, я хвалю их намерение, как если они будут учить немецкий, французский или английский. Ибо нет языка, на котором мы не можем обучаться. Но если мы изучаем латынь, чтобы достигнуть в ней совершенства, нам достаточно понять то, что мы находим в изложении наших авторов и грамматиков, то, что описано и объяснено ими лучше, чем греками, в особенности (*sic!*) современными, поскольку ныне нет ни одного, кто хорошо бы владел греческой словесностью». Ибо после того как эти новые греки (*novi isti Graeci*) попали в зависимость от других народов, «они отказались от ученых занятий и книг», и теперь сами «изучают латинский язык, который более облагорожен, украшен и величествен, чем греческий»⁹. Современные греки, заключает он, которые прежде «называли всех, кроме себя, варварами, ныне не иначе, как сами варвары»¹⁰. Досталось от Марцио и Андронику Каллисту: «Среди прочего ты, восхваляешь некоего голодного гречишку (*Graeculum esurientem*), говорящего на греческом и латыни совсем по-детски, поддакивающего тебе в какой-то греческой льстивой манере, чтобы воздать за твои милости. Отсюда следует, что и ему нравятся твои нелепости, и ты вполне одобряешь его нелепые слова»¹¹. Выражение «голодный гречишка», употреблявшееся в отношении некоторых византийских эмигрантов, было заимствовано из третьей сатиры Ювенала (III, 77-78): «*omnia novit Graeculus esuriens*».

Марцио был не первым, кто критиковал Филельфо за его филэллинизм. В 1427 г. Марко Липпомано заподозрил его в

том, что он «горячо любил не только греческую словесность, но и природный характер греков, и вследствие этого сам полностью сделался греком, и в особенности потому, что предпочел взять себе греческую, а не латинскую жену». В ответ Филельфо заверил его, что он латинянин и был им всегда (*Et sum Latinus et fui semper*) и что он не привез из Греции ничего, кроме литературы и образования (*Nec aliud quicquam ex Graecia reportavi quam litteraturam atque disciplinam*)¹². В отличие от Марцио Филельфо отрицал возможность потери латинской культурной идентичности в результате увлеченных занятий греческой словесностью и предостерегал лишь против того, чтобы занятия греческим не шли в ущерб латинским штудиям. Так же как и другие эллинисты его времени Филельфо полагал, что овладение греческим поможет гуманистам в улучшении и исправлении латыни. Примечательно, что он избегал типичных латинских стереотипов в отношении греков, хотя и отмечал ухудшение уровня культуры и образования в Элладе, в особенности на Пелопоннесском полуострове: «Некогда Пелопоннес был изобилен мужами и богатствами, теперь совершенно пуст. Ибо из-за непрерывных нападений варваров и бездействия жителей он настолько лишен всех благ, что, за исключением одного Георгия Гемиста Плифона, действительно ученого, авторитетного и красноречивого человека, ты не найдешь там ни одного достойного похвалы. Деспотов же Палеологов, которые сами также угнетены нуждой, высмеивают и грабят их подданные. Таким образом, кроме одного Гемиста, все остальное находится там в плачевном состоянии. Дошло до того, что сам язык искажился настолько, что в нем совсем не ощущается та древняя и красноречивейшая Греция. Нравы же более варварские, чем всякое варварство»¹³. Надо сказать, что современная Греция привлекала Филельфо прежде всего как хранительница наследия древней Эллады, в то время как византийская цивилизация сама по себе не вызывала у него заметного интереса¹⁴. Это

было характерно и для других итальянских эллинистов кварточенто. Показательны суждения Веспасиано да Бистиччи о нарядах византийских делегатов Ферраро-Флорентийского собора: «В течение полутора тысяч лет греки не изменили стиль своих одежд, которые остались такими же, как и прежде, что ещё можно увидеть в Греции в месте, называемом полями Филиппа, где во многих сюжетных изображениях, выполненных в мраморе, присутствуют люди, одетые в греческом стиле так же, как одеваются и теперь»¹⁵.

Среди гуманистов XV в., выступивших с инвективами против византийских греков, наиболее резкие выпады сделали Пьетро Брави и Андреа Агасо. Первый написал памфлет против «некоего гречишки Андроника», под которым, по убеждению Хана Ламерса, подразумевался Андроник Контовлакас¹⁶, тогда как издатель текста Джеймс Хэнкинс предположил, что речь шла об Андронике Каллисте¹⁷. Обличая своего оппонента, Брави распространил его пороки на всех византийских греков. Он привёл набор старинных стереотипов, традиционно обвинил в отпадении от католической церкви, и указал на то, что скитания греков после разорения Константинополя есть наказание за их упрямство. «Мы знаем, - писал Брави Андронику, - твое непостоянство, мы знаем твою невоздержанность и твое пьянство – от нас не ускользнуло, насколько ты страдаешь от этой отвратительной болезни, присущей и другим грекам. Твое имя Андроник (Ἀνδρόνικος), но твоя натура совершенно не соответствует значению этого имени. Ведь, как ты знаешь, в переводе на латинский оно означает “победитель мужей”. Но для тебя куда лучше и выразительней было бы имя Παιδόνικος, поскольку тебе привычнее побеждать скорее мальчиков, нежели мужчин»¹⁸. В схожей манере некто под именем Андреа Агасо атаковал «гречишку» Георгия Трапезундского. Поводом к сочинению этой инвективы стали критические выпады самого Георгия против Гварино Веронезе¹⁹. В качестве главного авторитета для подкрепления своих обвинений Агасо выбрал Цицерона (Q.fr. 1.1.16):

«Ему [Георгию] известно, насколько ты [Цицерон], почтенный человек, всегда противостоял подобным ему негодным гречишкам. Ибо ведь он помнит, как ты написал в письме брату Квинту: “также следует тщательно остерегаться дружеских отношений с самими греками, за исключением очень малого числа людей, если они достойны древней Греции. Так весьма многие из них лживы, легкомысленны и приучены долгим рабством к избыточной угодливости. Их дружеские отношения чрезмерны, но не столь надежны, ибо они не дерзают сопротивляться нашей воле и, безусловно, завидуют не только нам, но и своим”»²⁰. Он также не преминул напомнить о критском происхождении Георгия, несколько переиначив слова апостола Павла из послания Титу (1.12): «Критянин – лжец, злой зверь и утроба ленивая»²¹.

В числе противников греческих штудий был неаполитанец Порчелио Пандоне. Ему принадлежала эпиграмма на Иоанна Софианоса, византийского ученого из окружения Виссариона, с характерным названием «*In Sophianum graeculum*»²². В 1455 г. при дворе Сиджизмондо Пандольфо Малатесты в Римини Пандоне и его «союзник» Томмазо Сенека да Камерино участвовал в споре с поэтом Базинио да Парма о пользе изучения греческой словесности. Базинио использовал классический аргумент эллинистов, согласно которому правильная латынь невозможна без знания греческого. Его оппоненты, доказывая обратное, подчеркивали превосходство римских авторов над греками и обвиняли его в рабском подражательстве и принижении достоинств «отеческого» языка²³.

Предвзятые суждения о греках проскальзывали и в письмах Эразма. Уже упоминались его слова о Георгии Гермониме, которого он назвал явным греком или скорее дважды греком (*bis Graecus*), всегда голодным и обучающим за непомерную плату. В письме к Томасу Линакру он писал: «Ты не смог бы удержаться от смеха, если б узнал как жадно мой гречишка (*meus Graeculus*) ждет тот подарок (*δῶρον*), который я обещал ему в обмен на кипрские стилусы: сколько раз он

вспоминал об этом подарке и сколько раз упрекал меня за то, что он не был ему отправлен. В самом деле, приятно вот так подурочить ворона, раскрывшего клюв. Но глупый человек не обратил внимание на то, что написал я ему следующим образом: “Я пошлю достойный тебя подарок” (πέμψω δῶρόν τι ἄξιόν σου), то есть никчемную вещь». По предположению издателя эпистолярия Эразм мог писать здесь о Гермони-ме²⁴. Впрочем, слово *Graeculi* использовалось и для вполне нейтрального²⁵, и для ироничного обозначения собственно латинских эллинистов²⁶. Как элемент самоиронии этот термин употребил Эразм, когда назвал себя если не первым, то, конечно, вторым среди тех *Graeculos*, которые спорили с Глупостью относительно её толкования слов апостола Павла в «Послании к Коринфянам» (2Кор. 11:21), ибо она утверждала, что, дескать, и он, апостол, признает себя за глупца («По-хвала глупости», LXIII).

Неприяженное отношение к ученым грекам выказывал и болонский эллинист Паоло Бомбаче (1476-1527), друг и корреспондент Эразма. С 1506 по 1510 г. он занимал кафедру греческой словесности Болонского университета, которую до этого в течение шести лет держал грек Джовиано Греколино (*Grecolino*)²⁷. Но когда Бомбаче отправился поправлять здоровье в сиенские бани, обучение греческому было «вверено некоему греку, не человеку, а чурбану» (*Graeco cuidam, non homini sed stipiti, demandata*)²⁸. На основании голосования в Сенате Болоньи (двадцать голосов против двух) 3 октября 1510 г. новым преподавателем был избран Петр Ипсилла, происходивший с острова Эгина (*Petrus Ipsilla Aegineta*), который удерживал эту должность до 1527 г.²⁹ Конкуренция итальянцев с греческими учеными в области преподавания, несомненно, была, главной причиной недовольства со стороны Бомбаче. Отправляясь в Рим летом 1513 г., он писал Сципиону Картеромаху: «если с помощью этих гречишек (*per Graeculos istos*) там будет основана академия, то не знаю – смо-

жет ли нас вместить целый город, но раздражение моё он, конечно, едва ли вместит»³⁰. Уже после приезда в Рим Бомбаче с раздражением наблюдал за тем, как великий понтифик приглашает греков (*Graeculi isti*) в Вечный город, причем не только учителей, но и учеников³¹. Академия, о которой упомянул Бомбаче, – это греческая гимназия (или коллегия) на Квиринале. Её организация была поручена папой Львом X Иоанну Ласкарису, приехавшему в Рим в апреле 1513 г. Примерно тогда же в папскую столицу прибыл и ещё один преподаватель гимназии – Василий Халкокондил, ученик Ласкариса и крестный сын самого Льва X. Надо сказать, что Бомбаче не был расположен и к Марку Музуросу³², несмотря на то, что адресаты болонского гуманиста – Эразм и Картеромах придерживались иного мнения о критском ученом.

В XV в. между греками и латинянами случались интеллектуальные баталии (*lotte*), которые так или иначе затрагивали тему культурного превосходства³³. Одной из наиболее известных стала полемика Полициано и Аргиропула. Последний позволил себе критику в отношении Цицерона, который неправильно понял или неверно процитировал аристотелевский термин *ἐντελέχεια* (*lat.* *perfectio, consummatio*, осуществленность, завершенность) как *ἐνδελέχεια* (*continuata motio*, непрерывное движение) в «Тускуланских беседах» (*Tusc.* 1.10.22). Первую главу «*Miscellanea*» Полициано начал следующим образом: «Византиец Аргиропул, некогда наш наставник в философии, считался очень образованным человеком, далеко не безразличным к латинской словесности и к мудрости, содержащейся в декретах, а также всех тех дисциплинах, которые Марцианом Капеллой называются циклическими... Впрочем, как грек, он перенес с большой досадой то известное и (как считает Феодор Газа) уместное высказывание Марка Туллия Цицерона, когда тот, возможно, не столько красноречиво, сколько справедливо объявил греческий языком порою бедным на слова³⁴, которыми, по его [Аргиропула] мнению, он изобилует. Вследствие этого греческий учитель,

слегка рассерженный на родоначальника и принцепса латинского изобилия, даже дерзнул усомниться в нем! ибо ныне едва ли стерпят уши, что Цицерон был несведущ не только в греческой философии, но (если богам угодно) и в греческой словесности. Едва ли также возможно выразить словами, насколько неохотно этот народ (*ista natio*) допускает нас, то есть латинян, принять участие в их языке и учении. Он полагает, что мы обладаем отходами греческого, а он – плодом, мы – кусками, а он – целым, мы – скорлупой, а он – ядром»³⁵. Поэтому гуманист считал, что его долг, равно как и любого латинского профессора, – защитить славу Цицерона.

Полициано соперничал с греками в тех областях, где многие из них были признанными авторитетами. Он позволил себе справедливые критические замечания в отношении латинской версии «*De animalibus*», выполненной Феодором Газой, конкурировал с Михаилом Маруллосом Тарханиотом в переводе одних и тех же эпиграмм «Греческой антологии», а также, если верить Джовио, стал причиной падения популярности лекций Димитрия Халкокондила, которые тот давал во Флоренции: молодые слушатели, «очарованные удивительной прелестью приятного и мелодичного голоса и учтивого остроумия Полициано, распеваящего стихи и рассыпающего разнообразные цветы красноречия», стали покидать византийского учителя, так как он «мог легко показаться им пустым и вялым»³⁶.

Тем не менее, несмотря на предвзятое отношение латинян к приезжим грекам, наиболее успешные и талантливые представители эмиграции упоминались итальянскими историками и биографами XV-XVI вв. в числе известных деятелей Возрождения. Уже тогда было вполне очевидно, что без осмысления их роли в истории гуманистического движения его картина окажется неполной и в значительной степени обедненной. Вклад греков в итальянскую ренессансную культуру связан с их влиянием на сам дух эпохи, её образы, умонастроения и переживания. Наиболее заметно участие византийских ученых в деле сохранения и распространения на

Западе греческих текстов (поиск, копирование, редактирование и печать), однако при этом их сложно назвать простыми трансляторами культурного наследия своей родины. Работая над восстановлением и исправлением этих текстов, они шли по пути совершенствования текстуальной критики. Как переводчики, они не только открывали западному читателю более широкий доступ к сокровищницам греческой литературы, но и осмысливали вопросы, связанные с методами перевода. В их трактатах и лекционных курсах популяризировались, разъяснялись и толковались памятники греческой словесности, богословской, философской и научной мысли. Вместе с западными эллинистами они настойчиво убеждали современников в том, что только гармоничный союз греческой и латинской словесностей способен сформировать полноценно развитую личность. Укоренившись в сознании гуманистов XVI в., эта идея легла в основу классического образования. Поэтому можно без преувеличения сказать, что греческие ученые поспособствовали расширению диапазона классических исследований в Италии и оказали влияние на формирование особой атмосферы итальянского Возрождения.

2019 г.

---

¹ Рязанов П.А. Греческие штудии и миланский гуманизм. С. 209-232.

² Griffiths G. Leonardo Bruni and the restoration of the University of Rome (1406) // *Renaissance Quarterly*. 1973 Vol. 26. P. 1-10.

³ Lee E. Sixtus IV and Men of Letters. Roma, 1978. P. 171-173. Другим преподавателем греческой словесности в Сапиенце с 1473 по 1482 гг. был Мартино Филетико Ibid. P. 175-177.

⁴ PG. T. 161. Col. 958A.

⁵ Письмо к Никколо Спечале от 1 ноября 1437 г.: Carteggio di Giovanni Aurispa / a cura di R. Sabbadini. Roma, 1931. P. 91.

⁶ Никшишин В.О. Цицерон и греки // *Studia historica*. 2011. Вып. XI. С. 176-181; Tzamalikos P. The Real Cassian Revisited: Monastic Life, Greek Paideia, and Origenism in the Sixth Century. Leiden, Boston, 2012. P. 150-151.

⁷ Keyser J.De. Francesco Filelfo and Francesco Sforza: critical edition of Filelfo's

Sphortias, De Genuensium deditioe, Oratio parentalis, and his polemical exchange with Galeotto Marzio. Hildesheim; Zürich; New York, 2015. P. 357. О полемике Филельфо и Марцио см.: *Lamers H. Hellenism and Cultural Unease in Italian Humanism: the Case of Francesco Filelfo // Francesco Filelfo, Man of Letters / Ed. Keyser J.De. Leiden; Boston, 2018. P. 25-28.*

⁸ *Keyser J.De. Francesco Filelfo. P. 351.*

⁹ *Ibid. P. 358-359.*

¹⁰ *Ibid. P. 358.*

¹¹ *Ibid. P. 339.*

¹² См. в письме Филельфо к Липпомано от 15 октября 1427 г.: *Francisci Philelphi Epistolarum familiarium libri XXXVII. Venetiis, 1502. Fol. 1v.*

¹³ Письмо к Сассоло да Прато от 8 июня 1441 г.: *Ibid. Fol. 31v.*

¹⁴ Об эллинизме Филельфо в контексте его “латинской” идентичности, а также о его отношении к Византии см.: *Lamers H. Hellenism and Cultural Unease in Italian Humanism. P. 29-42.*

¹⁵ *Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri del secolo XV. Bologna, 1892. Vol. I. P. 18.*

¹⁶ *Lamers H. Greece Reinvented: Transformations of Byzantine Hellenism in Renaissance Italy. Leiden, 2016. P. 88, not. 96.*

¹⁷ Текст инвективы: *Hankins J. Humanism and Platonism in the Italian Renaissance. Roma, 2003-2004. Vol. I. P. 417-419. Также: P. 323, 346; Idem. Renaissance Crusaders: Humanist Crusade Literature in the Age of Mehmed II // DOP. 1995. Vol. 49. App. 10. P. 203-204.*

¹⁸ *Ibid. P. 418. О памфлете Брави см.: Lamers H. Greece Reinvented. P. 88-89.*

¹⁹ *Monfasani J. George of Trebizond. P. 29-32. По предположению Дж. Монфазани под псевдонимом Агасо скрывался сам Гварино.*

²⁰ *Collectanea Trapezuntiana: texts, documents and bibliographies of George of Trebizond / Ed. J. Monfasani. New-York, 1984. P. 370. Также: Lamers H. Greece Reinvented. P. 141, not. 32.*

²¹ *Collectanea Trapezuntiana. P. 368; Lamers H. Greece Reinvented. P. 142, not. 4.*

²² *Bianca C. Da Firenze a Grottaferrata: greci e latini all'ombra del Bessarione // "Inter graecos latinissimus, inter latinos graecissimus": Bessarion zwischen den Kulturen / Hrsg. von C. Kaiser, C. Märkl, T. Ricklin. Berlin, 2013. P. 155-156. Также: Eadem. Byzantines at Rome in the Fifteenth Century // Essays in Renaissance Thought and Letters: In Honor of John Monfasani / Ed. A. Frazier, P. Nold. Leiden, Boston, 2015. P. 3-11: 9.*

²³ *Ferri F. Una contesa di tre umanisti: Basinio, Porcellio e Seneca. Contributo alla storia degli studi greci nel quattrocento in Italia. Pavia, 1920. Также: D'Elia A.F. Pagan Virtue in a Christian World: Sigismondo Malatesta and the Italian Renaissance. Cambridge and London, 2016. P. 75-78.*

²⁴ *Erasmus. Opus Epistolarum. T. I. P. 427 et not. 22. Ep. 194: Париж, 1506 г.*

²⁵ См., например, в письме Агостино Сканнеллы к Джованни Тортелли от 1 июля 1449 г.: *Onorato A. Gli amici bolognesi di Giovanni Tortelli*. Messina, 2008. P. 211.

²⁶ Например, Порчелио Пандоне направил против “гречонка” Филельфо эпиграмму, озаглавленную “in Graeculum Philelphum”: *Lamers H. Hellenism and Cultural Unease in Italian Humanism*. P. 25, not. 15. В диалоге “Antonius” Джованни Понтано (1429-1503) писал: “Есть в нашей стране некие молодые люди, те, что недавно вернулись из Греции, которые, хотя и не знают ни греческого, ни латинского языков, но при этом очень тщеславны. Если ты лишишь их бороды и шапочки (*barbam pilleolumque*), то в них вообще не останется ничего греческого. Они зазубривают и греческую, и латинскую речь: когда они с греками, тогда молчат, когда же с латинянами, то удивительно, насколько все у них по-гречески”. Устами одного из участников диалога Понтано сообщает о себе, что “соприкоснувшись с греческой словесностью в Италии в молодом возрасте, ибо теперь в Греции ты скорее можешь выучить турецкий, чем греческий, ведь всякий, кто знает греческие науки, живет в Италии вместе с нами”. Далее Понтано нарисовал карикатуру такого “грекоподобного” итальянца (*Graecanicus homo*), бормочущего по-гречески всякую ерунду. Этот фрагмент диалога содержит любопытное свидетельство о появлении среди некоторых его земляков своеобразной моды на греческое, включающей ношение бороды и войлочного головного убора: *Giovanni Gioviano Pontano. Dialogues / Ed. Julia Haig Gaisser. Cambridge, London, 2012. Vol. I: Charon and Antonius*. P. 134-136. См. также: *Bianca C. “Graeci”, “Graeculi”, “Quirites”: A proposito di una contesa nella Roma di Pio II // Filologia umanistica. Per Gianvito Resta / a cura di V. Fera, G. Ferrau. Padua, 1997. P. 141-163.*

²⁷ Известно, что Бомбаче преподавал греческую грамматику на основе учебника Димитрия Халкокондила, а также выполнил перевод речи Исократы “О мире”: *Mioni E. Bombace, Paolo // DBI. 1969. Vol. 11. P. 373-376*. О Джовиано Греколино: *Malagola C. Della vita e delle opere di Antonio Urceo detto Codro. Bologna, 1878. P. 93-94.*

²⁸ Письмо Эразму от 21 декабря 1511 г.: *Erasmus. Opus Epistolarum. T. I. P. 497. Ep. 251; Fantuzzi G. Notizie degli scrittori bolognesi. Bologna. 1782. Vol. II. P. 176, 280.*

²⁹ Из постановления Сената: “*per viginti fabas albas et duas nigras obtentum fuit quod Conducatur et Rotuletur D. Petrus Aegineta Graecus ad lecturam Graecam diebus conlinuis et ordinariis*” (*Malagola C. Della vita e delle opere di Antonio Urceo detto Codro. P. 96*). Петру Ипсилле было назначено годовое жалование в 200 болонских лир (14 апреля 1511), увеличенное ещё на сто в следующем году. Кроме Джованни Греколино и Петра Ипсиллы, в Болонском университете преподавал также и грек Николай: он занимал кафедру логики в 1513-1514 учебном году (*Ibid. P. 93 sqq.*).

³⁰ Письмо от 2 июля 1513 г.: *Nolhac P. de. Les correspondants d'Alde Manuce. P. 87.*

³¹ *Ibid.* P. 87-88, not. 4.

³² *Erasmus. Opus Epistolarum. T. I. P. 462. Ep. 223.*

³³ *Sabbadini R. Storia del Ciceronianismo e di altre questioni letterarie nell'età della Rinascenza. Torino, 1885. P. 81-87.*

³⁴ См., например, “О пределах блага и зла” (*Cic. Fin. 1.3.10 и 3.2.5*).

³⁵ *Angeli Politiani Opera, quae quidem extitere hactenus, omnia. Basileae, 1553. P. 224.*

³⁶ *Giovio. Elogia. P. 64.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ – Античная древность и средние века

ВВ – Византийский временник

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

СВ – Средние века

Cat. Brit. Mus. – Catalogue of Books Printed in the XVth Century Now in the British Museum / Ed. A. Pollard, V. Scholderer, G. Painter.

СТС – Catalogus Translationum et Commentariorum. Washington, Toronto, 1960-.

DBI – Dizionario biografico degli Italiani. Roma, 1960-.

ДОР – Dumbarton Oaks Paper

PG – *Migne J.P.* Patrologiae Cursus Completus. Series graeca. 161 t. Parisiis, 1857-1866.

PL – *Migne J.P.* Patrologiae Cursus Completus. Series latina. 221 t. Parisiis, 1844-1855.

RGK – *Gamillscheg E., Harlfinger D., Hunger H.* Repertorium der Griechischen Kopisten 800-1600. 3 bde. Wien, 1981-1997.

ΠΠ – *Λάμπρος Σ.Π.* Παλαιολογία και Πελοποννησιακά. 4 τ. Εν Αθήναις, 1912-1930.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Acta inedita historiam pontificum Romanorum praesertim saec. XV, XVI, XVII illustrantia / Ed. L. Pastor. Friburgi Brisgoviae, 1904. Vol. I.
Aeneae Silvii Piccolominei Opera quae extant omnia. Basileae, 1551.
Alamanno Rinuccini. Lettere ed Orazioni / a cura di V.R. Giustiniani. Firenze, 1953.

Alamanno Rinuccini. Monumenta ad Alamanni Rinuccini vitam contexendam ex manuscriptis codicibus plerumque eruta / Ed. F. Fossius. Florentiae, 1791.

Ambrosii Traversarii Generalis Camaldulensium aliorumque ad ipsum, et ad alias de eodem Ambrosia Latinae Epistolae / Ed. P. Canneti and L. Mehus. 2 vols. Florentiae, 1759.

Ammannati Piccolomini Iacopo. Lettere / a cura di P. Cherubini. 3 vols. Roma, 1997.

Analecta Byzantino-Rossica / Ed. W. Regel. Petropoli; Lipsiae, 1891.

Angeli Politiani Opera, quae quidem extiteret hactenus, omnia. Basileae, 1553.

Antonii Galatei Liciensis Liber de Situ Iapygiae. Basileae, 1558.

Aristoteles latine interpretibus variis / Ed Academia Regia Borussica. Berolini, 1831.

Aristoteles Latinus XXV 3.2. Metaphysica Lib. I-XIV. Recensio et translatio Guillelmi de Moerbeka / Ed. G. Vuillemin-Diem. Leiden-N.Y.-Koln, 1995.

Aristoteles. Libri de animalibus interprete Theodoro Gaza. Venetiis, 1476.

Aristotelis castigatissime recognitum opus metaphysicum a Clarissimo principe Bessarione Cardinale Niceno latinitate foeliciter donatum/ xiiii libris distinctum: cum adiecto in xii primos libros Argyropyli Byzantii interpretamento/ rarum proculdubio et hactenus desideratum opus. Parisiis, 1515.

Bembo Pietro. Oratio pro litteris Graecis / a cura di N.G. Wilson. Messina, 2003.

Boccaccio G. Genealogia Deorum Gentilium. Basileae, 1532.

Bacon R. Opera quaedam hactenus inedita / Ed J.S. Brewer. London, 1859. Vol. I.

Briefwechsel des Beatus Rhenanus / Hrsg. A. Horawitz und K. Hartfelder.

Leipzig, 1886.

Birkenmayer A. Der Streit des Alonso von Cartagena mit Leonardo Bruni Aretino // *Ibid.* Vermischte Untersuchungen zur Geschichte der Mittelalterlichen Philosophie: Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Text und Untersuchungen. Münster, 1922. S. 128-211.

Boccaccio G. Genealogia deorum gentilium / a cura di V. Romano. 2 vols. Bari, 1951.

Bruni Leonardo [*Leonardus Aretinus*]. Rerum suo tempore in Italia gestarum commentarius; *Eiusdem* De rebus Graecis Liber. Lugduni, 1539.

Bruni Leonardo. History of the Florentine People. Vol. 3. Memoirs / Ed. J. Hankins. Cambridge, London, 2007.

Bruni Leonardo Aretino. Humanistisch-Philosophische Schriften. Mit einer Chronologie seiner Werke und Briefe / Ed. Hans Baron. Leipzig-Berlin, 1928.

Cappelli A. Una lettera greca di Demetrio Castreno a Francesco Filelfo // Archivio storico lombardo. 1894. S. III. Vol. 2. P. 160-65.

Carteggio di Giovanni Aurispa / a cura di R. Sabbadini. Roma, 1931.

Castellani G. Un traité inédit en grec de Cyriaque d'Ancône // Revue des Études Grecques. 1896. T. 9 (34). P. 225-230.

Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe / Ed. E. Legrand. Paris, 1892.

Chirii consulti Fortunatiani Rhetoricorum libri tres <...> Dionysii Halycarnasei Praecepta de oratione nuptiali, De oratione natalitia, Praecepta de epithalamiis, Oratio nuptialis per Theodorum Gazen e graeco in latinum traducta <...> Venetiis, ca 1499.

Cippico C. Guerre de'Veneziani nell'Asia libri tre. Venezia, 1796.

Coccius Sabellicus Marcus Antonius. Opera omnia. Basileae, 1560. T. II. Collectanea Trapezuntiana: texts, documents and bibliographies of George of Trebizond / Ed. J. Monfasani. New-York, 1984.

Cohen-Skalli A. Les *Vitae Siculorum et Calabrorum* de Constantin Lascaris : le texte et ses sources // Revue d'histoire des textes. 2016. Vol. 11. P. 135-162.

Comparationes phylosophorum Aristotelis et Platonis a Georgio Trapezuntio viro clarissimo. Venetiis, 1523.

Corpus Iuris Canonici / Ed. E. Friedberg. 2 pt. Graz, 1959. Pars II.

Cortesi Paolo. De hominibus doctis dialogus nunc primum in lucem editus cum adnotationibus. Florentiae, 1734.

Curtze M. Urkunden zur Geschichte der Mathematik im Mittelalter und der Renaissance. Leipzig, 1902 (Abhandlungen zur Geschichte der mathematischen Wissenschaften. Bd. 12).

D. Andreae Alciati Mediolanensis Iureconsulti Clarissimi Paradoxorum ad Pratum, libri sex. Lugduni, 1532.

Demetrius Cydones. Correspondance / Publ. par R.-J. Loenertz. (Studi e Testi). 2 vols. Città del Vaticano, 1956-1960. Vol. II.

Diller A.A. Geographical Treatise by Georgius Gemistus Pletho // *Isis*. 1937. Vol. 27 (3). P. 441-451.

Dionysius of Halicarnassus. The Roman Antiquities. London, 1960-1963. Vol. I. [The Loeb Classical Library].

Discussioni linguistiche del Cinquecento / A cura di M. Pozzi. Torino, 1988.

Documenti diplomatici tratti dagli archivi milanesi / a cura di L. Osio. 3 vols. Milano, 1864-1877. Vol. I.

Domenico Malipiero. Annali Veneti dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malipiero, ordinati et abbreviati del senatore Francesco Longo // *Archivio storico italiano*. Firenze, 1843-1844. T. VII (1-2).

Dorez L. Lettres inédites de Jean Pic de la Mirandole (1482-1492) // *Giornale storico della letteratura italiana*. 1895. Vol. 25. P. 352-361.

Ecthesis Chronica and Chronicon Athenarum / Ed. S.P. Lambros. London, 1902.

Epistolario di *Coluccio Salutati* / a cura di F. Novati. 4 vols. Roma, 1891-1911.

Epistolario di *Guarino Veronese* / raccolto, ordinato, illustrato da R. Sabadini. 3 vols. Venezia, 1915-1919.

Epistolario di *Pier Paolo Vergerio* / a cura di L. Smith. Roma, 1934.

Erasmus Desiderius. Opus Epistolarum Des. Erasmi Roterodami / Ed. P.S. Allen, H.M. Allen, H.W. Garrod. 12 t. Oxford, 1910.

Erasmus Desiderius. Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami, recognita et adnotatione critica instructa notisque illustrate. Amsterdam, 1969-.

Erotemata Chrysolorae. De anomalis verbis. De formatione temporum ex libro Chalcondylae. Quartus Gazae de Constructione. De Encliticis. Sententiae monastichi ex variis poetis. Venetiis, 1512.

Exponera sequentemente la informatione. Informatione ad la jmpresa contra Turchi, data per messer Zoani Laschari nel MDVIII // *Iorga N.* Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades. 6 vols. Paris, Bucharest, 1899-1916. Vol. VI. P. 45-55.

Facius Bartholomaeus. De viris illustribus liber, nunc primum ex ms. cod. in lucem erutus. Recensuit, praefationem, vitamque auctoris addidit

L. Mehus. Florentiae, 1745.

Foffano F. Marco Musuro, professore di greco a Padova ed a Venezia // Nuovo Archivio Veneto. 1892. T. III. P. 453-474: 470-474 (Appendice).

Foncemagne E.L. de. Eclaircissements historiques. Sur quelques circonstances du voyage de Charles VIII en Italie, et particulièrement sur la cession que lui fit André Paléologue, du droit qu'il avoit à l'empire de Constantinople // Mémoires de littérature tirés des registres de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. 1751. T. XVII. P. 539-578: 572-577.

Francisci Barbari et aliorum ad ipsum Epistolae / Ed. A.M. Querini. Brixiae, 1743.

Francisci Castilionensis Vita Victorini Feltrensis / Hrsg. von Dr. Karl Müllner // Jahresbericht des k.k. Staatsgymnasiums. Wien, 1905.

Gaza Teodoro. Epistole / Introduzione, testo critico, traduzione e nota di E. Pinto. Napoli, 1975.

Gercke A. Theodoros Gazes. Greifswald, 1903.

Giannozzo Manetti. Biographical Writings / Ed. St.U. Baldassarri, R. Bagemihl. Cambridge, London, 2003.

Giovanni Gioviano Pontano. Dialogues / Ed. and trans. Julia Haig Gaisser. Cambridge, London, 2012. Vol. I.

Giovio Paolo [Iovius Paulus Novocomensis]. Elogia doctorum virorum ab avorum memoria publicatis ingenii monumentis illustrium. Antverpiae, 1557.

Guarini Battista. La didattica del greco e del latino: De ordine docendi ac studendi e altri scritti / a cura di L. Piacente. Bari, 2002.

Haec opera fient in oppido Nuremberga Germaniae ductu Ioannis de Montereio. Nürnberg, 1474.

I dialogi di Messer Speron Sperone / A cura di Daniele Barbaro. In Venecia, 1542.

Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum. Editio Princeps / Recensuit I. Thurn. Berlin, 1973.

Jacopo Gherardi da Volterra. Il Diario Romano / a cura di E. Carusi. Città di Castello, 1904 [Rerum Italicarum Scriptores].

Jo. Antonii Campani, episcopi aprutini, Epistolae et Poemata, una cum Vita Auctoris / Rec. Jo. Berchardus Menckenius. Lipsiae, 1707.

La Caduta di Costantinopoli / a cura di A. Pertusi. 2 vols. Milano, 1976. Vol. II. L'Eco nel Mondo.

Labowsky L. An Unknown Treatise by Theodorus Gaza // Mediaeval and Renaissance Studies. 1968. Vol. 6. P. 173-198.

Lagarde B. Le "De Differentiis" de Pléthon d'après l'autographe de la

- Marcienne // Byzantion. 1973. Vol. 43. P. 312-343.
- Lambini D.* De utilitate linguae graecae et recta Graecorum Latine interpretandorum ratione oratio, habita anno MDLXXI. Lutetiae, 1572.
- Laonici Chalcondylae Atheniensis* De origine ac rebus gestis Turcorum libri decem. Basileae, 1556.
- Laonici Chalcocondylae Atheniensis* Historiarum libri decem / Ex rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1843.
- Lascaris Constantinus.* Compendium octo orationis partium et aliorum quorundam necessariorum. Mediolani, 1476.
- Laurent V.* Les “Mémoires” du grand ecclésiarque de l’Église de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le Concile de Florence (1438-1439). Paris, 1971.
- Legrand E.* Bibliographie hellénique, ou description raisonnée des ouvrages publiés par des grecs aux XVe et XVIe siècles. Paris, 1885-1906. T. I-IV.
- Leon Battista Alberti.* Dello scrivere in cifra / a cura di A. Buonafalce. Torino, 1994.
- Letters and Papers Illustrative of the Wars of the English in France during the Reign of Henry the Sixth, King of England / Ed. J. Stevenson. 2 vols. London, 1861-1864. Vol. I. [Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptorum]
- Manoussacas M.* Una prefazione greca inedita di Giovanni Grigoropulos per una edizione veneziana del 1498 // Bisanzio e l’Italia: Raccolta di studi in memoria di A. Pertusi. Milano, 1982. P. 218-228.
- Marino Sanuto.* De origine urbis Venetae et vita omnium ducum // Rerum Italicarum Scriptorum / Ed. L.A. Muratori. Mediolani, 1733.
- Marino Sanuto.* I Diarii (1496-1533). 58 t. Venezia, 1879-1903. T. V, VII, XII.
- Memorie per servire alla storia letteraria di Sicilia. 2 t. Palermo, 1756. T. I. Pt. IV.
- Marsilii Ficini* Opera omnia, a mendis castigata. 2 t. Basel. 1576.
- Matthew Paris.* Chronica Majora / Ed. H.R. Luard. Cambridge, 2012. Vol. V.
- Meserve M.* Empires of Islam in Renaissance historical thought. Cambridge, 2008.
- Michael Marullus.* Poems / Ed. and trans. Ch. Fantazzi. Cambridge, London, 2012.
- Mohler L.* Bessarions Instruktion für die Kreuzzugspredigt in Venedig (1463) // Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und

- für Kirchengeschichte. 1927. Bd. 35. S. 337-349.
- Mohler L.* Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. 3 bde. Paderborn, 1923-1942.
- Moulakis A.* Leonardo Bruni's Constitution of Florence // *Rinascimento*. N.S. 1986. Vol. 26. P.141-190.
- Monfasani J.* Angelo Poliziano, Aldo Manuzio, Theodore Gaza, George of Trebizond, and Chapter 90 of the *Miscellaneorum Centuria Prima* (With an Edition and Translation) // *Interactions of Renaissance Humanism* / Ed. A. Mazzocco. Leiden-Boston, 2006. P. 243-265.
- Montesdeoca Medina J.M.* Los Islarios de la epoca del Humanismo: el *De insulis* de Domenico Silvestri. Edicion y traduccion. La Laguna, 2004.
- More Th.* Utopia. Latin Text and English Translation / Ed. G.M. Logan, R.M. Adams, C.H. Miller. Cambridge, 1995.
- Motta E.* Demetrio Calcocondila, editore. Con altri documenti riguardanti Demetrio Castreno, Costantino Lascaris ed Andronico Callisto // *Archivio Storico Lombardo*. 1898. Vol. 20. P. 143-166.
- Muller K.* Neue Mittheilungen uber Janos Laskaris und die Mediceische Bibliothek // *Centralblatt fur Bibliolhekswesen*. 1884. Bd. 1. S. 333-412.
- Müllner K.* Eine Rede des Johannes Laskaris // *Wiener Studien*. 1899. Jg. 21. S. 128-143.
- Müllner K.* Reden und Briefe Italienischer Humanisten. Ein Beitrag zur Geschichte Pädagogik des Humanismus. Wien, 1899.
- Neuhausen K.A., Trapp E.* Lateinische Humanistenbriefe zu Bessarions Schrift "In calumniatorem Platonis" // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1979. Bd 28. S. 141-165.
- Nikas C.* L'Oratione di Janós Lascaris a Carlo V // *Mathesis e Philia*. Studi in onore di Marcello Gigante / a cura di S. Cerasuolo. Napoli, 1995. P. 347-373.
- Noiret H.* Huit lettres inédites de Démétrius Chalcondyle // *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. 1887. T. VII. P. 472-500.
- Noiret H.* Lettres inédites de Michel Apostolis. Paris, 1889.
- Nolhac P. de.* Les correspondants d'Alde Manuce. Matériaux nouveaux d'histoire littéraire (1483-1514). Rome, 1888.
- Pace R.* De fructu qui ex doctrina percipitur (The benefit of a liberal education) / Ed and trans. Fr. Manley, R.S. Sylverter. New York, 1967.
- Patrologiae Cursus Completus. Series graeca* / Ed. J.P. Migne. 161 t. Parisiis, 1857-1866. T. 1-161: 94, 121-122, 156, 158-161.
- Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / Ed. J.P. Migne. 221 t.

- Parisiis, 1844-1855. T. 22, 34, 156.
- Pérez Gonsalez M.* Leonardo Bruni y su tratado “De interpretatione recta” / Cuadernos de filología clásica. Estudios latinos. 1995. Vol. 8. P. 193-234.
- Perosa A.* Inediti di Andronico Callisto // Studi di filologia umanistica. Vol III: Umanesimo Italiano / a cura di P. Viti. Roma, 2000. P. 3-15.
- Petrarchae Francisci* Epistolae De rebus familiaribus et variae / studio et cura I. Fracassetti. 3 vols. Florentiae, 1859-1863.
- Pesenti G.* Lettere inedite del Poliziano // Athenaeum. 1915. Vol. 3. P. 284-304.
- Petrarca Francesco.* Invectives / Ed. and trans. D. Marsh. Cambridge, London, 2003.
- Petrarchae F.* Opera quae extant omnia. Basileae, 1554.
- Pétrarque.* Le Traite “De sui ipsius et multorum ignorantia” / Ed. L.M. Capelli. Paris, 1906.
- Philephi Francisci* Epistolarum familiarium libri XXXVII. Venetiis, 1502.
- Philippi Melanthonis.* Opera quae supersunt omnia / Ed. C.G. Bretschneider; H.E. Bindseil. Halis Saxonum, 1834-1860. 28 vol.: 1843. Vol. XI. [Corpus Reformatorum].
- Pii II Pontificis Maximi* Asiae Europaeque elegantissima descriptio. Parisiis, 1534.
- Platina Bartolomeo.* Historia de vitis Pontificum Romanorum a D.N. Jesu Christo usque ad Paulum II Venetum papam. Coloniae, 1574.
- Pontani A.* Sullo studio del greco in Occidente nel sec. XV: l’esempio di Michele Apostolis // Italia ed Europa nella linguistica del Rinascimento: confronti e relazioni, Atti del Convegno Internazionale (Ferrara, Palazzo Paradiso, 20-24 marzo 1991) / a cura di M. Tavoni et al. Ferrara, 1996. Vol. 1. P. 134-170.
- Powell J.E.* Two letters of Andronicus Callistus to Demetrius Chalcocondyles // Byzantinisches und Neugriechisches Jahrbücher. 1939. Bd. 15. S. 14-20.
- Prefaces to the First Editions of the Greek and Roman Classics and of the Sacred Scriptures / Ed. B. Botfield. London, 1861.
- Raffaele Maffei [Volterrano].* Commentariorum Urbanorum octo et triginta libri. Item Oeconomicus Xenophontis, ab eodem latio donatus. Lugduni, 1552.
- Riemann.* Une Lettre d’un Grec du quinzième siècle // Annuaire de l’Association pour l’encouragement des études grecques en France 1879. Vol. 13. P. 121-125.
- Roccatagliata A.* Notai genovesi in oltremare. Atti rogati a Pera (1453) //

- Atti della Società Ligure di Storia Patria. 1999. N.S. T. XXXIX (CXIII). Fasc. I. P. 101-152 (app.).
- Rodolphi Agricolae Phrisii* Lucubrationes aliquot lectu dignissimae. Coloniae, 1539.
- Roger Bacon*. The Greek Grammar of Roger Bacon and a Fragment of his Hebrew Grammar / Ed. E. Nolan, S.A. Hirsch. Cambridge, 1902.
- Rollo A. Crisolora*, Cencio de' Rustici e una lettera anepigrafa in un codice di Bartolomeo Aragazzi // *Interpres*. 1998. Vol. 17. P. 257-274.
- Sanuto Marino*. I Diarii (1496-1533). 58 t. Venezia, 1879-1903. T. VII, XXII.
- Sanuto Marino*. La spedizione di Carlo VIII in Italia / per cura R. Fulin. Venezia, 1883.
- Sathas C.N.* Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge. 9 t. Paris, 1880-1890. T. IX.
- Scalamonti Francesco*. Vita Viri Clarissimi Et Famosissimi Kyriaci Anconitani / Ed. and trans. Ch. Mitchell and E.W. Bodnar (Transactions of the American Philosophical Society. Vol. 86. Pt. 4). Philadelphia, 1996.
- Scipionis Carteromachi Pistoriensis* Oratio de laudibus litterarum Graecarum habita mense januario, 1504. Venetiis, 1504.
- Schmitt W.O.* Eine unbekannte Rede zum Lob der griechischen Sprache und Literatur. Zur literarischen Biographie des Humanisten Andronikos Kontoblakes // *Philologus*. 1971. T. 115. S. 264-277.
- Sphrantzes Georgios*. Memorii. In annexa *Pseudo-Phrantzes: Macarie Melissenos*. Cronica / Ed. V. Grecu. Bucuresti, 1966.
- Supplementum ficinianum: Marsilii Ficini florentini philosophi platonici Opuscula inedita et dispersa / Ed. P.O. Kristeller. 2 vols. Florentiae, 1973.
- Theodore Gaza's *De Fato* / Ed. and trans. by J.W. Taylor. Toronto, 1925.
- Theophrasti Eresii* quae supersunt opera et excerpta librorum / Ed. H.F. Link, J.G. Schneider. 5 t. Lipsiae, 1818-1821. T. II.
- Tortelli Giovanni*. Ioannis Tortelli Aretini Orthographia. Venetiis, 1493.
- Traversarii Ambrosii*. Latinae epistulae / Ed. P. Canneti. 2 t. Florentiae, 1759.
- Venice: A Documentary History 1450-1630 / Ed. D. Chambers and B. Pullan, Oxford, 1992.
- Valeriano Pierio*. De litteratorum infelicitate // Pierio Valeriano on the Ill Fortune of the Learned Men: a Renaissance Humanist and his World / Ed. J.H. Gaisser. Michigan, 1999.
- Vallae Laurentii Opera*. Basileae, 1540.

Vespasiano da Bisticci. The Vespasiano Memoirs: Lives of Illustrious Men of the XVth Century / Trans. by W. George and E. Waters. Toronto, Buffalo, London, 1997.

Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri del secolo XV / rivedute sui manoscritti L. Frati. 3 vols. Bologna, 1892-1893.

Λαούρδας Β. Ἡ πρὸς τὸν αὐτοκράτορα Φρειδερίκον τὸν τρίτον ἐκκλησις τοῦ Μιχαῖλ Ἀποστόλη // Γέρας Ἀντωνίου Κεραμοπούλου. Ἀθήναι, 1953. Σ. 516-527.

Λάμπρος Σ.Π. Ἀργυροπούλεια. Ἐν Ἀθήναις, 1910.

Λάμπρος Σ.Π. Παλαιολόγια καὶ Πελοποννησιακά. 4 τ. Ἐν Ἀθήναις, 1912-1930.

Μιχαῖλ Ακομινάτου τοῦ Χωνιάτου Τα Σωζόμενα / Ed. Σ.Π. Λάμπρος. 2 τ. Ἐν Ἀθήναις, 1879-1880. Τ. II.

Антонио Урчео Кодро. Вступительная речь к курсу лекций по греческому языку / Пер. и прим. Н.В. Ревякиной // Традиции образования и воспитания в Европе XI-XVII веков / Под ред. Н.В. Ревякиной и др. Иваново, 1995. С. 144-158.

Васильев А.А. Ласкаръ Канан, византийский путешественник XV в. по Северной Европе и в Исландию. Харьков, 1914.

Васильев А.А. Передача Андреем Палеологом своих прав на Византию французскому королю Карлу VIII // Н.И. Карееву ученики и товарищи по научной работе. К 40-летию профессорской деятельности Н.И. Кареева. 1873-1913. СПб., 1914. С. 273-278.

Византийские сочинения об исламе (тесты переводов и комментарии) / Под ред. Ю.В. Максимова. М., 2012.

Виллер Э.А. Учение о Едином в античности и средневековье. Антология текстов. СПб., 2002.

Геннади Г. О типографском знаке альдинских изданий (Из сочинений Максима Грека) // Библиографические записки. 1858. Т. I. № 6. Стб. 185.

Георгий Гемист Плифон. О том, чем различаются Аристотель и Платон (Часть 1) / Пер. с греч. Татьяны Сениной (монахини Кассии), коммент. О. Ноговицина и Т. Сениной (монахини Кассии) // ESSE. Философские и теологические исследования. 2019. Т. 4 (1). С. 327-350.

Георгий Гемист Плифон. Речи о реформах / Пер. и пред. Б.Т. Горянова // ВВ. 1953. Т. 6. С. 386-414.

Георгий Сфрандзи. Хроника / Пер. и прим. Е.Д. Джагацпанян // Кавказ и Византия. Т.5. 1987. С.156-251.

Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры / Сост.,

пер. с древнегреч., комм. К.И. Лобовиковой; общ. и науч. ред. Д.А. Поспелова. Самарканд, 2009.

Гукова С.Н. К вопросу об источниках географического трактата Плифона // ВВ. 1983. Т. 44. С. 88-94.

Иероним Стридонский, блаженный. Письмо LVII к Паммахию о наилучшем способе перевода / Пер. с лат., вступление Н.Л. Холмогоровой // Альфа и Омега. 1995. № 4 (7). С. 173-186.

Лоренцо Валла. Об истинном и ложном благе. О свободе воли / Отв. ред. А.Х. Горфункель. М., 1989.

Макьявелли Н. История Флоренции / Под ред. В.И. Рутенбурга. М., 1987.

Медведев И.П. Болонская грамота Виссариона Никейского в архиве ЛОИИ СССР АН СССР // ВВ. 1986. Т. 47. С. 134-144.

Медведев И.П. Константинополь в сравнении с Римом: взгляд Мануила Хрисолоры // ВВ. 2005. Т. 64 (89). С. 316-334.

Медведев И.П. Уникальный архивный документ за подписью Виссариона Никейского // ВВ. 1986. Т. 46. С. 157-163.

Медведев И.П., Гаврилов А.К. Речь Виссариона Никейского на Мантуанском Соборе о падении Константинополя // ВВ. 2004. Т. 63 (88). С. 292-317.

Петрарка Ф. Письма / Пер. в лат., комм. В.В. Библихина. СПб., 2004.

Полное собрание русских летописей. СПб., 1951. Т. V; 1856. Т. VII.

Пребывание Мазариса в подземном царстве / Пер. С.П. Кондратьева; пред. и коммент. Т.М. Соколовой // ВВ. 1958. Т. 14. С. 318-357.

Регель В. Хрисовулл императора Андрея Палеолога 13 апреля 1483 г. // ВВ. 1894. Т. I. С. 151-158.

Рязанов П.А. Речи Димитрия Халкокондила о значении греческой словесности (из истории греческих штудий в ренессансной Италии) // СВ. 2014. Вып. 75 (1-2). С. 216-235.

Сильвестр Сирупул. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438-1439) в 12 частях / Пер. с греч., комм. диакона А. Занемонца. СПб., 2010.

Сказания князя Курбского / Под ред. Н.Г. Устрялова. СПб., 1868.

Соловьев С.В. Материалы о приглашении Мануила Хризолора во Флоренцию для преподавания греческого языка // Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII веков / Под ред. Н.В. Ревякиной и др. Иваново, 1995. С. 136-141.

[Сочинение] *Георгия Трапезундского*, Эмиру в то время, когда он захватил [град] Константина / Пер. с др.-греч. К.И. Лобовиковой под ред. Д.А. Поспелова // *Камень веры. Духовное наследие Христианства и Ислама*. М., 2011. Т. 1. С. 104-167.

Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.) / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 1985.

Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. В 3-х частях. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1910-1911.

Трактат Николая Кавасилы “О беззаконных дерзостях архонтов в отношении священных [имуществ]” (Пер. с греч. П.В. Кузенкова под ред. М.В. Грацианского) // ВВ. 2012. Т. 71 (96). С. 246-285.

Филитт де Коммин. Мемуары / пер., ст., прим. Ю.П. Малинина. М., 1986.

Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.). М., 1985.

Шабига И.Ю. Трактат Леонардо Бруни “О правильном переводе” // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 1. С. 27-65.

Литература

Azzini E. Domizio Calderini e la *Recognitio tabularum Ptolemaei*. Indagini critiche e paratestuali sulla prima edizione romana della *Cosmographia* (1478). Tesi di Dottorato in Archivistica, Bibliografia e Biblioteconomia. Università degli Studi di Firenze, 2010.

A Catalogue of Books Printed in the Fifteenth Century now in the Bodleian Library, Oxford / by A. Coates, K. Jensen, C. Dondi, B. Wagner and H. Dixon. 6 vols. Oxford, 2005.

Abenstein C. Die Basilius-Übersetzung des Georg von Trapezunt in ihrem historischen Kontext. Berlin-Boston, 2014.

Adams M. Teaching Classics in English Schools, 1500-1840. Newcastle upon Tyne, 2015.

Agostini G. *degli*. Notizie storico-critiche intorno la vita e le opere degli scrittori viniziani. 2 t. Venezia, 1752.

Alexander K.R. Honor, Reputation, and Conflict: George of Trebizond and Humanist Acts of Self-Presentation. PhD diss., University of Kentucky. 2013.

Amendola D. Plethon's *Opuscula de historia Graeca* and Bruni's *Commen-*

tarium rerum Graecarum: Rewriting Greek History Between the Byzantine and the Latin Renaissance // Georgios Gemistos Plethon: The Byzantine and the Latin Renaissance / Ed. J. Matula, P.R. Blum. Olomouc, 2014. P. 323-351.

Anastos M. Pletho, Strabo and Columbus // *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves*. 1953. Vol. 12. P. 1-18.

Anastos M. Pletho and Strabo on the Habitability of The Torrid Zone // *Byzantinische Zeitschrift*. 1951. Bd. 44. P. 7-10.

Anastos M.V. Pletho's Calendar and Liturgy // *DOP*. 1948. Vol. 4. P. 183-305.

Andreeva M.A. Zur Reise Manuels II. Palaiologos nach Westeuropa // *Byzantinische Zeitschrift*. 1934. Bd. 34. S. 37-47.

Aristoteles graecus. Die griechischen Manuskripte des Aristoteles, untersucht und beschrieben von Paul Moraux, Dieter Harlfinger, Diether Reinsch, Jürgen Wiesner. Bd. I: Alexandrien-London. Berlin-New York, 1976.

Arnesano D. San Nicola di Casole e la cultura greca in terra d'Otranto nel Quattrocento // *La conquista turca di Otranto (1480) tra storia e mito*. Galatina 2008. Vol. 1. P. 107-140.

Bandini A.M. *Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae Mediceae Laurentianae*. *Catalogus codicum Graecorum Bibliothecae Laurentianae*. 3 vols. Florentiae, 1764-1770.

Bandini M. Contributi all'identificazione di codici greci appartenuti a Guarino Veronese // *Studi classici e orientali*. 1994. Vol. 44. P. 395-398.

Badini Confalonieri A., Gabotto F. Notizie biografiche di Demetrio Calcondila // *Giornale ligustico di archeologia, storia e letteratura*. 1892. Anno 19. P. 241-298; 321-336.

Balivet M. Pour une concord islamo-chrétirrne. Démarches byzantines et latines à la fin du Moyen-Âge (de Nicolas de Cues à George de Trébizonde). Roma, 1997.

Ballistreri G. Bonaccorso da Pisa // *DBI*. 1969. Vol. 11. P. 464-465.

Barbour H. The Byzantine Thomism of Gennadios Scholarios and his Translation of the Commentary of Armandus de Bellovisu on the "De Ente et Essentia" of Thomas Aquinas. Città del Vaticano, 1993.

Barker N. Aldus Manutius and the Development of Greek Script and Type in the Fifteenth Century. New York, 1992.

Baxandall M. Giotto and the Orators: Humanist Observers of Painting in Italy and the Discovery of Pictorial Composition, 1350-1450. Oxford, 1971.

Bellis D. de. La vita e l'ambiente di Niccolo Leonico Tomeo // *Quaderni per la storia dell' Università di Padova*. 1980. Vol. 13. P. 37-75.

- Belloni C.* Lettere greche inedite di Marco Musuro (cod. Ambr. D 137 suss. 41-41bis) // *Aevum*. 2002. Anno 76. Fasc. 3. P. 647-679.
- Berns T.* Construire un idéal venitien de la constitution mixte a la Renaissance: L'enseignement de Platon par Trebizonde // *Le gouvernement mixte de l'idéal politique au monstre onstitutionnel en Europe (XIIIe-XVIIe siècle)* / Éd. M. Gaille-Nikodimov. Saint-Etienne, 2005. P. 25-38.
- Berschin W.* Greek letters and the Latin Middle Ages: from Jerome to Nicholas of Cusa. Washington, 1988.
- Bernardi I.* Pierpaolo Vergerio il Seniore ed Emanuele Crisolora // *Archivio storico italiano*. Ser. III. 1876. T. XXIII. P. 176-180.
- Berschin W.* Traduzioni dal greco in latino (secoli IV-XIV) // *I Greci: storia, cultura, arte, società*. Turin, 2001. Vol.3: Greci oltre la Grecia. P. 1023-1033.
- Bertalot L.* Studien zum italienischen und deutschen Humanismus. 2 vols. Roma, 1975.
- Berté M., Rizzo S.* Le Senili mediche // *Petrarca e la medicina: atti del convegno di Capo d'Orlando, 27-28 gennaio 2003* / a cura di M. Berté, V. Fera e T. Pesenti, Messina, 2006. P. 247-379.
- Berti E.* A proposito di alcuni codici greci in relazione con Manuele Crisolora e con Leonardo Bruni // *Studi Classici e Orientali*. 1995. Vol. 45. P. 281-296.
- Bevegni C.* Teodoro Gaza traduttore del *Maxime cum principibus philosopho esse disserendum* di Plutarco: primi appunti di un'edizione critica con particolare riguardo alla lettera dedicatoria ad Andrea Bussi // *Mosaico. Studi in onore di Alberto Albini* / a cura di S. Feraboli. Genova, 1993. P. 33-42.
- Bianca C.* Byzantines at Rome in the Fifteenth Century // *Essays in Renaissance Thought and Letters: In Honor of John Monfasani* / Ed. A. Frazier, P. Nold. Leiden, Boston, 2015. P. 3-11.
- Bianca C.* Byzantines at Rome in the Fifteenth Century // *Essays in Renaissance Thought and Letters: In Honor of John Monfasani* / Ed. A. Frazier, P. Nold. Leiden, Boston, 2015. P. 3-11.
- Bianca C.* "Graeci", "Graeculi", "Quirites": A proposito di una contesa nella Roma di Pio II // *Filologia umanistica*. Per Gianvito Resta / a cura di V. Fera, G. Ferrau. Padua, 1997. P. 141-163.
- Bianca C.* La formazione della biblioteca latina del Bessarione // *Scrittura, biblioteche e stampa a Roma nel Quattrocento*. Città del Vaticano, 1980. P. 103-165.
- Bianca C.* Gaza, Teodoro // *DBI*. 1999. Vol. 52. P. 737-746.
- Bianca C.* Tradurre nel Quattrocento: le "Epistolae" dello pseudo Bruto //

- Il Cannocchiale. 1994. Vol. 1-2. P. 51-56.
- Bianconi D.* Un nuovo codice appartenuto a Manuele Crisolora (Pal. Heid. gr. 375) // *Segno e Testa*. 2013. Vol. 11. P. 375-386.
- Bigi E.* Aurispa, Giovanni // *DBI*. 1962. Vol. 4. P. 593-595.
- Bigi E.* Callisto, Andronico // *DBI*. 1961. Vol. 3. P. 162-163.
- Bisaha N.* *Creating East and West: Renaissance Humanists and the Ottoman Turks*. Philadelphia, 2004.
- Bloch D.* James of Venice and *Posterior Analytics* // *Cahiers de l'Institut du Moyen Âge Grec et Latin*. 2008. Vol. 78. P. 37-50.
- Blum W.* Georgios Gemistos Plethon: Politik, Philosophie und Rhetorik im spätbyzantinischen Reich (1355-1425). Stuttgart, 1988.
- Bolgar R.R.* *The Classical Heritage and Its Beneficiaries*. Cambridge, 1954.
- Botley P.* *Latin Translation in the Renaissance. The Theory and Practice of Leonardo Bruni, Gianozzo Manetti, Erasmus*. Cambridge, 2004.
- Botley P.* *Learning Greek in Western Europe, 1396-1529: Grammars, Lexica, and Classroom Texts*. Philadelphia, 2010.
- Bottaro F.* *Studium Paduanum e Ducale Dominium nel lungo Quattrocento* [Tesi di dottorato]. Padova, 2010.
- Brown A.* Platonism in Fifteenth-Century Florence and Its Contribution to Early Modern Political Thought // *Journal of Modern History*. 1986. Vol. 58. № 2. P. 383-413.
- Brown Wicher H.* Gregorius Nyssenus // *CTC*. Vol. V. P. 77-135.
- Brucker G.A.* *Florence and its University, 1348-1434 // Action and Conviction in Early Modern Europe* / Ed. T.K. Rabb, J.E. Seigel. Princeton, 1969. P. 220-236.
- Beullens P., Gotthelf A.* Theodore Gaza's Translation of *De Animalibus* // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 2007. Vol. 47. P. 469-513.
- Botley P.* *Renaissance Scholarship and the Athenian Calendar // Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 2006. Vol. 46. P. 395-431.
- Brown A.M.* *The Humanist Portrait of Cosimo de' Medici, Pater Patriae // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1961. Vol. 24, No. 3/4. P. 186-221.
- Burke E.C.* *Surviving exile: Byzantine families and the Serenissima 1453-1600 // Wanted: Byzantium. The Desire for a Lost Empire* / Ed. I. Nilsson, P. Stephenson. Uppsala 2014. P. 109-132.
- Burke E.C.* "To Live Under the Protection of Your Serenity": Immigration and Identity in Early Modern Venice // *Studi Veneziani*. 2013. Vol. 67. P. 123-155.

- Burke E.C.* The Greeks of Venice, 1498–1600: Immigration, Settlement, and Integration. Turnhout, 2016.
- Burri R.* Die “Geographie” des Ptolemaios im Spiegel der griechischen Handschriften. Berlin-Boston, 2013.
- Calboli Montefusco L.* Ciceronian and Hermogenean Influences on George of Trebizond’s *Rhetoricorum libri V* // *Rhetorica*. 2008. Vol. 26. P. 139-164.
- Calderini A.* Ricerche intorno alla biblioteca e alla cultura greca di Francesco Filelfo // *Studi italiani di Filologia Classica*. 1913. Vol. 20. P. 204-424.
- Camozzi Pistoja A.* The *Oneirocriticon* of *Achmet* in the West. A Contribution towards an Edition of Leo Tuscus’ Translation // *Studi medievali*. 2014. Vol. 55. P. 719-758.
- Cammelli G.* Andronico Callisto // *La Rinascita*. 1942. Anno V. No. 23. P. 104-121; No. 24. P. 174-214.
- Cammelli G.* Calcondiliana: correzioni alla biografia di Demetrio Calcondila // *Miscellanea Giovanni Mercati*. 1946. Pt. III. P. 252-272.
- Cammelli G.* I dotti bizantini e le origini dell’umanesimo Firenze, 1941: I. Manuele Crisolora; 1941: II. Giovanni Argiropulo; 1954: III. Demetrio Calcondila.
- Campana L.* Vettor Fausto (1490-1546), Professor of Greek at the School of Saint Mark // *Teachers, Students, and Schools of Greek in the Renaissance* / Ed. F. Ciccolella, L. Silvano. Leiden; Boston, 2017. P. 311-341.
- Canart P.* Pour une étude du scriptorium de Michel Apostolès et consorts // *Scriptorium*. 1953. Vol. 7. P. 290-297.
- Canart P.* Scribes grecs de la Renaissance // *Scriptorium*. 1963. Vol. 17. No. 1. P. 56-82.
- Carretto G.E.* Bessarione e il Turco // *Bessarione e l’Umanesimo*. Catalogo della mostra / a cura di G. Fiaccadori. Napoli, 1994. P. 261-274.
- Cariou M.* A propos d’un manuscrit de Nicolò Leonico Tomeo, le modèle de l’édition princeps du *Lapidaire orphique* // *Scriptorium*. 2014. Vol. 68. P. 49-78.
- Cariou M.* Constantin Lascaris et les *Haliéutiques* d’Oppien de Cilicie: du brouillon à l’édition // *Revue d’histoire des textes*. 2015. Vol. 10. P. 25-48.
- Cataldi Palau A.* *Studies in Greek Manuscripts*. 2 vols. Spoleto, 2008. Vol. I.
- Cataldi Palau A.* I manoscritti di Manuele Crisolora: Un nuovo codice con ‘titolo bilingue’? // *Studies in Greek Manuscripts*. Spoleto, 2008. Vol. I. P. 187-195.
- Cataldi Palau A.* La vita di Marco Musuro alla luce di documenti e manoscritti // *Italia Medioevale e Umanistica*. 2004. Vol. 45. P. 295-369.

- Catalogue of Books Printed in the XVth Century Now in the British Museum / Ed. A. Pollard, V. Scholderer, G. Painter. 10 pts. London, 1908-1971. Lithographic reprint: London, 1963 (8 pts.), 1967 (9 pt.), 1971 (10 pt.)
- Catalogus Translationum et Commentariorum. Mediaeval and Renaissance Latin Translations and Commentaries: Annotated Lists and Guides / Ed. P.O. Kristeller, F.E. Cranz, V. Brown, G. Dinkova-Bruun. Washington, 1960-. Vol. I-XI.
- Cecchini G.* Anna Notara Paleologa – una principessa greca in Italia e la politica senese di ripopolamento della Maremma // *Bollettino Senese di Storia Patria*. 1938. An. 9. P. 1-41.
- Centanni M.* La biblioteca di Andronico Callisto. Primo inventario di manoscritti greci // *Atti e Memorie dell' Accademia Patavina. Classe de scienze morali*. 1984-1985. Vol. 97. P. 201-223.
- Ceresa M.* Lascaris, Costantino // *DBI*. 2004. Vol. 63. P. 781-785.
- Ceresa M.* Lascaris, Giano // *DBI*. 2004. Vol. 63. P. 785-791.
- Cerezo Magán M.* Juan Fernandez de Heredia y Plutarco. *Las Vidas Paralelas* // *Scriptura (Translatio & Compilatio en la Baja Edad Media)*. 2016. N. 23-25. P. 121-153.
- Cesare Zeno de.* Le traduzioni latine del Pluto di Aristofane nel XV secolo: Rinuccio di Arezzo, Leonardo Bruni e Pietro da Montagnana. Tesi di Dottorato in Filologia Latina (Università degli Studi di Parma). 2005.
- Chatzopoulou V.* L'étude de la production manuscrite d'un copiste de la Renaissance au service de l'histoire des textes: le cas du Crétois Zacharie Calliergis // *Revue d'Histoire des Textes*. 2017. N.S. T. VII. P. 1-36.
- Chandelier J.* Niccolò da Reggio // *DBI*. 2013. Vol. 78. P. 423-425.
- Ciccolella F.* Donati Graeci. Learning Greek in the Renaissance. Leiden-Boston, 2008.
- Ciccolella F.* The Greek Donatus and the Study of Greek in the Renaissance // *International Journal of the Classical Tradition*. 2005. Vol. 12. No. 1. P. 1-24.
- Cioni A.* Bissoli, Giovanni // *DBI*. 1968. Vol. 10. P. 701-703
- Clarke P., Giuffrida E.* Aggiornamenti su Anna Notara e sulla sua famiglia a Venezia // *Thesaurismata*. 2014. Vol. 44. P. 109-150.
- Classen C.J.* The Rhetorical Works of George of Trebizond and Their Debt to Cicero // *Journal of the Warburg and Courtauld Institute*. 1993. Vol. 56. P. 75-84.

- Cohen-Skalli A.* De Byzance à Messine: les *Vitae Siculorum* de Constantin Lascaris, leur genèse et leur tradition // *Revue d'histoire des textes*. 2014. T. 9. P. 79-116.
- Copenhaver B.P.* Translation, Terminology and Style in Philosophical Discourse // *The Cambridge History of Renaissance Philosophy* / Ed. Ch.B. Schmitt. Cambridge, 1988. P. 77-110.
- Coppini D.* Marullo Tarcaniota, Michele // *DBI*. 2008. Vol. 71. P. 397-406.
- Cortesi M.* Greek at the School of Vittorino da Feltre // *Teachers, Students, and Schools of Greek in the Renaissance* / Ed. F. Ciccolella, L. Silvano. Leiden; Boston, 2017. P. 54-78.
- Cortesi M.* Il “Vocabularium” Greco di Giovanni Tortelli // *Italia medioevale e umanistica*. 1979. Vol. 22. P. 449-483.
- Cortesi M.* La tecnica del tradurre presso gli umanisti // *The classical tradition in the Middle Ages and the Renaissance* / Ed. C. Leonardi, B. Munk Olsen. Spoleto 1995. P. 143-168.
- Cranz F.E.* Alexander Aphrodisiensis // *CTC*. Vol. 1. P. 77-135.
- Cutler A.* From Loot to Scholarship: Changing Modes in the Italian Response to Byzantine Artifacts, ca. 1200 – 1750 // *DOP*. 1995. Vol. 49. P. 237-267.
- d'Alverny M.-Th.* Translations and Translators // *Renaissance and Renewal in the Twelfth Century* / Ed. R. Benson, G. Constable, Lanham C. Toronto, Buffalo, London, 1999. P. 421-462.
- Dedes D.* Die wichtigsten Gründe der Apostasie des Georgios Gemistos (Plethon) // *Φιλοσοφία*. 1985-86. T. 15-16. Σ. 352-375.
- Del Soldato E.* Illa litteris Graecis abdita: Bessarion, Plato, and the Western World // *Translatio Studiorum: Ancient, Medieval and Modern Bearers of Intellectual History* / Ed. M. Sgarbi. Leiden, 2012. P. 109-122.
- Demetracopoulos J.A.* Demetrius Cydones' Translation of Bernardus Guidonis' List of Thomas Aquinas' Writings and the Historical Roots of Byzantine Thomism // *1308: Eine Topographie historischer Gleichzeitigkeit* / Hrsg. von A. Speer, D. Wirmer. Berlin; New York, 2010. P. 829-881.
- Demetracopoulos J.A.* Manuel Calecas' Translation of Boethius' *De Trinitate*. Introduction, New Critical Edition, Index Latinograecitatis // *Synthesis Philosophica*. 2005. Vol. 39 (1). P. 85-118.
- den Haan A.* Giannozzo Manetti's New Testament Translation Theory and Practice in Fifteenth-Century Italy. Leiden-Boston, 2016.
- Denissoff E.* Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris; Louvain, 1943.
- Derenzini G.* Tolomeo tra antico e nuovo: una miniatura del codice Marc. gr.

- Z. 388 // Bisanzio e l'Occidente. Arte, archeologia, storia. Studi in onore di Fernanda de' Maffei / a cura di C. Barsanti. Roma, 1996. P. 559-573.
- Derrett J.D.M.* Gemistus Plethon, the Essenes, and More's Utopia // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1965. Vol. 27. P. 579-606.
- Dijkstra R.* Musurus' Homeric Ode to Plato and His Requests to Pope Leo X // Akroterion. 2015. Vol. 60. P. 33-63.
- Diller A.* The Autographs of Georgius Gemistus Pletho // Scriptorium. 1956. Vol. 10. P. 27-41.
- Diller A.* The Greek Codices of Palla Strozzi and Guarino Veronese // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1961. Vol. 24. N. 3/4. P. 313-321.
- Diller A.* The Textual Tradition of Strabo's Geography: with appendix: the manuscripts of Eustathius' commentary on Dionisius Periegetes. Amsterdam, 1975.
- Diller A.* Three Greek scribes working for Bessarion: Trivizias, Callistus, Hermonymus // Italia Medioevale e Umanistica. 1967. Vol. 10. 403-410.
- Donnet D.* Théodore de Gaza et Apollonius Dyscole: sur un problème de sources // L'antiquité classique. 1979. T. 48, fasc. 2. P. 619-629.
- Donnet D.* Théodore de Gaza. Introduction à la Grammaire. Livre IV: à la recherche des sources byzantines // Byzantion. 1979. Vol. 49. P. 133-155.
- Eleuteri P.* Francesco Filelfo copista e possessore di codici greci // Paleografia e codicologia greca (Atti del II Colloquio internazionale Berlino-Wolfenbüttel, 17-20 ottobre 1983) / Ed. D. Harlfinger, G. Prato Alessandria, 1991. Vol. I. P. 163-179.
- Eleuteri P.* Musaeus // CTC. Vol. X. P. 166-238.
- Fabiano C.* Pier Candido Decembrio traduttore d'Omero // Aevum. 1949. Vol. 23. P. 36-51.
- Falzone P.* Pilato, Leonzio // DBI. 2005. Vol. 64. P. 630-635.
- Fanelli V.* I libri di messer Palla di Nofri Strozzi (1372-1462) // Convivium. 1949. Vol. I. P. 57-73.
- Fantuzzi G.* Notizie degli scrittori bolognesi. Bologna. 1782. Vol. II.
- Fedalto G.* Simone Atumano, ein kaum bekannter Humanist // Der Beitrag der Byzantinischen Gelehrten zur abendländischen Renaissance des 14. und 15. Jahrhunderts / Hrsg. E. Konstantinou. Frankfurt am Main, Berlin, N.Y., 2006. P. 57-68.
- Fedalto G.* Simone Atumano monaco di studio, arcivescovo latino di Tebe, secolo XIV. Brescia, 1968.
- Feld M.D.* Sweynheym and Pannartz, Cardinal Bessarion, Neoplatonism:

- Renaissance Humanism and Two Early Printers' Choice of Texts // Harvard Library Bulletin. 1982. Vol. 30. P. 282-335.
- Ferreri L.* Musuro “trasmettitore di testi”. Qualche considerazione // Sborník Národního Muzea v Praze. 2012. P. 11-25.
- Ferreri L., Speranzi D.* Un'edizioni falsamente attribuita al Ginnasio Greco ps. *Cebetis Tabula et alia opuscula* // Le prime edizioni greche a Roma (1510-1526) / a cura di C. Bianca, S. Dalle Donne, L. Ferreri e A. Gaspari. Turnhout, 2017. P. 295-334.
- Ferri F.* Una contesa di tre umanisti: Basinio, Porcellio e Seneca. Contributo alla storia degli studi greci nel quattrocento in Italia. Pavia, 1920.
- Fiaschi S.* Aelianus Tacticus // CTC. Vol. X. P. 128-163.
- Field A.* The Origins of the Platonic Academy of Florence. Princeton, N.Y., 1988.
- Firmin-Didot A.* Alde Manuce et l'hellénisme à Venise. Paris, 1875.
- Fisher E.A.* Planoudes, Holobolos, and the Motivation for Translation // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 2002/3. Vol. 43. P. 77-104.
- Forner F.* Pizzicolti, Ciriaco de' // DBI. 2015. Vol. 84. P. 361-364.
- Fortuna S.* Niccolò Leonico Tomeo e Galeno: manoscritti, edizioni e traduzioni // Storia della tradizione e edizione dei medici greci. Atti del VI Colloquio internazionale, Paris 12-14 aprile 2008. Napoli, 2010. P. 323-336.
- Fortuna S.* I Procedimenti anatomici di Galeno e la traduzione latina di Demetrio Calcondila // Medicina nei Secoli. 1999. Vol. 11. P. 9-28.
- Fortuna S.* The prefaces to the medical translations of the first humanists // Traditio. 2007. Vol. 62. P. 317-335.
- Fryde E.* The Early Palaeologan Renaissance (1261 – c. 1360). Leiden, 2000.
- Gaeta F.* Giorgio di Trebisonda. Le “Leggi” di Platone e la costituzione di Venezia // Bollettino dell'Istituto storico italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano. 1970. Vol. 82. P. 479-501.
- Gamba E.* Un nuovo manoscritto copiato da Niccolò Leonico Tomeo (Par. gr. 1833). Appunti per la ricostruzione della sua biblioteca // Eikasmos: Quaderni Bolognesi di Filologia Classica. 2014. Vol. 25. P. 329-360.
- Gamillscheg E., Harlfinger D., Eleuteri P.* Repertorium der griechischen Kopisten 800-1600. 3 bde. Wien, 1981-1997.
- Ganchou Th.* Géorgios Scholarios, “secrétaire” du patriarche unioniste Grégorios Mammas? Le mystère résolu // Le Patriarcat oecuménique de Constantinople aux XIVe-XVe siècles : rupture et continuité. Paris, 2007 (Dossiers byzantins 7). P. 117-194.

- Ganchou Th.* Giacomo Badoer et kyr Théodôros Batatzès, “chomercier di pesi” à Constantinople (flor. 1401-1449) // *Revue des Études Byzantines* 2003. Vol. 61. P. 49-95.
- Ganchou Th.* Hélène Notara Gatelioussaina d'Ainos et le Sankt Peterburg Bibl.Publ.gr. 243 // *Revue des études byzantines*. 1998. T. 56. P. 141-168.
- Ganchou Th.* Le rachat des Notaras après la chute de Constantinople ou les relations “étrangères” de l’élite byzantine au XVe siècle // *Migrations et Diasporas Méditerranéennes (X-XVI Siècles)* / Ed. M. Balard; A. Ducellier. Paris, 2002. P. 149-229.
- Ganchou Th.* Les ultimae voluntates de Manuel et Iôannès Chrysolôras et le séjour de Francesco Filelfo à Constantinople // *Bizantinistica*. 2005. Vol. VII. P. 195-285.
- Garin E.* Il pensiero pedagogico dell' Umanesimo. Firenze, 1958.
- Garin E.* Il platonismo come ideologia della sovversione europea. La polemica antiplatonica di Giorgio Trapezunzio // *Studia Humanitatis: Ernesto Grassi zum 70. Geburtstag / Hrsg. von E. Hora und E. Kessler*. München, 1973. S. 113-120.
- Garin E.* La cultura filosofica del Rinascimento italiano: ricerche e documenti. Firenze, 1961.
- Garin E.* Le traduzioni umanistiche di Aristotele nel secolo XV // *Atti e memorie dell' Accademia fiorentina di scienze morali “La Colombaria”*. 1951. Vol. 16. P. 55-104.
- Garin E.* Storia della filosofia italiana, 3 vol. Turin, 1966. Vol. 1; *History of Italian Philosophy*. Amsterdam-N.Y., 2008 (eng. trans.).
- Garcia Novo E.* Pietro d'Abano y su traducción del tratado de Galeno *De inaequali intemperie* // *Φίλου σκιά*. Vol. 2007. P. 223-234.
- Garnsey P.* Gemistus Plethon and Platonic political Philosophy // *Transformations of Late Antiquity: Essays for Peter Brown* / Ed. P. Rouseau and M. Papoutsakis. Farnham, 2009. P. 327-340.
- Garnsey P.* *Thinking about Property: From Antiquity to the Age of Revolution*. Cambridge, 2007.
- Gasquet (cardinal).* *Cardinal Pole and his early friends*. London, 1927.
- Gautier Dalché P.* L'oeuvre géographique du cardinal Fillastre (†1428): Représentation du monde et perception de la carte à l'aube des découvertes // *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du moyen âge*. 1992. T. 58. P. 319-344.
- Gautier Dalché P.* Le souvenir de la ‘Géographie’ de Ptolémée dans le

monde latin médiéval (VIe-XIVe siècles) // Euphrosyne. 1999. Vol. 27. P. 79-130.

Gautier Dalché P. The Reception of Ptolemy's *Geography* (End of the Fourteenth to Beginning of the Sixteenth Century) // *Cartography in the European Renaissance* / Ed. D. Woodward. Chicago, 2007. Vol. 3. Pt. 1. P. 286-364.

Geanakoplos D.J. Byzantine East and Latin West: two Worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance. *Studies in Ecclesiastical and Cultural History*. Oxford, 1966.

Geanakoplos D.J. Constantinople and the West: Essays on the Late Byzantine (Palaeologan) and Italian Renaissances and the Byzantine and Roman Churches. Madison, 1989.

Geanakoplos D.J. Greek scholars in Venice. *Studies in the dissemination of Greek learning from Byzantium to Western Europe*. Cambridge, 1962.

Geanakoplos D.J. Interaction of the "Sibling" Byzantine and Western Cultures in the Middle Ages and Italian Renaissance (330-1600). New Haven; London, 1976.

Gentile S. Alberti, Regiomontano e la *Geographia* di Tolomeo, in Leon Battista Alberti teorico delle arti e gli impegni civili del "De re aedificatoria" // *Atti del Convegno internazionale*. Firenze 2007. Vol. I. P. 117-141.

Gentile S. Emanuele Crisolora e la "Geographia" di Tolomeo // *Dotti bizantini e libri greci nell'Italia del secolo XV*. Atti del Convegno Internazionale. Trento, 22-23 ottobre 1990 / a cura di M. Cortesi e E.V. Maltese, M. D'Auria, Napoli, 1992. P. 291-308.

Gentile S. Sulle prime traduzioni dal greco di Marsilio Ficino // *Rinascimento*. 1990. II s. Vol. 50. P. 57-104.

Gentile S. Umanesimo e cartografia: Tolomeo nel secolo XV // *La cartografia europea tra primo Rinascimento e fine dell'Illuminismo*. Atti del Convegno Internazionale "The Making of the European Cartography" / a cura di D. Ramada Curto, A. Cattaneo, A.F. Almeida, Firenze, 2003. P. 3-18.

Gentile S. Umanesimo e scienza antica: la riscoperta di Tolomeo geografo // *Enciclopedia Italiana*. Il contributo italiano alla storia del pensiero. Scienze. Roma, 2013. P. 7-14.

Georgios Gemistos Plethon. *The Byzantine and the Latin Renaissance* / Ed. J. Matula and P.R. Blum. Olomouc, 2014.

Gilbert F. The Venetian Constitution in Florentine Political Thought // *Florentine Studies*. Politics and Society in the Renaissance Florence / Ed. N. Rubinstein. London, 1958. P. 463-500.

Glycofrydi-Leontsini A. Demetrius Cydones as a Translator of Latin Texts // *Porphyrogenita. Essays on the History and the Literature of Byzantium and the Latin East in Honour of J. Chrysostomides* / Ed. Ch. Dendrinou, J. Harris, E. Harvalia-Crook, J. Herrin. Aldershot, 2003. P. 175-185.

Göllner C. Legenden von der skythischen, trojanischen und kaukasischen Abstammung der Türken im 15. und 16. Jahrhundert // *Revue des Études Sud-Est Européennes*. 1977. T. 15. № 1. P. 49-61.

Grabmann M. Guglielmo di Moerbeke, il traduttore delle opere di Aristotele. Roma, 1946.

Green L.D., Murphy J.J. Renaissance Rhetoric Short-title Catalogue 1460-1700. Aldershot, 2006.

Grendler P.F. The Universities of the Italian Renaissance. Baltimore-London, 2004.

Griffiths G. Leonardo Bruni and the restoration of the University of Rome (1406) // *Renaissance Quarterly*. 1973 Vol. 26. P. 1-10.

Hankins J. Cosimo de' Medici and the "Platonic Academy" // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1990. Vol. 53. P. 144-162.

Hankins J. George of Trebizond, Renaissance Libertarian? // *Essays in Renaissance Thought and Letters. In Honor of J. Monfasani* / Ed. A. Frazier and P. Nold. Leiden-Boston, 2015. P. 87-106.

Hankins J. Humanism and Platonism in the Italian Renaissance. 2 vols. Roma, 2003-2004.

Hankins J. Plato in Italian Renaissance. 2 vols. Leiden, 1990.

Hankins J. Renaissance Crusaders: Humanist Crusade Literature in the Age of Mehmed II // *DOP*. 1995. Vol. 49. P. 111-207.

Hankins J. The Dates of Leonardo Bruni's Later Works (1437-1443) // *Studi medievali e umanistici*. 2007-2008. Vol. 5-6. P. 11-50.

Harlfinger D. Codices Cremonenses Graeci // *I manoscritti greci tra riflessione e dibattito: Atti del V Colloquio internazionale di paleografia greca, Cremona, 4-10 ottobre 1998* / a cura di G. Prato. Firenze, 2000. P. 763-769.

Harris J. Bessarion on Shipbuilding: A Re-interpretation // *Byzantinoslavica*. 1994. T. 55, № 2. P. 291-303.

Harris J. Byzantine refugees as crusade propagandists. The travels of Nicholas Agallou // *The Crusade in the Fifteenth Century: Converging and Competing Cultures* / Ed. N. Housley. Abingdon and New York, 2016. P. 34-46.

Harris J. Cardinal Bessarion and the Ideal State // *Der Beitrag der Byzantinischen Gelehrten zur Abendländischen Renaissance des 14. und 15. Jahrhunderts* / Hrsg. v. E. Konstantinou. Frankfurt am Main, 2006. P. 91-97.

- Harris J.* Common language and the common good: aspects of identity among Byzantine emigres in Renaissance Italy // *Crossing boundaries: Issues of cultural and individual identity in the Middle Ages and the Renaissance* / Ed. S. McKee. Turnhout, 1999. P. 189-202.
- Harris J.* Greek Emigres in the West, 1400 – 1520. Camberley, 1995
- Harris J.* Plato, Byzantium and the Italian Renaissance // *History Teaching Review*. 2005. Vol. 19. P. 11-16.
- Harris J.* When did Laskaris Kananos travel in the Baltic lands? // *Byzantion*. 2010. Vol. 80. P. 173-187.
- Harris J.A.* Worthless Prince? Andreas Palaeologus in Rome – 1464-1502 // *Orientalia Christiana Periodica*. 1995. Vol. 61. № 2. P. 537-554.
- Haskins C.H.* *Studies in the History of Medieval Science*. Cambridge, 1924.
- Hassiotis I.K.* Sull'organizzazioni, incorporazione sociale e ideologia politica dei Greci a Napoli (dal XV alla metà del XIX sec.) // *Επιστημονική Επετηρίδα της Φιλοσοφικής Σχολής του Αριστοτελείου Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης*. 1981. Τ. 20. Σ. 411-452.
- Hausmann F.R.* Demetrio Calcondila – Demetrio Castreno – Pietro Demetrio – Demetrio Guazzelli? // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1970. T. 32. P. 607-611.
- Hladký V.* Plato's Second Coming: An Outline of the Philosophy of George Gemistos Plethon. Unpublished PhD thesis. Pέθυμο-Praha-Pisa. 2005-2007.
- Hladký V.* *The Philosophy of Gemistos Plethon. Platonism in Late Byzantium, between Hellenism and Orthodoxy*. Farnham, 2014.
- Hodius H.* De Graecis illustribus linguae Graecae literarumque humaniorum instauratoribus / Ed. S. Jebb. Londini, 1742.
- Humanistes du bassin des Carpates II: Johannes Sambucus* / Ed. G. Almási and F.G. Kiss. Turnhout, 2014.
- Husner Fr.* Die Bibliothek des Erasmus // *Gedenkschrift zum 400. Todestage des Erasmus von Rotterdam* / Herausgegeben von der Historischen und Antiquarischen Gesellschaft zu Basel. Basel, 1936. S. 228-259.
- Iglesias Zoido J.C.* El *Tucidides* de Juan Fernández de Heredia (s. XIV): problemas planteados por la selección de los discursos // *Anuario de Estudios Filológicos*. 2005. Vol. 28. P. 131-147.
- Infelise M.* Manuzio, Aldo, il Vecchio // *DBI*. 2007. Vol. 69. P. 236-245.
- “Inter graecos latinissimus, inter latinos graecissimus”: Bessarion zwischen den Kulturen / Hrsg. von C. Kaiser, C. Märkl, T. Ricklin. Berlin, 2013.
- Ippolito P.* Una grammatica greca fortunata: gli “Erotemata” di Manuele

Moscopulo // *Rendiconti della Accademia di archeologia, lettere e belle arti di Napoli*. N.s. 1981. Vol. 56. P. 199-227.

Irmischer J. Bessarion als Griechische Patriot // *Miscellanea Marciana di Studi Bessarionei* (a coronamento del V centenario della donazione nicena) (Medioevo e Umanesimo, 24). Padova, 1976. P. 175-185.

Irmischer J. Theodoros Gazes als griechischer Patriot // *La parola del passato*. 1961. Vol. 78. P. 161-173.

Jaitner-Hahner U. Lilio Libelli // *DBI*. 2005. Vol. 65. P. 19-25.

Kaklamanis St. Giovanni Gregoropulo, copista di libri greci e collaboratore di Aldo Manuzio a Venezia // *Aldo Manuzio. La costruzione del mito / a cura di Mario Infelise*. Venezia, Marsilio, 2016. P. 105-125.

Kalatzi M. Georgios Hermonymos; a Greek Scribe and Teacher in Paris // *Patrons, Authors and Workshops: Books and Book Production in Paris around 1400 / Ed. G. Croenen and P. Ainsworth*. Louvain, 2006. P. 355-366.

Karayannis A.D. Georgios Gemistos-Plethon on Economic Policy // *Πρακτικά Διεθνούς Συνεδρίου αφιερωμένου στον Πλήθωνα και την εποχή του με τη συμπλήρωση 550 ετών από τον θάνατό του / επιμ. Λ. Μπενάκης, Χ. Μπαλόγλου* (Μυστράς 26-29 Ιουνίου 2002). Αθήνα –Μυστράς, 2003. Σ. 305-310.

Karamanolis G. Pletnon and Scholarios on Aristotle // *Byzantine philosophy and its ancient sources / Ed. K. Ierodiakonou*. Oxford, 2002. P. 253-282.

Keller A.G. A Byzantine Admirer of “Western” Progress: Cardinal Bessarion // *Cambridge Historical Journal*. 1955. Vol. 11. P. 343-348.

Keyser J.De. Francesco Filelfo and Francesco Sforza: critical edition of Filelfo's *Sphortias*, *De Genuensium deditone*, *Oratio parentalis*, and his polemical exchange with Galeotto Marzio. Hildesheim; Zürich; N.Y., 2015.

Kianka F. Demetrios Kydones and Italy // *DOP*. 1995. T. 49. P. 99-110.

Kianka F. Demetrius Cydones and Thomas Aquinas // *Byzantion*. 1982. Vol. 52. P. 264-286.

Kidwell C. Marullus. Soldier poet of the Renaissance. London, 1989.

King D.A. An Introduction to Ioannes Regiomontanus' Acrostic, Cardinal Basileios? Ioannes? Bessarion's Agenda, and Piero della Francesca's Enigma. [Preprints of the Institute for the History of Science, Johann Wolfgang Goethe University, Frankfurt am Main, 4th series, 2006. N. 2.]

King D.A. Astrolabes and Angels, Epigrams and Enigmas. From Regiomontanus' Acrostic for Cardinal Bessarion to Piero della Francesca's *Flagellation of Christ*. An essay inspired by two remarkable discoveries by Berthold Holzschuh. Stuttgart, 2007.

- King D.A., Turner G.L'E.* The Astrolabe Presented by Regiomontanus to Cardinal Bessarion in 1462 // *Nuncius*. 1994. Vol. 9 (1). P. 165-206.
- Klutstein I.* Oracula Chaldaica. Addenda et Corrigenda // *CTC*. Vol. VII. P. 326-329.
- Knös B.* Gémiste Pléthon et son souvenir // *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*. 1950. No. 9. P. 97-184.
- Knös B.* Un ambassadeur de l'hellénisme, Janus Lascaris, et la tradition gréco-byzantine dans l'humanisme français. Uppsala-Paris, 1945.
- Korhonen K.* On the Composition of the Hermeneumata Language Manuals // *Arctos*. 1996. Vol. 30. P. 101-119.
- Kristeller P.O.* Byzantine and Western Platonism in the Fifteenth Century // *Idem*. Renaissance Thought and Its Sources. New York, 1979. P. 150-163.
- Kristeller P.O.* Humanism // *The Cambridge History of Renaissance Philosophy* / Ed. Ch.B. Schmitt. Cambridge, 1988. P. 113-137.
- Kristeller P.O.* Italian Humanism and Byzantium // *Idem*. Renaissance Concepts of Man. New York, 1972. P. 64-85.
- Kristeller P.O.* Iter Italicum: a Finding List of Uncatalogued or Incompletely Catalogued Humanistic Manuscripts of the Renaissance in Italian and other Libraries. 6 vols. London-Leiden, 1963-1992.
- Kristeller P.O.* A Latin Translation of Gemistos Plethon's *De Fato* by Johannes Sophianos dedicated to Nicholas of Cusa // *Idem*. Studies in Renaissance Thought and Letters. Rome, 1993. Vol. 3. P. 21-38.
- Kristeller P.O.* Marsilio Ficino as a beginning student of Plato // *Scriptorium*. 1966. T. 20 (1). P. 41-54.
- l'Épinois H. de.* Notes extraites des Archives Communales de Compiègne // *Bibliothèque de l'École des Chartes*. 1863. T. 4. P. 471-499.
- Labowsky L.* Bessarion's Library and the Biblioteca Marciana: Six Early Inventories. Rome, 1979.
- Lamers H.* Greece Reinvented: Transformations of Byzantine Hellenism in Renaissance Italy. Leiden, 2016.
- Lee E.* Sixtus IV and Men of Letters. Roma, 1978.
- Lefranc A.* Histoire du Collège de France. Paris, 1893.
- Leone P.L. M.* Appunti su Teodoro Gaza // *Quaderni catanesi di cultura classica e medievale*. 1989. Vol. 1 (n. s.). P. 59-78.
- Lo Presti E.* La filosofia nel suo sviluppo storico: la prospettiva storiografica di Marsilio Ficino e l'influenza dei dotti bizantini Giorgio Gemisto Pletone e Giovanni Basilio Bessarione: Tesi di Dottorato. Università di Bologna, 2007.

- Lockwood D.P.* De Rinucio Aretino graecarum litterarum interprete // Harvard Studies in classical philology. 1913. Vol. XXIV. P. 51-119.
- Lockwood D.P.* Ugo Benzi, medieval philosopher and physician, 1376-1439. Chicago, 1951.
- Lowry M.* The World of Aldus Manutius: Business and Scholarship in Renaissance Venice. Oxford, 1979.
- Lummus D.* Boccaccio's Hellenism and the Foundations of Modernity // Mediaevalia. 2012. Vol. 33. P. 101-167.
- Mack Ch.R.* Looking at the Renaissance: Essays Toward a Contextual Appreciation. Ann Arbor, 2005.
- Mack P.* A History of Renaissance Rhetoric, 1380-1620. Oxford, 2011.
- Mack P.* Erasmus's Use of George Trapezuntius of Crete in *De conscribendis epistolis* // Essays in Renaissance Thought and Letters: In Honor of John Monfasani / Ed. A. Frazier, P. Nold. Leiden, Boston, 2015. P. 53-63.
- Magia, alchimia, scienza dal '400 al '700. L'influsso di Ermete Trismegisto = Magic, alchemy, and science 15th-18th centuries: the influence of Hermes Trismegistus / a cura di C. Gilly, C. van Heertum. 2 vols. Firenze, 2002. Vol. II.
- Malagola C.* Della vita e delle opere di Antonio Urceo detto Codro. Bologna, 1878.
- Malaguzzi Valeri F.* La corte di Lodovico il Moro. Le arti industriali, la letteratura, la musica. Milano, 1923.
- Malamut E.* Le monastère Saint-Jean-Prodrôme de Pétra de Constantinople // Le sacré et son inscription dans l'espace à Byzance et en Occident: études comparées / Ed. par M. Kaplan. Paris, 2001 (Byzantina Sorbonensia. Vol. 18). P. 219-233.
- Maltese E.V.* Pletone nell' Utopia di Thomas More? // Res Publica Litterarum. 1990. Vol. 13. P. 147-154.
- Maltese E.V.* Una storia della Grecia dopo Mantinea in età umanistica // Res Publica Litterarum. 1987. Vol. 10. P. 201-208.
- Manoussacas M.* Calceopulo, Attanasio // DBI. 1973. Vol. 16. P. 515-517.
- Manoussacas M.* La comunità greca di Venezia e gli arcivescovi di Filadelfia // La Chiesa greca in Italia dall'VIII al XVI secolo. Atti del Convegno storico interecclesiale (Bari 30 aprile – 4 maggio 1969). Padova, 1972-1973, Vol. I. P. 45-88.
- Manoussacas M.* Recherches sur la vie de Jean Plousiadénos (Joseph de Méthone) (1429?-1500) // Revue des Etudes Byzantines. 1959. T. 17. P. 28-51.
- Manselli R.* Il cardinale Bessarione contro il pericolo turco e l'Italia //

- Miscellanea Francescana. 1973. Vol. 73. P. 314-326.
- Marsh D.* Xenophon // CTC. Vol. VII. P. 75-196.
- Martinelli Tempesta S.* Nuovi codici copiati da Giovanni Scutariota (con alcune novità sul Teocrito Ambr. P 84 sup. e Andronico Callisto) // *Meminisse iuvat: studi in memoria di Violetta de Angelis / a cura di F. Boghini.* Pisa, 2012. P. 519-548.
- Martínez Manzano T.* Constantino Láscaris, semblanza de un humanista bizantino. Madrid, 1998.
- Martínez Manzano T.* Hacia la identificación de la biblioteca y la mano de Demetrio Ducas // *Byzantinische Zeitschrift.* 2009. Bd. 102. No. 2. P. 717-730.
- Martínez Manzano T.* Las retraducciones al griego clásico de Constantino Láscaris // *Hieronymus Complutensis.* Revista del Instituto universitario de lenguas modernas y traductores. 1995. Vol. II. P. 9-27.
- Martínez Manzano T.* Traducciones humanísticas de la escuela de Andrónico Calisto en Bolonia // *Studi Medievali e Umanistici.* 2009. Vol. 7. P. 101-131.
- Martínez Manzano T.* Un copista del lustro boloñés de Besarión: el Anonymus LY // Νέα ῥώμη. Rivista di ricerche bizantinistiche. 2013. Vol.10. P. 211-243.
- Masai Fr.* Pléthon et le Platonisme de Mistra. Paris, 1956.
- Matschke K.-P.* The Notaras Family and Its Italian Connection // *DOP.* 1995. T. 49. P. 59-72.
- Mavroudi M.* Translations from Greek into Latin and Arabic during the Middle Ages: Searching for the Classical Tradition // *Speculum.* 2015. Vol. 90. No.1. P. 28-59.
- Mercken H.P.F.* Robert Grosseteste's Method of Translating: A Medieval Word Processing Programme? // *Tradition et traduction: les textes philosophiques et scientifiques grecs au moyen age latin.* Hommage a Fernand Bossier / Ed. R. Beyers, J. Brams et al. Louvain, 1999. P. 323-370.
- Matula J.* John Argyropoulos and his Importance for the Latin West // *Acta Universitatis Palackianae Olomucensis, Facultas Philosophica, Philosophica.* 2006. Vol. VII. P. 45-62.
- Mercati G.* Codici latini Pico Grimani Pio: e di altra biblioteca ignota del secolo XVI esistenti nell'Ottoboniana e i codici greci Pio di Modena con una digressione per la storia dei codici di S. Pietro in Vaticano. Città del Vaticano, 1938.
- Meserve M.* Patronage and Propaganda at the First Paris Press: Guillaume Fichet and the First Edition of Bessarion's Orations against the Turks // *Papers of the Bibliographical Society of America.* 2003. Vol. 97 (4). P.

521-588.

Michalopoulos A.N. Ovid in Greek: Maximus Planudes' translation of the double Heroides // *Classica et Mediaevalia*. 2003. Vol. 54. P. 359-374.

Minio-Paluello L. Iacobus Veneticus Grecus: Canonist and Translator of Aristotle // *Traditio*. 1952. Vol. 8. P. 265-304.

Mioni E. Bessarione scriba e alcuni suoi collaboratori // *Miscellanea Marciana di studi bessarionei*. Padua, 1976. P. 263-318.

Mioni E. Bombace, Paolo // *DBI*. 1969. Vol. 11. P. 373-376.

Mioni E. Calliergi, Zaccaria // *DBI*. 1973. Vol. 16. P. 750-753.

Mioni E. I manoscritti di Strabone della Biblioteca Marciana di Venezia // *Bisanzio e l'Italia: Raccolta di studi in memoria di Agostino Pertusi*. Milano, 1982. P. 272-273.

Montanans J. George of Trebizond: A Biography and a Study of his Rhetoric and Logic. Leiden, 1976.

Monfasani J. A tale of two books: Bessarion's *In Calumniatorem Platonis* and George of Trebizond's *Comparatio Philosophorum Platonis et Aristotelis* // *Renaissance studies*. 2008. Vol. 22. P. 1-15.

Monfasani J. Bessarion Latinus // *Rinascimento*. 1981. Vol. 21. P. 165-209.

Monfasani J. Byzantine Scholars in Renaissance Italy: Cardinal Bessarion and Other Emigrés. Aldershot, 1995.

Monfasani J. Cardinal Bessarion's Greek and Latin Sources in the Plato-Aristotle Controversy of the 15th Century and Nicholas of Cusa's Relation to the Controversy // *In Knotenpunkt Byzanz: Wissensformen und kulturelle Wechselbeziehungen* / Ed. A. Speer, and P. Steinkrüger. Berlin-Boston, 2012. P. 469-480.

Monfasani J. Diodorus Siculus // *CTC*. Vol. XV. P. 61-152.

Monfasani J. Fernando of Cordova: A Biographical and Intellectual Profile. Philadelphia, 1992.

Monfasani J. George of Trebizond's critique of Theodore Gaza's translation of the Aristotelian *Problemata* // *Aristotle's Problemata in Different Times and Different Tongues* / Ed. P. De Leemans, M. Goyens. Leuven, 2006. P. 275-294.

Monfasani J. Greek and Latin learning in Theodore Gaza's *Antirrheticon* // *Renaissance readings of the Corpus Aristotelicum* / Ed. M. Pade. Copenhagen, 2001. P. 61-78.

Monfasani J. L'insegnamento di Teodoro Gaza a Ferrara // *Alla corte degli Estensi: Filosofia, arte e cultura a Ferrara nei secoli XV e XVI* / a cura di M. Bertozzi. Ferrara, 1994. P. 5-17.

- Monfasani J.* Lauro Quirini and His Greek Manuscripts: Some Notes of His Culture // *Et Amicorum: Essays on Renaissance Humanism and Philosophy* / Ed. A. Ossa-Richardson, M. Meserve. Leiden, Boston, 2017. P. 33-46.
- Monfasani J.* Niccolò Perotti and Bessarion's *In calumniatorem Platonis* // *Niccolo Perotti: The Languages of Humanism and Politics* / Ed M. Pade, C. Plesner Vorster = *Renaissanceforum. Tidsskrift for renaissanceforskning*. 2011. Vol. 7. P. 181-216.
- Monfasani J.* The Greek and Renaissance Humanism // *Humanism in Fifteenth-Century Europe* / Ed. D. Rundle. Oxford, 2012. P. 31-78.
- Monfasani J.* The Pseudo-Aristotelian *Problemata* and Aristotle's *De Animalibus* in the Renaissance // *Natural Particulars. Nature and the Disciplines in Renaissance Europe* / Ed. A. Grafton and N. Siraisi. Cambridge-London, 1999. P. 205-247.
- Monfasani J.* The Renaissance Plato-Aristotle Controversy and the Court of Matthias Rex // *Matthias Rex (1458–1490): Hungary at the Dawn of the Renaissance*. Budapest, 2013.
- Monfasani J.* Some Quattrocento Translators of St. Basil the Great: Gaspare Zacchi, Episcopus Anonymus, Pietro Balbi, Athanasius Chalkeopoulos, and Cardinal Bessarion // *ΦΙΛΑΝΑΓΝΩΣΤΗΣ. Studii non oredi Marino Zorzi* / Ed. C. Maltezos, P. Schreiner, M. Losacco. Venice, 2008. P. 249-264.
- Moravcsik Gy.* A bizánci Pletho a finnugor népekrol // *Magyar Nyelvival*. 1945. Vol. 41. P. 65-71.
- Morris M.* El debate entre Leonardo Bruni y Alonso de Cartagena: las razones de una polémica // *Quaderns. Revista de traducció*. 2002. Vol. 7. P. 33-57.
- Morsolin B.* Giangiorgio Trissino. Firenze, 1894.
- Motta E.* Demetrio Calcocondila, editore. Con altri documenti riguardanti Demetrio Castreno, Costantino Lascaris ed Andronico Callisto // *Archivio Storico Lombardo*. 1893. Vol. 20. P. 143-166.
- Mureşan D.I.* Bessarion's Orations against the Turks and Crusade Propaganda at the Große Christentag of Regensburg (1471) // *Reconfiguring the Fifteenth-Century Crusade* / Ed. N. Housley. London, 2017. P. 207-243.
- Nasalli Rocca E.* Il cardinale Bessarione legato pontificio in Bologna (1450-1455): Saggio sulla costituzione nello Stato Pontificio e sulla legislazione e la vita giuridica del'400 // *Atti e memorie della R. Deputazione di Storia patria per le provincie di Romagna*. Ser. IV. 1930. Vol. 20. P. 17-80.
- Nelson E.* The Greek Tradition in Republican Thought. Cambridge, 2006.
- Németh A.* Il copista Giovanni Scutariota e la fortuna dei manoscritti

greci di Giano Pannonio e Mattia Corvino // *A Home of Arts and Muses: The Library of King Matthias Corvinus* / Ed. E. Zsupán. Budapest, 2017. P. 89-100.

Neske I. Die lateinischen mittelalterlichen Handschriften: Varia, 13.-15. und 16.-18. Jahrhundert. Wiesbaden, 1997. [Die Handschriften der Stadtbibliothek Nürnberg Bd. 4.]

Never the Twain Shall Meet? Latins and Greeks learning from each other in Byzantium / Ed. D. Searby. Berlin-Boston, 2018.

Nicol D.M. A Byzantine Emperor in England: Manuel II's visit to London in 1400-1401 // *University of Birmingham Historical Journal*. 1971. Vol. 12, No. 2. P. 204-225.

Nicol D.M. Byzantium and Venice: a Study in Diplomatic and Cultural Relations. Cambridge, 1988.

Nicol D.M. The Byzantine Lady: Ten Portraits, 1250-1500. Cambridge, 1994.

Nicol D.M. The Byzantine View of Western Europe // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1962. Vol. 7. P. 315-339.

Nicol D.M. The Immortal Emperor: The Life and Legend of Constantine Palaiologos, Last Emperor of the Romans. Cambridge, 1992.

Nikitas D.Z. Traduzioni greche di opere latine // *I Greci: storia, cultura, arte, società*. Turin, 2001. Vol.3: Greci oltro la Grecia. P. 1035-1051.

Norton G.P. Humanist Foundations of Translation Theory (1400-1450): A Study in the Dynamics of Word // *Canadian Review of Comparative Literature: Revue Canadienne de Littérature Comparée*. 1981. Vol. 8 (2). P. 173-203.

Nousia F. The Transmission and Reception of Manuel Moschopoulos' *Schedography* in the West // *Teachers, Students, and Schools of Greek in the Renaissance* / Ed. F. Ciccolella, L. Silvano. Leiden; Boston, 2017. P. 1-25.

Nuti E. Franciscus Bovius Ferrarensis and Joannes Sagomalas Naupliensis: Teaching Elementary Greek in the Mid-Sixteenth Century // *Teachers, Students, and Schools of Greek in the Renaissance* / Ed. F. Ciccolella, L. Silvano. Leiden; Boston, 2017. P. 342-370.

Nuti E. Longa est via: Forme e contenuti dello studio grammaticale dalla Bisanzio paleologa al tardo Rinascimento veneziano. Alessandria, 2017.

Nuti E. Reconsidering Renaissance Greek grammars through the case of Chrysoloras' *Erotemata* // *Greek, Roman and Byzantine studies*. 2012. Vol. 52. P. 240-268.

Oikonomides N. Byzantine diplomacy, A.D. 1204-1453: means and ends // *Byzantine Diplomacy: Papers from Twenty-Fourth Spring Symposium*

- of Byzantine Studies, Cambridge, March 1990 / Ed. J. Shepard, S. Franklin. Aldershot, 1995. P. 73-88.
- Oleroff A.* L'humaniste dominicain Jean Conon et le Crétois Jean Grégoropoulos // *Scriptorium*. 1950. Vol. 4. No. 1. P. 104-107.
- Omont H.* Inventaire des manuscrits grecs & latins donnés à Saint-Marc de Venise par le cardinal Bessarion en 1468. Paris, 1894.
- Omont H.* Les manuscrits grecs de Guarino de Vérone et la bibliothèque de Ferrare // *Revue des Bibliothèques*. 1892. Vol. II. P. 78-81.
- Onorato A.* Gli amici bolognesi di Giovanni Tortelli. Messina, 2008.
- Otten-Froux C.* Deux consuls des Grecs à Gênes à la fin du 14e siècle // *Revue des études byzantines*. 1992. T. 50. P. 241-248.
- Pade M.* Niccolò Perotti and the *Ars Traducendi* // *Sol et homo. Mensch und Natur in der Renaissance.* / Hrsg. von S. Ebbersmeyer, H. Pirner-Pareschi, T. Ricklin. München, 2008. S. 79-100.
- Pagliarioli S.* Giano Lascari e il Ginnasio greco // *Studi Medievali e Umanistici*. 2004. Vol. 2. P. 215-293.
- Papas V.* The First Political Printed Book in Europe: The *Epistolae et Orationes Contra Turcos* by Cardinal Bessarion // *International Journal of Language and Literature*. 2014. Vol. 2(3). P. 37-55.
- Pellegrini P.* Musuro, Marco // *DBI*. 2012. Vol. 77. P. 576-583.
- Perfetti S.* Aristotle's zoology and its Renaissance commentators (1521-1601). Leuven, 2000.
- Perfetti S.* "Cultius atque integrius". Teodoro Gaza, traduttore umanistico del *De partibus animalium* // *Rinascimento*. Ser. II. 1995. Vol. 35. P. 253-286.
- Pertusi A.* I primi studi in Occidente sull'origine e le potenze dei Turchi // *Studi Veneziani*. 1970. Vol. 12. P. 465-552.
- Pertusi A.* Leontio Pilato fra Petrarca e Boccaccio. Le sue versioni omeriche negli autografi di Venezia e la cultura greca del primo Umanesimo. Venezia-Roma, 1964.
- Pertusi A.* Ἐρωτήματα. Per la storia e le fonti delle prime grammatiche greche a stampa // *Italia medievale e umanistica*. 1962. Vol. V. P. 321-351.
- Petrucci A.* Calcondila, Demetrio // *DBI*. 1973. Vol. 16. P. 542-547.
- Philippides M., Hanak W.K.* Cardinal Isidore (c.1390-1462): A Late Byzantine Scholar, Warlord, and Prelate. New York, 2018.
- Piñero F.* Andronico Galesiotes: un copista griego en la Mesina del siglo XV // *Erytheia*. 1989. Vol. 10 (2). P. 309-315.
- Pirro R.* Sicilia sacra disquisitionibus et notitiis illustrata. 2 t. Panormi, 1733. T. II.

- Plested M.* Orthodox Readings of Aquinas. Oxford, 2012.
- Renaissance humanism and the Papal Curia: Lapo da Castiglionchio the Younger's *De curiae commodis* / Ed. Ch.S. Celenza. Ann Arbor, 1999.
- Pontani F.* L'Homère de Pléthon // *Scriptorium*. 2014. Vol. 68. P. 25-48.
- Pontani F.* Omero, Appiano e l'ombra di un padre. Giovanni Basilio Romolo Calcondila // *Bollettino della Badia greca di Grottaferrata*. 2002-2003. Vol. 56-57. P. 263-284.
- Proctor R.* Printing of Greek in the XVth Century. Oxford, 1900.
- Pontani A.* Primi appunti sul Malatestiano D.XXVII.1 e sulla biblioteca dei Crisolora // *I manoscritti della Biblioteca Malatestiana: testi e decorazioni* / a cura di F. Lollini e P. Lucchi. Libreria Domini. Bologna, 1995. P. 353-386.
- Powell J.E.* The Cretan Manuscripts of Thucydides // *The Classical Quarterly*. 1938. Vol. 32 (2). P. 103-108.
- Proctor R.* Printing of Greek in the XVth Century. Oxford, 1900.
- Reeve M.D.* The Rediscovery of Classical Text in the Renaissance // *Itinerari dei testi antichi* / a cura di O. Pecere. Roma, 1991.
- Resta G.* Andronico Callisto, Bartolomeo Fonzio e la prima traduzione umanistica di Apollonio Rodio // *Studi in onore di Anthos Ardizzoni* / a cura E. Livrea e G.A. Privitera. Roma 1978. P. 1057-1131.
- Radif L.* Rinuccio d'Arezzo // *DBI*. 2016. Vol. 87. P. 627-628.
- Rashed M.* La 'translatio callistiana' du *De generatione et corruptione* d'Aristote. Edition princeps // *Lire Aristote au Moyen Âge et à la Renaissance: réception du traité "Sur la génération et la corruption"* / Ed. J. Ducos et V. Giacomotto-Charra. Paris, 2011. P. 201-248.
- Resta G.* Cassarino, Antonio // *DBI*. 1978. Vol. 21. P. 442-446.
- Reynolds L.D., Wilson N.G.* Scribes and Scholars: a Guide to the Transmission of the Greek and Latin Literature. Oxford, 1974.
- Ricci P.G.* La prima cattedra di greco in Firenze // *Rinascimento*. 1952. Vol. 3. P. 159-165.
- Robins R.H.* The Byzantine Grammarians: Their Place in History. Berlin-N.Y., 1993.
- Rollo A.* Dalla biblioteca di Guarino a quella di Francesco Barbaro // *Studi medievali e umanistici*. 2005. Vol. 3. P. 9-28.
- Rollo A.* Gli *Erotemata* tra Crisolora e Guarino. Messina, 2012.
- Rollo A.* La grammatica greca di Urbano Bolzanio // *Umanisti bellunesi fra Quattro e Cinquecento. Atti del Convegno di Belluno, 5 novembre 1999* / a cura di P. Pellegrini. Firenze, 2001. P. 177-209.
- Rollo A.* Leonzio lettore dell'Ecuba nella Firenze di Boccaccio. Firenze,

2007. [Quaderni Petrarqueschi XII-XIII (2002-2003) // Petrarca e il mondo greco. Vol. 2]
- Rollo A.* Maestri di greco nell'Umanesimo: libri e metodi // Italia medievale e umanistica. 2016. Vol. 57. P. 165-186.
- Rollo A.* "Titoli bilingui" e la biblioteca di Manuele Crisolora // *Byzantinische Zeitschrift*. 2002. Bd. 95. S. 91-101.
- Ronchey S.* L'enigma di Piero. L'ultimo bizantino e le crociate fantasma nella rivelazione di un grande quadro. Milano 2006.
- Ronchey S.* Tommaso Paleologo al Concilio di Firenze // La stella e la porpora. Il corteo di Benozzo e l'enigma del Virgilio Riccardiano / a cura di G. Lazzi e G. Wolf. Firenze 2009. P. 135-152.
- Ronchey S.* Un'Aristocratica Bizantina in fuga: Anna Notaras Paleologina // Donne a Venezia / a cura di S. Winter. Roma, 2004. P. 23-42.
- Ronchey S.* Volti di Bessarione // Vie per Bisanzio. VII Congresso Nazionale dell'Associazione Italiana di Studi Bizantini Venezia, 25-28 novembre 2009 / a cura di A. Rigo, A. Babuin e M. Trizio. Bari, 2013. T. II. P. 537-548.
- Rummel E.* Erasmus as a Translator of the Classics. Toronto, Buffalo, London, 1985.
- Russo A.* Costantino Lascaris tra fama e oblio nel cinquecento messinese // Archivio Storico Messinese. 2003-2004. Vol. 84-85. P. 5-87.
- Russo E.* Leonico Tomeo, Niccolò // DBI. 2005. Vol. 64. P. 617-621.
- Rutkin H.D.* Sapientia Astrologica: Astrology, Magic and Natural Knowledge, ca. 1250-1800. I. Medieval Structures (1250-1500): Conceptual, Institutional, Socio-Political, Theologico-Religious and Cultural. Cham, 2019.
- Sabbadini R.* Carteggio di Giovanni Aurispa. Roma, 1931.
- Sabbadini R.* Il metodo degli umanisti. Firenze, 1922.
- Sabbadini R.* Le scoperte dei codici latini e greci ne' secoli XIV e XV. 2 vols. Firenze, 1905-1914.
- Sabbadini R.* Storia del Ciceronianismo e di altre questioni letterarie nell'età della Rinascenza. Torino, 1885.
- Salanitro G.* La duplice redazione della versione greca di Teodoro Gaza del *De senectute* ciceroniano // Rendiconti dell'Istituto Lombardo. 1975. Vol. 100. P. 284-296.
- Santoro R.* La prima traduzione latina di Teodoro Gaza // Studi umanistici. 1992. Vol. 3. P. 165-184.
- Schmitt Ch.* Theophrastus // CTC. Vol. II. P. 239-322.
- Schreiner P.* Calcondila, Basilio // DBI. 1973. Vol. 16. P. 541-542.

- Schreiner P.* Giovanni Aurispa in Konstantinopel. Schicksale griechischer Handschriften im 15. Jahrhundert // Studien zum 15. Jahrhundert. Festschrift für Erich Meuthen. Munich, 1994. Bd. II. S. 623-633.
- Schucan L.* Das Nachleben von Basilius Magnus "Ad adolescents". Ein Beitrag zur Geschichte des christlichen Humanismus. Geneve, 1973.
- Seigel J.E.* The Teaching of Argyropulos and the Rhetoric of the First Humanists // Action and Conviction in Early Modern Europe / Ed. T.K. Rabb, J.E. Seigel. Princeton, 1969. P. 237-260.
- Setton K.M.* The Byzantine Background to the Italian Renaissance // Proceedings of the American Philosophical Society. 1956. Vol. 100. No. 1. P. 1-76.
- Setton K.M.* The Papacy and the Levant (1204-1571). 4 vols. Philadelphia, 1976-1984. Vol. I, II.
- Shearman J.* Raphael's Cartoons in the Collection of Her Majesty the Queen, and the Tapestries for the Sistine Chapel. London, 1972.
- Silvano L.* Teaching Greek in Renaissance Rome: Basil Chalcondyles and His Courses on the *Odyssey* // Teachers, Students, and Schools of Greek in the Renaissance / Ed. F. Ciccolella, L. Silvano. Leiden; Boston, 2017. P. 250-310.
- Siniossoglou N.* Radical Platonism in Byzantium: Illumination and Utopia in Gemistos Plethon. Cambridge, 2011.
- Sosower M.L.* Palla Strozzi's Greek Manuscripts // Studi italiani di filologia classica. 1986. Vol. 79. P. 140-151.
- Sowerby R.* Early Humanist Failure with Homer // International Journal of the Classical Tradition. 1997. Vol. 4. P. 37-63; 165-194.
- Speake G.* Janus Lascaris' Visit to Mount Athas in 1491 // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1993. Vol. 34. P. 325-330.
- Speranzi D.* "De' libri che furono di Teodoro": una mano, due pratiche e una biblioteca scomparsa // Medioevo e rinascimento. 2012. Vol. 23. P. 319-354.
- Speranzi D.* Identificazioni di mani nei manoscritti greci della Biblioteca Riccardiana // La descrizione dei manoscritti: esperienze a confronto / coordinamento scientifico di E. Crisci, M. Maniaci, P. Orsini. Cassino, 2010. P. 177-212.
- Speranzi D.* L'Anonymus Δ-KAI, copista del Corpus Aristotelicum. Un'ipotesi di identificazione // Quaderni di Storia. 2009. Vol. 69. P. 105-123.
- Speranzi D.* Michele Trivoli e Giano Lascari. Appunti su copisti e manoscritti greci tra Corfù e Firenze // Studi Slavistici. 2010. Vol. 7. P. 275-282.
- Speranzi D.* Scritture, libri e uomini all'ombra di Bessarione, II. La 'doppia

mano' di Atanasio Calceopulo // Rinascimento. 2018. Vol. 58. P. 193-237.
Speranzi D. Su due codici greci filelfiani e un loro lettore (con alcune osservazioni sullo Strabone Ambr. G 93 sup.) // *Philelfiana*. Nuove prospettive di ricerca sulla figura di Francesco Filelfo Atti del seminario di studi (Macerata, 6-7 novembre 2013) / a cura di S. Fiaschi. Firenze, 2015. P. 83-117.

Stadter Ph.A. Arrianus, Flavius // *CTC*. Vol. III. P. 1-20.

Staikos K. The History of the Library in Western Civilization. 5 vols. New Castle, Del., 2004-2013. Vol. III.

Stevens B. Aeolism: Latin as a Dialect of Greek // *The Classical Journal*. 2006-2007. Vol. 102. No. 2. P. 115-144.

Stinger Ch.L. Humanism and the Church Fathers: Ambrogio Traversari (1386-1439) and the Chrystian Antiquity in the Italian Renaissance. Albany, 1977.

Stok F. Niccolò Sagundino traduttore dell' *Oraculum de isthmo* // *Studi Umanistici Piceni*. 2008. Vol. 28. P. 227-237.

Taylor J.W. Georgius Gemistus Pletho's criticism of Plato and Aristotle. Menasha, 1921.

Tessier A. La prefazione al Sofocle aldino: Triclinio, Andronico Calisto, Bessarione // *Letteratura e riflessione sulla letteratura nella cultura classica*. Atti del Convegno. Pisa, 7-9 giugno 1999 / a cura di G. Arrighetti – M. Tulli. Pisa, 2000. P. 348-355.

Tessier A. Un metodo filologico in atto? L'Euripide del 1503, le Bacchanti e la (apparente) riscoperta della responsione strofica // *Manuciana Tergestina et Veronensia, Graeca Tergestina*. Studi e testi di Filologia greca. 2015. Vol. 4. P. 197-218.

The Aldine Press: Catalogue of the Ahmanson-Murphy Collection of Books by or Relating to the Press in the Library of the University of California, Los Angeles, Incorporating Works Recorded Elsewhere. Berkeley-Los Angeles-London, 2001.

Theodoropoulou A. Cardinal Bessarion on a Hellenic Identity and Peloponnesian State – A Comparison with the Modern Greek Crisis // *The Problem of Modern Greek Identity: From the Ecumen to the Nation-State* / Ed. G. Steiris, S. Mitralaxis, G. Arabatzis. Newcastle upon Tyne, 2016. P. 201-214.

Thomson J. Manuel Chrysoloras and the Early Italian Renaissance // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1966. Vol. 7. P. 63-82.

Thomson I. Some notes on the contents of Guarino's Library // *Renaissance*

- Quarterly. 1976. Vol. 29. № 2. P. 169-177.
- Thorndike L.* Translations of Works of Galen from the Greek by Peter of Abano // *Isis*. 1942. Vol. 33. No. 6. P. 649-653.
- Tissoni Fr.* *Le Olimpiche* di Pindaro nella scuola di Gaza a Ferrara. Messina, 2009.
- Tissoni Fr.* Pindarus // *CTC*. Vol. 10. P. 2-125.
- Tomè P.* Greek Studies in Giovanni Tortelli's *Orthographia: A World in Transition* // *Teachers, Students, and Schools of Greek in the Renaissance* / Ed. F. Ciccolella, L. Silvano. Leiden; Boston, 2017. P. 79-119.
- Torre A. della.* *Storia dell' Accademia Platonica di Firenze*. Firenze, 1902.
- Turyn A.* Dated Greek manuscripts of the thirteenth and fourteenth centuries in the libraries of Italy. 2 vols. Urbana-Chicago-London. 1972.
- Vacalopoulos A.E.* *Origins of the Greek Nation: The Byzantine Period, 1204-1261*. New Brunswick, New Jersey, 1970.
- Vasoli C.* Il dibattito tra Leonardo Bruni e Pedro García de Cartagena: Due culture a confronto // *Miscellanea umanistico-catalana*. Barcelona, 1991. P. 3-28.
- Vasoli C.* La "dialectica" di Giorgio Trapezunzio // *Atti e Memorie dell'Accademia Toscana di Scienze e Lettere "La Colombaria"*. 1959-1960. Vol. 24. P. 301-327.
- Vast H.* *De vita et operibus Jani Lascaris*. Parisiis, 1878.
- Vast H.* *Le cardinal Bessarion (1403-1472): étude sur le Chrétienté et la Renaissance vers le milieu du XVe siècle*. Paris, 1878.
- Ventura I.* *Translating, Commenting, Re-Translating: Some Considerations on Latin Translations of the Pseudo-Aristotelian Problemata and Their Readers* // *Science translated: Latin and Vernacular translations on scientific treatises in Medieval Europe* / Ed. M. Goyens, P. De Leemans, A. Smets. Leuven, 2008. P. 123-154.
- Verbeke G.* *Guillaume de Moerbeke et sa méthode de traduction* // *Medioevo e Rinascimento*. Firenze, 1955. Vol. 2. P. 781-800.
- Vickers M.* Some Preparatory Drawings for Pisanello's Medallion of John VIII Palaeologus // *The Art Bulletin*. 1978. Vol. 60 (3). P. 417-424.
- Viti P.* *Facio, Bartolomeo* // *DBI*. 1994. Vol. 44. P. 113-121.
- Viti P.* *Giorgio da Trebisonda* // *DBI*. 2001. Vol. 55. P. P. 373-382.
- Vogel M., Gardthausen V.* *Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance*, Leipzig, 1909.
- Walser E.* *Poggius Florentinus: Leben und Werke*. Hildesheim-N.Y., 1974.
- Weiss R.* *Cornelio Vitelli in France and England* // *Journal of the Warburg*

- Institut. 1939. Vol. 2. No. 3. P. 219-226.
- Weiss R.* Humanism in England During the Fifteenth Century. Oxford, 1957.
- Weiss R.* Jacopo Angeli da Scarperia (c. 1360 – 1410-11) // *Medioevo e Rinascimento: Studi in onore di B. Nardi.* Firenze, 1955. Vol. 2. P. 803-827.
- Weiss R.* Lo studio di Plutarco nel Trecento // *La parola del passato.* 1953. Fasc. Vol. 32. P. 321-342.
- Weiss R.* Medieval and Humanist Greek. Padova, 1977.
- Wilson N.G.* From Byzantium to Italy: Greek Studies in the Italian Renaissance. London, 1992.
- Wittek M.* Pour une étude du scriptorium de Michel Apostoles et consorts // *Scriptorium.* 1953. Vol. 7. No. 2. P. 290-297.
- Wollock J.L.* The Noblest Animate Motion: Speech, Physiology and Medicine in Pre-Cartesian linguistic thought. Amsterdam-Philadelphia, 1997.
- Woodhouse C.M.* George Gemistos Plethon: The Last of the Hellenes. Oxford, 1986.
- Woodward W.H.* Vittorino da Feltre and other humanist educators. New York, 1996.
- Wolfson J.* Padua and the Tudors: English Students in Italy, 1485-1603. Cambridge, 1998.
- Wright D.G.* The Kladas Affair and Diplomatic Relations (1480-1485) // *Studi Veneziani.* 2013. Vol. 67. P. 157-182.
- Zakythēnos D.A.* Le despotat grec de Morée: Vie et institutions. 2 t. Athènes, 1953.
- Zeno A.* Dissertazioni Vossiane. 2 t. Venezia, 1752-1753. T. I.
- Zinner E.* Regiomontanus: His Life and Work / trans. E. Brown. Amsterdam, 1990. Vol. I.
- Zorzi M.* Bessarione e i codici greci // *L'eredità greca e l'ellenismo / a cura di G. Benzoni.* Firenze, 2002. P. 93-121.
- Zorzi N.* I Crisolora: personaggi e libri // *Manuele Crisolora e il ritorno del greco in Occidente.* P. 87-131.
- Γεωργακόπουλος Δ.Κ.* Ο βίος και το έργο του λόγιου κωδικογράφου Μιχαήλ Αποστόλη (1420/22-1478): συμβολή μελέτη τής γραμματείας και τής παιδείας τον τέλους τής Βυζαντινής Αυτοκρατορίας. Ιωάννινα, 2009.
- Ηλιούδη Γ.Ν.* Η Γραμματική του Κωνσταντίνου Λασκάρεως πρότυπο της Γραμματικής του Νικολάου Σοφιανού // *Ελληνικά.* 1989. Τ. XL. Σ. 413-417.
- Καλιτσουνάκης Ι.Ε.* Ματθαίος Δεβαρής και το εν Ρώμη Ελληνικόν Γυμνάσιον // *Αθηνά.* 1914. Τ. 26. Σ 81-102.
- Καμπούρογλου Δ.* Οί Χαλκοκόνδυλοι. Μονογραφία. Εν Αθήναις, 1926.

- Καραγιαννόπουλος Ι.* Συμβολή στην αγροτική ιστορία του μεταγενέστερου βυζαντινού κράτους // *Επιστημονική Επετηρίς Φιλοσοφικής Σχολής Αριστοτελείου Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης*. 1983. Τ. 21. Σ. 163-200.
- Λάμπρος Σ.Π.* Δημητρίου Καστηρνού ανέκδοτος έπιστολή προς Σοφριανόν // *Νέος Έλληνομνήμων*. 1916. Τ. 13. Σ. 408-413.
- Μπαλόγλου Χ.Π.* Γεώργιος Πλήθων-Γεμιστός επί των πελοποννησιακών πραγμάτων. Αθήνα, 2002.
- Νικολάου Θ.Στ.* Αι περί πολιτείας και δικαίου του Γ. Πλήθωνος Γεμιστού. Βραβείον Ακαδημίας Αθηνών. Θεσσαλονίκη, 1974.
- Σάβας Κ.* Νεοελληνική Φιλολογία: Βιογραφία των εν τοις γράμμασι διαλαμπάντων Έλλήνων, από της καταλύσεως της Βυζαντινής Αυτοκρατορίας μέχρι της Ελληνικής εθνεγερσίας (1453-1821). Εν Αθήναις, 1868.
- Алиева О.В.* К вопросу о гуманистической рецепции Василия Великого: латинские переводы “Внемли себе” в XV-XVI вв. // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2015. № 4(60). С. 9-23.
- Бельйй Ю.А.* Йоганн Мюллер Региомонтан, 1436-1476. М., 1985.
- Бибиков М.В.* Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. Т. I.
- Брагина Л.М.* Аламанно Ринуччини и его “Диалог о свободе” // *СВ*. 1982. Вып. 45. С. 119-140.
- Брагина Л.М.* Аргиропуло (из истории философии итальянского Возрождения) // *СВ*. Т. 1968. Т. 31. С. 237-255.
- Брагина Л.М.* Проблема познания в философии Иоанна Аргиропула // *Море и берега*. К 60-летию С.П.Карпова от коллег и учеников. М., 2009. С.139-147.
- Брагина Л.М.* Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983.
- Брагина Л.М.* Спор Иоанна Аргиропула с Георгием Трапезундским о сущности Бога // *Historia Animata*. Сборник статей. М., 2004. Ч. 3. С. 126-133.
- Бранка В.* Боккаччо средневековый / Пер. с ит. Н. Елиной и др. М., 1983.
- Буланин Д.М.* Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л., 1984.
- Васильев А.А.* История Византии. Падение империи: эпоха Палеологов (1261-1453). Л., 1925. [Совр. изд.: История Византийской империи: от начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998].
- Васильев А.А.* Путешествие византийского императора Мануила II

- Палеолога по Западной Европе (1399–1403 гг.) // ЖМНП. 1912. Т. 39. Май. С. 41-78; Июнь. С. 260-304.
- Веселовский А.Н.* Учителя Боккаччо // Вестник Европы. 1891. Т. VI. Кн. 11. С. 167-184.
- Воробьев Г.М.* Биологические трактаты Аристотеля в латинском переводе Феодора Газы как памятник гуманистической филологии. Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2017.
- Воробьев Г.М.* Кодикологические замечания о двух аристотелевских рукописях Димитрия Халкокондила // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2016. Т. XX (1). С. 182-193.
- Воробьев Г.М.* Неологизмы Феодора Газы из его латинского перевода “De animalibus” Аристотеля в современной зоологической номенклатуре // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2015. Т. XIX. С. 158-168.
- Гарэн Э.* Проблемы итальянского Возрождения / Пер. с ит. М., 1986.
- Гудзий Н.К.* Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения // Киевские университетские известия. 1911. № 7. С. 1-19.
- Диттен Г.* Известия Лаоника Халкокондила о России // ВВ. 1962. Т. 21. С. 51-94.
- Забугин В.Н.* Византийские историки и итальянские гуманисты // Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе: к сорокалетию профессорской деятельности (1873-1913). СПб., 1914. С. 69-91.
- Иванов А.И.* Максим Грек и итальянское Возрождение. К постановке вопроса // ВВ. 1972. Т. 33. С. 140-157; 1973. Т. 34. С. 112-121; Т. 35. С. 119-136.
- Иванов А.И.* О пребывании Максима Грека в доминиканском монастыре св. Марка во Флоренции // Богословские труды. 1973. Сб. 11. С. 112-119.
- Иванов А.И.* Максим Грек и Савонарола // Богословские труды. 1974. Сб. 12. С. 184-208.
- Иванова Ю.В.* Греки в Италии // История литературы Италии / Отв. ред. М.Л. Андреев. М., 2007. Т. 2. Кн. 1 С. 66-99.
- Йейтс Ф.* Джордано Бруно и герметическая традиция / Пер. Г. Дашевского. М., 2000.
- Карпов С.П.* Латинская Романия. СПб., 2000.
- Клибанов А.И.* К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека // ВВ. Т. 14. С. 148-174.

- Корелин М.С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. В 4-х томах. СПб., 1914.
- Карначёв А.Е.* Двужычные памятники средневековой греко-латинской образованности в собраниях Петербурга и Москвы. Дисс... канд. ист. наук. СПб, 2017.
- Кудрявцев О.Ф.* Флорентийская Платоновская Академия: очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М., 2008.
- Культура Византии XIII – первой половины XV в. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991.
- Куторга М.С.* Водворение на Западе изучения эллинизма с эпохи Возрождения // ЖМНП. 1891. Ч. 275. Май. С. 81-120; Июнь. С. 216-251.
- Куц Т.В.* Византийские ученые в Италии. К вопросу об интеллектуальных связях Византии и Запада // АДСВ. 1997. Вып. 28. С. 116-128
- Куц Т.В.* Византийский ученый Мануил Хрисолора в письмах своих современников // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 308-318.
- Куц Т.В.* На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013.
- Куц Т.В.* Становление *studia graecorum* в Италии: Мануил Хрисолора // Прошлое, настоящее и будущее италянистики в странах Балтии и России в честь А.Д. Роловой / Отв. ред. М.А. Юсим. М., 2016. С. 181-198.
- Куц Т.В.* У истоков *studia graecorum* на Западе: византийский вклад // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008. С. 484-490.
- Лазурский В.В.* Альд и альдины. М., 1977.
- Лебедева И.Н.* Греческая рукописная и печатная книга XV – XVI вв. и её влияние на книжность других народов // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 105-114.
- Лобовикова К.И.* Георгий Трапезундский и Мехмед II Завоеватель // ВВ. 2005. Т. 64 (89). С. 141-155.
- Лобовикова К.И.* Проблема турецкого завоевания и ислама глазами Георгия Трапезундского. Дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.
- Лобовикова К.И.* Христианство, иудаизм и ислам в трактате Георгия Трапезундского «О вечной славе самодержца и его мировом владычестве» // АДСВ. 2003. Вып. 34. С.399-414.
- Матасова Т.А.* Софья Палеолог. М., 2016.
- Матасова Т.А., Воробьев Г.М.* Новый документ по истории связей греческого мира и России последней четверти XV в. // ВВ. 2016. Т. 100 (75). С. 294-308.

- Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV-XV вв. СПб., 1997.
- Медведев И.П.* Греческая культура конца XV – первой половины XVII в. как составная часть европейской культуры // История Европы. М., 1993. С. 586-591.
- Медведев И.П.* К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи // ВВ. 1972. Т. 33. С. 129-139.
- Медведев И.П.* Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.
- Медведев И.П.* Падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике XV в. // Византия между Западом и Востоком / Под ред. Г.Г. Литаврина. СПб., 1999. С. 293-332.
- Ноговицин О.Н.* Вопрос о единстве понятия сущего в трактате Георгия Гемиста Плифона “О том, чем различаются Платон и Аристотель” // Сборник материалов XXVI научной конференции: “Платоновское наследие в исторической ретроспективе: интеллектуальные трансформации и новые исследовательские стратегии”. СПб., 28-30 августа 2018 г. СПб., 2018. С. 245-258.
- Пашкин Н.Г.* Византия в европейской политике первой половины XV в. (1402-1438). Екатеринбург, 2007.
- Пашкин Н.Г.* Падение Константинополя в восприятии западных гуманистов XV в. // АДСВ. 2008. Вып. 38. С.258-266.
- Пашкин Н.Г.* Эней Сильвий Пикколомини, падение Константинополя и гуманистическая публицистика на латинском Западе в середине XV века // Россия и мир: панорама исторического развития: сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 216-221.
- Перельмутер И.А.* Грамматическое учение модистов // История лингвистических учений. Позднее средневековье / Отв. ред. А.В. Десницкая. СПб. 1991. С. 7-66.
- Пирлинг П.О.* Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане, Иван III и София Палеолог. СПб., 1892.
- Поляковская М.А.* Димитрий Кидонис и Запад (60-е гг. XIV в.) // АДСВ. 1979. Вып. 16. С. 46-57.
- Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов: три очерка. Екатеринбург, 1992.
- Пишцова С.Н.* Флорентийский университет и развитие гуманизма в XIV – XV вв. // СВ. 1993. Вып. 56 (1-2). С. 153-173.

- Ревякина Н.В.* Итальянский гуманист и педагог Витторино да Фельтре в свидетельствах учеников и современников. М., 2007.
- Ревякина Н.В.* “О сладчайший язык, о язык языков и матерь наук...” (Об изучении греческого языка в Италии XV в.) // *Laurea Logae*: сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой. СПб., 2011. С. 155-163.
- Рязанов П.А.* Византийские переводчики и учителя греческой словесности в ренессансной Италии конца XIV-XV в. // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2007. Вып. XVII. С. 490-505.
- Рязанов П.А.* Византийский ученый Феодор Газа и его речь о пользе изучения греческой словесности // *СВ*. 2012. Вып. 73 (3-4). С. 198-231.
- Рязанов П.А.* Гексамиллион и проблема защиты Пелопоннеса от турок в византийской политике конца XIV – первой половины XV в. // *СВ*. 2022. Вып 83 (1). С. 137-163.
- Рязанов П.А.* Греческие штудии и миланский гуманизм XV – первой четверти XVI в. // *СВ*. 2017. Вып 78 (1-2). С. 209-232.
- Рязанов П.А.* Тиранин или софист: восприятие подложных писем акрагантского тирана Фалариса в XV-XVII вв. // *СВ*. 2011. Вып. 72 (3-4). Р. 232-255.
- Рязанов П.А., Лошкарева М.Е.* Греко-английские отношения в контексте антиосманской политики в XV в. // *СВ*. 2021. Вып. 82 (1). С. 199-221.
- Рязанов П.А., Софронова Л.В.* Византийский ученый Димитрий Халкокондил в культурном пространстве ренессансной Флоренции // *Интеллигенция и мир*. 2015. №3. С. 83-96.
- Садов А.И.* Виссарион Никейский. Его деятельность на Ферраро-Флорентийском соборе, богословские сочинения и значение в истории гуманизма. СПб., 1883.
- Семиколенных М.В.* “Isagoge dialectica” Георгия Трапезундского: учебник логики эпохи Возрождения // *Acta eruditorum*. 2019. Вып. 30. С. 24-27.
- Семиколенных М.В.* Апокалиптизм Георгия Трапезундского как стратегия маргинализации платоновского наследия // *Studia culturae*. 2017. Вып. 2(32). С. 137-159.
- Семиколенных М.В.* Учение Платона об ораторском искусстве в изложении Виссариона Никейского // *Платоновские исследования*. 2015. Т. 1. № 2. С. 172-184.
- Семиколенных М.В.* Чем опасен Платон христианину? Критика платоновской философии в “Comparatio Aristotelis et Platonis” Георгия

Трапезундского // Универсум Платоновской мысли: Платон и современность материалы XXIV научной конференции. 2016. С. 423-433.

Сенина Т. (монахиня Кассия). Трактат Георгия Гемиста Плифона “О том, чем различаются Аристотель и Платон”: история написания и значение для Запада и Византии // ESSE. Философские и теологические исследования. 2019. Т. 4 (2). С. 338-350.

Синицына Н.В. Максим Грек. М., 2008.

Синицына Н.В. Максим Грек и Савонарола (О первом рукописном собрании сочинений Максима Грека) // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвящ. Л.В. Черепнину. М., 1972. С. 149-156.

Синицына Н.В. Новые данные об итальянском периоде жизни преп. Максима Грека // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 193-199.

Скржинская Е.Ч. Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000.

Соловьев С.В. Мануил Хризолор и гуманистический идеал образованности (конец XIV – первая половина XV в.) // Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII веков. Иваново, 1995. С. 34-42.

Соловьев С.В. Мануил Хризолор: из ромеев в римляне // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2009. № 2. С. 146-165.

Соловьев С.В. Слава Рима глазами византийца: переложение античных мотивов в литературе, живописи и архитектуре XV в. // Искусство христианского мира. 2001. Вып. 5. С. 126-134.

Софронова Л.В. Герметизм и две версии ренессансного учения о единстве древности // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2002. № 1. С. 275-286.

Софронова Л.В. Джон Колет: Опыт реставрации образа христианского мыслителя ренессансной эпохи. Н.Новгород. 2009.

Степанова Л.Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV – XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). СПб., 2000.

Тоноян Л.Г., Семиколенных М.В. Учение о категорическом силлогизме в “диалектике” Георгия Трапезундского // Acta eruditorum. 2019. Вып. 30. С. 14-17.

Удальцова З.В. Борьба Византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии // ВВ. 1950. Т. 3. С. 106-132.

- Удальцова З.В.* Борьба партий в Византии XV в. и деятельность Виссариона Никейского // ВВ. 1949. Т. 2 (27). С. 294-307.
- Удальцова З.В.* Жизнь и деятельность Виссариона Никейского // ВВ. 1976. Т. 37. С. 74-97.
- Удальцова З.В.* Философские труды Виссариона Никейского и его гуманистическая деятельность в Италии // ВВ. 1973. Т. 35. С.75-87.
- Успенский Ф.И.* Брак царя Ивана Васильевича III с Софьей Палеолог // Исторический вестник. 1887. Т. XXX. С. 680-693.
- Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891.
- Успенский Ф.И.* Философское и богословское движение в XIV в. // ЖМНП. 1892. Ч. 279. Январь. С. 1-64.
- Фонкич Б.Л.* Греческие писцы эпохи Возрождения. I-III // ВВ. 1965. Т. 26. С. 266-271; 1968. Т. 28. С. 283-285; 1981. Т. 42. С. 124-128.
- Фонкич Б.Л.* Исследования по греческой палеографии и кодикологии: IV-XIX вв. М., 2014.
- Фонкич Б.Л.* О рукописной основе текста Альдовского издания трагедий Софокла // ВВ. 1964. Т. 24. С. 109-120.
- Хартман Г.М.* Значение греческой культуры для развития итальянского гуманизма (Пер. с нем. М.С. Вейсман) // ВВ. 1959. Т. 15. С. 100-124.

SUMMARY

This book is devoted to the phenomenon of Greek scholars' participation in the intellectual life of the Italian Renaissance from the end of the 14th century to the beginning of the 16th century. The development of humanism in Italy caused the revival of interest in Greek literature, which was poorly known to Western readers in the Middle Ages. The activity of scholastic translators of the 11-13th centuries was mainly directed by the needs of theology and science. Even representatives of early humanism noticed that Roman authors had willingly drawn from the Greek source and combined Latin education with a Greek one. In the second half of the 14th century in Italy, the first steps were taken to revive both teaching and studying of Greek literature, but several circumstances hampered the progress in this direction. On the one hand, the number of those who wanted to study the Greek language was still very small, and the motivation for learning it was not high enough. On the other hand, in Italy, as well as in the whole of the West, there was a shortage of competent teachers who knew Greek and who were able to teach this language in Latin. In other words, it was the preparatory period in the history of Greek studies, the time for defining both educational and scientific tasks, when the foundations for their subsequent rise were laid in the West.

The next stage began from the end of the 14th century, that is, from the moment Manuel Chrysoloras arrived in Italy, and lasted until the Council of Florence in 1438-1439. This is the earliest period in the history of Greek learning, when studying of Greek literature reached a new level. At that time the generation of Italian Hellenists appeared together with humanistic schools where the Greek language was taught. The formation of private collections of Greek manuscripts and the active translation of Greek authors into Latin began. But the number of Greek teachers in Italy was quite small – only two or three people taught the language in different times. Therefore, individual enthusiasts raised education to a new level

and acquired texts directly in the Greek East and in Constantinople.

The beginning of the period of the developed Greek studies was laid by the Council of Florence, during which the Latinophile “party” led by the metropolitans Bessarion of Nicaea and Isidore of Kiev fully manifested itself. The Council made possible direct intellectual communication between representatives of Greek and Latin scholarship, their participation in religious, philosophical and philological discussions. After this event, the Latin-minded Byzantines became more willing to leave for Italy. The fall of Constantinople in 1453 and the subsequent successes of Turkish weapons made the process of educated Greeks’ emigration (also called “exodus”) more ambitious and tragic. In the author's opinion, the departure of Greek intellectuals to the West and the growing interest in Greek studies among Italian humanists were interrelated and, to a certain extent, interdependent phenomena. As a result, the second half of the 15th century and the first quarter of the 16th century were characterized by a significant rise of Greek studies and expansion of their “geography” in Italy: besides the *Studium Florentinum*, which had strong traditions of teaching Greek Literature, it was taught in the University of Padua, Rome, Ferrara and Bologna. Greek Literature was studied in Milan, where there was no university. It was taught there in private or in “court academies”, but the change in the political situation, as a rule, seriously affected the prospects for such studies. In Venice Greek lessons were given both in private and in public schools (for example, in Scuola di San Marco). Messina, despite the early established Chair of Greek Literature, became a well-known center for its study thanks to Constantine Lascaris’ activities. At the initiative of Pope Leo X a Greek College (Gymnasium Caballini montis) was opened in Rome. Finally, the Renaissance rulers invited Greek tutors for themselves and their children. However, Greek in the West remained the language of elite culture. The field of its use, unlike Latin, was mainly limited to the study of Greek Literature. Despite the efforts of Greek scholars and their Italian colleagues (as well as other European ones), Greek did not become the full valuable part of the

Western School's curriculum of that period.

At the same time, for the Greek world of the 15th century, it was one of the most dramatic periods in its history – from the search for ways to save statehood to the total loss of independence under the Muslim rule. Internal and external shocks seriously affected the intellectual life of the Greek East. The search for better conditions to apply knowledge and at the same time fears for own safety made a lot of educated people to leave their homeland for the Catholic West, or at least for both ethnically and spiritually closer territories of Latin Romania.

Although the Turkish conquests became the cause of larger numbers of people's migration who were of different nationalities, it was the history of the Greek "exodus" that its cultural and intellectual component was very clearly manifested: on the one hand, the outflow of educated people had a detrimental effect on Byzantine education and, on the other hand, as a result of that process favorable conditions were created to transmit Greek cultural heritage to Western humanists at the most appropriate time for it.

In historical studies Greek scholars in foreign lands are often referred to as "exiles" or "refugees". The origins of this tradition, undoubtedly, go back to the humanists themselves. However, the tragic image of unfortunate exiled scientists is not applicable to all Greek emigrants. Part of them came from the territories that were outside the Ottoman possessions and were relatively safe. The island of Crete, a Venetian colony, closely connected with the metropolis, took a special place in this regard. Not all the Greeks who had arrived in the West remained there. Some of them returned to Greece for various reasons, such as Demetrios Castrenos or Harmonios of Athens. Finally, some Greek scholars, who had a significant impact on humanists, were not emigrants. So Manuel Chrysoloras, who is sometimes regarded as the early participant of the Greek "exodus", looked more like a permanent diplomatic representative or resident of Byzantine emperor in the West. Neoplatonic philosopher George Gemistus Pletho was in Italy only during the Council of Florence.

Besides the general instability caused by the Turkish invasion, among the reasons making the Greeks move to the West there were also quite pragmatic considerations related to the improvement of financial state, the continuation of education and certainly personal ambitions. At the same time, the demand for “intellectual services” of Greek scholars was rather limited and, in order to get a profitable offer or work, it was necessary to enlist the invitation or petition from influential people, who determined the future of many emigrants. The perception of increasing number of Greek scholars was also affected by the Italians. Along with the positive or neutral attitude to the Greeks from the side of their students and colleagues, one can find in some humanists’ letters and writings the disparaging word “Graeculi” (little Greeks or contemptible Greeks), often with a set of offensive antique ethnic stereotypes.

Interest in the history of Greek studies appeared already in the Quattrocento. Constantine Lascaris in the Introduction to his grammar singled out the arrival of Chrysoloras, the Council of Florence as key events, and named some compatriots who had taught the language in various Italian cities. Italian historians and biographers of the 15-16th centuries included some of the Greek scholars among famous and illustrious figures of the Renaissance. Even then it was quite obvious that without understanding their role in the history of the humanist movement, its picture would be incomplete and largely depleted. The contribution of Greek scholars to the Italian Renaissance culture is measured not only by certain quantitative and qualitative indices, but also by influence on the spirit of the age, its images, moods and experiences. Their participation in both preservation and transmission of Greek texts (search, copying, editing and printing) is the most noticeable, but at the same time it is difficult to call them merely translators of the Greek cultural heritage. When working on texts renewal and correction, they were following the way of developing more advanced methods of textual criticism. As translators, they not only opened up a wider access to the Greek Literature treasures for the Western reader, but

also comprehended the questions relating to the translation technique. In their treatises and lecture courses they popularized, explained and interpreted the monuments of Greek theological, philosophical, scientific thoughts and literary writings. Together with the Western Hellenists, they persistently convinced their contemporaries that only the harmonious union of Greek and Latin Literature was able to form a fully developed personality. Being rooted in the consciousness of the 16th century humanists, this idea formed the basis of classical education system. Therefore, it would not be an exaggeration to say that Greek scholars contributed to the expansion of classical studies range in Italy and influenced the formation of special intellectual and cultural atmosphere of the Italian Renaissance.

The book consists of five chapters. The first chapter deals with the problem of the Greek's emigration to the West. The book figures out the main reasons giving rise to this process; reviews the history of emigrant communities occurrence in Italy; pays attention to the projects for the creation of Greek settlements in Siena and Lazio; touches upon the theme of patriotism and national identity of Greek scholars in Italy. The study of the Greek language in Italy is being discussed in the second chapter. The author tackles the problem of Greek language teaching methods; devotes attention to the analysis of Greek grammars in the West; examines the main centers of teaching Greek Literature; and also highlights the activities of the most famous Greek teachers in Italy. The third chapter is concerned with the concept occurrence of both humanistic translation theory and translational activity of some Greek translators. The fourth chapter examines the process of searching, preserving and distributing of Greek texts. The focus of attention is the creation of large book collections, including cardinal Bessarion's library; the work of Greek copyists; the appearance of the Greek press and Greek scholars' participation in its activity. The fifth chapter is devoted to the study of Greek intellectuals' contribution to the humanistic thought of the Italian Renaissance.

Научное издание

Павел Александрович Рязанов

Греческие интеллектуалы и
гуманистическая культура Италии
конца XIV – начала XVI века

Монография

Печатается в авторской редакции

Подписано к печати 25.09.2023 г. Формат 70 × 90 1/16.

Усл. печ. л. 30. Тираж 100 экз. Заказ № 44

Отпечатано в ООО «Издательство «Автор»

ИНН 5259049690 ОГРН 1065259035632

603140, г. Нижний Новгород, пр-т Ленина, 15/1